

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ

Annotation

Вор и герой — понятия несовместимые? Как бы не так! Когда приходится делать нелегкий выбор между топором палача и Заказом на небольшую прогулку в мрачные могильники эльфийских лесов, трезвомыслящие люди выбирают топор палача, а герои, такие, как Гаррет, решают бросить кости и, надеясь, что выпадут шестерки, рискнуть.

Ведь всего-то надо пробраться в заброшенную башню Ордена, надуть парочку злобных демонов, избавиться от наемных убийц, подставить воровскую гильдию, выйти из десятка кровавых стычек... ну и доехать до этих тьмой проклятых могильников вместе с небольшим отрядом отчаянных королевских рубак. Стоит ли говорить, что такой Заказ просто невозможно выполнить?

- [Содержание](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глоссарий](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

Содержание

Алексей Пехов

Крадущийся в тени

*Спасибо Павлу Костину и Аномалии. Без их помощи
эта книга никогда бы не увидела свет.*

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ СИАЛТЫ

- ① Одинокий великан
- ② С'у-дар (Ледяной перевал)
- ③ Зам-Да-Морт
- ④ Поле Сорна
- ⑤ Спорные земли
- ⑥ Рачья Лапа
- ⑦ Пограничное Королевство

ЗАПАДНЫЙ
ОКЕАН

МОРЕ
СПРУТОВ

о. Дракона

Глава 1

Ночь

Ночь — лучшее время для таких, как я. Я выхожу на улицу, когда обычные люди уже спят в теплых постельках и лишь немногие запоздавшие жители Авендума спешат домой, рассекая июньский мрак. Ночь. Тишина. Лишь шаги ночных патрулей городской стражи гулким эхом бьются о стены домов, а затем разносятся по темным и умершим до утра улицам города.

Стража идет быстро и торопливо, едва ли не вприпрыжку, в самых темных переулках срываясь на бег. Ребята опасаются нарваться на неприятности, и я вполне понимаю наших нахрабрейших служителей закона. Нет, они не боятся людей — стражников много, и безумца, набравшегося достаточной наглости, чтобы броситься на них, ждут тяжелые алебарды. Стражники опасаются другого — кроме людей, скрывающихся в тени каменных зданий, есть иные существа, выходящие в это беспокойное время на ночную охоту. И тогда Сагот помощи страже, если эти твари слишком проголодаются.

Ночная тень является убежищем для всех: для мирных горожан, в страхе прячущихся в ней от опасных людей; для грабителей, которые сидят в тени, скрывая ножи под плащами, ожидая добропорядочных граждан; для существ, которые живут в тени и охотятся по ночам на тех и на других.

К счастью, с демонами, появившимися в городе после того, как Неназываемый и его многочисленные прихвостни зашевелились после веков покоя в Безлюдных землях^[1], я ни разу не встретился.

Шаги стражников, недавно прошедших мимо меня, затихли на соседней улице. По приказу барона Фраго Лантэна, начальника городской стражи Авендума, столицы нашего славного королевства Валиостр, все патрули усилены втрое. То, что сдерживало Неназываемого в Безлюдных землях, слабеет, и он скоро ворвется в наш мир из покрытой вечными снегами ледяной пустыни. Война близится, как бы Орден магов^[2] и многочисленные жрецы храмов ни пытались ее оттянуть. Это вопрос времени: полгода, ну может быть, год — и настанет то, чем так пугали нас в детстве. Неназываемый соберет армию, придет из-за Игл Стужи, и начнется ужас... Война близится, и даже в столице можно нарваться на осмелевших приверженцев Неназываемого. И я не уверен, что Дикие

Сердца у Одинокого Великана^[3] смогут сдержать полчища огров и великанов.

Тихо, так тихо, что слышно, как мотыльки цепляются хрупкими крылышками за ночную прохладу. Пора уже отправляться по своим делам, стража давно прошла, но я сегодня что-то слишком осторожничаю... Некое необъяснимое чувство заставляет меня задержаться возле стены здания, погруженного в тень.

Тень — моя подруга, моя любовница, моя напарница. Я прячусь в тени, я живу в ней, только она всегда готова принять меня, спасти от стрел, злобно сверкающих в лунной ночи клинков или от кровожадных золотых глаз демонов. Тень, как говорит добрый жрец Сагота брат Фор, когда хватит лишку во время наших редких встреч, тень является сестрой тьмы. А от тьмы недалеко и до Неназываемого. Чушь! Неназываемый и тьма? Абсолютно разные вещи, это все равно что сравнивать огра и великана. Тень — это жизнь, тень — это свобода, тень — это деньги, тень — это власть, тень — это репутация. Уж Гаррет-тень знает об этом не понаслышке. Тень появляется только тогда, когда существует хотя бы крупца света, так что сравнивать ее с тьмой по меньшей мере глупо. Но моему старому учителю я, естественно, это не говорю. Яйца курицу не учат.

На узкой ночной улочке с каменными домами, заставшими Тихие времена, не раздавалось ни звука, лишь поскрипывала жестяная вывеска над лавкой булочника от гуляющего по крышам города слабого ветерка. Медленный серо-желтый ночной туман, которым славилась наша столица (говорят, фокус какого-то мага-недоучки прошлого, от которого не могут избавиться и поныне все архимаги королевства), застилал мощенную грубым камнем и избитую телегами мостовую.

Тихо.

Тихо, словно в склепе богатея, после того как его навестила стая мелких городских воришек. Скрипит вывеска, гуляет ветерок, медленно и лениво плывут облака по ночному небу. Но я все еще стою, слившись с тенью здания и стараясь не шевелиться. Интуиция и мой житейский опыт заставляют вслушиваться в тишину ночного города. Ни одна, даже пустынная, улица не может быть такой тихой. Особенно эта, где живут только одни лавочники. В ночи должны быть звуки. Крысы, шуршащие в мусоре, храпящий тут же пьяница, которого уже успели почистить карманники, прежде чем забиться в какую-нибудь щель на ночь. Храп из окон седых домов, крадущаяся во тьме грязная собака. Тяжелое дыхание новичка-разбойника, в ожидании своей жертвы застывшего во мгле с

зажатым в потной ладони ножом. Шум в лавках и мастерских — даже по ночам в некоторых из них кипела работа. Ничего этого не было на темной узкой улочке, укутанной в перину тумана. Ничего, кроме тишины и мрака.

Ветерок сильнее загулял в крышах старых зданий, и тяжелые серые облака понеслись по небу, словно стадо больших пушистых овец, обнажая небесный купол. Беспечный гуляка-ветер ласково трепал волосы, но я не смел накинуть даже капюшон.

Сагот! Что же это?

Как бы отвечая на мою молитву, славный бог всех воров дал ушам больше чуткости. Шаги. Торопливые шаги человека, которые не смог приглушить даже туман, расползающийся серо-желтой накипью над каменной мостовой. В соседней выемке, располагающейся на стене здания напротив, я заметил мимолетное колебание во тьме.

Кто-то прячется? Я всмотрелся в чернильную ночь. Нет. Показалось. Слишком волнуюсь в ожидании несуществующих неприятностей, старею, наверное. Чья-то требовательная рука удержала меня на месте, как бы говоря: стой, обожди, еще не время. Х'сан'кор меня сожри! Что же происходит на тихой темной улочке ремесленников?

Шаги между тем раздавались все громче и громче. Человек шел с улицы, куда пять минут назад свернула городская стража. Я замер и постарался слиться с тенью. Опасность ленивым призраком кружила надо мной.

Человек показался из-за поворота улицы и быстрым шагом, переходящим в бег, направился в мою сторону. Дурак или храбрец, если один шастает в темноте? Скорее всего, первое — храбрецы долго не живут в нашем мире. Хотя дураки тоже, если они не шуты нашего славного короля. Какое неотложное дело заставило выйти его на ночную улицу, где даже масляные фонари не горели? Попробуйте найти фонарщика, который высунет в это время нос в кромешную тьму. Это ведь не Тихие времена, когда ребенок спокойно мог пройти в самую глухую ночь из одного конца Авендума в другой и с ним ничего бы не случилось.

Человек приближался. Высокий, хорошо, можно сказать богато, одетый, рука лежит на рукояти приличного меча. Служит важной шишке, наверное.

Облака снова напозли на небо, закрыв своим телом выступившие на небе звезды, и к полной тьме добавилась тьма кромешная. Я уже не смог разглядеть лица спешащего человека. Он поравнялся со мной и даже не заметил тихо стоящую в тени тень. Если бы я захотел и протянул руку, то снял бы у него с пояса пузатый кошелек. Но я не мелкий карманник, чтобы

падать так низко, времена молодости давно канули в Лету, да и судьба подсказывала, что сейчас не стоит не то что дергаться, а даже глубоко дышать.

В нише напротив тьма вновь пришла в хаотическое движение, вскипая и клубясь черным цветком смерти, и я замер, леденея от ужаса. Из тьмы вырвалась Тьма, приняв обличье крылатого существа — демона с рогатой головой-черепом, на которой сияли алые узкие глаза, и, как лавина с Гор карликов, упала на спешащего человека, придавив его своим внушительным весом. Человек издал вопль раненой кошки, попытался выхватить бесполезный меч, но тьма смяла, всосала, поглотила ночного путника, и существо, кем бы оно ни было, взмыло в ночное облачное небо, унося с собой свежее мясо, а может и душу. Угольно-черный силуэт на миг мелькнул в облачном ночном небе и исчез.

Я старался успокоить дыхание. Тварь не заметила того, кто все это время находился напротив нее, но если бы я шевельнулся, если бы я хоть на миг шевельнулся или хотя бы задышал чуть громче, то она бы бросилась на меня из ниши здания, где поджидала легкую добычу. Повезло. В очередной раз мне очень повезло. Удача вора — женщина капризная, в любой миг может отвернуться, но, пока она со мной, я могу заниматься своим воровским ремеслом.

В темном углу соседнего здания тихо пискнула крыса, за ней другая, в небе, охотясь за припозднившимися июньскими мотыльками, пролетела летучая мышь.

Опасность миновала, можно продолжать путь. Я отделился от стены и, стараясь держаться наиболее темных участков улицы, двинулся дальше. Ничто не говорило о случившемся несколько минут назад. Улица была молчаливым и единственным свидетелем ночной охоты демона.

К счастью, луны не было, пушистые облака вновь напозли и спрятали от города звезды, поэтому тени было сколько угодно. Быстрым шагом, не издавая сапогами ни единого звука, я перемещался от здания к зданию, из тени в тень. Улица Пекарей осталась позади, я свернул в переулок направо. Здесь туман был гуще, он обволакивал меня мягкими лапами, глушил шаги, скрывал от глаз людей и нелюдей.

В тени по соседству раздалось шушуканье. Я замер, всматриваясь в серо-желтую мглу. Воры. Молодые щенки, куда вам до мастера! Поджидают ночного гуляку или готовятся почистить спящих горожан? Зелены. Слишком шумят, слишком неопытны. Воры-профи переговариваются жестами, не издают шума даже в такой ночи, когда густеющий липкий туман гасит все звуки. Я проскользнул рядом с ними, а

воришки даже не заметили тень. Тень в тени сложно увидеть неопытному глазу. Возникло дурацкое детское желание выскочить из тумана и громко сказать «Бу!» им в лицо. Но вполне можно нарваться на случайный нож, тем более что нечего пугать молокососов.

Темный переулочек кончился, и нависшие мрачные стены домов, выдавших в этом мире и радость и горе, резко разошлись в стороны. Я посмотрел на небо. Ветер все-таки разогнал ленивые облака, и небо превратилось в скатерть, на которой богатеи рассыпал монеты. Сотни и тысячи звезд мерцали мне с неба этой холодной летней ночью. Светло, как днем.

Здесь горели одиночные фонари. Как-никак я находился на одной из центральных площадей города, и фонарщики, несмотря на свой страх, были обязаны выполнять свою работу. Пламя фонарей, закованное в стеклянные колпаки, разбрасывало вокруг себя пятна дрожащего света, и хаотичные тени молчаливо плясали на стенах угрюмых домов. Это плохо, надеюсь, что погонщик-ветер снова приведет серых пушистых овец на небо, а пока придется держаться тени, жмущейся к стенам высоких зданий, которая стала бледной и пугливой от вездесущего света.

Я стоял на большой площади Грока. Сам Грок находился в ее центре, безмолвно глядя на меня всевидящими глазами. Грок был, кажется, полководцем, спасшим наше королевство от нашествия орков, или каким-то королевским советником в далекую седую старину. Теперь он в виде бронзового памятника стоял посреди площади, на которой раньше в ночное время всегда было полно народу. Высокий человек в плаще, вот уже которую сотню лет стоящий на тумбе посередине мелкого круглого бассейна с черной проточной водой.

Сразу за памятником находилась цель моей ночной прогулки.

Гигантское и нелепое каменное здание. Большой дом, окруженный высокой зубчатой стеной, сложенной из огромных каменных блоков, добытых в Горах карликов, во времена, когда эта раса была более дружна с людьми. Дом с четырьмя огромными окнами, нелепыми зеркальными стеклами в этой самой стене, в которых отражаются небо и звезды. Полная безвкусица и уйма деньжищ, но с кронгерцогом^[4] Патийским надо считаться. Он был кузеном короля, ответственным за королевскую казну, поэтому на его причуды в архитектуре закрывали глаза. Правда, были еще пристрастия вроде любви к молоденьким мальчикам, но об этих маленьких слабостях сплетники старались не распространяться, иначе в один прекрасный день можно обнаружить у себя под лопаткой нож.

Король пока терпел причуды родственничка. До поры до времени. Его

величество, по слухам, не очень-то благоволил к людям, тратящим казну направо и налево.

Двадцатиметровая стена дома плавно переходила в две высокие круглые башни со срезанными вершинами. В левой башне располагались семиметровые ворота с тяжелыми деревянными створками, обитыми листовым железом, в которые спокойно могли бы в ряд въехать четыре всадника. Но мне не сюда. Эти ворота только для приглашенных гостей.

Я быстро перебежал освещенную площадь и замер в тени колонн здания, находящегося слева от памятника. Городская библиотека. Или королевская. Кому как больше нравится.

Библиотека была местом паломничества магов Ордена и историков. Иногда даже дворяне приходили сюда набраться ума, но уж слишком редким было их появление в этих стенах. Те дворяне, кто хотел набраться ума и знаний, отправлялись сразу в Ранненг — город знаний. Высокие колонны библиотеки с искусной резьбой устремлялись высоко вверх, отбрасывая непроницаемую тень.

Площадь, как и все улицы города, была пуста. Даже бездомные и самые нищие из нищих постарались зарыться глубоко в щели трущоб Портового города, стремясь пережить ночь, переждать до утра.

Неназываемый пробуждается. Ночь опасна. Только чистильщики домов и сокровищниц богатеев на работе. Да и то не все, а самые ловкие и смелые, или самые жадные, или самые глупые. Таких не пугает эта июньская темень. Разве что стража галопом пробежит по улицам, отчаянно вращая головами и втягивая их в плечи при каждом шорохе в тени. Страшно. Действительно страшно. Незримые пальцы страха сковали ночные улицы города. И даже слухи среди жителей Авендума, что Орден делает все возможное, чтобы уничтожить демонов, не могли избавить людей от страха перед подступающей тьмой.

Ладно, нечего торчать на площади, пора и делом заняться. Я посмотрел на цель ночной миссии. Казалось, что замок кронгерцого вымер. Стражников не было ни у ворот, ни на стенах. Небось сидят в караулке и стучат зубами. Я их вполне понимаю, сам бы сидел в своей берлоге, если бы не Заказ.

Это задание свалилось на меня нежданно-негаданно. Один человек дал Заказ на некую вещь, хранящуюся в замке кронгерцого. Платил заказчик хорошо, даже замечательно. С такими деньгами я два месяца смело мог бы бить баклуши. Нужно просто войти в дом, взять вещь и выйти, тем более что герцог уехал со своей свитой на охоту в пригородные леса. Говорят, охота на оленей поднимает настроение в это сумрачное

время. Риск растревожить осиное гнездо был велик, но, когда осы поймут что к чему, меня в гнезде уже давно не будет.

Как все просто на первый взгляд. Войти и выйти из замка. Ну что ж, попробовать можно, но не стоит зарываться.

Я внимательно ощупал снаряжение и одежду, в который раз за ночь проверяя, все ли взял с собой. Серый камзол с капюшоном, серые перчатки, черные брюки и сапоги. Большой и хорошо зафиксированный на бедре двумя кожаными ремешками, чтобы не болтался во время бега и не мешал двигаться, обоюдоострый нож. Можно сказать — короткий меч, чуть меньше локтя в длину. Я отдал за него кучу золотых. Окантовку лезвия клинка покрывала серебряная полоска. Можно было рискнуть и затеять драку с зомби, да и с любым другим восставшим после смерти. Мне вполне могло повезти в такой схватке, и я ушел бы пусть с оторванной рукой, но живой. Этим же ножом, а точнее его тяжелой рукоятью, можно было изловчиться и стукнуть по затылку ретивого стражника или другого неугомонного деятеля, которому не спится по ночам. Не тот мастер-вор, кто режет горло страже, поднятой по тревоге, а тот, кто бесшумно пришел, взял вещь и так же тихо ушел, оставив после себя как можно меньше следов, а следовательно, и трупов.

За спиной у меня висел миниатюрный легкий арбалет, свободно помещающийся в одной руке и нисколько не стесняющий движений. Арбалет стрелял короткими толстыми болтами с четырехзубыми стальными наконечниками. Но не только ими. В магической лавке можно купить и другие болты. Хоть зажигательные, хоть еще какие. Нужны только деньги. Большие деньги. При должном умении из этого малыша-арбалета можно попасть в глаз человеку с семидесяти шагов. Им, как и мечом, я пользоваться умел.

В мягкой маленькой сумке из телячьей кожи, висящей на поясе, лежало несколько пузырьков на крайний случай. Знакомый торговец-карлик содрал за них все деньги, добытые мной после грабежа на приеме в доме у одного городского повесы, но эффективность магических штучек вполне оправдывала ту цену, которую я заплатил.

Все. Больше тянуть нельзя. Вперед!

Если бы стражники находились на стенах дома кронгерцога Патийского, то, посмотрев вниз на туманную ночную улицу, они бы вообще ничего не увидели, кроме серых камней и тумана, разорванного в нескольких местах ветром, играющим в пятнашки с тенями на площади. Бегом, стараясь все время держаться стены здания библиотеки, я устремился к дому герцога. Обежав лицевую сторону дома, я пронесся по

одной из отходящих от площади улочек. Все та же серая зубчатая стена (правда, слава Саготу, уже без уродливых окон) размытым пятном мелькала справа от меня. Вот и маленькая и почти неприметная для уличных прохожих серая железная калитка для слуг, ведущая в святая святых герцога.

Свет падал на стену, и тени здесь не было. Я абсолютно открыт, я как на ладони Сагота, и если бы мимо проходили люди, то они непременно заметили бы человека возле стены. По счастью, улочка была пуста, а патруль должен был пройти здесь только через несколько минут. Вполне могу успеть.

Я извлек из-за пояса набор отмычек, сделанных карликами по специальному заказу. Это только рядовые обыватели думают, что мастером-вором быть легко и дешево. Вранье. Чтобы что-нибудь украсть, самое главное — снаряжение, а потом уже информация.

Тысяча демонов! Совсем забыл о такой маленькой и простой вещице, как талант. Без него много не украдешь, даже имея товар всех лавок улицы Искр.

Я копался отмычкой в дверном замке, стараясь нащупать пружину. Тихо щелкнуло. Ага. Первый секрет.

В начале светлой улочки раздалось цоканье лошадиных копыт, и я заработал быстрее, у меня всего полминуты, не больше, перед тем как из-за угла появятся всадники. Щелчок. Второй секрет. Я отчаянно вращал отмычкой, стараясь нащупать последнюю пружину. Проклятый замок карликов! Умеют, недомерки, делать! Пять секунд! Я выдернул отмычку из щелкнувшего замка — все пружины встали на свои места — и быстро устремился в тень, на противоположную сторону извилистой улицы.

Вовремя. Из-за поворота появились люди на лошадях. Двое, трое, пятеро, семеро. Ого! Тринадцать! Счастливое число! Люди на высоких конях доралисской породы^[5]. Темные силуэты на сером фоне ночи. Цоканье копыт громким эхом раздавалось меж спящих домов. Я замер в тени, натянув капюшон на голову и стараясь, чтобы глаза не блеснули в свете звезд.

Десять воинов, серо-синие мундиры, правая рука на мече, левая держит поводья. Одиннадцатый всадник на изящной пегой кобыле — женщина. Ее лицо я так и не смог рассмотреть — его скрывала плотная вуаль. Двое воинов, ехавших сразу за женщиной, прятали лица под забралами шлемов.

Из ноздрей лошадей валил пар; когда они проходили мимо меня, одно из животных всхрапнуло, но стражник дернул поводья, и кавалькада

двинулась дальше по улице. (Интересно, что делают гвардейцы короля и неизвестная женщина на ночной улице? Не мое дело. Дольше проживу, а то найдут Гаррета-тень с перерезанным горлом в Холодном море.) Сразу за тринадцатью всадниками, с интервалом в минуту, проскакал отряд еще из десяти человек. Видно, эти прикрывали первых. Одежда на них была обычная, а не серо-синяя гвардии короля, как у предыдущих воинов. У одного я заметил на рукаве пурпурную нашивку. Дикие Сердца. Эти-то каким образом оказались так далеко от Одинокого Великана?

Я подождал, пока всадники скроются на другой улице, и снова направился к калитке.

Внутренний двор дома был тих, темен и пустынен. Окна в гнездышке герцога горели только на кухне и на третьем этаже.

Съежившаяся от ночного холода трава полностью заглушала мои шаги. Июньская ночь была слишком холодна для сверчков, так что во внутреннем дворе висела тяжелая длань тишины.

Вот и дверь на кухню. Дрожащее и робкое пламя факела, колеблющееся на июньском ветру, коптило стену возле входа. Я мягко повернул бронзовую дверную ручку, и дверь отворилась. Они тут совсем с ума посходили, если не запирают двери на ночь! Совсем герцог распустил слуг и стражников. Надеюсь, что после сегодняшней ночи и последующего за ней нагоняя они будут более расторопны.

Котлы и камины кухни были потушены, лишь несколько факелов на стенах освещали огромную залу мерцающим оранжевым светом. Столы с неубранной и грязной посудой, столовая утварь, спящий прямо на столе маленький поваренок. Намучился за день, бедняга. Так, так. Нужно посмотреть, чем кормят герцога. Ум-мм-м. Неплохо. Я тоже так хочу ужинать.

Я остановился в уголке и стал сверяться с планом, который находился у меня в самом надежном месте — в голове. Вон та дверь приведет меня в обеденный зал с высокой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж. Но не стоит светиться, есть обходной путь. Дубовая дверь направо, ведущая в крыло слуг, из которого я могу попасть на второй этаж, минуя любую стражу. Правда, стражники, насколько я знаю эту породу, уже спят, час поздний, но все же нечего рисковать понапрасну.

Дверь, полутемный коридор с факелами, горящими через один. Тень есть, если что, спрячусь у стены или на худой конец нырну в какую-нибудь комнату. Я аккуратно (под ногами скрипел рассохшийся пол) пошел по коридору. За дверью справа раздавался храп здорового и довольного жизнью человека. Точно, стражник, только они способны выводить такие

многообразные коленца, да еще так громко! Посмеиваясь, я двинулся дальше. Как можно медленнее и тише. Спешка тут не нужна.

Коридор поворачивал под прямым углом. Я проскользнул за угол и столкнулся нос к носу с пареньком-служгой, который нес на кухню поднос с грязной посудой. Поднос, естественно, перевернулся, и вся кухонная утварь с грохотом посыпалась на пол.

Сагот! Везет, как гоблину, попавшему в лапы к оркам!

Паренек отскочил, удивленно посмотрел на темный высокий силуэт, с которым только что столкнулся, и, издав вопль полузадушенного щенка, рванул от меня по коридору.

— Воо-ор! Уби-ийца!

Х'сан'кор меня сожри!!! Он так весь дом разбудит!

На бегу я выхватил клинок и устремился за служгой. Догнать его удалось только в конце коридора — бегал парень отменно. Я, примерившись, стукнул его по затылку рукоятью. В этом деле главное не переборщить. А то вместо потерявшего сознание слуги будет покойник. Парень обмяк, и я подхватил его, не дав телу упасть на пол. Ну и что мне с ним теперь делать? Не оставлять же, в самом деле, в коридоре, вдруг какой-нибудь лунатик, которому не спится, наткнется на него?!

Держа парня под мышки, я осторожно толкнул ближайшую дверь. Пусто. Чудесно! Сунув бесчувственного слугу в шкаф, я аккуратно прикрыл за собой дверь комнаты. К утру оклемается, а если еще и умен, то будет молчать.

Угу. Вот и лестница, ведущая из крыла слуг к герцогским апартаментам. Подняться по ней было делом одной минуты, и вот уже передо мной тяжелые дубовые двери в крыло герцога. Естественно, заперто, но это уже дело техники.

Коридор этого крыла, как и все здание, был мрачен и пуст. Богатая отделка стен, мраморные статуи двенадцати богов в нишах, двери, ведущие в различные комнаты, и коварный пол из мраморных исилийских плит^[6], на которых шаги становились неестественно громкими и звонкими. Даже глухой на другом конце города услышит.

Проклятие! Если бы я умел летать! А мне нужно было пройти весь коридор — спальня в самом конце крыла. Пришлось применить все отпущенное мне Саготом мастерство, чтобы не шуметь. Дверь спальни, маячившая вдалеке, тихонько приближалась.

За спиной послышалось взрыкивание.

Я вздрогнул и замер, не донеся ногу до черно-белой мраморной плитки. Осторожно повернул голову, ожидая увидеть за спиной тридцать

три тысячи демонов тьмы. Их, к счастью, там не было. Всего лишь один гарринч. Он уставился на меня белесыми глазами с весьма понятными намерениями.

И ведь подошел как бесшумно! Даже звенящий мрамор его не выдал!

Внутренне я похолодел. Гозмо, когда вручал мне Заказ, ничегошеньки не сказал про то, что в доме герцога живет такая тварь. Вот вляпался!

Гарринчи обитали далеко на юге, в степях Унгавы, почти на границе с жарким Султанатом. Эти существа были великолепными сторожами домов, особенно от таких, как я. Добыть живого детеныша гарринча было непомерно трудно, почти невозможно, поэтому их цена была просто огромной. Говорят, сокровищницу короля охраняют две такие твари.

Зверь снова взрыкнул, вопросительно-настороженно уставившись в тень, где я замер. Большая, ростом с теленка, крыса со змеиной чешуей вместо шерсти, великолепным набором зубов, способных распилить рыцаря в броне, и двумя белыми глазами-буркалами. Убить ее крайне сложно, если, конечно, вы не маг.

Гарринч все так же настороженно смотрел на то место, где я потихоньку обливался потом. На мое воровское счастье, тварь, видно, только что подошла и не успела заметить меня в тени. Зверь подумал с минуту, еще раз всхрапнул, чувствуя подвох, но не понимая, куда могла деться эта осторожно крадущаяся тень, и медленной косолапой походкой направился в сторону открытой двери, ведущей в крыло слуг. Вот будет утрот веселья, когда недосчитаются парочки стражников!

Обычно дверь в крыло слуг заперта, чтобы тварь, которую, скорее всего, выпускали на ночь для патрулирования этажа, никого не съела. Но я беспечно оставил дверь открытой и немного опасался за здоровье ничего не подозревающих спящих. Впрочем, может, у слуг есть амулет от гарринча?

Я еще раз перевел дух и убрал палец со спускового крючка арбалета, который как будто сам по себе оказался в моих руках. Пронесло. Но надо быть настороже, тварь может в любой момент вернуться, не насытившись стражниками.

Из-под двери спальни герцога выбивался тоненький лучик света. Странно.

— Чушь! Я верен Хозяину! — раздался резкий визгливый голос за дверью.

Герцог? Какого рожна он дома, а не на охоте?

— Верен? — От этого голоса по моему телу пробежали мурашки. В нем не было ни капли жизни. Могильный холод вперемешку со злой

насмешкой. — Странно. Если это так, то почему же король до сих пор не бросил дурацкую затею насчет Рога?

— Его проклятая гвардия и Алистан Маркауз! Король под присмотром круглые сутки! Капитан гвардии что-то подозревает! Я не могу поговорить с королем наедине! — Мне слышались нотки страха.

— Мой Хозяин не привык, когда его приказы не выполняются. — Все такой же холодный и безжизненный голос.

— А я не привык к тому, что мне не дают то, что уже давно обещали! — Человек сорвался на крик.

Я закрыл глаза. Ошибка. Человек допустил большую ошибку. Он ведь не со слугой разговаривает. Так с обладателем такого голоса не разговаривают.

— Хорошо. Сейчас ты получишь свою плату, — чуть помедлив, как будто вслушиваясь в только ему понятный приказ, произнес мертвый голос.

— Постой, постой, я прошу... А-а-а-а!!!

За дверью раздалось мерзкое хлюпанье.

Меня как будто кто-то толкнул в спину. Мне бы отсидеться, переждать, пока неизвестный уйдет, но я не вытерпел и с арбалетом наперевес ворвался в спальню герцога.

Огонь в камине тускло трепетал, дрожащее пламя не могло осветить гигантское помещение спальни и выхватывало лишь отдельные картинки. Но я прекрасно видел сидящего в высоком красном кресле герцога Патийского с искаженным от ужаса лицом и разорванным горлом. Из рваной раны веселыми толчками ритмично вырывалась кровь.

На открытом окне я заметил темный крылатый силуэт ночного гостя. На миг я встретился с желтыми глазами, смотрящими на меня с холодной насмешкой и превосходством самой смерти, а затем мой палец сам нажал на спусковой крючок. Тетива сухо щелкнула, и тяжелый арбалетный болт ударил в спину спрыгнувшей с окна и уже расправившей крылья твари. Раздался тупой удар, как будто сталь карликов попала не в живое тело, а в мокрый ствол дерева. Существо беззвучно растворилось в ночи, по-моему, его несколько не расстроил болт в спине.

Пора делать ноги. Герцогу уже ничем не поможешь, а если застукают рядом с телом, то это — преступление против короны и долгие разговоры в пыточных подвалах Серых камней. Я схватил со столика золотую статуэтку собаки, за которой, собственно, и пришел, а затем бегом устремился к двери.

В начале коридора снова появился гарринч. Увидели мы друг друга в один и тот же миг. Тварь радостно взревела и огромными скачками

ринулась к новоявленному ужину. Я, не останавливаясь, закинул арбалет за спину и, сунув руку в сумку, выудил флакон с синей фосфоресцирующей жидкостью. В нашем деле главное — хладнокровие. Когда гарринчу оставалась до меня пара прыжков, я кинул флакон прямо в его оскаленную морду.

Стекло лопнуло — и по физиономии твари растеклось синее облачко. Гарринч резко остановился, чихнул, а затем, забыв про меня, стал усиленно и ожесточенно тереть лапами морду. Я пробежал мимо него к выходу, в душе пожелав мерзкой твари избавиться от волшебной чесотки лет эдак через двести-триста.

Завтра весь город будет бурлить, и мне лишнее внимание теперь не нужно. Вообще, стоит получить деньги за Заказ и залечь на дно на пару месяцев.

Миниатюрный дом-дворец ныне покойного герцога Патийского маячил у меня за спиной. Заказ я выполнил и теперь направлялся к себе в берлогу, молясь Саготу, чтобы никого не встретить...

Глава 2

Неожиданные встречи

Вечерние сумерки упали на оживленный Авендум, заставляя жителей города пошевеливаться. Люди и нелюди спешили, стараясь закончить все дела до наступления ночи, которая должна была прийти в город через два-три часа. Поэтому в узеньких тесных кварталах и извилистых улочках Портового города жители пытались схватить последние часы свободы, перед тем как ночь разгонит их по домам.

Вот суетливо пробежали несколько женщин, крепко прижимая к себе корзинки с нераспроданной снедью, вот с гиканьем и свистом, взметая грязь, пронеслась пара молодых в стельку пьяных дворян на горячих конях, заставляя прохожих вжиматься в стены и гневно грозить всадникам кулаком в спину. Вот толстый лавочник отвешивает подзатыльник мальчишке-подмастерью, чтобы он порасторопнее закрывал ставни лавки, а не глазел на городских стражников, печатающих шаг по грубой каменной мостовой, давая понять жителям, какие они храбрые защитники. Знаю, знаю. Две ночи тому назад сам видел, как вы галопом носились по ночным улицам, молясь всем двенадцати богам, чтобы вернуться в караулку живыми и здоровыми.

Один из стражников, проходящих мимо, бросил на меня хмурый взгляд из-под своего рокантона. Я радостно ему улыбнулся, стараясь показать: смотри, мол, какой я вежливый и мирный человек. Стражник буркнул себе под нос что-то нелицеприятное на мой счет, покрепче сжал в руке алебарду и поспешил догонять товарищей. Я ухмыльнулся. Это всего лишь стража Портового города, она на все закрывает глаза, даже на человека, из-под плаща которого выпирают очертания миниатюрного арбалета, который, если честно, обычным гражданам в черте города носить строжайше запрещено. Обрати на меня внимание стража Внутреннего города, и я бы улыбочкой не отделался. Минимум две золотые монеты, чтобы служители порядка и справедливости забыли мое лицо до нашей следующей встречи.

Я тут все говорю — Внутренний город, Портовый город. Только житель Авендума сможет понять все эти названия столицы, протянувшей щупальца улиц и кварталов на огромную территорию в несколько лиг, а приезжий, естественно, не разберется и запутается. Так уж исторически

сложилось, что столица возникла на берегу Холодного моря, на севере Сиалы. С высоты полета дракона город представляет собой огромный треугольник. Своим основанием он упирается в свинцово-серое и суровое Холодное море, две другие стороны треугольника обнесены высокой угрюмой стеной, в которой через равные промежутки расположены мощные сторожевые башни. Имеется восемь городских ворот — по четыре на обеих сторонах треугольника. Третья сторона закрыта от врага морем и мощным фортом, в котором поставили пушки извечные враги карликов — гномы. Гномам не очень-то нравилось море, но любовь к золоту у них была посильнее, чем нелюбовь к соленой воде. Теперь форт надежно прикрывал город от врагов с моря, и мирануэхцы уже не решались напасть на своих корытах на десятипушечную серую громадину.

Говорят, в трех штурмах столицы, которые были в последние триста лет, ни одни ворота еще ни разу не пали. Вот только неизвестно, что будет, если армия Неназываемого, расправляющая плечи и выходящая из многовекового самозаточения в Безлюдных землях, попробует на свой огрский и великанский зуб нашу столицу сейчас? Да и ребята из Рачьего герцогства помогут нашим врагам. Ну что же, поживем — увидим, некоторые особо азартные, или ненормальные, уже делают ставки, сколько ворот устоит перед холодной яростью снежных огров и силой великанов тундры.

Возле самой стены раскинулся Пригород. Сотни маленьких домиков из дерева и камня, в которых ютятся те, кому не хватило места в городе или у кого просто нет денег и возможностей в нем поселиться. Сразу за воротами начинаются дома горожан со средним достатком, или Внешний город. За ним находится Внутренний город. Он обнесен дополнительной стеной (мне пару раз приходилось перелезать через нее, когда особенно ретивый патруль решал устроить старине Гаррету проверку в беге). Внутренний город — это сплошь дома аристократов, больших шишек и магов. В нем есть чем поживиться, но вероятность влипнуть в историю тоже велика. Именно во Внутреннем городе находится дворец короля. Со стороны моря во Внутренний город врезались город Ремесленников и кварталы Магов. Лавки, кузницы, дубильни, пекарни, магические магазинчики, библиотеки, храмы божеств и так далее. Возле самой кромки моря располагается Портовый город. Здесь расположен порт, куда приходили корабли со всего света. Также в этой части города есть улицы, куда не рекомендуется ходить без кольчуги и надежной охраны. Особенно по ночам. То, что я рассказываю, — это лишь малая часть, капля вина в море грязи, потому как в нашей столице еще сотня кварталов и мест. В одних живут только маги, в

других — карлики, которые не рассорились с людьми после того, как они заключили пакт с гномами. Есть также Закрытая территория, обнесенная высокой и пронизанной защитной магией стеной. Никто не знает, что за ней происходит.

Закрытая территория примыкает к Портовому городу. Она появилась в результате какого-то проклятия около трехсот лет назад. С этим проклятием не смогли справиться все архимаги королевства. Поняв, что все их хваленые огненные шары и прочая балаганная мишура ну никак не действуют на черное шаманство, маги взяли и отгородили проклятую часть города от других районов волшебной стеной. Ходили слухи об оживших мертвецах в Запретной части, да и о других страшных существах, но смельчаков, чтобы проверить эти рассказы, не находилось. По крайней мере, я о таких не слышал.

Ладно, хватит! Если я начну перечислять все достопримечательности любимого города, то мне времени и до ночи не хватит.

...Из какой-то боковой улочки вынырнули две тени и направились ко мне. У одной из теней в руке блеснул металл. Совсем мелкое ворье обнаглело — уже грабят в сумерки. Я остановился и повернулся к ним лицом. Тени замешкались, и одна, та, что была без ножа, вышла на свет и виновато развела руками.

— Прости, Гаррет, — произнес едва знакомый мне по «Ножу и Топору» тощий субъект. — Не узнали.

— Богатым, значит, мне быть, — как можно более хмуро произнес я и потянулся под плащ, к арбалету.

Потянулся театральным жестом, специально чтобы он видел. Несостоявшийся грабитель нервно сглотнул, еще раз извинился и скрылся со своим напарником в подворотне — искать более слабую жертву.

Я продолжил путь по Портовому городу, стараясь спрятать улыбку. Репутация — все же хорошая штука. Все не дружащие с законом граждане Авендума знают Гаррета-тень и даже если не видели, то хотя бы слышали о нем. После того как я прострелил ноги парочке уж очень ретивых любителей дармовых деньжат, грабить меня опасаются, хотя не исключено, что смельчак, решивший заработать себе имя на моем ограблении, рано или поздно найдется. Поэтому надо всегда быть начеку.

Я остановился возле старого и ничем не примечательного здания. Таких было полно в Портовом городе. Единственное, чем оно выделялось, так это вывеской. Вполне понятной всем вывеской — «Нож и Топор». Огромных размеров жестяной нож и топор висели тут же. Даже тупому доралиссцу понятно, какой контингент собирается в этом заведении. Я

толкнул деревянную дверь, погрузившись в людской шум и гам.

Трактир, в котором нашли приют мошенники и воры со всей столицы, будет работать всю ночь, в отличие от других заведений. Старый Гозмо, владелец трактира, знает, как зарабатывать денежки. Его не могут напугать даже существа в ночи, неизвестно откуда взявшиеся. (Хотя приход этих тварей и связывают с Неназываемым, но не только я глубоко сомневаюсь в этом слухе.)

Я кивнул двум вышибалам, стоявшим возле входа с дубинками на перевес, и пошел к стойке, лавируя между столами, стараясь проскользнуть как можно незаметнее, не привлекая внимания посетителей.

Некоторые личности смотрели на меня зло, исподлобья. За моей спиной раздавались шепотки. А вот это уже враги, знающие меня в лицо. Так, мелочь. Они либо завидуют моей счастливой звезде, либо был случай и мне довелось перебежать им дорогу. Пусть бормочут. Дальше шепота за спиной они не пойдут.

Наконец я пробрался между столами и кивнул Гозмо. Он сегодня самолично стоял за стойкой. Сутулый и старый прохиндей, тоже раньше любивший прогуляться по ночам в дома богатеньких жителей Авендума, теперь остепенился и открыл такое вот заведение, где относительно спокойно могли себя чувствовать не самые порядочные и чистые на руку личности. Тут ребята моей профессии отдыхали, искали новую работенку, покупателей и заказчиков. Хитрюга Гозмо не только создал отличное место для сбора всех работников ночи, но и нашел великолепный способ заработать немного денег.

— А-а-а... Гаррет, — сердечно поприветствовал он меня. Гозмо всегда был рад клиентам. Издержки новой профессии. — Давненько тебя не видел. Сто лет не навещал старика.

— Дела, дела, — произнес я, незаметным жестом толкая через стойку в руку сутулого трактирщика сверток со статуэткой.

Гозмо был хорошим наводчиком, и именно он подкинул мне Заказ на путешествие в усадьбу ныне покойного кронгерцога Патийского. Трактирщик ловко поймал сверток и так же незаметно, как и я, отправил мне в руку кошелек с обещанными двадцатью золотыми. Сверток уже схватил один из разносчиков трактирщика и, сунув его в грязную холщовую сумку, вышел из трактира. Понес товар заказчику.

Я отсчитал из полученного пять монет и отдал трактирщику.

— За что я тебя люблю, мой мальчик, это за то, что ты вовремя расплачиваешься с долгами, — весело произнес старый прохиндей, и я поморщился.

Ворую, конечно, чужие вещи, но вот расплачиваться с наводчиками приходится своим золотом, полученным за продажу именно этих вещей. Не то чтобы я был скрягой... Но вот остаться вместо двадцати золотых с пятнадцатью все же обидно, но я задолжал старому мошеннику за прошлое дело, так что он вполне справедливо снял с меня причитающуюся сумму.

— Ты слыхал, что милорд Патийский нежданно-негаданно помер два дня назад? — как бы невзначай спросил Гозмо, протирая пивные кружки и совсем не смотря на мое хмурое лицо.

— Да? — Я выразил свое искреннее удивление нежданной кончиной вполне здорового герцога, на котором могли пахать все крестьяне Валиостра и Загорья вместе взятые.

Гозмо это удивление ни капли не обмануло, но он все так же продолжал протирать кружки, как будто ничего и не случилось.

— Да, да. Его наутро нашли с разорванным горлом. А гарринч, охранявший его богатства, чесался и не обращал никакого внимания на людей.

— Правда? — изумился я. — Кто бы мог подумать, что там был гарринч. Мне вот лично о нем никто не говорил.

Трактирщик пропустил мой упрек мимо ушей. Он умел прикидываться абсолютно глухим, и, надо сказать, временами это у него великолепно получалось.

— Тебе как всегда? — спросил он.

— Да. Мой столик свободен?

Гозмо кивнул, и я направился мимо оживленно вопящих что-то пьяных аферистов, мимо поющей на сцене полуголой девицы в полумрак зала к одинокому столику. Сел спиной к стене и лицом к входу в заведение. Что поделать, привычка, выработанная годами. Сразу как по волшебству передо мной появилась кружка портера и тарелка с запеченным в сыре мясом. Что уж говорить, у повара Гозмо иногда случались просветления, и тогда он готовил, ничуть не уступая ребятам с кухни барона или герцога. Все это принесла очаровательная служаночка, которая весело мне подмигнула, но, увидев мою вечно хмурую физиономию, фыркнула и удалилась на кухню, сердито виляя пятой точкой и срывая восхищенные взгляды сидящих за соседними столиками.

Мне было не до ее неоспоримых прелестей, пора нырять на дно. Город бурлит.

На пятнадцать золотых крестьянин мог безбедно существовать чуть ли не целый год, но для меня эта сумма была не очень большой, а с работой в ближайшие два месяца следовало завязывать. Не ровен час все же кто-

нибудь свяжет смерть герцога и пропажу статуэтки, и вот тогда начнется охота по всему Авендуму за всеми ворами. И меня могут для довеска загрести. Если поймают, конечно. В способностях подчиненных Фраго Лантэна я сомневался. Я вообще был не самого хорошего мнения о страже.

Не успел я отхлебнуть из кружки густого пива, как передо мной вырос тощий бледный субъект. Он не церемонясь сел на свободный стул напротив меня. Лично я этого парня видел впервые.

— Я разве кого-то приглашал? — спросил я как можно безразличнее.

Тип мне не понравился сразу. Его бледность и худоба наводили на мысль о том, что это был вампир, но я конечно же ошибался. Вампиров не существует. Незванный гость был человеком. И был опасным человеком. Четкие уверенные жесты, ни одного ненужного или лишнего движения, глаза смотрят на меня холодно, пронизательно и оценивающе. А это говорит о том, что мой сосед крайне, просто крайне опасен. Я было хотел потянуться за арбалетом. Но раздумал. Мало ли что. Может, он просто решил поговорить о погоде? От незваного гостя не укрылось мое мимолетное напряжение, и он криво ухмыльнулся:

— Ты Гаррет?

— Все может быть. — Я пожал плечами и глотнул пива.

— Мне просили тебе кое-что передать...

— Неужели деньги? — как можно искреннее удивился я.

— Да нет. — Бледный не собирался вступать в словесную перепалку. — Я должен передать тебе, что Маркун недоволен.

— С каких это пор наемные убийцы передают сообщения главы гильдии воров? — резко спросил я, ставя на стол кружку. — Или гильдия убийц успела снюхаться с гильдией ночного братства?

— Это не твое дело, Гаррет. — Бледного ничуть не покорило, что я догадался, кто он такой. — Маркун последний раз предлагает тебе вступить в гильдию и платить взносы.

Эх, гильдии, гильдии! Король закрывает глаза на гильдию воров и на гильдию убийц. До поры до времени. Официальные власти не трогают эти сомнительные организации, пока они не зарываются и платят налоги. И надо сказать, в казну от гильдий идут огромные налоги. Просто огромные. Чуть ли не половина от заработанных ворами-убийцами денег. Потому я и не в гильдии. Зачем кому-то дарить деньги, заработанные почти что честным трудом? Хотя, например, в соседней Исилии эти гильдии запрещены. В тамошнюю казну и так течет золото от гномов из Стальных шахт.

— Мне жаль его огорчать. — Я как можно гадливее ухмыльнулся.

Гаррет-тень, мастер-вор, о котором в Авендуме ходят легенды и который ни разу не попадался страже, не хотел вступать в гильдию воров города.

— Я свободный охотник. И Маркуну я ничего не должен. Он и так захапал под себя всех воров Авендума, и я подчиняться разжиревшему карманнику не собираюсь.

— Хорошо. — Бледный нисколько не расстроился от моего отказа и все так же безразлично смотрел мне в глаза. — Это твое последнее слово?

Я кивнул, показывая, что разговор исчерпан. Сквозь шум и гомон заведения мое ухо расслышало тихий щелчок взводимой пружины. Я вновь перевел взгляд на убийцу. Его руки были уже под столом. Это произошло незаметно от меня и в очередной раз говорило о Бледном как о профессионале высокого класса.

Мда. Скрыга Маркун в этот раз не на шутку расщедрился и нанял одного из лучших убийц. Бледный, как я продолжал его называть, был лучшим хотя бы потому, что я раньше никогда его не видел и ничего не слышал о нем.

Я расслабился и постарался не делать резких движений. Рыпаться не стоило, тем более не зная, что там у Бледного под столом. Такой же арбалет, как у меня, или еще что похуже?

— Ты прости, Гаррет, — произнес Бледный, хотя я не верил, что этого парня мучает совесть. — Ничего личного, это всего лишь работа. Ты понимаешь.

— Ты, видно, глупец, если собираешься отправить меня к Саготу в заведении Гозмо.

— Ну что ты. Ты просто вдруг окажешься пьяным, и я, как твой лучший друг, помогу тебе выйти. Прогуляться на свежем воздухе.

Значит, снотворное. Я сжался, ожидая удара. Попался вор!!!

Но, как всегда, милая удача кинула кости, и мне выпали шестерки. Во всем «Ноже и Топоре» наступила оглушающая тишина. Замолкла певичка, замолкли пьяный хохот и оживленные разговоры. Настоящая кладбищенская тишина опустилась на зал. Я посмотрел на вход, и мои глаза, видно, тоже стали квадратными от удивления, потому как даже профессионал Бледный сделал то, чего никак нельзя делать профессионалу. Он обернулся, решив посмотреть: что же такое произошло?

Возле входа в трактир стояло человек двадцать городской стражи. Стражники крепко сжимали руками алебарды, видно готовясь пустить их в ход, если где-нибудь сверкнет нож. Было видно, что это не портовые дармоеды, а стража Внутреннего города. Слишком откормленные и

холеные. Таким палец в рот не клади. И даже вышибалы, маму которых можно было уличить в связи с троллями, отошли в сторону, пропуская незваных гостей в святая святых воровского мира. Должно было случиться что-то важное, чтобы стражники, которым Гозмо регулярно отстегивал дань за то, чтобы они не замечали его маленького заведения и публики, которая в нем обитает, пришли сюда. Впереди всей этой оранжево-черной оравы стоял не кто иной, как начальник городской стражи — барон Фраго Лантэн. Его взгляд близоруко ощупывал замолчавший зал, бегал по столам, ища кого-то, нырнул в полумрак, где сидели я и Бледный, пошел дальше, замер, а затем снова возвратился к нашему столику и вцепился в меня. Барон кивнул сам себе и направился прямо ко мне.

— Вина, — бухнул он, проходя мимо побледневшего Гозмо, который наконец-то оставил и так чистые кружки в покое.

— Сию-с секунду, не извольте сомневаться, ваша милость. Все самое лучшее, — заюлил трактирщик, немного отойдя от потрясения, что такой человек посетил его скромное заведение, и гаркнул на служанок.

Они тут же засуетились. Гомон возобновился, но чувствовалось, что в зале повисла тяжелая длань напряжения и внимания. Девушка снова запела что-то дрожащим голосом, косясь на барона. Десятки глаз следили за идущим к моему столику низеньким человеком, который мог в любое время засунуть каждого, кто не хочет жить по закону, в Серые камни — самую суровую и страшную тюрьму северных королевств.

— Не радуйся раньше времени, — прошипел Бледный, незаметно убирая что-то себе под плащ. — У меня еще будет время для долгого разговора с тобой, Гаррет.

— А ты не только убийца, но и садист, если разговор предстоит долгий. Смотри, не уколись, — съехидничал я, но Бледный уже исчез, растворившись в полумраке, как будто его и не было здесь.

Я тихо выдохнул и вытер на удивление вспотевшие ладони.

— Гаррет? — спросил барон, останавливаясь передо мной.

Я посмотрел на низенького жилистого человека, одетого в оранжево-черную форму стражи Авендума. Правда, его камзол был намного богаче, чем у рядового стражника, на него пошло немало бархата и других тканей, а за тонкий и изящный обоюдоострый клинок из Филанда вполне можно было купить заведение, ничем не уступающее «Ножу и Топору».

Отпираться не было смысла, и я указал Фраго Лантэну на стул, где только что сидел Бледный. Кстати, я так и не узнал имени убийцы.

— Присаживайтесь, ваша милость.

Барон отодвинул стул и сел. Подскочивший Гозмо самолично принес

бутылку лучшего вина, фужеры и закуску. Барон молча дождался, когда все это окажется на столе, и тихо бросил:

— А теперь пшел вон. Будешь крутиться под ногами, сгною.

Гозмо с поклонами и глубочайшими заверениями в своей честности удалился, чуть было не споткнувшись о стул с каким-то карманником, ненароком оказавшийся за спиной у трактирщика.

Фраго молча налил полный фужер красного вина, которое делают далеко на юге, там, где Хребет мира встречается со степями Унгавы, и залпом осушил его. Затем довольно крикнул и стал изучать мое лицо. Я в долгу не остался и стал рассматривать своего неожиданного спасителя.

Мы пару раз сталкивались с бароном. Не лично, нет, слава Саготу. Сталкивались наши интересы. Я однажды позаимствовал у него одно колечко из дома. После этого барон пытался меня поймать и упечь в Серые камни, но у него ничего не вышло. Он даже объявил награду за мою голову, и мне, чтобы избавиться от этой сомнительной славы, в одну из особенно темных ночей пришлось украсть приз из его особняка. Как говорится, нет денег, нет награды, и мне забот несравнимо меньше.

Хоть мы и были на ножах и перебегали друг другу дорогу, но я очень уважал этого человека. Накажи меня Сагот, если это не так.

Барон был честен. Честен в меру своих сил и возможностей. Конечно же он брал взятки — кто не берет взятки в нашем продажном мире? Но, платя барону, человек был уверен, что все будет путем. Его не подставят, не арестуют, и слухов об их делах с бароном не будет. Лантэн был человеком чести. Он никогда не бил исподтишка, не унижал своих подчиненных, хотя и пытался держать их в кулаке. Барон был предан королю и место свое не получил благодаря деньгам и родственным связям, а заслужил. Честно заслужил, начиная простым стражником, затем получил баронство и должность за заслуги перед короной. Авендум много выиграл, когда этого человека назначили начальником стражи. Хотя нам, вора́м, после этого назначения приходилось не сладко. Количество преступлений, конечно, не уменьшилось, но душегубы, прежде чем пойти на дело, теперь оглядывались по сторонам: нет ли поблизости стражи? Небольшой пустяк, но все же победа в вечной борьбе закона и преступности.

— Не могу сказать, что рад знакомству, — буркнул барон, глядя на меня из-под густых кустистых бровей. — Я бы с радостью отправил тебя в Серые камни.

Я промолчал. У меня вертелась на языке одна подходящая фраза, но я решил попридержать ее на потом. По крайней мере, этим вечером в тюрьму я не собирался.

— Собирайся, Гаррет.

— Куда, ваша светлость? — Кажется, этот человек смог меня ошеломить. — Уж не в ваши ли любимые Камни?

— Нет. Пока. — Он взглянул на меня. — Один... человек, хочет поговорить с тобой. Я должен тебя к нему доставить.

— Правда? К палачу, что ли? — съехидничал я.

— Собирайся. Нечего ёрничать, — еще сильнее нахмурился милорд Фраго. — Лучше идем добровольно.

Я, сам того не желая, бросил быстрый взгляд на скучающих возле двери стражников. Не справиться. Много. И небось еще столько же у других выходов.

— Все выходы перекрыты. — Барон как будто услышал, о чем я думаю. — Деться тебе некуда. Разве что, как вампиру, превратиться в туман и смыться сквозь щелочку.

— Вампиры не могут становиться туманом, их вообще не существует. Бабкины сказки, — неосознанно буркнул я, обучая барона прописным истинам.

Буркнул и прикусил язык.

— Так ты идешь? — Фраго терял терпение. — Ночь скоро кончится, а я привык ночью спать, а не развозить ворье к...

Барон Лантэн неожиданно замолчал, поняв, что чуть было не проболтался.

Я молча отодвинул стул и поднялся, кутаясь в плащ.

— Вот и хорошо, — тихо сказал барон и, взяв бутылку дармового и дорогого вина в левую руку, направился к выходу. Я шел за ним, чувствуя, как любопытные взгляды всего заведения буравят мне спину...

Глава 3

Заказ

Возле трактира, купаясь в густых, как сливки, сумерках, стояла большая дорогая карета, в которую была запряжена четверка лошадей пепельно-серой доралисской масти. Лошади косились на стоявших вокруг них стражников огромными бархатными глазами и нервно фыркали. Не только люди хотят провести эту летнюю ночь под защитой надежных стен. Окна кареты были забиты толстыми досками.

— Это для того, чтобы я не сбежал? — буркнул я, забираясь в экипаж и садясь на мягкую скамейку, обитую красным бархатом.

Дорогая карета. Не каждый мог позволить себе такую. Да и четверка доралисских лошадок стоила больших денег.

— Это для того, чтобы тебя в темноте кто-нибудь не выдернул из окна. Кто-то очень голодный, — ответил Фраго, севший напротив меня.

Карета тронулась по ночным улицам, я сидел на скамейке, подпрыгивая, когда колесо наезжало на особенно выступающий из мостовой булыжник. Барон молчал, иногда бросая на меня хмурые взгляды, и мне оставалось только вслушиваться в цокот копыт лошадей стражников, которые сопровождали нас верхом, и думать: куда же меня везут?

Может, это ловушка? Но тогда зачем весь этот маскарад? Барон с тем же успехом мог меня связать и доставить в его обожаемые Серые камни. Тем более я сам виноват. Очень уж расслабился за последние два дня. Был плохого мнения о страже, и надо же такому случиться, что буквально через несколько минут эта стража оказалась прямо передо мной. Быстро меня нашли... Или кто-то по доброте душевной успел предупредить?

Что за человек хочет со мной встретиться? Видно сразу, что он наделен большим влиянием, если сам Фраго Лантэн приехал за моей скромной персоной. Интересно, что этому незнакомцу от меня понадобилось? Отплатить за причиненные когда-нибудь неудобства? Надеюсь, что этот человек не из магов. Не хотелось бы провести остаток своей жизни в шкуре жабы или доралисца. Я тихонько хихикнул себе под нос, привлекая хмурый взгляд барона. Неизвестно, что лучше, тело жабы или козлочеловека. Я бы, наверное, выбрал жабу, потому как доралисцев в Авендуме любили меньше жаб. Лучше быть маленькой и зеленой жабой, чем большим и тупым козлом. Ой, что-то ты развеселился, Гаррет! Не к

добру. Хотя почему не к добру? Арбалет и нож у меня не отняли, жаль, что магические артефакты я оставил дома, в тайнике. Ладно. Мы еще повоюем.

Внезапно возница остановил карету, и парочка ретивых стражников распахнула дверь экипажа. В лицо мне дохнула холодная июньская ночь. Она незаметно подкралась к нам, пока мы сидели в карете с заколоченными окнами. Даже летом в Авендуме довольно прохладно — сказывается близость к Безлюдным землям, — и лишь к августу на город падает благословенная жара, да и то на пару недель, а затем ветра с Холодного моря приносят дожди. Валиостр самое северное королевство Сиалы, поэтому с погодой тут дело тугое.

Возле дверцы кареты стояли двое стражников с факелами в руках, остальные, целая дюжина, сидели на лошадях, внимательно осматривая пустынную ночную улицу.

— Вылазь, вор. — От одного из стражников несло крепким чесночным духом, и я невольно поморщился.

— Это что? Такая увеселительная прогулка? — стараясь не терять присутствия духа, спросил я у барона.

— Хватит пререкаться, Гаррет. Делай, что тебе сказано, и у нас будет мир и любовь.

Я многозначительно пожал плечами, показывая что любовь барона во всех ее проявлениях нужна мне, как доралиссцу зубочистка, хмыкнул и спрыгнул на каменную мостовую, оглядывая окрестности. Улочка была пустой, темные дома нависли над нами как Зам-да-Морт. По другой стороне улицы тянулась высокая беловатая стена. Так. Значит, мы где-то возле Внутреннего города.

Из городской канализации уже появились тоненькие и робкие язычки серо-желтого тумана. Он еще стелился, низко прижимаясь к мостовой, и не решался подняться выше. Но не пройдет и несколько часов, и туман вновь, как и каждую июньскую ночь, накроет город густым покрывалом, которое до самого утра будет гасить звуки ночи.

В этот раз на улице стояла непроглядная темень, облака закрыли пушистыми тушами луну и звезды, и свет лился только с факелов стражи и масляных фонарей, висящих на карете.

— Не двигайся, вор, — со скрытой угрозой в голосе произнес чесночный приятель, а затем стал тщательно обыскивать меня.

Вот в подставленную другим стражником суму лег арбалет, затем чехол с арбалетными болтами, затем нож. Рука Чесночника было потянулась к кошельку с монетами, но барон цыкнул из кареты, и стражник торопливо отдернул руку.

— Кошелек оставь, морда, — произнес барон. — Чист? Оружия нет?

Стражник еще раз торопливо ощупал меня, достал из потайного кармана на поясе отмычки, из-за голенища сапога тонкую бритву и кивнул.

— Чист, ваша милость. Как доралиссец, возвращающийся после сделки с карликом.

Стражники на лошадях заржали. Барон опять на них цыкнул, и по ночной улице вновь растеклась тишина. Где-то возле стены дома промелькнула тень одинокой крысы, выбравшейся искать пропитание для своих крысят, и один из стражников запустил в нее факелом, шепча проклятия слугам Неназываемого. Факел, естественно, пролетел мимо, ударился о стену и выплеснул сноп кружащихся в ночи искр, устремившихся в облачное небо. Крыса пискнула и исчезла во тьме.

— Хватит там! — рявкнул раздраженный Лантэн. — Повязку — и в путь.

Чесночник достал из кармана темную плотную полоску ткани и завязал мне глаза. Тьма стала непроницаемой. Клянусь Саготом, я ничего не видел. Стражники взяли меня за руки, запихнули внутрь экипажа, захлопнули дверь, и карета снова тронулась. Я поднял руки, чтобы немного ослабить давящую на глаза повязку.

— Я бы на твоём месте этого не делал, Гаррет, — крайне вежливо произнес барон у меня над ухом.

— Куда вы везете меня, ваша милость? Или это тайна?

— Можешь считать, что государственная. А теперь помолчи и наберись терпения. Не зли меня.

— Прощу прощения, ваша милость, а что будет, если я разозлю? — Темнота сделала меня разговорчивым и ехидным.

— Если ты не договоришься с тем человеком, к которому мы едем, то попадешь ко мне... Злому.

Я счел, что лучше набраться терпения и немного помолчать. Для меня не было проблемой выскочить из несущегося по ночным улицам экипажа и попытаться скрыться в тени. Стражники едут на лошадях, они расслаблены, и у меня будет несколько драгоценных мгновений, прежде чем они сообразят, что случилось. Но что-то удерживало меня от таких действий. Любопытство или боязнь неудачи? Думаю, немного и того и другого.

Тем временем экипаж быстро катил по городу. Меня иногда трясло и подбрасывало на сиденье. Скорость была приличной, видно, возница был умелым и не жалел ни кареты, ни лошадей, ни пассажиров. Но барон не жаловался. Значит, такая спешка была необходима, и я стиснул зубы,

стараясь сидеть ровно, когда карету заносило на поворотах. Правда, я не отказал себе в удовольствии один раз все же не удержаться и по инерции упасть на барона, незаметно сняв с его пояса кошелек. Надо сказать, что было там не густо, но я не мог удержаться, чтобы не проучить Фраго.

В конце концов мы все же приехали. Меня выгрузили двое стражников, передали на руки каким-то людям, крепко взявшим меня под локти. Затем мы куда-то пошли. Я автоматически переставлял ноги, спотыкаясь, когда попадались очередные ступеньки. За спиной неотрывно сопел барон. Коридоры, лестницы. Коридоры. Звуки. Мои ноги шли по глухому каменному полу, выбивали гулкое и звонкое эхо из мраморных исилийских плит, топали по скрипящему деревянному полу. Я давно сбился со счета от количества ступенек у лестниц и поворотов многочисленных коридоров огромного здания, по которому меня вели, как слепого гоблина в лесном лабиринте орков. Трещали факелы над ухом, иногда нам кто-то встречался на пути, но, как я слышал, поспешно отходил в сторону, давая нам пройти.

Наконец открылась какая-то дверь, и сквозь подошвы сапог я почувствовал густой ворс ковра. Не видя ковра, я ничего не мог сказать, но, скорее всего, это ковер из Султаната, а такой стоит больших денег. Вполне можно взять за такой коврик парочку лошадок доралисской породы. И притом не самых плохих.

— Можете снять повязку.

Я было дернулся, но стоявший сзади Фраго подошел ко мне и снял проклятую тряпку. Я на миг зажмурился от яркого света, исходящего от камина, десятка свечей и факелов, которые горели в маленькой комнатке, наполняя и топя ее в ярком дневном свете. Профессиональным взглядом окинул помещение, мельком оценив султанатские ковры, подсвечники, дорогую мебель из дерева, которое встречается в лесах И'альяла, возле самого Хребта мира, полный рыцарский доспех работы мастеров-карликов, стоявший в дальнем углу комнаты, и это не говоря о кубках и посуде, которая, кажется, вся была из золота. Мда. Вот бы где мне развернуться и похозяйничать хотя бы пяток минут.

Ну что же. Теперь надобно познакомиться с хозяином всего этого великолепия, который так вежливо и настойчиво пригласил меня на огонек. Я огляделся. Вместо одного человека я увидел сразу пятерых, если не считать меня и барона.

В кресле рядом с очагом сидел, кутаясь в толстое шерстяное одеяло и держа в правой руке посох, прекрасно инкрустированный серебром, древний старик. Маг, насколько я мог судить. Даже архимаг, если учесть то,

что на посохе было четыре серебристые полосы ранга^[7]. Даже магистр — на посохе у старика вместо пресловутого камня черная птичка.

Старичок казался маленьким и дохленьким. Он был похож на старый хрупкий лесной орех. Дед недовольно ежилась, как будто жар очага, горевшего рядом, не мог согреть его древние кости. Казалось, ткни мага пальцем или подуи на него сильный ветер, и человек просто развалится. Это впечатление было обманчивым. Осмелившегося ткнуть главу Ордена магов, архимага и магистра Арцивуса пальцем ждал не очень приятный конец. Этот человек был одной из самых влиятельных фигур королевства и первым советником короля, хоть у многих, впервые увидевших тщедушного старичка, могли возникнуть сомнения насчет трезвости его рассудка. Однако на моей памяти сказавших о предполагаемом маразме старика вслух не было.

В кресле напротив Арцивуса с бокалом белого вина сидела женщина в дорогом и изящном голубом платье жительниц Миранграда^[8]. Довольно рискованный выбор одежды в нашем королевстве, особенно когда война с Мирануэхом так и не затихла. Уснула на время, пока стороны приходят в себя после кровопролитных боев, прекратившихся около пяти лет назад, но никак не затихла. Мирануэхцев у нас любят не больше чем Неназываемого, но леди, как я вижу, это не заботило.

На лицо незнакомки была наброшена вуаль, полностью скрывающая его от моих пытливых взглядов. С другой неизвестной миледи я уже встречался два дня назад, в ту памятную ночь, когда у меня было небольшое дело в усадьбе милорда Патийского. Именно она проезжала мимо меня в окружении личной гвардии короля, когда я стоял, спрятавшись в тени. Жаль, что не видно ее лица, незнакомка меня заинтриговала.

Мой взгляд метнулся к третьему человеку, который стоял, прислонившись к стене и положив правую руку на изящную рукоять батарного меча^[9] канийской ковки. Он с брезгливым любопытством изучал мою скромную персону, как будто перед ним была по меньшей мере крыса. Хотя именно этот человек сам был Крысой. Так называли его враги. Граф Алистан Маркауз, начальник личной гвардии его величества Сталкона Девятого, избрал своим гербом обычную серую крысу. Его всегда можно было узнать по тяжелому рыцарскому доспеху с выгравированной крысой на грудных пластинах и шлему, который был отлит в виде крысиной головы. Как говаривали злые языки, Крыса даже спал и мылся в доспехах, но не думаю, что это утверждение было верным.

Алистан был первым мечником королевства и опорой нашего

дражайшего короля. Он руководил службой безопасности, был человеком своей, только ему понятной чести, уничтожал и ненавидел всех, кто злоумышлял против его славного господина. Военная рутина, стычки с ограми и великанами возле Одинокого Великана, война с орками Заграбы, пара пограничных войн с Мирануэхом, когда тамошнему королю после войны с западными кланами заграбских орков захотелось размять кости. Он пробовал на зуб и своего северо-восточного соседа, пытаясь отгрызть небольшой кусочек Спорных земель, расположенных между двумя государствами на самой границе с лесами Заграбы. Выйдя живым из всех этих стычек, милорд Алистан Маркауз стал тем, кем и был в данный момент, — правой рукой короля и опорой трона. Воин смотрел на меня стальными серыми глазами, покусывая пышные, свисающие до груди, по моде жителей Низины, усы. Я ответил на его прищур кислым взглядом и стал изучать четвертого человека.

Ну, с человеком я, конечно, загнул. Арктически-голубыми глазами, которые сильно контрастировали с зеленой кожей, на меня смотрел гoblin. Всамделишный гoblin, один из тех, кто обитает где-то в лесах Заграбы, по соседству с орками и эльфами.

Гоблины — несчастный и забитый народец. Ростом они не выше самого маленького гнома. То есть мне где-то по пупок, не больше. С самой зари времен люди, как всегда все перепутав и посчитав, что гоблины являются союзниками орков, принялись из века в век изничтожать это несчастное и забитое всеми расами Сиалы племя. Каких только страшных сказок не ходило в те времена о гоблинах! Что это ужасные и хитрые людоеды, которые, дай им волю, уничтожат все человечество. Что они поклоняются тьме и проводят в полнолуние кровавые обряды, где мучают девственниц, жаривая их на медленном огне и обмазывая кровавыми мозгами летучих мышей. И тому подобные страшные и безумные сказки. Мне ли вам рассказывать, на какие истории способны испуганные и невежественные люди?

Несколько веков происходило планомерное уничтожение расы гоблинов, на которых в лесах Заграбы, презрев опасность нарваться на орков, устраивали настоящие облавы. Доловились до того, что некогда многочисленный мирный народец, который страдал не только от ятаганов орков, но и от мечей и пик людей, был почти полностью истреблен. А когда наконец разобрались (то есть проглотили гордость и спросили у эльфов, хотя в итоге им не поверили), то осталось всего лишь несколько небольших племен, которые прятались в самой глухой чаще Заграбы от людей и орков с помощью магии своих шаманов. В конце концов недоразумение было

исправлено (кто-то еще спустя четыре века все-таки решил разобраться, почему ужасные зеленые карлики не бросаются, оскалив зубы, на людские мечи, а в ужасе убегают в лесную чащобу), и коротышек-гоблинов оставили в покое, а лет сто назад даже стали нанимать на службу. Как оказалось, они были очень умны, находчивы, остры на свой бордовый язык, проворны, а потому как нельзя лучше подходили для службы посыльными и шпионами. Также Орден магов очень интересовался гоблинским шаманством, берущим начало от обрядов шаманов орков и темных эльфов.

Шаманство было самым древним колдовством в этом мире. Оно первым появилось в Сиале вместе с ограми — самой древней расой Сиалы, а потому маги питали к этому колдовству огромный интерес как к изначальному первоисточнику, которое у огров переняли орки, затем эльфы, а потом и гоблины.

Гоблин оказался шутом. Об этом говорил и его колпак с колокольчиками, и шутовское трико, раскрашенное в красно-синие квадраты, и шутовской жезл, который он сжимал зеленой рукой. Гоблин расположился прямо на ковре, скрестив коротенькие смешные ножки и иногда вращая головой, из-за чего его бубенчики издавали веселый и мелодичный тренькающий звук. Заметив, что я с изумлением его изучаю, гоблин усмехнулся мне, показывая ряд острых как иглы зубов. Шмыгнул длинным крючковатым носом, подмигнул голубым глазом и показал мне бордовый язык. Великолепно! Шут за работой!

Я перевел взгляд на последнего незнакомца в комнате, перед креслом которого и сидел гоблин. Внешне человек был похож на преуспевающего трактирщика. Такой же толстенький, маленький, с плешивой головой и аккуратными руками. И одежда была более чем скромной. Простой толстый свитер из овечьей шерсти. Такие свитера вяжут крестьяне, живущие под боком у Одинокого Великана, они прекрасно защищают человека в январские морозы. Интересно, ему в нем не жарко? Коричневые просторные брюки, которые носят обычные стражники. Абсолютно серенький и незаметный человечек, если не обращать внимания на толстое золотое кольцо с огромным рубином на правой руке и глаза. В этих карих глазах жил ум, сталь и власть. Власть короля.

Я низко поклонился и замер.

— Так, так, — пробасил Сталкон Девятый.

Именно его голос я слышал, когда меня ввели в комнату.

— Это и есть знаменитый на весь Авендум вор? Гаррет-тень?

— Именно так, ваше величество, — подобострастно произнес

стоявший рядом со мной барон Лантэн.

— Ну что ж. — Король погладил сидящего шута по голове, и тот замурлыкал от удовольствия, копируя кошку. — Ты быстро нашел его, Фраго. Намного быстрее, чем я рассчитывал. Благодарю тебя.

Барон сдержанно поклонился, прижав руку к сердцу, хотя и шуту было видно, что он несказанно рад похвале.

— Подождите за дверью барон, будьте так любезны, — прокашлял из своего кресла архимаг Арцивус.

Барон еще раз поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Так, значит, ты Гаррет? — Король внимательно посмотрел мне в глаза.

— Не думал, что ваше величество наслышано обо мне. — Я еще раз поклонился, чувствуя себя неловко в окружении первых лиц государства.

— А он смел, — пискляво провозгласил шут и состроил мне очередную рожу, сведя глаза к переносице.

— И не дурак. — Это уже произнесла таинственная женщина, водя пальчиком в перчатке по краю хрустального бокала.

Я был в роли коровы на рынке, которую обсуждает парочка крестьян-покупателей.

— Присаживайся, Гаррет, — милостиво махнул в мою сторону король, и я сел в кресло с высокой резной спинкой, изображавшее что-то из битвы, произошедшей на поле Сорна.

Кресло каким-то чудом оказалось за моей спиной, хотя, когда я входил, его вроде как и не было. Впрочем, я могу ошибаться, так как ничего не видел, когда меня ввели сюда.

Сложив на животе руки, сплетя пальцы в замок, я ожидал, что же будет дальше.

— Ты позволишь? — небрежно спросил король, беря со столика, стоявшего рядом с креслом, мой арбалет.

Клинок, отмычки и бритва лежали там же, но Сталкон выбрал именно арбалет.

— Карлики делали?

Не давая мне времени даже кивнуть, король направил арбалет на стоявший в дальнем углу комнаты стародавний доспех и нажал на спусковой крючок. Щелкнула тетива, арбалетный болт взвизгнул и четко вошел в смотровую щель рыцарского шлема. Шут карикатурно захлопал в ладоши. Король умел стрелять. Вообще-то он многое умел делать. И делал это хорошо. Короля любил простой народ, хотя он и держал королевство в кулаке, жестоко подавляя бунты, которые пару раз случались во время

весеннего голода. Просто его величество получил в наследство кроме короны знания от отца, деда и прадеда. Великий ум всей династии Сталконов, о котором ходили в стране легенды.

Король не завышал налоги, но и не делал их мизерными, он ослабил поводок торговцам и купцам, но сделал так, чтобы они платили подать, если хотели торговать в Валиостре, а также брал деньги с гильдии воров и убийц, не ссорился с магами, прислушиваясь к их советам, но в итоге делая то, что считал нужным. Он не притеснял другие дружественные людям расы, и те платили королю если не дружбой, то терпимостью к людям и подчинялись законам королевства. Единственной ошибкой короля, о которой шептались его враги, была идея союза с гномами, после заключения которого карлики рассорились с Валиостром и заперлись в своих горах, лишь изредка поддерживая отношения с Филандом и вольным Загорьем. Конечно, небольшая община карликов осталась в Авендуме, в основном самые жадные, хотевшие загрести еще немного золотишка с продажи дорогих поделок, хотя и они не одобряли того, что люди сговорились с врагами всех карликов — гномами. Правда, тут я был на стороне короля. Если выбирать между мечами, которые делают карлики самым богатым жителям королевства, и пушками, которые делают гномы, естественно, нужно выбирать то, что более эффективно в бою и дешевле стоит, — пушки.

— Интересная игрушка. Но речь сейчас пойдет не о твоём арбалете, — произнес король, кладя разряженное оружие обратно на столик. — Не мог бы ты мне сказать, вор, как к тебе попала эта вещь?

На моих глазах довольный шут достал откуда-то из-за кресла короля золотую статуэтку собаки и показал ее мне. В один миг моя спина покрылась липким и холодным потом. Хоть у меня на лице и нельзя было ничего прочесть — маска невозмутимости, по счастью, не пропала, — но в голове звенела паника. Та самая статуэтка из дома герцога Патийского, украденная мной в ночь, когда милорда кронгерцога убило Нечто. Так вот кому понес ее человек Гозмо! Ай да Гозмо! Если нам доведется встретиться, его ждет не самый приятный разговор!

А теперь выходит, что все улики показывают на меня. Это же преступление против короны! Четвертование, которое ко мне применят, будет считаться еще благодатью богов и милостью королевского суда. Как бы чего похуже со мной не сделали! Я решил, что лучше помолчать и послушать.

— А он и вправду не дурак, — вновь произнесла женщина, разглядывая меня из-под плотной вуали.

Шут тихонько хихикнул только ему понятной шутке и прошелся по комнате колесом. Потом, все так же сжимая в руках статуэтку, встал рядом с Алистаном, скопировав его позу, серьезное лицо, и замер, положив руку на голову золотого пса, превратив его в импровизированный меч. Я чуть не расхохотался. Действительно похоже на Крысу и очень смешно. Гоблин не зря получал деньги.

— Это по нашему заданию ты, Гаррет, попал в дом к моему дражайшему покойному кузену. Прежде чем решить, подходишь ли ты для дела, тебя надо было испытать. А идеальнее усадьбы двоюродного брата со свободно гуляющим по ночам гарринчем просто не придумать. Согласись?

— Еще идеальнее — это королевская сокровищница, — ляпнул я.

Терять Гаррету было уже нечего. Чувствую, что утром мне предстоит путешествие в Серые камни. На всякий случай я отложил еще одну зарубку поговорить с Гозмо, подсунувшим мне этот Заказ.

— Ого! А у Гаррета-тени губа не дура! — пискнул гоблин.

Я ожег его взглядом, но он только ехидно ухмыльнулся мне и показал язык.

— Сам знаю, Кли-кли, — ответил Сталкон шуту, затем взял в руки мой клинок, вынул его из ножен и, изучая, небрежно спросил: — Что случилось ночью в доме? Как он умер?

Я проглотил ставшую вязкой слюну и под присмотром пяти пар внимательных глаз начал свой рассказ. Я рассказал о той страшной ночи, об усадьбе, о ночном разговоре герцога с существом ночи, которое пришло от неизвестного Хозяина. Никто меня не перебивал, архимаг Арцивус, казалось, дремал в кресле, а физиономия гоблина, на удивление, была задумчивой и встревоженной. Когда я закончил историю, в комнате повисла гнетущая тишина, лишь огонь в камине тихонько потрескивал.

— Говорил же я вам, ваше величество, не доверять кузену, — зло бросил Алистан. Он почему-то сразу поверил моему рассказу, и теперь его глаза гневно сверкали. — Я усилю охрану вдвое.

Король задумчиво поглаживал подбородок, внимательно изучая меня. Он молчал, что-то обдумывая. Затем резко кивнул головой, решившись.

— О моей безопасности поговорим позже, дружище Алистан. Намного позже. А пока у меня дело к нашему гостю. Гаррет, ты знаешь, кто такой Неназываемый? — неожиданно спросил у меня король.

— Он зло и тьма. — Вопрос поставил меня в тупик.

Неназываемый и Неназываемый. Тот, чьим именем пугают вас в далеком детстве, когда вы не хотите спать.

Алистан фыркнул, как бы говоря, что от вора он ничего большего и не ожидал.

— Смотря как это понимать, — произнес монарх. — Зло. А знаешь ли ты, что Неназываемый известен, кроме Валиостра, только в Пограничном королевстве, да и то только потому, что орки атакуют эти земли с именем Неназываемого на устах? Ну, может быть, он известен еще в Исилии, частью в Мирануэхе, но там Неназываемый только легенда, страшная сказка. Он ведь не черное зло и отнюдь не тьма, просто очень сильный волшебник, который засел в Безлюдных землях и вот уже сколько времени мечтает увидеть Валиостр разрушенным.

— Позвольте... — вклинился в разговор архимаг, доселе молчавший. — Я расскажу вам, молодой человек, легенду. Правда, никакая это не легенда... Когда еще наше королевство не было таким великим и могучим, лет пятьсот назад в Авендуме жили два брата. Один из них был великолепным полководцем, другой — талантливым магом, изучавшим проблематику шаманства. Тогда эта магия была для людей еще загадочным искусством, она постоянно совершенствовалась, люди набирались ума, перенимая опыт шаманов орков, гоблинов и темных эльфов, а также светлых эльфийских волшебников. Далее мы добавляли своего и получали то, что имеем теперь. К сожалению, магия камня гномов и карликов нам не дана. Гм... Но я отвлекся... Дело было в последний год Тихих времен, как называют это время сейчас. Грок, полководец, надеюсь, тебе известно это имя?

Я кивнул. Все знали площадь Грока и памятник ему. Старик удовлетворенно побряхтел, ерзая и поудобнее устраиваясь в кресле, а затем продолжил свой рассказ:

— В последний год Тихих времен армия орков напала на город и попыталась взять ее приступом. Тогда еще не было знаменитых стен Авендума, и Грок, командуя всего лишь несколькими тысячами уставших солдат, оставшихся в живых после ряда сражений, сдерживал натиск врага, вышедшего из лесов Заграбы. Мда... Брат не пришел ему на помощь. Не знаю почему, об этом, к сожалению, история умалчивает. Ссора, зависть, болезнь, нелепая случайность — в итоге самый сильный маг того времени не пришел на помощь оборонявшимся воинам. Но Грок и его люди выстояли. Они продержались до прихода армии темных эльфов. В конце концов от армии Валиостра осталась тысяча, а затем всего неполных четыре сотни. После победы маг был схвачен и казнен...

Старик замолчал и уставился на огонь своими слезящимися глазами.

— Как звали того мага? — не удержался я.

— Его звали так же, как и брата-близнеца, — Гроком. Это был позор для Ордена магов. Страшный позор. Мы стерли имя этого брата из всех анналов. С тех пор он стал называться Неназываемым. Но Неназываемый выжил. Точнее, выжил его дух, Неназываемый еще при жизни изучал Кронк-а-мор, запретное колдовство огров. С помощью этого вида шаманства дух умершего может жить некоторое время без телесной оболочки, а затем вселиться в другое тело. Неназываемый вселился в чье-то тело, ушел на север, в тундру, далеко-далеко в Безлюдные земли, вынашивая планы мести. Сила Кронк-а-Мора была такой, что огры, великаны и часть орков признали Неназываемого своим господином и повелителем. Хотя насчет орков я сомневаюсь. Эта раса слишком умна и независима, скорее всего, им просто удобно изображать из себя жестоких варваров и нападать на врагов, прикрываясь именем Неназываемого. Как говорят эльфийские дома — большая политика! Что же до огров, великанов и отдельных людишек, то они преданы Неназываемому и душой и телом. Эти враги Валиостра уже давно бы покинули свои земли и пошли войной, если бы их не сдерживал Одинокый Великан. А Неназываемый, хоть он и получил вечную жизнь, до сегодняшнего момента не решался вторгнуться в Валиостр. Мы сдерживали его силу до настоящего момента, пока равновесие не пошатнулось не в нашу пользу.

— Ну хорошо, — что-то у меня не складывалось в голове. — Огры, орки, великаны. А те твари, которые ночами охотятся на улицах столицы? Они тоже подчиняются Неназываемому? А этот таинственный Хозяин?

— Не знаю. — Маг разочарованно покачал головой. — Может, это слуги Неназываемого, еще чьи-то, может, вырвались из каких-то глубин, когда равновесие в магическом источнике пошатнулось.

— Кстати, — перебил старика король. — Долго мои подданные будут страдать от этих тварей?

— Совет делает все возможное и невозможное, ваше величество. Мы подготовили заклинание, и к концу недели ни одно дитя ночи не сможет проникнуть в наш город. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Почему же Совет магов не уничтожит Неназываемого? — спросил я, возвращая разговор к первоначальной теме.

— Кронк-а-Мор надежно защищает отступника. Мы, к сожалению, ничего не понимаем в шаманстве огров. Да и вряд ли теперь когда-нибудь научимся.

— Неназываемый ждал века, набираясь сил и собирая армию. Лишь Рог Радуги, великий артефакт прошлого, который эльфы подарили Гроку, отняв его у огров еще в те давние времена, сдерживал Неназываемого и его

армию за горами Отчаяния. Только благодаря Рогу Неназываемый не решался выступить против нас войной. Рог каким-то образом полностью нейтрализовал его магию. Как говорят эльфы, огры сами создали этот Рог в противовес своей магии, чтобы нейтрализовать ее, если Кронк-а-Мор вдруг вырвется из-под их контроля. Пока Рог имеет силу, Неназываемый не осмеливается пройти Одинокого Великана. Что он может без своей магии? Не надо причислять этого волшебника к тьме. Просто он хороший и талантливый маг, который удачно использовал свои знания и теперь хочет отомстить за то, что его наказали. Считай его немного свихнувшимся на почве ненависти. И теперь, когда сила Рога ослабла за века и не может нейтрализовать его магию, Неназываемый поднимает голову. И клянусь всеми богами Сиалы, Неназываемый скоро нанесет удар по нашему королевству — ведь оно находится ближе всего к его владениям.

— Он почти нанес удар, — тихо сказал король. — Эльфы-разведчики докладывают, что Неназываемый готовит армию к походу. По всем Безлюдным землям собираются тысячи великанов, огров и других тварей. В Рачьем герцогстве без остановки куют оружие. К маю следующего года, может быть раньше, Неназываемый и его армия будут под стенами города. Одинокий Великан не выстоит, а я даже не могу послать им подкрепления. Сразу прознают орки и нападут с тыла, да и Мирануэх не очень-то сейчас спокоен. А нашему королевству помощи ждать неоткуда. Разве что темные эльфы и Пограничное королевство нам помогут, правда, насчет последних не уверен. Если орки решатся напасть, то они нападут и на Пограничье. В другие земли Неназываемый вряд ли пойдет, поэтому ни Гаррак, ни Империя, ни Филанд нам тут не помощники. Исилия, как всегда, соблюдает нейтралитет и отсидится в сторонке. Мирануэх только злорадно потрет руки. С Неназываемым нам придется бороться самим. Да и не только Неназываемый оживился. Орки поднимают головы в лесах Заграбы, тролли в горах стали нападать на поселения карликов, на южных границах видели дракона. Дракона! Больше двухсот лет ни один не подлетал к границам нашего королевства. Мир завис на грани войны. Страшной войны. Я начал собирать армию. Надеюсь успеть к концу года выставить против Неназываемого хотя бы пятьдесят из семидесяти тысяч солдат. Какую-то часть придется оставить на границах с Заграбой и Мирануэхом. Плюс ополчение. Но это так, жест отчаяния. Нужно объявить набор, хотя я и боюсь, что начнется паника, цены на товары подскочат до небес, беженцы, наконец. Слава богу, что эльфы Темных домов на нашей стороне, плюс еще и гномы с пушками.

— Прошу прощения, ваше величество, — осмелился я. — Насчет

гномов я не сомневаюсь, им мешок золотых отсыпать — так они на родную бабку войной пойдут, а вот эльфы... Вы в них уверены?

— Нам нет нужды врать, — произнесла женщина, откидывая вуаль. — Я сама видела готовящуюся к войне армию Неназываемого за Иглами Стужи.

На меня смотрела эльфийка. Настоящая темная эльфийка.

Очарование эльфов... Его придумал тот же самый сказочник, который сочинил кровожадность гоблинов. Только в сказках эльфы очаровательны, только в сказках они бессмертны, только в сказках у них золотистые волосы, зеленые глаза, мелодичные голоса и легкая поступь. Только в сказках эльфы мудры, правильны, справедливы и великодушны. А в жизни... В жизни неподготовленный человек может принять обыкновенного эльфа из домов Заграбы и И'альяла за орка. Потому как на самом деле сказочной красоты эльфов, раздутой до небес пьяными рассказами в тавернах, просто нет. Ну, да... Есть привлекательные лица и у этой расы, но что они — не эталон красоты, это уж точно. Эльфы похожи на людей, если не считать их смуглой кожи, желтых глаз, черных губ и пепельно-серых волос. А уж торчащие из-под нижней губы клыки совсем пугают сиволапого обывателя и знатока бабушкиных сказок. Не верьте в доброту эльфов, просто, если вам не повезет, поприбудьте на эльфийской пытке, когда они устраивают Зеленый Лист своим ближайшим родственникам оркам. Да-да. Орки и эльфы появились на Сиале в один и тот же год. Перворожденные. Хотя орки оказались здесь немного раньше эльфов, и пепельноволосые никак не могут им простить этого. И эльфы и орки были первыми, кого боги привели в Сиалу, если не считать огров. Раса орков получила гордость и ярость, эльфов — хитрость и коварство. Но те и другие получили еще один дар — ненависть. Они и до сегодняшнего дня воюют, истребляя друг друга в кровавых схватках, которые тысячами происходят в бескрайних лесах Заграбы. Это потом появились гномы и карлики, доралиссцы и люди, кентавры и великаны, а также множество других рас, населяющих Сиалу. А первыми, первыми были неудачные дети — орки и эльфы. Это уже потом эльфы разделились на темных и светлых, хотя разница между ними только в том, что темные обращаются к шаманству, а светлые — к волшебству. Темные и светлые не враждуют между собой, они просто относятся друг к другу с небольшой долей пренебрежения. До сих пор темные эльфы не могут понять своих сородичей, пользующихся чужой, не исконной для этой расы магией. Около двух тысяч лет назад темные и светлые все же не смогли жить вместе и разделились. Темные остались в лесах Заграбы, а светлые ушли жить в леса

И'альяла, что находятся возле самого Хребта мира.

— Познакомься, Гаррет, — сказал король, указывая на эльфийку. — Это леди Миралисса из дома Черной луны.

Я сдержанно поклонился, отвечая на приветственный блеск пятисантиметровых клыков. Окончание имени «сса» означало, что эльфийка из Верховной семьи дома. Попросту принцесса.

— Очень приятно, миледи.

— И мне, — проворковала эльфийка.

Выйди она в город в вуали, никто и не заподозрил бы в этой женщине эльфа.

— Любезности потом! — произнес король. — У нас мало времени, и ты, Гаррет, должен нам помочь.

— Остановить Неназываемого? — скептически сказал я.

Если это так, то король или его советники точно выжили из ума.

— Да, — произнес архимаг.

Ну точно, в этой комнате ненормальные! Алистан внимательно смотрел на меня, стараясь обнаружить след насмешки над его королем. Я сдержался. С трудом, но сдержался. Но не Кли-кли. Гоблин захохотал и, упав на ковер, схватился за живот.

— Жизнь королевства в руках вора! Как бы он его не спер!

Я лично не находил в этом ничего смешного, как и все остальные. Только на черных губах эльфийки промелькнула вежливая тень улыбки, оценившей хорошую шутку, но решившей, что этикет дворца в данном случае лучше не нарушать.

— Помолчи, Кли-кли, — сурово произнес Алистан, не сводя с меня внимательных глаз.

— Все, замолкаю, каюсь, умираю! — Гоблин трагически развел зелененькими ручками. — Если Крыса осталась серьезной после моей шутки, то пора увольнять меня с должности придворного шута. Придется снова мне, бедному и несчастному, уходить в родные леса и ждать, пока особо ретивый орк не позавтракает моими бедными косточками или не запустит в лабиринт.

Шут трагически, как актер на подмостках рыночной площади, вздохнул, а затем взглянул по сторонам и, заметив, что на него никто не обращает внимания, весело подмигнул мне.

— Я, конечно, польщен такой честью, — осторожно произнес я. — Но не кажется ли вам, что сил и опыта у меня поменьше, чем у Ордена и Диких Сердец, и остановить волшебника в одиночку будет сложновато?

Гоблин прыснул и вновь шлепнулся на ковер. Видно, моя личность его

уж очень сильно забавляла. А вот меня этот маленький зеленый негодяй начинал раздражать.

— Ох Гаррет! — Шут вытирал с глаз неподдельные слезы. — Ты не только умен и смел, но еще и самоуверен.

— Так в чем моя задача, ваше величество? — Я продолжал ломать комедию, дожидаясь момента, когда меня, может быть, отпустят.

Вот тогда я сделаю ноги. И плевать куда, хоть в сам Султанат, но так далеко, как только можно. В те земли, где нет безумных королей, ненормальных шутов и впавших в старческий маразм волшебников.

— Нам нужен Рог Радуги, — произнесла эльфийка. — Только он сможет остановить Неназываемого, потому что, боюсь, даже армия не устоит против всей рати Безлюдных земель.

— Рог Радуги? — тупо переспросил я. — А при чем здесь он?

— Я же уже объяснил, — раздраженно нахмурился Арцивус. — Ты что, стал плохо слышать со страха?

— И думать, — вставил свое веское слово Кли-кли.

Я ожег шута очередным взглядом, чем еще больше его развеселил.

— Пойми, Гаррет. Магия огров не идеальна и во многом топорна, как говорят люди, хотя мощна необычайно, но закон равновесия... — Эльфийка кисло поджала черные губы, еще сильнее обнажив клыки.

Я невольно подумал, что она вполне может пойти в рукопашную, скорее ротопашную, если враг отнимет у нее оружие. Такими зубками только шеи испарывать.

— В итоге Рог со временем теряет свои магические свойства. Его нужно...

— Активировать, — подсказал архимаг, неотрывно смотря в огонь, который весело поедал дрова в очаге.

— Да. Магически подзаряжать через определенное время. Иначе все его свойства сойдут на нет. Сейчас Рог как раз слабеет, потому что Неназываемый и зашевелился за Иглами Стужи. Нам нужно, чтобы ты достал этот Рог для Ордена.

— А он что, не у вас? — опешил я, даже приподнимаясь с кресла.

В голове у меня крутилась сказка о том, как один солдат по своей глупости отдал самое ценное — свой меч — в руки врагу. Конечно же мне моя голова дороже, и я про эту сказку промолчал, хотя думаю, что гоблина она бы позабавила.

— В том-то и дело, что нет, — зло произнес Крыса. — А все по глупости Ордена.

— Орден сделал это из лучших побуждений! — резко вскинулся

архимаг.

— То-то мы их и расхлебываем!

— Ваше дело, милорд Алистан, защищать жизнь короля и махать железякой, а не лезть в дела Ордена! — Старик просто кипел от возмущения. Его трясущаяся борода напомнила мне бороду доралиссца, у которого украли его самую любимую лошадь.

— Хватит! Мне еще ссор тут не хватало! — расвирепел король. Теперь он нисколько не походил на добродушного трактирщика. — Объясните вору его задачу.

— Около трехсот лет назад, — глухо начал Арцивус, бросив недобрый взгляд из-под седых бровей в сторону капитана гвардии, который никак не прореагировал на него, — Совет Ордена решил воспользоваться Рогом Радуги и уничтожить Кронк-а-Мор, который связывает Неназываемого с этим миром. У нас... У нас немного не получилось...

Алистан громко фыркнул.

— Вас, ваше магичество, только дипломатом в Мирануэх отправлять! Авось и Спорные земли получим! Немного... — хихикнул шут, смакуя это слово, но, встретив свирепый взгляд мага, заткнулся.

— Да... Так о чем это я? А! Так вот, ничегошеньки из нашей попытки не вышло. Мы пытались управлять магией огров, которую совершенно не знали. Где-то не там замкнули силовой поток или переместили опейрон на несколько градусов относительно пятой астральной позиции... Мда... — Арцивус понял, что стал заходить в никому, кроме него, не понятные дебри. — Все вышло из-под контроля, и магический всплеск ударил по Авендуму. Точнее, по его части. Запретной части. Или Закрытой теперь территории.

— Так вот каким образом она появилась... — протянул я.

— Понимаешь, как были бы благодарны жители славной столицы Валиостра, если бы они узнали, благодаря кому они получили Закрытую территорию? — Гоблин сделал большие глаза, превратив их в два голубых озерца.

Архимаг тяжело вздохнул — видно, шут успел достать не только меня — и продолжил:

— Орден решил от греха подальше спрятать Рог. Его зарядили (по подсчетам магов того времени, он должен был профункционировать еще лет триста — как раз до сегодняшних дней), а потом отнесли Рог Радуги к усыпальнице Грока, да там его и оставили. Вот, собственно, и вся история. — Архимаг вновь стал смотреть слезящимися глазами в пламя очага.

— И вы хотите, чтобы я добыл Рог из могилы? — удивленно спросил я. — Но зачем вам именно я? С этой работенкой справится любой грабитель могил! И кстати, где похоронен Грок?

В маленькой комнатке повисла напряженная и гнетущая тишина. Эльфийка и Арцивус даже изумленно переглянулись между собой. Граф Крыса криво улыбался, как бы говоря, что от вора он ничего больше не ожидал. Про шута и его отвисшую челюсть я вежливо промолчу. Лишь король все так же задумчиво крутил в руках мой нож, иногда бросая взгляд на меня, как бы прикидывая, не ломаю ли я комедию.

— Гм-гм. Молодой человек, а вы вообще историю знаете? — осторожно спросил маг.

— Да на кой Х'сан'кор она мне сдалась?! Я же вор, а не ученая дева!!! — Мне хотелось что-нибудь разгромить.

Эти ребята знают, как достать человека, и я сорвался на грубость. Никто этого не заметил. Или сделали вид, что не заметили.

— Да он вообще и читать-то, наверное, не умеет, — с важным видом изрек гоблин.

Я проигнорировал этот очередной выпад.

— Рог похоронен вместе с Гроком в Костяных дворцах, Гаррет, — тихо произнесла эльфийка, поеживаясь, как будто ее смуглой кожи коснулся холодный ветерок, пришедший из-за гор Отчаяния.

И тут я рассмеялся, поняв, что эта сумасшедшая пятерка чудаков либо меня разыгрывает, либо просто проверяет перед каким-то важным делом. К примеру: «Сопри ночной горшок у короля Мирануэха, когда он будет мучиться кровавым поносом».

— Свихнулся. — Шут в ответ на мой смех обреченно покачал зеленой головой, и колокольчики на колпаке грустно звякнули.

— Они шутят, ваше величество? Ведь правда? А почему Храд Спайн? Может быть, проще составить новую встарскую сделку и пригласить драконов для защиты любимой родины? Или приручить для вас Х'сан'кора? Поверьте, с этим я справлюсь проще и быстрее, чем с путешествием в Храд Спайн!

— Они не шутят. — Король просто буравил меня серьезными глазами, и новый позыв смеха застрял где-то у меня в горле. Они действительно не шутили. Я внутренне похолодел. Спуститься в Храд Спайн за какой-то дурацкой волшебной дудкой... Это не укладывалось в голове.

— Нам нужен этот Рог, мастер Гаррет. — Эльфийка разговаривала со мной ласково, как с маленьким и капризным ребенком. — И нужен срочно. До наступления зимы, когда Неназываемый предпримет свою атаку.

— Но почему я?!

— Потому, что только хитрый и изворотливый человек пройдет там, где завязнет большой отряд воинов или магов. Например, лучший вор королевства. Да, да. Не скромничай. О тебе известно намного больше, чем ты думаешь.

— Значит ли это, что достать Рог уже пытались? — Я старался как можно дольше оттянуть время своего отказа.

— Сто тысяч демонов! Да! Неужели ты думаешь, что мы обратились бы к вору, не будь больше никакого способа проникнуть в проклятые катакомбы? — Алистан несколько раз сжал, а затем разжал кулаки. — Первую экспедицию мы отправили еще зимой. Никто из тех, кто спустился в подземелье, не вернулся, а тех, кто остался на земле, посекали орки. Второй отряд ушел ранней весной. Мы, учитывая неудачу первой экспедиции, отправили в поход более ста человек. Опытные солдаты, восемь магов Ордена, поддержка темных эльфов, выступавших нашими проводниками в лесах Заграбы... И ничего, демон меня подери! Восемьдесят человек ушли в могильники, а вернулся только один, седой, как снежная сова, и полностью лишенный разума. Остатки второй экспедиции пришли в Авендум неделю назад. Все восемь магов так и остались под землей. Как и семьдесят два человека, больше половины из которых были моими солдатами!

Я потрясенно слушал. Восемь магов, и, наверное, не последних, как и несколько десятков солдат отборной гвардии короля, ушли в неизвестность, в темную дыру под зелеными сводами лесов Заграбы, и не вернулись...

— И теперь вы решили, что вор сделает то, что не сделала сотня, — констатировал я.

Интересно, в чью светлую голову пришла такая идея, а главное, почему? Что будет, если я не соглашусь?

— А если я откажусь? — Это был вопрос чистой риторики, как говаривает брат Фор.

— Барон Лантэн все еще за дверью. Прогуляешься с ним до Серых камней, — усмехнулся Алистан.

Понятно. Значит, вот как. Либо суй голову в Храд Спайн, либо подыхай в Серых камнях, и еще неизвестно, что лучше. Будь моя воля, я бы выбрал Камни, но тут, пожалуй, можно рискнуть и обмануть весь этот безумный Совет.

— Согласен, — кивнул я и встал с кресла. — Теперь я могу идти?

Что же, я получил реальный шанс дать деру, пока совсем не запахло жареным.

— Конечно. — Король вяло махнул рукой, и его огромный перстень сверкнул в пламени свечи. — Значит, ты принимаешь Заказ?

Вот тут-то я сел обратно в кресло. Хотел обмануть всех, посчитав себя самым изворотливым угрем, а обманули в итоге меня. Да-а, правду говорит молва — во Внутреннем городе водится много щук, способных одним движением заглотнуть угря.

Заказ. Когда мастер-вор идет на задание клиента, то он принимает Заказ. Заказ, который скрепляет сделку вора и заказчика крепче золота. Беря Заказ, вор обязуется исполнить его, а в случае неудачи вернуть задаток с процентами от общей суммы сделки, а клиент обязательно заплатит после выполнения Заказа. Заказ — нерушимый договор мастера-вора и заказчика. И нарушить, порвать, вильнуть в сторону без соглашения обеих сторон невозможно. Сагот четко следит за исполнением договора. Как говорят мастера, можно обмануть тьму и расторгнуть сделку даже с ней, но не с Саготом. Наказание последует незамедлительно. Ну, вроде попадания в цепкие руки стражи на месте преступления или заключения в тюрьму; удача может отвернуться от ночного охотника, или он наткнется на нож в темном и таком безопасном ранее переулке. Да и заказчику не поздоровится, если он без всяких причин откажется платить. Покровитель воров закрывает глаза на мелких воришек и обычное ворье, но не на мастеров-воров, работающих по выгодным наводкам.

Как вы поняли, я влип. В который раз за несколько дней!

Отказаться от Заказа — это значит расписаться в своей недавней лжи о согласии сотрудничать и отправиться в самую некомфортабельную камеру Серых камней с видом на Холодное море. Согласиться — значит уже не сбежать, потому как Заказ меня будет крепко держать. От него уже не отступишь, разве что король вдруг передумает, чтобы я искал этот проклятый Неназываемым Рог. Эх, прощайте ночные улицы Авендума и сундуки мирно спящих богатеев! Придется соглашаться.

— Какие условия? — обреченно спросил я у Сталкона.

— До начала января ты должен доставить в столицу Рог Радуги.

— Плата?

— Пятьдесят тысяч золотом.

— Задаток? — Я постарался, чтобы мой голос не дрожал.

Пятьдесят тысяч... Конечно, не половина королевства и не рука принцессы из сказки, но есть где развернуться... На такие деньги можно безбедно жить несколькими поколениями. Состояние некоторых баронов и графов будет втрое меньше названной суммы.

— Сколько нужно?

Я на миг задумался, заколебавшись. Все равно постоянно таскать с собой больше трехсот золотых — это надорвать пупок.

— Двести. Скуплю весь инвентарь магических лавок города. Нужно основательно подготовиться, прежде чем класть голову в пасть огру.

— Получишь деньги при выходе из дворца. Кстати, не забудь свои игрушки. Это все?

— Прошу вас сказать официальную фразу, если она, конечно, знакома вашему величеству.

— Я прошу принять Гаррета-тень мой Заказ, — произнес король официальную формулировку договора вора и заказчика.

— Я принимаю Заказ, — вздохнул я.

— Услышано. — Эльфийка сверкнула клыками и накинула на лицо вуаль.

Не было ни громов, ни молний. Просто где-то там Сагот запомнил и теперь будет внимательно следить за исполнением условий сделки. Или не он, а его слуги. Самое главное, что Заказ придется исполнить. Костями лечь, но исполнить, потому что от судьбы не убежишь. И не исполнить его совсем невозможно. Нельзя уйти в Храм Спайн, притаиться у выхода, а потом сказать: извините, не вышло, хоть и пытался. Не зря говорили, что Сталкон умен. Он закрыл все щелочки и лазейки, назвав огромную сумму. И если у меня ничего не получится, я должен буду вернуть задаток и крупнейший процент от основной суммы. А таких денег у меня нет. Выходит, что Заказ будет нарушен.

— Праздруюсь, Гаррет! — Кли-кли отвесил мне изящный поклон и подергал ножками, видимо пытаюсь скопировать какой-то жест из неизвестного мне придворного этикета. Смешно, не скрою, но мне сейчас не до смеха. — Теперь ты человек короля.

Я не знаю, чего он ко мне привязался. Может, моя рожа приглянулась? Кто поймет этих безумных гоблинов?

— У меня вопросы.

Все «ваши величества» были отложены на потом. Сейчас был только заказчик, мастер-вор и Сагот, следивший за нами с небес или где он там живет.

— Да?

— Я отправляюсь один?

У меня промелькнула мыслишка, что если поеду один, то точно не доеду. Или заблужусь в лесах Заграбы, или попросту не доеду — пристукнут где-нибудь по дороге.

— Нет. Но мы решили, что в этот раз отряд должен быть маленьким и

двигаться надо скрытно. Чьи-то глаза следили за первыми экспедициями. Слуги Неназываемого, может кто-то еще, мы не знаем.

— Насколько небольшой отряд? — нахмурился я.

— Леди Миралисса и два ее соотечественника будут проводниками в лесу и прикроют вас магически.

— Стоп! — Я даже не обратил внимания, что перебил самого короля. Алистан нахмурился, но мне на это было плевать. Перед Заказом все равны. — Вы сказали — магически... А сколько магов поедет с нами?

— Ни одного, — отрезал очнувшийся от созерцания огня Арцивус.

Я немного помолчал, нервным жестом взлохматил волосы и произнес:

— Мне только что послышалось, будто вы сказали...

— Ни одного, — так же твердо произнес архимаг. — Мы и так потеряли в этих проклятых Костяных дворцах восьмерых лучших. Все маги понадобятся на стенах города, если ваше предприятие окончится неудачно.

Час от часу не легче. Проще скинуть нас всех в лабиринт орков. Меньше трепыхаться будем. Без хорошего мага в лесах Заграбы, а тем более в Храд Спайне делать нечего.

— Кроме троих эльфов с вами отправятся десять Диких Сердец, которые сопровождали леди Миралиссу от Одинокого Великана. И еще милорд Алистан. Он будет командовать вашим отрядом.

Алистан бросил на меня кислый взгляд. Видно, ему не улыбалось путешествовать в компании вора. Крыса и Дикие составят небольшой кулак, которым можно будет отбиться от маленького отряда нападающих, если такие встретятся на пути. Так сколько же нас? Выходило, что пятнадцать. Хотя какое мне до них дело? Мне бы выполнить свою работу.

— Хорошо. Когда выступаем?

— Чем скорее, тем лучше.

— Тогда к концу недели, — посчитав дни, сказал я.

— Что?! — Алистан сделал шаг в мою сторону. — Ты издеваешься?!

— Я? Нисколько. — Я покачал головой, давая понять рыцарю, что у меня и в мыслях не было насмехаться. — Мне нужно купить снаряжение, основательно подготовиться к походу. Я лично хочу вернуться из Храд Спайна живым. Месяц, может, два скачки до лесов Заграбы, пусть приблизительно и с огромным запасом, месяц в Храд Спайне и столько же назад, до Авендума. Вполне успеем вернуться к ноябрю — декабрю. С учетом отсутствия неприятностей, естественно. Ваше величество, мне нужен доступ в Королевскую библиотеку.

Шут сказал глупость. Я прекрасно умею читать.

— Это еще зачем? — удивился старик-маг.

— Не хочу в Храд Спайне бродить заблудившимся идиотом. Там и Неназываемый ногу сломит. Мне нужны планы и старые карты. Хотя бы той части, которую называют людской. Грок ведь похоронен не на нижних ярусах?

— Нет. Его могила на восьмом ярусе. — Архимаг покачал головой.

Про себя я облегченно вздохнул. Хотя какая-то хорошая новость. Пускай и маленькая. Лезть в ярусы огров — самоубийство. Я до них бы просто не добрался живым. Сожрали бы по дороге. А до восьмого можно рискнуть.

— Это хорошо. Думаю, в библиотеке есть старые планы?

— Есть. — Арцивус кивнул, а затем, поколебавшись, изрек: — Только могилы Грока на них нет, я уверен.

— Почему? — изумилась Миралисса, отвлекшись от созерцания хрупкого фужера с вином.

— Маги Ордена хорошо спрятали ее. Восьмой ярус хоть и не двадцать восьмой, но построен не людьми. Кто знает, кто там живет и какие ловушки ждут нашего вора?

— Не думаю, чтобы маги Ордена не оставили записей о могиле Грока и ловушках Храд Спайна. — Я тихо-тихо стал закипать. — Они ведь где-то есть?

— Есть. — Старик кивнул и еще сильнее закутался в шерстяное одеяло.

— И где?

Ну надо же! Требуют выполнить Заказ и еще сопротивляются, удерживая какие-то там свои тайны.

— В старой башне Ордена.

— А где старая башня Ордена? — Из старика нужно было вытягивать все калеными щипцами.

— Где-то в Закрытой части города.

Вот тут-то я окончательно понял, что влип под трубы королевских глашатаев.

Глава 4

Королевская библиотека

Я пообещал королю, что через неделю вновь приду во дворец, и теперь у меня было целых семь дней для подготовки сомнительного предприятия путешествия в Храд Спайн. Перво-наперво на следующее утро я отправился в Королевскую библиотеку. Она находилась на той самой площади Грока, рядом с домом ныне покойного милорда Патийского, где я недавно уже бывал по одному важному дельцу.

Естественно, заходить через центральный вход было довольно большой наглостью и вызовом всем дворянам королевства, и я обогнул здание справа, лавируя в потоке уже проснувшихся и спешащих по важным делам обитателей города. Узкий переулок захватил меня в свои объятия. В сером здании библиотеки был вход для служащих. Я подошел к литой железной двери и громко постучал. Как всегда, мою скромную персону проигнорировали самым наглым образом. Прождав пару минут, я заколотил с удвоенной силой. Опять тишина. Уснули они там, что ли, все? Вполне вероятно, посетителей не так уж много, тем более что вход разрешен только дворянам, жрецам и Ордену. Простолюдинам книги без надобности, им бы семью прокормить. Подождав немного, я застучал так, что грохотание кулака о металл вспугнуло голубей на соседних крышах домов, и они испуганной стаей устремились в безоблачное июньское небо.

Наконец замок щелкнул, затем сняли засов, второй, и дверь немного приоткрылась. На меня подслеповато и довольно зло смотрел старик — божий одуванчик. Войти я не мог — дверь удерживала массивная цепочка, на которую вполне можно было посадить самого Х'сан'кора.

— Шо стучишь, хулюган? Пошел вон! Будешь буянить, стражу позову. Уж она-то тебя на алебарды поднимет! Задницу поколет! — Дед визгливо захохотал.

Я молча протянул ему кольцо, пока он не успел захлопнуть дверь перед моим носом. Кольцо, которое мне дал король нынешней ночью. Старик прищурился, ткнул носом в золотой ободок и, открыв дверь, отступил в сторону.

— Чего сразу не сказал? Сразу надо кольцо показывать, а не хулюганить. Входи уж, если дома не сидится!

Спорить о том, что показать кольцо я просто не успел, не было смысла,

поэтому я вошел в библиотеку, и старик быстро захлопнул за мной дверь.

— Они всегда хотят до меня добраться! Но я проворный! — хихикнул дед и радостно осклабился, показывая пеньки желтых зубов.

— Кто они? — Я все же решил поладить со сторожем — смотрителем библиотеки.

Старик поманил меня корявым пальцем, оглянулся по сторонам, ища желающих подслушать его страшную тайну, и прошептал на ухо:

— Огры!

Вот тебе раз! А дедок-то того. Совсем умишком тронулся среди книжек.

Старик несколько раз кивнул головой, убеждая меня в правдивости существующих где-то рядом с библиотекой огров, и прошаркал по узкому коридору куда-то в глубь здания. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Ты чего пришел? Знаний набраться? — ворчливо спросил дед.

— Угу.

— Ученик мага небось?

— Да.

— Ну, ну, — хмыкнул старикан, ни капли мне не поверив.

Минуту мы шли в полном молчании по служебным коридорам с тусклым светом, который струился из узеньких окошек, закрытых стальными решетками. Пылинки пролетали сквозь солнечные лучи, сверкая и искрясь, как будто это были снежинки. Интересно, сколько мы будем так петлять?

— А скажи мне, ученик, на кой у тебя под плащом «оса»? — вдруг хитро спросил старик, останавливаясь и смотря мне прямо в глаза.

— Ого! А ты глазастый, — изумился я. — Откуда про «осу» знаешь?

— Откуда, откуда. Доралиссец на ухо проблеял, — буркнул дед, возобновляя путь. — Я разведчиком в Диких Сердцах тридцать лет отслужил. Неужели не узнаю какой-то паршивый арбалетишко, пусть он и спрятан под плащом?

— Дикие Сердца? В разведчиках? Тридцать лет?!

— Ну.

Ничего себе! Да дед просто ходячая легенда и герой! Вот только что он делает на посту смотрителя? Дикие за срок своей службы сколачивали неплохие состояния и могли спокойно доживать жизнь в собственном домишке, не зная хлопот и бед, а не горбатиться днями и ночами, вдыхая книжную пыль.

— А не врешь? — Как-то не верилось, что передо мной один из Диких,

пускай из бывших.

Дед зло фыркнул и закатал рукав светло-зеленой, поеденной молью, засаленной рубахи, обнажая предплечье с татуировкой. Пурпурное сердечко, такие рисуют влюбленные на стенах, вот только это было с зубами. Дикое Сердце. А ниже название подразделения — «Шиповник». Да, дед не врал. Дурака, который бы наколол себе просто так татуировку Диких Сердец, а тем более подразделения разведки, не найти. Дикие враз бы оттяпали проходимцу руку вместе с татуировкой за такое дело, не посмотрев на возраст.

Я присвистнул:

— Ого! А вылазок сколько? — Гаррет-тень стал вежлив, насколько это было возможно. Старикан заслуживал немного уважения.

— Сорок три, — скромно пробубнил дед. — До Игл Стужи доходил с парнями.

Я чуть не споткнулся. Сорок три вылазки за Одинокого Великана! Это впечатляло.

— Тяжело пришлось?

— Да уж... — немного оттаял дед. — Мы пришли.

Узенький полутемный коридорчик остался где-то позади, и мы со стариком оказались в огромном и, казалось, бесконечном зале. Множество столов и стульев для посетителей пустовали, лишь за одним из них сидел молодой человек в одежде ученика Ордена. Он листал какую-то толстую пыльную книгу, посекундно сморкаясь в носовой платок. На нас ученик не обратил никакого внимания.

По периметру библиотеки вились узенькие балкончики, чтобы посетители могли подниматься к самому потолку за нужной книгой. Чтобы прочитать все, что скопилось в библиотеке за несколько веков, не хватило бы и целой жизни. Огромные стеллажи из черного заграбского дуба уходили высоко-высоко под куполообразный потолок и скрывались где-то во мраке, который не мог разогнать даже свет, струившийся из высоких стрельчатых окон. Сотни, тысячи книг стояли на стеллажах, храня на пожелтевших страницах знания тысяч поколений Сиалы. Только протяни руку — и вмиг попадешь в другой мир, окунешься в седую древность времен. Тут были книги, написанные подслеповатыми жрецами, сидевшими возле дрожащего от ветра пламени свечи, фолианты эльфов, создававших книги, когда светила полная луна, а черная вода Иселины, медленно текущая меж корней исполинских деревьев, отражала желтый лик небесного тела. Тут были книги гномов (они писались на глиняных табличках, затем на тонких металлических листах, а в конце концов был

изобретен печатный станок, надежно хранимый где-то в Стальных шахтах), книги людских волшебников, книги, которые писали лучшие умы Сиалы, книги, создаваемые бездарностями. Книги по истории, культуре, войне, о мире, магии, шаманстве, жизни, смерти, о богах, людях, эльфах, о сотнях животных и других существ, о тысячах звезд и Сагот знает о чем еще. Все знания мира были собраны в этой древней библиотеке, основой которой послужила библиотека Ранненга, построенная чуть ли не девятьсот лет назад.

— Ого! — восхищенно произнес я, задрав голову к потолку и пытаюсь рассмотреть в полумраке, где же заканчиваются эти стены знаний.

Раньше я в библиотеках не был. Разве что в частных. Где заимствовал пару редких книжечек для других, не менее страстных любителей литературы.

— Вот тебе и ого! — с гордостью произнес старик, как будто он сам написал все эти книги. — Так чего нужно-то, хулюган? — Дед опять стал странно говорить.

— В библиотеке хранятся старые планы города? — спросил я у ворчливого старикана.

— Ну, есть немного... — прошамкал он неуверенно.

— Мне нужны планы той территории, которая сейчас называется Закрытой, или Запретной. А также планы, да и вообще все, что у тебя есть по Храд Спайну.

Старикан присвистнул, вытянув губы в трубочку, пару раз щелкнул пальцами, задумчиво смотря куда-то мне за спину, затем перевел блеклые водянистые глаза на меня:

— Эвон куда тебя занесло, милой. Ты бы еще попросил карту, где накалякано о сокровищах карликов или гномов. Не будь у тебя колечка, прогнал бы взащей, да еще бы и стражу кликнул. А то интересуются тут всякие запрещенными Орденом документами. И шастают, и шастают. Тьфу! Идем, што ль? — Старик повернулся ко мне спиной и пошел мимо стеллажей куда-то в потаенные недра библиотеки.

— А кто шастает? — осторожно стал выпрашивать я у него.

— Ты, например. Архиолог или как там вас называют?! И кой вам всем дома с девками не сидится?

— А кто еще?

— Да приходили тут вчера, — зло буркнул дед, не оборачиваясь и заводя меня в какую-то маленькую комнатку с тяжелой кованой дверью.

Сюда мы попали через очень узкий и почти незаметный проход между двумя стеллажами. Казалось, что никакого прохода тут и нет, пока дед не

шмыгнул в него.

— На тебя похожи. Такие же, как ты, серые и неразговорчивые. Под вечер пришли. И тоже колечко под нос сунули. Только немного другое, но не менее влиятельное, можешь поверить. Подавай, говорят, нам, старикан, планы города, Запретной части. Хорошо хоть, не настолько обезумели, как ты. Про Храд Спайн ничего не спросили. Пришли. Погодь, я дверку отопру.

Старик принялся крутить массивную связку ключей, которую он достал откуда-то из штанов, и, чертыхаясь, стал отпирать визжащие от старости замки. Я не обращал на старика никакого внимания, усиленно соображая: на кой ляд еще кому-то вдруг неожиданно понадобились карты Закрытой, или Запретной, части города? Король пригласил к делу еще кого-то кроме меня? Не доверяет? Или это были чьи-то люди? Кого-то другого? Например, Неназываемого? По коже пробежала веселая цепь холодных мурашек. Тьфу ты! Огр меня сожри! Еще накликаю.

— Эй! Уснул, што ль? Долго я на сквозняке буду мерзнуть?! Шевели ногами! — Окрик бывшего Дикого заставил меня отвлечься от тревожных мыслей.

— Тебя как звать-то, папаша? — миролюбиво спросил я, пригибаясь, чтобы не задеть низкий потолок серого коридора, уходящего куда-то в глубь земли, в темноту.

— Болтом, — буркнул дед, зажигая припасенный факел, свет которого осветил темный коридор. — Арбалетный Болт, вот мое имечко. Смотри, не переломай себе ноги, ступеньки крутые. Все запретные книги хранятся в подземном хранилище. Возьмем, что тебе надо, и пойдешь наверх читать, иначе я тут околею.

— А как же инструкции? — хитро спросил я у Болта. — Ведь запретные книги из хранилища выносить нельзя?

— Гм... ты понял, что я готов сделать с дурацкими инструкциями Ордена? Эти разжиревшие колдуны ничего не смыслят! Повоюй они с ограми, как я, враз бы бросили дурацкие правила. Никто не украдет эту рухлядь. Вычитаешь все, что нужно, а я их потом отнесу обратно. Осторожно, ступенька отбита.

Болт. Хм. Насколько я знал, в Диких Сердцах многим солдатам давали прозвища, которые заменяли им имена. Прозвище характеризовало человека, получившего его за какие-то заслуги, поступки, умение, случай или характер. Дикие гордились новыми именами. Лишь эльфы не имели прозвищ, эта раса слишком дорожила родовыми именами.

Арбалетный Болт. Видать, старик в былые времена классно стрелял из арбалета. А может, и нет. Может, ему ночью в штаны раскаленный

арбалетный болт засунули его веселые дружки. Кто знает, как Болт получил свое имя.

Мы спустились в небольшой темный зал, факел не мог охватить его неярким светом, старик протянул руку куда-то в темноту, что-то щелкнуло. Вспыхнул ослепительный солнечный свет, и я от неожиданности зажмурил глаза и для надежности прикрыл их рукой.

— Аа-а, испугался?! — довольно захихикал дед. — Да не бойся, не бойся. Открой зенки-то.

Я приоткрыл глаза, медленно привыкая к яркому свету. Небольшой зал с металлическими стеллажами был так же, как и тот, что остался наверху, под завязку набит книгами и свитками. А над потолком висел ослепительный круглый шар, похожий на маленькое ярко сияющее солнце.

— Это карлики придумали. Ты думаешь, они в своих пещерах в темноте бегают, лбами стенки считают? Не... Вот такие светильники колдуют. Магия! Наш Орден до такого и не додумался. Шарлатаны! А карлики вот поставили одну такую свечку здесь, да и во дворце короля штук десять в подвалах имеется. Правда, сколько они денег с короля содрали, мне неведомо. Но, согласись, удобно.

Я кивнул.

— Ладно, стой здесь, да ничего не трогай и нос свой длинный никуда не суй. Я схожу за тем, что тебе нужно. — Дед грозно посмотрел на меня, проверяя, правильно ли я его понял.

Я принял самый безобидный, какой только мог, вид, но Болт презрительно фыркнул, давая понять, что у меня ничего не получилось и его не надуришь, а затем скрылся между стеллажей с книгами. Вся безобидность с меня мигом слетела, и я стал прогуливаться, читая названия книг. Почти все были на непонятном для меня языке орков. Лишь несколько книг о магии и истории королевской династии были на человеческом языке. Мой взгляд скользнул, а затем остановился на небольшом стеллаже. Свитки. Магические свитки. Огромными вычурными буквами на стене возле свитков было выведено: «Боевые заклиния! Рунная магия. Пользоваться свитками разрешено только архимагам Ордена после получения разрешения Совета!»

Непонятно, почему боевые заклиния рунной магии валялись так просто и открыто. Любой проходимец, например такой как я, мог позаимствовать эти плохо лежащие свернутые в трубки листки пергамента.

Халатность погубит этот мир. Я быстро оглянулся по сторонам, схватил из стопки пыльных свитков один, с черной ленточкой, кажущийся мне самым новым, и сунул его себе за пазуху. А затем отошел в сторону,

ожидая старика. Уподобился мелкому воришке, но свиток, думаю, никому не будет нужен еще долгое время, а мне в Храд Спайне может пригодиться.

В чем беда всех свитков, так это в их одноразовости. Прочитал формулу, сотворил заклинание, и можно выбрасывать бесполезный пергамент. Магия уничтожает слова, стирая их и со свитка, и из памяти прочитавшего. Зато не нужно быть магом, чтобы активировать заклинание, начертанное на свитке. Нужно всего лишь уметь читать.

Откуда-то из-за книжных стеллажей послышалось покашливание Болта, а затем появился и он, неся в руках две книги. Одна была здоровой, в коричневом переплете из воловьей кожи и с поистершимся золотым тиснением, вторая — маленькая и такая ветхая, что казалось — сейчас разлетится в пылевое облачко под пальцами старика.

— Меня там чуть огр не схватил, — буркнул старик, сунув мне в руки две книги. — Под стеллажом тварь пряталась. Ну, чего застыл как истукан? Шевели копытами, или ты тут жить решил остаться?

— Это все? — недоуменно спросил я у Болта, глядя на две книги. Я ожидал большего.

— Хватит с тебя. Большая — это планы Авендума, начертанные четыреста лет назад, а маленькая — про Храд Спайн. Написана не так давно, но состояние ужасное. А карт Храд Спайна тут нет. Их маги много веков назад забрали в свою башню. Остальные книги на оркском. Ты ведь по-ихнему не кумекаешь? Во! Так что не ной. Давай иди. Я тебя сюда привел, чтобы ты книги тащил, а не пялился, будто доралиссец на кобылу.

Старик погасил солнце карликов, вынул из скобы, куда он его воткнул, когда мы спускались вниз, факел и, кряхтя, стал подниматься по лестнице. Весь путь назад мы проделали в молчании. Затем старик все так же молча запер железную дверь, провел меня к столу, но не в читальном зале, а к стоящему в маленьком закутке, окруженном книгами, и, что-то бормоча себе под нос, ушел в сторону коридора, из которого совсем недавно привел меня в библиотеку. Я был один-одинешенек в этом пустом, затерянном среди книг зальчике. Жители Авендума не очень-то любят ходить в королевство знаний, а уж в это место совсем редко кто забирается.

Я начал свои изыскания с самого простого и легкого. Отложив в сторону маленькую книжку, подвинул к себе увесистый том карт города. Их переплели и превратили в книгу. Страницы из тонкого пергамента тихо шелестели под пальцами, когда я переворачивал их, ища интересующее меня место в Авендуме. Чертежи в книге поражали своей четкостью и подробностью. Сразу было видно, что работали старательные карлики. Только их большие, но аккуратные руки могли нанести линии с такой

чистотой и любовью. Вместе со страницами перед моими глазами пролетали улицы Авендума, его история. То, что мне было нужно, я нашел на сороковых страницах. Запретная территория. Конечно, тогда маги Ордена еще не успели пообщаться с Рогом Радуги, превратив пяток улиц в проклятое место, отгороженное от всего города волшебной стеной. Три параллельные улицы, которые отходили от Портового города и направлялись к городу Ремесленников. Улицы Сонной Кошки, Людская и Кладбищенская. Последняя выходила одним своим концом на старое кладбище, где тогда хоронили умерших.

Это теперь всех хоронят за городской чертой, на берегу Холодного моря, а раньше, когда Авендум был маленьким, кладбище располагалось в черте города. Под прямым углом к улице Сонной Кошки подходила улица Магов, которая плавно переходила в площадь, где стояла старая башня Ордена. Дальше площадь переходила в улицу Кровельщиков. Я окинул нарисованную территорию взглядом, стараясь запомнить все эти улицы, дома и переулки. Назовите меня дураком, но я никогда не копировал планы на пергамент. Для чего тогда нужна голова? Я запоминал, понимая, что проникнуть на Закрытую территорию будет довольно легко, но вот что ждет меня там? Хотя ничего страшного быть не должно, иначе оно давно бы прорвалось сквозь волшебную стену магов Ордена. Так, обычные мертвяки, с которыми всегда можно разойтись по-хорошему, сделав ноги.

Как я и предполагал, эти улицы занимали большой кусок нынешнего города, и они были намного больше, чем я рассчитывал. Несколько нынешних улочек спокойно могли поместиться в самую маленькую улицу Закрытой территории — Людскую. Дело мне предстоит сложное, но в старую башню Ордена проникнуть придется, если я хочу найти могилу Грока. Не понимаю, как две предыдущие экспедиции отправлялись в Храм Спайн, не зная, где искать Рог? На что они рассчитывали?

Где-то к полудню я все же смог впихнуть в свою голову все эти дома-переулки Запретной части. Я в изнеможении откинулся на стул и, захлопнув толстый том, отодвинул его в сторону. Желудок бесстыдно дал понять, что он немного проголодался. Я спросил у проходящего мимо Болта, не мог бы он принести или купить чего-нибудь съестного. Но получил от него лишь свирепый взгляд и нотацию о том, что набивать брюхо нужно в трактире, а не в хранилище знаний. Решив пойти другим путем, я достал серебряную монету и крутанул ее на столе. Монетка еще не успела остановиться, а Болт уже схватил ее, как сорока хватая блестящую безделушку, и унесся куда-то меж книг и свитков. В конце концов он пришел с огромным количеством снеди и четыремья бутылками красного

кислого вина. Моей монеты он не пожалел и купил выпивки на целую роту. Тут же, за столом, мы и пообедали, отодвинув книги в сторону. За полдня ни один человек так и не посетил здание библиотеки, и я, догрызая ногу неаппетитно жесткого цыпленка, понял, как должно быть одиноко и тоскливо здесь старику. Болт между тем налегал в основном на вино. Перекусив, я отправил старика подальше, чтобы мне никто не мешал, и он, прихватив бутылки с вином и снедь, удалился.

Я подвинул к себе маленькую книгу, на которой черными буквами было написано: «Храд Спайн. Ночная тайна, окутанная смертью. История и предположения. Научная работа мага Далистуса Снежного, Ордена Авендума».

Ну что же. Будет интересно почитать. Хотя не думаю, что узнаю что-то новое. Вычурные буквы и гравюры, карты, рисунки непонятных существ. Страшная сказка захватила меня и погрузила в старую эпоху тайн.

Храд Спайн — это огрское название. Если перевести на людской язык, то получится Костяные дворцы. Но темные эльфы говорят, что людской язык не в состоянии передать тот вселенский ужас, который огры заключили в эти два слова. Никто не знает, кто и в какую из эпох создал Храд Спайн. Чья мысль и сила вгрызлась глубоко в кости земли, создавая глубокие каверны и пещеры, позже превращенные в архитектурные чудеса северного мира, а еще позже — в мир Тьмы и Ужаса. Первыми Храд Спайн обнаружили огры, когда они еще не ушли в Безлюдные земли. Тогда еще и орков-то не было, не говоря уж о людях. Огры исследовали Храд Спайн долго, очень долго. Именно в Храд Спайне они разгадали тайны Кронк-а-Мора. О появлении огров ничего не известно, но появились на Сиале они намного позже, чем неизвестные строители заложили основы Храд Спайна. Говорят, что сила и мощь магии огров пошла из Костяных дворцов, где они обнаружили древние записи неизвестной расы, жившей на Сиале задолго до прихода огров.

Глубоко-глубоко под землей еще не отупевшие огры обнаружили гигантские залы и пещеры. Они стали использовать Храд Спайн как свое кладбище, оставляя тут мертвецов и накладывая на могильники страшные заклятия. Затем, когда огры ушли на север, в Храд Спайне нашли свой последний приют кости орков и эльфов. Воюя между собой, они все же создавали под землей великолепные дворцы, которые потрясали красотой современников. Тысячи тысяч были погребены в Храд Спайне.

Изящные потолки, колонны, фрески, залы, статуи и коридоры — вот чем был Храд Спайн в те времена. Орки и эльфы работали в Храд Спайне сообща. Это было единственное место, в котором действовало перемирие

между враждующими родственниками. Ни те, ни другие не лезли на нижние уровни огров. Обе расы понимали, что от магии огров ничего хорошего ждать не стоит. И эльфам и оркам вполне хватало верхних уровней Дворцов. И в течение восьмисот лет обе расы строили и расширяли Костяные дворцы. Храд Спайн был целой страной, гигантской и поражающей воображение своими размерами. Это был подземный мир красоты, тайны и забвения. Огромный, живший своей, мертвой жизнью. Расы орков и эльфов, как трудолюбивые муравьи, строили и строили новые залы, гробницы и коридоры глубоко-глубоко под землей. В трудолюбии они переплюнули даже гномов и карликов, которые иногда приходили в Храд Спайн и поражались красоте и величию этого места. Но в конце концов кровожадность орков и ненависть эльфов сделали свое дело, и кровь пролилась в этом священном для обеих рас месте. Каждая раса стала строить ловушки для врага на своей территории, обычные и магические. Подземные залы трещали от темного шаманства и утопали в крови. В итоге и орки и эльфы перестали чувствовать себя в безопасности в Храд Спайне. И Костяные дворцы были заброшены, а впоследствии тайны расположения ловушек и лабиринтов нижних уровней были утеряны со смертью старых строителей. Храд Спайн стал похож на гигантский слоеный пирог, раскинувшийся под землей на десятки лиг в глубину и ширину. Уровни огров, уровни орков и эльфов. Залы, коридоры и пещеры. Гробницы, сокровищницы и магические комнаты. Все, что было в Храд Спайне, оказалось закручено в гигантский тугой и нераспутываемый клубок. К тому времени как орки и эльфы покинули эти залы, в Храд Спайн пришли уже появившиеся в мире Сиалы люди. Они тоже не решались спускаться на нижние уровни Храд Спайна. Удивительно, но на это нашей расе ума хватило. Людям достались три верхних яруса для захоронения своих воинов. Храд Спайн стал самой великой и легендарной гробницей Северных земель. Удостоиться чести быть похороненным в Храд Спайне могли только воины, храбро сражавшиеся на поле битвы, а также аристократия и видные государственные деятели. Там и похоронили Грока, а затем, сразу как началась заваруха с Закрытой территорией, и этот богами проклятый Рог. Правда, намного глубже, чем всех остальных. Восьмой ярус принадлежал уже эльфам и оркам. А около двухсот лет назад случилось то, что случилось. Никто не знал, что это было и из-за чего произошло. В Храд Спайне проснулось Зло. Зло костей огров, защищенное темным шаманством, которое все эти века дремало на нижних уровнях подземной страны. Зло проснулось, разбудило мертвых и еще кого-то. Зло поднялось до самого верхнего яруса, но не вышло за пределы Храд Спайна, навечно

поселившись в древних дворцах, и больше никто не спускался в эти места. Кроме разве что магов, носивших Рог к могиле Грока.

Вскоре леса Заграбы поглотили входы в эту подземную страну, навсегда спрятав ночной ужас под своими зелеными кронами. За века страшные сказки о Храд Спайне обросли еще большим ужасом и тьмой. Лишь однажды, около сорока лет назад, туда спустились темные эльфы, чтобы навечно оставить там главу дома Черной розы, но смогли донести тело павшего в бою с орками эльфа лишь до четвертого яруса. Они оставили его там и, отбиваясь от существ ночи, ушли наверх, теряя бойцов. В итоге лишь жалкая часть эльфов смогла выбраться на солнечный свет. И вот теперь в это темное место должен был отправиться я, ни на что не надеясь, не имея четких карт ярусов и залов, расположения ловушек, да и самой могилы Грока, которую не в меру усердные маги Ордена устроили не на людских уровнях, а на восьмом, эльфийском. Надеюсь, что в старой башне Ордена, по уверению Арцивуса, я все же найду хотя бы карты Храд Спайна и план, где указано местонахождение Рога.

Где-то на середине изучения не старой, но ветхой книги ко мне за стол подсел уже успевший под завязку набраться вина Болт и стал рассказывать о жизни и службе у Одинокого Великана. О битвах с орками и свенами, в которых он стрелял из верного арбалета. Я не очень-то обращал внимание на его пьяные рассказы, просто иногда машинально кивал головой, продолжая изучать историю Храд Спайна. Лишь уже к самому вечеру старику, видно, самому надоели его сказки, и он, наконец-то выговорившись, попросил посмотреть мой арбалет. Я оторвался от книги и поднял на него удивленный взгляд.

— Ну что смотришь так? Боишься, что я пьян и сам себя пораню? Да я арбалетом пользовался, когда ты, сопляк, еще не родился! Дай, ничего не будет!

Я, поколебавшись, молча достал из-под плаща миниатюрное оружие и протянул его Болту, проверив, установлен ли предохранитель, мешавший сорваться болту при случайном нажатии спускового крючка. Старик выхватил арбалет у меня из рук, возбужденно цокая языком, взвешивая в руках и прицеливаясь куда-то мне за спину. Предохранитель старикан нашел очень быстро и тут же его снял. Я стал жалеть, что не разрядил оружие. Затем старик, видимо наигравшись, положил арбалет рядом с собой, налил новый стакан вина, чокнулся им об оружие и, найдя себе нового и, наверное, более благодарного собеседника, продолжил историю жизни у Одинокого Великана. Я вновь погрузился в книгу и очнулся уже поздним вечером, когда Болт пронзительно заорал у меня над ухом:

— Огр!

Вой Болта был таким неожиданным и громким, что я вместе со стулом упал назад и больно ударился затылком о деревянный пол. Сквозь вспышку боли я увидел, как в стол вонзилась тяжелая стрела, пробив книгу о Храд Спайне. Стрела все еще дрожала, а Болт уже схватил арбалет и, не целясь, выстрелил куда-то вверх. Послышался чей-то крик боли, ярости и удивления. Я оглянулся на этот крик, ожидая увидеть там настоящего и ни разу не виданного мною огра. Оказалось, что это не огр, а всего лишь мой старый знакомец Бледный, он стоял, схватившись левой рукой за правое плечо, из которого торчал арбалетный болт. Его короткий лук степняков Унгавы валялся на балкончике, где Бледный и притаился, собираясь пустить стрелу мне в спину. На миг мы встретились с ним взглядом, а затем начали действовать. Я вскочил и, не обращая внимания на боль в голове, выхватил арбалет из рук пьяного старика и понесся к лесенке на балкон, на ходу перезаряжая оружие и думая, что Болт не зря получил свое имя. Будучи вдрызг пьяным, почти не целясь, попасть с такого расстояния, пусть даже в плечо. Это мастер.

Бледный между тем бросился от меня по балкону в один из полутемных коридоров второго этажа. Я неслся за ним, стараясь забыть о боли в затылке и натянуть дрожащими руками тетиву арбалета. По счастью, карлики снабдили мое оружие дополнительными пружинами и рычагами, и мне оставалось потянуть на себя коротенькую ручку, чтобы тугая тетива встала на свое место. Так же на ходу я вставил новый стальной болт и выстрелил в маячившую вдалеке спину Бледного. Видно, все же я слишком сильно ударился головой, в глазах все еще бегали радужные круги, и болт не попал в убегающего, а застрял в одной из книг на стеллаже, мимо которого пробежал Бледный. Он услышал щелчок тетивы и удар болта, резко повернулся ко мне и взмахнул здоровой рукой. Я совсем неизящно грохнулся на пол, и метательный нож, прошелестев у меня над головой, звякнул об один из стеллажей и упал на пол. Когда я вскочил на ноги, Бледного уже не было. Окно второго этажа было распахнуто настежь. Я еще раз перезарядил арбалет, подошел к окну и аккуратно высунулся наружу, готовый в любой момент отпрянуть, если Бледный не сбежал, а всего лишь затаился под окном. Но ночная улица была пустой, горело всего лишь несколько фонарей, и я поспешно захлопнул окно, чтобы больше ничто не сунулось из темноты, искренне желая, чтобы Бледного этой ночью сожрала какая-нибудь особо голодная тварь.

— Убег огр? — всплеснул руками Болт, когда я спустился вниз.

Он вырвал стрелу из книги и поливал отборной бранью все племя

огров, причинившее вред старой рукописи.

— Далеко не убежит. Ты его хорошо прижал, — успокоил я старика.

Видно, Маркун все же не стал ждать прихода Гаррета в гильдию и решил отправить его к Саготу, чтобы другим бунтарям было неповадно. Надо с этим что-то делать.

— Да, я его хорошо, — важно кивнул головой дед, икая и немного шатаясь под порывом не видимого мне ветра.

— Спасибо, Болт, ты мне очень помог. Время позднее, пойду-ка я домой.

Я узнал все, что мне требовалось, и, боюсь, придется совершить экскурсию в Запретную часть города, а для этого нужно нормально выспаться.

— Ты заходи, дружище, — неожиданно прослезился старикан и достал откуда-то из-под своей одежды здоровый ножичек. — Мы с тобой этих огров порубаем!

Вполне вероятно, таким кривым лезвием можно было рубать не только огров, но и самого не к ночи упомянутого Неназываемого.

Я впихнул в ладонь старику золотой, надеясь, что ни один прохиндей города не узнает о моей позорной щедрости, и вышел в ночь.

Глава 5

Ночные сюрпризы

Вы знаете, что может быть хуже разъяренного доралиссца? Хуже разъяренного доралиссца могут быть только несколько разъяренных доралиссцев. Десяток этих полулюдей-полукозлов с яростными воплями преследовали меня по ночному Авендуму, вопя во всю мощь своих не самых маленьких легких. Узкие улицы Портового города не давали тварям подобраться ко мне всем скопом, и им приходилось гнаться за мной гуськом, стуча копытами по каменной мостовой и раздраженно блея, когда им на пути попадались какие-то ящики или бочки, из-за которых доралиссцы теряли скорость.

Ничто не предвещало в эту ночь моего бега по ночным улицам города. Я только вернулся из Королевской библиотеки и только открыл дверь своей новой и, осмелюсь сказать, тайной берлоги, как из темноты, с шипастыми дубинками наперевес, дурно блея, на меня бросились доралиссцы. Меня спасла только врожденная реакция и тупость нападающих: козлолюди отталкивали друг друга в надежде добраться первыми до моей несчастной головы. В итоге в дверях образовалась пробка. А я был таков.

Вот уже минут двадцать, несчастный, невыспавшийся, я не прекращал бега, все еще надеясь оторваться от преследователей. Твари орали и блеяли где-то у меня за спиной, ни в какую не желая отставать от невезучего Гаррета.

Никто не выскакивал на меня из темных подворотен города, требуя кошелек. Все пьянчуги и полуночные гулены, не успевшие спрятаться по домам до наступления ночи, заметив погоню, как по волшебству исчезали с дороги. Даже существа ночи слышали яростные вопли моих преследователей и не решались выходить на свет, чтобы не попасть козлам под горячую руку. Уже кончился Портовый город, и я ворвался в паутину улиц города Ремесленников, огибая кварталы Магов стороной. Волшебники — народ капризный и вздорный. Они первым делом шандарахнут по вопящей и разбудившей их толпе заклятием, а затем станут разбираться, кто виноват и что делать с вон той нечаянно пострадавшей от волшебства стеной дома и надо ли счищать с нее пепел, оставшийся от вопящей и бегущей компании.

Я начал уставать и, чтобы бежать было легче, резко дернул шнуровку

плаща у себя на плечах. Черная ткань соскользнула и упала на мостовую. Бежать стало легче, но не намного. Очень хотелось отбросить арбалет и нож, но их немалая цена останавливала меня от этого спасительного, но глупого с финансовой точки зрения поступка.

Остановившись, я, конечно, успел бы уложить из арбалета парочку козликов, но остальные меня бы все же догнали и устроили взбучку. Смертельную. Поэтому оставалось только бежать, так как при мне не было даже моей сумки с магическими атрибутами.

За спиной раздалось радостное и удивленное блеяние, твари, видно, обнаружили мой плащ и остановились, решая, куда я мог деться. На мое счастье, доралиссы плохо умеют бегать, несмотря на то что у них копыта, плюс они еще непроходимо тупы. Но лучше в козью морду им этого не говорить, так как они твари мстительные, и вполне можно получить рогами под ребра. Пару раз доралиссы из степей Унгавы пытались диктовать козлиные законы в Валиостре, но Сталкон Шестой, прадед нашего славного короля Сталкона Девятого, дал по рогам зарвавшимся козликам и погнал их чуть ли не до самых степей Унгавы, вынудив подписать мирный договор. С тех пор Валиостру и доралиссцам как-то удавалось уживаться вместе, хотя община козлов в городе насчитывала чуть больше двухсот тварей. Единственное, за что терпели этих рогатых и склочных существ, так это за лошадей. Лошади доралисской породы были самыми быстрыми и выносливыми скакунами в этом мире. В Султанате и в эльфийских домах за них платили огромные деньги. Я резко остановился на какой-то улочке, кажется на улице Мясников, и перевел дух. По-моему, эти твари что-то кричали, когда я входил в свою берлогу. Что-то вроде: «Отдай нашего коня!» Совсем доралиссы отупели. Я мастер-вор, а не конокрад. Либо произошла досадная ошибка, либо меня кто-то подставил. Вот только кто это может быть из сотни злопыхателей? Очередные происки Маркуна? Х'сан'кор меня задуши! Что за неделя? Полная невезуха. Уйти бы на дно на месяцок-другой.

С соседней улицы вновь раздалось блеяние и приближающийся топот копыт. Доралиссы, видно, наконец осознали, что в брошенном плаще я спрятаться не мог, и продолжили погоню. Попробовать укрыться в тени? Я давно бы уже это сделал, если бы не отличный нюх козлов, о котором все твердили. Я не очень-то верил в эти слухи, но рисковать и проверять, так ли это, не хотелось. Дальше так продолжаться не могло. Я вскоре выдохнусь, и твари схватят меня живехонького, но обессиленного. Или эти отчаянные вопли козлов привлекут к моей персоне ненужное внимание. Например, ночных тварей. Придется пойти на крайние меры. Я сунул руку за пазуху и

выудил оттуда только недавно позаимствованный из библиотеки свиток с боевым заклятием. Эх! А ведь хотел дотянуть до Костяных дворцов и использовать лишнее заклятие там.

Я, торопясь, сорвал черную ленточку и развернул свиток. Уж не знаю, как действовало это заклинание, но стоило поторопиться. Вопли доралиссцев приближались. Щурясь, чтобы разглядеть в свете луны вычурные мелкие буковки заклинания, я начал читать:

— Лаосто с'ха ф'надра коли сэт! И'хна аж жааах'ыда!

Мой язык отчаянно ворочался во рту, пытаюсь произнести непроизносимое. После магических фраз я театральным жестом направил руку в сторону приближающихся доралиссцев.

Ничего не случилось.

То есть совсем ничего. Я как дурак стоял посередине ночной полутемной улицы, вытянув руку и открыв рот от удивления. Рунная магия свитка не сработала! Может, я не так прочитал заклинание?

Хорошо, еще раз! Я взглянул на свиток, выругался и отбросил его в сторону. Чернила исчезли, растворив вместе с собой и буквы заклинания, видно, я все же правильно произнес проклятые слова, но тогда какого рожна они не действуют? Я решил, что, раздумывая на одном месте, представляю собой прекрасный объект для ударов доралисскими дубинками и лучше все же додумать эту неприятную ситуацию на ходу. Через несколько минут, когда едкий пот тек в глаза, а легкие гудели, как кузнечные мехи гномов, стало ясно, что абсолютно ничего не придумывается. Козлики, может, не так быстро бегают, как люди, но вот упорства им не занимать. Доралиссцы как имперские собаки — если вцепятся, то крепко.

Все! Бежать уже не было сил, еще минута — и я упаду прямо на мостовую. Будь что будет!

Я приник к стене здания, отбрасывающего густую черную тень. В нос ударил резкий запах свежеепотрошенной рыбы. Запах, надо сказать, ужасный. Ну и хорошо, значит, твари смогут учуять не Гаррета, а рыбу. Арбалет был заряжен, и я замер, стараясь дышать ртом, чтобы не шлепнуться в обморок от потрясающего аромата.

Они появились спустя несколько мгновений, пыхтя и кряхтя, семена гуськом и поглядывая по сторонам, сжимая в своих руках коротенькие шипастые дубинки. Козлиные головы с бородами и небольшими, но острыми рогами, сидящие на крупных мускулистых человеческих торсах. Если бы не головы и копыта на ногах, они вполне сошли бы за портовых грузчиков.

— Эк, — ляпнул что-то первый из дюжины охотников за головой Гаррета на своем козлином языке.

— Бэк, — возразил ему доралиссец со сломанным рогом и втянул носом воздух.

В рыло твари ударил рыбный дух, и она чихнула. Я немного расслабился. Твари были рядом, только руку протяни, но все же рыбный запах отбивал все остальные, в том числе и мой.

— Кудэ-э-э он мог дэ-э-эться? — заблеял первый на корявом человеческом и в подтверждение своих не самых лучших чувств к некоему Гаррету постучал дубинкой по стене соседнего здания.

Посыпалась каменная крошка.

— Впэ-э-эрэ-э-эд побэ-э-эжал, — вякнул кто-то из толпы добровольных палачей. — К Внутрэ-э-энэ-э-эму городу людэ-э-эй.

— Он забрал коня! Нашэ-э-эго коня!

— Да! Да! Нашэ-э-эго! Надо э-э-эго догнать! — завопил хор.

— Догоним! Впэ-э-эрэ-э-эд! — Первый махнул рукой с зажатой в ней дубиной, и твари неуклюжими козлиными прыжками устремились мимо меня по тихой улочке и исчезли в таком еще зыбком и только что начинающем появляться тумане.

Я вслушивался в удаляющийся и стихающий в тумане топот копыт, искренне желая своим новым друзьям во время пробежки по ночному городу нарваться на какие-нибудь неприятности, надеясь, что Орден во главе с Арцивусом пока не додумались, как изгнать ночных существ из города. Как бы в ответ на мою маленькую мысленную месть откуда-то из тумана и тьмы раздалось испуганное блеяние, а затем рев десятка луженых и пропитых глоток городской стражи. Видно, ребята тоже перетрусили, когда на них из подворотни выскочил кто-то лохматый и блеющий дурным голосом. А теперь стража пришла в себя и решила отплатить за свой мимолетный страх, попытавшись поймать шляющихся ночью доралиссцев и засадить их в кутузку или хотя бы содрать штраф. Я снова вжался в стенку, понимая, что страдать от рыбного запаха мне придется по крайней мере еще несколько долгих и утомительных минут. Все стадо снова протопало мимо меня. Надо заметить, что сейчас они бежали намного быстрее, чем когда гнались за мной. Могут ведь, когда захотят, сожри мою печень демоны! Козлолюди отталкивали друг друга, пихались локтями и противно блеяли, надеясь побыстрее унести копыта от стражи.

Стражники, наверное, больше всех в городе не любили доралиссцев. Эти существа вечно устраивали драки и разгромы по малейшему поводу, а то и без оного. А нагоняй за недосмотр за порядком устраивали барону

Лантэну, а он в свою очередь давал перца своим подчиненным.

Доралиссцы исчезли во мгле, и на сцену выбежало десятка три обнаглевших от собственной храбрости оранжево-черных служителей гибкого и продажного закона Валиостра. Они вопили, свистели и улюлюкали, стараясь взять реванш. Стража протопала мимо и тоже исчезла. Ребят-доралиссцев ждет сегодня неплохая пробежка из конца Авендума в центр и снова в конец. А если их еще и поймает стража, то приличного штрафа золотом им не миновать. Я подождал еще немного, на всякий случай, чтобы уж наверняка не столкнуться ни с первой, ни со второй группировкой любителей ночных забегов.

Ничего, тихо. Лишь летучие мыши, появившиеся в городе откуда-то с юга, порхали в звездном небе, иногда ныряли в облако желтого тумана, рассекали его перепончатыми крылышками, хватали ночного мотылька и вновь взмывали в небо.

Интересно, какого такого ляда доралиссцам от меня понадобилось? И с чего это они решили, что я украл у них коня? Зачем Гаррету лошадь — об этом они могли подумать своими козлиными мозгами? Мда. Совсем забыл. В этих головах просто не могло быть мозгов. Как говаривает брат Фор: «У доралиссцев в башке всего лишь три извилины. Первая отвечает за сон, вторая — за жратву, третья — за спаривание». Удивительно, как эта фраза действует на доралиссцев! Один знакомый Фора сдуру произнес ее на Рыночной площади и был почти до смерти избит разъяренными козлами.

Я вслушался в молчание ночи. Тихо. Можно идти, нужно зайти домой, взять важные и ценные вещи и вновь поменять берлогу. Я никогда долго не задерживаюсь на одном месте, для меня это непозволительная роскошь и риск смертельно пошатнуть свое слабое здоровье. Забраться куда-нибудь в глубь паутины Портового города, на самое дно, куда не решится прийти ни барон Лантэн, ни чертовы доралиссцы, ни милорд Алистан Маркауз-Крыса. Хотя этот спустится за мной в самую тьму и вытащит за шкуру на ковер своего любимого короля.

Только я хотел сделать шаг из тени, как кто-то очень крепко схватил меня за грудки и с удивительной легкостью поднял на высоту около трех ярдов над землей.

Я опешил. Я испугался. Я открыл рот, чтобы заорать. Я поднял арбалет, который оставался все это время в моей руке, собираясь выстрелить. Я посмотрел на напавшего.

Вопль застыл у меня где-то в области живота. Арбалет аккуратно и тихо опустился. Я очень надеялся, что моя агрессия не была заметна этому существу.

Итак... Я висел на высоте трех ярдов, тихонько дрыгая ногами в безнадежной попытке нащупать для них опору, а за грудки меня крепко держал... Ну, наверное, это все же был демон.

Огромный торс вырастал прямо из серой стены здания, к которой я совсем недавно прижимался, скрываясь от доралиссцев. Тело монстра плавно входило в стену и исчезало где-то там. Две огромные и такие же серые, как стена, руки крепко держали меня за грудки. Голова... тут я, пожалуй, опущу описание своего нового ночного знакомого. Он выглядел как демон. То есть стандартный набор зубищ, способных перепилить рыцаря вместе с закованной в латы лошадью, смрадное дыхание — от него, видно, сдохли все крысы на лигу отсюда, хищный разрез янтарных глаз со змеиными зрачками. Так что морда демона вполне могла заставить даже его маму, если она, конечно, у него имелась, наложить на себя руки в ужасе от содеянного. Тварь, прищуриваясь и сузив желтые глазки, оценивала Гаррета, собиравшегося просто пойти домой и никому не желающего зла. Как-то нехорошо она оценивала. Так скряга-карлик разглядывает мясную вырезку в лавке. То ли он выбрал для своего ужина?

— П-привет, — как можно более вежливо и спокойно произнес я, хотя стук моего сердца слышали все не уснувшие жители города. — Я Гаррет. А ты?

Тварь еще больше сузила глаза, тряхнула меня, как кошка трясет мышку, но все же произнесла:

— Вухджааз — умный демон.

Бр-р. Ну и дыхание! Запах рыбы был намного лучше и приятнее! Он что-то не то съел или просто позабыл веков десять назад, что зубы хоть иногда нужно чистить?

— Правда? — вежливо изумился я, и демон бросил на меня еще один нехороший взгляд. — А! Да! Конечно, конечно! Самый умный из всех демонов.

Эх! Где бы на тебя найти мага Ордена с дипломом по демонологии? Я, видно, все же сумел разговорить монстра, и он на некоторое время забыл о своих гастрономических предпочтениях.

— Да. Вухджааз умный. Он ждал. Смотрел. Умный. — Тварь утвердительно кивнула рогатой головой. — Когда кто-то произнес заклинание Возврата, Вухджааз успел спрятаться.

— Ух ты, — восхищенно произнес я и заработал одобрителный взгляд твари.

Трях! В этот раз демон тряхнул не так сильно. Мои зубы даже не клацнули.

— Все демоны вновь вернулись во Тьму, а я остался. — Очередной трях.

— Почему? — не понял я.

— Тут много еды. — Его глаза вновь сузились и, сверкнув, уставились на меня.

Х'сан'кор! Неверный вопрос!!!

— Я интересовался немного другим: почему все остальные демоны вернулись во Тьму? — поспешил я отвлечь голодное создание от своей персоны.

— А, — произнесла тварь после минутного оценивания слова «интересовался». Понятное дело, словарный запас пополнить никогда не вредно. — Какой-то смертный прочитал заклятие, и свободе демонов в этом людском муравейнике пришел конец. Поймаю его, высосу мозг из костей. Ты, случайно, здесь никого не видел?

Гаррет отчаянно покрутил головой, кажется, понимая, про какого смертного едет речь. Ай да свиток!

— А кто выпустил Вухджааза из Тьмы? — Я отчаянно искал выход из неприятной ситуации.

— Хозяин. — Еще раз трях!

— Неназываемый?

Демон только фыркнул и вновь ожег меня голодным взглядом. Тварь обладала величайшим талантом нервировать Гаррета. Ну что он во мне нашел?

— Вухджааз голоден.

— Да? — пискнул я, положив палец на спусковой крючок арбалета.

Конечно, стрелять обыкновенным болтом в демона — все равно что колоть огра булавкой. Только еще сильнее злить. Но что мне оставалось делать?

— Да. А еще Вухджаазу нужна помощь.

Вот он шанс!

— Может, Гаррет сможет тебе помочь?

— Сможет. — Вухджааз втянул носом мой запах, и из уголка его рта потекла липкая нитка слюны.

— Нет, в том деле! — отчаянно зачастил я.

— А? — Демон немного расстроился, но отодвинул свою зубастую морду от меня. — Вухджааз хочет остаться в этом мире. Во Тьме так не кормят. Гаррет поможет Вухджаазу.

— Конечно, что я должен делать? — с полной готовностью сравнять Горы карликов с землей произнес я.

— Помоги Вухджаазу.

Мда. Тварь тупа, как все доралиссцы Унгавы.

— Ты не мог бы меня опустить на землю? Я так лучше пойму твою проблему.

Демон подозрительно посмотрел на меня, но все же сделал, что я просил, и полностью вылез из стены.

— Смотри. Попытаешься убежать, поймаю и высосу мозг из твоих костей, — предупредило меня существо, опираясь на толстый серый хвост.

Я поспешил заверить, что предан Вухджаазу всей душой.

— Меня скоро затянет во Тьму. Как бы я ни прятался.

«Поскорей бы!» — подумал я, но соорудил вежливую физиономию внимательного слушателя.

— Если я найду вещь, то останусь здесь надолго. Я чувствую его. Он в городе. Вухджааз умный, — в который раз напомнил мне демон.

— Что за вещь?

— Конь.

Ну естественно. В коне мяса больше, чем в человеке. А этот демон такой большой. И такой голодный.

— Хорошо. — Задача была не настолько уж сложной. — Завтра я добуду тебе коня. Какой породы ты предпочитаешь?

— Ты глуп, — прошипел демон и толкнул меня когтистым пальцем. От его тычка мне пришлось отступить на несколько шагов. — Не живого коня, а Коня.

— А-а-а. Так этого коня, так бы сразу и объяснил! — Я решил, что глупость — это прямой путь в желудок Вухджааза и что умным, но ничего не понимающим быть намного безопаснее.

— Четыре дня сроку даю. Вухджааз умный. Добудь мне Коня. — Демон посмотрел на меня, ожидая ответа.

— Конечно, конечно. Все сделаю. — Сути разговора я так и не понял, но отвязаться от твари, спокойно появляющейся и исчезающей в стенах, очень хотелось.

— Я буду следить. — Демон пронзил меня золотыми глазами. — Исполни мой приказ, иначе я высосу мозг из твоих костей. Вухджааз умный. Его не обманешь.

Демон шагнул в серую стену и растворился. Я немного еще постоял, успокаивая торопливо стучащее сердце, готовое вырваться из груди.

Это что же получается? Сначала за мной несутся ополоумевшие доралиссцы и тоже требуют вернуть коня, затем я читаю заклинание, бог знает сколько веков пролежавшее в хранилище библиотеки, и делаю то, что

не удавалось всему Ордену. Загоняю всех демонов обратно во Тьму. Ну или почти всех. Затем абсолютно оголодавший и самый тупой демон, какой только есть в этом мире, хватает меня, как какого-то котенка, и тоже требует коня. Интересно, Вухджаазу и доралиссцам нужны разные кони или одинаковые? Может, их познакомить друг с другом, пусть сами договариваются о лошадях? Мода с сегодняшнего дня, что ли, такая — коней разводить?

До дома я шел абсолютно не скрываясь, в полной уверенности, что ни одна ночная тварь, кроме самого умного Вухджааза, до меня не доберется. Я не стал менять берлогу, махнув на все неприятности рукой до утра, и, упав на кровать, погрузился в глубокий младенческий сон. До похода в Храд Спайн оставалось шесть дней.

Глава 6

Дневные сюрпризы

— Бух! Бух! Бух!

Бесцеремонный долбеж в дверь заставил меня вскочить со старой рассохшейся деревянной кровати и зашарить в поисках оружия. Вчера я так устал, что лег спать не раздеваясь, и арбалет, так и оставшийся пристегнутым, впивался мне ночью в спину. Отстегнул его, морщась, потер зудящую поясницу и снял миниатюрное оружие с предохранителя. Я не стал подходить к двери, а замер рядом с ней, плотно прижавшись к стене с облупившейся штукатуркой. Стук повторился, он был еще сильнее и решительнее.

— Гаррет? Ты тут? Открывай! Именем Ордена! — раздался молодой голос.

Что Ордену понадобилось от меня в такую рань? Я бросил взгляд в окно с грязным стеклом. Солнце стояло довольно высоко. Неужели уже полдень? Силен же я спать! Хотя посмотрел бы я на того, кто падает со стула, спасаясь от стрел наемных убийц, затем делает легкую пробежку через половину города, спасаясь от разъяренных доралиссцев, и на закуску беседует с голодным демоном.

Я невольно поморщился. Проклятый демон! Днем я могу чувствовать себя в относительной безопасности, но вот ночью будет худо. А вдруг он обо мне забыл ненароком, оказался не таким уж и сообразительным, как молва приписывает это демонам.

— Гаррет! Открой дверь, или я ее вышибу!

Как же, попробуй, хотя, если это действительно маг Ордена, ему даже пробовать не нужно. Один плевок — и половина дома будет разнесена в мелкую пыль. Я начал серьезно подумывать о прогулке через окно. Как меня здесь нашли? Да, наверное, так же, как и доралиссцы. По чьей-то наводке. Надо будет потом обязательно посмотреть, нет ли у меня над дверью вывески: «Гаррет-тень. Мастер-вор. Часы приема с десяти ноль-ноль без перерыва на обед».

— Гаррет, его магичесство Арцивус просит тебя прийти. Срочно!

Арцивус? Почему бы сразу не сказать, что от Арцивуса, а потом уже грозиться разнести дверь?

— Сейчас. Подождите, — крикнул я через дверь, на шаривая плащ,

который подобрал на том самом месте, где бросил прошлой ночью.

Он был немножко грязноват, и на нем было даже несколько отпечатков копыт, но носить вполне можно.

Я отпер замок, снял засов и отошел назад и в сторону. Арбалет я все же не убрал — мало ли кто может прикрываться именем архимага Ордена?

— Входите.

Дверь раскрылась, и передо мной оказался довольно безобидный и худющий молодой человек с вытянутым лицом грустной лошади. На нем был синий с отливом балахон, мешком висевший на узких плечах, и маленькая шапочка на голове. Я никогда бы не подумал, что этот паренек может стучать с такой силой в мою дверь.

— Ты Гаррет? По... — Мой гость увидел нацеленный на него арбалет, посерел лицом и заткнулся.

Я убрал оружие за спину — нечего детей пугать. Показал ему раскрытые ладони:

— Да, я Гаррет.

Посыльный облизал пересохшие губы, набрал воздуха в легкие и робко посмотрел на меня. Я ободряюще кивнул.

— Мастер Гаррет. Его магичество глава Ордена магистр Арцивус просит незамедлительно явиться к нему. — Парень нервно взглянул на меня и пояснил: — Я его ученик.

— Как ты меня нашел?

— Его магичество сказал адрес.

Тут точно без колдовских штучек не обошлось!

— Ясненько. Что-то стряслось?

— Не знаю.

— Хорошо, подожди.

Я неторопливо забрал из тайника сумку с магическими ингредиентами и золото, полученное от короля. Я обычно не имею такой дурацкой привычки хранить деньги в одной куче, да еще дома. Проще отдать их нескольким надежным людям, заставив золото работать на себя. Например, в банк гномам. Деньги всегда хранятся под надежной защитой ловушек, замков, магии и разъяренных мотыжников^[10]. Но не в моем случае, мне эти королевские двести золотых понадобятся сегодня же.

— Где экипаж?

— Ээээ... — ученик почему-то смутился, — я пешком.

— Великолепно! Тогда скажи мне, ученик, как ты живым-то до меня добрался через весь Портовый город? У нас таких наивных пускают плавать под пирс. А может, ты не врал, что выбьешь дверь и можешь

пускать шарики-огоньки?

Ученик еще больше смутился и покраснел.

— Ну, — замялся парень. — Немножко.

— Ладно, веди, — вздохнул я.

С какой стати сам Арцивус взял его к себе в ученики, я понять не мог.

Навсегда покидая жилище, я все же не удержался и оглянулся. Как и предполагал, никакой вывески, что тут живет Гаррет, над дверью не было.

Полдень. Центральная улица Портового города была запружена народом. Кого здесь только не было! Начиная от празднующихся гуляк и заканчивая торговцами всякой всячиной. Встречались и нелюди. Доралиссец возле старой и покосившейся от гнета времен бакалейной лавки затеял драку с проходившим мимо и глазеющим по сторонам карликом. Они свирепо мутузили друг друга кулаками и изрыгали проклятия на своих языках. Вокруг дерущихся собралась уже немаленькая толпа зрителей, подбадривающих бойцов и даже дававших советы, как лучше расквасить нос сопернику. Сразу откуда-то появились букмекеры, принимающие ставки. Ставили один к трем за то, что карлик победит козла. Несколько стражников стояли тут же, опираясь на алебарды, и не спешили прекращать потасовку. Видно, кто-то из них уже успел поставить деньги в этом маленьком шоу. По моему скромному мнению, низкорослый лысый житель подземелий проигрывал. Я заметил пожилого карманника и двух его учеников, которые проходили под его присмотром практику прямо в толпе, так сказать в полевых условиях, срезая кошельки у зевак. Карманник-учитель, видимо, почувствовал взгляд, посмотрел на меня, напрягся, но, поняв, что я тоже не очень-то близок с шатким законом, весело подмигнул. Я подмигнул в ответ. Молодежь подрастает. Новая смена. Я тоже в такие далекие, но все же прекрасные времена начинал с карманов зевак на Рыночной площади. Сколько времени прошло с тех пор? Много. Уже никто не помнит Гаррета-блоху, худощавого и вечно голодного паренька, рыскающего по площадям и улицам города в поисках пропитания и спящего в грязной подворотне. Те времена прошли, Гаррет-блоха пропал, а в Авендуме появился Гаррет-тень.

— Ой! — вскрикнул мой провожатый, когда кто-то в толпе наступил ему на ногу.

— Не спи, — прошипел я ему на ухо. — Надо выбираться из этой давки. Держись левее, к стене.

Здесь людской поток был реже, и мы вполне спокойно шли друг за другом. Люди и нелюди бурлили. То тут, то там возникали стихийные кучки сплетников.

Слухи, слухи, слухи.

— А вы знаете, что Неназываемый уже выступил?

— Что же делает король?

— Да нет, чушь! Нет никакого Неназываемого!

— Еще как есть! Мне еще бабка рассказывала, живи она в свете!

— А что король? Армию собирает. Налоги вновь подскочат, а пострадают снова бедные люди.

— А что ты хотела, чтобы солдаты защищали город на пустое брюхо? Ничего, не обеднеем!

— А вы знаете, что вчерашней ночью, говорят, стража поймала сотню доралиссцев с ножами?

— Сотню?! Враки!

— Клянусь светом! Именно сотню! Они на улице Мясников резню хотели устроить!

— А вы знаете...

Дальше я уже не слушал. Чего только ни выдумают люди, чтобы не скучать!

— Эй! — позвал я ученика Арцивуса.

— Да?

— До башни Ордена нам еще идти и идти. Ты так и собираешься вести меня сквозь эту толчею? Не лучше ли свернуть на улицу Клопов? Там нет такой давки.

— М-м-м, — протянул парень. — Милорд Арцивус сказал, что вам в башне Ордена делать нечего. Он попросил привести вас в один из домов, тут неподалеку.

— Ну ладно. Пошли.

Арцивус думает, что вор осквернит магическую святыню?

Количество людей на улицах в первую очередь объяснялось на удивление хорошей для июня погодой. Обычно июнь в северном Валиостре, а значит, и в Авендуме больше напоминал ранний апрель где-нибудь на южных границах королевства. Прохладная погода держалась где-то до августа, а затем наступала удушающая жара до начала сентября, сменяющаяся ливнями и хмурой погодой, плавно переходящей в снег и морозы до конца марта. И лишь в апреле у нас начиналась весна. Что поделаешь, Безлюдные земли под боком. Сейчас же ситуация была несколько другой. Начало июня — всегда прохладное время, а в этот день солнце жарит вовсю. Я обливался потом в плаще. Да и не я один. У многих людей лица блестели от пота. Мимо меня прошел житель Пограничного королевства, он потихоньку жарился и коптился в кольчуге. Броню

пограничники носили не снимая, где бы они ни были. Привычка, выработанная соседством с лесами Заграбы.

Если такая погода будет держаться до конца августа, то половина города просто вымрет от жары. Уже шли разговоры о том, что это Неназываемый наслал на нас новое испытание.

Наконец мы покинули улицу Смотра, центральную улицу Портового города, по которой раньше провозили осужденных на казнь, и вышли на улицу Сонного Пса.

— Гаррет, эй, Гаррет!

Я обернулся на крик. Стоя возле «Ножа и Топора», мне отчаянно махал владелец сего заведения, старина и «дражайший друг» Гозмо.

Чего ему понадобилось? У меня уже есть Заказ. Да еще какой! Смертельный, можно сказать. Но я все же дернул ученика Арцивуса за рукав и кивнул, чтобы он шел за мной. Парень хотел было возразить, что его магичество намного важнее какого-то трактирщика, и уже открыл рот, но я не слушая повернулся к нему спиной и перешел на другую сторону улицы. Молодому магу ничего не оставалось, как последовать за мной.

— В чем дело, Гозмо? — не очень-то приветливо начал я. — Зачем орать на весь город, что я Гаррет?

— А. Э-э-э... — Сутулый трактирщик вопросительно посмотрел на моего спутника.

— Пивом угостишь? — Я многозначительно кивнул в сторону двери. — Там и поговорим.

— Проходи.

Трактир был пуст, чего и следовало ожидать. Посетители начнут прибывать ближе к вечеру и в подступающей темноте. Столы, стулья и табуреты были непривычно пусты и одиноки. Очаг погашен. На ближайšie от входа столы взгромождены перевернутые стулья, сиротливо смотрящие ножками в потолок. Рядом усердно елозила тряпкой певичка заведения, на данный момент сменившая профессию певицы на профессию уборщицы. Ей помогал один из вышибал. Да, персонал у Гозмо — мастера на все руки.

— Проходи, Гаррет, к стойке, а твой знакомый пусть садится вон за тот стол. Что будете пить, молодой человек?

— Воды. — Ученик мага чувствовал себя неуютно — он впервые попал в такое заведение.

На его физиономии застыло ошеломленное удивление от того, что он по собственному желанию попал в столь сомнительное место.

Гозмо скорчил кислую мину и посмотрел на меня.

— С кем это ты завел дружбу?

Я пожал плечами, и Гозмо отнес полный стакан воды к столу ученика, а затем встал напротив, за стойку бара, и налил полную кружку пива из бочки, спрятанной у него под стойкой. Специальной бочки, он сам пьет это пиво и редко с кем делится. Я сделал большой глоток и, оценив, кивнул Гозмо. Пиво было действительно великолепным, как я и предполагал. Старина Гозмо не травит свои внутренности гадостью, которую без зазрения совести наливает большинству завсегдатаев заведения.

Сам бывший вор сейчас не пил, а немного нервно переминался с ноги на ногу и бросал настороженные взгляды в мою сторону. С чего бы это? Но он молчал, а я никогда не был излишне любопытен и просто потягивал пиво, ожидая, когда трактирщик все же объяснит, зачем позвал меня.

Гозмо тихонько начал потеть. Неужели тут настолько жарко? Я отставил пустую кружку, посмотрел на нетерпеливо елозившего по стулу ученика Арцивуса и улыбнулся Гозмо. От моей улыбки он вздрогнул и отпрянул, как будто перед ним сидел не добряк Гаррет, а самый зубастый огр всей Сиалы.

— Так зачем ты меня позвал, дружище? — нетерпеливо спросил я. — Пиво ты мне налил, конечно, хорошее, но с чего бы это?

— Понимаешь, Гаррет, — нервно произнес Гозмо, настороженно смотря на меня. — Я хотел извиниться за тот случай, поверь, мне очень жаль, если бы я знал, что все выйдет именно так, то никогда бы не стал...

— Это ты о гарринче в доме герцога Патийского? — перебил я его, войдя в роль полного индюка, как бы забыв упомянуть случай с Лантэном и то, что я прекрасно знаю о том, кто был заказчиком.

Этот разговор я приберегу на потом.

— Гарринч? Д-да. Именно о нем, — неуверенно и немного удивленно произнес Гозмо, облегченно присаживаясь на стул и понимая, что я не собираюсь устраивать тут войну и пускать кровь. — Я просто хотел, чтобы ты знал, что я об этом не имел понятия.

— Да успокойся, Гозмо, что ты так разнервничался? — великодушно махнул я рукой. — Ничего ведь страшного не произошло, правда? Все живы и довольны. У меня еще есть дела, так что я пойду, пожалуй, вместе с моим провожатым.

— Это значит, что извинения приняты? — облегченно спросил Гозмо.

У него просто как будто Зам-да-Морт с плеч свалился. Странно все это, старина Гозмо не страдает от переизбытка совести. И даже то, что он не сообщил мне, что заказчик король, не должно было сделать его настолько нервным. Во всяком случае, это право Гозмо — хранить тайну имени

заказчика.

— Забудь. Пошли, — позвал я паренька, и мы вышли на улицу.

— Что хотел от вас этот человек? — спросил он после минуты молчаливого шествия.

— У тебя имя-то есть? — вопросом на вопрос ответил я ему, провожая взглядом патруль стражи.

— Родерик, — смущенно произнес ученик мага.

— Ну так вот, Родерик, долго нам еще идти? Мне больше делать нечего, как шастать к разным архимагам.

— Мой учитель не разный! — задохнулся от возмущения ученик и хотел сказать еще что-то, но, вспомнив о моем арбалете, буркнул: — Почти пришли вон через тот переулок.

— Ты хочешь убедить меня, что Арцивус ждет меня в Портовом городе? — От удивления я даже остановился. — Неужели его магичество решил посетить эту часть Авендума?

Родерик фыркнул и посмотрел на меня взглядом, в котором читалось все, что он думал о моих мыслительных способностях.

— Учитель посчитал, что нечего афишировать ваше знакомство с ним, тем более в том деле, над которым вы работаете. Поэтому карета ждет вас здесь.

Ну что же. Архимагу не откажешь в разуме. Мне тоже не нужны были слухи о том, что Гаррет-тень ведет дела с Орденом.

— Ты уверен, что нам сюда? — переспросил я молодого мага, тыкая пальцем в сторону зловонного полутемного коридора, который образовывали два рядом стоящих и тесно прижатых друг к другу здания. — На улицу Яблок?

— Да.

Я пожал плечами, кивнул ему, чтобы шел первым, и двинулся вслед за Родериком, достав из-под плаща арбалет. Что взять с этого молодого и не знакомого с обычаями Портового города паренька? В таких полутемных и вонючих переулках погибает людей больше, чем в пограничных схватках с орками или мирануэхцами. В этой обманчивой тишине могут водиться зубастые щуки, готовые сожрать почти любого. Но нет, переулочек был пуст, и выход на улицу Яблок был уже близко, оставалось пройти около двадцати ярдов, чтобы вырваться из этой узкой щели. Я расслабился. И, естественно, тот тип, который отвечает за мою удачу где-то там, на небесах, снова решил спугнуть ее, хлопнув в ладоши. Удача миляги Гаррета, самого доброго и симпатичного парня Валиостра, испуганно захлопав крыльями, воспарила в прозрачную и безоблачную высоту, оставив меня наедине с

Родериком и пятеркой не очень дружелюбно настроенных громил. Трое перекрыли нам выход на улицу Яблок, а двое появились с улицы Сонного Пса и медленно стали приближаться к нам.

— Ой, — тихонько пискнул Родерик и сразу как-то поник. Стало понятно, что он тут ни при чем и о ловушке ничего не знал. — Чего хотят эти люди?

— Наверное, попросят сдать несколько золотых в фонд помощи ветеранов Войны Весны, — зло бросил я.

— К-какой В-вес-сны? — От волнения мой спутник стал заикаться. — К-какие ветераны? Он-ни же все д-давно умерли.

— А этим без разницы. Главное — взять деньги. У-у-у, — протянул я, только теперь разглядев третьего в группе с улицы Яблок. — У нас большие неприятности.

— У в-вас нет денег? — испугался Родерик.

— Не то чтобы нет. Просто они пришли не за деньгами.

— А з-за чем? — еще сильнее перепугался ученик Арцивуса.

— За моей жизнью. Думаю, и тебя в довесок на тот свет отправят.

— Н-но, м-м-ожет, мы сможем договориться с ними, убедить, что это ошибка? — прошептал бледный Родерик, прижимаясь спиной к левой стене переулка.

Я прижался к правой, поглядывая на приближающихся с двух сторон убийц.

— Ты посмотри на их мечи. Какие разговоры? Когда я начну действовать, атакуй тех, что сзади.

— Н-но я не умею, — запротестовал Родерик. — У меня даже и оружия нет.

— Значит, мы умрем.

Он громко сглотнул, но ничего не ответил.

Четверка людей сжимала в лапах короткие и тяжелые мечи панцирной пехоты, которые использовали воины Пограничного королевства. Самое эффективное оружие в узких местечках или плотном строю, где нельзя развернуться с длинным клинком. Пятый, державшийся за спинами двоих сотоварищей, оружия не носил, его правое плечо было перебинтовано.

— Как здоровье, Бледный? — вежливо спросил я, когда они подошли и остановились в пяти ярдах от нас.

— Лучше, чем будет у тебя через пару минут, — в тон мне ответил убийца.

— А тебе не кажется, что грубая сила — это немножко не профиль мастера-убийцы? — поддел я его.

— Время не терпит, Гаррет, приходится отбрасывать клинок и браться за молот, — поморщился Бледный.

— Неужели Маркун настолько на меня обиделся? — удивился я.

Ребята абсолютно не обращали внимания на арбалет. Все, кроме Бледного, но тот прятался за спинами этих дегенератов-переростков и ему-то мой первый болт не грозил, а второго, думаю уже не будет.

— Кто это с тобой? — Бледный проигнорировал мой вопрос и кивком головы указал на Родерика. — Ученика взял?

Громилы громко заржали. А чего им, собственно говоря, опасаться?

— Это мой друг, маг Ордена. Шли бы вы отсюда по-хорошему.

— Ну если он маг, то я султан Султаната. Убейте их!

Все последующее произошло в течение десяти секунд. Мой арбалет щелкнул, и громила, за которым прятался Бледный, стал заваливаться назад с болтом во лбу, чуть не придавив своим телом наемного убийцу. Второй громила, крича и занеся над головой меч, бросился на меня, в то время как Бледный отпрыгивал от падающего тела первого. Я отбросил бесполезное оружие в сторону и лихорадочно стал нащаривать в сумке с магическими ингредиентами что-нибудь подходящее, краешком сознания отмечая, что я безнадежно опаздываю и что тяжелый меч упадет мне на голову намного быстрее, чем я выужу из сумки какой-нибудь пузырек. За спиной взревело, и мимо, обдав меня раскаленным жаром, пролетел огненный шар размером с хорошую лошадиную голову. Я шлепнулся на живот и закрыл голову руками, наплевав на все и вся. Что-то гулко ударило по ушам, земля ощутимо вздрогнула, посыпалась каменная крошка. Кто-то взвыл. Чем хорошо волшебство в отличие от шаманства? Волшебство активируется мгновенно, а шаманство — это целый ритуал. Гоблины танцуют, орки поют. Поэтому шаманство действует намного медленнее, хотя после его использования шаманы, в отличие от магов, не теряют силы.

Лежа на земле, я все же нащарил одну пробирку из магического стекла и, поднявшись на одно колено, собрался кинуть ее в бежавшего ко мне мечника. Но мечник испарился. В буквальном смысле этого слова. Огненный шар, так любимый всеми начинающими магами, превратил нападающего в кучку пепла, а затем, ударившись о стену здания, разорвался. Бледный выл и орал где-то возле выхода из переулочка на улицу Яблок. Его отбросило туда взрывной волной, которая, как это бывает при использовании огненных шаров, действовала только в одном направлении. Даже отсюда я видел, что его лицо обожжено и в крови от мелких осколков здания, брызнувших только в одну сторону. В левом доме образовалась не самая маленькая дыра, через которую вполне могла

проехать королевская карета. Кто-то испуганно высунул из нее голову, ойкнул и снова исчез в доме. Родерик не поспешил на заклинание.

Кстати, как он? Я, позабыв о Бледном, повернулся к ученику мага. Родерик, потеряв все силы, полусидел-полулежал, прислонившись к стене, а двое оставшихся громил с изумлением смотрели на него.

— Он и вправду маг! — Наконец-то дошло до одного из убийц.

— Бежим! — завопил второй, отбрасывая в сторону меч и, видно, не понимая со страху, что Родерик сейчас не способен обидеть даже муху.

Оба громилы побежали в том направлении, откуда только что пришли, оглушительно топая и завывая от страха. Преследовать их я, конечно, не стал. Меня больше интересовал Бледный, но его и след простыл.

— Живучий гад, — восхищенно покачал я головой.

Прямо х'варр какой-то, только эта тварь настолько живуча, что сопротивляется даже после того, как Дикий несколько раз пронзит его мечом, нанеся, казалось бы, смертельные раны. Ну и Тьма с ним!

Я подошел к Родерику:

— Ты как? Жив?

Он вяло кивнул, но глаза его сияли каким-то внутренним огнем.

— У меня получилось! У меня впервые получилось такое заклинание!

— Да ты вместо шара размером с яблоко сотворил эту махину! Я чуть не поджарился! Кстати, почему ты в этого стрелял, а не в тех двоих, что я сказал?

— Но этот тебя бы мечом... — начал оправдываться мой спаситель.

— Ладно, спасибо тебе. Идти сможешь, а то сейчас стража из щелей появится?

Так уж бывает в нашем славном Авендуме: как только серьезная заварушка, вся стража по мановению ока исчезает в щелях и закутках города и не высовывает носа до самого окончания драки.

Родерик утвердительно мотнул светловолосой головой, я помог ему подняться с земли и, поддерживая, повел к опустевшей улице Яблок.

Глава 7

Открытия

Взгляд его магического магистра Ордена Валиостра, архимага Арцивуса не предвещал моей персоне ничего хорошего.

Старикан встретил меня в собственном доме, расположенном во Внутреннем городе, совсем рядом с дворцом короля.

Архимаг сидел в глубоком кресле, обитом бархатом сочного яркого красного цвета. Арцивус вновь закутался в гору шерстяных одеял, которыми пользуются Дикие, если спят на земле во время рейдов за Одинокого Великана. Такие одеяла способны согреть даже мертвеца в самую лютую зиму, а ведь сейчас на улице стоит умопомрачительная жара. Но, видно, она никак не трогала старые промерзшие кости архимага, и, чтобы согреться, он использовал обычные одеяла. Неужели Арцивус не может подобрать соответствующее заклинание?

— Гаррет, чтоб тебя разорвало! — заскрипел старик, со стуком ставя на миниатюрный светло-коричневый столик с вычурными резными ножками бокал с горячим вином.

Вино выплеснулось и растеклось небольшой лужицей по отполированной карликами до зеркального блеска поверхности.

— Ты что натворил? Совсем умишка лишился?

— Что случилось, ваше магичество? — Я действительно не понимал, что произошло.

Или почти не понимал.

Старик аж затрясся от возмущения, и я начал подумывать, что его либо хватит удар, либо архимаг меня поджарит. Он тяжело и гулко закашлял, сотрясаясь всем телом под горой одеял. Я даже скривился от сочувствия, кашель был страшным, казалось, он сейчас вывернет архимага наизнанку.

Резная дверь, на которой была изображена какая-то стародавняя схватка между магами Ордена и шаманами орков, открылась, и в комнату вошел Родерик. Он все еще был бледен после сотворения огненного заклинания, но его уже не бросало из стороны в сторону, и из стакана с лекарством, который он нес своему учителю, не расплескалось ни капли. Родерик протянул стакан архимагу, и Арцивус, сотрясаясь и захлебываясь от кашля, выпил бурую жидкость. Поморщился. Залпом запил вино и, облегченно вздохнув, небрежным движением худой руки отпустил

Родерика. Тот молча поклонился и ушел, забрав пустой стакан. Дверь закрылась, и мы с архимагом вновь остались наедине.

— Да, — пробормотал Арцивус и еще раз кашлянул в кулак. — Старость не радость. Мне уже девяносто шесть, Гаррет. Годы берут свое...

Я счел, что лучше промолчать. Не думаю, что Арцивус нуждается в лести и уверениях о том, что он хорошо выглядит. Тем более что это было не так.

— И знаешь, что самое обидное? Здесь все работает, как механизм карликов. — Арцивус ткнул себя пальцем в лоб. — Но проклятая телесная оболочка. Я постоянно мерзну, спасают только эти одеяла. Ни огонь в очаге, ни магия. Скоро придет мое время, я уже чувствую, как Сагра ходит у меня за спиной. Ничего, мне еще есть что сказать богине смерти.

— Всем есть что сказать, — поддержал я старика. — Главное — не забыть эти слова, когда встретишься с ней глазами у ворот Света.

— Или Тьмы.

— Вы совершенно правы, ваше магичество.

— Хм. — Архимаг еще раз бросил на меня внимательный взгляд. — Так ты говоришь, что ничего не знаешь? Невинен, как Джок-принесший-зиму^[11]? Хм...

Старик забарабанил пальцами по столику, размышляя, а затем резко спросил:

— Чем ты вчера занимался? Учти, подумай, прежде чем ответить мне, я распознаю ложь.

Интересно, в чем меня подозревают? Разве что в краже магического свитка? Но свиток валялся никому не нужным неизвестно сколько лет. Лет? Я напряг память, пытаюсь вспомнить, как выглядел свиток. Кажется, он был единственным не покрытым толстым слоем пыли. Потому-то я его и выбрал из всех остальных и позаимствовал на будущее. Но, если он не был пыльным, значит, его положили туда совсем недавно. Но зачем? Чтобы кто-то не смог загнать демонов обратно во тьму? Но кто? И стоит ли рассказывать о свитке Арцивусу?

Рассказ я начал издалека, но архимаг не выказывал нетерпения и не перебивал меня, только иногда хмурил кустистые брови, когда я начинал сыпать ненужными подробностями и описаниями, стараясь увести разговор в сторону. Затем я все же решился рассказать о свитке, а потом и о его неожиданном действии, когда я рискнул испробовать заклинание на доралиссцах. Удивительно, но старик даже не заинтересовался этим свитком, будто не с его помощью я изгнал демонов из города. Все внимание архимаг обратил на доралиссцев.

— А ну-ка повтори, что они там кричали?

— Ну, что-то вроде «Верни нашего коня».

— Ты в эту ночь еще что-нибудь слышал о конях?

— Нет. — Хотя Вухджааз тоже твердил о каком-то коне, но я все же решил проверить, определит ли архимаг мою ложь.

— Хорошо. — Видно, Арцивус не уличил меня или просто не обратил на откровенное вранье внимания. — Свиток — это очень интересно, тем более что никто из Ордена, я уверен, не слышал ни о каком таком свитке.

Старик поелозил в кресле, поправил сползший на пол край одеяла и вновь задумчиво посмотрел на меня.

— Так где Конь? — необычайно ласково проговорил старик.

Вот только в его бесцветных глазах ласки не было. Сталь и сжатая пружина, но никак не ласка.

— Да какой к Х'сан'кору конь?! — взвился я.

Меня начинало доставать, что чуть ли не каждый теперь нуждается не только в Роге Радуги и в моей смерти, но еще и в каком-то вонючем коне.

— Зачем мне лошадь?! Что мне с ней делать?! И эти доралиссцы тоже вопили, что я украл их коня!

Архимаг молчал и лишь хмурил брови, но в его глазах появилось сомнение.

— То есть ты не крал вчера вечером Коня из дома архимага О'Станда?

— Он совсем ненормальный, если держит лошадь в доме? — изумился я, уходя от вопроса.

— Да при чем здесь лошадь, вор?! Вчера из дома архимага О'Станда, который приехал из Филанда, неизвестными был похищен волшебный Камень Конь Теней. Мы рассчитывали с его помощью загнать демонов обратно во Тьму. А теперь он пропал!

— Но демоны уже исчезли. Я же произнес это заклинание.

— Исчезли. — Архимаг кивнул. — Меня очень заботит, что ты сделал то, чего не смог сделать целый Орден. Каким образом и откуда взялся этот никому не известный свиток, кто еще приходил к этому твоему Болту и интересовался планами Запретной части, кто такой этот Хозяин? Новое имя Неназываемого? С чего на вас с Родериком напали эти убийцы? Хотя я думаю, что тут твои дела. И кому понадобился Камень? Как вообще о нем кто-то прознал?

— А почему вы сразу стали подозревать меня, ваше магичество? — Я покосился на стоявшее рядом кресло, оно было точной копией того, в котором сидел Арцивус.

— Садись уж, чего там, — бросил архимаг, заметив мой взгляд. — А

кто еще, Гаррет, мог повернуть такое дело? Ни одна магическая ловушка не активирована, Камень попросту исчез. Даже дураку ясно, что работал профи.

— Ну, я не единственный вор в городе.

— Пробраться в дом архимага и украсть там не последнюю вещь — это нужно суметь.

— В столице есть, по крайней мере, еще два человека, способных на такое дело. А что говорит сам О’Станд?

— Ничего. Он мертв. — Архимаг устало закрыл глаза. — Слуги нашли его с перерезанным горлом. Убили, как какого-то ночного пьянчугу из Конюшни Старка^[12]. Не кого-нибудь, а архимага Филанда! Это не только политический скандал, но еще и удар по престижу Ордена Валиоистра!

— Он прибыл сюда специально ради Коня?

— Да. Мы вызвали его еще давно, как только ночные твари появились в городе. Филанд обладал реликвией — этим Камнем. С его помощью можно загнать или вызвать демонов из Тьмы.

— Вы опасаетесь, что демоны могут появиться вновь?

— Я вообще не уверен, что они куда-либо исчезали, — буркнул Арцивус. — С чего ты взял, что заклинание сработало правильно? Может, тот демон, прежде чем исчезнуть во Тьму, тебе просто наврал?

Вообще-то это я наврал Арцивусу, сказав, что после прочтения свитка видел, как появившийся демон орал, что заклинание тянет их во Тьму, а затем исчез. Конечно, все было совсем не так, но мне очень не хотелось, чтобы за мной, как тени, сновали маги-демонологи в попытке захватить Вухджааза. То есть уничтожить его, конечно, надобно, но сейчас придется идти на вынужденный риск, иначе маги посадят меня под сотню замков, лишь бы выманить и захватить настоящего живого демона. А демоны, как известно, устойчивы почти к любой магии, а поэтому представляют собой довольно большую, хоть и опасную, загадку. Загадку, над которой бьется уже множество поколений магов. Ведь нет ничего желаннее для боевого мага, чем обладать устойчивостью к заклинаниям противника. И имей Орден настоящего живого демона, он бы сделал все, что в его силах, дабы раскрыть секрет неуязвимости демонов к магии. Демоны дрожат только перед такими вот образчиками, как Камни-Кони. Да еще их можно поймать на заклинания в свитках, придуманных неизвестными умельцами или демонологами Ордена.

— Откуда я знаю? — Пожав плечами, я поднял честный взгляд на Арцивуса. — Эта тварь исчезла. Да и какая теперь разница, у кого этот Камень?

— С помощью Коня можно не только прогнать демонов, но и вызвать, — устало произнес архимаг и вновь закашлялся.

Я ждал, когда пройдет очередной приступ кашля.

— А при чем тут доралиссцы?

— Ну, это ведь их Камень. Филандцы забрали его у козлолюдей около двадцати лет назад за то, что доралиссцы попытались их обмануть при продаже лошадей. Все было, конечно, честно, по условиям контракта, но этот Камень был чем-то вроде святыни у доралиссцев. Вот они и пытаются всеми правдами и неправдами его вернуть. Сколько раз хотели выкупить Камень, предлагая огромные деньги и целые табуны лучших лошадей, но Орден Филанда не соглашался. И правильно делал, между прочим. В Камне заключена довольно большая сила, хоть ею и могут управлять только маги с дипломом по демонологии, ну и сами демоны.

— То есть, вы хотите сказать, что если этот Конь окажется в руках демона?..

— То неизвестно, что случится. Ну, например, демон выпустит всех своих братьев Тьмы на свободу или, если умный, оставит Коня себе. И тогда никакое заклинание уже не поможет. Он будет устойчив. Магически нейтрален, если ты знаешь, что обозначает это слово.

«Вухджааз умный». — Я поежился, когда мне послышался голос демона.

— Тогда почему какая-нибудь из этих тварей уже не зацапала себе Коня? — вопрос напрашивался сам собой.

— Уж не знаю, откуда Коня взяли доралиссцы, может, кто-то из богов по какой-то прихоти им его отдал, но Камень обладает таким свойством, что ни один демон не сможет взять его в лапы, если ему его добровольно не отдаст кто-то из людей или доралиссцев.

«Вухджааз умный». — Теперь в моей голове этот голос прозвучал с искоркой превосходства.

По счастью, это было только мое разыгравшееся воображение, а не серый монстр, шепчущий мне на ухо о своих мыслительных способностях.

— И теперь я должен найти вам этого Коня? — Вероятно, на моем лице было написано, что я по этому поводу думаю.

— Ты занимайся Заказом короля, — отмахнулся магистр Ордена. — Коня мы сами будем искать, ты тут ни при чем. Тебе удалось меня убедить, хотя твоя невинная рожа все же наводит на неприятные размышления.

— Доралиссцы так не думают. — Я покачал головой.

Козлолюди могут стать большой занозой для меня в эти дни.

— С чего это они тоже решили, что Гаррет-тень замешан в этом деле?

Либо они пришли к тем же выводам, что и я, либо тебя кто-то красиво подставил, вор.

— Скорее последнее, врагов у меня хватает, — как можно небрежнее произнес я, но в голове радостной птахой затрепетала искра озарения.

Вся головоломка карликов со стоном и скрежетом шестеренок постепенно вставала на места.

— Да, будь осторожнее, ты еще нужен королю, может, не стоит рисковать? Я могу выделить тебе сопровождение из магов Ордена. Родерика, например.

— Нет, — торопливо отказался я, мага-недоучки мне только и не хватало. — Спасибо за предложение, ваше магичество, но нет. Для меня это будет лишней обузой, а с доралиссцами я сам попробую разобраться.

— Ну что же, ну что же. — К Арцивусу вернулось хорошее настроение. — Это твой выбор, и я не буду настаивать, хотя надо бы. Ладно, Гаррет, ступай. Я уверен, у тебя есть дела поважнее, чем болтать со стариком.

— Могу ли я задать вам несколько вопросов?

— Да, конечно. — Архимаг был немного удивлен. Что вору могло понадобиться от магистра Ордена?

— Вы можете рассказать что-нибудь о Запретной части? Мне будет полезна каждая крупица информации.

— А что Запретная территория? — буркнул старик. — Территория как территория. Орден практически ничего о ней не знает. Белое пятно на карте города и черное — на репутации Ордена. С башни можно увидеть ее кварталы, но ты понимаешь, что глазам в этом случае не стоит верить.

— Ну хоть что-то вы можете мне рассказать?

— Как она появилась, ты уже знаешь. Потом на Авендум налетела вьюга. Черная вьюга. Затем из Запретной поперло всякое разное. В основном зомби. Там было старое кладбище, так что твари ринулись на близлежащие улицы. Ночью. Орден магов создал Круг, и это с помощью единственного оставшегося в живых архимага, который в этот момент находился в городе! Арцисом его звали. С помощью Круга удалось воздвигнуть Стену. Она послужила границей, никто больше не лез в жилые кварталы улиц Авендума из Запретной части, а жители не суются за Стену. А что там сейчас происходит? Кто его знает, Гаррет. После того как Рог Радуги сработал не так, как рассчитывал Орден, один из архимагов все же успел его спасти, но умер по дороге. Его ученик, кстати ставший впоследствии магистром Ордена, вынес артефакт с территории, пока собиралась вьюга. А пятеро других архимагов так навечно и остались в

башне. Что с ними случилось, я не знаю. Да и с жителями этого района тоже. Умиравший архимаг сказал, что они в ком-то ошиблись. Но что означали эти слова? В один день, точнее ночь, Орден Валиостра лишился шестерых архимагов из девяти, в том числе и магистра — Панарика. Когда все успокоилось, когда уже возникла Стена, от Рога решили избавиться. Убрать от греха подальше. Храд Спайн был идеальным местом. К тому времени он уже оказался заброшен, никто туда и не лез. Осторожно добавили в Рог силы, чтобы он держал Неназываемого, и отнесли, а после того как Рог похоронили в Храд Спайне, один из магов отнес информацию о том, где он спрятал Рог, в старую башню Ордена. Надеюсь, что отнес. Маг так и не вернулся с Запретной территории. Видишь? Я знаю не больше бабок-сплетниц на Рыночной площади. Могу дать совет: отправляйся ночью. Да, это кажется несоизмеримо опаснее, чем днем, все мертвецы панически боятся солнечного света, и ночь — их вотчина, но... Понимаешь ли, вор, те, кто уходил в Запретную часть города ночью, все же возвращались назад. Иногда. В основном это были воры-профи и искатели сокровищ, на улице Сонной Кошки раньше находился банк гномов. Золотишка там осталось много, да ты и сам, думаю, знаешь эту легенду. Так вот, некоторые любители дармовых денег возвращались в Авендум, избежав смерти в Запретной части. Но больше помалкивали об увиденном. Не буду рассказывать тебе детские байки. А те, кто отправлялся за Стену днем, считая себя самыми умными, — не вернулись. И хоть ты тресни, я не могу понять этого феномена. Загадка. Еще одна неразгаданная загадка для Ордена. Так что лучше иди ночью, авось получится.

Старик закашлял в кулак, вновь вошел Родерик со стаканом, но архимаг, поморщившись, отставил лекарство.

— Я устал, Гаррет. Прожитые годы давят на кости. Избавь меня от присутствия своей персоны. Будь так добр.

— Еще один вопрос, последний. А затем я уйду, — произнес я, вставая с кресла и поправляя помявшийся плащ.

— Ты хуже репейника, вор, — пробубнил архимаг. — Ну что еще?

— Где в башне мне искать информацию о Храд Спайне?

— Если она сохранилась, то на втором этаже. Там есть комнатка архивиста, не ошибешься. В башне всего два этажа. Остальные снесло проклятием.

— Ловушки, замки, стражи?

— Кто бы успел их поставить, когда это все разразилось неожиданно? — хмыкнул магистр. — Можешь не волноваться. Надеюсь, все?

Я молча склонил голову и направился к выходу. Родерик последовал за мной. Когда я уже вышел в коридор, а ученик архимага стал закрывать дверь, вновь послышался усталый голос архимага:

— Эй, Гаррет.

— Да?

— Когда ты планируешь отправиться в Запретную часть?

— Дня через три, когда буду полностью готов.

— Хорошо, не забудь, что через шесть дней тебя ждут у короля, а теперь ступай.

Я молча покинул апартаменты архимага.

Нужно было позаботиться о новом жилье, и я знал одного человека, способного мне его предоставить на неограниченный срок и абсолютно безвозмездно.

Карета архимага везла меня к Соборной площади.

— Приехали, милорд. — Кучер, разряженный в бархатную ливрею, вежливо открыл дверь кареты и поклонился.

О том, что милордом назвали мою скромную воровскую персону, я догадался только через несколько секунд. Непривычно как-то — милордом меня еще никто не называл.

Ну, естественно, кучера можно понять. Неужели человек, навещавший приболевшего архимага, может быть каким-то вором? Конечно же это, скорее всего, переодетый богатый граф, решивший прогуляться по Авендуму инкогнито.

Я вышел из кареты, кивнул кучеру и направился к главным воротам Собора Богов, находящегося на Соборной площади. Площадь располагалась на границе трех частей Авендума: Внешнего, Внутреннего и города Ремесленников и Магов. В силу исторических и географических причин только Портовый город не примыкал к площади. Она была гигантской и не уступала размерами территории дворца короля, а если уж совсем быть честным, то на Соборной площади вполне могла поместиться парочка сталконовских дворцов. Жрецы оттяпали себе не самый маленький кусок города, на котором можно было построить несколько улиц с домами, где жили бы веселые и добрые жители нашего королевства. Но старый прадед нынешнего короля позволил жрецам такой каприз, получив от служителей Собора вечную поддержку династии. Теперь Сталконы всегда могли рассчитывать на жрецов, а следовательно, и на богов Сиалы.

После заключения этого негласного пакта все жили мирно и были довольны друг другом. Жрецы — тем, что короли не лезут в их дела и ежегодно жертвуют богам щедрые дары, а короли — тем, что если народ

вдруг начинает бунтовать и задумываться, зачем ему короли, то боги сразу являют несколько знамений, которые доказывают темному люду, что король избран свыше, и народец как-то сразу приутихает. До следующего бунта.

Собор Богов раскинулся на всю территорию Соборной площади, это было самое крупное во всех Северных землях место, где почитались сразу все двенадцать сиальских богов. Так что не надо было топтать через половину города к интересующему тебя храму, так сказать, временному жилищу какого-то бога, а нужно было просто прийти на площадь, войти в главные ворота, открытые и днем и ночью, а затем выбрать того, к кому вы хотите обратить свои молитвы.

— Боги! — Я кощунственно хмыкнул.

Боги не очень-то жаловали своим присутствием мир, который они сами и создали. Раньше, в те времена, когда мир был еще юн и наивен, во времена начала начал, когда люди только появились в этом мире вслед за эльфами, орками, ограми, гномами и карликами, боги еще бродили по миру, творили чудеса, наказывали нечестивцев, одаривали праведников, но все же земные дела им в конце концов надоели, и боги ушли заниматься собственными, непонятными для людей, «важными», как говорят жрецы, делами. Не знаю, может, и важными, только не очень-то я верю в могущество богов, одни сказки для сопливых детишек и бредни фанатиков. Ну, естественно, я верю в Сагота и его силу, но не думаю, что он был богом. Говорят, что это просто удачливый вор прошлого, о происхождениях которого и поныне сохранилось множество историй. А пронырливые жрецы не преминули возвести его в божественный ранг, чтобы увеличить приток золотишка в казну храмов. Потому как воры и мошенники — народ все же суеверный, и поклоняться кому-то и им надо. Людям нужна вера.

Ну да ладно! Существуют боги или нет, вопрос, конечно, философский, и об этом можно будет поспорить с братом Фором за кувшином-другим вина в свободное от забот время. Если, конечно, такое времечко когда-нибудь настанет. Я лично в этом сомневаюсь, у меня слишком пессимистичный взгляд на войну с Неназываемым. По моему мнению, мир со скоростью королевского гонца несется в пасть к голодному огру.

— Ты борешься с Тьмой в себе? — спросил меня один из двух жрецов, стоявших возле главных ворот.

— Я уничтожаю Тьму, — произнес я ритуальную фразу.

— Так войди же и обратись к Ним! — с пафосом произнес второй жрец.

Я не преминул воспользоваться столь гениальной рекомендацией двух

стариков, которым было больше нечего делать, кроме как стоять возле ворот и жариться на горячем солнце, встречая и провожая каждого путника. Что удивительно, стража Собора, набранная из той же шайки, что и городская, но в отличие от вторых обряженная в оранжево-белую форму и вооруженная протазанами вместо тяжелых алебард, возле ворот не стояла. Как я слышал, из-за запрета жрецов, и это, в принципе, было правильно, так как бандитские рожи служителей закона вполне могли отпугнуть половину прихожан и лишить Собор значительной части доходов.

Стражники прогуливались парами и четверками, как нашкодившие детки, вокруг цветников, шумящих фонтанов, статуй богов и их храмов, потихоньку дуря от жары в кирасах и рокантонах. Естественно, все они были злы, как орки, у которых во время похода внезапно разболелись зубы. И причина злости стражи была всем очевидна. В стражу Собора ссылали провинившихся или попавшихся на взятках и вымогательстве стражников города. Отправляли на эту не очень почетную службу на разный срок — от дня до года. Эдакое искупление провинностей, где на ухо тебе все время шепчут что-то приставучие жрецы, да и деньги с прихожан изымать строжайше запрещено.

Мимо меня продефилировала парочка оранжево-белых бедняг. Их взгляды цепко скользнули по моей фигуре, выискивая, к чему бы придраться и как бы незаметно от жрецов засадить древко протазана мне под ребра. Я мило им улыбнулся и, не удержавшись, весело помахал угрюмым и злым стражникам рукой.

Эх! Люблю я дразнить великана в клетке! Особенно когда мне за это ничего не будет. Стражники нахмурились и, покрепче перехватив оружие, направились в мою сторону с явным желанием намять мне бока. Как я и предполагал, далеко они не прошли. Чуть ли не из воздуха появился жрец и стал читать им божественную мораль. На небритых рожах стражи появилось скучающее и такое тоскливое выражение, что я чуть было не прослезился. Стражникам строжайше запрещено вступать в конфликт со служителями Собора. Под угрозой исключения из стражи и лишения пенсии. Поэтому им оставалось только слушать, слушать и еще тысячу раз слушать.

Оставив жреца разбираться с двумя стражами, я прошел по аккуратной, мощенной квадратными плитками дорожке, обогнул искрящийся и пенящийся фонтан в виде рыцаря, пробивающего на полном скаку копьём здорового ога, истекающего водой из раны в груди, и вышел во внутренний двор Собора, где стояли статуи богов, между которыми постоянно крутились просители и посетители из города и

близлежащих окрестностей. Хотя множество паломников прибывало из других частей королевства, а то и других стран, их наплыв обычно приходился на время весеннего праздника Богов, так что сейчас двор был не так уж и многолюден. Только возле изваяния Сагры стояло несколько человек. По одежде я узнал в них воинов.

Я скучающе посмотрел на одиннадцать статуй мужчин и женщин. Передо мной стояли боги Сиалы. Мой взгляд остановился на постаменте, где должна была стоять двенадцатая статуя. Статуя Сагота.

Так произошло, что раньше в мире существовала только одна-единственная статуя Сагота. Уж не знаю, почему больше не создавалось изваяний бога воров, может, оттого, что он не желает излишнего внимания к своей персоне? Статуя находилась в Запретной части города (конечно, в те времена эта часть так не называлась), и когда случилась заварушка с Рогом Радуги, то статуя так и осталась где-то там. А воссоздать скульптуру бога воров так никто и не смог. Потому что скульптор, изваявший статую, тоже остался где-то там, за волшебной стеной. И теперь даже жрецы не знали, как должна выглядеть статуя Сагота, а поэтому решили не рисковать, не богохульничать и оставить постамент, где должен был стоять бог воров, до поры до времени пустым. Тем более что бог, как видно, нисколько не возражал против такого кощунства. Во всяком случае, жрецы никаких знамений не видели, разве что только после пятого кувшина вина, но они были так тусклы и серы, что никем не воспринимались всерьез. Так что теперь во всех храмах Сагота стояли пустые мраморные тумбы без статуи.

На постаменте в дворике Собора сидел, скрестив обутые в грязные башмаки ноги, бродяга. Он держал в вытянутой руке грубую глиняную чашку. Удивительно, но жрецы как будто не видели кощунства и осквернения постамента. Меня разобрало любопытство, и я прошел вдоль ряда смотрящих на меня статуй к нищему, находящемуся в самой дальней части зеленого дворика. На ходу я снял плащ и завернул в него арбалет, дабы жрецы не бросали на меня косые взгляды. Слава Саготу, без плаща стало не так жарко. Пора менять свой наряд на более легкий и соответствующий летней погоде.

— Хорошо сидишь, — дружелюбно произнес я, останавливаясь перед нищим.

Он бросил на меня взгляд из-под темного капюшона, скрывающего лицо, и тряхнул чашкой для подаяния.

— Удобно? Ноги не затекли? — спросил я, делая вид, что не замечаю его жеста.

— Вполне, мне сейчас намного комфортней, чем тебе, Гаррет-тень, —

прозвучал насмешливый голос.

— Мы знакомы? — Меня начинало раздражать, что Гаррета-тень знает, похоже, каждая крыса Авендума.

— Да нет. — Бродяга пожал плечами и вновь тряхнул чашкой. — Но я о тебе слышал.

— Надеюсь, только самое хорошее? — Я уже потерял всякий интерес к попрошайке и собрался было проследовать по едва видимой, заросшей высокой травой дорожке в глубь территории Собора к месту жительства жрецов Сагота, когда голос нищего остановил меня:

— Кинь монетку, Гаррет, получишь бесплатный совет.

— Странная мысль, — усмехнулся я, вновь поворачиваясь к сидящему на постаменте. — Если совет бесплатный, то зачем тогда давать монетку?

— Ну, Гаррет, мне же надо кушать и где-то спать, не правда ли?

Незнакомец заинтриговал меня. Я порылся в карманах, выудил самую мелкую медную монетку и, усмехнувшись, бросил нищему в подставленную им утварь. Монетка сиротливо стукнулась о стенку чашки. Нищий поднес глиняную чашку к носу, чтобы получше разглядеть, что я ему дал, и тяжело вздохнул:

— Это особенность характера или все воры такие жадные?

— Ну это уже наглость! Скажи спасибо, что я трачу свое время на тебя и дал хоть что-то! — возмутился я.

— Спасибо. Так давать совет?

— Будь так любезен.

— Тогда плати золотой, за медяшку я не работаю.

Ох! Так и хочется взять его за шкурку и встряхнуть как следует. За золотой этот проныра может безбедно питаться в течение двух месяцев. Но я уже угодил в расставленные сети прохиндея, и мне не было жалко даже золотого ради того, чтобы услышать тот бред, что он мне скажет.

— Хорошо, вот. — Я завертел между пальцами желтую монету. — Но вначале мне хотелось бы увидеть твоё лицо.

— Нет ничего проще, — произнес нищий и откинул капюшон.

Ничем не примечательная физиономия. Лицо сорокалетнего человека, заросшее седой щетиной, карие глаза и острый нос. Такие нищие десятками бродят по миру. Мне он знаком не был.

— Вот твоё монета. — Я бросил в чашку тяжелый кругляшок, и бродяга торжествующе улыбнулся. — Но учти, если совет будет плох, я вытрясу деньги из тебя назад. Ну?

— Совет такой, — сказал нищий, вновь накидывая на лицо капюшон. — Не вставай на Селену. Ножками иди, Гаррет, ножками, тогда

авось доживешь до старости.

— Селену? Какую Селену? И почему не вставать? — не понял я. — Что за загадки?

Но нищий как будто в рот воды набрал.

— Слушай, я не шучу. Или верни монету, или расскажи, откуда ты меня знаешь и что это за глупая загадка?!

— Э-э-э-х-х-х-а. Б-б-б-б-м-а-а-а-а, — промычал нищий и замахал руками, изображая из себя глухонемого идиота.

Но от моего взгляда не ускользнуло, что монета как по волшебству исчезла из рук бродяги где-то под одеждой.

— Хватит прикидываться! Возвращай деньги! — рассвирепел я и шагнул к мошеннику.

— Ты что издеваешься над блаженным? — раздался чей-то голос за моей спиной.

Я обернулся и наткнулся на пяток людей в оранжево-белых одеждах. Стража Собора.

— Да какой он блаженный, распыли меня Тьма! Он настоящий мошенник! — Я никак не мог поверить в то, что меня так красиво надули.

— Иди, милейший, иди. Тут к богам обращаются, а ты шумишь, — нехорошо улыбнулся сержант стражи, стоявший чуть впереди остальных хмурых типов. — Иначе нам тебя все же придется вывести из этого богоугодного места.

— М-а-а-а-х-ы-ы, — поддержал стражу «глухонемой» и отчаянно закивал головой.

Да они тут все в одной шайке! Спорить здесь бесполезно, я только наживу кучу неприятностей и в итоге так и не попаду туда, куда шел.

— Ну ладно, обознался, наверное. — Я как можно безразличнее пожал плечами, хотя внутренне весь кипел от злости, и направился по едва заметной дорожке от нищего и стражи.

Надули меня четко и легко, попался, как сиволापый крестьянин на стандартную уловку мошенников, практикуемую от зари времен. Ну и Сагот с ними! Не обеднею. Вот только откуда этот проклятый светом нищий знал мое имя? Чьи происки на этот раз?

Дорожка петляла меж зеленых садов, цветников и клумб. Пару раз я встречался со жрецами, идущими по своим делам, они не обратили на меня никакого внимания, как будто посетители только и делают, что шастают по внутренней территории Собора. Обычная халатность и безалаберность. Раз ходит, значит, можно. Дорожка вильнула влево, обогнула клумбу с бледными синенькими цветочками, тянущимися всеми лепесточками к

теплому солнышку, и я подошел к массивному зданию из огромных серых блоков, в котором была сквозная полутемная арка, ведущая к жилищу моего единственного друга в этом мире. Я вошел в прохладный туннель. Испугавшиеся солнца тени жались к серым, оплывшим от времени стенам, а прохлада после жаркого солнечного дня наполняла меня полным и ни с чем не сравнимым блаженством. Мои шаги эхом отражались от низких сводов арки. Я почти прошел ее, выход был рукой подать, когда кто-то знакомый до боли в печенке схватил меня за грудки и приподнял над землей.

За руками из стены появились плечи и голова. Остальная часть туловища так и осталась где-то там.

— Вухджааз умный. — Демон донес до меня и так всем известный факт.

Я скривился от аромата его дыхания, стараясь удержать завтрак, которым меня любезно накормил Родерик, прежде чем я удосужился покинуть дом Арцивуса. Что же Вухджааз такое съел? И вообще, я думал, что он появится только ночью.

— Привет, — я радостно улыбнулся, как будто это был не демон Тьмы, а моя мамочка.

— Вухджааз умный. — Демон все же решил поставить меня на землю, а затем подозрительно оглядел. — Ты достал Коня?

— Ты о Коне Теней? — спросил я, стараясь потянуть время и отчаянно молясь Саготу, чтобы сквозь арку прошел кто-нибудь из жрецов.

Как назло, поблизости не было ни души, как будто всех служителей Собора вдруг поразила чума-медянка.

— Почти нашел.

— Быстрее! — прошипел демон, и его желтые глаза сверкнули в полумраке. — Мне долго не продержаться.

— Уже почти нашел, совсем чуть-чуть осталось время. — Я немного занервничал и начал заговариваться.

— Я слежу за тобой, через три дня принеси Коня, или я высосу мозг из твоих костей! — Вухджааз еще раз зыркнул на меня и растворился в стене.

Я оперся спиной о шершавую поверхность стены и перевел дух. Фу-у-у! Так и до разрыва сердца можно довести!

Я никак не ожидал, что проклятая тварь появится так скоро, да еще и днем. С Вухджаазом нужно что-то делать. Где Коня искать, я примерно уже знал, он у тех, кто натравил на меня доралиссцев. Бесспорно. Теперь мне бы найти этих неизвестных и слямзить Камень до послезавтрашней ночи, а не то мой мозг высосут...

— Ты хорошо себя чувствуешь, дитя? — раздался вежливый вопрос над ухом, и я подлетел от неожиданности на несколько ярдов, собираясь заорать во всю силу легких.

Но все же не заорал, разглядев, что это всего лишь жрец, который, как всегда это бывает, появился, когда представление на Рыночной площади давно кончилось.

— Все хорошо, — буркнул я и под изумленным взглядом жреца (не каждый день можно видеть, как человек ни с того ни с сего вдруг пытается улететь) торопливой походкой вышел из перехода на солнечный свет.

Вот теперь и не знаешь, что лучше, жара или прохлады. Наверное, все же жара, тут на тебя никто не выскакивает из стены и не грозит высосать мозг из костей. Я поднялся по массивной лестнице с избитыми за столетия тысячами ног людей ступенями и прошел по коридору, ведущему в жилища жрецов Сагота. Двое жрецов, стоявших у мраморной вазы, из которой торчал вялый веник, называвшийся пальмой, прекратили спор о путях и делах Сагота и уставились на меня. Воры чувствуют других воров. Ни для кого не секрет, что жрецами Сагота становятся только бывшие воры или мошенники — это уже вековая традиция, от которой никто не собирается отступать. Я кивнул и сложил пальцы знаком нашего цеха. Они расслабились, приветливо кивнули в ответ и вновь занялись философским спором. Я перестал быть для них чужаком, а следовательно, никакой опасности не представлял.

Коридор кончился, и по очередной лестнице я поднялся на второй этаж, где находились комнаты жрецов. Вторая дверь справа, очень приметная, на ее почерневшей от старости деревянной поверхности были глубокие борозды — следы, оставленные мечами не очень приветливых посетителей. Однако бывшие воры вполне могли постоять за себя, и под серыми мирными рясами всегда были спрятаны ножи. Так что посягателей на спокойствие сей обитатели, как рассказывал мой друг, похоронили в саду, под одной из яблонь, а мечи повесили в центральном молельном зале Храма Сагота, чтобы другим неповадно было входить в это мирное и богоугодное место с обнаженным оружием. Пусть Сагот последний из богов и не такой грозный и могущественный, как его братья и сестры, но и он, и его служители всегда могут постоять за себя.

Я постучался в дверь и, не ожидая разрешения хозяина, вошел и очутился в хорошо освещенной зале. Зала была большой, и контраст весело расписанных разноцветными красками стен комнаты после серых и тоскливых коридоров радовал глаз. Я оценивающе (что поделать, привычка) окинул взглядом довольно приличную и богатую обстановку

помещения. Дорогие картины известных мастеров прошлого, изображающие сцены из божественной мифологии, желтый султанатский ковер на полу, дорогая мебель, миниатюрный золотой постамент Сагота. Мой друг был не последним лицом в иерархической лестнице служителей бога воров.

— Гаррет! Мальчик мой! — Из-за стола поднялся огромный толстый человек в серо-белой рясе жреца и, раскрыв объятия, направился ко мне. — Какими судьбами? Сто лет старика не навещал!

— Здравствуй, Фор, рад тебя видеть живым, здоровым и толстым! — смеясь, я обнял старого жреца.

— Что поделаешь, служба! — рассмеялся он в ответ.

— Эй! Эй! Эй! Я все видел, старый мошенник, а ну-ка верни кошелек! — вскричал я. — Все так же не теряешь хватки, старый вор?

— Куда нам, старикам, до вас, молодых? — шутливо ответил Фор и бросил мне кошелек, который только что снял с моего пояса. — Проходи, Гаррет, к столу, я как раз собирался обедать.

— Ты всегда обедаешь, когда бы я к тебе ни пришел. Служба Саготу увеличила тебя в размерах раза в три.

— Что поделаешь, на все его воля. — Фор скорбно развел пухлыми руками. — Ты посиди, я принесу вино, твое любимое.

Он усмехнулся, подмигнул мне, а затем, пыхтя и отдуваясь, ушел в соседнюю комнату. Я сел на стул, массивный и крепкий, способный выдержать вес Фора, и положил на стол плащ с завернутым в него арбалетом.

Старый Фор, Фор-Липкие Руки. Один из самых известных в прошлом мастеров-воров Авендума, который в былые годы совершал такие дерзкие кражи из самых влиятельных домов, что об этих ограблениях до сих пор говорили в криминальном мире, а молодые воры, открыв рот, слушали и внимали, набираясь опыта. Фор был тем человеком, кто первым заметил вечно голодного и худенького подростка — Гаррета-блоху и взял его себе под крыло, начав учить не мелкому карманному воровству, а искусству Высшего Мастерства.

Десять лет он мучился со мной, пока не появился Гаррет-тень, не уступающий в мастерстве учителю. Но Фор уже давным-давно отошел от дел воровских, уйдя на службу Саготу. Добрый жрец, брат Фор, Защитник Рук. Этот титул все еще вызывал у меня приступ смеха, я просто не мог поверить, что самый удачливый и талантливый вор ушел на покой. Из всех живых существ в этом сумасшедшем и опасном мире я доверял только своему учителю и другу.

— А вот и я. — Красная физиономия Фора сияла торжествующей улыбкой. В каждой руке он нес по паре запыхавшихся бутылок.

— «Янтарная слеза»! — воскликнул я.

— Именно! Старые запасы, лучшее вино светлых эльфов — из-за Гор карликов доставили. Цени!

— Ценю.

— Так. Закуски, думаю, хватит. — Фор оценивающе оглядел ломящийся от всяческой снеди стол.

Пробка чпокнула и вылетела из бутылки. Густое янтарное вино потекло в бокалы.

— Ну, за встречу! Рад, что не забываешь старика.

Я пригубил вино, наслаждаясь терпким ароматом. Десять золотых за бутылку — огромные деньги, и не всякий мог позволить себе удовольствие оценить эльфийское вино. Было только еще одно редкое вино, самое лучшее в этом мире, — вино орков. Но по известным причинам не каждый мог наведаться в их погреба.

— Я и не чаял тебя увидеть в ближайшие годы, малыш. По городу ползут разные слухи.

— Слухи! — Я фыркнул. — Что за слухи?

— Ну, одни говорят, что ты на ножах с Маркуном и рано или поздно это добром не кончится. Правда, пока еще не известно, для кого из вас двоих. Но ставки делаются.

— Даже так?

— Да.

— Надеюсь, ты правильно поставил свое золото? — хмыкнул я.

— А как же? Другие болтали, что Фраго Лантэн упек тебя в Серые камни, третьи — что доралиссцы усиленно ищут некоего Гаррета. Так что, малыш, это только слухи или ты вляпался в историю? — Фор испытующе посмотрел на меня, грызя лапку цыпленка.

— Не совсем слухи, — осторожно начал я. — Весь мир как будто сошел с ума, Фор.

— Сагот спаси твою заблудшую душу, — вздохнул жрец и отложил обглоданную ножку несчастного цыпленка в сторону. — Мир завис на грани большой войны, Гаррет, а тут еще ты со своими дурацкими выкрутасами. Если все, что я слышал, правда, тебе пора исчезнуть. Куда-нибудь в Низину. Хотя не думаю, что там спокойно. Неназываемый — это только начало, мои старые кости чувствуют это. Он будет толчком, тем самым фитилем, как говаривают гномы, который подожжет бочку с порохом. А уж она догадается, как взорвать наш хрупкий мир. Орки

почувствуют свободу, Мирануэх сорвется с цепи, Гаррак вцепится в глотку Империям, а они — друг другу, карлики на гномов, гномы на карликов. Утонем в крови, помяни мое слово.

— Ты думаешь?

— Гаррет, малыш. Ты ведь образованный человек, недаром я потратил на тебя лучшие годы своей жизни. Ты получил знаний ничуть не меньше любого дворянина. Сколько ты прочитал книг из моей библиотеки? Все? А мыслишь как пятилетний ребенок. Будет война, помяни мое слово, будет. Этого не избежать. Разве что случится маленькое чудо.

— На все воля Сагота, — мрачно бросил я, крутя в руках бокал с вином.

— На все воля, — машинально повторил Фор и откусил здоровенный кусок от румяной булки. — Так что тебя ко мне привело? — прожевав, спросил он.

— Что, я уже не могу навестить своего учителя? — искренне обиделся я и нахмурил брови.

— Только не в то время, когда разумнее залечь на дно. Хотя ты всегда был упрямым и рисковал понапрасну. — Жрец обреченно махнул рукой. — Так от меня, выходит, ничего не нужно?

— Нужно, — вздохнул я.

— Ага! — торжествуяще провозгласил Фор. — Что и требовалось доказать! Я же все еще могу мыслить ло-ги-че-ски! Так что тебе понадобилось от старого толстяка?

— Убежище на пару ночей, пока я не отправлюсь исполнять Заказ.

— У нас есть пара келий, может, еще и жрецом заделаешься? — хохотнул бывший вор, вновь наполняя бокалы. — Сто-оп! Какой Заказ?! Или я ослышался?!

— Ты не ослышался.

— Ты совсем растерял последние мозги, Гаррет?! Какой Заказ?! Тут голову можно потерять, а ты все за деньгами гонишься! Нет, ну это просто верх тупизма!

— Да я сам не хотел этого Заказа, так получилось! — взвился я.

Фор внимательно глянул на меня карими бусинками глаз и с очередным вздохом наполнил вновь опустевший стакан.

— Рассказывай.

И я рассказал. Начиная с той злополучной ночи, когда тьма меня дернула пойти к герцогу Патийскому. Фор молча слушал, теребя нижнюю губу и иногда царапая вилкой деревянный стол, словно делал на нем какие-то пометки для себя. Он только раз остановил меня, подробнее расспросил

о Бледном и покачал головой, нахмутив брови.

— Не знаю такого. Странно. Очень. Откуда он взялся?

Моя история заняла немало времени, и, когда я закончил, во рту пересохло. Фор плеснул мне немного вина, и я благодарно кивнул.

— Ты четырежды дурак, Гаррет. Ты принял Заказ, хотя более безопасно для жизни было бы отправиться в Серые камни. Ты воспользовался никому не известным заклинанием, чем повесил себе на шею голодного демона. Ты не смог, когда у тебя была возможность, убить этого Бледного, а он тебе еще не раз перейдет дорожку. Тебя подставили козлам. Да еще объявился какой-то таинственный и никогда ранее не упоминавшийся в книгах Хозяин. Признаешь себя ослом?

Я кивнул.

— Ах да! Ты еще больший осел, если собираешься лезть на Запретную территорию.

— Мне нужно, это призрачный шанс выжить в Храд Спайне. Я там без карты могу бродить веками. Хочешь не хочешь, а надо, Фор.

Он молчал, думая о чем-то своем.

— Ты уверен, что без этого похода никак?

— Угу.

— Дурак ты, ох дурак. И на кой я тебя взял к себе в ученики? Хорошо, слушай. Иди только ночью. Через стену ты перелезешь без проблем. Лучше тебе это сделать в Портовом городе, возле старой конюшни Старка. Район опасный, но тебе не впервой бывать в таких местах. Оттуда сразу попадешь на Людскую, с нее сможешь добраться до Сонной Кошки, а дальше уже и на Магов. Не суйся на Кладбищенскую, сам знаешь почему. Сонная Кошка довольно спокойна, если все будет удачно, иди по крышам, надеюсь, что кровли еще не прогнили и выдержат твой вес. Идти, конечно, неудобно, но зато безопасно — мертвяки, как известно, летать пока еще не научились. На Сонной Кошке есть старая статуя Сагота — это единственное безопасное место в районе. Островок света в мире мрака. Если что, переждешь там беду. Но до утра ты должен вернуться из Запретной части, иначе останешься там навсегда.

— Откуда ты все это знаешь? — изумился я.

— Откуда? — Фор усмехнулся. — Гулял там по молодости лет, да не смотри ты на меня так и рот закрой. На Сонной Кошке банк гномов был, может, слышал? Вот я и сходил. Внутрь так попасть и не смог, двери там на совесть, но насмотрелся всякого. Нет, никаких зубов-клыков-глазищ. Врать не хочу, этого я не видел. Вообще никого не встретил. Пусто. Мертвые улицы, как будто все исчезли. Ветер да странные звуки, ну и всякие

видения, мерзости. Не буду пугать, может, ничего такого ты и не увидишь. Но возьми с собой кусок мяса да заверни покрепче в эльфийский дрокр. Эта ткань не промокает и запахов не пропускает. Если, не приведи Сагот, нарвешься на мертвецов, сможешь отвлечь их на несколько минут мясом. Вот, пожалуй, и все. Просто не верь глазам и ушам, делай дело и сваливай, Гаррет, сваливай побыстрее оттуда.

— А про улицу Магов?

— Чего не знаю, того не знаю. Не забирался я так далеко, малыш. Мне и так до конца жизни хватит впечатлений от Людской и Сонной. На первой более-менее спокойно, на второй — всякие э-э-э... Неприятности.

Фор не хотел говорить о том, что произошло во время его путешествия по Закрытой территории.

— А почему не попробовать попасть на Запретную территорию с улицы Кровельщиков? Намного ближе и безопаснее, на мой взгляд.

— Понимаешь, Гаррет, странная статистика. Тех, кто решался сунуться на Закрытую со стороны Кровельщиков, больше никогда не видели. Так стоит ли рисковать?

Мы помолчали.

— Ну что? Пойдем, покажу, где будешь спать. Хотя нет, оставайся-ка ты у меня. Кровать есть.

— Спасибо, но мне еще надо кое-что завершить в городе. — Я встал из-за стола и взял плащ.

— Все пользуешься игрушкой? — Фор кивнул на плащ, в который был завернут арбалет.

— А как же? Пользуюсь.

— Тогда купи парочку огненных болтов в магической лавке. Авось спасут тебя от зомби.

— Обязательно.

— Ты когда решил идти?

— Сегодня ночью.

— Сегодня? Ты ведь говорил Арцивусу, что через два дня? — удивился жрец.

— Что, уже передумать нельзя? — пробормотал я, направляясь к двери. — Увидимся, Фор.

— Удачи, малыш. Большой удачи, — произнес мой старый учитель. — И я подумаю, что можно будет сделать с твоим демоном.

Наступал вечер, а мне еще нужно было успеть в город Магов, пока не закрылись лавки, иначе придется воевать с теми, кто обитает за волшебной стеной, голыми руками.

Глава 8

Слишком много демонов

Арка, где я наткнулся на «умного» Вухджааза, встретила меня мрачным полумраком. Я немного помялся перед тем, как пройти сквозь нее. Встречаться с голодным демоном желания не было, но идти было нужно, и пришлось убедить себя, что два раза в одном и том же месте вселенского свинства произойти просто не должно. Поэтому я преодолел дрожь в коленях и, набрав в грудь побольше воздуха, сделал шаг.

Свинство произошло, как только я прошел половину пути. Вновь из стены вылетели лапы демона и цепко схватили меня за плечи.

— Послушай, Вухджааз, сколько можно... — раздраженно начал я, но, разглядев схватившего меня, заткнулся.

Это был не Вухджааз!!! Тварь, схватившая меня на этот раз, лишь отдаленно напоминала моего друга — «умного высасывателя мозга из костей». Этот демон был не серым, а черным, в малиновую крапинку. Он казался немного мельче Вухджааза, но баранья голова с огромными рогами, клыками и горящими изумрудными глазами не прибавляла демону ни капли миловидности или добродушия.

— Привет. — Я решил действовать по уже проверенному плану. Вежливое обхождение с таким созданием еще никому не вредило. — Я Гаррет. А ты?

— Заткнись! — прошипела тварь и, приподняв верхнюю губу, оскалила зубы.

Я решил последовать ее совету и заткнулся.

— Где он? Ты оглох?! Где он?! — Демон, выражая не самые хорошие намерения, встряхнул меня. Ну точь-в-точь как Вухджааз.

— Кто он? — спросил я, мысленно прокляв всех демонов Тьмы за то, что они никак не могут нормально сказать, чего хотят: чтобы я заткнулся или чтобы отвечал на их дурацкие вопросы?

— Вухджааз, естественно! Эта тупая тварь! Только не надо водить гоблина по лабиринту! Не поверю, что не знаешь Вухджааза, я сам только что слышал, как ты произнес его имя!

Кажется, в этот раз мне повезло меньше. Этот демон, в отличие от Вухджааза, соображал намного лучше.

— Я что, пасу его? Откуда я знаю, где Вухджааз?

— Где ты должен передать ему Коня?

— Еще не знаю.

— Так узнай! И Коня ты отдашь мне, а не ему! Уяснил?

Чего же тут не уяснить? Я очень понятливый, особенно когда рядом такое чудовище.

— Ты тоже остался в этом мире? А Вухджааз сказал...

— Мой братец туп, как пустой череп, — перебил меня демон, дыхнув несказанным ароматом помойки, на которой разлагалось по меньшей мере тысяч сорокдохлых кошек. — Я не позволю захватить ему всю власть над демонами. Ты уже нашел Коня?

— Нет.

— Так ищи быстрее, иначе я высосу мозг из твоих костей. — Похоже, это у них семейная традиция: сосать мозг из костей прохожих и ни в чем не повинных граждан. — Сейчас я тебя отпущу, человечешко, но смотри не обмани меня. Конь нужен мне, иначе от тебя останется пара косточек.

— А если меня раньше схватит Вухджааз? — запротестовал я. — Ты думаешь, он не сможет отнять у меня Камень?

— Хм-м... — Демон на миг задумался, и его изумрудные глаза затуманились. — Позови меня по имени, когда у тебя будет Конь, и я появлюсь.

С этими словами он отпустил меня и исчез в стене.

— Потрясающе! — завопил я. — А как твое имя?

— Щдуырук, тупица! — прорычала тварь, высунувшись из стены, и вновь пропала.

Щдуырук?! Сагот, ну кто им давал такие имена?! Язык свернуть можно!

Эту встречу я пережил все же намного спокойнее, чем предыдущие. Вот что значит привычка. Я вышел из проклятуей арки, решив: либо найду обходной путь в жилище Фора, либо буду ночевать под звездами, благо пока тепло, но ни за какие сокровища мира больше не сунусь в эту проклятую арку.

Клубок все запутывался и запутывался. Как говорится: «Чем глубже в Безлюдные земли, тем свирепее огры». В деле «Гаррет, похитители Коня, доралиссцы, Вухджааз, Орден Валиостра, Орден Филанда» прибавилась еще одна сторона — Щдуырук.

— Еще желающие присоединиться есть?

Теперь осталось только найти того, кто украл Камень, а затем я уж как-нибудь разберусь со всеми остальными сторонами. А если демоны подождут до конца недели, то я совсем исчезну из города, и пусть тогда они

ищут другого дурака. Меня в Храд Спайне они достать не смогут. Наверное.

Внутренний двор Собора был пуст, все прихожане давно разошлись по домам. Идя к выходу, я бросил косой взгляд на постамент Сагота. Как я и предполагал, нищий уже давным-давно исчез вместе с моим золотым.

Даже в эти беспокойные дни город Магов представлял вечером, а о ночи и говорить не надо, очень яркое зрелище. Широкие улицы с вычурной архитектурой зданий, где каждый домик был похож на миниатюрный дворец с яркой черепичной крышей, стрельчатыми окошками и фигурными башенками. Каждый домишко, каждая лавчонка пытались перещеголять и переспорить своего соседа по красоте и аккуратности. Был вечер, и фонари на улицах горели каждый своим цветом. Тут были бледно-голубые, красные, малиновые, зеленые и оранжевые оттенки.

Только здесь были волшебные фонари, неизменно горевшие каждую ночь, что бы ни случилось в нашем мире. Высокие и изящные металлические столбы, на вершине которых трепетали разноцветные солнышки огоньков, волшебные фонари Авендума, еще одно чудо Валиостра, о котором говорили на каждом перекрестке этого мира. Огни загорались сами, как только наступал вечер, и горели до утра, пока не появлялись первые солнечные лучи. Сколько совет города ни просил магов установить такие фонари на каждой улице, все без толку. Маги отбрыкивались всеми способами. Арцивус как-то смог сделать так, что волшебные фонари остались прерогативой города Магов и королевского дворца.

В этот вечер улицы города Магов были забиты народом под завязку. Стихийные пьянки-гулянки вспыхивали со скоростью лесного пожара то тут, то там. Народ гулял. Народ праздновал. Народ хоть ненадолго освободился от ночных страхов и мыслей об армии Неназываемого. Все восхваляли Орден и магистра Арцивуса.

Как я понял из услышанных мною криков радости и песен, магам наконец-то удалось изгнать из Авендума ночных тварей. И поэтому теперь можно спокойно выходить на ночные улицы, не боясь, что тебя кто-нибудь съест.

Я лишь хмыкнул. Обижаться на предприимчивого Арцивуса, присвоившего всю славу победителя демонов Ордену, я, конечно, не собирался. Мне лично этой славы не нужно. Просто очень уж насмешил этот поступок, более достойный расторопных купцов, а не магистра кичливого и важного Ордена. Вот интересно, сколько еще таких вот «победных случаев» смог проверить под шумок Орден, укрепив тем

самым свое положение? Ладно, не мое это дело.

Широкая улица Искр утопала в магических картинах. Каждая лавка считала своим долгом переплюнуть соседнюю по количеству магических иллюзий и позвать к себе возможных покупателей. Вот над одной лавкой появились яркие огненные буквы, превратившиеся в стаю иллюзорных голубей, которые, хлопая крыльями, упорхнули в вечернее небо, где сложились в маленькую белую тучку, опустившуюся на крышу лавочки и вновь ставшую буквами. Прохожие не обращали на эти чудеса никакого внимания. На улице Искр, где находились магические лавки Авендума, можно было увидеть и не такое. Чудес и иллюзий здесь было хоть черпай дырявым сапогом. Можно было целый год смотреть, разинув рот, на иллюзорные молнии, уничтожающие иллюзорного огра. Глазеть по сторонам, конечно, можно, вон тот сиволапый крестьянин, приехавший, видно, откуда-то с юга королевства, так и делает. А в это время расторопные вездесущие карманники пытаются стянуть у него полупустой и тощий кошелек. Странно, обнаглели ребята вне всякой меры. Маги обычно не допускают, чтобы в их части города происходили такие мелкие и не очень-то приятные происшествя. Мелких воришек гоняли нещадно, иногда даже используя ослабленные атакующие заклинания. Но ворье Авендума знает, когда ни-ни, а когда можно, но только потихоньку. Вот сейчас было можно. Все празднуют изгнание демонов, и Ордену в эти часы не до воришек.

Естественно, их магичества не опускались до торговли в волшебных лавках, на это были лавочники, ученики магов или еще кто-нибудь. Маги только создавали товар или оказывали магические услуги. Да и то этим делом промышляли только волшебники низших ступеней, пока не становились полноправными магами Ордена.

Пройдя сквозь очередную иллюзию дракона, я подошел к ничем особо не выделяющейся лавке. Тут не было ни картин ярких огненных дождей, ни ужасных чудовищ, ни волшебников в сияющих серебряных плащах. У уютного одноэтажного заведения не было даже вывески. Эта лавка не нуждалась в безвкусном зазывании клиентов-лопухов, которым некуда было девать денежки. Тут все было серьезно. Начиная от хмурого продавца, обилия товара и бешеных цен. Воистину бешеных.

Но знающие люди шли именно сюда, в маленькую скромную лавку, а не в раздувшиеся от магических побрякушек и красочных фантомов магазины улицы Искр.

Я толкнул дверь и вошел в ярко освещенную двумя маленькими волшебными фонарями лавку. Колокольчик на двери весело звякнул.

Многих посетителей удивило бы полное отсутствие товаров. Большая комната со столом и стульями и проход во внутренние помещения лавки. Тому, кто приходил сюда, хозяин сам подбирал и выбирал со склада, находящегося где-то там, в глубине лавочки, нужные товары.

— Кого Тьма притащила? — раздался низкий и не очень-то вежливый голос, будто шмель загудел над полем клевера. — Мы закрываемся, убирайтесь!

Из полутемного внутреннего помещения лавки вышел низкорослый крепыш. Если бы я встал рядом с ним, то макушка лавочника едва-едва доставала бы мне до груди. Обычный карлик, ничего более. Как и у всех карликов, у него был массивный лоб, глубоко посаженные черные глазки и выступающая вперед тяжелая нижняя челюсть. Крепкий бочкообразный торс, сильные мускулистые руки. И несносный характер. Многие темные обыватели откуда-нибудь из глубинки почему-то путали карликов и гномов. Они считали, что и те и другие похожи друг на друга, как две капли воды из Иселины. Ну что возьмешь с темных крестьян, которые не видят ничего, кроме плуга? Карлики отличались от своих братьев-гномов, те на вид были более мелкими и хлипкими, а также носили то, что никогда под страхом смерти не будут носить карлики — бороду.

— Добрый вечер, мастер Хонхель, — произнес я.

— А-а-а, — протянул карлик и вытер огромные руки о кожаный фартук. — Мастер Гаррет. Добрый, добрый. А я уж было собрался вас из лавки выкидывать. Давно не были. Как зрение?

— Вполне. — Хонхель спрашивал о моем ночном зрении, которое я усилил с помощью эликсира, купленного полгода назад в его лавке.

— А что привело ко мне, да еще в час закрытия?

— Покупки.

— Большие? — Карлик хитро прищурился, уже начав прикидывать деньги, которые он сможет с меня содрать.

— А это уже как получится, мастер Хонхель. Смотря какой товар.

— Ну мастер Гаррет, — подчеркнуто обиженно прогудел карлик. — Разве вы когда-нибудь были недовольны товарами моей лавки?

— Пока нет, но, согласитесь, любезный мастер Хонхель, все когда-нибудь бывает впервые.

— Только не у меня! — хохотнул карлик и повел меня в глубину лавки. — Я получаю товар от лучших магов Ордена. А множество вещей приходит ко мне из далеких земель.

Что правда, то правда, мастер Хонхель был одним из немногих карликов, которые остались в Валиостре и не ушли в свои горы, после того

как король заключил договор с гномами о покупке пушек. Уж не знаю, как долго будет тянуться время, пока карлики не отойдут от обиды и не вернуться со своими товарами в Валиостр, но такие, как добрейший мастер Хонхель, вполне успеют сколотить за это время три-четыре состояния.

— Что вас интересует, мастер Гаррет? Стандартное или что-то особенное?

— И то, и то, — неопределенно произнес я, останавливаясь вслед за карликом возле большого стола с кучей ящиков, ящичков, коробочек, сундуков и сундучков, стоявших на нем.

Мы сели за стол и, как всегда, начался торг, который я лично терпеть не мог. Потому как торговаться с карликами намного тяжелее, чем убить Х'сан'кора, к примеру.

— Давайте конкретней, время позднее, — поморщился Хонхель, делая вид, что он жутко занят.

Как бы не так, его от меня теперь не оттащишь всеми сокровищами драконов.

— Двадцать пять огненных болтов, столько же световых, сто стандартных, бронебойных. Пятьдесят болтов-близняшек.

— Ого, — присвистнул карлик и округлил глаза. — Пойдете гномов из Стальных шахт выбивать?

Я не ответил, да ответ и не требовался. Хонхель знал, кто я такой, чем промышляю и какой род товаров нужен для моей работы.

— Хорошо. Еще что-то? — кивнул карлик.

— «Огоньки», вязанку. Два десятка «сухарей». Веревку-спутницу, ярдов десять.

— Какую?

— Паутинку.

— Эльфийскую? Да где же я такую достану? — деланно удивился карлик. — У этих клыкастых разве чего допросишься?

— Ну мастер Хонхель, вы же не простой лавочник, вы пошуруйте по своим коробочкам и сундучкам, авось найдете.

— Найду, — согласился Хонхель, понимая, что в этот раз торговаться я не намерен. Или почти не намерен. — Все?

— Можете предложить что-то еще? — вопросом на вопрос ответил я.

Карлик подумал, подперев кулачищем подбородок, затем усмехнулся:

— Есть у меня тут кой-чего для таких ценителей, как вы, мастер Гаррет.

Он исчез под столом, загремел замком спрятанного там сундука, побряхтел и вылез оттуда с арбалетом в руках. Я, сам того не желая, издал

восхищенный вздох, чем повысил цену арбалета еще на полсотни золотых, не меньше.

Черный, изящный, маленький. Он был даже меньше того, что сейчас был у меня. Арбалет мог уместиться в одной руке. У оружия была довольно странная конструкция, оно оказалось спаренным. Оба арбалета, как я понимал, находились друг над другом, вначале устанавливался нижний болт, затем верхний, тетива на обоих механизмах натягивалась с помощью короткого рычага. Гладкая отполированная ручка, пара спусковых крючков. Оружие мечты.

— Вы позволите, мастер Хонхель?

Карлик улыбнулся, протянул мне оружие и два болта. Я взвесил арбалет в руке. Легкий. В два раза легче, чем мой. Вставил болт в специальную прорезь, затем второй, потянул рычаг. Он поддался на удивление легко. Щелчок — и болты замерли в ложе. Молодцы карлики, додумались же, как облегчить натягивание тетивы!

Я поискал глазами мишень, нашел на дальнем шкафу старый, запылившийся шлем, взглядом попросил у Хонхеля разрешения и, прицелившись, нажал на спуск.

— С предохранителя снимите, мастер, — насмешливо произнес карлик. — И цельтесь через вон ту стрелку, специально ведь сделано.

Я нащупал этот самый предохранитель, маленькую и почти не заметную планку, и вновь нажал на спуск.

Щелк! И первый болт ударил в шлем, пробил сталь и застрял в забрале.

Щелк! И брат первого болта сделал то же самое. Пользоваться этим миниатюрным оружием было очень легко и просто. Такие бы в нашу армию, и мы бы сровняли пикинеров Мирануэха с землей.

Я влюбился в этого малыша и теперь уж точно не собирался отдавать его.

— Вы посмотрите, какая работа, какая сталь, даже эти гномы не смогут сделать такого! Сам делал, вот этими вот ручками! — Карлик в подтверждение сунул мне под нос свои лапищи. — Моя разработка. Не буду больше хвалиться, вы, мастер Гаррет, и сами все видите.

Так он мог заливать часами, даже если бы это был не арбалет, а шкура дохлой крысы. Хонхелю главное — продать товар подороже.

— Сколько? — спросил я.

— Триста золотых.

— Сколько?! — За эту цену вполне можно было полностью экипировать десяток рыцарей.

— Триста, беру по-божески. Торговаться не намерен, или берите или найду другого покупателя.

— А найдете ли, уважаемый Хонхель? За такую-то цену? Проще нанять отряд лучников. Сто пятьдесят.

Карлик покачал головой и пожевал губу. Затем почесал в затылке.

— Лучники будут бегать и топотать ногами. Вам это надо? Как постоянному и уважаемому клиенту — двести пятьдесят.

— Двести. Не забывайте, что я беру еще и другой ваш товар.

— Двести двадцать пять, — выставил встречное предложение карлик, сжимая и разжимая огромные кулаки.

— Тьма с вами, почтенный, беру! — Торговаться с прижимистым лавочником дальше не было смысла.

— Будем считать? — Карлик с усмешкой достал из-за спины массивные счета. — Или мастер желает еще чего-нибудь?

— Как насчет заклинаний? То, что я обычно беру.

— Пробирки? А рунную магию не желаете? Мне тут из Исилии привезли очень интересные свитки.

— Нет, никакой рунной магии. — После того злополучного свитка, посадившего мне на шею Вухджааза и Шдуырука, я до скончания веков потерял доверие к рунной магии.

Гном вскинул брови:

— Какие заклинания?

— А какие у вас есть, мастер Хонхель?

— Это смотря из какого стекла вам нужны магические пробирки.

— Из волшебного.

Волшебное стекло пробирок было создано магами и не разбивалось без желания того, у кого оно в данный момент находилось. То есть я вполне мог прыгать по пузырькам с магическими заклятиями в железных сапогах, и стекло бы выдержало, пока я подсознательно не захотел бы, чтобы оно разбилось и заклинание сработало. Волшебное стекло — прекрасный способ обезопасить себя от того, что пробирка с магическим зельем неожиданно разобьется, например, когда вы падаете на живот и налегаете на нее всем своим весом. Не случится никакого огня или бури, и вас не разметает на тысячи маленьких удивленных кусочков. Поэтому заклинания в пробирках из волшебного стекла стоили на порядок выше, чем в обычных стеклянных пузырьках.

— Посмотрим, что тут у нас есть, — пробурчал Хонхель, нацепляя на красный нос очки со стеклами из горного хрусталя. — Кстати, простите за болезненное любопытство, но как вы будете расплачиваться?

Естественно, этот вопрос не дает карликам покоя и сна вот уже какую тысячу лет.

— Наличными, — процедил я сквозь зубы и вытащил огромную суму, весящую, казалось, побольше алебарды стражников.

— Двести золотом весит много и занимает места тоже не меньше.

— Вот, здесь двести.

Карлик даже не посмотрел на деньги, а это, надо сказать, редкий случай.

— Мастер Гаррет, я вас давно знаю, вы хороший клиент, чего уж тут скрывать, но даже вам я не собираюсь отпускать товар в долг. А то, что вы набрали у меня, уже тянет на пятьсот. У вас не хватает, согласитесь?

Ну, насчет пятисот с лишним монет он конечно же загнул, подняв цену на пять десятков золотых, если не больше. Но что правда, то правда — не хватает.

— Не хватает, — согласился я.

Спорить с карликом? На такое способны только гномы и драконы.

— Вам заплатят, мастер Хонхель.

— Позвольте полюбопытствовать, кто мне заплатит, если вы, мастер Гаррет, вдруг не вернетесь со своей опасной прогулки? — ехидно спросил меня карлик, откидываясь на спинку стула.

— Он заплатит. — Я небрежно толкнул в сторону карлика кольцо.

Хонхель осторожно взял его пальцами левой руки, поднес к глазу и внимательно рассмотрел.

— Просто придете во дворец и скажете, что от меня. Заодно — и кольцо вернете.

— Гм, гм. Хорошо, впервые даю в долг, но кольцу с гербом короля можно верить. — Карлик бережно убрал золотой ободок во внутренний карман жилетки. — Так на чем мы остановились, уважаемый? А! На заклинаниях. Давайте посмотрим, что может предложить мастеру бедный лавочник.

Глава 9

Конюшня Старка

Проклятие! За два предыдущих месяца я уже успел привыкнуть к пустым ночным улицам и тишине. Но эта ночь была особенной. Через пару минут наступит полночь, а на улице еще бродят некоторые не уgomонившиеся и во все луженое горло вопящие песни личности, от которых за лигу несет дешевым вином.

Как же, праздник. Твари Тьмы изгнаны из Авендума.

По счастью, возле старой конюшни Старка, находящейся в одноименном районе Портового города, никого не было. Даже одурманенные винными парами пьяницы не очень-то стремились шляться по темной улочке, на которой стояли самые бедные и ветхие дома города, находившиеся здесь вместе с грязным и упавшим на самое дно людом. В этих домиках жило всякое отребье, и по утрам тут частенько находили покойников. Мертвецов здесь было больше, чем на поле Сорна в ту далекую памятную битву между карликами и гномами.

Да и днем неместному лучше сюда было не лезть. Как вы поняли, район возле конюшни Старка пользовался не очень-то хорошей славой, тем более что прямо под боком здесь была стена, за которой находилась Закрытая, или, как еще ее многие называли, Запретная, территория.

Я стоял во тьме возле старой и давно уже заброшенной конюшни Старка. Стена конюшни упиралась мне в спину шершавыми досками. От старости и ветхости стена наклонилась, и со стороны могло показаться, что она вот-вот упадет и придавит меня.

Запустение и тишина властвовали в этом месте. Лишь иногда в ночи промелькнет быстрая человеческая тень, которая старается не попасть на глаза существам, способным за пару медяков перерезать горло. Таких существ уже давно перестали называть людьми. Это была грань, грань между тенью и тьмой. Страшные твари, а не люди. Намного опасней стаи голодных гхолов. И самое мерзкое, что это все же были люди, люди, скатившиеся на самый низ и превратившиеся в вечно голодных, коварных и беспринципных убийц. Убийц, ставших такими не по своему желанию, а потому, что это единственный шанс выжить здесь, в самом трущобном районе Портового города — Конюшне Старка. Район, который, как и Закрытая территория, жил своей, обособленной жизнью, не терпевшей

прихода чужака. Ни король, ни маги, ни городская стража, ни совет Авендума, ни жрецы даже не думали что-то исправлять в этой ситуации, закрывая глаза на пока маленькую гноющуюся язвочку города, руководствуясь принципом: «Если не мешает, то потерпит еще немножко».

Это «еще немножко» длилось уже не одну сотню лет, и конца истории Конюшни Старка видно не было. Все наплевали на это место и живущих здесь людей, а они, в свою очередь, наплевали на всех наплевавших и превратились в опасных зверей в человеческом обличье.

Я взглянул прямо перед собой, где в нескольких десятках ярдов от конюшни находилась стена — ослепительное ярко-белое пятно в ночной мгле. С виду в ней не было абсолютно ничего волшебного, обычная стена белого цвета, с потрескавшейся и кое-где облупившейся штукатуркой. Такие окружают дома во всех районах города. Только на этой коряво и неграмотно были нацарапаны мерзости и непристойности. Ясное дело, жители Конюшни Старка постарались выразить свои познания в литературе и живописи. У них это не очень получилось, если честно.

Высота преграды — два с половиной ярда, не так уж и много. Перелезть через нее — раз плюнуть, но желающих сходить на прогулку не наблюдалось. Да и те, кто обитает в Запретной части, что-то не очень уж и стремились высунуть нос из-за стены в обжитые части Авендума. Приходилось признать, что Орден постарался и сделал стену на совесть. За все время, что она стоит в Авендуме, ни одна тварь не вылезла к нам в гости с Запретной территории.

Я снова бросил взгляд на созданную Орденom защиту, разделявшую жилые и мертвые районы Авендума. Иногда стена становилась желтой, это очередной сгусток июньского тумана накрывал ее белое тело вязкой периной.

Туман жил своей призрачной и загадочной жизнью. Он тихо клубился и сиял в свете июньской луны. То тут, то там туман выпускал осторожные и дрожащие на ласковом теплом ветерке усики, которые нежно ощупывали воздух между собой и стеной, пытаясь найти щель и преодолеть этот низенький, но неприступный для них барьер. Вот один из желтеньких усиков, сверкая и извиваясь, почти преодолел стену, но, лишь коснулся ее белой поверхности, вспыхнула маленькая искорка, и усик тумана испуганно дернулся, а затем, извиваясь, как раненый червяк, отпрянул от стены. Магия.

Магически сотворенный туман, от которого, кстати, могущественный Орден уже и не пытался избавиться, встретился с магически сотворенной стеной. Магия столкнулась с магией. Магия стены оказалась сильнее. Она

не пропускала туман, хоть тот пытался попасть в единственную не захваченную им часть города. И так каждый июнь. В первые дни июня, как только появляется туман, он мечется, бьется о стену, вызывая по всему ее периметру холодные голубые искры. Но потом туман понимает, что ему с ней не справиться, и прекращает штурм. Лишь изредка такие вот усики пытаются найти брешь в белой крепости, но безуспешно. Июнь заканчивается, и туман исчезает до следующего года, чтобы потом вновь начать безуспешный штурм.

Туман перестал искриться и на миг погас. Это сырно-желтая луна домчалась до одинокой гряды облаков, медленно плывущих в ночном небе, и скрылась в них на несколько секунд, укутавшись в мягкую перину. Но облака проплыли дальше, и вновь луна озарила бледным светом окрестности конюшни Старка. Если не считать одинокой вереницы облаков, небо было безоблачным, и разноцветные стеклышки звезд, мерцая и искрясь в ночном куполе мира, сияли мне с непостижимой высоты. Яркой алмазной подвеской на полнебосвода раскинулась Корона Севера. Ее Камень, самая яркая звезда наших мест, указывал на север, туда, где в Безлюдных землях готовится к войне Неназываемый. Многие рассказывают, что там, за Одиноким Великаном, на Корону Севера невозможно смотреть — такими яркими и крупными становятся звезды. Не в пример нашим, городским, хотя и тут Камень поражал своим размером и красотой ярко-голубого сияния.

Ночь была теплой, если не сказать жаркой, но меня сотрясала мелкая дрожь, а зубы тихонько отбивали дробь. Дрожал я не от холода, а от нервного возбуждения, которое обычно появляется у меня перед очень важной и опасной работой. Ничего страшного в этом нет, как только надо будет делать дело, дрожь исчезнет, развеется в мелкую пыль, и на ее место придут сосредоточенность и осторожность.

Находясь во тьме, возле стены конюшни Старка, я нетерпеливо дожидался наступления полуночи. Как говаривала молва, время между полуночью и первым часом самое безопасное. Так что я решил дождаться благоприятного времени, тем более что оставалось всего лишь несколько минут.

Теплая погода вынудила меня снять плащ и облачиться в черный камзол, к которому умелый портной пришил капюшон. Чует моя печенка, что в эту ночь я набегаюсь, а плащ уж слишком стесняет движения. Да и по крышам не попрыгаешь, когда плащ то и дело норовит оплести ноги.

Новый арбалет висел за спиной, как и тонкая веревка-спутница. Она была скатана в тугой комок размером чуть больше моего кулака. Веревку,

арбалет и десяток различных болтов я взял у мастера Хонхеля, а остальное попросил доставить во дворец короля на следующее утро. Карлик клятвенно пообещал исполнить мою просьбу. В том, что он поступит так, как ему сказали, я ни на минуту не усомнился. Хонхелю слишком дорога репутация честного торговца, чтобы он выкинул что-нибудь глупое.

Озноб ожидания прошел, сгинул, как холодный ветер из Безлюдных земель. Я потерял широкий пояс с кармашками, в которых уютно дремали арбалетные болты. Миниатюрная сумка с несколькими пузырьками Хонхеля и нож, висевший на правом бедре, также добавляли мне лишнего веса, но за годы работы я уже не обращал на эти мелкие помехи никакого внимания. Прямо под ногами у меня лежал кусок говяжьей вырезки, который я успел купить у мясника, когда он уже закрывал лавку на ночь. Мясо пришлось завернуть в кусок эльфийского дрокра, купленный у жадного карлика. Хонхель даже не стал скрывать, что удивлен такой странной покупкой. Но я не удовлетворил его любопытство, хоть как-то отыгравшись за то, что он содрал с меня воистину сказочную сумму и обогатился за один час так, как некоторые не могут за всю жизнь. Ну и Неназываемый с ним! Деньги пришли, деньги ушли, нечего рыдать по таким пустякам.

— Бо-оо-ммм-мм! — Одинокий удар магического колокола Собора раздался в ночи.

Этот «Бомм» слышен во всех уголках Авендума и возвещает о том, что наступает полночь. Пора.

Я поднял с земли мясо и, выскочив из тени возле конюшни, быстро побежал к волшебной стене. Не успел преодолеть и половину пути, когда откуда-то из-за старого покосившегося домика с поломанным крыльцом и осевшей крышей раздался топот ног. Я выругался и метнулся назад, в спасительную тень заброшенной конюшни.

Из переулка показались силуэты людей. Я посмотрел на них глазами, усиленными магическими снадобьями. Стража. Десяток. Все в кирасах, лица напряжены и нахмурены. Какой тьмы они делают в этом районе? Стражу сюда на цепи не затащишь. Да не то что не затащишь — ее не заманишь даже кошельком с полновесным золотом. Стражников тут любят еще меньше, чем всех остальных.

Стражники вышли на освещенную луной середину пустой улицы и остановились, сжимая в руках алебарды и нервно косясь на стену.

Я с интересом стал наблюдать за ребятами, благо хоть и находился в десятке ярдов от них, но в темноте ретивые борцы с преступностью меня не видели.

— Никого, — буркнул один из них. — Тут никого нет, Жастин.

— А ты кого ожидал тут увидеть, Ро? Свою мамочку? — сплюнул другой стражник, наверное, этот самый Жастин.

Несколько блюстителей закона нервно хохотнули, но испуганных взглядов от стены не отвели.

— Нет, — издевательски ответил Ро. — Я надеялся поймать того гада и отправиться на боковую.

— Надеждам не суждено было сбыться, — произнес худой страж, стоявший ближе всего ко мне. — С чего ты, Жастин, решил, что вор будет тут?

Вор? Это интересно.

— И то дело, — скороговоркой начал еще один, с рыжей всклоченной бородашкой. — Проклятая стена большая, почему тут, а не в другом месте? И не пора ли сваливать? Не нравится мне тут.

— А тебе ничего не нравится, — поддержал Жастина еще один.

— Да пошел ты, — оскалился рыжий.

— А ну заткнуться! — рявкнул Жастин, и его голос громом раздался в ночной тишине. — Вы думаете, мне нравится здесь торчать? Я бы сам с радостью сидел дома и, попивая винцо, обнимал женушку, — уже намного тише продолжил Жастин. — Вы сами вызвались на это дело, поздно хныкать.

— Если бы я знал, — занял тот, которого называли Ро, — то никогда бы не согласился на эту работу, даже за эти поганые десять золотых.

Десять золотых для такой скотины? Хм... Большие деньги.

— Но ты ведь согласился, правда? — спросил поддерживавший Жастина стражник. — И взял деньги, как и все остальные, так что хватит причитать. И без тебя паршиво.

— Может, мы перестанем грызться и займемся делом? — вновь затараторил рыжий. — Так с чего ты решил, что этот Гаррет будет здесь? Тут вроде и воровать нечего.

Гаррет? Уж не по мою ли душу явились сии верные стражи общественного порядка? Зачем я на этот раз понадобился Фраго Лантэну?

— Почему здесь, почему здесь? — передразнил до этого молчавший гигант. В его руках алебарда казалась игрушкой. — Потому что нам так сказали, идиот.

— Кто сказал?

— Уж точно не барон Лантэн, — хихикнул Худой. — Он по десять золотых за голову какого-то вора не заплатит.

— Лучше держи язык за зубами, Ярги, — буркнул Жастин. — А то,

неровен час, его отрежут.

— Ладно, Жастин, я чего, я ничего, так, к слову пришлось, — испуганно ответил Ярги.

— Т-а-ак, к слову пришлось, — передразнил Ярги рыжий стражник, растягивая слова. — Дурной язык ногам покоя не дает. Если Лантэн узнает о том, кто нам заплатил, чтобы мы порешили этого вора, с нас шкуру на дыбе спустят. Так что заткнись.

— С каких это пор ворье стало такими важными персонами, что за их безвременную кончину стали отправлять на дыбу?

— С тех самых пор, как нам заплатил этот человек.

— Но это точно, что вор будет перелезать через стену сегодня? — не удержался от вопроса стражник по имени Ро.

— Нет, не точно, — хмуро ответил ему Жастин. — Нам сказали ждать и смотреть. Если он появится в течение нескольких ночей, убить.

— Ядрена кочерыжка! — сплюнул рыжебородый. — Да, может, он совсем не придет? Он ведь не полный дурак, чтобы соваться туда!

В подтверждение своих слов рыжебородый ткнул пальцем в сторону стены, и все остальные стражники покосились на нее.

— Зачем мы тогда вообще здесь торчим, как идиоты?

— Затем, что наниматель дал тебе десять золотых! — потерял терпение Жастин.

— Интересно, — задумчиво сказал Ярги, цепко всматриваясь во тьму. — С чего это ему понадобилась смерть вора?

— Дурак, — зашипел Гигант.

— Да я так, мысли вслух, — поспешил исправиться Ярги и окончательно заткнулся.

Мда, никто меня не любит, все хотят отправить мою душу на незапланированное свидание с Саготом. Вот и еще один доброжелатель появился, который заплатил нечистым на руку стражникам, дабы заполучить мою несчастную голову. Интересно, чем я ему-то насолил? Жуткая неделя. За эти несколько дней я приобрел врагов и неприятностей больше, чем за всю прошлую жизнь.

И вот теперь еще этот неизвестный, который непонятно как узнал о моих планах и жаждет крови.

Исходя из сложившейся ситуации, я решил, что моей скромной и несчастной персоне лучше затаиться в тени и переждать, пока стражники не свалят.

— Почему здесь, почему здесь? А тьма его знает, — сам себе ответил Жастин, перекладывая алебарду из правой руки в левую. — Нам сказали

проверить этот участок, и мы его добросовестно проверили.

— Но тут никого нет. — Ро сплюнул себе под ноги.

— Верно, нет. Поэтому мы сейчас пойдем вдоль стены, авось на него и наткнемся.

— На душегубов и напоремся. Они тут бешеные, на всех кидаются. На то, что мы поймает этого человека, шансов мало, — уныло произнес Гигант. — В такой-то темени.

— Да какое нам дело? — не выдержал седой мужик, стоявший рядом с Ярги. — Мы денежки получили, теперь не наша забота.

— Да уж...

Ро не успел договорить, потому что из того переулочка, откуда совсем недавно появились стражи, ужасно блея, выскочило два десятка доралисцев с дубинами наперевес.

— Трево-о... — попытался заорать крайний, до этого все время молчавший стражник, но подбежавший к нему доралиссец ударил несчастного дубиной и проломил голову.

Началась полная неразбериха. Крики, гвалт, блеяние, звон оружия. Прежде чем стражники догадались выставить перед собой алебарды, доралиссы подбежали к людям вплотную, и козьи дубинки принялись собирать кровавый урожай. Упал рыжебородый, упал Жастин, захлебываясь кровью, свалился на мостовую еще один стражник. Доралиссы глупы, это я вам не раз говорил. Вместо того чтобы развить свой успех и добить не оправившихся от неожиданного нападения стражников, все два десятка тупых козлов столпились над четырьмя трупами незадачливых стражей и принялись месить их дубинами и топтать копытами, рассерженно блея. Вояки.

Взяв на себя обязанности Жастина, Гигант принял командование над оставшимися стражниками. Они отпрянули к стене и выставили перед собой тяжелые алебарды, выглядевшие намного внушительнее, чем коротенькие шипастые дубинки доралисцев. Козлолюди не обратили на эту перегруппировку никакого внимания и продолжали заниматься важным делом — кромсать изуродованные трупы людей. Эх! Их бы энергию да в иное русло!

Гигант, хоть и был отъявленным мерзавцем, так как взял деньги за мою голову, все же, надо отдать ему должное, оказался опытным воином и хорошим командиром. Он не стал ждать, когда на его отряд обратят внимание, и сделал, наверное, то, чего я меньше всего ожидал, — повел стражников в атаку. Шесть алебард как одна ударили козлам в спину, и первые шестеро рогатых упали. Еще удар, и еще четверо доралисцев,

крича от боли, растянулись на мостовой. Оставшийся десяток доралиссцев, видимо, наконец-то пришел в себя и попытался броситься на осмелевших стражников, но их встретили грозно ощерившиеся алебарды. Обе группы замерли друг перед другом, напряженно ища слабину в обороне противника. Лично я уже нашел сотню слабину у доралиссцев и не понимал, чего Гигант и его подчиненные медлят. Так они и стояли друг напротив друга, хотя, пойдя стражники в атаку, ни один доралиссец не смог бы подобраться к ним на расстояние удара дубинки.

Первым не выдержал Ро. Он бросил алебарду на землю и с криком побежал в мою сторону. Тут же от кучки доралиссцев отделился один козлочеловек и бросился вдогонку за Ро. Вопящий от ужаса стражник пронесся мимо меня и скрылся в темном переулке между покосившимися домами. Доралиссец последовал за ним, отставая от Ро лишь на несколько шагов. Старина Ро, в отличие от меня, бегал не очень быстро.

— Проклятие! Убью сукина сына! — выругался Гигант. — Всем стоять, коровьи дети. Кто побежит, лично повешу. Эй, что вам надо?

— Этот человэ-э-эк наш, — проблеял один из доралиссцев и попытался обойти кучку людей с фланга, но, увидев перед собой острие алебарды, отскочил назад.

— Какой, на хрен, человек?! — взорвался седовласый стражник. — Вы соображаете, что творите?! Нападение на стражу Авендума! Да вас всех в кипятке сварят!

— Этот человэ-э-эк наш, убирайтэ-э-эсь! — вновь проблеял доралиссец.

— Вы, тупые образины, — пискнул один из стражей. — Какой человек?

— Гаррэ-э-эт! Он забрал нашэ-э-эго Коня!

Ну что за хрень? И эти туда же! И этим рогатым недоумкам я понадобился! Может, выставить свою персону на аукцион? Кто даст больше за шкуру Гаррета? Эх, чует мое сердце, обогащусь на века!

— Нам нет дела до ваших коней, а Гаррета здесь тоже нет. — Гигант покрепче взялся за алебарду.

— А гдэ-э-э он?

— Вон туда полез, — нашелся Ярги и указал на белую стену. — На Закрытую территорию.

Доралиссцы забыли о стражниках и их алебардах. Они, отталкивая друг друга, принялись штурмовать стену. Вот ее перемахнул один из козлов, вот второй.

Я всегда говорил и скажу сейчас, что доралиссцы слишком тупы,

чтобы жить в нашем мире. Их появление на Сиале — какая-то шутка богов, не иначе.

Шайка Гиганта опомнилась в тот момент, когда за стеной оказался третий доралиссец. Вопя во всю мощь своих легких, стражники напали на оставшихся козлолюдей, пытавшихся перелезть через стену. Расправа была короткой, но жестокой. Последнего доралиссца Гигант нанизал на свою алебарду и, уперев древко оружия себе в бедро, перебросил извивающегося на этом импровизированном вертеле козла через стену, в Закрытую часть города.

— Пусть подохнет там, — хихикнул Ярги.

— Ага, — поддержал Седой, опираясь на алебарду и тяжело отдуваясь после скоротечной стычки. — Сегодняшней ночью твари за стеной будут питаться козлятинкой.

Кто-то из стражников нервно загоготал, все еще не веря, что остался жив после неожиданного нападения.

— А что делать с теми, кто перелез через стену? — спросил Худой.

— Ну так иди и шлепни их, — предложил Ярги.

— Ищи дурака. Сами сдохнут. До утра точно не доживут.

— А что делать с тем, который побежал за Ро?

— Дать премию и объявить благодарность, если он прибил этого труса, — зло буркнул Гигант. — Если нет, то сами Ро порешим. Все, ребята, пора сваливать, а то тут стало слишком беспокойно, уходим.

— Погоди. — Ярги подбежал к телу одного из своих товарищей, кажется к Жастину, и стал рыться у него в карманах.

— Ты что делаешь, дурак? — с отвращением спросил Седой.

— Десять золотых я не собираюсь оставлять местным жителям, — огрызнулся Ярги.

— И то дело, — решили стражники и по примеру Ярги стали обыскивать тела других мертвецов.

Вот она, любовь человеческая к ближнему своему. Особенно после смерти. На такое не пойдут ни эльфы, ни орки, ни карлики, ни гномы, ни даже огры. В вопросе о мертвецах мы стоим где-то между гхолами и доралиссцами. Если первые с радостью сожрут своего павшего товарища, то вторые не обратят на его смерть никакого внимания и даже позабудут похоронить. Сравнивать человечество с трупоедами или с козлами-переростками не очень-то приятно, но что поделаешь? Жизнь местами очень гадкая штука.

— Ну все? — Гигант спрятал блеснувшее в руках золото в карман. Уходим.

— А как же вор?

— Ну так оставайся и жди его тут, пока тебя не прирезали! Или дождись очередного стада доралисцев. Они будут очень рады забить тебя дубинками.

Никто не захотел спорить, и стражники торопливым шагом скрылись во тьме проулка, находящегося напротив того, куда совсем недавно убежали Ро и погнавшийся за ним доралиссец.

Я ждал, когда их шаги стихнут в проснувшемся и окрепшем тумане. Туман уже обнял тела мертвецов своей дланью, и создавалось жуткое впечатление, что он разумен, что вот сейчас пытается поднять мертвецов и повести в бой. Что...

Стоп! Больше никаких дурных мыслей, Гаррет! Тебе сегодня еще предстоит долгое путешествие в такие места, где мертвецы — это цветочки. От графика я отставал уже минут на двадцать, проклятые стражники и не менее проклятые доралисцы нарушили мне весь план. Придется нагонять. Летом светает рано, и часа через четыре, ну, может быть пять, я должен покинуть Запретную территорию, пока на нее не пришло утро.

Вновь подняв с земли узел с мясом, я опять уронил его, а затем грязно выругался. Естественно, про себя. В том переулочке, куда убежал Ро, раздались одинокие шаги. Нет, ну вы подумайте! В Конюшне Старка аншлаг почище, чем на Рыночной площади! Не спится люду, ох не спится!

Из темноты вышел одинокий доралиссец. Его дубинка была обагрена кровью. Видать, бедняга Ро все же медленно бегал. Этого доралисца я узнал. Пускай они и похожи мордами друг на друга и человеческому глазу трудно отличить одного козла от другого, но доралисцев с одним рогом встретишь редко. Именно этот гад участвовал в том памятном забеге прошлой ночью, когда я, на свою голову, вызвал Вухджааза.

Доралиссец прошел мимо и остановился не далее чем в ярде от меня. Козел заметил лежащих мертвецов. Уж не знаю, сколько бы он там соображал что к чему, но мое терпение окончательно лопнуло, и я решил подстегнуть его мыслительный процесс.

— Бэ-э-э, — испуганно начал Однорогий, когда я приставил к его горлу клинок.

— Брось дубинку, козлик, — мурлыкающим голосом прошептал я из-за его спины.

Доралиссец — о чудо! — никак не отреагировал на обидное слово «козлик» и разжал пальцы. Дубинка грохнулась на мостовую.

— Вот, хороший мальчик. — Я старался дышать ртом.

Конечно, Однорогий не Вухджааз, но запах мускуса был не очень приятным.

— Ты знаешь, кто я?

Доралиссец хотел что-то проблеять, но благоразумно промолчал. Я слишком сильно прижал лезвие к его горлу. Эти твари дьявольски сильны, и Однорогий вполне был способен переломить меня голыми руками, а шанса я ему такого давать не хотел.

— Я сейчас чуть-чуть ослаблю, чтобы ты смог говорить. Но только чуть-чуть, так что не делай глупостей. Понятно?

Доралиссец издал икающий звук, который я решил интерпретировать как согласие быть паинькой.

— Итак, повторим вопрос. Ты знаешь, кто я?

— Нэ-э-эт.

— Я Гаррет.

Однорогий напрягся, и я тут же немного вдавил лезвие ему в шею.

— Но-но! Без глупостей.

— У тэ-э-эбя наш Конь! Вэ-э-эрни! — проблеял козел, после того как я вновь немного убрал лезвие от его горла.

— Кто сказал, что у меня Конь? — быстро спросил я.

— Человэ-э-эк.

— Понятно, что не дракон. Кто конкретно?

— Человэ-э-эк. Очень белый.

— Белый? — переспросил я.

— Э-э-э... — Доралиссец защелкал пальцами, стараясь подобрать слово. — Бледный.

Ага! Что и требовалось доказать. Все нити ведут к моему раненому и обожженному, но живучему другу Бледному. А следовательно, к гильдии воров Авендума и Маркуну. Что же, как я предполагал, так и случилось. Камешек, наверное, они и сперли, а все повесили на меня. И тут мою персону озарила очередная гениальная безумная идея.

— Коня верну, но не сейчас. Позже.

— Когда?

— Через ночь.

— Следующэ-э-эй ночью? — Тварь все же слишком тупа, чтобы вести с ней дипломатические переговоры.

— Эта ночь. Потом еще одна, а затем та ночь, когда вы получите Камень. — Приходилось все разжевывать.

Комичное и душераздирающее зрелище одновременно. Ночь, самый опасный район Авендума, гора трупов возле стены, защищающей город от

зла с Запретной территории, однорогий доралиссец и человек в черном, который встал на цыпочки, чтобы достать ножом до шеи козла.

— В среду. Ты знаешь, где находится заведение «Нож и Топор»?

— Нэ-э-эт.

— Узнаешь. Так вот, через ночь. Ровно в полночь. Приходи со своими друзьями, там ты получишь Камень. Запомни, ровно в полночь, ни минутой раньше, ни минутой позже, иначе вам не видать Коня. Усек? Или еще раз повторить?

— Глок понял.

— Чудесно, сейчас я уберу нож, и ты уйдешь. Только дернись — и получишь в спину арбалетный болт.

— Понятно.

Вот видите? А говорят, что эти твари тупы. Ничего подобного! Просто им требуется все очень хорошо разжевать. Я убрал нож и быстро отошел назад на несколько шагов, одновременно доставая из-за спины заряженный арбалет. Доралиссец не шевелился.

— Свободен, передай своему вождю то, что я сказал.

Козел осторожно обернулся, увидел в моих руках направленное на него оружие, кивнул. Но морда выглядела не очень-то довольной.

— Мы подождэ-э-эм, Гаррэ-э-эт. Не обмани, иначэ-э-э ты труп.

Доралиссец растворился в ночи. Я прислушался к его удаляющимся шагам, в третий раз за ночь поднял узел с мясом, кое-как прикрепил его тесемками к поясу и подбежал к стене, стараясь не наступать на еще не застывшую после схватки людей и доралиссцев кровь. Остальное было делом техники. Подпрыгнул, схватился руками за край стены. Подтянулся, закинул ногу, перевалился, спрыгнул на землю, чуть не наступив на труп доралиссца, которого Гигант перебросил через стену. Вот так, просто и обыденно, я оказался на Запретной территории.

Глава 10

Начинается вьюга

Холодный ветер гулял по улице, и Вальдер болезненно морщился. Непривычно ходить по родному городу в сером и ничем не примечательном платье рядового горожанина, а не в мантии Ордена. Но что поделаешь, Вальдер только вернулся в Авендум после долгого путешествия в Приозерную империю и даже не успел снять сапоги, как его вызвали на срочный Совет архимагов Ордена, и пришлось идти в башню в том, в чем он приехал в Авендум.

Вальдер был самым молодым архимагом за всю историю Ордена Валиостра, получив посох с четырьмя полосками ранга в тридцать лет, чем переплюнул даже нынешнего магистра Ордена — Панарика, ставшего архимагом в сорок пять. И друзья, и недоброжелатели предсказывали Вальдеру блестящую карьеру и посох магистра в недалеком будущем. Но Вальдер слишком не любил интриги в Ордене, которые сопутствуют борьбе за посох главы. Он предпочитал грызть и внутренним интригам путешествия и выполнение особо тайных заданий Панарика. Непослушный архимаг — так его называли младшие маги Ордена за его постоянное отсутствие на Советах Ордена.

Зимой темнело рано, но сейчас небо все еще было светлым — солнце никак не желало смириться с властью подступающей зимней ночи. На улице стоял слабый морозец, и нос немного щипало от его неуверенных попыток разогнать жителей города по домам. Снег, лежавший на мостовой, весело хрустел под подошвами сапог архимага.

В этом году зима была ранней. Еще с начала ноября тучи, летящие из Безлюдных земель, принесли снег, а ветры, дующие из-за Игл Стужи, — холод. Но к середине января старухе-зиме надоело лютовать, и она решила передохнуть, сбросив на несколько дней с Авендума тяжелые ледяные оковы холода. Конечно, сейчас не лето, но в сравнении с тем, что было в декабре, погода казалась теплой. Если в этом году тут такие морозы, то каково же Диким Сердцам у Одинокого Великана?

— Эй! Сдавайся, подлый орк! — воскликнул задорный детский голос, и снежный комок, пролетев рядом с Вальдером, ударился о стену снежной крепости, сооруженной прямо напротив лавки цирюльника.

— Самь сдавайся! — ответил обиженный голосок из-за снежной

преграды, и в мальчишку, кидавшего снежок, полетел ответный снаряд. — И вообще, я не орк, я храбрый Дикий Сердц!

— Дикий Сердц?! — захохотал мальчонка, штурмующий крепость. Его шапка лежала на снегу, сбитая снежком, прилетевшим из-за стен крепости, символизирующей Одинокого Великана. — Ну ты и дурак!

— Самый дурак! — раздался обиженный голос.

Вальдер усмехнулся и пошел дальше. Детишки играют. Ну и правильно, надо ловить момент, пока зима немного успокоилась и морозы не заставляют сердобольных мамаш держать своих отпрысков дома, поближе к теплой печке.

Нога Вальдера наступила на лед, припорошенный снежком, а потому невидимый, и он чуть было не поскользнулся.

Вальдер свернул на улицу Магов, и тут его кто-то окликнул:

— Мастер Вальдер! Мастер Вальдер! Подождите!

Он резко обернулся на крик и увидел спешащего к нему мальчишку. От бега теплое овечье пальтишко двенадцатилетнего мальчика распахнулось, а не по годам серьезное лицо покраснело от вечернего морозца. Гани — так звали ученика архимага.

Вальдер нашел его в одной из бедных деревушек Мирануэха, когда возвращался в Валиостр из Империи. У деревенского сироты оказался дар, дар волшебства, сильный, но пока еще не проснувшийся. Волшебство спало в нем где-то глубоко внутри, тихо мерцая, как искорка дремлющего костра. Но если в эту искорку подбросить хороших дровишек, то она превратится в пожар. И Вальдер в скором времени собирался разбудить в Гани этот пожар.

У архимага Ордена до сих пор не было учеников. Слишком опасна была жизнь волшебника до этого момента, чтобы связывать себя еще и учеником. Вальдер взял деревенского парнишку с собой в Авендум. Сказать, что сирота, горбатовый на двоюродного дядьку, был благодарен, — значит не сказать ничего. Вальдер стал для Гани предметом обожания и преклонения. Двенадцатилетний паренек оказался смышленным и за время пути от Мирануэха до Авендума уже успел научиться азам работы с Воздухом. Да-да, именно с Воздухом, самой непостоянной и капризной стихией, а не со стабильной Землей, с которой начинали все ученики Ордена. Просто в первый день обучения Вальдера вдруг озарила шальная мысль — попробовать дать мальчику работу с воздушным потоком. Результат превзошел все ожидания. Вальдер был доволен новым учеником и в ближайшее время собирался посвятить урокам все свободное время, благо теперь его было предостаточно. В ближайший десяток лет

Вальдер надеялся не путешествовать по Сиале. Хватит, нагулялся. Историй о похождениях Непослушного архимага и делах, которые он совершал по секретным приказам Панарика во благо Ордена, хватит на несколько поколений. Пускай они останутся только в бумагах Ордена.

— Мастер Вальдер! — Гани наконец-то добежал до своего учителя. — Вот, вы забыли.

Он протянул архимагу длинный сверток.

— Что это? — немного удивленно спросил архимаг.

— Ну как же, учитель, — с обидой в голосе начал Гани. Воздух, вырывающийся из его рта, превращался на морозе в облачка пара. — Вас на собрание Ордена вызвали, а посох-то свой вы запамятовали, прямо в чем приехали и отправились. Вот я и подумал, что он вам пригодится.

— А в тряпку зачем завернул? — ворчливо спросил Вальдер, стараясь не показывать виду, насколько он доволен поступком ученика.

Приказ по мысле-почте пришел сверхсрочный, а это означало, что нужно бросить все и идти на собрание Совета немедленно. Вальдер сорвался прямо с крыльца дома, не успев даже побывать в кабинете после долгой дороги, и оставил свой посох в нераспакованном багаже. Что скрывать, посох был всего лишь данью традициям и не нес в себе никакой магической силы, поэтому во время путешествия Вальдер забрасывал эту ненужную палку на самое дно багажа. Но пока он шел от города Магов по Людской, а затем по Сонной Кошке, то успел пожалеть, что явится на Совет без символа силы. Опять пойдут шепотки за его спиной о мальчишке, который не чтит традиции славного Ордена Валиостра.

— Так стража бы точно остановила. — Гани шмыгнул носом. — Они же до всего докопаются. А уж мальчишку, несущего посох архимага, всенепременно остановят.

— Что верно, то верно. Наша стража на такое способна. — Вальдер развернул ткань и достал посох. — Спасибо, Гани, ты мне очень помог.

— Правда? — расплылся в довольной улыбке ученик.

— Правда.

— А можно я с вами, мастер Вальдер?

— К сожалению, нет. Этот Совет только для архимагов. Ты застегнись, а то простудишься, и ступай домой, уже темнеет. Дорогу найдешь?

— Найду, — кивнул паренек, торопливо застегивая пальто. — А вы туда?

Гани кивнул в сторону торчащей над крышами домов вершины башни Ордена. Прямая улица Магов, на которой, если честно, за всю ее историю не жило ни одного мага, вела на круглую маленькую площадь, где и

располагалась башня.

— Туда.

— Ну ладно. — Парень шмыгнул покрасневшим на морозе носом. — Я пойду.

— Ступай, ученик. И вот еще что. Повтори до моего прихода сорок восьмую страницу.

— Это которая в синенькой книжечке?

— Именно в ней.

Гани не умел читать, но обладал феноменальной памятью. И раз прочитанное вслух Вальдером мог воспроизвести с точностью до буквы, часто даже не понимая, о чем идет речь. А Вальдер как раз ради эксперимента прочитал Гани сорок восьмую страницу.

— Постарайся разобраться.

— Только разобраться? — с хитрецей спросил ученик.

— Только разобраться. Если поймешь, не вздумай применять, пока меня не будет рядом с тобой. Ясно?

— Ясно, — кивнул Гани.

— Ну тогда ступай.

Не дожидаясь ответа ученика, Вальдер размашистым шагом, опираясь на посох, продолжил путь по улице Магов к башне Ордена. Архимаг усмехнулся своим мыслям. Он только что приказал Гани выучить «Крылья северного ветра» — заклинание, которое изучали лишь подмастерья, и то на пятом году обучения.

На улице почти стемнело, и жители окрестных Домов спешили покинуть улицу и устроиться поближе к теплу очагов. Тихо-тихо улица Магов погружалась в долгий сон зимней ночи. Сквозь сереющее небо пробился яркий голубой свет Камня. Еще не видна Корона Севера, но ее самая яркая звезда уже холодно светит людям с неба.

Вальдер часами мог смотреть на звезды. Они его успокаивали и делали этот мир куда более прекрасным и чистым, чем он был на самом деле. Говорят, в Безлюдных землях от света и количества звезд совсем некуда деться. Правда, если подняться на Зам-да-Морт карликов, то звезд можно увидеть еще больше. Но ни в Безлюдных землях, ни в Горах карликов Вальдеру не удалось побывать. Да и не тянуло его на такие рискованные авантюры, если честно.

Откуда-то подул холодный ветер, постаравшийся запустить пальцы под одежду Вальдера. Архимаг бросил заклятие и создал непроницаемый щит между собой и ветром.

Улица Магов вывела волшебника на площадь, где одиноко

возвышалась старая башня Ордена, в честь которой и были названы улица и площадь. Вальдер бросил взгляд на такую родную и знакомую башню. Ей, увы, скоро предстояло быть оставленной Советом ради новой башни, сейчас строящейся в городе Магов. Новая башня была нужна, она будет намного больше и величественнее старой, и до нее, в отличие от старой, всего лишь пять минут хода от места, где жили маги Авендума. Что делать со старой башней, Орден еще не знал, и версии выдвигались самые разные. Одни предлагали отдать ее Совету Авендума, другие — переделать в склад, третьи — снести до основания.

Зимний ветер дул все сильнее и сильнее, поднимая спящий на мостовой снег в воздух и закручивая его в яростном белом танце. Улицы Кровельщиков, находящейся напротив улицы Магов, уже не было видно из-за начавшегося снегопада. Так и бывает в Авендуме, самой северной столице Сиалы. То тишь да гладь, то вьюга и снегопад.

Но Вальдера не трогала эта поднявшаяся белая круговерть, его надежно защищал магический щит. Архимаг подошел к бронзовой двери башни, и та сама собой отворилась, подтверждая его право войти в святая святых Ордена.

Вальдер шагнул внутрь башни, и дверь за ним все так же аккуратно и вежливо закрылась.

— Д-дай! — зашипело что-то из полутьмы, и к Вальдеру метнулась маленькая тень.

Архимаг не дрогнул, безучастным взглядом наблюдая, как тень несется к нему. Когда до архимага оставалось не больше двух ярдов, тонкая цепь, зафиксированная на крепком ошейнике тени, натянулась, и тварь, визжа, отлетела назад.

— Д-дай! — вновь раздался шипящий голос.

— П-шел вон, — презрительно процедил Вальдер, наблюдая за закованной тенью с гримасой гадливости на лице. — Скажи волшебное слово.

Тень сверкнула на архимага огромными глазами и вновь приблизилась к нему на расстояние, которое позволяла пройти волшебная цепь.

— Пож-жалуйста. Д-дай!

Гхол вышел на свет и, усевшись, поджав под себя коротенькие кривые ножки, уставился на Вальдера кроваво-красными плошками глаз.

Маленький, не больше новорожденного младенца, с лысым деформированным гротескным черепом, толстым животом, огромными красными глазами-блюдцами, пепельной кожей, маленькими уродливыми ручками и ножками. Существо вызывало жалость. Жалость, живущую до

тех пор, пока не удастся разглядеть его мощные редкие зубы, которыми так хорошо разгрызать старые кости мертвецов. У гхола были острые крепкие когти, которыми очень удобно подцеплять могильные плиты, чтобы добраться до лакомого гниющего мяса. Гхолы — падальщики и трупоеды. Их излюбленное лакомство — подгнившие трупы на кладбище или на местах сражений. Когда гхол один, он не опасен, но если они собирались в стаи... До сих пор вспоминается участь Штуньков — деревеньки на границе с Мирануэхом, которую уничтожила стая таких вот маленьких и оголодавших тварей, не оставив после своего обильного ужина даже костей жителей.

— На. — Вальдер брезгливо сотворил из воздуха шматок мяса и отправил его в кривые и тоненькие ручки твари.

Гхол подскочил, поймал на лету кусок и, запихав его в рот, скрылся в полумраке дыры, которая специально для него и была создана.

Вальдер поморщился и направился к лестнице, ведущей в зал Совета. Илио когда-нибудь доиграется с этим Даем. Архимаг Ордена поймал гхола, когда тварь была еще маленькой, и посадил трупоеда на цепь в башне — так, ради шутки. Ради злой шутки. И как Вальдер ни убеждал Илио уничтожить мелкую тварь, ничего не вышло. Панарик, к удивлению Вальдера, встал на сторону Илио, разрешив Даю жить в башне.

«Ха! — подумал архимаг, поднимаясь по витой лестнице башни. — Просто наши разлюбезные архимаги не видели, что способны натворить эти „несчастные“ и „маленькие“ создания с человеком».

Вальдер ненавидел гголов всем сердцем и уничтожал при первой возможности, а вот с существованием Дая, любимой игрушки Илио, приходилось мириться и даже подкармливать научившегося кланчить подачки гхола, иначе тот начинал вопить, как доралиссец, которому отпилили рога.

— Вальдер, дружище! — Из прохода четвертого этажа на лестницу к архимагу вышла фигура в фиолетовом балахоне Ордена.

Архимаг опирался на точно такой же посох, как у Вальдера.

— Илио, сколько лет...

— Сколько зим, — закончил архимаг. — Заждались мы тебя, Вальдер. Все таскаешься по миру?

— А ты все забавляешься со своей тварью? — не остался в долгу Вальдер.

— Каждому свое, — ответил Илио и пожал руку другу. — Идем, Совет ждет.

— Что случилось? — непонимающе спросил Вальдер, поднимаясь по

лестнице вслед за массивной фигурой Илио.

— Панарику и Земмелу пришла в голову идиотская идея, и нам нужно воплотить ее в жизнь сегодняшней ночью.

— Идиотская идея? — машинально повторил Вальдер.

Он до сегодняшнего дня не относил магистра и Земмела к категории идиотов.

— Угу, — угрюмо бросил Илио и остановился перевести дух. — Именно идиотская. Земмел копался в старых книгах огров — ты ведь знаешь, он единственный, кто разбирается в их тарабарщине. Ну так вот, он нашел способ остановить Неназываемого.

— Как?

— Ясный пень. — Илио не стеснялся своего крестьянского происхождения и простецких словечек. — Разрушить Кронк-а-Мор, который защищает Неназываемого.

— Но...

— Но, — перебил Вальдера Илио, продолжив утомительный путь по серпантину лестницы, ведущей на самую вершину шестиэтажной башни. — Земмелу удалось запудрить мозги не только Панарику, но даже Эло, а это о чем-то говорит, правда?

Вальдер задумчиво кивнул и пожевал нижнюю губу. Убедить светлого эльфа, недолюбливающего Земмела, было очень сложно. Да что там, почти невозможно! Но поди же ты, Земмелу удалось невозможное.

— И что?

— И вот сегодняшней ночью, добыв из запыленного сундука Рог Радуги, Орден решил совершить чудо.

— Ну-ну, — скептически хмыкнул Вальдер. — А я-то тут при чем?

— Как же? — искренне удивился Илио. — И я, и ты, дружище, будем резервуарами силы, заberi меня тьма! Нужно же откуда-то Панарику и Земмелу черпать энергию?

— То есть нас пригласили в виде ходячих довесков силы?

— Да не переживай ты так. — Илио остановился возле двери, инкрустированной голубоватой костью огра. — Не только нас. Еще Эло и О'Карта.

— А Сингалус, Арцис и Дидра? Банкет будет проходить без их участия? — изумился Вальдер.

Выходило, что из девяти архимагов Ордена в нелепом обуздании Неназываемого будут принимать участие только шестеро.

— Сингалус в Исии. Арцис... ты же знаешь, как Земмел относится к нашему другу...

— Как орк к гоблину, — хмуро кивнул Вальдер. — А жаль, Арцис — один из самых сильных.

— Ты мне это говоришь? И без тебя знаю. Но его так и не нашли. Кто там еще? А! Дидра куда-то пропала, ее мы не смогли обнаружить даже через мысле-почту. Небось вновь в Заграбе, у темных эльфов.

— Шестеро архимагов должны уничтожить Неназываемого, — прошептал Вальдер. — Сомнительно, очень сомнительно. Панарик не подумал о том, чтобы позвать магов высших ступеней? Или вообще весь Орден?

— Подумал, но Земмел его убедил, что мы и вшестером справимся.

— Ох уж этот мне Земмел, доиграется! Он все такой же?

— Хуже. Ты ведь года полтора отсутствовал?

— Два.

— Вот-вот. Земмел все сидел над книжками огров. По мне, уж проще сунуть голову в пасть великану, чем играть с этими древними фолиантами. — Илио вздохнул. — Ладно, пошли, что ли?

— Пошли, — пожал плечами Вальдер.

— Ну и видок у тебя, дружище, — усмехнулся Илио. — Хоть бы одежду сменил. Негоже перед магистром в таком виде...

— Потерпит, — буркнул Вальдер, ему было сейчас не до подколов Илио.

Земмел совсем потерял разум, если решил играть с запретным шаманством огров.

— Ну, внешний вид Панарик, может, и вытерпит, а вот как быть с твоим щитом? — хохотнул Илио.

Вальдер и думать забыл, что до сих пор частичка его Я поддерживает энергию щита, которым он отгородился от непогоды.

— Ты бы убрал его, — посоветовал Илио. — Ведь знаешь, как О'Карт реагирует на необоснованные всплески магической энергии у других архимагов?

— Филандец стал слишком мнителен с тех пор, как перешел в Орден Валиостра, — фыркнул Вальдер и толкнул дверь, ведущую в зал Совета.

По какому-то глупому детскому капризу он решил пойти наперекор дружеским нападкам Илио и не убирать щит, а лишь погасить его для взгляда окружающих, мысленно подпитывая тонкой струйкой силы. Теперь щит мог увидеть только Панарик, да и то если специально будет искать.

Архимаги вошли в круглый зал, освещенный несколькими десятками факелов, колеблющееся пламя которых отбрасывало на стены бледные тени. Панарик не терпел магического освещения, и другим волшебникам

приходилось подстраиваться под каприз магистра. По всему кругу зала в стенах были высокие изящные стрельчатые окошки, застекленные зеленоватым стеклом карликов. Из окон открывался вид на ночной Авендум, благо шестой этаж башни мог поспорить высотой с дворцом династии Сталконов.

В центре зала находилось огромное волшебное зеркало. Оно было вплавлено в пол и даже днем отражало звезды. Тут же находились девять высоких кресел, на их спинках был герб Ордена Валиостра — синяя капелька дождя, падающая на белое поле снега. Пять из девяти кресел пустовали. Лишь четверо архимагов молча сидели на своих местах, терпеливо и степенно дожидаясь еще не подошедших архимагов Ордена.

Илио и Вальдер вежливо склонили головы, приветствуя архимагов, те ответили такими же важными и степенными кивками. Равные приветствовали равных.

Два архимага подошли каждый к своему креслу и сели. Вальдер внимательно изучал лица тех, кого не видел целых два года.

Прямо напротив Вальдера восседал Эло. Этот светлый эльф с коротко постриженными, по людской моде, пепельными волосами и клыками, торчащими из-под нижней губы, был полноправным членом Ордена. Магистр Панарик отличался от своих коллег из других королевств более прогрессивными взглядами на вступление в ряды Ордена светлых эльфов, перенявших основы волшебства у людей и отказавшихся использовать шаманство предков. Эло был полноправным членом Ордена и архимагом. Союзник или противник? Друг или враг? За те десять лет, что Вальдер владел посохом архимага, он так и не смог определиться в своем отношении к эльфу. Вечно хмурый и не улыбкающий Эло делал так, как надо, идя путем разума, а не сердца. Иногда эльф поддерживал Вальдера на Совете, иногда нет. Как поступит Эло, предсказать было невозможно. Эльф исходил только из собственного мнения о том или ином поступке Вальдера.

Через два пустующих кресла восседал О'Карт, низкорослый и вечно хмурый филандец. Его огненно-рыжая козлиная бородка, вечно хмурый взгляд из-под кустистых рыжих бровей вызывали у Вальдера стойкую неприязнь. Вальдер не любил рыжего филандца и не скрывал этого. О'Карт отвечал Вальдеру взаимностью. В Совете они всегда оказывались по разные стороны, а в повседневной жизни старались не общаться. Вежливый поклон при встрече, вот и все. По каким-то известным только Панарику причинам О'Карт оставил место архимага в Филанде и пришел в Валиостр. О'Карт был мнителен и везде ожидал заговоров против своей драгоценной персоны. Но между тем Вальдеру приходилось признавать,

что О'Карт был одним из сильнейших магов и шел сразу за Арцисом, впереди которого стояли только Вальдер и Панарик. Вечно презрительное выражение лица отталкивало от О'Карта возможных союзников. Его терпели, но не любили.

Вот и сейчас, сложив руки на груди, он нахохлился в кресле, презрительно изучая дорожную одежду Вальдера. На лице рыжего архимага застыло гадливое выражение, как будто тут находился не Вальдер, а полуразложившаяся крыса. Вальдер вежливо кивнул и улыбнулся О'Карту. Тому ничего не оставалось, как ответить.

«Чтоб ты подавился», — мысленно пожелал филандцу Вальдер, нисколько не сомневаясь, что тот только что проделал то же самое по отношению к нему самому.

Если не хуже.

Рядом с магистром восседал длинный и тощий субъект с вытянутым, как огурец, лицом. Серые глаза, серые бескровные губы, тонкие сухие руки. Земмел был стар. Намного старше Панарика. Земмел был архимагом еще во времена ученичества Вальдера. Старый архимаг шел своей, никому не известной дорогой. Ему был неинтересен мир. Страстью Земмела было шаманство огров, особенно их запретная магия — Кронк-а-Мор. Земмел был одним из немногих специалистов в мире Сиалы, кто знал древнеогрский и умел на нем читать. Вот и сейчас он, не отрываясь, листал пожелтевшие страницы старого фолианта огров, бормоча себе под нос какие-то формулы и не обращая внимания на окружающих.

«Земмел фанатик, — подумал Вальдер. — А фанатика очень сложно убедить в том, что он не прав».

Вальдеру очень не нравилась идея Земмела. Уничтожить Неназываемого с помощью Рога Радуги, который ранее был способен только на то, чтобы удерживать колдуна в Безлюдных землях? Молодой архимаг с трудом верил в эту чушь и никак не мог понять, как Совет вообще стал слушать Земмела.

— Как съездил?

Вопрос заставил Вальдера отвлечься от гложущих его сомнений и посмотреть на Панарика. Панарик. Магистр Ордена Валиостра. Самая значительная и влиятельная фигура после короля. В свои семьдесят лет он выглядел едва ли на пятьдесят. Русые волосы, румянец на щеках и пронзительные карие глаза, смотрящие с вечным прищуром. Глаза, которые видят насквозь, вытаскивая из тебя самые сокровенные тайны и желания.

— Спасибо, магистр, хорошо.

— Все прошло удачно? Без осложнений?

— Были проблемы, но я с ними справился, — неопределенно ответил Вальдер.

А проблемы были большими. Внутренняя разведка Приозерной империи после внезапной кончины архимага Имперского Ордена вцепилась в Вальдера мертвой хваткой. Молодой архимаг насилу отбилсь от подозрений. Жизнь ему оставили да и то не потому, что посчитали невиновным в убийстве. Невиновных, как говорится, не бывает, и поджарить пятки в целях профилактики никогда не помешает. Просто император, который самолично допрашивал Вальдера, не хотел осложнений с Валиостром. Пускай страны находились за тысячи лиг друг от друга, но ссоры сейчас не были нужны ни той, ни другой стране. Поэтому Вальдера выслали из Империи, запретив когда-либо возвращаться туда. Но все это Вальдер расскажет Панарику позже, когда они останутся наедине.

— Хорошо. — Магистр кивнул, ему, наверное, и так уже было известно о похождениях Непослушного архимага. — Ты в курсе предстоящих событий?

— Да, и не вижу в этом никакой пользы.

— Польза в том, Вальдер, чтобы навсегда уничтожить Неназываемого, — сказал Земмел, оторвавшись от чтения книги.

— Именно сейчас? Именно сегодняшней ночью?

— А чем тебя не устраивает нынешняя ночь? — сверкнул клыками Эло.

— Ну хотя бы тем, что нас всего лишь шестеро вместо девяти.

— Боишься надорваться? — хмыкнул Земмел, но Вальдер никак не отреагировал на этот укол.

— Я не понимаю, к чему такая поспешность, когда даже Совет не в сборе.

— А весь Совет и не нужен, — заверил Земмел. — Достаточно шестерых.

— Хорошо, но с чего ты так уверен, что у нас получится то, что не получалось последние четыреста лет у других магов Ордена? — Вальдер старался говорить спокойно, но долгая дорога в Авендум его слишком утомила.

— Вот и я о том же думаю, — подал голос О'Карт.

— Маги прошлого не знали то, что знаю я. — Земмел небрежно пожал плечами. — Все написано в книге. Кронк-а-Мор, так надежно защищающий Неназываемого, можно разбить с помощью Рога Радуги.

— Давай не будем забывать, что Рог, как и Кронк-а-Мор, был создан

ограми, и мы не знаем, что от него ждать, если начнем заниматься Рогом вплотную.

— Чушь! — Земмел фыркнул, потом открыл ларец, стоявший на зеркальном полу, и достал Рог Радуги.

Большой витой Рог, отливающий бронзовым блеском, инкрустированный перламутром и голубоватой огрской костью, дрожал от переполнявшей его силы. Силы, которая держала Неназываемого в Безлюдных землях.

— Ты чувствуешь эманации зла, Вальдер?

Архимаг отрицательно покачал головой. Сила была. Сила, созданная ограми, сила Рога, тайны которого навсегда утеряны вместе с уходом огров в Безлюдные земли. Вот только не была эта сила ни темной, ни светлой. Она была всем — вот, пожалуй, какие ощущения возникли у Вальдера.

— Неужели ты думаешь, что темные эльфы отдали бы Рог людям, обладай он хоть частицей черного шаманства?

— Если Рогом могут пользоваться волшебники, это не значит, что им не пользовались шаманы огров, — поддержал Вальдера до этого молчавший Илио. — Я тоже против поспешных действий. Дождемся Арциса, Дидру и Сингалуса. А там посмотрим.

— Неизвестно, для чего был создан Рог, а то, что он нейтрализует Кронк-а-Мор, мы узнали абсолютно случайно, — хмуро бросил филандец. — Не торопим ли мы коней?

— Чушь! Сегодня или никогда! Звездные карты благоприятствуют нынешней ночью! — Земмел сердито сверкнул глазами.

— Ну, раз решили — сегодня, — Панарик развел руками, — давайте приступать.

— Постойте! — Резкий голос Вальдера разнесся по залу Совета.

— Ну что еще? — раздраженно фыркнул Земмел, передавая Рог в руки Эло.

— Прежде чем приступить к этой безумной затее, я предлагаю официально проголосовать.

— Какой смысл? — удивился Панарик. — Нас всего шестеро.

— Давайте проголосуем, — неожиданно легко согласился Земмел. — Пусть все формальности будут соблюдены, иначе некоторые маги не дадут спокойно работать.

— Итак, — Панарик обвел взглядом присутствующих, — голосуем. Кто за то, чтобы воспользоваться Рогом Радуги для уничтожения защиты Неназываемого?

— Я — «против», — произнес Вальдер.

Архимаг понимал, что шансов у него никаких. Он и Илио — с одной стороны, и четверо — с другой.

— Не уверен, что получится, но вполне доверяю Земмелу, — растягивая слова, сказал Эло и поставил Рог на уже подготовленный постамент в центре зеркального пола. — Я — «за».

— Я — «за», нечего слушать малодушных. У нас все получится, книги огров не врут. — Земмел прожег Вальдера взглядом.

— Я — «против», нужно дождаться собрания всего Совета и еще раз все перепроверить, — отрицательно покачал головой Илио.

Вальдер ни на миг не сомневался в старом друге.

— Я тоже «против», — произнес О'Карт, и Вальдер удивленно изогнул бровь.

Скорее орки станут мирными землепашцами, чем рыжий маг встанет на сторону Вальдера. Поди ж ты! Впервые на памяти Непослушного архимага его поддерживает филандец.

— Не надо будить спящего великана. Пусть все идет, как идет. Неназываемый нам пока не мешает. Сидит у себя за Иглами Стужи, никого не трогает.

Трое против двоих. Неплохо, неплохо. Теперь все зависит того, что скажет Панарик. В случае, если он будет «за» и голоса разделятся поровну, выиграет та сторона, которую поддержит Панарик. По той простой причине, что он все еще магистр Ордена и его голос значит намного больше, чем голоса остальных.

— Доводы Земмела вполне убедительны, — после раздумья сказал глава Ордена. — Я — «за».

А вот теперь шансов остановить безумство Земмела у Вальдера больше не было. Он проиграл.

— Встань рядом с нашим огроведом, — шепнул Вальдер, когда мимо него проходил Илио. — Если что, подстрахуешь.

Архимаги встали вокруг зеркального пола и Рога, находящегося в его центре. Справа от Вальдера встал Эло, слева — О'Карт, напротив — Илио, по правую руку от него — Земмел с книгой, слева — Панарик. Хлипкий круг. Отсутствуют трое. И архимаги должны будут собрать все свое мастерство, чтобы глупая затея Земмела окончилась удачно.

— В чем наша задача? — спросил эльф.

— Просто дайте мне силу, откройтесь и пропустите ее через Рог. Поток двенадцать, сечение восемь, если вы будете так любезны, — ответил Земмел, листая старую книгу.

— И все? — удивился Илио.

— Остальное сделаю я. И раз...

Вальдер помнил эту фразу — «И раз». Именно с помощью нее обучали учеников мгновенно концентрироваться и активировать силу. Вот и сейчас сила потекла через архимага и тоненьким пучком стала вливаться в Рог. Вальдер чувствовал как справа от него протянулась лазурно-зеленая, дышащая свежей листвой сила Эло, она переплелась с огненно-рыжей О'Карта и самого Вальдера, влилась в Рог. Панарик и Илио тоже влились в круг. Рог засиял, свет, исходящий от него постоянно пульсировал и менял цвет. Огненно-красное пламя дракона сменилось оранжевым солнцем, которое плавно перешло в желтую осень. Та, в свою очередь, превратилась в зеленую листву лесов Сиалы, в голубое небо раннего весеннего утра, в синий бездонный Западный океан и вновь, как в самом начале, — в красное, все сжигающее пламя дракона. Именно из-за этого непонятного свойства — изменять цвет сияния под воздействием чужой магии — Рог стали называть Рогом Радуги.

Пока все шло нормально, и даже головокружения от постоянного использования магии не чувствовалось. Но это только начало, разминка.

— Усиьте поток Илио, ты теперь на меня. — В голосе Земмела звучала сосредоточенность.

Магу предстояло самое сложное — то, что умели всего два-три мага в мире. Пробудить шаманство огров, магию, в корне отличающуюся не только от магии людей, но даже от шаманства орков и темных эльфов. Кронк-а-Мор самая малоизученная и самая страшная магия огров. Магия, с помощью которой Неназываемый обрел бессмертие.

— Эло, смести поток, ты отклонился на три градуса к шестой координате, — раздался в полной тишине резкий голос Панарика.

Магистр не только направлял силу, ему еще хватало внимания для того, чтобы следить за работой других архимагов. Эло дернулся, и лазурно-зеленый поток сместился туда, куда указал Эло Панарик.

— Х'сатдаро'о и'гх — стуур, — начал заунывную песню Земмел.

Второй раз за всю историю башни Ордена здесь зазвучал язык огров, пробуждающий магию Кронк-а-Мора. О первом разе Вальдер старался не вспоминать. Несколько сот лет назад именно с помощью Кронк-а-Мора архимаг Грок стал тем, кого теперь знают как Неназываемого.

— Какое-то затруднение на втором участке, — пробормотал Илио. — Вальдер, почему сила у тебя рассеивается?

Вальдер и сам начинал чувствовать, что ему приходится прилагать все больше и больше усилий и внимания, чтобы контролировать свой приток силы. Возникало ощущение, что что-то отбирало небольшое количество

магической энергии. И тут Вальдера озарило. Из-за всех этих споров с Земмелом он совершенно забыл о магическом щите, защищавшем его во время снегопада на улице, который архимаг так и не удосужился убрать. Щит слабо горел на границе его сознания, вызывая досадную помеху в направлении потока. И убрать его не было никакой возможности, секундное отвлечение — и круг будет разорван, а вырвавшийся из стабильности поток силы принесет катастрофические разрушения.

— Все в порядке, Илио, я справлюсь, — поспешно успокоил друга Вальдер.

Панарик лишь хмуро посмотрел на архимага, в отличие от других он разглядел бледный и почти погасший защитный щит. Магистр промолчал, но Вальдер знал, что после всего его ждет не самый приятный разговор.

«Опростоволосился, как зеленый ученик», — с горечью подумал Вальдер, вслушиваясь в заунывное пение Земмела.

Волшебство и шаманство. Две стороны одной великой и до конца так и не познанной силы. Древнее, возникшее на заре времен шаманство и относительно молодое волшебство. У каждого свои плюсы и минусы. Волшебство срабатывало мгновенно, но за это волшебники расплачивались болью. Чтобы активировать самое простое заклинание шаманства, требовалось время, сотни фраз, жестов, рисунков, иногда ингредиентов. Медленная магия — так презрительно называли шаманство маги Ордена и маги светлых эльфов. Последние уже давно отказались от шаманства предков и стали пользоваться волшебством людей, оставив древнее искусство для темных братьев.

В зале Совета, казалось, прошли часы. В висках Вальдера нарастала холодная пульсирующая боль магии. Магия была везде. Она теплым сияющим коконом обнимала архимагов, она пульсировала и дрожала пурпурной аурой над поющим и делающим пассы Земмелом, она водопадом силы исходила от Рога. Сила заполнила весь зал, сила сил, сила, которую Рог Радуги увеличил в сотни, тысячи раз. Она опьяняла, в ней хотелось купаться, ее хотелось взять себе в вечное пользование. С помощью этой силы можно было создать новые горы и моря, исцелять тысячи больных, даже оживлять мертвых. Крупица силы — и будут уничтожены враги Валиостра, навсегда сгинут из мира Сиалы огры, великаны, орки и десятки других враждебных людям созданий. На Вальдера напала эйфория. Эйфория вседозволенности и могущества.

— Что-то не так, какие-то колебания, — взволнованно произнес О'Карт.

— Я ничего не ощущаю, где? — Эло закрутил головой.

— Правее третьего участка, прямо над артефактом.

— Да где же?! Не вижу!

И тут Вальдер заметил это. Маленькую черненькую точку в радужном сиянии Рога. Точка колебалась, подчиняясь голосу Земмела, дрожала, как свеча на холодном порывистом ветру. Дрожала и росла.

— Прекращаем! — гаркнул Вальдер, у него внезапно пересохло во рту. — Появление незапланированного всплеска! Все пошло совершенно не так!

— Гасим круг, — скомандовал Панарик, тоже увидевший частичку родившейся Тьмы.

— Не смей! Я еще не закончил, — взвизгнул Земмел.

— Это приказ, Земмел, — сурово ответил магистр и стал гасить свой поток силы.

— Шахсстан! — вдруг выкрикнул Земмел и вытянул руку со сложенными в причудливую фигуру пальцами в сторону Панарика.

Магистр отлетел на несколько ярдов и замер на зеркальном полу. Не надо быть лекарем, чтобы определить, что магистр Ордена был мертв. Шаманство Земмела просто-напросто снесло Панарику голову. Со смертью Панарика круг лопнул, и четверо архимагов отлетели в разные стороны. Стоять остался только Земмел, окруженный черным сиянием враждебной магии, исходящей от Рога.

Радужное сияние дня сменилось ночью. Потоки силы перестали находиться под контролем, и четыре ослепительных жгута магии ударили вверх, испарив потолок и крышу башни. В зал Совета ворвался холодный ветер, закруживший в безумном танце боли армию снежинок. Пятый поток, поток, который до этого контролировал мертвый Панарик, ударил горизонтально, прошел сквозь поднимающегося с пола Эло, убив его на месте, а затем проделал в стене зала огромную дыру и исчез. Сила, треща, навалилась на плечи пытающегося встать с пола оглушенного Вальдера. Он посмотрел вниз, на зеркальный пол, куда его бросила магия, и увидел свое бледное лицо. Сила жгутами проходила сквозь тело, причиняя страшную боль.

Озеро силы. Океан силы. Силы, которой мог управлять только сошедший с ума Земмел.

— Убийца! — закричал слева от Вальдера уже вставший на ноги Илио.

Он выставил вперед руки и, забыв про магию, бросился на Земмела, который упивался еще только пробудившимся Кронк-а-Мором. Земмел обратил на Илио внимания не больше, чем огр обращает на комара. Щелчок пальцами, бессмысленная огрская фраза — и Илио, издав крик,

упал в дыру, образовавшуюся в разошедшемся под его ногами зеркальном полу. Края зеркала с хлюпающим звуком вновь слились, похоронив друга Вальдера.

— Ты! — закричал Вальдер, но его спеленали гибкие черные жгуты силы.

— Помолчи, Вальдер. — Голос Земмела был невозмутим. — Я немного занят.

— Что ты делаешь, безумец? — вскричал Вальдер, пытаюсь освободиться из крепких объятий чужой магии. — Ты не понимаешь, что может произойти!

— Я вполне понимаю, а то, что не понимаю, мне всегда объяснит Хозяин. — Земмел безостановочно делал руками пассы, и огрская магия дрожала, подчиняясь. — Да, Вальдер, да. Хозяин научил меня, как обвести вас вокруг пальца и как стать бессмертным. Через несколько минут я стану равным Неназываемому, а то и сильнее его! Да что там! Неназываемый, этот волшебник-недоучка, склонит свою голову передо мной!

— Какой Хозяин? О чем ты? — вскричал архимаг, косясь на дернувшуюся руку О'Карта.

Рыжий филандец приходил в себя.

— Тебе не понять, кто такой Хозяин! Ты и подобные тебе остолопы лишь кичитесь могуществом Ордена, даже не понимая своим мелким и недалеким умишком, какое могущество скоро будет доступно мне! Давно, очень давно Хозяин рассказал мне, как разбудить Кронк-а-Мор. Для этого нужен был Рог и пять дуралеев, согласившихся отдать мне силу. Я изучил язык огров, я десятилетиями сидел над их книгами, постигая древние тайны шаманства огров. Я сам добыл себе бессмертие, и плевать, скольких я отправлю во Тьму вслед за Панариком!

— Отправляйся туда сам! — выкрикнул О'Карт, и в Земмела ударил молот огня.

— Ву-уу-ум! — заревел огонь в зале, и снежинки растаяли от нестерпимого жара.

Узы на Вальдере ослабли, и он добавил свою силу к удару рыжего архимага. Но Земмел лишь покачнулся, пламя жидким водопадом стекало с его одежды.

Первый удар предатель нанес по Вальдеру. Воздух дрогнул, сгустился, и в сторону архимага понесся полупрозрачный багровый шар. Вальдер разглядел плетение Воздуха, Земли и еще чего-то непостижимого. Все, что успел сделать Вальдер до того, как магия Земмела долетела до него, — это активировать свой погасший щит, бросив в него всю возможную энергию и

придав щиту эффект слабого кривого зеркала. Между архимагом и волшебным снарядом засияла ослепительно голубая стена. Магия Земмела ударила в щит, расколола его на сотни тысяч голубых искорок, разлетевшихся маленькими призраками по разрушенному залу Совета. Шар потерял свою скорость, сместился и по касательной ударил в грудь архимага.

В груди взорвался огненный сноп боли, и Вальдер рухнул на пол, хватаясь руками за место, которого коснулся шар. Архимаг корчился и извивался от боли, не видя, что О'Карт вновь ударил своим излюбленным огнем, но уже не по Земмелу, а по Рогу, над которым накапливалась черная магия. Филандец надеялся таким образом сместить центр враждебной силы и привести ее в состояние нестабильности. От легкого шлепка огнем Рог Радуги завертелся по зеркальному полу и немного сместился.

— Какого... — успел произнести Земмел, прежде чем копившаяся все это время сила Кронк-а-Мора распылила его в пыль, а затем это черное копье ударило в зеркало и исчезло, уйдя глубоко-глубоко под башню Ордена, в землю.

В зале Совета стало очень-очень тихо, лишь холодный ветер выл в дырах стен, и новые порции снежинок падали с ночного неба.

— Ты жив? — О'Карт подошел к лежащему Вальдеру.

— Да, но это вопрос времени. — Вальдер попытался улыбнуться, на его губах выступила кровь.

Грудь болела, ребра были сломаны, дышать становилось все труднее. Несмотря на щит, магия Земмела его все же достала. Вальдер был еще жив, но он не питал иллюзий на свой счет.

— Отлично, — жестко сказал рыжий архимаг. — Минут пятнадцать ты еще проживешь. Вполне достаточно.

— Достаточно для чего? — Вальдер сел, не убирая рук от груди, и сплюнул кровью на зеркальный пол.

— Для того, чтобы вынести Рог из башни; он нам нужен, несмотря ни на что. — Филандец протянул Вальдеру невесть откуда взявшийся у него в руках Рог Радуги. — Поторапливайся, Вальдер, у тебя еще будет целая вечность, чтобы налегаться.

— Отнести? Куда? — От боли он еще плохо соображал, но Рог взял.

— Как можно дальше, смотри.

Вальдер посмотрел туда, куда указывал О'Карт. По волшебному зеркальному полу пролегла тонкая извилистая трещина. Затем другая. И еще.

— Зеркало скоро треснет, и тогда от башни останется только одно

воспоминание. А то, что ушло сквозь него в землю, растечется по Авендуму. Вставай же, давай, Вальдер, ты никогда не был тряпкой!

— А что будешь делать ты? — Вальдер поднялся на ноги и постарался не упасть.

— Постараюсь удержать целостность зеркала, сколько смогу!

— Я уже мертв, О'Карт. Давай поступим наоборот! У тебя есть возможность спастись!

— Все мы уже мертвы. Если останешься ты, то зеркало лопнет очень быстро — ты слишком ослаб. Я попробую продержаться хотя бы до того, как ты спустишься по лестнице. Все! Иди! Не отвлекай меня!

Они не попрощались. В этом не было никакой нужды. Каждый исполнял свое дело, каждый знал, на что идет. О'Карт отвернулся от Вальдера и, подняв руки перед собой, обрушил на трескавшееся зеркало потоки силы. Таким его и запомнил Вальдер. Сосредоточенным и не сломленным.

Серпантин лестницы дался архимагу с большим трудом. Когда Вальдер очутился на первом этаже, в глазах плясала темнота, боль в груди разрослась до огромного пульсирующего шара. Архимаг постоянно сплевывал кровь, появляющуюся у него во рту. Башня ордена мелко дрожала. Немыслимые силы сейчас схлестнулись друг с другом в борьбе за свободу, и архимаг несколько не сомневался, что Кронк-а-Мор, пусть и не заверченный Земмелом, победит. Что за этим случится, Вальдер старался не думать.

— Д-дай! — раздался требовательный голос, и маг от неожиданности вздрогнул.

Прямо перед ним, на трупе Илио, который упал сквозь всю башню, сидел гхол. Вся его морда была в крови, кривенькие ручки сжимали наполовину обглоданную ногу мертвого архимага.

— Д-дай! — Тварь нагло посмотрела на Вальдера и втянула носом запах свежей крови.

Вальдер сделал то, о чем очень давно мечтал. Гхол взвизгнул и сгорел в огненном столбе, созданном архимагом.

Даже это небольшое использование магии истощило силы Вальдера, он тихо застонал, но продолжил путь. Башня уже не дрожала, она резко вздрагивала, как испуганная лань, чувствующая приближение смерти. Волшебная дверь мягко открылась, выпуская архимага из башни.

Холод и ледяной ветер опалили его лицо. Руки, крепко сжимающие уснувший Рог, мгновенно замерзли. Он шатающейся походкой пошел к улице Магов. Темная башня Ордена, в которой не горело ни одного

огонька, угрюмо возвышалась за спиной. Лишь иногда, на самой вершине, сверкали вспышки магии — О'Карт из последних сил пытался удержать волшебное зеркало от разрушения. Улица Магов была на удивление пустынна, ни один житель не вышел из дома посмотреть, что же такое произошло в башне Ордена. Казалось, что на всех людей упал какой-то сон или что они все умерли в одночасье. Земля колебалась, пытаясь исторгнуть из себя враждебную ей магию огров. Боль в груди нарастала, Вальдер уже почти ничего не видел, он шел наобум, по старой памяти автоматически перебирая ногами и тонко скуля, когда очередной кинжал боли вонзался в грудь. Кровь наполняла рот, стекала по подбородку и падала на камзол.

О'Карт продержался до тех пор, пока Вальдер не дошел до Сонной Кошки. Даже отсюда он слышал звон разбивающегося зеркала, а потом победный вой силы, силы, устремившейся из земли в башню. Ужасный взрыв бросил Вальдера на снег, и он зарылся горящим лицом в его нежную прохладу. Рев не прекращался, магия огров разбушевалась, теряющий сознание Вальдер чувствовал, как мнутся и рвутся цепи жизней спящих в домах, как темное и необъяснимое проклятие поглощает улицу за улицей, дом за домом, жителя за жителем. Они погибали в страшных мучениях. Сила, которой чужды были люди, не знала жалости и сострадания и забирала в свой желудок всех, кто оказывался на ее пути. Пройдет несколько минут, и Зло доберется до места, где лежит Вальдер, и тогда Рог навсегда останется здесь.

Эта мысль заставила архимага перевернуться на спину. Он подставил покрытое тонким слоем снега лицо под падающие снежинки, жадно ловя их окровавленным ртом. Ветер стих, мир в ужасе замер перед надвигающейся катастрофой, и снежинки плавно падали вниз, ожидая пришествия самой страшной за всю историю города вьюги. Нечеловеческим усилием, каждый миг рискуя потерять сознание, Вальдер поднялся с заснеженной мостовой и посмотрел в ту сторону, где находилась башня Ордена. Раньше ее прекрасно было видно с улицы Сонной Кошки. Но теперь ее не было. В разрушении здания Вальдер не сомневался. Он слышал, как взорвалось волшебное зеркало, а вырвавшаяся магия, скорее всего, не оставила от башни и камня. Теперь на том месте, где раньше была твердыня Ордена, безумным волчком крутился черный смерч. Обычному обывателю он конечно же не был виден, а вот магическое зрение Вальдера, пусть и ослабленное болью, прекрасно различало черную воронку и столб, уходящий высоко-высоко в ночное небо.

— Не смерч. Вьюга. Черная вьюга, — прошептал умирающий.

Вальдеру удалось пройти еще немного, прежде чем он опять упал,

теперь уже окончательно потеряв последние силы. Он упал прямо к подножию статуи Сагота, находящейся на маленькой площади Сонной Кошки. Верхняя часть лица бога была скрыта под слоем свежего снега, и видны были только его губы. Бог воров улыбался архимагу насмешливой, но в то же время и одобряющей улыбкой. Вальдер посмотрел туда, где под слоем снега должны были быть глаза бога:

— Я должен спасти Рог. Должен.

Но Сагот все так же улыбался и молчал. Снежок уже припорошил не только его голову, но и плечи, превратив статую в забавного снеговика.

Тихо-тихо снег кружится,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
А детишкам все не спится,
Бом-тирлим, бом-тирлим...

У архимага начался бред. От боли он уже не понимал, где находится и кто он такой. Вальдер медленно, как вода в ленивой реке, постепенно превращающаяся в лед, засыпал. С каждым ударом сердца жизнь покидала его тело, и разум уже завис на грани пропасти, из которой нет возврата.

— Мастер Вальдер, мастер Вальдер! Очнитесь, учитель! — Вот уже целую минуту кто-то не переставая тряс архимага за плечо.

Он хотел отмахнуться от этой назойливой мухи. Ведь ему было очень хорошо вот так дремать на снегу и мурлыкать детскую песенку, которую когда-то напевала ему мать.

— Учитель, это я, просыпайтесь. — Сквозь дремоту подступающей смерти Вальдер услышал плач.

Вальдер с трудом разлепил отяжелевшие свинцовые веки и увидел склоненное над ним заплаканное лицо Гани.

— Ч-что... Что ты тут делаешь? — с трудом просипел архимаг.

— Я вас ждал, а тут такое началось! — Паренек был испуган.

— Началось... — Новая волна боли захлестнула Вальдера, и он стиснул зубы, чтобы не закричать. — Вот, возьми. Это Рог. Отнеси. Арцису. Быстро. Может, он это сможет остановить.

— Я не уйду без вас!

— Неси! Это мой последний приказ тебе, ученик! Найди Арциса, отдай Рог. Скажи, что я прошу взять тебя в ученики. С-скажи... Скажи, что все пошло не так. Скажи, что мы разбудили то, что не в силах понять. Вьюгу.

Архимаг передал слабеющими руками Рог мальчику и откинулся на снег.

— Ну же, беги, иначе будет поздно. Спаси то, что еще можно спасти!

Гани поколебался, кивнул и побежал по ночной улице, крепко прижимая к себе рог.

— Беги, малыш, беги, — прошептал Вальдер.

Снег. Снег, тихо кружась, падал на мертвого архимага, накрывая его белым одеялом тепла и покоя. Снег тихо шептал и пел свою песнь, зная, что скоро начнется его самый безумный танец.

Потому что над Авендумом собиралась черная выюга.

Глава 11

Город серых снов

Привалившись к грязно-серой потрескавшейся стене дома на Людской улице, я застонал. Боль поселилась где-то посредине грудной клетки. Я помассировал рукой это место. Боль тихо отступала, забирая к себе в невольные попутчики мой страшный сон. Я до сих пор находился там — на покрытой снежным ковром улице Сонной Кошки, возле статуи Сагота. Все еще не верится, что я живой, что не лежу мертвым на занесенной снегом мостовой старого Авендума.

— Я всего лишь Гаррет, Гаррет, получивший в Авендуме прозвище Тень, а не погибший несколько веков назад архимаг Вальдер, — прошептал я.

Погружение в призрачно-зыбкую паутину сонной яви, тяжелой волной внезапно упавшей на меня, было резким и мгновенным. Я быстро шел по Людской улице, и в этот момент, подобно падающей звезде кошмара, появилось видение. Я продолжал оставаться собой и в то же время стал Вальдером. Сознание разделилось, двоясь и ломаясь, как нежная кромка молодого ноябрьского ледка. Существовая где-то там, на Закрытой территории, безвольно привалившись к стене, вор Гаррет прожил новую жизнь, точнее кусочек чужой жизни, которая оказалась на удивление слишком реальной и ощутимой. Не знаю, сколько прошло времени, Фор не зря предупреждал меня о странностях, происходящих на Закрытой территории, но до сих пор, даже проснувшись и вырвавшись из липкой паутины кошмарных событий прошлого, я ощущал тупую боль в груди от попадания магии волшебника-шамана, а на лице ласково обжигающий холод не существующего сейчас январского снега.

Слишком реален был этот странный сон. Или не сон? Может, что-то или кто-то специально рассказал мне трагедию, разыгравшуюся здесь более двухсот лет назад? Кто знает? Я дрожащей рукой вытер пот, выступивший на лбу, и потряс головой, стараясь выветрить из нее последние свинцовые крупницы сна, ставшего моим маленьким персональным кошмаром.

Неприятные ощущения, но теперь я хотя бы понимаю, каково это умирать. И знаю, что же на самом деле произошло в ту ужасную январскую ночь в старой башне Ордена и каким образом появилось уже ставшее

легендой проклятие Авендума — Закрытая территория.

Виной возникшей гекатомбы оказался этот непонятный Хозяин, который смог искусить Земмела властью и бессмертием. Хозяин. Кто же ты такой? Я уже несколько раз слышал за последнюю неделю это имя — Хозяин. Таинственная личность, большая загадка и головная боль уже не только для меня, но и для заинтересовавшегося его персоной Арцивуса, а следовательно, и Ордена. Правда, я уже точно знал, что этот Хозяин и Неназываемый — абсолютно разные субъекты. Слишком уж разнится отношение у Земмела и демонов к Хозяину и Неназываемому. Но демоны — существа загадочные, а насчет существования Земмела мне ничего не известно, ведь все, что я видел, было сном, так что вполне могу ошибаться. Хватит! Об истинной сущности Хозяина пусть думает Орден, а я пока должен сделать дело и выбраться из Запретной, или Закрытой — это уже кому как нравится, — территории.

Я поднялся на ноги и пошел прочь от дома, возле которого просуществовал (проспал?), пока видел морок.

Странное это место — Закрытая территория. Все же можно было сказать, что я был приятно разочарован. Столько слухов и ужасов бродило о ней в Авендуме, и на тебе! Тут было вполне мирно и тихо. Почти как в уютном парке короля, хотя во владения Сталкона я так и не дерзнул забраться. У серо-синих гвардейцев довольно плохое чувство юмора. Они вначале мелко шинкуют неизвестного, а потом уже интересуются, кто это к ним зашел на огонек. Дворяне, одним словом.

Из-за тишины и спокойствия на Людской появлялось искушение идти не скрываясь прямо по центру улицы.

Перемахнув через стену и оказавшись на Запретной территории, я немного не рассчитал и наступил на труп мертвого доралиссца, которого Гигант перекинул сюда с помощью пики. Пришлось тихо выругаться и тщательно вытереть кровь козлочеловека с подошв сапог. Нечего было привлекать к себе здешних обитателей раньше времени. Хотя теперь, после этого необъяснимого видения, после того как пройдена половина длинной и извилистой Людской улицы, я стал немного сомневаться в отношении слухов о заселенности Закрытой территории всякой нечистью и необъяснимыми, но жутко голодными тварями.

Планы старой части города, сделанные старательными карликами и добытые мной в Королевской библиотеке, оказались гениально точны. Я действительно очутился на широкой, полутемной Людской улице возле низенького здания со сгнившей деревянной дверью. То ли лавка, то ли дом цирюльника — по ржавой поблекшей вывеске судить было трудно. Я

собрался с духом, на всякий случай воззвал к Саготу и пошел вперед, сверяясь с картой, находящейся у меня в голове.

Улица, как я и ожидал, была пустынна. Пустынна и... абсолютно нереальна, что ли. Да, в безликих щербинах окон тихо сопел задремавший летний ветерок, иногда скрипела и качалась насквозь проржавевшая вывеска на какой-нибудь из полуразвалившихся лавок. Возле одного из домов стояли сгнившие зимние сани, громоздились кучи мусора на мостовых — в основном части разрушившихся от времени жилищ и их кровель, — но вот жизни не было. Ни души, даже ни одного самого завалявшего скелета не то что человека, но даже лошади или собаки. Серый тусклый свет и бледное серебро полной луны создавали картину мертвого, давно покинутого мира. И еще одно — отсутствовал уже успевший стать привычным за три недели июня туман.

К моему неприятному изумлению, магическое зрение вдруг наотрез отказалось работать, как только я прошел по Людской пару десятков ярдов. Краски погасли, мир мигнул и распался на тени и тьму. Возникло сильное желание повернуть назад, я вдруг почувствовал себя беспомощным слепым котенком, заблудившимся в конуре злой собаки. Но с довольно ощутимым усилием призрак нежданно нагрянувшего малодушия я загнал далеко-далеко, в самую непосещаемую область головы, откуда он, тихонько протестуя и пища, попытался вернуться, но потерпел неудачу и заткнулся.

Очень надеюсь, что в Храд Спайне со мной такого не случится, иначе я пропал. Самое страшное, что вообще может случиться с человеком, — это вдруг оказаться в крошечной темноте в глубоких подземных залах, где неизвестно кто живет и неизвестно чего этот кто хочет от мирного путника.

Итак, я попал в мертвое и безлюдное королевство-кладбище оттенков серого и серебряного сна. Тихий звук ветра, поющего колыбельную домам-мертвецам, и запах затхлой старости были моими спутниками на Людской улице. Иногда, скорее инстинктивно, я резко оборачивался назад и, внутренне холодея, ожидал увидеть кого-то или что-то идущее за мной по пятам, но все было мертвенно-спокойно. Я шел, стараясь не шуметь, до предела обострившимся слухом ловя звуки летней ночи. Оглушающе давящая тишина в самый неожиданный момент вдруг вспыхивала и разлеталась огнем от просыпавшегося вдруг ветра. Только ветер, всего лишь ветер дул в черных провалах мертвых домов, с таинственным свистом выскакивал из подворотен, раскачивал хлопающие о стены домов сорванные ставни, дразнил дребезжащую жестяную кровлю и вновь смолкал, погружаясь в свой беспокойный и чуткий летний сон.

Лишь один раз непонятный, а оттого пугающий звук заставил

покрыться спину холодными мурашками. Проходя мимо некогда богатого, покрашенного выцветшей зеленой краской дома, я услышал тоненький и сразу же оборвавшийся детский плач. Я замер, отпрянув к противоположной стороне улицы, слился с тенью и стал с тихим ужасом слушать. Окна первого этажа дома, откуда мне послышался плач, были заколочены, и звук, почудившийся мне, шел откуда-то со второго этажа. Я ждал, сердце учащенно колотилось, будто свободолюбивая птица, молящая, чтобы ее выпустили из тесной клетки. Ждал, слушал и боялся услышать этот детский плач, злой отчаянный крик голодного младенца, оставленного матерью на произвол судьбы, плач, которому не место в мертвом и страшном месте. Но было тихо, и я, выждав еще несколько минут, направился своей дорогой. Шел, поминутно оглядываясь, боясь поверить в то, что слышал. Постепенно страх отпустил и забылся под гнетом тревоги: как бы не случилась неприятность.

Я старался не выходить на середину освещенной луной улицы, но в то же время и не слишком сильно прижиматься к стенам мертвых домов. Они вызвали во мне какой-то инстинктивный детский страх, скорбно смотря своими разбитыми глазницами-окнами, зияющими на меня со всех сторон. Я ощущал, что дома были мертвы, именно мертвы.

В то же время они смотрели. По коже все время пробегали вереницы мурашек от буравящих меня взглядов. А может, взглядов и не было, а все это просто мое разыгравшееся воображение?

Очень хотелось плюнуть на все: на короля, Храд Спайн, карту и исчезнуть не только отсюда, но и из города. Меня сдерживала только угроза нарушения договора. Находящаяся по правую руку, за домами, Кладбищенская улица, шедшая параллельно Людской, не добавляла мне ни капли оптимизма. Я ежесекундно ждал чего-то, но это самое что-то не сильно спешило выползти на лунный свет, дабы напугать, а затем и сожрать невесту как забредшего сюда Гаррета.

Наконец-то я увидел дом судьи. Уж не знаю, действительно ли в этом здании жил судья или просто к дому приклеилось такое название из-за какого-то случая, но на городских планах эта серая трехэтажная громадина называлась домом судьи.

Вполне вероятно, что дом вправду был судебским, особенно если учесть, какие взятки брали в былые времена королевские судьи. Теперь все совсем по-другому. Сталкон прижал парочку нечистых на руку судей, еще парочку отправил в Серые камни, а самых невезучих — на эшафот. С тех пор судьи стали работать, как замысловатые механизмы карликов, — быстро и точно, а главное — честно.

Сразу за судейским домом, если верить тем же планам, находился узенький переулок, выводящий на улицу Сонной Кошки. Она, как и Кладбищенская, шла параллельно Людской, но по левую от меня руку. В принципе, можно было пройти дальше по Людской и выйти на Сонную по широкому Овсяному переулку, но до него надо было идти и идти, а Запретная территория являлась не тем местом, что располагает к долгим и приятным ночным прогулкам. Клянусь Тихими временами! Отсюда чем быстрее исчезнешь, тем лучше для здоровья, поэтому узкий переулочек как нельзя кстати срезал мой путь и сокращал опасное путешествие вдвое.

— Сожри меня Х'сан'кор! — выругался я вполголоса.

Стоявший по соседству с судейским жилищем дом развалился, и одна из рухнувших стен заполнила переулок, перекрыв мне дорогу на Сонную Кошку. К сожалению, я не был горным козлом, чтобы перебраться через все эти завалы. Тут и не к ночи упомянутый Вухджааз ногу сломит. Придется идти дальней дорогой. Мой взгляд упал туда, где в ночи таяли стены мрачных домов. Сколько еще идти до Овсяного переулка? Сколько раз придется сыграть с судьбой в кости, рискуя нарваться на неизвестно кого?

Я понимал, что на улице тихо, что тут абсолютно никого нет, а все же... Ну не горю я пылким желанием идти по Людской улице! Вот хоть режьте меня, не пойду, и все тут! Та же самая интуиция, спасшая меня в ночь вылазки в дом герцога Патийского, вцепилась руками в плечи и не пускала вперед. Но тогда как же мне попасть на Сонную? Единственный выход — пройти насквозь один из мрачных домов, находящихся слева от меня. Хотя бы через ближайший ко мне — судейский.

Находясь в густой, как сливки, тени, я мучительно медлил, решая, какое из зол меньше — пройти по Людской дальше или сунуть нос в мертвый дом? Ни тот, ни другой вариант меня не очень-то устраивал, но стоять вот так и ничего не предпринимать было не менее опасно, чем просто продолжать путь.

В доме напротив судейского вновь раздался тихий детский плач, и я вздрогнул, расширенными глазами ища источник звука. Опять откуда-то со второго этажа. Скорее всего, вон из того черного зияющего окна с истлевшей грязной тряпкой, которая раньше была занавеской. Если в первый раз, когда я услышал эти всхлипы, можно было сослаться на разгулявшееся воображение, то второй раз деваться было некуда — я действительно слышал это. И сие открытие нисколько не наполняло мое сердце благодатью и спокойствием. Призраки? Души умерших? Проклятие Рога Радуги? Что-то еще? Не знаю, что это было и что оно хотело от меня, но я уж точно не куплюсь на детский плач и не понесусь сломя голову, как

какой-нибудь сказочный дурачок-рыцарь, спасти невинную душу. Эта «невинная душа», вполне вероятно, пару сотен лет ничегошеньки не кушала и теперь представляет для меня нешуточную опасность. А поэтому нам лучше избежать встречи. Нет тут никаких детей, вот уже двести лет нет. Во всяком случае, живых.

Я аккуратно отстегнул арбалет и зарядил вместо одного из обычных болтов огненный. Он был точно такой же, как и боевой, лишь красная полоска помогала отличить его от своих неволшебных собратьев. Да еще наконечник светился во мраке тусклым светом скованного заклинанием огня. Да, конечно, свет ночью очень мешает, но с такой штукой, как огненный болт, все же чувствуешь себя немного спокойнее и увереннее. При попадании в цель из него высвобождалась разрушительная магия огня.

Прошло всего-то несколько мгновений, за которые мое сердце успело провалиться в пропасть и запутаться где-то в кишках, а жуткий плач замолк так же неожиданно, как и возник. Секундная тишина... А затем я услышал тихое хихиканье. Злой детский смешок. Так мог смеяться ребенок, который мучает кошку и знает, что взрослые его за это не накажут.

Волосы на голове зашевелились, спина покрылась холодным потом, и мне чуть ли не впервые в жизни захотелось заорать во весь голос от ослепляющего животного страха, взорвавшегося внутри моего «я». Так меня ничто не пугало. Зомби старых Штолен Ола^[13] и даже парочка знакомых демонов с произносимыми именами казались добрыми пушистыми щенками перед этим тихим зловещим смехом невидимого существа.

Неизвестность всегда страшит. Пора было делать ноги, причем быстро, смех не располагал к вежливой и неспешной беседе с его таинственным обладателем. У меня уже не возникало сомнений, что этот неизвестный устроил охоту за бедным Гарретом. Иначе как этот смех оказался за пару кварталов от того места, где я его услышал впервые?

Когда хихиканье раздалось уже с первого этажа здания, я отбросил сомнения и колебания. Серым вихрем взлетел по высоким ступеням крыльца дома судьи и ворвался в древний мрак. Лишь малюсенький алый круг света, исходивший от наконечника волшебного болта, разгонял тьму и давал мне скудный обзор. Видно было ровно настолько, чтобы не врезаться в ближайшую стену или мебель и найти старую, покосившуюся от времени дверь, ведущую во внутренние помещения дома. Времени не было даже на то, чтобы достать один из «огоньков» — магических и ярких источников света, купленных мной у старины Хонхеля. Смех уже раздавался на улице, перед дверью, ведущей в дом, где я до этого искал убежища.

Другой бы на моем месте пальнул по неизвестному хохотуну-плакальщику огненным болтом, но я слишком осторожен — так уж меня воспитал Фор. Не стоит рисковать раньше времени. А вдруг огненная магия для смеющейся твари все равно что для огра запах свежей человеческой крови? И в итоге я не убью, а только еще сильнее разозлю неизвестное мне существо.

Я резко отворил дверь из и'альяльской ивы, над которой, как известно, время не имеет никакой власти, влетел в темный зал, стены которого растворялись в крошечной тьме, захлопнул за собой дверь, пронесся по залу, чуть ли не спотыкаясь о поломанную мебель, разбросанную здесь в полнейшем беспорядке. Топот моих шагов, наверное, был слышен за лигу от этого места.

Краем глаза отметил распластанный на полу скелет в истлевшей от времени одежде. Еще дверь — и следующий зал. И еще, и еще. Я несся по заброшенным комнатам, разрезая мрак тусклым светом, исходящим от огненного болта. Кровь стучала в висках, в животе расползались холодные и не желающие таять льдинки страха. Я молился Саготу, чтобы не споткнуться в темноте и не сломать ноги.

Так я и запомнил свою попытку спрятаться. Мельтешение стен, огромные тени на них, игра света и тьмы, дрожащий красный круг от света болта. Впереди замаячила очередная дверь. Распахнув ее, я сорвал с левой руки перчатку, кинул во тьму, развернулся и побежал в обратном направлении. Свернул налево, чудом избежал встречи со столом, проскользнул в едва приметную дверь для слуг. Захлопнул ее, прижался спиной к стене, стараясь удержать судорожное дыхание, накрыл наконечник волшебного болта рукой, чтобы исходящий от него свет не пробивался сквозь щель под дверью и не выдал моего присутствия.

Теперь робкий красноватый свет проходил сквозь пальцы и озарял мне лицо. Нет, так дело не пойдет, свет все равно виден. Я вытащил болт из арбалетного ложа и спрятал обратно в сумку. Мир погрузился во мрак, и я слился со стеной в единое целое, стараясь дышать как можно тише.

Прошли века, прежде чем ухо расслышало тихие шаги. Больше всего они походили на легкие шажки разутых ног ребенка. Они приближались, я сунул руку в сумку, надеясь в темноте отыскать подходящую колбу с заклятием. Шаги замерли перед дверью. И опять раздался тихий довольный смешок. Неужели меня нашли?

Лишь прилагая страшные усилия, я не побежал, а застыл, как застывает испуганный заяц в минуту опасности, надеясь, что хищник не заметит его в снегу. Дверь резко отворилась, чуть не ударив меня, но я даже

не пошевелился, молча вознося молитвы всем богам Сиалы. Рука так и осталась в сумке, судорожно сжимая один из взятых мною наугад пузырьков. Хохотун-плакальщик так и не вошел в комнату, остановившись на пороге.

Послышалось сопение. По-моему, неизвестное мне существо пыталось найти меня по запаху, и непонятно, чего тварь не входила в комнату, она прекрасно видела в кромешной темноте (во всяком случае, я не слышал, чтобы, бродя по залам, она хотя бы раз споткнулась). Еще один хохоток, морозом отозвавшийся у меня в животе. Тварь не уходила, понимая, что я где-то рядом, но в комнату войти не решалась, так как дальняя дверь, куда я бросил перчатку, тоже была открыта и вполне вероятно, что я мог быть там, дожидаясь момента, чтобы сбежать.

Медленно тянулись песчинки времени. За этот срок я успел проклясть свою глупую идею — спрятаться в доме. Надо было бежать по улице, может, тогда мне бы и удалось скрыться. А теперь я ощущал себя гоблином, запертым в лабиринте орков.

Наконец я услышал очередной тихий смешок, а секунду спустя удаляющиеся шлепки босых маленьких ножек. Ориентируясь по затихающему звуку, я рисовал в голове следующую картину: вот существо прошло зал, вошло в дальнюю комнату, замерло... Опять шаги, победный хохоток — видно, оно обнаружило мою перчатку, — и быстрые удаляющиеся торопливые шажки, которые поглотила тишина.

Я медленно сполз по стене на пол. Руки едва ощутимо дрожали, очень хотелось выпить чего-нибудь крепкого. Например, знаменитого самогона Гозмо.

Ни в коем случае нельзя было оставаться тут, тварь могла вернуться назад, поняв, что ее надули самым примитивным образом. Возвратиться обратно на Людскую или все же рискнуть — пройти сквозь мрак и выйти из дома на противоположную улицу? Я пару раз бывал в домах подобной постройки, видно, у них был один и тот же архитектор, поэтому свободно ориентировался в доме. Сейчас я заскочил в крыло слуг, и если пройти прямо, а затем через две двери направо, то я окажусь на задней половине первого этажа дома. Там должна быть дверь на кухню, а с кухни попасть на Сонную Кошку — дело одной минуты. Я вновь достал огненный болт, не рискуя зажигать «огонек», и, держа импровизированный источник света в руке, двинулся по мрачному дому.

Переступив через упавший шкафчик с разбитой стенкой, толкнул дверь в нужную мне комнату. По привычке закрыл ее за собой. Тусклый красноватый свет выхватил из сгустка мрака стол, находящуюся на нем

сиреневую вазу низинских мастеров^[14] с засохшим веником цветов. Лепестки давно осыпались и тонким коричневым слоем увядания и смерти покрывали полированную поверхность стола. Стул с резной спинкой, стилизованной под паутинку, — не иначе как творение карликов, хотя те и не очень любят работать с деревом. Пара картин; увы, я не смог рассмотреть, что на них изображено, — от времени холст потемнел, и теперь проступали лишь отдельные штрихи. Небольшие стеллажи с рядами запыленных книг. Наверное, я попал в кабинет управляющего или эстет-дворецкого. Сам дворецкий лежал на полу, возле стола. Лицом вниз. Старый, заросший паутиной и покрытый пылью скелет. Я осторожно подошел и наклонился над ним. Кости ног у него были раздроблены, скорее, разгрызены, как будто кто-то пытался добраться до сладкого костного мозга. Гхолы?

«Непохоже. Не тот след, не те отпечатки зубов».

Я изумленно тряхнул головой. Какой след? Какие отпечатки зубов? О чем это я? Я ведь в этом ничего не понимаю! Как будто кто-то другой подумал и мысленно произнес эти слова. Кто-то очень хорошо знающий повадки этих существ, кто-то разбирающийся в остатках магических следов. Например, тот, кем я недавно был в захватившем меня сне. Архимаг Вальдер. Да нет, чушь! Я сам себе не верю. Моя голова — это моя голова, и никаких слов мертвого волшебника там быть просто не может!

Я поспешно отошел от мертвеца, вызвавшего у меня чьи-то, совершенно непонятные мне, мысли, и взглянул в окно.

Взглянул и чуть было совершенно по-детски не ойкнул. Рано я стал радоваться, рано. Странностей на Запретной территории набиралось все больше. Прямо как снежный ком.

За окном стояла зимняя ночь. Дома напротив были покрыты снегом. Как и улица. В некоторых местах даже намело неплохие сугробы. Что за чушь? Десять минут назад за окнами было лето, а теперь самая настоящая зима! С криками и хохотом по улице пробежала пара мальчишек, чуть не сбив закутанного в шубу толстяка в старинной одежде.

Улица была жива от десятков снующих по ней туда-сюда людей. Горели огни в домах напротив, да и сами дома выглядели очень уж новыми. Там ночь только наступала.

— Последняя ночь, — прошептал у меня в голове такой знакомый голос архимага Вальдера. — Ночь, когда я умер.

Я подскочил от неожиданности, плюнул на все эти чудеса и, чуть ли не выбив дверь, вылетел из помещения.

Стол посреди комнаты, ваза с засохшим веником, который раньше был

цветами, картины, книги, стул, скелет на полу. Окно. Зима. Люди, жившие двести лет назад и не подозревающие, что там у них произойдет через несколько часов. Я вновь оказался в комнате с видом на зимнюю улицу. Что за ерунда?! Очередное наваждение Запретной территории? Затем опять прошел в странную дверь и на этот раз не стал закрывать ее за собой.

Стол, ваза, цветы, мертвец, окно, зима. Оглянулся назад, в комнату, где я только что был.

Стол, ваза, цветы, книги, скелет с измочаленными костями и белый, медленно опускающийся на улицу снег. Влип. Замкнутый круг какой-то.

Я попробовал повторить эпизод прохождения сквозь дверь еще два десятка раз, но с железным постоянством оказывался в одной и той же комнате. Вот было бы забавно, если хохотун-плакальщик попал сюда вместе со мной. Тут от него долго не попрячешься.

— Гонки по одной и той же комнате, тысячу раз отразившейся в реальности. — Вновь тот же тихий и усталый голос.

— Кто ты? — испуганно прошептал я, вслушиваясь в себя и уже зная ответ.

— Не знаю... — через некоторое время раздался ответ. — Я это я. Я жив благодаря тебе. Даже не я, а частичка моего Я. Слабая искорка подобия жизни.

— Ты в моей голове! — выкрикнул я.

— Не бойся, я уйду, как только ты покинешь эту проклятую магией землю, а пока позволь мне жить, хоть немного. — Голос был молящим, и я на миг дрогнул, но совладал со своими чувствами.

— Нет! Убирайся из моей головы!

— Ты знаешь меня, ты был мной тогда, когда все это случилось. Ты должен знать, что я не причиню тебе вреда, а даже помогу.

Плевать я хотел на помощь кого-то поселившегося в голове, тем более без всякого разрешения с моей стороны! Очень хотелось завывать и выскрести голос проклятого архимага из ушей.

— Я помогу тебе выбраться и завершить твоё дело. — Голос был тихим, приходилось напряженно вслушиваться, чтобы разобрать слова.

— Какое дело?

— Ты был мной, а я стал тобой. Ты знал всю мою жизнь, а теперь я знаю всю твою. Все твои дела, все твои задачи. Мы целое.

— Мы не целое! — Я зло пнул ногой по черепу мертвеца, и тот откатился к стене. — Это мое тело!

— Пусть так. — Вальдер не собирался спорить. — Позволь мне просто уснуть, когда все это кончится, и я помогу тебе выбраться отсюда.

— Уснуть? Как уснуть? В моей голове?

— Да, я хочу покоя и забвения.

— Нет! Тысячу раз нет, сожри меня Х'сан'кор! Это моя, и только моя голова!

— Хорошо, — ответил Вальдер после молчания. — Я помогу тебе просто так, а затем уйду. Ты попал в зеркало времени. Окно. Выходи в окно. Просто прыгай и ни о чем не думай.

Голос замолчал, и я прислушался к себе. Тихо, Вальдер заснул или действительно ушел.

Окно? Попробовать выйти в окно и оказаться в зимнем мире? Но что мне делать, если я вдруг попаду на двести лет назад? Смогу ли я выбраться обратно или мне придется всю оставшуюся жизнь проторчать в совершенно незнакомом для меня месте? Архимаг молчал, и мне в общем-то не оставалось ничего другого, как последовать его совету — вылезти из проклятой комнаты через не менее проклятое окно. Время пролетало незаметно, еще пара-тройка часов — и начнется рассвет. Надо успеть убраться из этого паршивого места до того, как розовым светом окрасят горизонт первые солнечные лучи.

Я подошел к окну, которое было, как и тысячи других окон Закрытой территории, разбитым, выглянул наружу. Лицо обдало легким морозным ветерком. Как там говорил архимаг — конечно, если это говорил он, а не мое свихнувшееся изображение:

— Просто прыгай и ни о чем не думай.

Легко сказать! Разбежаться и сигануть в это окошко с покосившейся рамой и осколками старого стекла по краям! Хотя из некоторых навещаемых мною домов богатеев я уходил еще менее изящно и топорно. Когда на пятки наступает десяток ретивых стражников, только и мечтающих порубить тебя в капусту, не то что через окно, через дымоход сбежишь.

Я убрал огненный болт, света от луны, падающего в окно и отраженного от снега, вполне хватало, чтобы сносно видеть. Подумав, достал арбалет, направил в сторону окна и нажал на спуск. Тетива щелкнула, посылая болт вперед, но он исчез, так и не ударившись о стену дома, находящегося на противоположной стороне улицы. Просто исчез, и все.

— Грызи мою печень демон бездны! — сплюнул я и, разбежавшись, прыгнул в неизвестность.

Мелькнуло окно, лениво плывущая по небу луна, снег, тихо падающий на землю. Я со всего разлета ударился подошвами сапог о каменную

мостовую, не удержался, стал заваливаться набок и сделал перекат через правое плечо.

Встал. Плечо и бок саднили после удара о землю, но в данный момент я не обратил должного внимания на боль.

Морок исчез, растворился, унесенный ветром времени. Ни снега, ни новых домов с приветливо горящими окнами, ни людей, спешащих по своим делам. Мертвая улица Сонной Кошки. Мертвые дома с мертвыми окнами. И летняя ночь. Значит, я попал куда надо.

Все же архимаг, поселившийся в моей голове, оказался прав. Выход был через окно. Я оглянулся назад, на дом судьи. Вот окно, в которое я прыгнул. Меня разобрало любопытство. Я подошел к нему, заглянул в комнату, где только что находился. Стол, ваза, скелет. Дверь. А дальше — темная кишка коридора, уводящая куда-то в мрачные глубины судейского дома.

— Пойду-ка я отсюда! — пробормотал я, закидывая арбалет за спину.

В дома больше заходить не буду, а то точно застряну в них на веки вечные. Я огляделся по сторонам и, сверяясь по памяти с картой, устремился к улице Магов.

Улица Сонной Кошки ничем не отличалась от Людской. Все то же запустение, все те же тысячи несуществующих глаз, наблюдающих за мной из рваных ран окон. Улица разве что была поуже да потемней, плюс дома здесь были беднее, а те, что побогаче, фасадами смотрели на Людскую. Я шел быстро, стараясь держаться в тени и полумраке, настороженно вслушиваясь в тишину ночи и песнь унылого ветерка. Пару раз ветерок доносил рваные, скомканные расстоянием звуки детского плача, но они были такими призрачно-далекими, что я постарался не обращать на них внимания.

Шли минуты, мелькали слева и справа мертвые дома. Однажды я напоролся на скелет лошади, лежащий поперек улицы. Ее кости, как и останки безымянного мертвеца в нескончаемой комнате с вазой, были раздроблены или, точнее, разгрызены чьими-то зубами. Уж не мой ли это знакомый хохотун-плакальщик? Я обошел скелет, не отрывая глаз от чего-то белого, вдруг появившегося далеко впереди.

— У-у-у-у, — как сотня грешников, тоскливо завывал ветер в мертвых остовах домов.

Тут пахло затхлостью и пылью, как под кроватью скряги. (Поверьте, я знаю, о чем говорю. Один разок пришлось пролежать под такой кроватью битых два часа, дожидаясь, пока невесть откуда нагрянувший хозяин не захрапел рыкающим храпом здорового и довольного жизнью человека.)

В одном из домов справа от меня зияла огромная черная дыра, и я поспешно перешел на другую сторону улицы — нечего искушать судьбу, ведь неизвестно, какая образина может там коротать эту ночь.

Вскоре я довольно близко подкрался к непонятному белому пятну и с интересом стал его изучать.

Возле деревянного и порядком развалившегося дома, скорее всего трактира, с вычурной вывеской в виде толстого кота мне путь преградило облако прозрачного серебристо-белого тумана. Круглое, пушистое, такое ласковое, похожее на безобидную овечку, облачко зависло прямо посреди улицы, не касаясь своими краями окружающих домов. Возникло стойкое впечатление, что какой-то гигантский разжиревший паук не доделал паутину, бросив ее на произвол судьбы. Края облака колебались и дрожали под ветерком, создавали впечатление вялой жизни. Туман нисколько не напоминал июньский туман Авендума — тот был желтым и непроглядно густым, а этот... Туман как туман, разве что странной формы и прозрачный. Но вот в его волшебном происхождении я почему-то ни на минуту не сомневался.

Остановившись в десяти ярдах от неожиданной преграды, я решал, что делать дальше. Фор посоветовал мне путешествовать по крышам, но кто знает, выдержат ли они после долгого простоя человеческий вес? Попробовать проскочить? Под покровом тени, прижавшись к стене здания? Попробовать, конечно, можно, но вот только чем мне это грозит? А вдруг это непонятное решит приблизиться и проверить, кто залез в его вотчину?

За серебристой марью странного облака проглядывались очертания человеческого силуэта. Судя по росту, это был какой-то великан, не иначе. Голова силуэта достигала второго этажа стоящих рядом с ним зданий.

Статуя. Статуя Сагота. Что же, Фор и тут оказался прав, вот только как добраться до изваяния бога?

Как, как? Молча!

Я уже занес ногу, чтобы подойти к стене и проскочить в тени мимо облачка, когда меня остановил резкий голос, вновь зазвучавший в голове:

«Стой! Не двигайся, если тебе дорога жизнь!»

Гаррет — парень послушный, я застыл не хуже пугала на деревенском огороде. Только через несколько томительных ударов сердца до меня стало доходить, что это вновь говорит объявившийся архимаг. Я собрался ответить проклятому Вальдеру, когда он, видно поняв, что я хочу устроить ему отповедь, рывкнул:

«Молчи! Ни звука! Эта тварь слепа, но со слухом у нее все в порядке! Говори мысленно, я тебя прекрасно услышу».

«Ты обещал исчезнуть!» — Как вы понимаете, я в данный момент больше думал не о непонятном туманном облаке, а о накрепко сидящем в голове голосе.

«А если бы я исчез? Где бы ты тогда был? В пасти Ириллы?» — резонно возразил мне он.

«И что же это такое?»

«Никто не знает. Порождение Кронк-а-Мора. Я видел записи в древнейших фолиантах, когда... — голос помедлил, — когда еще был жив. Старые гравюры вот таких созданий. Они слепы и, как пауки, замирают на заброшенных дорогах, ожидая случайных прохожих вроде тебя. Ждут, если надо, веками».

«Как же они охотятся?» — недоумевающе спросил я. Слепой охотник — это что-то новенькое.

«У них, как говорят, прекрасный слух».

«Что-то не верится. Давно бы уже схватил, если бы все было так, как ты говоришь», — недоверчиво подумал я.

«Не обольщайся, Ирилла слышал тебя ярдов за двести. Он просто все еще ждет, что ты подойдешь к нему».

«Не дождется. Нашел дурака. Придется искать другой путь».

«Как только ты отойдешь назад, Ирилла нападет, — раздался поспешный голос архимага. — Лучше не шевелись. Надо его обмануть».

«Интересно как? — фыркнул я, не отрывая настороженного взгляда от безмятежно колышущегося облачка. — И тебе-то какое дело, если оно меня сожрет?»

Вальдер долго молчал. Я уже было начинал подумывать, что все эти до невозможности странные голоса — лишь разыгравшееся воображение.

«Я вновь получил жизнь. Жизнь без мук. Жизнь, а не серое ничто, из которого нельзя попасть ни во тьму, ни в свет. Пусть жизнь в чужом теле, где я всего лишь незваный гость, но жизнь. Позволь мне уснуть, я не буду тебе мешать, а, может, иногда и смогу помочь. Не прогоняй... Прошу!» Голос мертвого архимага излучал мольбу и смертельную тоску.

«Ладно, по рукам. Пока можешь оставаться там, где сидишь». — Я все же пришел к выводу, что помощь архимага может быть полезной.

Будет у меня свой импровизированный покровитель. И что страшного, что в голове звучит чей-то голос? У многих в Авендуме, особенно у тех, кто находится во втором крыле больницы Десяти мучеников^[15], в голове живут постоянные голоса, и ничего. Правда, у тех, кто слышит таинственные голоса, с умишком не все в порядке, но покажите мне хотя бы одного нормального в этом безумном мире!

«Ты можешь остаться. Но только до тех пор, пока я не покину Запретную территорию. Договорились?»

«Да! Спасибо!» — В голосе послышалось облегчение.

Создавалось впечатление, что я подарил архимагу новую жизнь.

«Так как же мне обмануть это существо?»

«Попробуй поднять камень и кинуть куда-нибудь подальше от себя. А затем беги».

Замечательный, гениальный план! А я, грешным делом, подумал, что мне действительно посоветуют что-нибудь дельное. Хотя может и сработать. Если быстро побежать, то вскоре я окажусь возле статуи Сагота, а Фор говорил, что там абсолютно безопасно и никакая тварь меня не посмеет тронуть. Рискну.

Я поднял с земли мелкий круглый камешек и швырнул его в ближайшее от тумана окно. Камешек влетел во мрак, стукнул о стенку, и мышеловка сработала. Облако, как спущенная с лука эльфа стрела, метнулось на неожиданный звук в окно, куда за несколько секунд до этого упал камень. Видно, что этот Ирилла был очень голодным. Туман скрылся внутри дома, и я бегом пролетел опасный участок улицы, уголком зрения замечая, что моя уловка не очень удалась — белый сгусток, теперь так напоминающий какого-то слепого волшебного червя, отродясь не видавшего солнца, стремительно вытекал из здания на ночную улицу. Миг — и червь вновь стал облаком, еще миг — и облако решило поиграть в догонялки с моей испуганной и сосредоточенной на отчаянном галопе персоной. Я прибавил ходу, благо до статуи Сагота оставалось всего лишь с десяток ярдов. Воздух со свистом вырвался из легких, когда я поднажал из последних сил, ощущая за своей спиной безликие пальцы Ириллы.

«Быстрее!» — совсем не под руку посоветовал вновь возникший из ничего Вальдер.

Я и так выжимал из своего тела все без остатка.

Затормозить я не успел и с разлету врезался в гранитный постамент. Воздух от удара вылетел из легких, я спиной упал на пыльную мостовую, успевая разглядеть бездушное облако тумана, которое на полном ходу, как озверевший от голода гхол, летит на меня. Миг — и Ирилла, издав воистину мелодичный и никак не вписывающийся в ситуацию хрустальный звон, разлетается на тысячу маленьких клочков, багровым огнем сгорающих в воздухе. Пустота и тишина.

В ушах еще стоял звон разбитого магией статуи тумана. Что же, учитель Фор, ты, как всегда, оказался прав. Статуя Сагота — действительно безопасное место.

— Слушай, маг! Ты можешь пока торчать в моей голове, но не надо говорить под руку! Прекрати разговаривать, если только мне не угрожает опасность! Заткнись или убирайся! — зло просипел я.

Архимаг молчал. Чудесно! На этот раз победа на моей стороне, хотя, если честно, не захоти он уходить из моей головы, я ничего бы не смог с этим поделать, по крайней мере до тех пор, пока поблизости не окажется маг Ордена.

Я встал с земли, отряхнулся от пыли, покрывающей мой черный камзол и штаны. После такой вот чистки я повернулся, представ перед очами своего бога. И задохнулся. Статуя действительно была большой — неизвестный мастер хорошо постарался, изображая бога воров. Он сидел на гранитной тумбе, скрестив обутые в башмаки ноги. Сагот выглядел чуть-чуть усталым, как будто путник после долгой, но все же приятной дороги. Руки с изящными тонкими пальцами лежали на коленях. Я перевел взгляд на его лицо. Обычное лицо сорокалетнего мужчины. Острый нос, высокий лоб. Скульптору даже удалось отобразить недельную щетину на лице бога. Лукавые глаза и улыбка. Улыбка одновременно умудренного опытом старика и озорного мальчишки. Улыбка, излучающая доброту лани и хитрость лисицы. Я знал этого человека. По крайней мере, видел. И даже заплатил золотой за его нелепый и глупый совет. Передо мной был тот самый нищий из Собора, сидевший на пустом постаменте.

Удивляться не приходилось. Я слышал несколько легенд и десятков мифов о том, что Сагот любит иногда вот так побродить по земле и поговорить с теми, кто взывает к нему в трудные минуты. Помочь, посоветовать, наказать, разыграть.

— Видишь, я исполняю Заказ, — громко сказал я статуе. — Вот только твой дурацкий совет про Селену так и остался непонятен. Что ж, радуйся! Ты смог облапошить меня на целый золотой!

Но бог молчал, глядя на меня насмешливым взглядом. Больно ему надо отзываться на дерзости какой-то букашки по имени Гаррет. Я вздохнул. Что ж, Сагот защитил меня от Ириллы, но пора было отправляться дальше, тем более что до улицы Магов еще идти и идти.

— Интересно, — пробормотал я себе под нос. — Как раненому и умирающему Вальдеру удалось пройти такое расстояние от башни Ордена до статуи Сагота?

Но поселившийся в голове архимаг ничего не сказал.

Я осмотрелся, помня о том, что маг умер рядом со статуей, но никаких костей не обнаружил. Ну и Сагот с ним, хорошо бы, чтобы он и из моей головы вот так исчез! Тихо и незаметно.

— Прощай, Сагот. — Я умерил свою дерзость и поклонился. Передо мной все же был бог. — Я достану этот Рог. Даже несмотря на твой непонятный совет.

Я молча развернулся и пошел по застывшей в ночной мгле Сонной Кошке, оставив статую бога воров за спиной. Побывав возле изваяния, я вдруг ощутил какую-то волшебную уверенность и спокойствие. Уверенность в том, что Заказ выполню во что бы то ни стало. Казалось, что я получил одобрение от бога, пусть он и не сказал мне ни слова.

Улица была так же бесконечна, как ненависть эльфов к оркам. Я шел по ней уже минут двадцать, а до выхода на соседнюю улицу Магов все еще надо было топать и топать. Сколько еще бродить по этому миру мертвого отчаяния, я не знал. Хотелось побыстрее отсюда свалить в более приветливые и безопасные места. Потому как интуиция мне подсказывала, что, чем дольше я тут буду находиться, тем больше наживу неприятностей.

Сперва я почувствовал запах. Запах, который ни с чем нельзя спутать. Запах, способный ввести голодного гхола в экстаз и безумие одновременно. Так пахнут трупы. Сладковатый аромат смерти и разложения. Я стал дышать ртом, попытался не обращать внимания на нестерпимую вонь, думая о том, что изо рта Вухджааза и его братца пахнет намного хуже.

Спустя пару мгновений я услышал звук раздираемой плоти. А затем хруст и чавканье. Потом раздалось знакомое для тех, кто занимается разорением древних могил, тяжелое хрипение из полусгнивших легких. Именно по этому хрипу всегда можно вычислить проклятых тварей. Я знал, кто издает такие звуки. Зомби. Мертвецы, оживленные оставшимся от огров черным шаманством, так и не исчезнувшим за тысячелетия из мира Сиалы, мертвецы, которые нет-нет да появляются в различных, в основном заброшенных и, к счастью, редко посещаемых людьми местах. И этому появлению не могут воспрепятствовать даже могучие ордена волшебников, маги светлых эльфов и шаманы орков, гоблинов и темных эльфов. Слишком сильно и до сегодняшнего момента не понято шаманство зловещей и таинственной расы огров, держащееся в мире с тех времен, когда эти существа еще не превратились в тупых кровожадных людоедов, а правили всеми Северными землями.

Магия, оживляющая трупы, препятствует их гниению, и мертвецы вполне в состоянии просуществовать несколько десятков лет, прежде чем время сжалится и убьет их плоть. Они не выносят солнечного света, от него их тела испаряются, как куски сахара в горячей воде. Поэтому основное место обитания зомби — это заброшенные пещеры, штольни, выработки, склепы, подвалы старых домов. Лишь ночью они выползают из своих

убежищ в поисках поживы. Убить тварей можно. В принципе, немного попотев, с рядовым зомби способен справиться, изрубив в капусту, хороший мечник. Отлично действуют волшебные световые кристаллы, разрушающие их плоть, огонь да много еще чего. Вот только обычно всего этого не бывает при себе, когда наталкиваешься на ходячий труп.

К счастью, у меня с собой были и огненные болты, и световые кристаллы, но пользоваться ими я не спешил, приберегая на Храд Спайн.

Зомби не так страшны, как о них рассказывают у ночных костров или за столом в трактирах. Это я вам заявляю со всей ответственностью. Однажды, еще в молодости, бродя по заброшенным старым Штольням Ола, находящимся недалеко к востоку от Авендума, в поисках несуществующих сокровищ, я наткнулся на два таких создания. Тупые, голодные, неповоротливые твари, которым спокойно не лежит в могилах. Убежать от них обычно довольно просто, особенно если это не так называемый «свежак», а полусгнившие останки, которые еле-еле передвигаются из-за отсутствия большей части мышц, сухожилий, а то и костей. Главное — не попасться в их руки-крюки, иначе живым не уйдешь, точно. В тело добычи зомби впиваются не хуже имперских собак.

Чавканье раздалось с новой силой, и меня передернуло от отвращения. Да и кто на моем месте остался бы хладнокровным? Не очень-то приятно услышать такое, и не важно, кто ты — добрый булочник, храбрый солдат, безжалостный убийца или обычный вор. Я не понимал, откуда здесь взялись зомби. До Кладбищенской улицы довольно далеко. У тварей вечерняя прогулка перед сном? Да и какие тут зомби после двухсот лет? За это время каждый порядочный оживший мертвец, хочет он того или нет, должен превратиться в прах. Ан нет! Что ж, сплшем гуляющих здесь мертвецов на странности Запретной территории.

В левую руку я взял припасенное мясо, а в правую — короткий клинок. Если что, серебряная окантовка лезвия на время меня защитит. Нет, зомби не дошли от серебра, просто они становились менее поворотливыми и очень ленивыми. Порой тварь, получившая серебряную стрелу в грудь, даже не обращала внимания на проходящего мимо человека. Какое-то время. Пока какой-нибудь смельчак не решится завладеть ценной стрелой и не выдернет ее из якобы вновь умершего мертвеца. Обычно такие ребята кончали плохо, и их останки даже не хоронили, потому что хоронить, собственно говоря, было нечего.

Хрипение раздавалось из-за угла крепкого здания из красного кирпича. Окна дома были закрыты массивными стальными ставнями, а тяжелая стальная дверь могла выдержать прямое попадание ядра из пушки гномов.

На фасаде огромными буквами было написано:

Б...НК ХИРГЗ...Н и СЫ...О...БЯ.

Буквы отсутствовали, но и доралиссу понятно, что здесь было написано: «Банк Хиргзан и сыновья». Довольно известный и богатый род гномов.

Значит, вот он, гномий банк. Именно до этого места дошел Фор, но не смог проникнуть в здание и вернулся назад. Я подошел к банку и аккуратно, стараясь не шуметь, заглянул за угол. В нос ударил все убивающий запах гниющей плоти, а мой взгляд уперся в точно так же выглядывающего из-за угла, только с противоположной стороны, мертвяка.

Возникла немая сцена, как в лучших спектаклях на Рыночной площади. Столкнувшись нос к носу с ожившим мертвецом, я поступил как маленький и беззащитный зверек, когда тот сталкивается с лесным хищником, — я замер.

Тварь уже была не первой свежести. Одной руки как не бывало, ребра справа обнажены и тускло белеют в туманном лунном свете, кожа грязно-серо-зеленого цвета, одно глазное яблоко отсутствует, губы давно сгнили, а покрытые свежей кровью редкие зубы оскалены в сардонической улыбке деревенского дурачка. Еще одна тварь стояла спиной ко мне, я прекрасно видел ее сгнившее тело и выступающие сквозь черное мясо белые пятна позвонков. Дальний зомби еще не успел отобедать и с превеликим энтузиазмом был занят важным делом: он, хрипя и чавкая, запихивал в рот куски мяса, которые вырывал из распростертого в переулке тела человека.

Ну, я предполагал, что это был человек, потому как по тем отдельным костям, рваным тряпкам и разбросанному мясу точно определить было нельзя. Но вот в том, что еще сегодня утром это мясо было живо, не возникало никаких сомнений. Быть заживо съеденным такими тварями... Малоприятная смерть.

Как и в хорошем спектакле, с молчанием надо не переборщить. Тварь, увидевшая меня, наконец сообразила, что немая сцена так долго продолжаться не может, отпрянула на шаг назад и, взмахнув полусгнившей рукой, ударила по тому месту, где я только что находился. Меня, естественно, давно там не было, я уже выскочил на середину Сонной Кошки, лихорадочно стараясь развернуть дрокр, чтобы достать мясо. Зомби довольно резво двинулся в моем направлении, выставив вперед единственную руку и натужно хрипя. Второй тоже оторвался от десерта и, запихивая в пасть мясо, пошел на подмогу собрату. Зомби — не хохотун-плакальщик, тут нужно быть спокойным, иметь трезвую голову, капельку проворства, и тогда у тебя есть шансы выжить.

— Будем считать это маленькой тренировкой перед Храд Спайном, — пробормотал я, стараясь не замечать, что у дальнего мертвеца в зубах застрял не самый маленький кусок свежего мяса.

Твари приближались, и я отбежал еще на десяток ярдов, выманивая их на широкую улицу из темного переулка. Все же, когда просторно, есть возможность для маневрирования и увертывания от лап-веток мертвецов. Проклятый узел наконец-то поддался, я развернул эльфийскую ткань и кинул мясо в морду однорукого.

Тварь поймала кусок на лету и, на время потеряв ко мне всякий интерес, принялась с остервенением рвать нежданно-негаданно свалившуюся на нее добычу. Зомби, как известно, ненасытны, и то, что мертвец совсем недавно откусал, вырвав от ныне лежащего в переулке бедняги приличный кусок, нисколько не умерило аппетит твари.

Свободной левой рукой я выхватил из-за пояса волшебную эльфийскую веревку-паутинку. С ее помощью можно было преодолеть почти любое препятствие. Она не требовала трехзубчатой «кошки» на свободном конце и спокойно прилипала к любой поверхности так, что не оторвешь. А волшебное свойство самостоятельно поднимать хозяина вверх только добавляло ей популярности среди любителей преодолевать неожиданные преграды. Правда, и цена была высока. Не так-то просто добыть веревку, которую использовали разведчики темных эльфов.

Я взмахнул паутинкой, и свободный конец улетел в сторону крыши банка гномов, как будто к нему был привязан тяжелый груз. Держа свободный конец паутинки в руке, я ждал, когда чудо эльфийской магии самостоятельно закрепится где-то там наверху и поднимет меня подальше от голодных созданий. Первый зомби уже доедал мясо, и я успел пожалеть, что взял с собой так мало. Второй поравнялся с первым, но не остановился, чтобы присоединиться к пиршеству, а продолжил упорный путь в мою сторону. Походка у него была как у пьяницы из Портового города — того и гляди упадет. Однако мертвяк не падал, а с упорством гнома, вгрызающегося в тело земли, пер на меня.

Я почувствовал резкий рывок, волшебная веревка стала поднимать меня вверх. Зомби разочарованно захрипел, попробовал подпрыгнуть и достать меня руками, но не дотянулся и с тупым стуком шлепнулся на землю, чуть не придавив подошедшего однорукого собрата. Мне, если честно, было не до них. Упираясь ногами в стену банка, я помогал веревке тянуть меня наверх.

Тяжело отдуваясь, закинул ногу на гранитный карниз, проходящий по всему зданию чуть ниже крыши, и резким рывком перекинул себя на него.

Перевернулся на спину, разглядывая звездное небо.

До рассвета осталось чуть больше двух часов, и звезды поблекли перед еще не проснувшимся, но уже таким близким утром. Лучник уходил за горизонт, Камень терял волшебную яркость, Свинопас приблизился к Луне. Созвездия еще были на ночном небе, но потихоньку тускнели, советуя мне поторопиться и до рассвета убраться из этого места.

Мертвяки рассерженно хрипели где-то внизу, тупо и бесконечно ударяясь в стену здания в тщетной попытке достать убежавшего от них человека. Я издал абсолютно безумное хихиканье. Напряжение от только что пережитого все еще не прошло. Кровь дробью боевых барабанов орков стучала в ушах, наполняя летнюю ночь хоть каким-то подобием ритма жизни.

Вот ведь работа! Дернула меня тьма быть вором! Был бы обычным лавочником или кузнецом каким-нибудь. Жил бы себе и жил, в ус не дул, хлопот не знал и голову бы дурную не совал в неприятности.

Ладно! Предаваться унынию будем несколько позже. Если доживем до этого «позже». Я встал, перемахнул на ребристую черепицу крыши, отцепил веревку, впившуюся в нее, как голодная пиявка впивается в неосторожного гулену, свалившегося в реку Хрустальной Мечты^[16]. Затем смотал паутинку в тугой моток и прикрепил к ремню, убрал так и не понадобившийся клинок, огляделся.

Луна топила весь мир в волшебном серебристом свете. Перед моим взором лежали крыши домов. Тут неоткуда взяться тени, и свет залил все вокруг, превращая крыши в какую-то сказочную равнину черепицы, ржавых труб и поломанных флюгеров. Светло как днем, и, если смотреть на крыши откуда-то с ночного неба, я буду виден, как обожравшийся таракан на хозяйском столе при свете дня.

Дома плотно подступали друг к другу, и расстояние между соседними крышами было мизерное — даже паралитик способен перепрыгнуть с одной на другую, не поломав себе костей. Что ж, пойду как по центральной улице. Легко и быстро, тем более что почти все крыши были плоские, старой постройки, а не покатые, какие стали делать последние сто лет. Я вновь достал огненный болт и зарядил его в арбалет, где он лег по соседству с обычным братом. Прятаться не было смысла, я и так находился на виду из-за лунного света, захватившего в свою власть все крыши и загнавшего пугливую соперницу-тень в самые дальние уголки чердаков, а то и вовсе прогнавшего ее вниз, туда, где она могла бы жить благодаря стенам домов. Так что тусклый свет от волшебного болта в данный момент мне нисколько не мешал.

Зомби все еще хрипели внизу, и я ухмыльнулся, видя как Однорукий с остервенением пытается выбить прочную дверь гномов, чтобы проникнуть внутрь дома и добраться до меня. Что ж, у него есть все шансы слопать Гаррета. Лет через шестьсот. Я еще раз хмыкнул, перебросил арбалет из одной руки в другую и уже собрался идти по крышам домов, как заметил ярдах в двенадцати от того места, где я стоял, здоровенную рваную дыру в крыше.

Все же время прогрызло безжалостными, не знающими усталости зубами то, что не смогли сделать все воры Авендума. Время пробило брешь в надежной защите банка. Возник соблазн спуститься вниз и узнать, так ли богат клан Хиргзан, как о нем говорит людская молва. Но на данный момент деньги мне бы только мешали, да и лезть в темное жерло дыры не особо хотелось, тем более что крыша рядом с ней, скорее всего, была не толще крылышек мотылька, а следовательно, могла рухнуть подо мной в любой момент и отправить незадачливого Гаррета в мрачную неизвестность.

— Что ж, следующему смельчаку, решившему провести банк, очень даже повезет, — пробормотал я и отправился своей дорогой.

Время сейчас — самое дорогое, что у меня есть, и стоило поспешить, дабы не встречать первые копыта лучей солнца на Запретной территории.

Разбежался и перепрыгнул на крышу соседнего здания. Разбежался, перепрыгнул. Разбежался — снова прыжок. Квартала через два я уже дышал как возбужденный кабан.

Один раз из-под ног поехала плохо закрепленная черепица, я каким-то чудом успел вцепиться в карниз, изящной волной огибающий крышу, и повиснуть на руках. Слава Саготу, вылез. В другой раз одряхлевшая от времени покатая крыша одного из домов начала рушиться прямо под ногами. Я бросился скорее на соседнюю, чувствуя, как подо мной все ходит ходуном, а за спиной раздается грохот падающей черепицы и досок. Я успел, сильно оттолкнулся и перепрыгнул на соседнюю крышу, сбив сапогами несколько продолговатых, ярко-красных и не потускневших от времени черепиц.

— Ну-ну, — довольно мрачно высказался я, наблюдая, как из дома, на крыше которого я только что находился, поднимается вековая пыль, поднятая упавшими досками.

Крыши у дома больше не было, и дом сиротливо сверкал обнаженными стенами.

Пыль, вяло клубясь в лунном свете, как-то незаметно стала принимать черты гигантского человеческого черепа, и я, решив не дожидаться, что тут

произойдет дальше, поспешил к улице Магов, благо до нее было уже недалеко.

За время своего путешествия по ночным крышам я пару раз видел зомби, вяло ходящих по Сонной. В первый раз я слышал тварь за сотню ярдов от себя. Мертвец хрипел внизу, вальяжной и немного подпрыгивающей птичьей походкой прогуливаясь по полутемной улице из угла в угол. По счастью, тварь не задирала вверх голову, чтобы полюбоваться полной луной, поэтому и не заметила прыгающий с крыши на крышу человеческий силуэт. Вторая встреча произошла немного позже. Пятерка мертвецов на удивление молча стояла вокруг фонтана, тупо уставившись в только им видимую точку. Казалось, их взор приковало к себе что-то пленительное и потрясающее, от чего просто невозможно отвести взгляд мертвых глаз. Не знаю, может, так оно и было. Зомби напоминали какие-то ужасные статуи, созданные эстетствующим безумцем из больницы Десяти мучеников. Я еще раз возблагодарил Сагота, что решил идти оставшийся путь по крышам зданий, а не по улице, иначе, наравшись на такое количество ходячих мертвяков, замучился бы от них избавляться.

Последний высокий прыжок — и я оказался на крыше здания, выходящего фасадом на улицу Магов. Улица была не в пример короче Сонной и Людской, так что цель моей ночной вылазки уже очень-очень близка. Вся проблема в том, что домов по соседству с тем, на крыше которого я стоял, не было. Создавалось ощущение, что чей-то гигантский язык просто слизнул их из этого мира. Пустые черные квадраты на месте отсутствующих зданий казались сиротливыми островками в мире таинственного и затхлого сна Закрытой территории.

Я облокотился на потемневшую от времени дымовую трубу, снял наконец с руки оставшуюся перчатку и, не глядя, отбросил в сторону. Одна мне она уже все равно не нужна, ведь ее несчастная сестра так и осталась в качестве трофея у хохотуна-плакальщика.

У меня было два варианта дальнейшего продвижения к своей цели. Первый — это спуститься вниз и, рискуя шкурой, пробежать короткую улочку до башни Ордена. Второй — это, рискуя шеей, перепрыгнуть на здание, находящееся на противоположной стороне улицы. Несмотря на глупость затеи, второй вариант был предпочтительнее первого. На крышах намного безопаснее, потому как бегать по полутемным улицам — все равно что танцевать джангу на тонком льду. Чтобы перекинуть веревку через широкую улицу, мне потребовалось две попытки. Со второй свободный конец достал до крыши нужного мне здания и основательно прилип к ней.

Я для спокойствия собственной души подергал за веревку пару раз, проверяя ее надежность. Что ж, вполне устраивает. Теперь я должен был совершить одно из самых больших и самоубийственных безумств. А именно прыгнуть с крыши здания, пролететь над улицей и оказаться на противоположном доме. Пару раз в жизни я уже выполнял подобный трюк, правда тогда немножечко был моложе. Но паутинке я доверял.

Шаг в пропасть, мостовая сделала резкий скачок в моем направлении, и вот я уже лечу над ней, вцепившись обеими руками в веревку, которая показалась вдруг такой тонкой и ненадежной. Стена здания с темными жерлами окон с катастрофической скоростью приближалась, грозя расплющить меня в лепешку. Я инстинктивно выставил вперед ноги в безуспешной попытке смягчить удар, но паутинка напряглась, превратившись вдруг из гибкой и податливой веревки во что-то совершенно непонятное. Прямой жесткий штырь, который завис вместе со мной в воздухе, а затем медленно-медленно стал приближаться к зданию. Как только я коснулся ногами серой стены, жесткость веревки исчезла, она вновь стала сама собой и мягко, незатейливо вытянула меня на крышу здания.

— Вот и все, — прошипел я, пытаюсь рассмотреть руки.

Без перчаток все же было не очень приятно, я вцепился руками в веревку так, что на ладонях остались красные полосы. Ладно, жить буду.

Дома на улице Магов казались более новой постройки, во всяком случае настил крыш подо мной не стонал от натуги и старости, грозя обвалиться в самый неожиданный и неподходящий момент. Я продолжил путь, благо надо было торопиться — до наступления утра рукой подать.

Извилистая, петляющая, как пьяная змея, улица Магов несколько не напоминала идеально прямые, словно вычерченные по линейке карликов Сонную Кошку, Людскую и Кладбищенскую. Да и дома здесь казались богаче, несмотря на кривую улочку и не самый престижный район города. Чуть ли не на каждой второй крыше стояли изящные флюгера в виде какой-нибудь волшебной зверушки или попросту пичужки или белочки.

На паре фасадов я мельком заметил вычурные статуи, украшающие стены домов. Но что изображали эти поделки скульпторов прошлого, я разглядывать не стал, все внимание направив на то, чтобы не свалиться с очередной покатою крыши.

Вверх. Вниз. Прыжок. Приземление. Вверх. Вниз. Прыжок. Приземление. Снова вверх! Рутинка! Я двигался, как механизм карликов, — четко, точно, не тратя лишней капли сил. Прыгал по крышам, абсолютно уверенный в том, что ничего такого теперь уже просто не может случиться.

Эта уверенность меня и подвела. Во время очередного приземления на кажущуюся такой прочной крышу я остановился перевести дух и с тревогой посмотрел на звезды. Не успеваю, чтоб мне танцевать джангу с Неназываемым!

Вот тут-то это и произошло. Под моими ногами раздался тоскливый скрип — так скрипят старые двери в покинутых жильцами домах. Крыша ходуном заходила под ногами, я замахал руками, стараясь сохранить равновесие и не грохнуться с высоты третьего этажа на каменную мостовую и одновременно отпрыгнуть подальше от рушащегося настила. Но безуспешно. Крыша ушла из-под ног вниз, и я вслед за ней. Мелькнули стены, пыль, поднимающаяся от рушащейся кровли, звездное небо. Темнота...

Глава 12

Во мраке

Без сознания я был, наверное, не очень долго. Когда, открыв глаза, я посмотрел на небо, звезды почти не сместились, да и луна была яркой, а не потускневшей, утренней. Я застонал и сделал попытку сесть. Мне это удалось, кости, как оказалось, были целы, что невероятно радовало. Сломай я ногу или, не дай Сагот, позвоночник, лежал бы сейчас на полу, ожидая прихода рассвета.

Упал я неглубоко. Потолок был совсем рядом — стоило встать, протянуть руку и немного подпрыгнуть, чтобы коснуться его пальцами. Видно, я очутился в какой-то комнате третьего этажа. Пол выдержал и меня, и обвалившуюся часть крыши, на обломки которой я так несказанно удачно приземлился. Встав с пола, аккуратно пошевелил руками, все еще не веря, что остался жив. Нужно выбираться отсюда, этот детский плач положительно плохо действовал на мои расшатанные нервы.

Стоп! Какой плач?!

Я на секунду превратился в неподвижную скульптуру, как будто меня прибили гигантским гвоздем к полу, лихорадочно соображая: откуда выплыли мысли про детский плач?

Да, что-то такое было. Что-то на границе сознания, когда я падал во тьму. Что-то же разбудило меня, вырвав из забытья. Плач. Такой знакомый детский плач.

Как бы в ответ, подтверждая все законы всемирного свинства и мои тревожные опасения, откуда-то из темного угла комнаты раздались тихие всхлипывания. Я почувствовал себя не самым лучшим образом, нервно сорвал с пояса «огонек» и швырнул его на пол, скороговоркой бормоча формулу активации. Вспышка озарила темную комнату, я прикрыл глаза, чтобы не ослепнуть от яркого света. Секунда, кажущаяся вечностью, — и вот теперь вполне можно было разлепить веки, не опасаясь огромных цветных пятен и кругов перед глазами.

Магический холодный свет исходил от маленькой палочки «огонька», освещая территорию во много раз большую, чем это делает обычный факел. Старая комната с облезлыми стенами, дощатый ободранный пол, почти весь засыпанный мусором, мой арбалет в ярко-красном круге света, исходящего от огненного болта. И девочка.

Маленькая девочка, сидящая в дальнем углу и внимательно смотрящая на меня зелеными глазами.

Обычная девочка, человеческий ребенок, лет пяти-шести. Золотые кудряшки непокорных волос, пухлые розовые щеки со следами слез, надутые губки бантиком, грязное рваное платьице, босые ножки и затасканная плюшевая игрушка — не то щенок, не то мишка — в руках. Очаровательный маленький ребенок, с которого только фрески рисовать в храмы. Вот только в зеленых глазах застыло ожидание змеи, ненависть волка и голод огра.

А рядом с ребенком лежала такая знакомая перчатка. Моя одинокая перчатка, брошенная в доме судьи. Девочка всхлипнула, не отрывая от меня глаз. Я медленно, очень медленно, в свою очередь не отводя взгляда от нее, стал нагибаться, чтобы поднять валявшийся у моих ног арбалет. В тот момент когда пальцы сомкнулись на изящном оружии, девочка хлюпнула носом в последний раз и издала тихий зловещий смешок. Я как стоял, потянувшись за арбалетом, так и замер. Вот и свидетелюсь. Хохотун-плакальщик собственной персоной.

Глаза существа — язык не поворачивается назвать это ребенком сверкнули, затхлая стена воздуха ударила мне в лицо, и я, не разгибаясь, отлетел к противоположной стене. «Огонек» замигал и померк, видно, неизвестная магия существа была слишком сильной и подавляла его. В комнате быстро темнело, лишь зеленые глаза излучали свет, гипнотизируя и подавляя волю, заполняя мозг липким туманом покоя и сна. Мерзкое хихиканье твари вновь зазвенело в ушах, и ее глаза придвинулись ко мне.

— Не спи! Стреляй! — на границе сознания раздался чей-то спокойный, требовательный голос, и туман в голове стал быстро рассеиваться.

По ушам ударил протестующий визг, тварь почувствовала, что теряет надо мной власть. Я вновь мог двигаться и в почти наступившей темноте, ориентируясь только на ядовитую зелень глаз, нажал на оба спусковых крючка арбалета почти одновременно. Первый, обычный болт ударил хохотуну в плечо, развернув его в пол-оборота, но тот только издал торжествующий хохоток и, не останавливаясь, продолжил путь в мою сторону.

Оставляя во тьме огненную нитку росчерка, волшебный болт устремился вслед за своим обыкновенным братом и ударил прямо между глаз твари. Яркая вспышка высвободившегося из магического плена непокорного огня заставила заслонить лицо руками. Грохнуло, я вам скажу, о-го-го как! Уши заложило, лицо обдало раскаленным жаром дыхания

проснувшегося вулкана. Тварь издала визг свихнувшейся пилы дровосека и затихла.

Раз... два... три... Я убрал руки от лица и осторожно открыл глаза. Комната была пуста. «Огонек» вновь набрал силу и робко освещал древнее помещение и случившийся в нем разгром. Хохотун-плакальщик исчез, от существа не осталось даже горстки пепла. То ли действительно огонь уничтожил его, то ли тварь убралась в менее жаркое место. Мне, если честно, было все равно, что с ней произошло, — лишь бы это существо находилось подальше от меня.

Пол кое-где тлел, а в одном месте, в центре комнаты, уже появились пугливые язычки пламени, рожденные огненной магией. Я поспешно затоптал их — не хватало только привлечь огнем неизвестно еще кого здесь обитающего. Хотя, наверное, все в округе слышали грохот разорвавшейся магии, и беспокоиться об огне после такого шума, право слово, глупо. А может, и не слышали. На Запретной территории, как я уже успел заметить, со звуком творится тьма знает что.

Губы и подбородок были отчего-то влажными, я рассеянно провел по ним рукой и взглянул на нее. Чтоб меня разорвало! Кровь. Я и не заметил, как она потекла из носа. Видно, виной всему стена воздуха, так приятственно вмазавшая мне по лицу. Призывая на голову проклятой твари всех демонов тьмы, я задрал голову вверх, дожидаясь, когда остановится кровь.

— Спасибо, Вальдер, ты спас мне жизнь, — пробормотал я, но ответа не получил.

Архимаг снова исчез и затаился.

Кровь остановилась довольно скоро, и я, подняв брошенную на полу перчатку, вытер грязное лицо. Зеркала не было, но буду надеяться, что крови на лице осталось не очень много. Бросив испачканную и ненужную перчатку на пол, я вышел из комнаты, на ходу перезаряжая арбалет обычными болтами, втайне надеясь, что ничего более ужасного, чем хохотун-плакальщик, я тут не встречу. Да и жаль мне было тратить волшебные заряды до Храд Спайна. Ведь неизвестно, каких милых ребят я встречу в его подземных залах.

Краем глаза я заметил деревянную лестницу, ведущую вниз, на улицу. Заниматься путешествием по старым крышам не было ни охоты, ни желания. На спине и так хватает синяков, не хотелось бы еще раз грохнуться и теперь уже наверняка сломать позвоночник.

Лестница натужно скрипела, стонала, но не разваливалась под ногами, за что я вынес ей свою искреннюю благодарность. Потом подумал и

присоединил благодарность Саготу, терпящему мои выкрутасы. Серо-желтый прямоугольник, сплетенный из кружев тени и лунного света, ярко выделялся на фоне темной стены комнаты на месте отсутствующей двери. Я выскользнул сквозь него на улицу Магов и, плотно прижимаясь к стенам угрюмых домов, по возможности держась густой тени, побежал к башне Ордена.

Внутренним, непостижимым для самого себя чувством я ощущал, как безжалостные капли из часов времени утекают сквозь пальцы, хлесткими кнутами подгоняя ленивую корову-утро, готовую вскоре появиться и прогнать ночь. Час, даже меньше, и еще темный горизонт вспыхнет ярким проблеском летней неугомонной зари, за которой последует утро. Утро, являющееся в данном случае гибелью для всего живого, находящегося в этот момент на Закрытой территории. Я прибавил ходу, скользя в тенях, слившись с ними в единое целое, танцуя вместе с серыми странницами под слышную только мне музыку.

Я танцевал с тенями, и тени несли меня на своих дымчатых лебединых крыльях. Вперед и только вперед, туда, где узкая улица расширялась, превращаясь в небольшую площадь, скрывавшую башню Ордена.

Я не заметил, как очутился на границе улицы Магов и площади. Остановился, закутавшись в плащ тени, отбрасываемой стареньким двухэтажным домом без крыши. Напротив меня еще один дом, последний маяк человеческого жилья перед пустующей площадью. Хотя это было не так. Площадь не пустовала. Немым укором, ужасной болью, страшным огрызком в два этажа стояла такая одинокая, такая мертвая старая башня Ордена. Сила Кронк-а-Мора не пощадила ее — от бывшего величия и изысканности постройки не осталось ничего. Черная выюга хорошо поработала над некогда прекрасным творением магов Ордена.

— Земмел, Земмел, что же ты наделал! — простонал Вальдер.

Да, катастрофа здесь разразилась страшная, я нисколько не завидую тем, кто оказался поблизости, когда тут случился разгул неуправляемой стихии. И ни камушка на голой и абсолютно чистой площади, окруженной скелетами домов и залитой, как лесная сказочная поляна, очищающим светом заходящей луны. А ведь в башне было не три, а намного больше этажей, и во время взрыва ее обломки должны были разлететься по всей площади. Однако их нет. Чисто и пусто. Просто испарились, и все.

— Долго мы будем здесь стоять? Время уходит! — Голос, вдруг раздавшийся из густого мрака дома напротив, заставил меня оторваться от невеселых мыслей и изумленно уставиться во мрак, откуда я его услышал.

Голос принадлежал явно живому человеку, а не какому-нибудь

тривиальному призраку.

— Успокойся, Шныг. Или ты хочешь кончить, как старина Ростгись? — раздался в ответ противный писклявый голос.

Ну прямо как тролль, уронивший себе бревно на самое важное место!

— Успокойся, Шныг, успокойся Шныг, — недовольно пробурчал первый. — Ростгись сам виноват: зазевался, вот и попал на зуб зомби, а тут ждать нечего! Берем планы и драпаем отсюда!

— Есьо бы зомби не напасть! Ростгись только и делал, что пил в последнее время, — хмыкнул второй. — А теперь как прикажешь лезть в эту проклятусью басню? Нахрапом? Мы ведь не тязелая кавалерия его величества! Надо все сетко продумать, инасе не сносить нам головы!

— Додумаешься ты, Соловей! — зло бросил Шныг. — Утро на носу, сваливать пора.

— Да помолси зе! Думаю! — рывкнул Соловей, и Шныг заткнулся.

Так, так, так. Эти имена мне были известны. Два мастера-вора Шныг и Соловей, работают на гильдию, а следовательно, и на слизняка Маркуна. Мастера своего дела. Работают, правда, грязновато, трупов за ними целая дорожка. Соловей хоть коротышка, да и вид у него бледненький, но умен, как сто королей. А Шныг — здоровый, с крепкой мускулатурой — казался обывателям неуклюжим и тупым. Что ж, многие так думавшие оказались на Пирсах^[17] с ножом под лопаткой.

Да и Ростгиша я тоже знал, да пребудет он в свете. Парень года два назад появился в Авендуме и присоединился к этой парочке. Тоже в средствах не очень-то стеснялся, но вор хороший, правда не мастер, слишком много пил, реакция у него была отвратная, вот и попал в итоге на ужин к зомби. Выходит, это я на его останки наткнулся на Сонной Кошке. Не повезло бедняге.

Дел у меня никаких со Шныгом и Соловьем никогда не было, мы друг друга, мягко говоря, не переваривали. Да и опасные они ребята, всякую минуту жди нож под ребро. Какой тьмы им потребовалось на Запретной территории?

— План у тебя? — пропищал Соловей.

Его комариный писк больно резал по ушам, ребята, кажись, не считали своим долгом скрываться и шумели на всю улицу. Что, кроме зомби, никого не встретили? Все остальные сюрпризы достались мне?

— Тот, который мы достали из Королевской библиотеки? Да, вот он. Посвети.

— Сем? — зло буркнул Соловей. — «Огоньки» остались у проклятого Ростгиса! Теперь ими зомбики питаются!

Ага! Так вот про кого говорил старикан Болт. «Серые и неразговорчивые». Видно, в библиотеку наведывались Шныг и Ростгишь, Соловья бы дед точно запомнил. Выходит, у ребяток здесь Заказ, ведь сунули они под нос Болту колечко какого-то влиятельного хмыря! Эх, не догадался я расспросить старика про кольцо, посчитал глупыми выдумками старого маразматика! Нужно будет обязательно вернуться и поговорить по душам со стариком. Так кто же их послал?

— Нам надо взять проклятушие карты или что там еще, пока нас не обошел этот ублюдок.

— Ну сто ты нервнижешься? — Соловей был, как всегда, спокоен и рассудителен. — Гаррет сунется сюда не скоро. А мозет, совсем в сытаны наложит. А если и полезет, то заказик, как я понял, нанял пару стражников, стобы, если сто, они его присюсили.

— Этот Гаррет всем порядком надоел. Маркун кипятком исходит от одного его имени, да и заказчик, если чего, приказал его убрать. А тот, кому служит заказчик, да и мы заодно, начинает высказывать недовольство.

Гаррет? Интересно, о каком Гаррете говорит Шныг? Ну уж точно не обо мне! Слово «ублюдок» ко мне не относится. И вот еще что... Выходит, таинственный обладатель кольца нанял не только воров, но и храбрых и честных стражников во главе с ныне покойным Жастином, прибитым резвыми доралиссцами. Ин-те-рес-но! Весь внимание, я стал слушать дальше.

— Убрать? — гнусно хихикнул Соловей. — Да ты последние мозги потерял, Сыныг! Этот парень хоть и выглядит дохлым и худюссим, но я не собираюсь, как этот ненормальный Ролио, ссепляться с Гарретом. Делаем дело, отдаем Заказ, берем денезки и валим в теплые края. Куда-нить в Загорье. Нас там никто не найдет. Несего с тьмой осываться.

— Думаешь, от Хозяина так легко уйти? — раздался насмешливый голос, и я вздрогнул.

Этот голос я вспомню из тысячи. Он очень изменился, из него почти исчезла мертвенность и безжизненность, но я его узнал. То самое существо, разговаривавшее с герцогом Патийским, а затем убившее его. Та ночная тварь, получившая от меня закаленной сталью в спину и даже не обратившая на болт никакого внимания.

— Даже не думай о бегстве. Ты уйдешь только тогда, когда он отпустит тебя, человечешко. Ведь... — голос помедлил, а затем с мечтательным намеком на отрицательный ответ спросил: — Ведь ты верен Хозяину?

— Я верен. — Голос Соловья был осипшим и испуганным. — Мы

верны.

— Да, да ваша милость, мы верны Хозяину, — поддержал заискивающим голосом Шныг.

Из темноты раздался тихий довольный смешок, и мне привиделось мимолетное сверкание золотых глаз.

— У-умные человечки, — протянуло оно. — Тогда почему же вы до сих пор не добыли карты Храд Спайна? Заблудились, маленькие?

По счастью, я не видел ни это существо, ни воров, находящихся напротив меня, во мраке разрушенного дома. Только слышал. И очень надеялся, что они в свою очередь не видят мою притихшую персону. Я был абсолютно уверен, что люди меня не заметят, но вот этот Посланник... Стоит ему взглянуть в мою сторону и... О том, что могло произойти в этом случае, я старался не думать.

— Нет, что вы, ваша милость. Мы просто ждем. Ждем, когда будет благоприятный случай. — Слова из глотки Шныга вылетали сумасшедшей скороговоркой. — Вот уже почти собрались идти.

— Узе идем, узе. Не извольте сомневаться.

— Добудьте карты и уничтожьте, а затем можете убираться отсюда на все четыре стороны. — В голосе Посланника сквозило нескрываемое презрение.

— Н-н-но, ваша милость. — Шныг явно очень сильно удивился. — Заказчик сказал принести бумаги ему. Мы просто не можем...

Шныг прервал свою тираду и почему-то начал хрипеть, а его напарник испуганно ойкнул.

— Хозяин не привык слышать «не можем». Ему нужны слуги, которые могут! Те, кто не способен выполнить элементарное задание, не достойны служить ему, они просто насекомые! Досадная помеха!

Хрипение Шныга перешло в очаровательное бульканье.

— Милорд, смею заметить, что Сьныг ни в коем случае не хотел показаться ненужным! — запричитал Соловей. — Мы прямо сейчас достанем эти бумаги!

Раздался стук падающего тела и облегченные хрипы Шныга, пытавшегося вновь вогнать воздух в свои легкие.

— Вы знаете, что ваш заказчик тоже служит Хозяину, а Хозяин говорит, что карты Храд Спайна должны быть уничтожены, иначе они могут попасть в руки короля и его прислужников. Передайте это глупцу, которого вы называете заказчиком! Если он влиятелен, это не значит, что он должен считать себя звеном Борга. Пускай вспомнит покойного герцога Патийского!

— Мы все поняли, вас милость, — подтвердил Соловей. Шныг не переставая кашлял. — Мы все передадим, как вы сказали.

— Чудесно, а теперь исполняйте! Неужели вы думаете, что, если бы я мог войти в башню, мне понадобились бы ваши услуги?

Посланник не стал дожидаться ответа на свой вопрос. В темном проеме дома возникло нечто еще более темное. Вновь сверкнуло золото глаз. Посланник медленно обвел взглядом темную улицу, взор золотых глаз скользнул по тому месту, где я стоял, на миг задержался, но я не успел даже испугаться, потому как Посланник резко подпрыгнул в воздух, хлопнули черные крылья, и он растворился в ночи.

Над улицей повисла тишина, которая лишь иногда прерывалась отчаянным кашлем Шныга.

— Про... кха-кха! Проклятая тварь... кха-кха! Чуть не за... кха!.. душила меня!

— А сто ты хотел? — окрысился Соловей. — Спороть такую сюсь при нем! Думать нужно! Скажи спасибо, что зив остался! С посланниками Хозяина так не разговаривают!

— Во тьму эту тварь! Во тьму тебя! Кха-кха! Тьфу! — Шныг сплюнул, но тут же продолжил: — Во тьму меня дурака, что я послушался Маркуна, который связал нас по рукам и ногам этим Хозяином! Во тьму этого заказчика! Во тьму проклятые бумаги! Кха-кха!

Шныга скрутила новая волна кашля. Казалось, что крыша дома не выдержит этого звука и обрушится, погребя под собой обоих воров.

В этот момент что-то очень похожее на человеческую фигуру появилось на сцене. Фигура медленно приближалась со стороны улицы Кровельщиков и пересекала площадь. Путь ее не внушал мне доверия, так как она направлялась напрямик в сторону улицы Магов.

Великолепно! Тем более что я нахожусь чуть ли не на ее пути! Пришлось метнуться через улицу, к дому, где сидели оба вора, там мрака побольше, так что спрятаться такому прохиндею, как я, было гораздо проще. В дверь проскочить не успел, так как из нее вышли воры, и мы чуть-чуть не столкнулись носами. Но я успел отпрянуть в сторону и прижался к стене, благо тут и вправду было настолько темно, что я не мог различить собственную руку. Но мастера-воры на то и мастера, чтобы слышать незначительный шорох.

— Тут кто-то есть, — прошептал Шныг, и я услышал, как тихонько шелестит выходящий из ножен кинжал.

Соловей и Шныг застыли, вслушиваясь в ночь, но тут они тоже заметили приближающуюся к нам с улицы Кровельщиков фигуру.

— Тс-с-с. Гляди, — прошептал Соловей.

А посмотреть было на что. К нам приближался человек. Самый настоящий, вот только полупрозрачный — сквозь него было прекрасно видно башню Ордена и камни мостовой, он был соткан из какой-то призрачной дымки. Человек был одет в балахон, какие носят маги, да и опирался он на магический посох. Призрак. Призрак мага. До него было не более двадцати-двадцати пяти ярдов, и он целенаправленно шел в сторону улицы Магов, где затаились я и мои соперники-воры.

— Во-о-от! — донеслось до меня тихое бормотание призрака. Его голос двоился и даже троился, отчего возникало довольно странное эхо. — В-с-се-е-е меня бросили. Предатели. Где они? Где? Ищу-ищ-щ-щу. Брожу-брожу. Найду-найду. Во-о-от. В-с-се-е-е меня бросили.

Призрак бормотал эдакую повторяющуюся считалочку, поворачивая голову из стороны в сторону, осматривая окрестности и ища этих самых предателей. Вместо лица у него было размазанное белое пятно, но я несколько не сомневался, что этот маг все прекрасно видит. Я замер, Шныг и Соловей, стоявшие чуть дальше, тоже. Воры не могли видеть меня, но прекрасно видели мага, поэтому затихли, как мышки, учуявшие голодного кота. Кто-то за спиной лязгнул зубами, но справился с собой и вновь затих. Наверное, Шныг, всегда отличавшийся излишней нервозностью.

Призрак остановился в нескольких ярдах от нас, прямо на середине улицы Магов и вновь покрутил полупрозрачной головой.

— Брожу-брожу. Найду-найду. — Он немного помолчал и очень озадаченно произнес: — Найду-найду.

Я и те, кто находился позади меня, вообще перестали дышать.

— Ага! Во-о-т они! Спрятались! Я знаю, что вы тут! Найду-найду, — вновь раздалось эхо.

Призрак вытянул посох и, как слепой, стал водить им из стороны в сторону, медленно приближаясь к нам. Вот тут-то я и понял, что, если что-нибудь не сделать, за мной придут рачьи сани^[18]. Через десяток секунд он наткнется посохом на меня, и тогда все пропало. Был один шанс, глупый до невозможности, но я все же решил им воспользоваться, тем более что пора избавляться от неожиданных конкурентов в лице Шныга и Соловья. Я дождался, когда окажусь между призраком мага и затаившимися во тьме ворами, и начал действовать.

Я шагнул из мрака на освещенную луной улицу, слыша, как из-за спины раздается изумленный выдох.

— Огонь! — громко рявкнул я, а затем шлепнулся на мостовую, закрыв голову руками.

Маг выстрелил заклятием не думая, туда, где я только что находился. Может, он был призраком, но своих талантов не растерял. Воздух взревел, когда что-то пролетело надо мной, упругий удар, грохот и крики ужаса и боли незадачливых воров, в которых попало заклятие, брошенное магом. Я правильно выбрал траекторию выстрела, встав на линии между магом и Шныгом с Соловьем. Призрак попал, правда не в меня, но попал. Что там случилось с прислужниками Хозяина, я разбираться не стал. Да и загорать на камнях прямо напротив призрака не стоило. Я вскочил на ноги, обогнул бормочущего мага и, как одуревший от весеннего солнца заяц, петляя и подпрыгивая, понесся по площади в сторону башни.

Крики людей смолкли, уж не знаю, погибли ли воры, работающие на неизвестного слугу Хозяина, или им хватило ума заткнуться, — мне лично их нисколько не было жалко. Или я их, или они меня. Или этот проклятый бормочущий призрак всех нас.

Кстати, о призраке. Бормотание за моей спиной кончилось, воздух вновь взревел, я отпрыгнул в сторону и успел заметить, как туманный шар, оставляя за собой чадящий хвост, пролетел над площадью, черкнул о мостовую, подскочил, как детский мячик, и с грохотом разорвался возле дальнего дома, оставив в его стене неплохую дырищу.

Я изменил тактику: вперед, подскок, резко влево, вперед, подскок, резко вправо, подскок, внезапная остановка, резко вправо, снова вперед. Ну точно как блоха на сковородке. Эта тактика, на удивление, помогла. Еще три дымных шара пронесли над площадью и разорвались далеко от того места, где я находился. Один раз мне вновь пришлось абсолютно неизящно шлепнуться на землю, когда магический снаряд мага ударил в башню Ордена, но не разорвался, а, отскочив от нее, изменил траекторию и понесся прямо на меня. Я еще успел заметить, как дымный снаряд увеличивается в размерах, летя мне прямо в лицо, времени на отскок уже не было, я упал и, как только магическая смерть пронеслась над головой, снова вскочил, благо башня была уже передо мной. Проклятый призрак, чтоб ему грызли кости гхолы, вопил где-то у улицы Магов, а я судорожно искал дверь. Пришлось бежать параллельно стене башни освещенным лунным светом и быть как на ладони у разбушевавшегося привидения. Оно довольно проворно приближалось, зло вопя, намереваясь поджарить Гаррета на веки вечные.

Очередной снаряд ударил в башню чуть выше моей головы, но, как и предыдущий, отскочил от нее и полетел в обратном направлении. Видно, даже после поразившего ее катаклизма башня таила в себе остаток магии, не позволяя кому ни попадя швыряться в нее заклинаниями и разрушать

стены. Слава Саготу, я наконец нашел дверь! Она была на западной стороне круглой башни, как я и видел ее в своем сне-яви, когда на время стал Вальдером. Огромная массивная бронзовая дверь. Я судорожно подергал за кольцо, но дверка даже не шевельнулась. Замков никаких, так что отмычки здесь не подойдут, а проклятый призрак, скрытый сейчас от меня стеной башни, скоро вновь появится в поле зрения и начнет безумные стрельбы. Я дернул дверь еще раз, затем пнул ее и зло выругался. Время было на исходе. С одной стороны призрак, с другой — наступающее утро. Я мельком глянул на звезды. Только Корона Севера да Летний Букет еще держатся на небе, остальные созвездия померкли, их практически не видно. Луна бледнела, буквально минута — и свет, озаряющий круглую площадь, стал рассеянным и блеклым.

Минут двадцать — и будет утро. Все. Если не случится маленького чуда, я с территории не выберусь, это точно. Можно считать, что я уже покойник! Если только раньше меня не прибьет безумный призрак, которому не сидится в свете. Бормотание мага раздалось совсем близко.

Спрятаться в башне? Может, там можно будет переждать до следующей ночи? Я ухватился за тоненькую соломинку надежды, отчаянно напрягая мышцы, чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть проклятую дверь.

Без толку. В башню я не попаду, все мое предприятие оказалось тщетным. Я уже собрался бежать в сторону спасительных домов, когда голос Вальдера в голове произнес: «Откройся, это я».

Дверь плавно отошла в сторону, дружелюбно пропуская меня во тьму внутренностей мертвого здания.

— В-о-о-т ты! — Торжествующее эхо раздалось прямо над ухом, я поспешно прыгнул под защиту башни, и дверь резко захлопнулась, оставив меня в крошечной тьме.

Спустя секунду в нее что-то ударилось с безумным грохотом. Настырный призрак никак не хотел успокаиваться. Интересно, не собирается ли он выбить дверь и добыть меня, как улитку из раковины?

«Не беспокойся. — Вальдер ответил на мои мысли. — Этот не причинит двери никакого вреда, она специально для этого создавалась. Да и впускает она только своих и только по приказу архимагов. Этот сюда не войдет».

«Кто этот призрак?» — спросил я, нашаривая на поясе «огонек».

«Не знаю, мне он незнаком». — В голову прыгнула ассоциация пожатия плеч.

«Я смогу здесь переждать день? В башне безопасно?»

«Увы, мой друг, думаю, нет. В этой части города нет безопасного

места. Прости».

— Сагот! — двадцать минут, и все.

Надо что-то делать. Нужно чем-то себя занять, иначе хоть вой от тоски.

Я прошептал заклятие, не забыв перед этим закрыть глаза, и «огонек» весело вспыхнул. Держа его перед собой, я разглядывал уже знакомую по сну обстановку. Все осталось без изменений, разве что стены закоптились, да на полу лежит одноногий человеческий скелет. Кости второй ноги валялись рядом.

«Старый друг», — с грустью прошептал Вальдер.

Друг? Ах да! Архимаг. Как же его звали? Илай? Нет... Илио. Рядом с человеческим скелетом лежал обгоревший трупик ребенка... Нет, гхола. Все как в том сне.

Но разглядывать и искать десять отличий не было времени, нужно было идти наверх, туда, где, по словам Арцивуса, располагался архив. Нужно было хватать планы Храд Спайна и бежать, благо у меня родилась очередная безумная идея. В голове тихонько хмыкнул Вальдер, видно одобряя мой план.

Я взлетел по черной мраморной лестнице, которая гигантской змеей оборачивалась вокруг центральной черной колонны. Свет огонька выхватывал из мрака опоясывающие колонну фрески на тему истории Ордена. Второй этаж, вот и дверь, ведущая в архив. Я ненароком поднял голову. Третий этаж-огрызок серпантина лестницы и предутреннее небо. Вот и все, что осталось от величия башни Ордена.

Вломившись в дверь, я попал в длинный широкий коридор. Свет выхватил истлевшие султанатские ковры под ногами, изящную резную мебель, гобелены на стенах и ни одной двери.

«Вперед! Зал архива дальше!»

Я бросился бежать, стены проносились мимо меня, но желанная дверь не появлялась. Коридор казался бесконечным, видно, маги Ордена что-то сделали с пространством, чтобы немного расширить внутренние помещения башни.

«Стой!»

Я чуть было не пронесся мимо двери, находящейся справа от меня. Дверь была полуприкрыта, как будто кто-то в спешке покидал архив. Может, так оно и было — маг, вернувшийся из Храд Спайна и понесший карты через Закрытую территорию, так и не вернулся в Орден. Вот будет смеху, если он даже не дошел до башни. Я отворил дверь и вошел в огромное помещение. Времени было совсем немного. Минут десять — и

наступит рассвет.

Хм-м. Неплохо. Королевская библиотека лопнула бы от зависти. Такого количества магических книг и древних фолиантов не было даже в ней. Полки, полки, полки. Книги, книги, книги. И все это пронизано магией. Чужак тут мог бы блуждать часами и так и не найти искомого. Х'сан'кор сожри мою покойную бабушку!

«Прямо! — рявкнул Вальдер. — Налево! Держись этого стеллажа, за ним снова налево! Прямо. Дальше, дальше, дальше... Стоп! Поворачивай! Вот оно!»

Я, запыхавшись, смотрел на изящный хрустальный столик, на котором одиноко стояла большая черная шкатулка, украшенная серебристыми оленями. Ее крышка была поднята, и я различил сверток бумаг. Вот она цель! Я дрожащими руками схватил сокровище, засунул его в сумку. Теперь пора убираться.

— Щдуырук! — завопил я что было мочи. — Щдуырук, это я!

Несколько мгновений, за которые я успел изрядно понервничать, опасаясь, что мой план не осуществится, ничего не происходило, а затем прямо из стеллажа вылез мой знакомый демон с бараньей башкой. Черный в малиновую крапинку. Душка, в общем.

— Ну? Ты добыл Коня? — Зеленые глаза яростно сверкнули.

— Отнеси меня к границе Закрытой территории, к началу улицы Кровельщиков, — довольно вежливо и воспитанно попросил я.

Но демонов, видно, не учили быть вежливыми и воспитанными.

— Ты сдурел, человече? — прошипел Щдуырук и схватил меня за грудки. — Или выпил лишку? Я тебе извозчик?

— Мне нужно отсюда убраться! — Не было времени, чтобы спорить с этой тварью. — Отнеси меня туда, куда я прошу, и узнаешь, где получить Коня!

Демон зло и подозрительно посмотрел на меня, видно, раздумывая, как меня сожрать, но все же победил разум. Он разжал черные пальцы и отпустил меня.

— Ладно, отнесу, куда просишь, но, если обманешь, я высосу из костей твой мозг.

— Чудесно. — Я перевел дух.

Будь на месте демона его братишка, «умный» Вухджааз, сидеть бы мне сейчас в желудке!

— Ты готов, человече? — Баранья голова демона с интересом наблюдала за мной.

Как вижу, он все же решил попозже попробовать мой костный мозг.

— Да. — Я не глядя схватил с ближайшей полки несколько старых фолиантов.

Что поделать, издержки профессии. Знающим людям эти книги можно будет толкнуть за бешеную сумму — чем не приработок, раз мне не удалось сунуть нос в гномий банк?

— Я вот только...

Щдуырук схватил меня за шкуру и рванул на себя.

Кляк!

Миг — на меня скакнула стена, миг — что-то серое промелькнуло перед глазами, а уши как будто набили ватой. Еще миг — и я уже стою, изумленно моргая, возле волшебной стены, а куда-то в серое предрассветье уходит улица Кровельщиков.

— ...пару книжечек, — закончил я прерванную фразу.

— Ты и так взял, — фыркнул демон. — Ну, где Камень?

— Приходи в среду в «Нож и Топор» ровно через минуту после того, как наступит полночь. Там я отдам тебе твоего Коня.

Щдуырук сдавленно зарычал и оскалил зубищи.

— Чую, что врешь.

— А зачем? — Я пожал плечами и нервно покосился на небо. Минуты две до рассвета, не больше. — Ты меня всегда можешь найти. Приходи, только ровно в то время, что я сказал, иначе Коня может уже не быть.

— Не учи меня, змееныш! Я буду! — рыкнул демон и скрылся в стене ближайшего дома.

Я облегченно перевел дух, аккуратно поставил книги на торец стены, забрался на нее и уже хотел слезть, когда вспомнил о незаконченном деле.

«Вальдер, ты должен уйти».

«Спасибо, я ухожу», — тут же раздался голос архимага.

«Спасибо и прощай. Живи в свете».

Я почувствовал, как что-то исчезло из меня. Архимаг ушел.

Спрыгнув со стены, я протянул руки и взял лежащие на ней магические книги. Ну вот и все, я сделал то, что никто не делал до меня, — прошел Закрытую территорию насквозь. Правда, смухлевав и воспользовавшись помощью демона, но об этом обычным обывателям знать не обязательно. Теперь спать, спать, спать.

Я уже было собирался уходить, когда из-за стены донесся крик боли:

— Гаррет, спаси!

Я положил книги на землю, подпрыгнул, уцепился руками за верх стены, подтянулся и посмотрел, кто меня зовет. По улице Кровельщиков, ковыляя, спотыкаясь и падая, бежала человеческая фигура. В ней я узнал

Шныга. Выходит, выжил. Хотя он и прижимал одну руку к себе и подволакивал правую ногу, но выжил. И не просто выжил, но бегом пробежал гигантскую улицу Кровельщиков, а потом, видно, заметил, как я перелезаю через стену, и ухватился за свой единственный шанс. Самому бы ему через стену не перелезть, а вот я мог помочь.

— Гаррет, не бросай, прошу! — выкрикнул он.

Я не отличаюсь любовью к ближнему, который мечтает всадить мне под ребро нож, но помочь Шныгу нужно. Это великолепный шанс узнать и о его заказчике, и о таинственном Хозяине.

— Быстрее! — рывкнул я спешащему вору. — Прибавь ходу! Рассвет на носу!

На простоватом лице вора отразилось отчаяние. Он изо всех сил поднажал, но до стены было еще двадцать с лишним ярдов.

— Хватайся за руку! — Я протянул ему навстречу руку, но со стены не слезал, уже находясь ногами в кварталах города Ремесленников.

Шныг не успел. Горизонт вспыхнул проснувшейся розовой зарей и разогнал утреннюю тьму на небе. Я резко нырнул обратно, соскользнув со стены на землю, но недостаточно быстро, чтобы не заметить, как из бедняги Шныга во все стороны бьют ослепительные лучи багрового света. Сдавленный вопль с той стороны стены — и тишина.

— Чтоб по мне всю ночь маршировала армия пьяных карликов, — пробормотал я и потряс головой.

Творится под носом Сагот знает что.

Все же я сильно устал, дай Сагот добраться до кровати, а там меня не поднимет и залп гномьих пушек. Я поднял с земли тяжелые книги, прижал их к себе и быстрой походкой спешащего по очень важным и неотложным делам человека пошел по просыпающимся кварталам города Ремесленников.

В этой части города вставали спозаранку. Ремесленники прощаются со сном, когда другие еще дрыхнут. Хочешь заработать, просыпайся раньше. Уже растапливает свою печь булочник, из его дома приятно пахнет свежей сдобой и тестом, спешит по делам молочник, толкая впереди себя огромную тележку, заставленную металлическими бидонами, в Портовый город спешат лудильщики, отчаянно зевая, бредет по дороге еще толком не проснувшийся старый маляр. Еще только-только начало светать, а рабочий люд уже проснулся и занялся своими обычными рутинными делами.

Ветер доносил звукиковки металла из квартала Оружейников и Кузнецов. Тем, кто живет рядом с этим районом города, я лично не позавидую. Пару раз у городских старшин возникала идея взять всех

работающих по металлу и поселить в Пригороде, и каждый раз этой идее противился король. В принципе правильно противился. Если вдруг Авендум попадет в осаду, то кузнецы и оружейники, их мастерские и маленькие заводи очень понадобятся обороняющимся, а когда приходит враг, ценное лучше держать внутри стен, чем за ними.

— А ну пш-шел! — Старая тщедушная бабулька замахнулась такой же старой и растрепанной метлой на какого-то валяющегося на земле пьяного забулдыжку. В городе Ремесленников не любят лентяев. — Вставай, вставай! Ишь разлегся!

Думаю, что после объявления о том, что демоны ночи изгнаны из Авендума навсегда, количество пьяных, не дошедших до дома и уснувших прямо на улице, резко увеличилось.

Город жил, жил и даже не обращал внимания на то, что скрывается за белой стеной Закрытой территории. За двести лет люди привыкают и не к такому страшному соседству.

— Ну есть под боком зло, но ведь сидит себе за стеной, сидит тихо, никого не трогает, к нам не суется, жить не мешает. Ну и ладно! Деды жили, отцы жили, теперь мы живем. Да и на век наших внуков и правнуков хватит!

Так думает чуть ли не каждый обыватель.

— Авось пронесет, не затронет, переждем, перебудем, Орден-то нам на что?

Иногда наслушаешься этих лопухов, и прямо такое зло берет! Это все равно что сидеть на пороховой бочке с горящим фитилем под ясным небом и надеяться, что начнется дождик. Понимаю, с этой язвой города, таинственной Запретной территорией, сделать ничего нельзя, но и закрывать глаза, надеясь, что боги спасут, тоже нельзя! Потому как...

ТЬфу! Устал я, устал, вот и потянуло на философские диспуты с самим собой.

Город Ремесленников остался позади, народу было немного, и я без труда прошел пока еще полупустую в эти утренние часы часть города. Отдельные люди косились на меня, видно видок был еще тот, но мне на них в данном конкретном случае было абсолютно начхать. Ну и что, что лицо грязнее, чем у рывшегося в земле тролля, что подбородок в запекшейся крови, а камзол как будто трепали озверевшие мартовские коты? Да еще и клинок на бедре, да странноватый арбалет за спиной, да сумка, да книги в руке, да угрюмая рожа, да хмурый взгляд. В общем, шляется тут какой-то тип — то ли прячсья, то ли стражу зови.

А вам-то какое дело, господа обыватели? Не видите, что устал? Иду,

никого не трогаю, по своим важным и махоньким делам.

Моя не самая радостная физиономия отпугнула любопытствующих, и я вполне спокойно протопал до самой Соборной площади. К счастью не встретив по дороге ни единого служаки Лантэна.

Повезло. Попал в пересменок. Одни стражники заваливаются на боковую, другие еще только покидают казармы. Если б нарвался на этих обалдуев, то расспросов бы точно не избежал. Стражники, пока не устали от целого дня на ногах, с утра настырные, им палец в рот не клади.

Я подошел к воротам Собора, где меня и встретили уже знакомые старцы-жрецы. Создавалось впечатление, что эти старые развалины так и не удосужились покинуть свой пост с того самого момента, как я их видел в последний раз. Неназываемый их знает! Может, так все и было. Оба старика окинули меня не самыми радостными взглядами, но их тут поставили не для того, чтобы думать, а с очень важным и ответственным заданием — как заморские попугаи талдычить одну и ту же фразу:

— Ты борешься с Тьмой в себе?

О! Именно об этом я и говорил только что! Попугаи!

— Я уничтожаю Тьму, — устало ответил я, намереваясь как можно скорее покончить со всей этой дурацкой напыщенностью и бредом неугомонных соборников.

— Так войди же и обратись к Ним. — Второй жрец ответил мне как-то вяло и неуверенно.

Скорее всего, мой вид не располагал к долгим теологическим беседам.

— Прямо сейчас и обращусь, — буркнул я, направляясь в сторону жилищ жрецов Сагота. — Особенно к тому, кто берет по золотому за идиотские советы.

Фонтан в виде рыцаря и огра все так же весело журчал, извергая из себя водопады сверкающей воды. Вокруг статуй богов крутились жрецы. Предутренняя уборка, пока не появились прихожане. Один из жрецов тщательно протирал тряпкой лицо Сагры, другой возлагал к ногам миловидной Сильны букет цветов. На меня не обратили внимания, что несколько не обидело.

Перед аркой, вызывающей в голове не самые приятные воспоминания, я остановился. Поколебался мгновение и сделал шаг. Ничего не случилось. Никакая шибко умная тварь и не собиралась меня хватать. Странно. Может, что случилось? Я прогулочным шагом прошелся туда-сюда, ожидая, когда же наконец кто-нибудь меня удосужится схватить. Безрезультатно. Ну и тьма с этим Вухджаазом! Я плюнул и потащился к покоям Фора.

По дороге встретил нескольких жрецов, они гасили факелы, горевшие

всю ночь. Служители Сагота не обратили на меня внимания, видать, были наслышаны от Фора о моем предстоящем визите.

Я подошел к знакомой двери, толкнул ее и ввалился в обитель Фора. Он, видно, так и не ложился спать, просидев все время, пока я отсутствовал, за столом. Стол, кстати, пустовал, ни крошки еды — еще одна странность. Учитель все же волновался за своего непутевого ученика.

— Явился все-таки, — встрепенулся Фор, когда увидел меня, но виду, что обрадовался, показывать не стал. Этим он мог обмануть кого угодно, но не меня. — Удачно?

Я молча бухнул ему на стол сумку с бумагами и книги.

— Ого! — воскликнул он. — Не ожидал. Как там было, расскажешь?

— Позже, — промямлил я. — Чуть позже. Разбуди меня, когда стемнеет.

С этими словами, едва успев скинуть с себя грязную одежду, я бухнулся на кровать и провалился в долгожданное нутро сна.

Глава 13

Что рассказали бумаги...

Ласковое шуршание перелистываемых страниц прогнало сон.

Я зевнул, потянулся, но глаза не открыл, пытаясь урвать от пирога сна еще хоть один махонький кусочек.

— Хватит валяться, вечер уже, — ворчливо произнес Фор, видно заметив, что я не сплю.

— Стемнело? — Я еще раз зевнул.

— Скоро стемнеет. У тебя опять какие-то дела? — Голос учителя прозвучал чуть ли не насмешливо.

Неужели нерадивый ученик еще в состоянии заниматься делами после путешествия по Закрытой территории?

— Угу, — буркнул я, окончательно прогоняя туман сна и открывая глаза.

Фор восседал в любимом кресле, держа на коленях один из фолиантов, принесенных мной из башни Ордена. Вторая книга и сверток манускриптов лежали рядом, на столике для бумаг.

— Твою одежду я позволил себе выбросить, ее теперь только нищим носить, да и те постесняются. На стуле новая. Как полагаю, темный цвет тебе подойдет?

Риторические вопросы я обычно оставляю без ответа. Потому как Фор и так знает, что в темной одежде ночью работать сподручнее и, что уж скрывать, безопаснее. Только безумец способен натянуть на себя белое рубище и идти в дома богатеев, которые наверняка заметят его за сотню ярдов и устроят форменную головомойку с последующим протыканием чем-нибудь острым.

Одежда пришлась впору, лишь рубаха немного жала в плечах, но это всего лишь досадная мелочь.

Мой взгляд упал на стол с едой возле окна, и в животе требовательно заурчало.

— Вижу, что ночные прогулки не испортили твой аппетит, а следовательно, не пора ли нам пройти к столу и благословить Сагота за еще один подаренный день жизни? — Фор отложил книгу и встал с кресла.

— С каких это пор ты стал читать магические фолианты? — Вот уж не знал, что у старого вора появилось новое увлечение.

— Да я и не читал, — пожал плечами Фор и прошествовал к столу. — Просто беглая оценка товара. Пару сотен за обе книжки ты получить сможешь, могу посоветовать покупателя, я еще не растерял старые связи.

— Я пока в золоте не нуждаюсь, — буркнул я, садясь за стол.

Последние лучи заходящего солнца теплыми пиками пробивались сквозь изящную деревянную решетку на окнах и падали на мое лицо. Предвечернее небо окрасилось яростью пурпурной стали. Через некоторое время ярость остынет и превратится в черное спокойствие ночи.

— Но ты все же придержи их на всякий случай, вполне возможно, что когда-нибудь книги придется продать.

— Хорошо. — Фор кивнул.

У него интерес в этом деле тоже был — двенадцать процентов от цены продажи. Деньги храму Сагота никогда не помешают.

— Ты, кстати, чего уселся? Руки бы помыл, а то как свинья, право слово!

— Руки помыл, руки помыл, — буркнул я, но послушно встал из-за стола и направился к умывальнику.

Я и вправду был грязен, и умыться стоило. Ворчал я для порядка, в связи с адской усталостью, не прошедшей даже после того, как я проспал целый день.

— И побрейся заодно! Рожа у тебя самая что ни на есть бандитская, малыш! — донесся до меня голос Фор.

Я машинально провел рукой по трехдневной щетине.

— И так сойдет. Я ведь не на королевский бал отправляюсь! — фыркнул я, опуская руки в воду.

Вот еще! Как будто у меня есть время на такую ерунду, как бритье! Мне бы разобраться со всей этой шайкой коневодов!

— Ну, как знаешь, кстати, расскажешь, как там было. А то все слухи, сведения, на которые нельзя положиться. Ты на моей памяти единственный человек, который смог забраться так далеко на Запретную. Надо бы записать для хроник и будущих поколений.

— Ты еще и летописцем стал? Чего только не узнаешь о старом учителе! — сказал я, возвращаясь к столу.

— Старые знания исчезают из нашего мира. Многое утеряно, — вздохнул Фор. — Согласись, что твоя информация, может быть, поможет многим людям, тем более что это в первую очередь для хроник обители Сагота.

— Да я и не возражаю. — Я пожал плечами. — Почему бы и нет? Ты не против, что я буду одновременно есть и рассказывать?

— Конечно, малыш, конечно. Валяй, а после твоей истории я немного расскажу про добытые тобой бумаги.

— Что-нибудь важное там есть? А то я схватил, что под руку попалось.

— Есть, но об этом чуть позже, время терпит. Давай уж, не томи.

Меня долго заставлять не пришлось, тем более что выговориться и поделиться своими мыслишками и наблюдениями стоило. Хотя бы для разрядки, иначе можно сойти с ума, держа в себе впечатление о ночных приключениях.

Я начал рассказ с того момента, как оказался возле конюшни Старка. Фор молча внимал — он всегда был хорошим слушателем. Я одновременно ел и рассказывал, торопиться не было смысла, пока не наступит глухая ночь, необходимая для осуществления моего архигениального плана «Конь и Компания»...

Судя по лицу моего учителя, его больше всего беспокоили нанятые неизвестным стражники и воры. На хохотуна-плакальщика или давно умершего архимага он не обратил особого внимания.

— Кто-то идет той же дорожкой, что и ты, малыш, правда, этот кто-то постоянно опаздывает, но как долго это будет продолжаться? Как долго ты сможешь оставлять Хозяина с носом, опережая его? Я навел справки, полистал наши архивы. Ни-че-го. Ни единого упоминания о каком-либо Хозяине. Такое впечатление, что его и не существует вовсе, а все это — плод твоей фантазии. Нет-нет, не возражай и жуй свою булку, не думай, я тебе верю. Но меня изумляет, что такая секретность и тайна вообще возможны. Ведь практически никто ничего ни о каком Хозяине не слышал. И ты прав, это не Неназываемый. Колдун, конечно, силен, спору нет. С ним справится разве что весь Орден, да и то при помощи Рога Радуги, но и Неназываемый вряд ли сможет выпустить на свободу всех демонов. А ведь твой Вухджааз, как я помню, сказал, что их освободил Хозяин. Кто этот Хозяин, если обладает таким могуществом? Бог? Возможно. Ему поклоняются и служат разные люди, и смею тебя заверить, малыш, что передо мной выстраивается довольно любопытная цепочка. Смотри. Герцог Патийский, не последняя фигура в Валиостре, служит Хозяину. Давай пойдем дальше. Маркун, а следовательно, и половина его прихвостней из гильдии тоже работают на этого Хозяина. Не напрямую, а через одного из его слуг, отдающих приказы. Влиятельных слуг. А вот эти влиятельные общаются уже с Посланником, которого ты имел честь пару раз видеть. И этот Посланник ой как опасен! Слуги Хозяина! Этих не самых хороших людей из самых различных слоев общества достаточно много. Даже, может, побольше, чем поклонников Неназываемого, которых наш король так

любит отправлять на плаху без суда и следствия. Ты заметил ход моих размышлений? Вижу, что нет, да я и сам нахожусь, если честно, в некотором недоумении. Непонятно, что за Хозяин и что он вообще хочет. Темная доралисская лошадка, способная устроить очень много неприятностей. И поклонники у этого Хозяина хоть куда. Если слуг Неназываемого с периодичностью вылавливают, то хозяйских прихвостней вообще не поймали ни одного.

— Просто не знают, что искать, — вставил я словечко в тираду учителя.

— Вот именно! А это говорит об очень хорошо налаженных связях, конспирации и тому подобной шелухе, которая способствует выживанию сект, не приветствующихся в нашем добропорядочном королевстве. Дела, дела. — Фор огорченно покачал головой. — Буду думать, буду искать, может, и накопаю все же в архивах что-нибудь интересное, а тебе даю совет.

— Бесплатный? — ехидно хмыкнул я с набитым ртом.

— Ну я же не Сагот, право слово, чтобы брать с тебя золотые! Ты как-никак мой ученик!

— И на том спасибо!

— Не за что. Тем более что ты не один обеднел от советов нашего бога, — внезапно ухмыльнулся Фор.

— Не верю. — Я откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Фора.

Ни тени насмешки или улыбки. Он действительно намекал на то...

— Что я тоже разговаривал с Саготом? — Как будто услышал мои мысли Фор. — Ты в это не веришь? А это действительно так, и за его совет мне пришлось тоже выложить золотой.

— Да? Расскажи. — Мне было жутко интересно, что наплел моему учителю бог воров.

— Ну, я встретил его за пять минут перед тем, как встретить тебя, — неохотно сказал Фор.

— О! — многозначительно произнес я, начиная догадываться, о чем пойдет речь.

— Вот тебе и «о»! Сагот дал совет взять тебя в ученики. Да какой там совет! Получив свой золотой, он назвался и просто-напросто приказал мне это сделать. Так вот все и вышло. Ладно, это долгая история, давай вернемся к ней немножечко позже. Так о чем мы с тобой говорили? — Фор нахмурился, вспоминая.

— О советах.

— Советах, советах. Ах да! Так вот тебе мой бесплатный совет: не откладывай дела на милость богов, сходи-ка ты к этому Болту. Если старик опознал кольцо, которое ему показывали воры, то мы узнаем, кто эта влиятельная фигура, служащая Хозяину. Хоть какая-то зацепка.

— Сейчас уже поздно. — Я бросил взгляд в окно, на тускнеющее небо. — Библиотека закрылась, придется подождать до утра.

— Не стоит. Старик вряд ли куда уходит из библиотеки. Скорее всего, там и спит. Прежде чем ты займешься делами, все же загляни на площадь Грока, в библиотеку, думаю, тебе он дверь откроет. Нечего тянуть, этот Хозяин ведет свою, непонятную нам игру, а следовательно, он слишком опасен для нас. И кстати, он всеми силами не хочет, чтобы некий Гаррет лез за Рогом.

— Ты о том, что он приказал уничтожить бумаги, а Патийскому повлиять на короля?

— Угу. Я думаю, приказ повлиять на Сталкона — это убедить его в бесплодности попыток лезть в Храд Спайн.

Мне все больше не нравилась прояснявшаяся ситуация. Хозяин начинал доставать меня сильнее, чем чесоточный клещ.

— Ладно. Я подумаю, — сказал я, наблюдая за Фором, который внезапно встал из-за стола и направился в другую комнату.

События сплетаются в тугую комок змей, они затягиваются вокруг меня и холодят кожу. Как бы эти змеи не укусили! Замучаюсь от яда избавляться.

Фор вернулся через несколько минут, неся в руках массивные бронзовые подсвечники, в каждом из которых находилось по пять горящих свечей. Самое время, солнце уже почти село, и сумерки заползли в комнату, нагло и вальяжно, прямо как кот, обожравшийся дармовой хозяйской сметаны. Яркий свет десяти свечей заставил сумерки посторониться, и они, шипя, забились в самый темный угол комнаты.

— Что ж, твою историю я выслушал, интересно. Теперь давай займемся тем, что ты принес с Запретной территории. — Фор показал мне бумаги, добытые в башни Ордена. — Пока ты спал, я полистал их немного. Много интересного, но... Но, малыш, это все не то. Да, карты Храд Спайна есть, и даже план, как добраться до Рога, но это... Это самоубийство. Тот путь, который тебе предстоит пройти... пройти практически невозможно. Да ты и сам потом на досуге, изучив старые карты, поймешь, что это нереально. Сотни залов, переходов, штолен. И это только до восьмого яруса, что ниже, не указано даже в бумагах. Вот, бери.

Фор толкнул в мою сторону карты Храд Спайна.

— Пусть они пока побудут у тебя, спрячь в надежное место, заберу перед отъездом, — попросил я его.

— Твое дело. — Фор сгреб бумаги обратно. — Только вот нашел я в этих записках забавную страничку, смотри.

Я взял в руки пожелтевший от времени листок:

— Что это?

— Это древнеорочий. Пришлось попыхтеть и посидеть со словарем, чтобы перевести. Многое осталось непонятым, у орков довольно путаный язык, но у меня все же получилось, хоть и не так складно, как, наверное, должно было быть. Это что-то вроде карты-подсказки. Сплошная загадка. Читай.

Фор протянул мне листок с переводом.

Огром рожденный на снежных равнинах,
Веками проживший у эльфов в Листве,
Он Гроку был отдан как память о мире,
Возникшем меж расами в Долгой Зиме.
Предан покою он Ордена силой
В час, когда выжил Авендум в боях.
Славный средь мертвых с ним делит могилу
В мрачных пещерах на древних костях.
Годы проходят, лежит он в Храд Спайне
Ветер гробниц в свое ложе зовет.
Час подойдет, обнажит свои тайны,
Магию проклятых правдой сожжет.
Коль смел ты и быстр, коль храбр ты и ловок,
Коль легок твой шаг и остра твоя мысль,
Избегнешь расставленных нами уловов,
Земли, воды, пламени ты берегись.
А дальше — иди же! Распахнуты створки
В Уснувшего Шепота залов покой.
Здесь мозг человека, и эльфа, и орка
В безумии гаснет... Погаснет и твой.
Сквозь залы Уснувшего Эха и Мрака,
Минуя слепых сторожей Кайю,
Под взгляд Великанов, сжигающих в пепел,
К гробницам Великих, погибших в бою,
Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,

И только один не умрет под мечами,
Один, что сам тени стал ближе, чем брат.
Бледной Селены замерзшее тело
К ложу святому тебя вознесет.
Здесь тысячи лет солнце камни не грело,
Веками здесь ветер холодный поет.
И помни, пришелец, душа живет в Роге.
Во имя людей силу даст он тебе.
Но корысть воров покарает он строго.
Навек ты останешься гнить в страшной Тьме. [\[19\]](#)

— Мда... Забавно и непонятно, почти непонятно.

— И что же тебе вдруг оказалось понятным, ученик? — удивился Фор.

За окном уже стемнело, и даже свет свечей не мог разогнать настырную темноту. Скоро пора двигаться по делам.

— Что понятно? — Я задумчиво стучал пальцами по столу. — Понятно то, что я не зря, кажется, услышал совет Сагота. Тут тоже упоминается какая-то Селена, которая возносит, а ведь Сагот предупреждал, что на нее лучше не вставать, и ножками, ножками.

— Хм-м... — протянул Фор и почесал подбородок.

Потом крикнул и налил себе вина из пузатой запыленной бутылки. Предложил мне, но я отказался — мне сегодня нужно иметь кристально чистую голову.

— Что ж, я тоже обратил внимание на упоминание Селены. Вообще, над этим стихом стоит поразмыслить, кстати, не забудь его показать эльфийке, она должна знать древний язык орков. Но, ты знаешь, несмотря на множество непонятностей, все же вполне можно догадаться, что речь идет о Роге Радуги. Вот смотри: «Огром рожденный на снежных равнинах» — это о Роге, о том, как шаманы огров, прежде чем совсем превратиться в зверей, создали последний артефакт. «Веками проживший у эльфов в Листве» — ты должен помнить ста-арую сказку, как глава дома Черной розы предпринял попытку вторгнуться в Безлюдные земли. Вот в том походе эльфы и отобрали у огров Рог. Дальше все тоже понятно: «Он Гроку был отдан как память о мире, возникшем меж расами в Долгой Зиме». Темные подарили Рог Гроку как заверение о мире между эльфами и людьми, воцарившемся после великого вторжения орков, получившего название Войны Весны. Дальше идет стандартная чушь, хоть тут и древнеорочий, но видно, что писал человек. А вот над этими строчками

следует задуматься: «Избегнешь расставленных нами уловов, земли, воды, пламени ты берегись». Что это, Гаррет, как не предупреждение о том, что маги Ордена нагородили невесть каких ловушек? Или же нет. Может, ловушками там и не пахнет, а это все стихоплетство сплошное. Или ловушки ставили не маги, а орки и эльфы сотни лет назад... Тут думать не передумать.

— Поэты, — понимающе хмыкнул я, зная, куда людей искусства может вывести кривая их таланта.

— Все может быть, но лучше думать о худшем, чем оказаться зажаренным-утопленным-закопанным или еще что-нибудь похуже. Так что имей в виду. Смотри:

А дальше — иди же! Распахнуты створки.
В Уснувшего Шепота залов покой.
Здесь мозг человека, и эльфа, и орка
В безумии гаснет... Погаснет и твой.

— Распахнутые створки, скорее всего, это вход в третий ярус, или Створчатый ярус, как говорится о нем в картах. Там огромные двери, через них можно проникнуть в нижние залы Храд Спайна. Вполне вероятно, что они могут быть запечатаны заклинанием.

— Обойти можно? Есть другой вход?

— Я не так много времени изучал план. В Храд Спайне четыре центральных входа. Один на севере, около Пограничного королевства. Второй — в сердце Заграбы, два других — у отрогов Гор карликов. Но последние два давно завалены и замурованы этой расой. Выходит, что остается всего два входа. И каждый ведет к Створкам. Так что, думаю, обойти их не получится.

— Замечательно, — отозвался я. — А если их не удастся открыть?

— Ты об этом не думай, меня больше всего беспокоят залы Уснувшего Шепота и предрекаемое безумие. Не для красного словца они ведь это придумали! И это полбеда, а дальше речь идет о каких-то Кайю. Кайю — это орочьё слово, но диалект эльфийский, его ни с чем не спутаешь. Что это за Кайю? Магия, существа или еще чего похуже?

— Справлюсь у Миралиссы. — От всех этих дурацких стишков-загадок потихоньку начинала трещать голова.

— А потом эти сжигающие Великаны... Тоже загадка. Хотя гробницы Великих, погибших в бою, вполне известны. Это целые залы воинов,

которых люди хоронили на шестом ярусе в течение пяти с лишним веков. Считай, что это огромное кладбище, где каждый находящийся в могиле — легенда. Тут же эти усопшие рыцари с мечами, и Селена, которая укажет путь к Рогу, и, в конце концов, предупреждение о том, что Рог так просто в руки не дастся. Тут есть над чем подумать.

— Только не сейчас, — взмолился я. — Иначе у меня голова распухнет от безумного стихоплетства магов Ордена. Нельзя, что ли, было нормально написать, словами? Так-то и так-то. Там зубастый, тут клыкастый, а тут просто зажарят или в пыль обратят! Нет, нужно им было упражняться в поэзии!

— Ну что ты хочешь? — Фор вздохнул и развел руками. — Орден любит головоломки, головы у магов устроены немножечко по-другому. Я, пожалуй, еще немного подумаю над этим текстом, а ты делай то, что хотел. Ночь на дворе.

Действительно, черные крылья птицы-ночи незаметно накрыли собой Авендум, пока я беседовал с Фором. Пора заняться делом.

— Ты прав, мне действительно нужно идти.

— Давай, малыш, удачи. Кстати, ты знаешь, что сегодня последняя ночь июня?

— Угу. Проклятый туман наконец-то исчезнет с улиц. Где мой арбалет?

— Арбалет? — Фор хмыкнул. — У тебя не арбалет, а сплошное недоразумение. Приклад отсутствует, какие-то рычаги, да еще и по два болта за раз заряжается. Ты где откопал такое недоразумение?

— Зато я из него болт шагов на девяносто смогу послать. Ты не смотри, что он маленький.

— Ну-ну. И чую, что стреляет он намного быстрее, чем положено порядочному арбалету... Вон, на стуле лежит.

Я привычным жестом закинул арбалет за спину и направился к выходу.

— Не забудь расспросить этого Болта, — крикнул мне вдогонку Фор.

— Помню, помню, — ответил я, уже выходя в коридор.

Этой ночью мне нужно было поставить окончательную точку в плане Коня Теней.

Глава 14

Клинки в тенях

— Рад тебя видеть, Вухджааз, где пропадал? — поприветствовал я демона, стараясь не обращать внимания ни на огромные руки, вновь приподнявшие меня над землей, ни на зловонное дыхание, ни на злые глазищи, ни тем более на большие зубы.

Ну, демон, ну и тьма с ним! Я их за эту неделю навидался больше, чем некоторые демонологи за всю жизнь.

«Пойти, что ли, лекции в Ордене читать? — уныло подумал я, просто умирая от вони, исходящей из пасти серого монстра. — О попытках общения с „умными“ демонами и способами заговаривать им зубы».

— Где мой Конь? — зарычал Вухджааз и весьма ощутимо меня встряхнул.

Мда... Все в мире меняется, только скверные привычки демонов остаются прежними.

— Я как раз собирался тебе сообщить, где его можно найти, но ты куда-то пропал.

Демон поймал меня на улице, прямо рядом с Королевской библиотекой.

— Вухджааз умный. — Демон облизнулся и с гастрономическим интересом посмотрел на меня. — Так где Конь?

— Приходи завтрашней ночью в «Нож и Топор». В одну минуту первого, там я тебе и отдам Коня.

— Вухджааз умный, — повторила тварь, видно считая, что я совершенно глухой и все предыдущие разы не слышал, с каким наиумнейшим демоном мне приходится разговаривать. — Я высосу мозг из твоих костей.

Демон стал медленно подтягивать меня к себе, дабы насладиться ужином. Ну конечно! Я ведь сказал ему, где взять Коня, и теперь ему не нужен. О том, что без меня Коня ему не видать, тупая тварь даже не подумала.

— Стой! — пискнул я, когда до его зубов оставалось не больше полуярда. — Щдуыруку не понравится, если ты меня съешь!

— Хх-хшш-ааа? — изумленно зашипел Вухджааз и даже на миг выпустил меня из лап.

Но всего лишь на миг. Он сразу же исправил оплошность и приблизил к моему лицу рожу, источавшую крайнюю степень подозрения.

— А что тут делает мой брат?

— Он тоже остался и тоже охотится за Конем! — вякнул я и поспешно добавил, дабы избежать неприятных эксцессов и недоразумений: — Но я на твоей стороне!

— Да? — Демон немного подумал. — Неужели?

— Точно! Пока я живой, то могу обманывать Шдуырука и говорить ему, что не знаю, где Конь. Если ты меня съешь, твой брат поймет, что тебе стало известно, где Конь, потому что я умер!

Бред? Еще какой! Но для «умного» демона вполне сойдет и такая нелепость! Уж что-что, а заговаривать зубы я мастер!

— Мой братец глуп! Хотя он действительно может понять.

— Шдуырук очень глуп, он не так умен, как Вухджааз, — льстиво заметил я демону.

Надеюсь, что Шдуырука нет поблизости и он не слышит моих слов.

— Вот-вот, так что с братом разберусь сам, а сейчас я слишком голоден и очень хочу есть.

Вухджааз вновь начал медленно подтягивать меня к себе. Во мне бурлила паника, я смотрел на не самые маленькие клыки и думал, что быть съеденным этим тупым монстром — самая худшая смерть из всех возможных.

— Меня нельзя есть! — отчаянно заверещал я и стал брыкаться.

— Почему? — опешил Вухджааз, он, видно, ожидал всего чего угодно, но не моих уверений, что пойманную добычу нельзя есть...

— Я болен заразной болезнью демонов! — Это первое, что пришло мне в голову.

— Почесухой? — испуганно рявкнул Вухджааз и разжал пальцы.

Я очень неэстетично шлепнулся на землю и отбил себе зад.

— У-у-у. — Это все, что я смог произнести от боли.

Брякнулся я, надо сказать, отменно.

— Чего «у»? Я спрашиваю, почесухой? — зашипел Вухджааз, но приближаться почему-то не спешил.

— Именно, — закивал я и в подтверждение своих слов стал отчаянно чесаться.

— Вухджааз умный демон! Не ври мне! Как ты мог заразиться почесухой?!

— От Шдуырука, конечно! — Врать, так до синей луны.

— Проклятуший братец вечно распространяет заразу! — Вухджааз

расстроено стукнул кулаком по стене ближайшего дома.

Стена испуганно охнула, но удар выдержала.

— Точно!

— Ладно! Я приду туда, куда ты говоришь! Но, если обманешь, я все же высосу мозг из твоих костей!

— Не опаздывай! — Я разговаривал сам с собой, тупая тварь уже исчезла в стене здания.

Я прислушался к себе. Руки, кажется, не дрожали, и штаны тоже были вполне сухими и чистыми. Как-то неожиданно и стихийно стало доходить, что я вот только что был на волосок от пропасти. От пропасти с зубами, если быть точным. Спасла смекалка и беспросветная глупость одного воистину наиумнейшего демона, да засунут колючку под хвост его верблюду, как говорят жители далекого Султаната.

С другой стороны, я выполнил очередную часть своего плана. Доралиссцы и оба демона уже приглашены на официальный банкет в заведение плута Гозмо. Осталось оповестить еще две стороны и владельца трактира, и дело, можно сказать, в шляпе.

Библиотека была неподалеку, я направился к ней. Хотя в городе и была ночь, но на этот раз никто не прятался в домах. На площади было достаточно много народу, я даже заметил пяток стражников, которые с важным видом беременных гусынь вразвалочку ходили возле статуи Грока, видно опасаясь, что жители города, опьянев от полученной свободы, украдут неподъемную скульптуру.

Ну-ну. Я мельком бросил взгляд на дом покойного Патийского. В окнах, как и следовало ожидать, света не было. Слуги блюдут траур, но, думаю, это ненадолго. У герцога полным-полно родственников, так что его наследство пустовать не будет, и скоро вновь радостно загорится в окнах свет, и никто и не вспомнит о таинственном убийстве, произошедшем в спальне бывшего владельца апартаментов.

Центральный вход в библиотеку, как и ожидалось, был закрыт. Высокие трехъярдовые двери молчаливыми спящими великанами нависли надо мной. Попробую-ка я найти тот самый вход, через который старик впустил меня в прошлый раз.

Пришлось обогнуть здание и войти в узкий полутемный переулок. Тут, естественно, никого не было — ни один нормальный гуляка не будет лезть в темноту, если рядом в его распоряжении вся площадь Грока, стоит просто сделать несколько лишних шагов.

Я уже приготовился забарабанить в железную дверь, чтобы разбудить не только Болта, но и весь квартал, как вдруг заметил тоненькую полоску

света, выбивающуюся из-под двери. Странно. Очень странно. Видно, Болт снова напился и забыл закрыть на ночь библиотеку.

А что, если бы вместо меня, честного и крайне порядочного человека, к нему на огонек заглянул нечистый на руку ворюга? Ну тогда бы точно половину редких книг как ветром сдуло со всех этих стеллажей и полок. Я хмыкнул и толкнул дверь. Она живенько прянула в сторону, открывая моему взору темный туннель служебного коридора. Факел висел только перед дверью, а дальше в коридоре обитала темнота. Я беззлобно ругнулся по поводу того, что у некоторых руки не доходят создать нормальное освещение, снял факел со стены и пошел по знакомому коридору, игнорируя ответвления вправо и влево.

Я был тут уже во второй раз, а этого вполне достаточно, чтобы запомнить дорогу. Факел освещал мне путь, так что путешествие до залов с книгами составило не больше пары минут. Магическое зрение после Закрытой территории так и не вернулось, поэтому приходилось полагаться лишь на источник света в моей руке и проклятия, посылаемые на голову Хонхеля.

Наконец я добрался до библиотечного зала. Света от фонарей, надежно закрытых гномьим стеклом, дабы огонь, не дай Сагот, не вырвался из плена, было вполне достаточно, и лишь где-то в вышине, под самым потолком, шкафы и стеллажи кутались в шапку тьмы.

Я огляделся, нашел свободный держатель для факела и хотел поставить его туда, но передумал и вернулся немного назад, в коридор, где и оставил факел, повесив его в пустую скобу. Нечего злить Болта, а то его паралич разобьет, увидь он, что я притащил открытый огонь к его драгоценным книжкам.

— Эй, Болт! Это Гаррет! — крикнул я, и мой голос эхом отразился от сводчатого потолка, заметался по стенам и растворился, запутавшись в паутине книг и шкафов.

Тишина. Ни звука. Старик, видно, действительно выпил лишку и теперь дрыхнет где-нибудь под столом. Хотя возможно, что он просто-напросто туг на ухо и не слышит моих приветственных воплей.

— Болт! Ты здесь?

Я медленно пошел вдоль стеллажей, крутя головой и ища взглядом знакомую сутулую фигуру. Звуки шагов вязли в каменных плитах, которыми был мощен пол библиотеки. Никого. Тишина. Полутьма, призраки стеллажей и книги. Тут можно бродить тысячелетиями и не встретить ни одной живой души. Я резко повернул направо и двинулся в сторону столов, где в прошлый раз изучал книги. Там было место, где

вполне можно принять бутылочку-другую винца, не беспокоясь, что кто-нибудь неожиданно нагрянет и потревожит, так что надо будет попробовать поискать Болта в этом месте. Если же старикана там не будет, придется возвращаться в коридор, ведущий в подсобные помещения, и искать его берлогу.

Между стеллажей и книжных шкафов фонарей не было, и я оказался в полумраке. Мелькнула мыслишка вернуться и взять один из фонарей, висящих на стене возле входа, но впереди мигнул свет, и возвращаться смысла не было: я нашел то, что искал.

— Болт! — успел рявкнуть я, прежде чем вышел в читальный зал.

Так и есть! На одном из столов стоял ярко горящий фонарь, свет которого я заметил не далее как минуту назад.

Фонарь находился в приятной компании с бутылкой вина, наполовину обглоданной краюхой хлеба и пучком зеленого лука. Как я заметил, бутылка была почти пуста, лишь на донышке виднелось немного вина. Сам же владелец бутылки разлегся на полу, засунув голову чуть ли не под стол. Болт лежал лицом вниз, прямо в луже разлитого красного вина. У меня мелькнула мыслишка, что так, не ровен час, можно и захлебнуться.

Я буркнул под нос что-то нелицеприятное о любителях залить за воротник в самое неподходящее для этого время и пошел к спящему пьянице, лихорадочно проигрывая в голове варианты, как быстрее вернуть его в трезвое состояние и разговорить. Работа по пробуждению Болта предстояла нелегкая.

— Болт! Это я, вставай. — Я наклонился над ним и потряс за плечо. Сколько можно дрых...

Фразу я не закончил, потому что заметил довольно поганую вещь — Болт, кажется, не дышал. И лежал он не в луже вина, как мне показалось вначале, а в луже крови. Собственной крови.

Я аккуратно перевернул старика на спину. Так и есть, какая-то сволочь перерезала бедному деду горло от уха до уха. Тело старика было еще теплым, да и крови натекло немного, следовательно, убийца или убийцы пришили Болта совсем недавно, может, в тот самый момент, когда я входил в библиотеку, а то и позже. А значит, велика вероятность, что они не успели далеко уйти и я вполне могу нагнать их на ближайшей улице. Я уже было поддался минутному порыву, но голос рассудка основательно остудил мою жажду ненависти и справедливости. Хозяин меня на этот раз опередил, и я уже никогда не узнаю, чье кольцо показывали Болту Ростгишь и Шныг. И бежать за неизвестными убийцами, которые могут оказаться совсем не людьми, не было никакого резона. А то, что все это дело рук прихвостней

Хозяина, я нисколько не сомневался.

Закрыв глаза старику, я встал. Бедняге уже ничем не поможешь. Жаль, я успел привязаться к этому ворчливо-склочному деду.

От тела куда-то в глубь зала, виляя между столов, тянулась кровавая дорожка. Видно, Болта убили не здесь, а потом притащили сюда. Но вот зачем? Не проще ли было оставить его где-нибудь между стеллажей, чтобы его обнаружили не сразу? Странно...

Я взял со стола фонарь и, освещая себе дорогу, пошел по кровавым следам. Ба! Не успел сделать и двадцати шагов, как наткнулся на второй труп.

Этого хмыря-переростка я знал. Один из тех двоих, сбежавших из переулка, где они застали меня с Родериком врасплох. На этот раз парню не повезло, убежать ему не удалось. В груди громалы торчал ножичек, который я видел в прошлый раз у Болта. Получается, что старик все же сумел дорого продать свою жизнь, Дикие Сердца просто так из этого мира не уходят, один из убийц поплатился за св...

Три тени прыгнули в круг света, вынырнув откуда-то из-за темных стен стеллажей, и не дали закончить мне мысль. Один выскочил чуть ли не на меня. Я заметил блеск металла в его руке и отпрянул в сторону, едва не попав под нож другого.

Гнилая тьма! С чего это я решил, что убийцы успели убраться?! Ведь намного проще было спрятаться в полумраке зала и переждать, пока неожиданный посетитель не уйдет! Или дожждаться момента и отправить его вслед за стариком к богам.

Я отпрыгнул назад, прижавшись к шкафу с книгами. Трое убийц приближались. Эх! Арбалет не заряжен, так что воспользоваться им я не сумею. Одна надежда на клинок и полузабытые уроки Фора. Я молча вытащил оружие и, выставив его перед собой, стал ждать нападения. Призрачных надежд на то, что мы разойдемся миром, я не питал. Такие ребята зарежут родную бабушку, да еще и всю семейку в придачу. Тем более что двоих убийц я до этого видел, и не при самых лучших обстоятельствах. Первый, тот, который выскочил прямо на меня, был напарником жмурика, убитого Болтом.

Этот выскочивший из мрака мордоворот в левой руке держал нож и сладко улыбался, как будто перед ним был не загнанный в угол человек с клинком намного большего размера, чем его нож, а мамочка, купившая Громиле карамельку.

Второй — не кто иной, как стражник Ярги, правда, не в оранжево-черной одежде стражника, а в гражданской, поэтому я сразу его и не узнал.

Выходит, ребята работают на неизвестного слугу Хозяина, раз здесь один из подкупленных стражников. Интересно, а где остальные? Отдыхают после ночного боя с доралиссцами?

Ярги тоже пришел не с пустыми руками. Клинок у него был такого же размера, как мой, да и держал он его вполне умело.

Третьего убийцу я не знал. Крепкий, можно сказать, что дубленный ветрами. Волк меж двух дворняг. Нож в его руке нервно дрожал в безумной попытке пуститься в пляс, а затем вновь замирал на несколько секунд, чтобы потом вновь отправиться в едва заметный глазу танец.

— Так, так, так, — лениво растягивая слова, заговорил Громила, остановившись вместе с напарниками в десяти шагах от меня. — Кого это к знаниям потянуло?

— Хватит болтать, кончаем его и сваливаем! Дело уже сделано, — просипел Волк.

— Успокойся, Муха, успокойся, — махнул на Волка, имя которому было Муха, Громила. — Мы за эту ночь убьем сразу обоих гоблинов. Я этого парня знаю. Гарретом кличут.

— Тот самый? — втянул в себя воздух Ярги. — За его голову наниматель награду обещал!

— Угу, вот сейчас мы ее ему и отрежем. — Громила двинулся ко мне.

— А ты осмелел. — Я как можно более гадливо улыбнулся. — Помнится, несколько дней назад ты вместе с во-он тем покойником драпанул так, что пятки сверкали.

— Ну, с тобой ведь больше нет мага, — хмыкнул Громила, перебрасывая нож из руки в руку.

— Стой, дай я его кончу, — попросил Ярги, облизывая тонкие губы и смотря на меня с алчным блеском в глазах. — Дай развлекусь.

— Смотри, как бы тебя не кончили, — хмыкнул Муха, но все же отошел назад, давая пространство для боя. Видать, ребята действительно решили устроить забаву, ни во что не ставя мою персону. — Да и нагрянуть могут.

— Никого здесь нет. Не волнуйся, старика ведь ты замочил, Муха, — поддакнул Громила, тоже отходя назад и оставляя меня наедине с Ярги.

— Но прежде старик завалил твоего дружка, — буркнул Муха. — Одно слово — Дикий.

— Но и ты из них.

— Заткнись! — рявкнул Муха.

Дикий? Здесь? Дезертир? Парень опаснее, чем я думал. Намного опаснее обоих других убийц.

— Ну что, вор? Пошла забава? — Ярги ухмыльнулся щербатым ртом и прыгнул на меня, целясь ножом в живот.

Я отклонился вбок, попытался достать Ярги оружием, но не удалось, и мне пришлось отскочить к фонарю, стоявшему на полу, размахнувшись перед собой клинком для того, чтобы держать Ярги как можно дальше от себя. Теперь я подставил спину обоим убийцам, находящимся сзади, но, как видно, те не спешили втыкать в нее железо, предпочитая до поры до времени наблюдать за схваткой.

— Где же твой арбалет, вор? — раздался насмешливый голос Громилы.

— За спиной, — буркнул я, машинально ответив, и сбил себе дыхание.

Проклятие! Попасться на такую уловку!!! Муха радостно засмеялся.

Ярги вновь пошел в наступление, выписывая длинным ножом зигзаги и загогулины перед собой, не давая мне приблизиться. Вот так мы и кружили вокруг стоящего на полу фонаря, ожидая, кто первым допустит непростительную, а значит, смертельную ошибку. Пару раз наши ножи сталкивались и, противно лязгая, вновь начинали вить паутину уловок и ухищрений, медленно, но верно ведущих одного из нас к победе, а другого — в гроб. Тишина, лишь воздух неодобрительно стонет под клинками, и тени, во много раз увеличенные огнем фонаря, пляшут на стенах шкафов и стеллажей. Приходилось попотеть, проклятый стражник держал нож низинским хватом^[20]. С одной стороны, плохо — этот гад почти неуловимо мог перевести укол в режущий или рубящий удар, и наоборот. С другой стороны, хорошо, потому как низинская техника предназначена для воинов в броне. Она защищает свободную руку от порезов, а для тех, у кого вместо кольчуги и кольчужной перчатки одна рубаха, эта школа была палкой о двух концах.

Вжю-у-ух! Клинок противника полетел мне в лицо, но в самый последний момент изменил направление и змеиным броском устремился в плечо. Я невероятным усилием выгнулся, стараясь избежать встречи со злым железом, и нож Ярги лишь распорол рубашку на плече и разодрал кожу. В результате моего безумного уклонения я, сам того не желая, оказался рядом с Ярги, которого в это время по инерции разворачивало после неудачного удара. Я воспользовался его заминкой и, на миг забыв про клинок в правой руке, от души вмазал кулаком левой ему в ухо. Стражник взвыл, стал отпрыгивать, и тут только я вспомнил об оружии. Серьезно достать убийцу я уже не мог, но его свободная левая рука представляла собой очень лакомый кусочек. И я был бы полным дураком, если бы этим не воспользовался. Быстрый взмах — и Ярги, шипя от боли, трясет раненой рукой.

Его шипение было очень приятно слышать. А тяжелые капли крови, падающие на пол с руки, — просто дождь после долгой засухи. И вновь кружение, и вновь каждый ищет слабинку в обороне противника.

Зачем мучиться и пытаться достать до живота или шеи врага, если можно просто нанести парочку глубоких порезов по рукам и бегать вокруг раненой жертвы, дожидаясь, когда она ослабеет от потери крови, чтобы без проблем впустить ее в благословенный, по словам жрецов, мир?

Вот только времени у меня не было.

— Какой дурак учил Ярги обращаться с ножом? — донеслись до меня слова теряющего терпение Мухи. — Сейчас этот тип его прикончит!

Рука Ярги бессильно повисла, она была вся в крови, но он яростно пошел в наступление, размахивая клинком в попытке обмануть меня ложным финтом. Я вертелся угрем, чтобы избежать встречи со смертью. В итоге получил легкий порез на груди, а от меня Ярги достался смачный пинок по ноге.

— Пора закрывать этот балаган и уходить. — Терпение Мухи было на исходе, а значит, совсем скоро придется мне сражаться сразу с тремя противниками.

Точнее, не сражаться, а умирать. Пора подстегнуть события, иначе я составлю компанию Болту и тому жмурику.

— Ярги! Недавней ночью вас хорошо потрепали доралиссы!

— Откуда ты знаешь? — От неожиданности Ярги перестал пытаться достать меня ножом и ошеломленно замер.

— Неназываемый шепнул! — сказал я и всадил локоть железа в живот Ярги.

Мне представился великолепный случай покончить хотя бы с одним из троих.

— А? — Он не сделал ни одной попытки защититься или ударить меня ножом в отместку.

Сзади зло ругнулся Громила.

— Ты меня убил, сучий сын, ты меня убил, — захрипел Ярги, роняя нож, и освободившейся рукой мертвой хваткой вцепился в мое оружие, так и оставшееся в его животе.

Когда он стал заваливаться лицом вниз, мне пришлось выпустить рукоять ножа, иначе Ярги мог повалить и меня. Нож торчал из брюха покойника, а я остался без главного и весомого аргумента, чем и воспользовались убийцы.

Оба оставшихся головореза уже безо всяких разговоров бросились на меня. Я крайне неизящно постарался разорвать дистанцию между нами и

нащупать в поясной сумке пузырек. И то и другое мне удалось. Я швырнул пузатую склянку ядовито-желтого цвета в Муху, но тот просто пригнул голову, и проклятая магическая побрякушка разбилась об одну из ножек гигантского стеллажа с книгами, находящегося за их спиной. Так что вместо головы Мухи в воздухе растворилась ножка стеллажа. Замечательно!

— Иди сюда, Гаррет! Хватит бегать! Я исполосую тебя на ремни! — Громила клокотал от жажды крови.

Стеллаж между тем, потеряв опору, стал заваливаться вперед, прямо на ничего не подозревающих убийц. Еще чуть-чуть — и оба были бы раздавлены его весом, но шум книг, не удержавшихся на полках и теперь падающих на пол, привлек их внимание. Муха, не думая, отпрыгнул в сторону, сделал вполне приемлемый перекат через плечо и ушел из опасной зоны. Громила стал поворачиваться и удивленно открывать рот, но попал под дождь знаний, состоящий из горы книг, а затем его догнал безногий стеллаж и подмял под себя.

Мне показалось, что я услышал чавкающий звук, который перекрыл даже предсмертный вопль, когда незадачливого убийцу раздавило в лепешку. Но времени на раздумья не было — еще оставался Муха, самый опасный из всей троицы.

Я огляделся, но убийцы нигде не заметил, он скрылся в темноте. Пришлось вернуться к оставленному на полу фонарю, стоявшему рядом с телом Ярги. Я, брезгливо морщась — этот покойник был мне противен, — перевернул Ярги и вытащил у него из брюха свой клинок. Кровь с лезвия пришлось вытереть чистым обрывком серой рубахи мертвого стражника. Взяв нож в одну руку, а фонарь в другую, я медленно, вслушиваясь в каждый шорох, стал пробираться назад, к выходу. Столкнувшись с затаившимся где-то в темноте Мухой было бы очень неприятной концовкой сегодняшней ночи.

Я добрался до тела Болта и вернул фонарь обратно на стол, дальше дойду и так, мне требовалась свободная рука, и тут приходилось выбирать — либо свет, либо возможность быстрее двигаться.

Шорох слева — я резко повернул голову, но ничего, кроме книг, не увидел.

«Какого? — подумалось мне. — Какого рожна я держу в руках клинок, когда у меня есть арбалет?!»

Я поспешно убрал клинок, достал арбалет, зарядил его, передернув рычаг, поставил оба болта в боевое положение.

Потом, ради пущего спокойствия, взял еще один болт в зубы, чтобы,

если первые два не попадут в цель, далеко не тянуться. Вот таким, можно сказать, до зубов вооруженным я и стал организованно — другого слова подобрать не могу — отступать к выходу из библиотеки.

За каждым шкафом, за каждой книгой, в каждой тени мне чудился Муха, ожидающий меня. Но нет, ничего. Тихо и пусто, как на кладбище ночной порой. Я старался не сорваться на бег. Очень хотелось побыстрее проскочить полумрак, царящий среди книжных стеллажей. Но бежать — это потерять контроль над ситуацией, а следовательно, я буду уязвим. Поэтому идти пришлось крайне осторожно, как по капканам. Не быстро и не медленно.

Наконец-то проклятые шкафы с книгами закончились, и передо мной появился выход, ведущий в трубу полутемного коридора. Я остановился, решая, как лучше прокрасться по узкому коридору, где даже развернуться было трудно, не то что состязаться во владении ножом с Диким.

Его выдала тень. Тень, рожденная огнем фонарей, висящих на стенах. Она была бледна, слаба и почти убита мечами света, но я смог увидеть ее застывший силуэт. Может, Муха и хороший воин, но прятаться в помещениях он, увы, не умел. Проклятый убийца залез на стеллаж и, вцепившись в полки, повис, дожидаясь, когда я пройду под ним. Дождлся, Неназываемый его поработи!

Мы стали действовать одновременно — я разворачиваться и поднимать арбалет, он прыгать с ножом мне на голову. Все дальнейшее произошло, как будто маг Ордена замедлил ход времени.

Щелкнула тетива. Болт, едва не задев падающего на меня Муху, ударил в один из толстых фолиантов, стоявших на верхней полке.

Второй щелчок — и смерть, посланная моим оружием, чиркает по руке с ножом и ударяется в очередную книгу. От неожиданности и боли рука Мухи разжимается, и нож в одиночестве начинает падение вниз. Я отпрыгиваю, тянусь за болтом, зажатым в зубах, но Муха уже всем весом обрушивается на меня. Арбалет отлетает в сторону, и мы падаем на пол.

Щелк! И время вновь бежит, течет горной рекой. От его медлительности ничего не остается.

Бац! Я падаю на спину, ударяюсь затылком о каменный пол, и в голове разлетается сноп огненных искр. Проклятый убийца оказался сверху и, ни секунды не мешкая, нисколько не смутившись, что потерял нож, заехал мне кулаком в лицо.

Бац! В области скулы взорвалась пороховая бочка гномов, и еще один огненный столб искр взметнулся в голове и ударил по глазам. Преодолевая боль, я крайне неизящно постарался лягнуть навалившегося на меня врага,

но эта жалкая попытка успеха не имела. Муха размахнулся правой, раненой рукой и точно с такой же силой, как и здоровой, ударил меня под дых.

Бац! Воздух вежливо помахал мне на прощание рукой и куда-то исчез из легких. Из последних сил я стукнул Муху под челюсть, но удар вышел смазанным и слабым. Муха даже обидел меня, не обратив внимания на жалкие попытки сопротивления с моей стороны. За все это время Дикий не произнес ни слова, он, в отличие от Громилы или Ярги, просто хотел сделать работу побыстрее и уйти восвояси.

Финалом нашей эпической битвы, достойной быть увековеченной в виде фрески, стало то, что крепкие жилистые руки Мухи рачьей хваткой^[21] вцепились мне в шею и довольно целеустремленно принялись душить некоего Гаррета, окончательно перекрыв доступ воздуха в легкие.

Я ударил Муху обеими руками по ребрам, но и это не возымело действия. Он, как имперская собака, еще сильнее сжал пальцы и, стиснув зубы, навис надо мной. Кто-то вполне достоверно стал хрипеть. Надеюсь, это был не я. Затем звуки хрипа начали стихать, отступили на задний план, путаясь в тенях. Тени надвинулись, обняли, черными кругами заплесали в глазах, зовя за собой. Легкие горели и просили хотя бы один глоток чистого и свежего воздуха.

Когда тень уже полностью заполонила мой взор, откуда-то из другого мира, такого прекрасного и насыщенного свежим воздухом, раздалось щелканье тетивы, свист стрелы и тупой удар. Потом что-то очень тяжелое упало на меня, окончательно придавив к полу, но дышать стало легче.

Я лежал и, не открывая глаз, вдыхал бесценный дар богов — воздух. Во мне все клокотало, хрипело и свистело. Шея нещадно болела, даже глотать было больно, но я дышал, и это в данный конкретный момент было главным.

— Живехонек, милорд! — раздался голос надо мной. До носа долетел аромат ядреного чеснока. — Дышит.

— Поднимите его! — Барон Фраго Лантэн собственной персоной, насколько я могу судить по зловому голосу.

Из чистой вежливости пришлось разлепить веки и оглядеть новых действующих лиц комедии. Так и есть. Надо мной стоял необычайно хмурый барон в окружении двух десятков верных псов, рассыпавшихся по залу. И мой давнишний знакомый — Чесночный приятель с тяжелым армейским арбалетом в руке. То тяжелое, что упало на меня, было не чем иным, как мертвым Мухой. Чесночник вклеил ему стрелу промеж лопаток, и Муха в порыве лучших чувств решил помереть на мне. Что он и сделал, негодяй.

Я еще ни разу в жизни так не радовался встрече с городской стражей. Все! Беру все плохие слова об их способностях назад и клянусь здоровьем доралисского вождя больше эти некрасивые слова никогда не произносить. Если бы не brave ребята-стражники, лежать мне синим, как дохлый цыпленок, на полу библиотеки.

— Одну секунду, ваша милость. — Чесночник поспешно отложил разряженный арбалет в сторону и стащил с меня тело Мухи.

Сразу полегчало. Чесночник и еще один стражник крепко взяли меня под руки и, крикнув, поставили на ноги. Пол почему-то довольно сильно шатался, и пришлось сделать над собой усилие, чтобы не упасть. Скула, куда минуту назад попал кулак Мухи, безбожно горела, будто к ней прижали раскаленную кочергу.

— Барон Лантэн? Вы не представляете, как я рад вашему появлению, — как можно более искренне прохрипел я.

Горло до сих пор саднило, на шее чувствовались пальцы Мухи.

— Надо думать, — фыркнул один из стражников.

— Гаррет, сукин ты сын, какой тьмы ты тут делаешь? — рявкнул Фраго, хмуро изучая мою помятую личность. Видно, мне удалось испортить ему настроение на неделю вперед. — А если бы нас тут не оказалось?

— История бы окончилась очень печально, — буркнул я. Ненавижу, когда на меня орут, особенно после того, как один ретивый парень меня чуть не придушил.

— Не только для тебя! — рявкнул Фраго. — Король бы с меня шкуру спустил!

— Откуда вы узнали, что я здесь? — недоуменно спросил я.

— А мы и не знали, — немного успокоившись, буркнул барон и сел на один из табуретов, на который становились, когда необходимо было достать книги с верхних полок.

Мне сесть, естественно, не предложили, но в моем состоянии не до дворянского этикета, поэтому я придвинул второй табурет, стоявший рядом с первым, и уселся напротив барона. Рядом остался только Чесночник и тот второй, который помогал ему меня поднимать. Остальные стражники взяли в руки фонари и расползлись по библиотеке на тот случай, если в темноте еще кто-нибудь прячется. Напрасный труд, на мой взгляд. Не думаю, что тут еще кто-нибудь был.

— Мы и не знали, — повторил барон и бросил взгляд в сторону Чесночника. — Джиг, иди прогуляйся.

— Как скажете, милорд. — Джиг и другой стражник ушли следом за

остальными в глубь библиотеки.

— Мы вот этого покойника искали. — Барон брезгливо ткнул пальцем в труп Мухи. — Давно его ищем. Он из Диких. Дезертир и королевский изменник. Его и Дикие искали, но нам больше повезло. Птичка стукнула, что этот парень сейчас в Королевской библиотеке, вот мы и пришли брать его тепленьким. Так что встреча с тобой меня довольно сильно удивила.

— Меня не меньше.

Что же, раз королевский изменник — а все дезертиры Диких ими становились сразу, — то ничуть не удивительно, что сам Фраго решил принять участие в охоте. И Мухе еще повезло, что он получил стрелу в спину. Поймай его Дикие, парень бы просто так из нашего мира не ушел.

— Так я повторю свой вопрос. Что ты здесь делаешь, Гаррет?

— Что я здесь делаю? Пришел проведать старого друга.

— И где же твой друг?

— Мертв.

— Рассказывай.

И я рассказал. Половину подробностей пришлось опустить. О Хозяине и его слугах я не сказал ни словечка, как и о том, что я видел некоторых из убийц до этой ночи.

— Можно сказать, что тебе повезло, вор, — хмыкнул барон, выслушав мою историю.

Он, как я видел, до сих пор не выносил моего присутствия. Оно его бесило. Как кошку бесит мышка, которая бежит перед носом, а вот схватить ее не представляется никакой возможности, иначе хозяин крепко оттащит за хвост.

— Можно сказать, что мне крупно повезло. — Я уже немного отошел от схватки и теперь с нетерпением искал возможность улизнуть из этого места.

Делать тут было нечего, от покойника Болта я ничего теперь не узнаю, а барон Фраго, такой любезный и добрый, впрочем как и оранжево-черная стража Авендума, меня немного нервировал. Лучше бы они пытались меня поймать, чем быть обходительными. Недоверие к слугам закона — это сила привычки, от которой довольно сложно избавиться за пару часов.

— Дела? — ухмыльнулся барон. — Надеюсь, не поход в дом невинного богатея?

— Невинных богатеев в нашем мире не существует, — хмыкнул я и поднялся со стула с твердым намерением отправиться восвояси.

Барон было собрался задержать меня еще на несколько минут, но выскочивший из-за стеллажей Джиг оторвал его недремлющее внимание от

меня.

— Милорд, там один из наших.

— Что ты мелешь? — Фраго, нахмурившись, поднялся с табурета.

— Не извольте сомневаться, он из стражи. Ярги кличут, он в ночных сменах шестого караула был.

— Из отряда Жастина?

— Теперь там другой командир, Жастина ведь возле конюшни Старка...

— Знаю, знаю. Не надо мне напоминать, — отмахнулся Фраго. — И чего его с отрядом туда ночью потянуло?

Я просто мечтал сказать, что, точнее, кто потянул к конюшне Старка продажную стражу, но тогда я до утра не отделаюсь от вопросов и подозрений, а поэтому поступил крайне разумно — попросту промолчал.

— Ну что за ночка! — сплюнул Фраго и развел руками. — Гаррет, тебе известно, что ты кокнул одного из моих людей?

— На нем не было написано, что он стражник, ваша милость. Тем более он и его напарники не спешили представляться, когда хотели пустить меня на мясную вырезку.

— Ясно, — вздохнул Фраго. — Ну что же, в любом стаде есть паршивая овца.

Хотел я сказать барону, что паршивых овец в его стаде отнюдь не одна, но вновь благоразумно промолчал. Молчание — золото, и в последнее время я стал понимать, что это действительно так.

— Гаррет, идем со мной, опознаешь своих знакомых. — Фраго повелительно махнул рукой.

Угу. Как же! Мне только и осталось, как маленькой собачонке, бегать за бароном на задних лапках.

— Простите, ваша светлость, но у меня задание короля.

Я получил очередной хмурый взгляд от Лантэна, но спорить он не стал. С приказами короля обычно никто никогда не спорит, кроме шута-гоблина.

— Ладно, ступай.

Не дожидаясь, когда Фраго передумает, я скрылся в коридоре, не забыв по дороге подхватить факел, чтобы обратный путь казался светлым и веселым. Хотя настроение мое было самое что ни на есть поганое.

Глава 15

Ответы

Прошу прощения за дурацкий и, в общем-то, тухлый каламбур, но улица Сонного Пса была погружена в сон. Она разительно отличалась от своей сестры — Сонной Кошки как домами, здесь расположенными, так и размерами. Сонный Пес была довольно короткой и извилистой улочкой, где располагались различные лавки невысокого пошиба, старенькие дома да пара трактиров не самой хорошей среди горожан славы. Возле одного из них я сейчас и находился. Огромная вывеска в виде ножа и топора висела над моей головой, грозясь когда-нибудь плюнуть на обязанности зазыва посетителей и грохнуться какому-нибудь невезучему прохожему на голову.

«Нож и Топор», как я и предполагал, был погружен в сон. Как сказал мне Фор, Гозмо ни с того ни с сего прикрыл свое маленькое заведение на время. Довольно странно, если знать, какие деньги он при этом теряет.

Двери и ставни закрыты, хотя ни первое, ни тем более второе для меня не было такой уж серьезной преградой. Я был крайне решительно настроен посетить этой ночью трактир Гозмо, и запертые двери не были для меня помехой. Между моим старым другом и мной назрел серьезный разговор, а ночь — самое удобное время для того, чтобы застать врасплох трактирщика. В третьем часу он спит без задних ног и будет не очень расположен к сопротивлению.

Ночь слизнула с полной луны маленький кусочек, и желтый круг пошел на убыль. Первая ночь июля, ночь без надоевшего тумана, пожиравшего ночные звуки и скрывавшего все подряд под щитом невидимости. С одной стороны, туман это хорошо — можно спрятаться, но с другой стороны — в нем может спрятаться еще кто-нибудь.

Вначале я хотел самым наглым образом вскрыть центральную дверь и пройти через весь трактир к Гозмо как хозяин, но умерил свой пыл и решил проникнуть в его спальню через окно. Намного проще, да и возни с замками и засовами, во время которой тебя может застукать любой мучающийся бессонницей, мало.

Окно спальни Гозмо находилось на втором этаже и было крайним. Нисколько не удивлюсь, если у старого мошенника в комнате окажется скрытый ход, ведущий в более безопасные места, поэтому мое появление через дверь тактически было бы не очень правильным. Если вдруг Гозмо не

спит, он вполне может смыться.

Паутинка была при мне, и добраться до окна оказалось делом одной минуты. Намного дольше пришлось провозиться со щеколдой, особенно висая на такой высоте. Отомкнуть ее, не поднимая шума, тоже оказалось делом непростым, но я недаром занимаюсь тем, чем занимаюсь, — эта работа была выполнена безупречно. Гозмо, заунывно выводящий трели и рулады храпа, даже не пошевелился в постели. Трудней оказалось спрыгнуть с окна на пол, на пути у меня выросла пара фарфоровых кувшинов с цветочками, которые я ненароком чуть было не смахнул вниз. Поэтому пришлось приложить чудеса эквилибристики циркачей, выступающих на Рыночной площади, чтобы избежать встречи с фарфоровой преградой.

Гозмо, видя, наверное, свой пятый, а то и седьмой сон, заливался соловьем. Дрых он безмятежнее ребенка, и я даже восхищенно покачал головой. Вот что значит отсутствие совести и полное спокойствие за собственную шкуру!

Я на цыпочках подкрался к его изголовью и аккуратно запустил руку под подушку. Так и есть. Пальцы наткнулись на что-то холодное. А дружище Гозмо не так уж глуп и безмятежен, как я думал, если держит под подушкой такой кусок железа! Спать жутко неудобно, но спокойно, это точно. Что ж, я не стал доставать клинок, мороки с этим целый воз, а пользы ни на самый мелкий медяк. Да и не думаю, что трактирщик решится на глупость.

Я так же тихонько отошел от спящего и, смахнув с кресла какие-то тряпки, сел. Внедрение Гаррета в обиталище Гозмо нужно сделать эффектным, трактирщик это заслужил, так что мне стоило подумать, как это все обтяпать, чтобы хоть каким-то образом отыгаться на проклятом предателе. Тут Сагот подкинул мне шальную мысль о том, что очень давно, лет пять назад, когда я бывал в комнате Гозмо (правда, тогда я входил через дверь), на одной из стен висел тяжелый охотничий рог, инкрустированный серебром. Довольно приятственная для глаз вещица. Хотя не только для глаз. Для кармана тоже неплохая, потому как стоимость сей безделушки была чуть больше сорока золотых. Я встал, прошел к стене и методом проб и ошибок нащупал злополучный рог, удостоившийся чести сыграть в сцене пробуждения Гозмо ведущую роль.

Ух! Вещица оказалась довольно весомой.

Я подошел к креслу, достал из-за спины арбалет, проверил, что он заряжен, и сел в кресло, положив оружие себе на колени. Если честно, я пытался сдержаться и не захохотать, потому как уже представил себе рожу

Гозмо, разбуженного зовом рога. Разбудить еще кого-нибудь я не боялся. Гозмо не сдавал комнаты на ночь, так что постояльцев не было, а вышибалы после смены уходили домой. В трактире мы были одни, а что до жителей окрестных домов, так они на своем веку и не такие вещи видали. Точнее, слышали.

Ладно, пора было делать дело. Я поднес рог к губам, набрал полную грудь воздуха и дунул. Что это был за звук! Даже я не ожидал такого эффекта! Рожденный рев горной лавины вперемешку с воплем ошалевшего от ужаса великана заметался по комнате, отражаясь от стен и звеня в ушах многоголосым звоном гнева богов!

Гозмо, прервав храп на середине колена, подлетел в воздух вместе с одеялом на целый ярд и, приземлившись, стал отчаянно крутить головой, спросонья ничего не соображая. Я доставил себе удовольствие и весело расхохотался.

— Кто здесь? — гаркнул Гозмо, еще не привыкший к темноте, а поэтому видевший только открытое окно.

Его рука змеей нырнула под подушку.

— Гаррет.

— Гаррет, это ты? — Гозмо, видно, не верил своим ушам, он так и замер, даже не пытаясь вытащить клинок из-под подушки.

— Именно я. Да ты высунь, высунь руку-то. Не съем. И свечу зажги.

Руки у трактирщика дрожали, поэтому огонек появился не сразу, а появившись, больше осветил не меня, а старого плута, сидящего на постели и хлопающего глазами. Я для него представлял собой лишь тень в кресле, размытый контур на границе света и мрака. Свет свечи до меня попросту не добирался, на полпути его съедала тьма.

— Ну, пришел в себя?

— Гаррет, это действительно ты! Только такой человек, как ты, мог устроить все это!

— Я рад, что ты меня узнал, а теперь поговорим.

— О чем? — Гозмо выглядел одновременно злым и ошеломленным.

— Да есть тут одно дело. Я много думал...

— Тебе полезно, — перебил меня трактирщик.

Щелкнула тетива, и, прожужжав по комнате, болт ударил в спинку кровати трактирщика, совсем рядом с Гозмо. Тот от неожиданности подпрыгнул:

— Ты сдурел?

Мне показалось или в его голосе действительно проскользнула нотка страха?

— Не надо перебивать, Гозмо, у меня сегодня была тяжелая ночь, так что заткнись и изволь выслушать, что я скажу.

Трактирщик последовал моему совету и заткнулся, лишь тонкие губы довольно заметно побелели. Он не видел арбалета, но всей шкурой чувствовал, что сейчас он направлен на него.

— Так вот, — продолжил я. — Я много думал. О том нашем разговоре, да и о многих, казалось, случайных вещах. С чего ЭТО такой негодяй, как ты, вдруг решил извиняться? Я тогда слишком спешил и подумал, что из-за гарринча в доме герцога, о котором твоя наглая морда якобы забыла меня предупредить. Ты живо ухватился за эту ниточку, так как подумал, что я ничегошеньки не знаю, а поэтому твоей драгоценной жизни ничего и не грозило. Но ведь речь шла не о гарринче? Не так ли, Гозмо?

Трактирщик открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и лишь облизал разом пересохшие губы. В нашем маленьком мире за подставы, особенно за такие, какие сделал Гозмо, обычно режут глотку. И Гозмо, естественно, об этом очень хорошо знал. Поэтому и помалкивал, полагаясь на случай, судьбу, Сагота и доброту Гаррета, которому так некстати стало все известно.

— Ну что же, вижу, что я не ошибся. И это радует. Начнем с того, что ты знал, кто дал тебе Заказ на статуэтку из дома герцога, и ни словом мне не обмолвился.

— Я не знал...

— Ну, догадывался, что практически одно и то же. — Я безразлично пожал плечами.

Выходило, что всему виной, изначальной ниточкой был Гозмо, благодаря которому я и влип в эти неприятности с Рогом. Поэтому церемониться с бывшим вором я не собирался.

— Видит Сагот, Гаррет! Я не хотел тебя так подставить!

— Но подставил же? — На это ему возразить было нечего. — Увидев, что Фраго Лантэн, решивший навестить твой клоповник, забрал меня с собой, ты перестал догадываться и все понял. Почти. Думал, меня отправят в Серые камни, и очень удивился, заметив Гаррета на следующий день на улице. Тебе подумалось, что я все знаю, и ты решил прикрыть тылы. Не удивлюсь, что Маркун сыграл здесь не последнюю роль.

Последнюю фразу я бросил ради пущего эффекта, для проверки дна реки, даже не ожидая, что она даст такой эффект. Гозмо громко икнул от страха.

— Маркун тут ни при чем, не в этом... — Он осекся.

— Не в этом деле? — живо ухватился я за ниточку. — Верю! Охотно

верю! Тем более что в подставе мне этого Заказа ты, думаю, все же не так уж и виноват.

Гозмо облегченно вздохнул, поняв, что резать его, может быть, и не будут.

— Но я изменю свое мнение, если ты не расскажешь о делишках Маркуна.

— Чтоб тебя сцапал Неназываемый, — устало прошептал Гозмо. — Ладно, Гаррет, я сделал глупость. И в первом и во втором случае. Но на первый тебе грех жаловаться, за статуэтку ты получил свои золотые, а недоразумения с Лантэном, как я вижу, улажены. В тот же вечер, когда ты ушел с оранжево-черными, в трактир явился Маркун со своими ребятами... И как бы невзначай обронил, что ты, мол, все же решил вступить в гильдию и ему с тобой нужно срочно переговорить. Я ему ответил, что тебя теперь ждут Серые камни и никакого вступления в гильдию не будет, но Маркун настаивал. Ты же знаешь, как он может быть настойчив.

Я знал. Ребята Маркуна всегда отличались вежливым обращением с молчунами, поэтому, думаю, Гозмо не сопротивлялся даже для виду.

— Ты ему выложил, где моя берлога, — утвердительно сказал я.

— Да! Но я думал, что там тебя не будет!

— Но доралиссы, которых навел на меня Маркун, думали иначе, потому как ночью меня ожидала теплая встреча. Спасибо, Гозмо. Удружил. Целых два раза.

Трактирщик съежился, ожидая от меня любой гадости. Отправь я его в свет, все бы меня только поддержали и сказали, что я поступил совершенно правильно. За подставы, пускай и случайные, в нашем воровском сообществе приходится серьезно расплачиваться.

— Дружище Гозмо! — радостным голосом начал я, и мой собеседник еще больше огорчился этой необоснованной радости. — Я готов забыть все наши недоразумения и даже не трепаться о твоём поведении по городу, но за пару ответных услуг.

— Все что могу! — поспешно ответил Гозмо, понимая, что пара услуг на одной чаше весов и репутация с жизнью на другой — это такая малость!

— Перво-наперво расскажи мне об убийстве мага из Филанда и пропаже некой вещицы.

Гозмо задумчиво пожевал губу, потер подбородок, а затем изрек:

— Люди Маркуна. Шныг и Соловей, ходят слухи. Их работа. Хорошие воры.

— Хорошие и мертвые, — поддакнул я.

— Ты их... — Глаза Гозмо удивленно расширились.

Великолепно! Пусть думает, что это я отправил ребят в деревянный ящик. Тогда будет более разговорчивым и уступчивым.

— Что ж, я знал, что когда-нибудь вам станет тесно в Авендуме.

— Не отклоняйся от темы.

— Ну так вот. Они все проделали идеально, даже маги не подкопаются. Украли какую-то доралиссскую штуковину для Маркуна. Видно, это уж очень ценная штука, раз Маркун решился на убийство мага.

— А чтобы больше запутать следы, этот слизняк, недостойный называться вором, подставил доралиссцам меня! Иначе чего они вот уже который день ищут встречи со мной?

— Угу. Маркун подставил тебя доралиссцам, а сам ушел в тень и ждет покупателя или заказчика.

— Чудесно! Вот вторая услуга. Ты ведь продаешь товар? Знаешь всех, кто желает купить что-нибудь горяченькое?

— Ну, есть немного...

— Завтра с утра ты встретишься с главой гильдии воров и скажешь, что появился человек, который купит у него эту вещь, скажем... за двадцать тысяч золотых.

— Но это же будет ложью!

Вот тут я захохотал. Искренним и веселым смехом.

— Гозмо! Только не говори мне, что ты праведник и никогда не врешь! Я тебе ни за что не поверю!

— Но Маркун и его ребята отправят меня под пирсы рыб кормить!

— Где Маркун, а где я? Вот то-то! Да ты не переживай, Саготом клянусь, что после всего дела Маркун забудет о тебе на долгие годы. Так ты скажешь?

— Скажу, — буркнул Гозмо.

— Скажи. Без десяти полночь в трактире. Завтра. Точнее, уже сегодня. Да! Еще можешь с него взять аванс с несуществующей сделки как компенсацию за разруху в твоём трактире.

— Какую разруху?!

— Это так, к слову пришлось. Пусть Маркун с ребятами будут у тебя завтрашней ночью, где-то без десяти полночь, и товар пусть возьмут. Скажешь, что покупатель может встретиться только завтра, точнее, уже сегодня или никогда. Маркун слишком жаден, он обязательно заявится. Да, пусть не забудет вещицу.

— А разруха? — Гозмо не очень понравилось это слово.

— Ничего не будет. Я же говорю, к слову пришлось, — самым честным голосом ответил я трактирщику.

— Не знаю, что ты там придумал, Гаррет, но мне это очень-очень не нравится.

— Согласись, что это лучше, чем распрощаться с жизнью. — Тут я его уел.

— Ладно, мне пора. — Я встал с кресла. — Приятно было увидаться. Так ты окажешь мне эту маленькую услугу?

— Хорошо, Гаррет. Я сделаю, что ты просишь, но ты в свою очередь забудешь об этих маленьких неприятностях, что я не со зла тебе причинил.

— Само собой. Само собой, — соврал я.

Выходить через окно не хотелось, мне больше нравился обычный способ, правда, пришлось пятиться спиной к двери, потому как старина Гозмо славился тем, что мастерски метал даже тяжелые клинки. Доверия к Гозмо у меня было не больше, чем к рачьему герцогу, а жизнь слишком приятная штука, чтобы с ней вот так глупо расставаться, повернувшись к Гозмо спиной.

Я нисколько не сомневался, что Гозмо сделает так, как я попросил. Выбора у него действительно не было. Разве что свалить из города или передать наш ночной разговор Маркуну. Но первое невозможно — пришлось бы оставить любимый трактир, а второе... Вы бы стали заключать союз с кровожадной змеей, нисколько не сомневаясь, что в самый неожиданный момент она вас цапнет за пятку? Вот-вот. Гозмо тоже. Он лучше доверится Гаррету, да еще и денежек с гильдии постарается заработать, надеясь, что все обойдется.

Я снял с входной двери засов и выскользнул на улицу. Мне было абсолютно наплевать, закроет ли Гозмо за мной трактир или оставит его на волю богов и ночных прохожих.

Глава 16

Охотники за Конем

Следующий день прошел у меня кувырком. Пришлось побывать в десятке мест и выполнить пару-тройку задумок. Если все пройдет удачно, сегодняшней ночью меня ожидает довольно интересный спектакль, правда, актеры не догадываются, какие роли им предстоит играть. Надо выполнить финальную часть постановки и предупредить последних участников представления. Поэтому я наведалься в дом к магистру Арцивусу. Архимага на месте не оказалось, так что пришлось передать приглашение на дружескую вечеринку через Родерика. Парнишка выглядел немного изумленным, но пообещал все передать в точности. Что же, я не сомневался, что он все сделает так, как я ему сказал, и со спокойной душой отправился коротать такие долгие до ночи часы к Фору.

Фора тоже не оказалось на месте, и в его покоях я был предоставлен самому себе. Часа через два, которые я провел в метаниях по комнатам из угла в угол, до меня наконец стало доходить, что слишком сильно нервничаю, а это не очень полезно для моего хрупкого здоровья.

В заначке своего учителя я добыл бутылку вина. Задумчиво повертел ее в руках и с сожалением положил обратно. Не хватало еще прийти в трактир пьяным и запороть все веселье. Оставалось только молча лезть на стенку и потихоньку сходить с ума, ожидая наступления ночи.

Я посидел в кресле, в сотый раз перепроверил арбалет, даже побрился, благо времени было предостаточно. Затем отрешенно уставился в окно, думая, чем бы таким заняться. Как назло, ни одной нормальной мысли не находилось, и я уж совсем чуть не завыл от тоски и нетерпения, как меня осенила идея почитать бумаги, добытые в башне Ордена. Обнадеженный светлой идеей, я уже собрался окунуться в озеро знаний, но бумаги бесследно исчезли.

Я перерыл все, начиная с письменного стола Фора и заканчивая матрасом на его кровати. Я даже заглянул под нее, но, кроме довольно приличного слоя пыли — что поделать, Фор никогда не славился мастерством уборки — и перепуганного паучка, там ничего не было.

Пришлось перевести дух и даже расстегнуть воротник рубашки — так жарко мне стало. Нужно пойти другим путем. Фор бывший вор, и я уверен, что он запрятал документы так что сам Неназываемый вместе со своими

приспешниками не смогли бы их и за сто лет отыскать. Несомненно, что бумаги в этих покоях, Фор не стал бы прятать их где-нибудь далеко, если только ничего страшного не случилось. Поэтому я, полагаясь на собственный опыт и зная некоторые повадки моего старого учителя, снова начал поиски.

Стуча по полу рукоятью ножа, я надеялся услышать глухой звук, говорящий о скрытом тайнике. И я его услышал. Целых два раза. Но находки меня разочаровали: под столом, где я поддел ножом плиту и отодвинул ее в сторону, был обнаружен неплохой ларец, под завязку набитый королевскими золотыми. Этакая заначка на черный день. Возле старого стеллажа, где пол был выложен в виде плит, на каждой из которых был изображен человеческий грех, порицаемый богами, я обнаружил второй тайник. Как и следовало думать, он располагался под плитой с надписью «Жадность». У моего учителя своеобразное чувство юмора. Золота тут было побольше, чем в первом схроне, я полагаю, что обнаружил черную кассу служителей Сагота. Тысяч шесть-семь золотых, на мой профессиональный взгляд. Огромная куча деньжищ. Хоть собственный замок строй. Но искомым бумагам, как назло, не было.

С полом я провозился часа полтора и, занятый делом, хоть немного развеял тревогу и нервозность перед предстоящей встречей с участниками спектакля «Конь и Компания». Далее я решил подождать, не пороть горячку и не лезть ощупывать стены, а проверить пока что тайники и пустоты в мебели.

Начал я это делать с той же скрупулезностью и методичностью, что раньше применил в поиске тайников в полу. В итоге обнаружилось двойное дно в одном из ящиков письменного стола, где мой дражайший учитель хранил переписку со жрецами из Гаррака. Не думаю, чтобы она была тайной, иначе бы Фор запрятал письма куда-нибудь подальше. Скорее всего, это были бумаги на дурака, чтобы отвлечь внимание от чего-то более важного. С еще большим рвением, чуя, что разгадка близка, я ринулся на поиски и тщательно ощупал все стулья и даже простучал кровать с резной спинкой в виде двух святых лошадок. Ни-че-го. Все равно что искать курящего карлика^[22]! Теперь оставалось самое сложное и кропотливое — проверить стены. Так я до самой темноты провожусь!

Но удача на этот раз была благосклонна, и под одной из фресок, после того как я ударил по ней пальцами, послышался едва заметный, почти не отличающийся от обычного, но все же чуть-чуть более глухой звук. Теперь оставалось только догадаться, каким образом забраться в тайник, потому как фреска и стена представляли собой единый нерушимый монолит.

Казалось, что он создан таким со времен Сотворения мира.

Пробить в стене дыру? Ну, это, по крайней мере, пошло. Я все же мастер-вор, а не мелочь пузатая, к топорной работе без всяких причин у меня душа не лежит. Да и не ворую я, а беру свои бумаги, спрятанные заботливым Фором. Да и Фор, думаю, очень расстроится, если я нарушу эту оригинальную композицию из фресок, оставив старику на память о себе дырку в стене. Пришлось вначале ощупать каждый дюйм стены в надежде активировать секретный замок. Ну а если в запирании тайника сокрыта магия, то тут я почти ничего не смогу сделать.

Бесполезно — тайник запирала магия. Придется дожидаться Форы. Хотя кое-что из запасов, купленных у жадного мастера Хонхеля, может помочь. Я сходил за своей сумкой, оставленной на столе, покопался в ней и в итоге выловил оттуда пузырек с жидкостью молочно-белого цвета. Открывалка для разных магических запоров и засовов. Пробка попалась тугая, пришлось повозиться, для верности вцепившись в нее зубами. После минуты жаркой борьбы пробка проиграла битву и, протестуя чпокнув, вылетела. Я широким жестом плеснул резко пахнущую жидкость на стену, где предположительно находился тайник. Капли, попав на фреску, на миг вспыхнули ослепительными рубинами, а затем растаяли в воздухе, будто секунду назад их и не было вовсе. Но стена стала прозрачной, а затем фреска с изображением быка, где и находился тайник, плавно отползла в сторону, обнажая массивную металлическую дверцу гномьей работы. Замочек был что надо.

Я хмыкнул, придвинул к стене стол, дверца была довольно высоко от пола, и пробовать вскрывать замок на цыпочках, когда торопиться особо некуда, — излишнее издевательство над самим собой. Я влез на стол, уселся поудобнее перед дверцей и, добыв из сумки верные отмычки, принялся ковыряться в замке. Победа далась нелегко. Прошло больше двадцати минут, прежде чем последний секрет неохотно щелкнул и дверца приоткрылась, на волосок отойдя от стены. Я радостно хохотнул и протянул к тайнику руку, но тут же ее отдернул. Следовало проверить тайник на предмет ловушек для дураков. Фор вполне в состоянии поставить по старой привычке. Но нет, ни скрытой пружины, ни взведенного самострела, ни еще какой пакости не было.

Тайник оказался маленьким. Ни золота, ни других ценностей. Только бумаги. Я не стал копаться в таинствах жрецовской братии — у ребят собственные маленькие игры, и негоже совать в них любопытный нос. Просто взял свои бумаги, они лежали у самой дверцы, и их можно было узнать по характерной печати времени — желтизне.

Дверцу тайника я закрыл. Как только щелкнул замок, магическая фреска вновь встала на место, закрыв уродливое отверстие в стене. Сторонний наблюдатель, пожалуй, никогда бы не догадался, что тут есть какой-то секрет.

Я слез со стола, оттащил его на прежнее место и уселся изучать бумаги, благо времени оставалось еще часа четыре до того, как можно будет идти на представление в «Нож и Топор». Старые свитки меня разочаровали. Я еще раз прочитал стих-загадку, про который мы разговаривали с Фором, но так ничего и не понял. Пришлось оставить его на потом, до разговора с Миралиссой. Может, хоть темная эльфийка мне объяснит половину непонятных слов и завуалированных загадок?

Все остальное время я потратил на изучение старых карт Храд Спайна. Продвинулся я едва ли на дырявый медный грош. Коридоры, залы, холлы, комнаты, закутки, туннели, пещеры и подземные дворцы. Все это сплеталось в комок умирающих от безумства, агонизирующих от собственного яда змей. Лабиринт тысячелетий, основы которого были неизвестно кем заложены во времена, когда раса орков, первая раса новой эпохи, еще не появилась на Сиале. Судя по картам, заблудиться в Костяных дворцах проще, чем чихнуть или сказать «Бу!».

Уже к вечеру, когда глазам стало больно от чтения, а старина Фор так и не удосужился появиться, я оторвался от карт и убрал все бумаги к себе в сумку. Вновь возиться с тайником-фреской было лень, да и волшебную жидкость тоже жаль тратить, так что старая сумка — вполне безопасное место для документов.

Пора было отправляться в путь. В принципе я мог никуда не ходить, но меня терзало сомнение вперемешку с любопытством — сработает ли мой план? И поверит ли моим словам, переданным через Родерика, Арцивус? Потому что, если вдруг архимаг не поверит, план полетит во тьму вместе с одним из демонов, который, уверен, сможет захватить Коня в свои когтистые лапы.

Вечерело. Наступило то время суток, когда мир окрашивается во все оттенки серого цвета. Время, когда солнце еще не скрылось за горизонтом, но уже перестало посылать свои лучи к земле, собираясь на покой, а луна еще слишком бледна и бела, как снежная сова, и не может освещать тыквенно-желтым светом мир ночи. Над городом всего лишь на час воспарила гигантская дремлющая птица, имя которой — сумерки.

По улице Сонного Пса растеклась подозрительная тишина. А это говорило о том, что что-то затевается и кому-то могут пустить кровь. Поэтому жители окрестных домов с наигранной поспешностью и

занятостью спешили по важным, но несуществующим делам. Неудивительно, что расползшиеся нежные руки ленивых сумерек почти никого не находили на улице и щупали лишь каменные стены домов. Вот в том-то и дело, что почти. Улица все же не была пустой. На ней крутилось несколько ребят довольно распознаваемой наружности. Такой наружностью обладают некоторые личности, те, что не в ладах с законом и готовы залезть в карман хоть к самому барону Лантэну.

Маркун подсуетился и выставил наблюдающих. Так, на всякий случай. В целях обнаружения нестандартных ситуаций в виде Фраго Лантэна с верными ребятами или Гаррета на худой конец. Ну-ну. Пусть себе притворяются беспечными гуляками, дышащими для здоровья вечерним воздухом. Воздух Портового города обычно здоровью не помогает. Скорее наоборот. Очень сильно вредит.

Ребята меня, слава Саготу, не успели заметить, и я свернул на соседнюю улочку, намереваясь попасть в трактир к Гозмо через черный вход. Или выход — тут с какой стороны смотреть. Но и здесь меня поджидала неудача. Как назло, вокруг крутилось слишком много достаточно злых и высматривающих мнимых врагов-доралиссцев, и я от греха подальше свалил оттуда. Доралиссцы тоже прикидывались мирными овечками и делали вид, что именно сейчас и именно сегодня у них запланировано место встречи в самом для этого удобном месте — прямо напротив черного входа в «Нож и Топор». То есть, если кто не понял, этот вход для меня тоже был заказан. Придется по старинке, через крышу. Вот только следовало это сделать не при помощи паутинки, а желательно с крыши соседнего здания. Иначе и доралиссцы, и парни Маркуна очень сильно удивятся человеку, собравшемуся ни с того ни с сего покорять крышу трактира, а не входить через дверь, как все добропорядочные граждане, которым нечего скрывать ни от гильдии воров, ни от тупых козлиц.

Я заприметил дом, стоявший слева от трактира. Крыши обоих строений почти соприкасались — так плотно дома стояли друг к другу. Насколько я помнил, в доме по соседству с трактиром был какой-то притон, там покуривали неплохую травку-красавку^[23], привозимую из далекой Джашлы. Я решительно направился к этому старому дому и забарабанил в дверь.

Довольно долго никто не открывал, видно, ребята, основательно обкурившись, подумали, что их беспокоит кто-нибудь из богов, и решили попросту, что у богов навалом своего зелья и им в этом уютном притоне делать нечего. Или просто-напросто хозяева заведения позабыли, как

открывается дверь.

Я постучал еще раз. И еще раз. А затем еще. Ноль внимания. Интересно, этим ребятам никто не говорил, что чрезмерное употребление красавки разжижает мозги и превращает человека в законченного идиота? Видимо, нет. Ладно, Х'сан'кор с ними! Придется искать другой путь — время поджимало, сумерки еще больше нависли над городом. Сумерки никак не переходили в ночь, а все оттого, что было лето, а летом у нас на севере темнеет очень поздно. До полуночи осталось чуть меньше часа, пора поторапливаться, если я хочу успеть попасть в трактир до начала представления.

Вот тут-то дверь притона, куда я безуспешно тарабанил последние пять минут, открылась. В нос ударил нежный аромат красавки, и я сморщился, как от зубной боли. Жуткое зелье. Знал я парочку ребяток, неплохих в общем-то людей, которых Маркун, сожри его королевские гарринчи, посадил на красавку. Очень эффективный способ безболезненно избавиться от ненужных забот. А главное — руки чисты, никто и не посмеет тебя обвинить в том, что, обкутившись, ребята сошли в могилу менее чем за два месяца.

— Ну? — хмуро спросили меня из-за полуоткрытой двери.

Интересно, почему все, к кому я стучусь в дверь, не очень рады меня видеть? С этим надо что-то делать! Прямо мания какая-то — не пускать меня, самого обаятельного и доброго парня в округе, в дом!

— Так! — Я сразу взял Х'сан'кора за рога.

Отодвинув полудохлого выюношу, открывшего мне дверь, вошел в дом, стараясь дышать как можно реже. Пары красавки, как я уже говорил, довольно сильно действуют на неокрепший и непривычный к этому наркотику мозг.

— Чего так? — ошалел выюноша от моей наглости и немного очнулся от погружения в мир грез.

— А то, сучий ты кот, — зловеще прошипел я и поманил парня пальцем.

Тот, как послушный теленок, подошел и наклонился, чтобы узнать, чего это я там шепчу. Я же проворно схватил обкутившегося обалдуя за ухо и сильно дернул.

— Ай! — завопил выюноша и запрыгал на носочках, когда я приподнял его ухо куда-то к потолку. — Больно!

— Нисколько не сомневаюсь. Еще не так будет больно! Вы почему не платите?! — Я грозно сдвинул брови.

— Кому-у-у-у? — взвыл выюноша не своим голосом.

Кажется, за минуту мне удалось сделать то, что не удавалось сделать всем лекарям больницы Десяти мучеников за целый год. Наркотический дурман с треском вылетел из дырявой головы вьюноши.

— Вы что, считаете тут себя звеном Борга?! Почему не заплатили доблестной страже, которая не щадя живота своего защищает вас, бездарей, от бед и напастей?

— Я не знаю-ю-ю! — заныл вьюноша, видно желая, чтобы я исчез, как его наркотические видения, но не тут-то было. — Это те-етка!

— Где эта тетка? — рявкнул я и еще раз дернул беднягу за ухо.

— Здесь я, — раздался угрожающий гром у меня за спиной. — Отпусти клиента.

Не спеша выполнять прозвучавший приказ — ухо клиента могло мне еще пригодиться, — я обернулся и в буквальном смысле уткнулся носом в живот этой самой тетки. Пришлось задрать голову вверх, чтобы увидеть ее лицо. Ого! Надо сказать, что, встретить я ее в чистом поле, пробежал бы без оглядки лиг двадцать, не меньше. Клянусь родной мамочкой, но в предках у этой тетки было никак не меньше десятка троллей и парочки великанов, правда, это попросту невозможно, ни один бог не потерпит на Сиале такого существа. Но генеалогию тетки живо пришлось забыть, когда в ее руках было замечено оружие — гигантская деревянная скалка. Хотя и скалкой-то ее не назовешь. Это по меньшей мере дубина, одним ударом которой запросто можно было сшибить на землю рыцаря вместе с лошастью. Поняв, что сейчас эта штука опустится на макушку некоего Гаррета, я стал действовать.

— Ты! — грозно зарычал я и, отпустив ухо скулящего вьюноши, ткнул пальцем в объемистое брюхо тетки. — Хочешь вылететь из города вместе с отравой, которой здесь торгуешь?! А?

Тетка опешила никак не меньше вьюноши. Видно, обычно те, кто видел ее, замирали и становились махонькими неприметными мышатами, лишь бы скалкой по голове не получить. А тут пришел какой-то тип, горланит и нисколько ее не боится.

— А в чем дело... — Она помялась, а затем все же через силу произнесла на всякий случай: — Господин?

Правильно, неизвестно кем я могу оказаться, так что лучше подстраховаться на всякий случай и назвать незнакомца господином.

— И она меня спрашивает, в чем дело? — Я горестно покачал головой и цокнул языком. — Ты хозяйка этого свинарника?

— Ну, я, — уже куда решительней ответила тетка.

Еще немного, и она придет в себя, и тогда весь мой блестящий

экспромт, как морские волны, разобьется об ее непробиваемую стену уверенности и мощи.

— Что хозяйка ты, это радует, — буркнул я, обходя тетку и направляясь к лестнице. — Куда ведет эта лестница?

— На крышу. — Тетка следовала за мной по пятам, недоуменно и подозрительно хмурясь.

— Пойдем поговорим без свидетелей, — не оборачиваясь, гаркнул я, строя из себя большую шишку. — Ты почему не платишь за охрану?!

— Ты из стражи, что ли? — озабоченно спросила тетка, топая за спиной.

Лестница жалобно скрипела и ходила ходуном. Я боялся, что она не выдержит и мы вместе с теткой ухнем вниз. Самой ужасной перспективой было приземление первым. Вот будет здорово, если эта туша грохнется на меня сверху и превратит Гаррета в очаровательную круглую лепешку!

— Неужели догадалась? — презрительно фыркнул я.

— Но я же заплатила! — запротестовала тетка. — В этом месяце заплатила!

— Мда? Тогда почему я здесь? — Я продолжал ломать комедию.

На втором этаже красавкой воняло еще сильнее. Прямо на полу, привалившись к стенам, сидели бледные любители травки. Сизый дымок наводнил коридор призрачным кружевом наркотических мечтаний, и я молнией пролетел через него, иначе, с непривычки надышавшись этой дрянью, прямо тут можно отбросить копыта, улетев в далекие разноцветные сны.

Мой план почти удался. Естественно, тетка платила страже, чтобы те закрывали глаза на ее маленькое дело и не трогали этот дом. Естественно, наглым нахрапом мне удалось проникнуть туда, куда просто так меня ни за что бы не впустили. Тут я увидел еще одну лесенку, ведущую на крышу, и принялся карабкаться наверх.

— Говорю вам, господин, я самолично расплатилась с неделю назад. Пятнадцать золотых, прямо в руки капрала.

— Ага! — Я уже стоял на крыше, по соседству располагалась крыша трактира Гозмо. — Ну, раз капралу, тогда вопросов больше нет. Бывай.

Я мило улыбнулся — женщинам обычно нравится моя улыбка — и в два прыжка оказался на крыше трактира. Тетка недоуменно смотрела на меня с соседней крыши. Все же для своего размера соображала она очень быстро. Поняв, что ее просто-напросто надули, она обдала меня забористой бранью, а затем швырнула скалку. Я родился под счастливой звездой и вовремя пригнулся. Здоровенная дубина, грозно шелестя, пролетела у меня

над головой и с грохотом врезалась в несчастную крышу трактира. Дыру она не пробила, врать не буду, но пару черепиц распылила в мелкий красный порошок. Естественно, я не стал дожидаться, когда тетке взбредет в голову достать липового собирателя дани руками, и нырнул в маленькое чердачное окошко.

Нырнуть-то нырнул, но чуть не наступил на заботливо оставленный кем-то капкан. Охотнички, жарь меня темные эльфы! Таким капканом нужно ловить, по крайней мере, взрослого обура! Право слово! Узнаю гостеприимство дружка Гозмо!

На чердаке было пыльно и грязно, поэтому люк в полу, ведущий в трактир, я нашел с большим трудом, только после того, как разгреб ворох старого тряпья, постоянно чихая от пыли. Люк оказался заперт, причем с той стороны, и, прежде чем мне удалось его открыть, я раз десять успел проклясть и замок, и Гозмо, и ребят Маркуна вкупе с тупыми доралиссцами.

Лестницы вниз не было, и я просто спрыгнул на пол второго этажа, чуть не зашибив проходящего по коридору Гозмо. Трактирщик взвизгнул от неожиданности и отшатнулся к стене, со страху чуть ли не повторив подвиг Вухджааза. Какой подвиг? Тот самый, по прохождению стен насквозь.

— Гаррет! Ты меня в гроб вгонишь! — сплюнул он, когда все же узнал меня. — Нельзя было выбрать менее экстравагантный способ прихода в гости?

— Ты сделал все, как я сказал? — Я проигнорировал его вопрос.

В гости к Гозмо ходить мне в последнее время разонравилось.

— Да! Будь ты трижды неладен! Маркун с ребятами уже второй час здесь.

— Уже? — Глава гильдии воров, как всегда, нетерпелив. Решил прийти намного раньше указанного срока. — Ладно, его дело. Хотя могу поспорить настроение у него плохое.

— Плохое?! — Гозмо в отчаянии заломил руки. — Мне крышка! Как только он узнает, что никакой сделки не будет, его ребята нас порешат!

— Не ной, — беззлобно бросил я. — Теперь отступать тебе некуда.

Что верно, то верно. Даже захоти Гозмо обелиться и выдать меня Маркуну, трактирщик все равно покойник. Толстый слизняк, по ошибке богов ставший главой воровской гильдии Авендума, обмана не прощает, и при неудачном выпадении костей Гозмо ждали приветливые пирсы. А затем безымянный надгробный камень. Если он вообще будет, а то даже и камня не поставят. Городские власти не очень-то раскошеливаются, отправляя в последний путь неизвестных покойничков. Проще закопать где-нибудь за

Пригородом, в братской могиле для бездомных, и забыть.

— Будь проклята та ночь, когда я тебя послушался, — буркнул Гозмо.

Скорее всего, и его посещали аналогичные мысли о братской могилке.

— Не надо паниковать, это делу вредит. Лучше подумай о приятном. Свою долю золота ты уже получил?

— Нет, — нахмурился Гозмо. — Проклятый толстяк обещал заплатить после заключения сделки.

— Будет тебе сделка, будет. Ровно в полночь. Налей пока ребятам пива, чтобы не скучали. А то они могут расстроиться и начать громить заведение.

— За чей счет налить? — Тепла в глазах старого вора было не больше, чем в сосульке на перевале С'у-дар.

— За свой, естественно, или ты думаешь, я пожертвую хотя бы медяком, чтобы наполнить брюхо Маркуна?

Гозмо так не думал, поэтому в очередной раз сплюнул на пол. Я стал беспокоиться, что во тьме его заставят лизать горячую сковородку^[24].

— Иди займи их делом и пивом. Я — в кабинет.

— Угу, дорогу знаешь, — буркнул Гозмо и направился к лестнице, ведущей на первый этаж.

В отсутствии верности и любви к моей персоне со стороны Гозмо я не сомневался, но продавать меня ему было действительно невыгодно. Лучше положиться на то, что авось Гаррет что-нибудь придумает и все обойдется.

Кабинет находился прямо над залом трактира. Это была маленькая комнатка, совсем небольшой закуток вроде кладовки. В ней был лишь одинокий старый стул. Примечательной частицей кабинета являлся волшебный пол. Для тех, кто сейчас внизу и смотрит на потолок, он покажется обычным потолком, и ничего более. Для меня же, находящегося на втором этаже, пол был прозрачным, и становилось прекрасно видно то, что творилось внизу, на первом этаже. Насколько я знаю, Гозмо сам случайно обнаружил это волшебное свойство, после того как один подвыпивший недоучка-маг что-то со злости сотворил с ни в чем не повинным полом. Что ни говори, но иногда и от магов бывает польза! После такого неприятного казуса так называемый кабинет превратился в очень удобный наблюдательный пункт. Об этом чудесном свойстве пола я узнал совершенно случайно. Старина Гозмо в тот день слишком перебрал, и его язык работал быстрее, чем мельничные крылья. На следующий день трактирщик, конечно, все отрицал, но я все же загнал его в угол, и Гозмо пришлось признаться и даже показать мне волшебный пол. Так что сегодня представление я буду смотреть с должным удобством, а главное, с абсолютной безопасностью для себя.

Посетителей, как я и полагал, в этот день предусмотрено не было. Ни один нормальный, да и ненормальный тоже, не полезет в осиное гнездо, особенно когда главная оса — это Маркун собственной персоной. Лучше уж пересидеть один денек дома, без выпивки. Или наведаться в трактир на соседней улице. Гозмо, видимо, не разделял мнение завсегдатаев, не решившихся навестить сегодня его заведение, но страдал, надо отдать ему должное, молча.

Роль посетителей взяли на себя верные шакалы Маркуна, рассеявшиеся за столами в количестве двух дюжин штук. Именно штук. Эти парни всего лишь живые придатки мечей и грубая сила, безропотно исполняющая приказы главы воровской гильдии, и ничего более. Ребята дули дармовое пиво, поставленное им щедрым Гозмо, так и мелькавшим от стола к столу, выполняя заказы нагловатых бандюг. Вся шайка оказалась прилично вооруженной и, видно, пришла сюда на минутку, только ради того чтобы промочить горло, прежде чем начать войну с Неназываемым. Во всяком случае, имевшегося при ребятах арсенала вполне должно было хватить на маленькую войну. Да и рожи у любителей дармового пивка были мрачны, видать, только что с похорон любимого дедушки, не иначе. Я искренне не позавидовал следующей трупке актеров, которая вот-вот должна нагреться. Спектакль, чувствую, будет жарким.

Его Величество, Милорд Толстая Задница, Глава Шайки Трупоедов, недостойной звания Воровской гильдии Авендума, сидел за отдельным столиком, располагавшимся прямо подо мной. Если бы между нами не было преграды пола, я бы с огромнейшим удовольствием и несказанной радостью плюнул ему на плешивую голову, благо он это заслужил тысячу один раз.

Толстый, можно сказать жирный, глава гильдии был выряжен побогаче, чем павлины во дворце султана. Бархатный камзол темно-коричневого цвета, достойный короля, а не владельца трех подбородков и заплывших крысиных глазок. Маркун был мне противен, как вообще может быть противен слизняк, обманом подмявший под свою необъятную тушу некогда прекрасную и всесильную гильдию воров. Маркун являлся опасным противником, и раньше мы как-то могли разойтись на узенькой тропинке интересов и заказов, но вот пришло все же время, и она стала слишком узка для нас двоих.

Напротив Маркуна, спиной ко мне, сидел человек в черном камзоле и наброшенном на него плаще. Лица я его разглядеть не мог, но догадывался, что это за тип. Бледный, не иначе. Так и знал, что он будет здесь сегодняшней ночью. Что ж, актеры первой труппы в сборе.

Они о чем-то говорили, сидящий ко мне спиной человек пару раз раздраженно и нервно взмахнул руками, но Маркун обратил на Бледного (буду называть его так, пока не рассмотрю лицо) внимания не больше, чем гуль на изглоданную берцовую кость.

Слышно ничего не было, магия звука должна подействовать на меня лишь через несколько минут. Кстати, они уже давно прошли...

— Что ты нервничаешь, Ролио? — Голос Маркуна возник в кабинете внезапно.

— Я нервничаю? — зашипел человек, сидящий ко мне спиной.

Действительно, Бледный. Его голос. Значит, парня зовут Ролио.

— Не нравится мне все это.

— Что не нравится? — Спор, кажется, шел уже давно, и Маркун потихоньку начал раздражаться.

— Покупатель. Как он узнал, что у тебя этот Конь? Да и денег у него столько откуда?

— Какая тебе разница? Не думаю, что Гозмо посмеет меня обмануть. Да и покупатель — это не наша забота, — хохотнул Маркун.

— Тут ты правильно сказал, — буркнул Бледный, вставая со стула.

Тут я наконец смог рассмотреть его рожу. Несколько ожогов и куча царапин на лице делали Бледного похожим на выходца с того света. Не так-то просто быть красивым, пострадав от достопамятного огненного шара Родерика. Да и рука до сих пор на перевязи — попадание Болта, да пребудет он в свете, давало о себе знать.

— Это не наша забота! Это твоя забота! Именно тебе наш общий знакомый дал Заказ на Коня, а не мне. И именно ты будешь рисковать своей дурной башкой, если собираешься кому-то продать Камень, обойдя стороной заказчика!

— А мне помнится, что именно наш общий знакомый приказал тебе убить Гаррета, но, как видно, вор еще жив, а вот ты выглядишь не краше нежити. А еще очень даже помнится, что мои лучшие люди так и не вернулись после твоих афер. Двое остались в безымянном переулке, трое по дури попались страже в библиотеке, тут еще надо поинтересоваться, какой тьмы страже там понадобилось. Еще трое самых опытных людей пропали где-то на Закрытой. И всех посылал ты, прикрываясь моим именем! Мне этот Гаррет нужен как орку дудочка! Ты его должен шлепнуть, а не я! Вот и действуй!

— Не я послал твоих шакалов на Закрытую, — перебил Маркуна Бледный. — Это слуга Хозяина.

— Ой, вот только не надо, Ролио. — Маркун презрительно отмахнулся

от Бледного. На толстой роже главы гильдии читалось откровеннейшее презрение ко всему миру и Бледному в особенности. — Это ты меня втравил в ваши дела с Хозяином. Знал бы, никогда б не сунулся.

— Да ладно, Маркун. Ты служишь Хозяину с тех времен, когда меня даже в Авендуме не было! Так что не надо вешать всех утопленников на мою шею! Я просто тебе напомнил, что хватит получать деньги за красивые глаза и пора за них расплатиться услугами с нашим повелителем. Да и грех тебе жаловаться, — хмыкнул Бледный и вновь сел на стул. — Золота ты с ребятами получил достаточно.

— Мою голову золото не спасет, — буркнул Маркун.

— Твою голову ничего не спасет, если ты продашь Коня! — рявкнул Бледный, выходя из себя.

Несколько шестерок Маркуна отвлеклись от кружек с пивом и посмотрели: что это там творится за столом у начальника?

— Я не собираюсь продавать Коня! — отрезал Маркун и стукнул пухлой рукой по столу. — Мы просто заберем деньги, а покупателя — под пирс! Неужели ты считаешь меня настолько тупым, чтобы я рискнул отдать этот Камень кому-либо, кроме слуги Хозяина? Ты лучше разберись с собственным заданием и отправь наконец в свет нашу общую проблему.

— Отправлю, — уже более примирительно буркнул Бледный. — Не сегодня-завтра Гаррету не жить.

— Ты это говорил дней пять назад, — мерзко хихикнул Маркун. — Я уже начинаю сомневаться в твоих профессиональных качествах.

— Ты лучше думай, как в целости и сохранности сберечь Коня, пока за ним не придет наш заказчик.

— А чего его беречь? — Маркун искренне удивился. — Он всегда при мне.

Глава гильдии небрежно щелкнул пальцами, и один из бандюг тут же поставил ему на стол пресловутого Коня Теней.

Я всегда говорил, что доралисцы — довольно странные создания. Только они могли обозвать нечто, больше похожее на фаллос какого-то древнего языческого божка Конем Теней. Если это Конь, то я император Заозерной империи.

— Эй, Гозмо! — крикнул Маркун на весь зал. — Ну и где твой покупа...

Договорить, увы, он не успел. Сразу же случилось несколько неприятных для находящихся в зале трактира вещей.

Дурно блея, а это они умеют проделывать мастерски, в зал через обе двери стали вбегать доралисцы. За главного, как я понял, у них был мой

старый друг и знакомый — Глок. Настроение у козлов было отвратительнейшее, и, судя по зажатым в руках дубинкам, они собирались вот-вот пустить их в дело. Если людей было всего две дюжины, то козлов набилось в зал штук пятьдесят. В трактире сразу стало тесно и запахло жареным.

Доралиссцы на этот раз почти смогли меня удивить. Десяток козликов догадались захватить с собой арбалеты, но по глупости своим преимуществом воспользоваться не смогли. Им бы вначале выстрелить, а потом уже лезть в схватку. Как всегда это бывает у доралиссцев, все вышло наоборот. Те, кто арбалетов не имел, тупо поперли вперед, оставив стреляющую братию у себя за спиной. А те, кто был с арбалетами, тоже божеским терпением не отличались и решили, что чем раньше они выстрелят, тем лучше. Ну и выстрелили. Из десяти болтов три попали в стену, шесть — в спины перших напролом козлов, и лишь один болт, видно совершенно случайно, вошел в плечо сидящему за столом человеку Маркуна.

Не умеют доралиссцы пользоваться козырями. Убив шесть соотечественников, козлы в недоумении остановились, соображая, каким это образом они умудрились попасть в собственных собратьев по оружию.

Ребята Маркуна, не ожидавшие, что вот так, враз, попадут на козью ферму, вскочили из-за столов, опрокидывая стулья, и схватились за оружие, благо времени у них было навалом. Все доралиссцы до сих пор тупили, как заправские... э-э-э... доралиссцы.

В самом начале потасовки Гозмо нырнул от греха подальше под стойку. За его здоровье, если честно, я нисколько не опасался. Готов заложить собственную печень — у него под пивным бочонком какой-нибудь тайный лаз, и через пару минут трактирщик будет уже далеко отсюда.

— Конь! Наш Конь! — заорал Глок, заметив одиноко стоящий на столе Камень.

— Воры! — дружно заблеяли доралиссцы, выходя из ступора.

И пошла потеха!

Вопли, крики, гвалт, звон оружия. Мертвые и раненые, кровь во все стороны. Козлы, видно, завелись серьезно и не собирались щадить новых владельцев их реликвии.

Доралиссцы, как всегда, шли напролом. Понять, что они очень даже быстро могут умереть, мозгов у козлолюдей попросту не хватало. Ребята отчаянно отбивались от нападающих врагов, размахивая мечами, ножами и табуретками, но силы все же были неравны, и ряды гильдии заметно

уменьшились. Впрочем, как и доралиссцев.

Маркун что-то трусливо визжал из-за спин бандитов, те вопили и ругались, стараясь не подпускать к себе взбесившихся от ярости доралиссцев. Бледный крутился волчком, нож в его здоровой руке так и сверкал, и уже пяток козлов лежали вокруг него мертвыми куклами. Но люди были обречены, пара минут — и их просто сомнут количеством.

Кто-то из доралиссцев успел добраться до Коня. Он торжествующе блял, отбросив в сторону дубинку и держа святыню высоко над головой. Тут же этим воспользовался один из ребят Маркуна и, всадив нож под лопатку козлу, вырвал Коня из рук умирающего.

Сколько времени эта бойня могла продолжаться, не знаю, но на сцене появились новые актеры.

Из стены выскочил Вухджааз, до смерти перепугав оборонявшихся от доралиссцев людей. Козлы же ничего не поняли, или им было просто все равно, кого мутузить дубинками, — инстинкт самосохранения у этих существ отсутствовал напрочь.

— Вухджааз умный, — сообщил демон всем присутствующим и одним ударом лапы оторвал голову Маркуну, у которого в руке каким-то чудом оказался Конь Теней.

Демон торжествующе заревел и протянул к сокровищу лапу. Нахрабрейшие доралиссцы, презрев опасность и последствия, бросились на демона, посмеявшегося посягнуть на их святыню. Вухджааз очень сильно расстроился и устроил форменную козлорубку. Видно, демон все же был немножко подслеповат, потому как пару раз довольно сильно промахнулся и попал лапами по стенам, сотворив в них большие дырки. Настолько большие, что парочка бандитов, поняв, что защищать труп Маркуна не очень интересно, а главное, опасно для здоровья, выскользнули через новоявленные двери в стенах на улицу. Остальные прорваться не успели. Путь им преградил жутко расстроенный братец Вухджааза, демон с почти непроизносимым именем — Шдуырук. Он рывкнул для затравки, протоптал в кучке перепуганных бандитов широкую просеку, подмяв под себя троих обалдевших от такого количества демонов, а следовательно, забывших вовремя отскочить из-под ног Шдуырука людей.

Видя только ненавистного брата, бараноголовый демон целеустремленными скачками направился на незапланированное свидание с Вухджаазом. Тот в это время стоял к брату спиной и был слишком занят ночной зарядкой и уменьшением количества доралиссцев в мире Сиалы. На моих глазах умный демон схватил за шкуру Глока и откусил однорогую голову, затем заработал лапами, кромсая козлов направо и налево. Но

доралиссцам посчастливилось, и целый пяток из пятидесяти уцелел. Умному демону стало не до козлов. На полной скорости Щдуырук заехал рогами Вухджаазу в спину. Серый демон потерял опору, пролетел через весь трактирный зал, сметая столы и стулья, и с грохотом врезался в стену. Я даже на миг зажмурился, удар был страшным, и стена пошла веселой змейкой трещин. Но моему умному приятелю на это было плевать, он резво вскочил на лапы и, оглушающе зарывав, бросился сводить счета с братом.

И люди, и доралиссцы вжались в стены, стараясь не попасть под ноги дерущимся демонам. Удивительно, но в кучке оставшихся в живых я заметил Бледного. Парень тихонько пробирался к дырке в стене, которую пробил Вухджааз. Если демоны не отвлекутся от сведения счетов, то убийца ускользнет. Клянусь Саготом, в очередной раз ускользнет!

В этот момент Вухджаазу удалось схватить своего низкорослого братца, и я стал со все возрастающим изумлением наблюдать, как Щдуырук летит к потолку. Удар, от которого, казалось, вздрогнул пол под ногами, — и перед моим ошеломленным и, чего уж скрывать, испуганным взором предстала баранья голова Щдуырука, пробившая пол. Голова была тут, тело осталось где-то в районе первого этажа. Щдуырук потряс головой, поводит изумрудными глазами из стороны в сторону и тут заметил меня. Секундная немая сцена, а затем полный ненависти рев:

— Гаррет! Подлый обманщик! Да я тебя...

Что он меня, Щдуырук ни сказать, ни тем более сделать, к счастью, не успел, потому как Вухджааз дернул братца за ноги, и голова демона исчезла, оставив после себя здоровенную дырку в полу.

Пронесло, славься все боги Сиалы! Пронесло! Я начинал подумывать: куда запропастился Арцивус с кавалерией и не стоит ли убраться подобра-поздорову, пока есть такая возможность?

Между тем схватка внизу продолжалась. Грохот в трактире стоял вселенский, оставшиеся на ногах люди и доралиссцы старались не попасть под горячие лапы демонов. Бледный, как я предполагал, в очередной раз смог ускользнуть. В кучке людей его не наблюдалось.

Жуткий вой ударил по ушам, и я схватился за голову, опасаясь, что сейчас оглохну. Щдуыруку удалось повалить на пол Вухджааза, и теперь бараноголовый победно вырывал из спины собственного братца здоровенные куски мяса. Вухджааз орал благим матом, но, видно, поделаться ничего не мог. Понимая, что победитель, кажется, определился, и зная по сказкам злопамятность демонов, я решил не рисковать и смыться, пока Щдуырук не вспомнил о моей персоне. Про Коня Теней приходилось попросту забыть и надеяться, что, овладев артефактом, Щдуырук все же

свалит в далекие края и забудет о некоем Гаррете...

Хотя постойте! Он не сможет взять Коня! Ведь ему должны его отдать в руки либо люди, либо доралиссцы! Тем лучше!

Я встал со стула, и в этот момент наконец явились последние участники спектакля.

Оглушительно бумкнуло, и прямо из разреженного воздуха стали появляться маги Ордена. Пять, семь, десять, двенадцать! Да тут весь Орденский совет во главе с Арцивусом, да еще и демонологи в придачу!

Демонологи — маги в черных балахонах с золотистой окантовкой на рукавах — дружно взмахнули руками в явно театральном жесте, который так нравится толпе, и вокруг демонов засияла магическая сеть, сотканная из бледно-серых лучей. Вухджааз завыл еще яростнее, попытался порвать волшебные путы, но что-то сверкнуло, и его ощутимо обожгло. Щдуырук тоже попытался вырваться. Рывкнул что-то на гортанном и непонятном языке, сеть в одном месте побледнела, и я уже стал подумывать, что рыбка вырвется из невода, но Арцивус небрежно махнул рукой, и невидимый молот со всей силы ударил бараноголового демона в грудь. Тот шлепнулся на Вухджааза и затих.

— Стягивайте потоки, — кашлянул Арцивус и зябко поежился. Видно, старикан неуютно чувствовал себя без очага под боком. — Дело сделано.

Сеть вокруг неподвижного Щдуырука и хрипящего Вухджааза начала стягиваться, оплетая тела демонов. Я с удивлением заметил, что оба монстра стали постепенно уменьшаться в размерах. Серая сеть сияла все ярче и ярче. Вскоре на том месте, где пару минут назад воевали два здоровенных чудовища, остался маленький, слабо светящийся шарик, с кулак величиной, не больше. Надеюсь, что моим демоническим друзьям там не очень тесно и неудобно. Маги спеленали их от души.

— Возьмите их, мастер Родган, — кивнул Арцивус в сторону шарика. — Поместите тварей в надежную клетку и примитесь за изучение. Совет поможет по мере своих скромных сил.

Один из демонологов, попросту не способный скрыть радость, быстро кивнул и, подняв шарик с забрызганного кровью пола, аккуратно спрятал его в небольшую сумку. Что ж, у демонологов наконец-то есть шанс изучить настоящих живых демонов, а не фолианты с их описанием.

Арцивус, не обращая внимания на мертвецов и перешагивая через трупы, как будто это были не мертвые люди и доралиссцы, а камни, подошел к обезглавленному телу Маркуна и поднял Коня Теней.

— Не двигаться! Именем короля! — этот крик отвлек меня от Арцивуса, и я увидел, как врывающиеся в двери стражники во главе с

бароном Лантэном отлавливают попытавшихся скрыться с места происшествия оставшихся в живых людей и козлов.

— А, барон, — кашлянул Арцивус. — Вы, как всегда, немного задержались...

— Что с ними делать, ваше магичество? — Фраго, казалось, несколько не смутился от горькой иронии, прозвучавшей в голосе архимага.

— Откуда я знаю? — Арцивус небрежно пожал плечами. Его несколько не заботила дальнейшая судьба участников заварушки. — Это ваше дело, барон, допросите, а затем поступайте, как считаете нужным.

Барон кивнул, приложил руку к груди и вместе со своими ребятами направился к выходу, ведя под конвоем десяток людей и пятерых доралиссцев — всех, кому посчастливилось пережить эту ночь в трактире «Нож и Топор». В бывшем трактире... То, что осталось от здания, особенно первый этаж, сложно было назвать увеселительным заведением. Разруха, кровь и мертвецы на полу. Тут придется очень хорошо поработать, чтобы придать заведению божеский вид.

Арцивус передал Коня одному из архимагов и, подняв голову к потолку, раздраженно произнес:

— Гаррет, ты долго намереваешься просидеть на стуле или все же соизволишь спуститься вниз?

Вот тебе и потолок! Для магистра он оказался так же прозрачен, как и для меня. Пришлось спускаться к Арцивусу и еще парочке архимагов, находящихся рядом с ним. По дороге возникла мыслишка улизнуть через крышу, но не думаю, что это была удачная идея. Арцивус был не в духе, впрочем как и всегда, а заканчивать век лягушкой никакого желания не было.

Как я уже говорил однажды, взгляд его магичества не предвещал моей персоне ничего хорошего. Но на этот раз архимаг не собирался немедленно спускаться с меня шкуру, хотя вопросов мне было не избежать.

— Явился, — хмыкнул старикан. — Пойдем со мной, у меня есть к тебе парочка вопросов.

Ну, что я говорил?

Старина Гозмо так и не вылез из-под стойки, и я еще больше уверился в том, что его давно и след простыл.

Стараясь не смотреть на покойников, я последовал за сгорбившимся Арцивусом, оставившим трактир на попечение двух архимагов. Думаю, они так просто это место не покинут, а перевернут его раз десять и докопаются до таких глубин, которые не снились даже Королевским песочникам.

Было темно до жути, никто не озаботился зажиганием ночных

фонарей, ни в одном окне не горел свет. Но я уверен, что спавших на улице Сонного Пса не было. При том шуме, что раздавался из трактира в последние десять минут, не смогли бы спать даже глухие тролли. Будет завтра разговоров по всему городу. Таких небылиц наплетут якобы присутствовавшие на месте происшествия и все видевшие своими глазами! В итоге все сойдутся на том, что в трактир нагрянул сам Неназываемый, которому не понравилось пиво Гозмо, но храбрые маги Ордена показали ему фигу и отправили за Иглы Стужи. А чем не история? В меру глупая, в меру загадочная, народец такие любит и ухватится за нее, как раки за добычу.

Перед трактиром стояла уже знакомая мне по поездке с бароном Лантэном карета. Выходит, она принадлежит не королю, а Арцивусу! Так вот чья это была идея — послать меня в Храд Спайн! Старенький маг-маразматик удружил, нечего сказать!

— Мне в карету? — на всякий случай спросил я.

— Можешь бежать рядом, если хочешь, — хмыкнул Арцивус и, кряхтя, стал в нее залезать. С двух сторон архимага поддерживали за локти кучера, помогая забраться внутрь. — Или ты думаешь, что я такой большой любитель прогулок пешочком? А может, мне стоит использовать на обратный путь телепортацию? Первым способом я уже лет двадцать не пользовался — прогулки пешочком остались в далекой молодости, — а второй пожирает такое количество энергии и перебрасывает на столь короткие расстояния, что пользоваться им нужно только очень редко, в необычных случаях. В таких, например, как сегодняшний.

Арцивус еще раз нехорошо посмотрел на меня. Я прикинулся невинным ягненком, но взгляд мага выдержать не сумел и поэтому стал глазеть в окно, благо на этот раз оно не было забито досками.

— Холодно, — буркнул Арцивус и взял лежащее рядом с ним шерстяное одеяло.

Лично я никакого холода не чувствовал, летняя ночь была теплой.

— Ладно, рассказывай.

«Что рассказывать?» — хотел спросить я у мага, но передумал. И дохлому гоблину понятно, что желал узнать от меня Арцивус.

— Давай я тебе помогу, — усмехнулся старик. — Начни с того, как ты узнал, у кого находится Конь и каким образом в Авендуме вновь объявились демоны, которые, по твоим словам, исчезли на веки вечные.

Я глубоко вздохнул, собрался с силами и начал рассказывать. Правду, и ничего кроме правды. Первую часть моей истории Арцивус уже слышал, так что я только чуть ее подправил, добавив разговоров с демонами.

Дальше пришлось рассказывать о Закрытой территории, но я сослался на то, что это слишком долгий разговор, и моя история ограничилась только — пришел, забрал, ушел. Все подробности я оставил на следующий раз, надеясь, что следующего раза не случится. Но Арцивус только еще раз хмыкнул и пообещал, что король будет не так добр, как он, поэтому мне придется рассказать ему всю историю полностью.

Я тяжело вздохнул, давая понять, что раз король требует, то куда тут мне деваться.

Карета везла нас по ночному городу, как я понял, без всякой цели. Кучерам дали задание просто возить нас по столице, пока Арцивус не наговорится и не удовлетворит свое любопытство. По моим подсчетам, мы колесили уже второй час, а проклятый старик никак не мог успокоиться и отстать от бедного и уставшего Гаррета. Разговор с демонов перешел на Коня, с Коня на Хозяина, с Хозяина на Храд Спайн, с него опять на Коня... Это тянулось бесконечно!

Все же архимагу это тоже надоело или он попросту замерз и рвался к горячему очагу, но вопросы у него в конце концов иссякли.

— Ладно, вор, — сказал старик и посмотрел в окно. — Скоро утро, мне давно пора спать, а не колесить по городу, сейчас я отвезу тебя...

— Куда, ваше магичество? — недоуменно спросил я.

— Естественно, к королю! За тобой нужен глаз да глаз, иначе ты попадешь в такую заваруху, из которой тебя не вытащат даже Бобровые шапки!

— Но неделя отпущенного срока еще не кончилась! — запротестовал я.

— Знаю, — отрезал Арцивус. — Вот только этой недели у нас нет. Выступать нужно немедленно. Не сегодня, так завтра. События стягиваются в тугой узел, и мы скоро будем невластны над ними. Так что ждать окончания недели — это самоубийство.

— Хорошо, но мне в любом случае нужно забрать бумаги, добытые на Закрытой территории. Я приду во дворец завтра. Точнее, сегодня утром.

— А что, бумаги разве не у тебя? — удивился Арцивус.

— Нет, я ведь не дурак таскать их повсюду с собой, — соврал я, чувствуя, как бумаги жгут тело сквозь сумку.

— И куда же ты их запрятал? — хмыкнул Арцивус, говоря этим, что он не слишком высоко оценивает умственные способности сидящего напротив него Гаррета.

— В надежное место, — уклончиво ответил я.

Ну не рассказывать же мне главе Ордена, что надежное место

называется обыкновенной сумкой и висит у меня на поясе! Чего доброго волшебник расстроится и увезет к королю, не дав попрощаться с Фором. А в том, что из дворца меня уже не выпустят заботливые гвардейцы, я почему-то нисколько не сомневался.

— В надежном месте, — недовольно буркнул архимаг. — В наше время надежных мест почти не бывает, Гаррет! И я немного удивлен, что именно ты об этом ничего не знаешь! Гм, гм... Хорошо, пускай будет по-твоему. Но учти, если к завтрашнему вечеру ты не появишься во дворце, я лично займусь твоим поиском.

— Не извольте сомневаться, ваше магичество, буду. — Я поспешил уверить Арцивуса в своей кристальной честности.

Думаю, что старый волшебник мне абсолютно не поверил, но он крикнул, чтобы остановили карету. До Фора мне придется добираться пешком.

— Всего хорошего, Гаррет. — Арцивус дал понять, что я свободен.

— Доброй ночи, ваше магичество. — Я тоже не ударил в грязь лицом.

Когда надо, я могу быть крайне вежливым. Я вылез из кареты и закрыл за собой дверцу.

Так, я, кажется, находился на границе Внешнего и Внутреннего города, до Соборной площади идти не больше одного квартала. Справлюсь.

Кучера гикнули на лошадок, и те бодро потрусили вперед. Но карета проехала всего лишь несколько ярдов и остановилась.

— Эй, ты! — крикнул мне один из кучеров. Ну что за люди? Ни манер, ни доброго расположения духа к несчастному ночному прохожему!

— Подойди, его магичество зовет.

Пришлось тащиться назад и открывать дверь кареты, чтобы лицезреть укутавшегося в одеяло архимага.

— Гаррет, совершенно забыл, — кашлянул Арцивус. — Спасибо за помощь, Орден этого не забудет.

Карета уже давно нырнула в лужу тьмы, поглотившую ее тело, а я все еще стоял посреди улицы с открытым ртом. На моей памяти такое случилось впервые — Орден признал чью-то помощь и даже сказал спасибо. Теперь я был абсолютно уверен, что мир катится в пропасть, а небо вот-вот упадет и придавит мою любимую мозоль.

Глава 17

Устами шута...

— Ты борешься с Тьмой в себе?

Я вздохнул с облегчением. Есть все же в нашем грешном и многострадальном мире вещи, которые не меняются веками. Старый хрен, из которого за давностью лет уже давно перестал сыпаться даже песок, вновь стоял на посту возле ворот Собора. Его напарник стоял по другую сторону от входа и тихонько клевал носом, грозя вот-вот не устоять на ногах и шлепнуться на землю. Интересно, их вообще-то хоть когда-нибудь сменят?

— Я уничтожаю Тьму, — ответил я.

— Так войди же и обратись к Ним. — Дремлющий старикан оживился. Вот что значит привычка!

— Я, пожалуй, это сделаю утром. Зачем тревожить богов по пустякам? — хмыкнул я.

— Тоже правильно, — включился в беседу первый жрец. — Боги устают от наших просьб и молитв.

Второй старикан опять стал клевать носом. Что ни говори, а устает бедняга за целый день.

— Ну бывайте, — махнул я дедкам рукой и пошел своей дорогой.

— Ты тоже почитатель Сагота? — окликнул меня старик.

— Да, — крикнул я, не оборачиваясь, но потом остановился как вкопанный и резко развернулся к старику. — Что значит тоже?

— Да не далее как с полчаса назад вошли ребята. Спрашивали, где найти прибежище Защитника Рук, жреца Фора. Ты тоже с ними?

Я не ответил, так как сломя голову понесся к обители Сагота. Не нравятся мне люди, посреди ночи ищущие моего старого учителя.

Вся территория Собора бы освещена ярким светом масляных фонарей. Не осталось ни уголка, ни маленького клочка земли, куда бы могла забиться испугавшаяся тень. Огни слились в одну размытую ярко-оранжевую линию. Танец огня и ночи, который я нарушил и разбудил, заплетался вокруг меня в яростной свистопляске видений. Теплая июльская ночь была тиха и безмятежна. Лишь одинокий сверчок весело пиликал под кустом, устроив маленький концерт для тех, кто отказывался спать. Я бежал и знал, что могу не успеть. Кто бы ни искал Фора, он уже давно сделал все, что

хотел. Мною двигала безумная надежда, что, может, обойдется, хотя я понимал, что это попросту невозможно.

Призраком промелькнул фонтан с навеки сцепившимися в схватке рыцарем и огром, пронесли статуи богов, размытые в сплошное пятно сонма лиц и фигур. Тропинка вильнула влево, но я пробежал напрямик, через клумбу, давя сонные бледно-синие цветы с грустно поникшими венчиками, обрамленные первыми капельками рождающейся росы. Вперед, только вперед! Тьма арки всосала меня и тут же выплюнула с другой стороны. Я влетел в обитель Сагота, на ходу доставая из-за спины арбалет. Проклятый пот заливал глаза, мешая нормально смотреть, а главное, целиться. Дверь в покои Сагота...

Я опоздал. Дверь попросту снесло. Она лежала на полу, разрубленная на несколько частей. Я ворвался в комнату — поступок, не спорю, наиглупейший, но в данный момент мне было попросту не до этого.

Встретили меня оружием. С десятков обнаженных мечей и парочка копий чуть было не продырявили меня в десяти различных местах. Меня спасло то, что я резко остановился. Ну и громогласный вопль Фора, конечно:

— Никому не двигаться! Он свой!

Все присутствующие застыли как вкопанные, и только тут я смог рассмотреть, что оружием мне угрожали добрые жрецы Сагота. Вид у них был решительный и не очень дружелюбный, но следует полагать, что были на то веские причины в виде пятерки мертвецов, лежавших на полу. Мечи, с которыми мертвецы пришли в гости, валялись тут же. Одежка мертвяков была отнюдь не жреческой, так одевались лишь те, кто причислял себя к гильдии убийц.

— Фор, ты цел? — спросил я, стараясь рассмотреть своего учителя за вставшими передо мной жрецами.

— Куда же я денусь? — прогудел учитель, раздвигая добровольных телохранителей в стороны.

Да, действительно, если не считать синяка на лице, почти такого же, как у меня, но более яркого и свежего, да разодранного жреческого балахона, парадного, как я понимаю, Фор был жив и здоров.

— Брат Олиго, убери этих...

— Конечно, мастер Фор, — кивнул бородатый жрец. — Места под яблонями еще много...

Все же очень интересно, какое количество покойников, покусившихся на здоровье славных жрецов, зарыто в саду под старыми яблонями? Думаю, достаточное.

Жрецы подняли тела и, ругаясь сквозь зубы на тяжесть неудавшихся убийц, поволокли их вон из комнаты.

— Страже сообщать, конечно, не будешь? — на всякий случай спросил я.

Один из жрецов, вытирающих пол от крови, громко хмыкнул, выражая в этом незатейливом звуке все отношение к недоразумению богов, названному по ошибке стражей.

— У меня к тебе разговор. — Настроение у Фора было подавленным.

— Хорошо, — кивнул я, понимая, что разговор сугубо личный, а поэтому придется подождать, пока старательный жрец вытрет с пола в покоех Защитника Рук всю кровь. — Что хоть тут произошло?

— Что произошло? Да ничего существенного, возвращаюсь я после Молельни Рук, собираюсь сытно откусать да заодно и тебя порасспросить о делах, творящихся в этом суетном мире, как тут... В общем, дорогой ученик, вижу я, что дверь в мои покои самым наглым образом изрублена на куски, а по комнатам шастают уже виденные тобой покойники в рабочей одежде гильдии убийц. И ладно шастали бы, может, тогда я бы их и простил, грешных! Так нет! Еще и шарят по столам, суют носы туда, куда не следует. Ну, я и осерчал... А тут эти ребятки за оружие схватились и решили меня на всякий случай по-ре-ши-ть. К счастью, с Молельни нес эту штуку, так что успел отбиться, пока свои не подоспели.

Фор небрежно кивнул в сторону лежащей на столе тяжелой церемониальной булавы.

Ого! Судя по ее виду, чьей-то голове очень не повезло!

Между тем жрец наконец-то закончил уборку и, подхватив в одну руку ведро, а в другую тряпку, оставил нас с Фором наедине. Жрецы Сагота не то что жрецы других богов. Братья в серых рясах могут не только молиться богам, но и вымыть пол, починить обрушившуюся кровлю или отбиться от профессиональных убийц.

— Сагот! — Фор поднял руки к потолку. — Новую дверь поставят только утром, а пока нам придется коротать время без нее. Ушел?

— Угу. — Я выглянул из комнаты, а затем, вздохнув, устало сел на стул. День, впрочем как и все дни на этой неделе, выдался тяжелым и ярким на события. — Так что ты мне хотел сказать?

— Гаррет, малыш, — начал Фор. — Бумаги пропали...

— Какие бумаги? — Я поначалу даже не понял, о чем речь.

— Те самые. — Фор выделил слово «самые». — Когда я пришел, один из этих рылся в тайнике, но бумаг там уже не было.

— Не волнуйся, бумаги взял я, — успокоил я учителя и похлопал по

сумке, где лежали ценности старой башни Ордена. — Еще вечером, пока тебя дожидался.

— А, Слава Саготу, — вполне искренне сказал Фор, а затем с прищуром посмотрел на меня. — И как это тебе удалось открыть тайник?

— Очень просто, хотя не настолько просто, как твоим незваным гостям. Они-то, думаю, нашли и открыли его намного быстрее, вот только ничего там не обнаружили.

— Да... — Фор покачал головой. — С каких это пор гильдия убийц занялась воровством? Да и набраться смелости напасть на жрецов в обители бога...

— Я вообще не уверен, что это люди гильдии. Убийцы обычно так не работают. Да и с гильдией вы всегда жили мирно, вряд ли Ургез решился бы прислать своих ребят. Нет, это кто-то другой.

— Опять Хозяин? — ехидно бросил Фор и достал бутылку вина. Нам обоим необходимо выпить.

— Все может быть. Этот Хозяин везде успевает и до сих пор остается тайной и неуловимой загадкой.

— Как все прошло?

— Ты о моей маленькой проблеме с этой лошадью?

— Ну да. — Фор отхлебнул вина из пивной кружки.

Все его бокалы были разбиты во время схватки с неизвестными убийцами, и пришлось наливать напиток богов в не приспособленную для этого посуду.

Я рассказал Фору, как все прошло.

— Хм, ты смог разорвать звено Борга самым элементарным способом, попросту натравив все стороны друг на друга. Умно, но отнюдь не ново. Ну, это я так, старческое ворчание. Не обращай внимания, малыш. Меня вот только огорчило, что Маркун со своей шайкой и этот твой Бледный, как его звали?

— Ролио.

— Ролио, Ролио... — Фор, казалось, пробовал имя на вкус. — Ты знаешь, не слышал. Он точно не из Авендума. О чем это я? Ага! Так вот, эти тоже служат Хозяину. Куда ни ткни, одни слуги.

— Ну, Маркун уже никому не послужит, — усмехнулся я.

Жирного вора, погибшего от лап Вухджааза, мне было несколько не жаль.

— Маркун — да. Надеюсь, что теперь его место в гильдии займет более достойный человек, и она станет такой, как была во времена моей молодости. Но вот этот Ролио точно с тебя не слезет. Маркун мертв, но

Заказ убийце давал не он, а какой-то влиятельный слуга Хозяина, а это значит, что тебе лучше побережь голову.

— Поберегу, — согласился я с учителем. — Но я вообще-то пришел попрощаться, мне к королю, а потом и в дорогу.

— Только не в пять утра! Во дворце все спят, и тебя там точно никто не ждет. Лучше бы отдохнул, Гаррет, создается впечатление, что на тебе вспахали все земли Сиалы.

С этим трудно было не согласиться. Я и сам был не прочь залечь на боковую, и как можно на более долгий срок. Пожалуй, ста лет мне хватит, может, и заварушка с Неназываемым за то время, что я просплю, кончится сама собой.

Конечно же на следующее утро в лучшую сторону ничего не изменилось. Неназываемый все так же сидел за Иглами Стужи и точил зуб на Валиостр, а я должен был отправляться за сотни лиг, чтобы добыть волшебную дудку.

Прощание с Фором было немногословным.

— Береги себя, малыш. — Вот и все, что он мне сказал, перед тем как я собрал вещи и покинул его гостеприимную обитель.

Надеюсь, что смогу увидеть старого жреца после возвращения из Храд Спайна. Как видите, сегодняшним утром я что есть силы излучал сомнительный оптимизм, рассчитывая вернуться оттуда, откуда нет возврата.

До дворца я дошел без приключений. В то время, пока я спал, в Авендуме случился небольшой дождик, хоть как-то остудивший раскаленные от летней жары камни мостовой. В воздухе чувствовался неуловимый аромат прохлады, грозящей вот-вот опять исчезнуть из-за жарких солнечных лучей. Дождь прошел и исчез безвозвратно. На ясной лазури неба, готового посоперничать цветом с глазами гоблина, не было ни облачка. Совсем недавно наступил полдень, а поэтому солнышко припекало, добираясь даже сквозь одежду до тела лапками-лучами. Ветер тоже присутствовал, но он был таким горячим, что не приносил облегчения. Да, с погодой в этом году творится непонятно что.

Во Внутреннем городе текла спокойная и размеренная жизнь богатеев, плюющих на жару и другие неприятные мелочи жизни. Дома тут были беленькие и богатенькие. Просто лакомые кусочки для любителей покопаться в чужих сундуках. Но первое, что бросалось в глаза, когда тыходишь во Внутренний город, — это чистота. Ни соринки, ни грязинки, к которым так привыкаешь в Портовом городе. И публика приличная. Эти парни кошельки не воруют. Ребята из Внутреннего города ворочают такими

суммами и крадут в таких количествах, что хоть стой, хоть падай. Мне столько не заработать за десять жизней непрерывного воровства.

Один раз меня остановила стража Внутреннего города. Моя одежда не придавала мне уж слишком благочестивый вид. Но пронесло. Они лишь спросили, куда я направляюсь, и, получив ответ, отстали. Как оказалось, их уже предупредили о моем визите.

Машина королевского дворца, окруженная отнюдь не декоративными стенами, занимала приличную часть Внутреннего города. Маленькая крепость внутри города-крепости. Каждый новый король из династии Сталконов считал своим прямым долгом что-то достроить, пристроить или улучшить. В итоге дворец разросся неимоверно, но в то же время он оставался тем, чем был с начала основания, — крепостью.

Сперва я хотел войти внутрь через ворота для слуг и поставщиков продуктов на королевскую кухню. Таких ворот было на моей памяти аж целых три штуки, но потом подумал: с чего это я буду идти через дальнюю калитку, как какой-нибудь сиволапый крестьянин? Король все же сам пригласил меня к себе во дворец, я не напрашивался, так что пусть открывают для меня центральные ворота. Я пересек Парадную площадь — одинокая фигурка на огромном пустом пространстве перед дворцом и остальной частью города — и уверенным шагом направился к воротам.

Серо-синие гвардейцы, стоявшие на посту, заметили меня и теперь внимательно наблюдали за приближением к их молчаливой и серьезной компании. Дворец Сталкона со времен вступления этой династии на престол охраняла личная гвардия короля, которой командовал вечно хмурый милорд Крыса. Гвардейцев набирали только из дворян, служба по охране короля была честью необычайной, особенно для младших сыновей, которым ловить в землях батюшки было нечего. А тут был шанс отличиться, получить собственную земельку...

Понимаю, господам дворянам было скучно стоять на посту возле ворот, к которым праздные гуляки просто так не подходят, поэтому гвардия довольно сильно оживилась, когда увидела меня.

— Чего изволим? — спросил один из гвардейцев, сжимая в руке копье с длинным и узким наконечником.

Гвардейцы не любили пускать пыль в глаза. Все эти церемониальные протазаны или гизармы охраны императоров обеих Империй не годились для нормальной защиты короля в случае непредвиденных обстоятельств. Копье — вот оружие воина. После того как на отца нынешнего Сталкона напали мятежники из числа дворян западных провинций, не согласных с политикой Спорных земель, убеждать гвардейцев сменить оружие никто не

стремился. Именно копья воинов спасли и короля и королевство. Тех мятежных дворян, которым не посчастливилось попасть на копья, долго-долго расспрашивали Королевские песочники в глубоких казематах Серых камней. Ну ладно, разговор не о том...

— Мне к королю, — произнес я, зная, что за этим последует.

Воспитание у милордов дворян, конечно, хорошее, но повеселиться над дурачком еще никому не вредило. Весь десяток искренне восхитился моей глупостью и заржал.

— К королю? — спросил меня тот гвардеец, что начал разговор. — На бокальчик винца небось? А? — Он весело подмигнул товарищам. — Право слово! Как хорошо, что к нам забежал шут с Рыночной площади!

— А как вас представить, милорд? — вкрадчиво спросил другой гвардеец и отвесил изящный, хоть и шуточный поклон. — Вы, наверное, маркиз, как и я? Или герцог? Дело к королю не терпит отлагательства, не так ли?

— Он не герцог, любезный Вартек, он истинный барон, как и я! — захохотал крупный двухметровый гвардеец, чуть не выронив от смеха копье. — Вы гляньте на этот синячище на его простецкой физиономии, маркиз! Истинный барон!

Гвардейцы вновь загоготали.

— Ты веселый парень, — отсмеявшись, сказал мне маркиз Вартек. — Иди своей дорогой, король сегодня, как и всегда, не принимает неизвестно кого.

— Чудесно! — Я безразлично пожал плечами. Пусть Арцивус попробует сказать, что я не пытался. — До свидания, милорды.

Уйти я не успел. Откуда-то из-за гвардейцев вышел человек с нашивками лейтенанта гвардии и потребовал, чтобы я назвался.

— Гаррет, — ответил я.

Гвардейцы разом поскущели, а барон с досадой плюнул себе под ноги.

— Так чего же ты комедию ломал? — спросил он меня. — Сразу не мог сказать?

— Следуй за мной, я провожу, — велел мне лейтенант. — А с вас, господа, в следующий раз нужно будет шкуру спустить за невыполнение приказа милорда Алистана.

Милордам дворянам достало ума промолчать и не спорить с лейтенантом. Но настроение у них испортилось, это несомненно.

Я вошел в калитку следом за молодым лейтенантом.

— А что за приказ, милорд? — спросил я.

— Милорд Алистан приказал, как только ты появишься, провести тебя во дворец и препятствий не чинить, а этим, как всегда, лишь бы позабавиться.

— Так ведь скучно же на воротах целый день стоять, — попытался защитить я гвардейцев. Мне еще не хватало приобрести тут дополнительный десяток персональных врагов.

— Скучно им, — хмыкнул лейтенант. — Идем, тебя уже давно ожидают.

Мы шли по территории дворца. От ворот тянулась дорога прямо к огромному серому зданию с высокими аркообразными окнами. Кажется, мы шли именно к нему. Людей было предостаточно, как слуг, так и тех, кто тут жил благодаря милости Сталкона. Я вертел головой не переставая, в прошлый раз, когда я тут был, дело было ночью и привезли меня в карете, так что я ничего не мог рассмотреть. В здание мы не пошли, лейтенант свернул в сторону, и по тропинке, выложенной желтым песчаником, мы направились куда-то в глубь территории дворца.

— А скажи мне, Гаррет, что за дело у тебя с милордом Маркаузом, если он вдруг уезжает неизвестно куда, оставляя на мою шею всю гвардию? — внезапно спросил лейтенант.

— Не могу знать, милорд. — Я не собирался первому встречному раскрывать государственные тайны.

— Жаль, — вздохнул лейтенант и вполне искренне сказал: — Не вовремя он уезжает, не вовремя. Он нужен гвардии и королю здесь.

Я промолчал. Лейтенант еще раз вздохнул, поправил перевязь с мечом:

— Тебе сюда, сядь где-нибудь и жди. За тобой придут.

С этими словами лейтенант гвардии, сверкая на солнце серебряными пуговицами на серо-синем камзоле, удалился, оставив меня.

Место, куда меня привели, оказалось маленьким садиком с площадкой посередине. Площадка была засыпана песком и являлась, наверное, чем-то вроде фехтовального плаца. Или как называют то место, где гвардейцы тренируются махать железяками?

Сад находился по другую сторону от здания дворца, вплотную примыкая к нему. Я подошел к невысокому крылечку, присел на ступеньки, положил рядом сумку и стал ждать, наблюдая за людьми, находившимися в маленьком садике.

Да-да, я тут был не один. По крайней мере, здесь присутствовал целый десяток серьезных ребят. Зрительно я их помнил, так как видел в одну из ночей. Именно они сопровождали Миралиссу по ночному городу. Дикие Сердца. Я удостоился нескольких заинтересованных взглядов, не больше.

Какое дело воинам до незнакомого человека, непонятно за каким Х'сан'кором припершегося сюда? Тем более что у Диких были неотложные дела.

Кто-то резался в кости, кто-то спал в тенике маленького фонтана, кто-то правил оружие, кто-то решил поупражняться с мечом. Так что моя персона в основном была проигнорирована самым бессовестным образом.

В углу сада, возле клумбы с алыми розами пыхтела четверка гномов. Низкорослые, узкоплечие ребята с бородами, заплетенными в косы, так непохожие на своих массивных и крупных безбородых родственников — карликов, крутились возле здоровой пушки. Похоже, они пытались ее зарядить, но что-то у них не получалось, и поэтому парни раздраженно бранились и потрясали кулаками перед покрасневшими лицами друг друга. Это делу помогало мало, и от яростной перебранки спор разгорался еще сильнее.

Пушка неисправна, и они пытаются ее починить? Тогда мне понятно их плохое настроение. Продать бракованную пушку Сталкону, а теперь возвращать ему золото, конечно, гномам не хотелось.

Солнце било прямо в глаза, поэтому я жмурился, как ошалевший от весны кот, с интересом наблюдая за перебранкой гномов. Еще пяток минут — и начнется драка с тасканием за бороды. Но гномы выдохлись, и пришлось искать компромисс. Теперь они засыпали в пушку порох из маленького ярко-красного бочонка. Ядро лежало рядом, на песке. Один из гномов, судя по короткой бороде младший, попытался закурить трубочку, но получил от напарника подзатыльник и, обиженно засопев, убрал ее в карман.

И правильно! Еще не хватало взлететь всем на воздух из-за бесшабашности гнома. Очень хочется надеяться, что засыпание пороха в орудие — лишь проверка и сварливые бородачи не станут палить из пушки в сад.

За спиной раздались легкие крадущиеся шаги, и, улыбнувшись, я произнес:

— Как жизнь, Кли-кли?

— У! — разочарованно сказал гoblin — ему не удалось застать меня врасплох. — Как ты догадался, что это я?

— Ты сопел.

— А вот и нет! — запротестовал шут и присел рядом со мной на ступеньку.

— А вот и да!

— А вот и нет! И вообще, ты чего с королевским шутом споришь? —

обиженно спросил Кли-кли и в подтверждение своих слов нацепил на зеленую голову шутовской колпак с бубенцами, до этого находившийся в его руке.

— Да я и не спорю. — Я пожал плечами.

— Хочешь морковку? — миролюбиво спросил гоблин, доставая ее из-за спины.

Морковка была размером чуть ли не в половину Кли-кли. Королева морковок. Целая морковища.

— Нет, спасибо.

— Не хочешь? Ну и не надо! Мое дело предложить, и вообще мне больше достанется!

Шут больше не стал настаивать, откусил от оранжевого овоща изрядный кусок и захрустел, довольно жмурясь на солнце.

— Овоффи полеффны, Гаррет, — с набитым ртом произнес шут. — На одном мясе не проживешь.

— У нас тут с тобой гастрономический спор намечается? — Я выгнул бровь дугой.

Шут с точностью повторил мой фокус с бровью, довольно усмехнулся и вновь захрустел морковкой.

Вот так мы и сидели, я молчал, наблюдая за работой гномов, Кли-кли обедал и иногда дергал коротенькими ногами, видно пытаясь изобразить какой-то только ему понятный танец. Получалось, надо сказать, забавно.

— Есть две новости: хорошая и плохая. С какой начинать? — спросил меня Кли-кли, когда от морковки-переростка осталась ровно половинка.

— Давай, пожалуй, с хорошей, — лениво процедил я.

Погода, несмотря на жару, была замечательной, и я попросту потихоньку млел на солнышке.

— Хорошая новость такова, — произнес гоблин и потряс кончиком колпака, чтобы колокольчики радостно зазвенели. — Ты отправляешься завтра поутру. Тру-ру-ру.

— Валяй плохую.

— Плохая новость такова. — Шут грустно вздохнул, и колокольчики печально тренькнули. — Я, увы, остаюсь во дворце и не поеду с тобой.

— Хм... У тебя нарушены понятия ценностей, шут, — хмыкнул я. — Для меня все наоборот. Хорошая новость — плохая, а плохая — хорошая.

— Фу, — обиженно засопел Кли-кли. — Ты еще пожалеешь, что я с тобой не поеду!

— Это еще почему?

— Кто будет тебя защищать в дороге? — с самым серьезным

выражением на лице спросил шут.

— Думаю, что не пропаду, — в тон ему ответил я. — Дикие вкупе с Крысой на что?

— Кстати, насчет Диких. — Кли-кли вновь впился острыми зубами в несчастную морковку. — Ты уже успел познакомиться с ними?

— Нет, а ты что, успел?

— А как же! Они у нас уже с неделю! — возмутился моему вопросу шут.

Ну конечно же! Я посмел подвергнуть сомнению его способность заводить новые знакомства.

— Я тебе их представлю, только издали, отсюда, если ты ничего не имеешь против моего предложения.

— Ты и им успел напакостить? — Нежелание Кли-кли подходить к воинам могло быть объяснено только тем, что маленький паразит устроил Диким какую-то каверзу.

— Ну почему сразу напакостить? — надулся шут и с укором, затаившимся в голубых глазах, посмотрел на меня. — Я всего лишь налил в их кровати по ведру воды, а они расстроились.

— Надо полагать, — хохотнул я. В голову прыгнула веселая картинка, как гoblin, соорудив заговорщицкую физиономию, льет в кровати Диких воду.

— Ну так вот, видишь вон тех, кто режется в кости? — Шут не очень желал распространяться о том, что же случилось, когда кто-то из воинов лег в мокрую кровать.

Клянусь всеми богами, Кли-кли был неподалеку (не мог же он не насладиться делом рук своих?) и оказался замечен!

Кли-кли ткнул пальцем в сторону троицы, бросающей кости на бочку, приспособленную для игры.

— Вон тот здоровый — это Медок. Тот, который рядом с ним, бородатый, Дядька. Он десятник всей этой угрюмой компании. А вон того, пухленького, Котом зовут. Мяу! — как можно громче сказал Кли-кли и высунул язык.

Гномы отвлеклись от пушки и хмуро посмотрели на шута, Кот же не обратил никакого внимания на паясничавшего Кли-кли.

— Ясно, — произнес я, рассматривая троих воинов, играющих в кости.

Медок был двухярдovým детинушкой с руками-стволами, головой, которая, казалось, не имела шеи и росла прямо из плеч, и волосами цвета липового меда. Из-за них он, наверное, и получил такое имечко от Диких

— Медок. Воин был молодым и по сравнению с другими Дикими казался попросту великаном. Впрочем, так оно и было. Парень был здоров и силен, как два быка. Вот только простоватая физиономия и добрая улыбка выдавали в нем жителя деревни. Таких сразу отличаешь от городских.

— Оп-па! — хохотнул Дядька, бросив кости в очередной раз и склонившись вместе с товарищами над ними.

Дядьке было за пятьдесят, редкие седые волосы, еще кое-где сохранившиеся на плешивой голове, и густая седая борода, почему-то напомнившая мне овечью шерсть, старили его еще сильнее. По сравнению с Медком невысокий Дядька казался карликом, но и он, и великан-Медок, да и все другие Дикие все же чем-то были похожи друг на друга. В них, как и в покойнике Мухе, чувствовались сила и опыт. Опыт тех, кто несет службу на стенах Одинокого Великана.

— Клянусь Д'сан-дором, — ругнулся Кот. — Тебе сегодня везет, Дядька! Я пас!

Толстенький Дикий нисколько не напоминал кота ни повадками, ни резким голосом. Единственное, что придавало ему сходство с этим животным, — это кошачьи усы^[25].

— Не хочешь играть, не надо, — усмехнулся десятник. — А мы с Медком продолжим...

Кот махнул рукой на напарников и прилег на травку возле фонтана, рядышком со спящим воином.

— Надо полагать, что вон того зовут либо Соня, либо Храпун? — с иронией произнес я.

— Это который рядом с Котом? — уточнил шут. Дождавшись утвердительного кивка с моей стороны, он ответил: — Не, этого кличут Горлопаном.

— С чего бы это?

— Откуда же я знаю? — Кли-кли вытянул губы трубочкой. — Они ведь со мной разговаривать не хотят и норовят кинуть чем-нибудь тяжелым. А я всего-то подобрал им в комнату дохлую крысу.

— Помнится, совсем недавно ты упомянул про воду в постели. О дохлых крысах речи не было.

— Ну, крыса была немного раньше... — смутился шут.

— Ладно, забудем о крысе. — Шут был неисправим. — Ты мне расскажи лучше вот про эту парочку.

Я кивнул гоблину на двоих воинов, сидящих особняком от остальных и попивающих вино из бутылки.

— Вот гады, — пробормотал Кли-кли, игнорируя мой вопрос. — Ведь

это моя бутылка вина!

— Тогда что она у них делает?

— Военный трофей, — буркнул гоблин и крепко сжал морковку, будто это был не овощ, а меч.

— Чего? — Его ответ меня удивил.

— Ты что, глуховат? Я же сказал — военный трофей. Я вон тому гаду, — показал гоблин на Дикого, который в данный момент приложился к винной бутылке, — в сапог гвоздь сунул ради шутки. А они осерчали...

— Ну естественно, я бы тоже осерчал и оторвал твою зеленую голову.

— Эти тоже пытались. — Гоблин откусил очередной кусок морковки. — Но смогли добраться только до бутылки с вином. Эх, Гаррет! Знал бы ты, каких сил мне стоило украсть ее из винных погребов короля!

— Ты ведь королевский шут. Просто взять ее нельзя было?

— Фу, Гаррет! Ну как же с тобой скучно! — Шут разочарованно помотал головой, вызывая оживленное треньканье колокольчиков. — Взять-то можно, но украсть ведь намного интереснее!

Тут я с ним спорить не стал.

— Так что ты мне о них можешь сказать? — Я вновь направил разговор в интересующее меня русло.

— Забавная парочка, не находишь? — произнес шут и показал воину, который держал в руках бутылку, язык.

Забавная? Это еще мягко сказано! Удивительная! Не думал, что на своем веку увижу картину, где гном мирно распивает бутылку дорожного вина со своим извечным недругом — карликом. Спросите у кого угодно, что будет, если столкнуть на узкой тропке гнома и карлика, и даже двухлетний ребенок скажет, что в лучшем случае дело кончится потасовкой, а то и смертельным поединком. Что же, все верно, вот только не в этом случае. И крепко сбитый карлик, способный руками гнуть подковы, и его более мелкий и узкоплечий бородатый родственник отчего-то не спешили вцепиться друг другу в глотку к вящему неодобрению гномов, крутящихся вокруг пушки. Они что-то зло бормотали себе под нос, косясь на карлика, но тоже не стремились устраивать поединок на территории королевского дворца.

Гному тоже досталось несколько яростных взглядов от соплеменников за то, что он забыл память предков и распивает вино с самым ненавистным и исконным врагом племени гномов. Как я понял, гному было абсолютно наплевать на неодобрение со стороны родственников. Он даже снял с макушки карлика шляпу с узкими полями и нацепил себе на голову. Волосы у карлика оказались ярко-рыжими, казалось, жидкий огонь прыгнул из

камина и теперь пляшет у собутельника гнома на голове. На мой взгляд, ребята уже успели перебрать. Странно, от одной бутылки с этими расами такого не случается.

— Кли-кли, а ты уверен, что военный трофей — это всего одна бутылка? — с хитрецей спросил я у приунывшего гоблина.

— Как же, одна, — сплюнул шут. — Они у меня целый ящик уволокли, эта бутылка просто последняя.

Вот это больше походило на правду. От ящика вина вполне могут немного захмелеть даже гном с карликом.

— Этого рыжего карлика зовут Делером^[26], а его наступивший на гвоздь дружок откликается на Халласа^[27]. Вон того, — указал Кли-кли на человека возле клумбы с розами, в одиночестве размахивающего мечами и ведущего поединок с невидимым противником, — зовут Угорь. Страшный молчун, он на мои шутки попросту не обращает внимания. Невозможно расшевелить.

Последние слова гоблин произнес с обидой. Ну как же! Кому-то было абсолютно плевать на его шалости! Такого плевать на собственный профессионализм Кли-кли просто не мог перенести.

Я никак не отреагировал на обиду шута, все мое внимание захватило наблюдение за выверенными, точными движениями Дикого. Они завораживали. Это был красивый и смертоносный танец: «брат» и «сестра»^[28] в руках гарракца — а это был именно уроженец Гаррака, их всегда можно узнать по смуглой коже и иссиня-черным волосам — танцевали в безумном серебристом вихре смерти.

Угорь перетекал из одной позиции в другую, стойки ежесекундно менялись, клинки рассекали полуденный воздух с ужасающей быстротой, «сестра» колола настолько стремительно, что мой взгляд мог уловить только размытый блеск серебристой молнии. Удар, еще удар, укол, резкий уход влево, «брат» падает вниз, на голову невидимого противника, разворот вокруг своей оси, рука Угря вытягивается на неестественную длину, становясь продолжением «сестры», чтобы достать до живота нового врага. Как я понял по тому, что Угорь сделал отступ назад, прикрывшись «братом» от предполагаемого рубящего удара справа, и тут же из защиты ударил сразу двумя клинками. «Сестра» хищным уколом поразила голову предполагаемого противника, а «брат» нанес страшный удар снизу, под щит. Резкое обратное сальто и очередной танец уже с другим невидимым врагом.

— Красиво! — восхищенно присвистнул шут.

Я с ним был полностью согласен. Несмотря на раскаленное солнце и жару, Угорь продолжал тренироваться и делал это потрясающе красиво.

— Гаррет, отвлекись на минуту от парня, думаю, за время вашего путешествия ты еще сто раз успеешь насмотреться на то, как он размахивает мечами. Лучше глянь вон на того, смешного.

Ничего смешного в указанном шуте я не нашел. Он чем-то напоминал Кота, правда был не таким толстеньким. К нему бы я применил слово «пухленький». Ничем не примечательное лицо с тонкими губами и бровями домиком, бледные голубые глаза и ленивый взгляд, на миг остановившийся на мне и Кли-кли.

— И что смешного ты в нем нашел? — спросил я у шута, который вновь приобрел интерес к огрызку многострадальной морковки.

— Да не в человеке, дубина! — раздраженно всплеснул руками шут, огорчаясь моему тугодумству. — Кстати, его зовут Сурок. Я про зверушку у него на плече.

Только тут я обратил внимание на то, что ранее принял за безвкусное украшение в виде серого меха на левом плече воина. Мех оказался попросту лохматой зверушкой. Она тихонько дремала и поэтому оставалась неподвижной, что и заставило меня подумать, что это своеобразная дань моде.

— Что это? — Я с любопытством посмотрел на шута.

— Линг^[29]. С Безлюдных земель. Ручной. Я его пару раз пробовал кормить морковкой. Он меня даже умудрился цапнуть, — с нескрываемой гордостью произнес гоблин и в подтверждение того, что не врет, сунул мне под нос прокушенный палец.

— Не повезло, — посочувствовал я ему.

— Еще как повезло, — не согласился со мной Кли-кли. — Если бы Сурок застал меня в тот момент, когда я скармливал его зверушке подгнившую морковку, он бы меня по головке не погладил. Честное слово, прибил бы!

Тут я все же не удержался и рассмеялся.

— Теперь я понимаю, Кли-кли, почему ты решил не ехать со мной! Чуть ли не каждый из будущих путешественников точит на тебя зуб.

— И ничего подобного! — запротестовал гоблин и шмыгнул носом. — Это все Арцивус и Алистан. Это они меня не хотят отпускать!

Кли-кли расстроено погрозил кулаком в небо.

— Эй, Сурок, у тебя случайно нет желания пройтись до кухни? — спросил у разлегшегося на травке приятеля до этого молчавший Дикий.

Судя по отсутствию волос на голове и кольчуге, надетой на голое тело,

воин был родом из Пограничного королевства. Только они готовы напаялить на себя железо на таком солнцепеке. Пограничник прекратил точить меч и теперь искал, чем бы заняться.

— Это еще зачем? Чего я не видел на кухне? — с ленцой в голосе спросил Сурок.

— Покормишь Непобедимого, а то он у тебя так с голодухи помрет. Все спит и спит.

— Жарко, вот он и спит, а на кухню пошли сходим, знаю я, чего тебе там понадобилось.

— Да все знают, — откликнулся Кот, приподнимаясь с травы. — Кухарки там ох какие аппетитные!

Медок и Дядька весело рассмеялись. К смеху присоединился и сам инициатор прогулки на кухню.

— Ну идем тады, что ль? — спросил Пограничник.

— Это Арнх^[30], — представил мне человека Кли-кли.

Лоб Арнха пересекал тонкий белый шрам. Он был бы почти незаметен, если бы не загоревшее лицо. На темной коже высокого воина шрам сверкал ослепительной белой ниткой.

Арнх в сопровождении Сурка и примкнувшего Кота направился в сторону кухни.

— Слушай, Кли-кли, — не утерпел я. — Меня сюда лейтенант привел и велел ждать, когда за мной придут. Сколько ждать-то? Я сейчас от жары расплавлюсь!

— Так я за тобой и пришел, — хихикнул шут.

— Тогда чего мы ждем?

— Ты погоди, Гаррет, куда спешить? Король отчитывает своих подданных, они молча бледнеют и потеют. Так чего тебе там делать? Вон смотри, я тебе про последнего Дикого не рассказывал.

Последний из десятка Диких сидел под раскидистой яблоней, обхватив обеими руками здоровенный биргризен^[31]. На мой взгляд, для этого невысокого и с виду не очень сильного человека двуручник был слишком тяжел. На мощной черной рукояти меча был изображен золотой дубовый лист.

— Он что, мастер длинного меча? — с недоверием спросил я у гоблина.

— Ты рукоять не видишь, что ли? Конечно он мастер, если только не украл эту железяку у кого-нибудь!

— Да эта штука весит больше него!

— И ничего не больше! — возразил гоблин. — Но тяжелая, это правда. Сам проверял.

— Только не говори, что ты пытался свистнуть меч у этого парня!

— Не-а, я просто хотел узнать, сколько он весит, — чуть себя не зашиб!

— Как его зовут-то? — спросил я, рассматривая человека в смешной шляпе, больше напоминающей колокол Собора.

— Мумр. Но все называют Фонарщиком. О нет!

Последняя фраза Кли-кли была обращена не ко мне. Фонарщик достал маленькую дудочку и, отложив в сторону биргрizen, собрался заиграть.

— Только не это! — взмолился шут.

Мумр дунул, и дудочка разродилась мучительно хрипящим звуком одуревшего мартовского осла. Шут взвыл и зажал руками уши. Звук действительно был ужасающим, будь тут поблизости собаки, они бы точно завyli или передохли от мучений. Я стал подумывать: а не подсунуть ли эту дудку Арцивусу, выдав за Рог Радуги? Уверен, что как только Неназываемый услышит эту ужасную мелодию, то наложит на себя руки, чтобы не мучиться.

— Я сейчас кину в него вот этим! — проскрежетал зубами Кли-кли и потряс зажатым в руке огрызком морковки.

— Эй, Дядьку! — окликнул десятника Делер. — Скажи Мумру, чтобы он заткнулся, иначе я за себя не отвечаю! Могу и бритвой по глазам!

— Точно! — поддакнул Халлас и приложился к бутылке.

— Я его сейчас сам порешу! Где справедливость? Дайте же мне наконец поспать! — сонно буркнул Горлопан и перевернулся на другой бок.

Дядька, не отрываясь от игры в кости, нашарил возле себя мелкий камешек и швырнул в Фонарщика. Тому, чтобы уклониться от летящего снаряда, пришлось оборвать мучения терзаемой дудки.

— Да ну вас! — расстроился Фонарщик. — Ничего вы в музыке не понимаете!

— И вот так всю неделю, Гаррет, — перевел дух Кли-кли. — Ты представляешь, он своим дуденьем смог достать даже меня! Ух ты! А это что?

Я и не заметил, как Кли-кли успел залезть в оставленную без присмотра сумку. Теперь он держал в руке один из магических пузырьков с темно-вишневой жидкостью, в которой плавали золотистые искорки.

— А я знаю, что это такое! — завопил шут, вскакивая с места. — Смотри, сейчас будет фокус!

— Верни на место! — рявкнул я гоблину, но было уже поздно.

Кли-кли проворно избежал моих рук и, подбежав к гномам, наконец зарядившим пушку, размахнулся моей волшебной покупкой. Пузырек звякнул и разбился о ствол пушки. Вспыхнуло алое зарево, и пушка исчезла.

И дернул же меня Неназываемый купить у Хонхеля заклинание переноски! (Тяжело нести гору вещей? Нет ничего проще! Разбиваешь о вещи пузырек, и они попросту исчезают. Разбиваешь другой, и они вновь появляются.) Я приготовил это волшебство на Храд Спайн. Так, на всякий случай, если набреду на залежи алмазов или изумрудов. Прощайте, драгоценности мертвецов! В наследство мне досталась гномья пушка!

Над садом повисло ошеломленное молчание, даже Угорь прекратил вращать мечами. Но молчание длилось недолго. Его нарушили яростные вопли одуревших от злости гномов. Кли-кли не стал ждать расправы, отпрыгнул подальше от гномьих кулаков и, звеня бубенцами, во всю прыть помчался в мою сторону. У меня появилось сильное желание отвесить гоблину пинка.

— Гаррет, не зевай! — воскликнул Кли-кли, проносясь мимо меня. Он каким-то чудом разминулся с моей ногой, уже готовый лягнуть его задницу. — Давай за мной, я отведу тебя к королю!

С этими словами гoblin скрылся за дверью. Мне ничего не оставалось, как, кипя от ярости, последовать за маленьким негодяем, оставив Диких слушать вопли злых гномов.

Глава 18

Совет

Фигурка шута мелькала впереди меня, так что заблудиться в огромном переплетении коридоров и лестниц было довольно сложно. Надо было просто поспевать за одетым в серо-синее трико Кли-кли. Гвардейцы провожали шута и меня скупающим взором и не спешили останавливать незнакомца для вполне разумного вопроса: что вы тут делаете?

Видно, тут уже успели сообщить о моем появлении, так что вопросов ни у кого не возникало. Вышколенные слуги в серо-синих ливреях открывали перед Кли-кли двери, пропуская его, а следовательно, и меня в святая святых королевского дворца.

Желание оторвать голову зеленому вредителю потихоньку умирало, но гoblin решил не искушать судьбу и держался подальше от меня. Что, в принципе, правильно. Как сказал совсем недавно Делер:

— Могу и бритвой по глазам.

Шедший в мою сторону слуга от неожиданности застыл на месте и выпучил на меня глаза. Я понял, что сказал фразу Делера вслух, и поспешил все же нагнать Кли-кли, пока слуга не опомнился и не позвал гвардейцев вязать неизвестно откуда взявшегося тут душегуба.

Я свернул за угол, стараясь нагнать гоблина, и нос к носу столкнулся с выводком придворных матрон, выгуливающих своих великовозрастных дочурок. Шут, не останавливаясь, отвесил безупречный придворный поклон, достойный того, чтобы его внесли во все книги этикетов, и проскочил через неожиданное препятствие в виде широких юбок. Я вежливо улыбнулся дамам, но впечатления не произвел. Точнее, произвел, но совершенно противоположное желаемому. Великосветские дамы наморщили великосветские аристократические носики, как будто от меня разило выгребной ямой. На самом деле разило от них. Я чуть не потерял сознание от резкого аромата духов. По мне, так эти леди попросту нырнули ванну с духами и провели там целый год.

— Ваше сиятельство, — обратился ко мне шут, уже находящийся в дальнем конце коридора.

Понятное дело, чтобы я его услышал, ему приходилось орать на весь дворец.

— Сколько вас можно ждать, герцог? Шевелите копытами!

Услышав, что я герцог, придворные дамы резко изменили мнение о моей персоне. Наморщенные носики пропали, и на личиках некоторых дам даже появились кокетливые улыбочки. Их уже не смущал ни мой не самый изысканный наряд, ни синяк на лице. Я был герцогом, а герцогу все простительно. Я еще раз вежливо улыбнулся и проскочил мимо них. От этих придворных матрон всего можно ожидать: задурят голову ароматом духов и, пока будешь находиться в отключке, успеют женить на какой-нибудь смазливой, но жутко обделенной интеллектом придворной дурочке. А потом хоть объясняй, что шут пошутил и ты совсем не герцог, хоть не объясняй, толку не будет. В лучшем случае папаша дочурки проткнет липового герцога мечом, дабы сохранить никому не нужную честь рода.

Шут нетерпеливо переминался, ожидая меня возле массивных белых дверей с золотыми вставками, изображающими охоту на обура. Рядом с дверьми застыли шесть гвардейцев. Пока я шел к ним, шут успел ущипнуть одного из серо-синих за ногу, показать язык другому и попытаться вырвать копье у третьего. В общем, гоблин паясничал, как мог. Гвардейцы же, находясь в почетном карауле, даже не пошевелились. Но вот в их глазах я явственно прочел желание прибить маленького змееныша, как только их сменит очередной караул.

Увидев, что я приближаюсь, шут прекратил ломать комедию и толкнул створки дверей.

— Гаррет, не зевай, — весело пропищал он.

Легко сказать! В тронном зале я оказался впервые. Огромный, настолько огромный, что в нем могли поместиться все дворяне королевства, если хорошенько их утрамбовать. А если серьезно, в тронном зале вполне можно было проводить репетиции военных парадов. По крайней мере кавалерии. Места должно было хватить с лихвой.

По правую руку от меня высились огромные окна высотой около десяти ярдов. Они начинались прямо от пола и заканчивались под потолком. Пол был выложен белой и черной квадратной плиткой. Где-то далеко-далеко впереди стоял трон короля. В зале никого не было, если не считать двух гвардейцев почетного караула возле трона.

— Не ты ли говорил мне, что король устраивает разнос придворным? — спросил я Кли-кли и заткнулся.

Мой голос усилился в десятки раз и эхом зазвучал в зале. Точно, без магии не обошлось: даже если говорить тихо, тебя услышит любой человек в любом месте тронного зала.

— Ну, я говорил, ну и что? Мало ли чего тебе наговорит шут? — хихикнул гоблин и прислушался к прозвучавшему эху.

Шут занялся крайне ответственным, на его сугубо гоблинский взгляд, делом — поджав левую ногу, на правой он прыгал по белым плиткам пола, стараясь не наступать на черные.

Так мы и прошли весь тронный зал: гоблин на одной ножке, я размеренной походкой, стараясь преодолеть сильное искушение — сорваться на бег и придушить не знающего забот Кли-кли. Шут доскакал до трона, надо сказать, ничем не выделяющегося на общем фоне тронного зала. Ни литого золота, ни рубинов с голову тигра в троне не было. Ничего из тех богатых и экстравагантных выкрутасов, которыми славились Империи. Тамошние императоры стремятся перещеголять друг друга в роскоши. Наш славный Сталкон, да просидит он на этом троне еще сто лет, предпочитал вкладывать золотые не в сомнительные, хоть и красивые, безделушки, а в армию.

Шут, не обращая никакого внимания на молчаливого гвардейца, залез на трон, взял с бархатной подушки королевский скипетр, больше смахивающий на тяжелый чекан (таким вполне можно играючи отбиться от нападающих), и соскочил на пол.

— Не поранься, — поддел я его, за что заработал презрительный взгляд.

Но все же Кли-кли положил новую игрушку обратно на подушку, присовокупив к ней огрызок морковки. Отошел назад, склонив голову набок, как какой-нибудь художник, оценил созданное им произведение искусства и, удовлетворившись результатом, повел меня дальше.

В самом конце зала были очередные двери, как две капли воды похожие на те, через которые мы вошли совсем недавно. Шут по-хозяйски пнул их ногой.

— Пр-р-росю! — Гоблин приветственным жестом пригласил меня войти, но потом сообразил, что если он будет тут стоять, то мне представится вполне реальный шанс схватить его.

Поэтому Кли-кли ловко юркнул внутрь, в очередной раз избежав расправы, ожидающей его за разбитый магический пузырек.

Я оказался в комнате, куда меня в прошлый раз привел Фраго Лантэн. Всех находившихся в ней я уже знал, так что в представлении они не нуждались. Я вежливо поклонился.

— Полноте, мастер Гаррет, — сказал король. — Оставим весь сомнительный этикет для моих придворных. Присаживайтесь. Почему так долго, Кли-кли?

— А я тут при чем? — Шут скорчил рожицу. — Пока мастера Гаррета расшевелишь... Я его целых пятнадцать минут уговаривал сюда прийти.

От такого наглого вранья я просто задохнулся от возмущения, но переборол себя и, решив не обращать внимания на королевского дурака, ответил:

— Благодарю, ваше величество.

Перед тем как сесть на стул, подвинутый мне Кли-кли, я бросил на него внимательный взгляд. От проклятого гоблина можно было ожидать любого подвоха. Но Кли-кли выглядел невинной овечкой. Не думаю, что он рискнет при короле подложить мне под зад что-нибудь остренькое.

В этот раз король нисколько не походил на добродушного трактирщика в свитере и солдатских брюках. Королевское платье, отливающее глубоким, насыщенным серо-синим цветом, и тонкий ободок короны на голове казались мне намного более подходящей для этого человека одеждой.

— Магистр Арцивус уже рассказал нам, что твое предприятие закончилось удачно, — сказал король, кивнув в сторону старого архимага.

Арцивус хмурился и явно был не в духе. Такая физиономия была у одного моего приятеля, когда он мучился от запора. Надеюсь, у Арцивуса была другая причина для плохого настроения. Архимаг бросил на меня не самый ласковый взгляд, но ничего не сказал.

— Да, ваше величество, я вполне подготовился для нашего... э... маленького предприятия.

— У меня возникло много вопросов, не будешь ли ты так любезен еще раз рассказать нам о том, что с тобой произошло?

Воля короля — закон, я вздохнул и в который раз за эту неделю стал рассказывать о своих приключениях, правда на этот раз ничего не утаивая. Ну или почти ничего. Про Вальдера я так и не сказал ни слова. На середине повествования мое горло окончательно пересохло, и я стал говорить все тише и тише. Сталкон едва заметно пошевелил пальцем, и предупредительный шут плеснул мне вина. Я благодарно кивнул, глотнул и продолжил историю. Арцивус лишь иногда вскидывал бровь, обычно в моменты, которые он слышал впервые. Те самые, что я скрыл от него во время нашего с ним путешествия в карете. Самое интересное, что меня не перебивали и слушателям не надоедала моя бесконечная история. Но все подходит к концу, так что я смог облегченно вздохнуть и еще раз промочить горло замечательным вином из королевских погребов.

— Дела... — протянул Кли-кли, первым нарушив тишину после завершения моей истории.

— Ты слишком мягко выражаешься, дурак, — буркнул Алистан Маркауз.

На этот раз он был в обычной форме гвардейцев. Надо думать, что

знаменитые доспехи, уже успевшие стать легендарными среди воинов Валиостра, остались сегодня не у дел.

— Дела кипят, дражайший шут. И как бы нас не обожгло кипяточком. Простите, ваше величество, но как мы ни скрывались, о предстоящем походе все же стало известно врагу.

— Не только врагу, — промурлыкала Миралисса. Сегодня она была без вуали и сменила голубое мирануэхское платье на изумрудное точно такого же фасона. — Тут еще и третья сторона, этот Хозяин.

— Вы что-нибудь слышали о нем раньше? — спросил у эльфийки король.

— Если этот Хозяин и существует, то хорошо скрывается. Лично я, впрочем как и мои спутники, до этого ничего ни о каком Хозяине не слышал. Нужно будет отдать приказ перекопать семейные архивы. Может, что-нибудь и найдем в старых библиотеках.

— Сомневаюсь, — хмуро ответил Крыса. — Королевские песочники все эти дни искали и ничего не нашли.

— Ну почему же ничего? — возразил Сталкон. — Кое-что нашли.

— А, — капитан королевской гвардии махнул рукой. — Чушь это.

— О чем идет речь? — спросил Арцивус.

— Понимаете, ваше магичество, перерывая старые хроники, наткнулись мы на допрос некоего Джока Имарго. Того, кого все знают под именем Джока-принесшего-зиму. Так он говорил, что его подставили и убийство принца дома Черной розы — это дело рук прихвостней Хозяина. Ни в какого Хозяина конечно же никто не поверил, и Джока выдали эльфам.

— Он что-нибудь говорил у эльфов о Хозяине, леди Миралисса? — поинтересовался архимаг.

— Простите, милорды, но я плохо знаю этот отрывок истории. — Миралисса отрицательно покачала головой. — К тому же это было внутреннее дело дома Черной розы, дом Черной луны не вмешивался. Надо будет спросить у Эллы.

— Это один из эльфов, которые сопровождают вас? — заинтересовался Арцивус.

— Да. Он как раз из дома Черной розы.

— Будем считать этого Хозяина вполне реальным и таким же опасным, как Неназываемый. Если не опаснее. Ведь мы так и не поняли, чего он хочет, — сказал король.

— Чего он хочет, и огру понятно, — возразил Кли-кли. — Чтобы Рог в наши руки не попал.

— Многие не хотят, чтобы Рог Радуги вновь вернулся в мир. Орден

тоже входит в число тех, кто считает его слишком опасным, но, увы, необходимым. Бумаги при тебе, Гаррет? — спросил Арцивус.

Я неохотно кивнул. Слишком много сил я потратил, чтобы их добыть, и теперь отдавать планы Храд Спайна в руки Ордена не хотелось. Даже на время.

— Позволь взглянуть.

Ничего не оставалось, как залезть в сумку и отдать их архимагу. Ну не отказывать же магистру Ордена Валиоэстра?

Арцивус стал изучать карты, иногда он шевелил губами, натываясь на интересное для него место. Остальные терпеливо ждали, когда архимаг соблаговолит поделиться своими наблюдениями. В этот момент двери в комнату открылись, и вошел уже знакомый мне лейтенант гвардии.

— Прощу прощения, ваше величество, но там гномы. — Лейтенант выглядел немного обескураженным.

— И чего они хотят, Изми? — Сталкон удивленно посмотрел на лейтенанта.

— Гномы говорят, что гoblin, очень похожий на вашего шута, украл их, точнее вашу, пушку, когда они ее чинили.

— То есть? — Король, как и все остальные, не очень понимал, как маленький Кли-кли умудрился украсть тяжеленнейшую пушку.

— Гномы говорят, что он что-то наколдовал и она попросту исчезла. — Лейтенант сам не понимал, как такое может сотворить дурак с бубенцами.

— Кли-кли, это правда?

Судя по виду Кли-кли, он думал только об одном — как бы незаметнее улизнуть.

— Ну, не совсем... — промямлил шут, изучая носки своих сапог.

— Что значит не совсем?! — рявкнул король. — Отвечай понятно!

— Ну, правда, — буркнул шут, соглашаясь с обвинениями лейтенанта Изми. — Я всего лишь хотел попробовать заклинание из сумки Гаррета!

— Попробовал на мою голову! Кто теперь будет разбираться с гномами?

Шут вежливо промолчал, сделав вид, что ему очень-очень стыдно. В раскаяние Кли-кли никто не поверил, да он и не рассчитывал на такое чудо.

— Она все равно была бракованной, — попытался оправдаться гoblin.

— Взял я тебя на свою голову! И с чего еще терплю твои выходки? — Король раздраженно покачал головой.

Кли-кли еще раз сделал вид, что ему очень-очень стыдно, неловко и вообще он больше так не будет.

— Попробуй замять это дело.

Бедняга лейтенант, получив невыполнимый приказ, на миг замешкался, но нашел в себе силы согласно кивнуть (а ему ничего больше и не оставалось) и удалился на битву с гномами. Да, задание он получил опасное и трудное. Если не сказать невозможное. Проще уговорить огра не есть человечину, чем успокоить разбушевавшихся гномов, особенно когда они бушуют по серьезной причине, то бишь из-за денег.

— Я... — попытался оправдаться Кли-кли, но наткнулся на разъяренный взгляд короля и заткнулся.

— Вот, послушайте, — хмыкнул Арцивус. Архимаг даже не обратил внимания на только что произошедший неприятный инцидент. Все его внимание захватили старые бумаги. — Очень интересная вещь.

Магистр вслух прочитал стих-загадку, который до этого заинтересовал Фора. В отличие от моего учителя, архимагу не надо было лезть в словари, он вполне свободно владел первым языком орков и эльфов — древнеорочьим.

— Сразу могу сказать, что одно четверостишие является абсолютнейшим и самым наглым воровством, которое я только видел за свою жизнь, — встрял шут, как только Арцивус закончил читать.

— И какое же четверостишие тебе не понравилось? — удивился архимаг.

Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,
И только один не умрет под мечами,
Один, что сам тени стал ближе, чем брат,

— нараспев продекламировал шут. — Это из книги Брук-грук.

— Из Книги Пророчеств гоблинов? Ты уверен, славный шут? — спросила Миралисса.

— Я в жизни еще не был так уверен. Это точно из Брук-грука. Только тут какие-то грамотеи изменили четверостишие. — Казалось, что гоблин просто лопнет от возмущения, что какие-то людишки испортили великое гоблинское пророчество.

— О какой книге идет речь? — не выдержал Алистан. Он, как и я, никогда не слышал ни о какой Брук-как-ее-там.

— Любезный граф. — Голос Кли-кли просто источал ядовитую насмешку. — Вам иногда следует отложить меч в сторону и заняться книгами. Брук-грук, или Книга Пророчеств, была написана безумным

шаманом Тре-тре три с половиной тысячи лет назад. Она в стихотворной форме повествует о самых важных и ключевых событиях, которые должны произойти в мире Сиалы. Так она предсказала появление Неназываемого. И про Запретную территорию там есть строчки, хотя Орден и не обратил в былые времена на них никакого внимания.

При этих словах гоблин Арцивус нахмурился еще сильнее, но спорить с шутом посчитал ниже своего достоинства.

— Мой дедушка был шаманом, — продолжал Кли-кли. — И меня готовил, вот только я не уродился стать шаманом. Но Книгу Пророчеств помню наизусть, поэтому четверостишие сразу узнал — оно было вставлено в текст стиха из Книги Пророчеств. То ли автор забыл точную формулировку, то ли сделал это специально, захотев скрыть старый источник, но я узнал.

Голос шута источал гордость. Думаю, дед-шаман гордился бы внуком не меньше. Запомнить наизусть книжку, написанную каким-то психом, — для этого нужен несомненный талант.

— А каким это четверостишие было изначально?

Измучены жаждой и прокляты тьмой,
Немертвые грешники кару несут,
И только один не умрет под клыками,
Один, что с тенями танцует, как брат.

— Не так уж и складно. Предыдущее мне нравилось намного больше, — высказал я свое мнение о поэзии гоблинов.

— На себя посмотри! Великий ценитель литературы и искусства! Это сочинял великий безумный шаман Тре-тре, — осадил меня Кли-кли.

— Оно и видно. — На этот раз я не собирался оставлять последнее слово за шутом.

— Зато мы не крадем чужие пророчества и не превращаем их в сладенькие стишочки, — фыркнул гоблин и демонстративно повернулся ко мне спиной.

Мое незнание литературного шедевра обожравшегося мухоморами шамана гоблинов окончательно расстроило маленького шута.

— Кстати, Кли-кли, что это за пророчество?

— Оно называется «Танцующий в тенях». Я могу его рассказать полностью, но это займет пару часиков.

Ого! Старикан-шаман не знал остановок! Если уж взялся сочинять

стишки, так на два часа, не меньше!

— А если кратко?

— Э-э-э... — Шут наморщил лоб. — Скажем так. Это пророчество о человеке, живущем несправедным ремеслом, но решившем послужить на благо своей родины. Там много всего, но в итоге он добудет Спасение для народов Сиалы и остановит врага. Спасение из Таинственных Каменных дворцов Костей. Речь идет о Храд Спайне, если кто не понял. — Кли-кли выразительно глянул на меня, намекая, кому предназначалась эта маленькая колкость. — Это пророчество про тебя, Гаррет. Вот уж не думал, что встречусь с живым героем из книги Брук-грук.

— Да ладно врать-то, — отмахнулся я. Мне не улыбалось стать героем какого-то гоблинского пророчества, да и не верю я во все эти сказки. — Этот ваш Тре-тре что-нибудь перепутал или что-нибудь не то съел. И почему именно я? Что, так мало людей занимаются несправедным ремеслом? А может, я вообще до Храд Спайна не доберусь!

— Там также говорилось, что этот человек свяжет демонов с помощью лошади, — невинно намекнул шут, вколачивая очередной гвоздь в мои надежды вывернуться из всяких там гоблинских пророчеств.

Ну и пусть занимается разгадкой никому не нужной сказки! Главное, что я не верю в бред одуревших от красавки шаманов, а с шута много не возьмешь. Он же королевский дурак.

— Так, значит, Танцующий в тенях... Интересно, интересно... Вот что, Кли-кли, перепиши-ка мне это пророчество на бумагу, я на досуге ознакомлюсь, — сказал Арцивус.

— Хорошо, ваше магичество.

— На нормальной бумаге, Кли-кли! А не как ты написал письмо герцогу Патийскому! — предупредил шута король.

— Хорошо. — Шут немного скис.

Интересно, на чем додумался накалякать письмо дражайший Кли-кли ныне покойному герцогу?

— Игру-у-ушка, — пробасили у меня за спиной, и на середину комнаты выскочил человек.

Приличная рубаха была испачкана, штаны помяты, а на голове царило самое настоящее безобразие. Подлинное птичье гнездо!

— Хочу игрушку. — Человек шлепнулся на пол и стукнул ногой.

Боль своего отца, Сталкона Девятого, старший сын и неудавшийся наследник — Сталкон Лишенный Короны. Так уж случилось, что первый сын короля был идиотом. Что это было? Наказание богов или просто так уж получилось, но старший сын короля, почти мой ровесник, обладал разумом

четырехлетнего ребенка. Естественно, он не мог претендовать на корону, которую теперь должен был получить младший принц — тоже, как и все мужчины этой династии, носивший имя Сталкон. К старшему же приставили нескольких нянек, и он жил в своем сказочном, детском и, наверное, очень счастливом мирке, в котором не было боли, грязи и крови настоящего, реального мира.

— Разве ты не должен спать? Где твои няньки? — спросил король у сына. В его голосе слышалась необычайная ласка.

— Бяки! — Вот и все, что думал принц о своих воспитательницах.

— Я отведу его, — вмешался Кли-кли. — Пойдем со мной, Сталкоша, пойдем. Я тебе игрушку дам.

— Игрушка?! — Старший сын короля проворно вскочил на ноги и протопал за уже выскользнувшим из двери шутком. В комнате повисло молчание.

— Я приношу свои извинения.

— Ну что вы, ваше величество, — проворковала Миралисса, и ее желтые глаза понимающе сверкнули. — Это не ваша вина...

— А чья, если не моя? Богов? — В голосе короля послышалась горечь. Ему никто не ответил.

Я понимал боль этого человека. Когда ни с того ни с сего здоровый двадцатилетний наследник вдруг превращается в идиота с разумом четырехлетнего ребенка и весь мир катится в пропасть, это ужасно. И страшно. Но наш король всегда слыл сильным человеком, он смог пережить и это. А если не пережить, то хотя бы не показывать свое горе жителям королевства. Ходили слухи, что юного принца поразила магия. Но что это была за магия и кто ее вызвал, распространители слухов сказать не успели. Вездесущие Королевские песочники заткнули ребятам рот, навсегда спровадив их в Серые камни, а может, и в более отдаленные места, из которых нет возврата. К счастью, у короля был еще один сын, и легендарная династия северных королей не прервется.

— Значит, это пророчество о тебе, Гаррет. — Король наконец нарушил уже начинающее становиться тягостным молчание.

— Я очень сомневаюсь в этом, ваше величество. — Я действительно не верил в гоблинские байки. — Это попросту совпадение, и ничего больше.

— Вряд ли это о нашем любезном воре, — поддержал меня милорд Алистан. — Воры не попадают в пророчества. Самое лучшее, на что может рассчитывать вор, — так это попасть в Серые камни.

Последняя фраза капитана гвардии была конечно же для меня.

— Ошибка исключена. — Шут появился бесшумно и сел на ковер, туда же, где минуту назад сидел старший сын короля. — Книга Брук-грук еще ни разу не ошибалась.

— Зато шуты имеют склонность ошибаться! — не согласился Арцивус. — Давайте диспуты по поводу причастности Гаррета к различным древним пророчествам оставим на следующий раз.

— А этого следующего раза и не будет, — буркнул шут, но спорить с главой Ордена не осмелился.

Арцивус тоже мало уделил внимания гоблинской сказке. Орден в этом отношении вообще очень старомоден и не обращает внимания ни на какие пророчества, если только их не сотворили маги Ордена.

— Леди Миралисса, не подскажите, что это такое — упомянутая в стихе Селена?

— Селена? Это на древнеорочьем, первом языке этого мира, если не считать огрского. Очень странный диалект. Если помучиться и пофантазировать, то Селена — это не более чем игра слов. Селаржын — на старом языке «луна», ена — «фиолетовый». Фиолетовая луна? Мне такое встречается впервые. В наших Анналах Кроны такого упоминания точно не встречается.

— Получается, в Храд Спайне есть фиолетовая луна, — хихикнул Кли-кли. Его сей факт отчего-то очень сильно позабавил.

— Ну, это только мой предполагаемый перевод слова. — Миралисса едва заметно нахмурилась. — Над бумагами должна еще поработать сотня мудрецов, чтобы понять, что к чему.

— И поработают, не сомневайтесь, принцесса, поработают. Гаррет! — Арцивус обратился ко мне. — Ты не возражаешь, если я возьму эту бумагу себе? Совет подумает над ней на досуге.

Я безразлично пожал плечами. А почему бы и нет? Стихотворение я вполне сносно помню наизусть, пусть берет, может, Орден что и раскопает. Вот только мне это никак не поможет, я уже буду слишком далеко в тот момент, когда на светлые головы магов снизойдет озарение разгадки. Если снизойдет.

— Ну и чудесно, — обрадованно сказал Арцивус, протягивая остальные бумаги гоблину, чтобы он передал их мне.

Кли-кли отвесил мне шутливый реверанс в лучших традициях придворных дам, сложил ножки крестиком, присел и протянул бумаги. Я убрал их в сумку, не обращая на дурака никакого внимания, что, кажется, его не очень сильно расстроило. Во всяком случае, он незаметно для окружающих скорчил мне рожицу и вновь вернулся на ковер.

— У меня еще два вопроса. Что это за залы Уснувшего шепота и эха?

— Не знаю, Гаррет. У нас в Заграбе ходят легенды о многих страшных вещах, находящихся в Костяных дворцах, но я к ним попросту не прислушивалась. По крайней мере, про такие залы в Храд Спайне я ничего никогда не слышала.

— А кто такие эти Кайю?

— Точнее, слепые стражи Кайю, — поправила меня эльфийка. — Это еще одна сказка из тех, что живут уже второе тысячелетие. Она появилась в то время, когда мы стали воевать с орками в Костяных дворцах. Чтобы защитить могилы эльфийских владык от надругательства, наши шаманы вызвали из каких-то далеких миров существа, чтобы они вечно оберегали покой мертвых. Это очень-очень старая сказка. Никто уже сотни лет не был на тех ярусах, а наши записи о Кайю противоречат сами себе.

— Интересно, как слепые могут кого-то охранять?

— Палочкой, мой любезный вор, палочкой, — объяснил мне шут. — Ходят туда-сюда и палочкой по полу стучат. Ну, иногда еще друг на друга натыкаются и ругаться начинают.

— Кли-кли, помолчи.

— Замолкаю, милорд Крыса.

— Вы выступаете завтра поутру, — сказал король. — Леди Миралисса и ее спутники поведут отряд по лесам Заграбы. Алистан, ты командуешь отрядом. Постарайтесь нигде не задерживаться и вернуться как можно быстрее. Как только настанет весна и растают снега на перевале, Неназываемый двинет армию из Безлюдных земель.

— Мой король, может, стоит послать к Одинокому Великану несколько тысяч для поддержки?

— А смысл? Дикие все равно не выстоят. Регулярная армия там будет только мешать. Одинокий Великан — это всего лишь маленькая плотина, и она лопнет под объединенным натиском Безлюдных земель. Граница всегда держалась только на храбрости Диких и из-за неспособности агрессора объединиться. Послать туда армию, Алистан, это рискнуть жизнью королевства. Да ты и сам это должен понимать. К примеру, пошлем туда сотню Бобровых шапок и Веселых висельников^[32] с пяти кораблей. Они помогут Сердцам продержаться как можно дольше. Неделю, в крайнем случае две, чтобы я успел подготовить контрудар. Ближе к зиме нужно будет отправить еще тысячу солдат.

— Мой отец и другие главы домов собираются прислать вам в помощь около трехсот лучников, — сообщила Миралисса.

— Да? — Это известие обрадовало не только короля. — Передайте

мою благодарность вашему отцу, миледи.

Многим покажется, что триста лучников — это капля в море... Что ж, это действительно так, если это не эльфы. Триста эльфийских лучников способны устроить смертельную жатву среди врагов. Прошло уже восемьсот лет с тех пор, как Филанд чего-то не поделил со светлыми эльфами И'альяла, но все до сих пор помнят, как неполная сотня эльфов разгромила отряд тяжелой кавалерии филандцев. Попадая стрелами между сочленениями доспехов или в смотровые щели шлемов, выпуская по двадцать стрел в минуту, горстка эльфов заставила отступить четыре отборные сотни кавалерии. Точнее, успели отступить только двести человек. Еще столько же осталось на земле.

— Мы пройдем через Валиостр, пересечем Иселину и войдем в леса из Пограничного королевства, — между тем сказала Миралисса.

— Места там опасные, — неодобрительно нахмурился Маркауз. — Это ведь территория орков.

— Но здесь находится ближайший к нам вход в Костяные дворцы, до второго нужно будет еще две недели пробираться через леса Заграбы. — Миралисса поправила выбившуюся из высокой прически прядь пепельно-серых волос. — Так что нам придется рискнуть, так же как и предыдущим отрядам.

Алистан Маркауз ничего не сказал, но и ежу было бы понятно, что он не очень доволен перспективой добираться до Храд Спайна через леса орков. Как и я. По мне уж лучше сидеть дома и попивать вино.

— Думаю, что за месяц вы достигнете цели своего путешествия. То есть в первых числах августа вы должны быть на месте, — произнес Арцивус.

— Это если никаких непредвиденных обстоятельств не будет, — возразил Сталкон.

Все сразу поняли, о каких непредвиденных обстоятельствах идет речь. О тех самых, что не дали закончить экспедицию первым двум группам.

— Надеюсь, их не будет. А за то время, как мы будем в походе, нужно готовить армию. На наше предприятие надежды маловато.

Граф Алистан не очень-то стремился отправляться в путешествие.

Вполне понятное нежелание. Мало того что придется путешествовать в компании с вором, так еще и короля в самое опасное время нужно оставлять без опеки.

— Ты же знаешь, что я уже готовлю, — раздраженно отмахнулся Сталкон. — Но нас все равно мало. Катастрофически мало. Что такое несколько десятков тысяч против бесчисленных полчищ из Безлюдных

земель? Капля в море. Король Шаргаз приносит свои извинения, но он не может прислать нам ни одного солдата. Все Пограничье сейчас возле лесов Заграбы, орки обнаглели. Пограничное королевство ждет нападения, и им нужен каждый солдат. Кстати, Гаррет, все, что я хотел от тебя услышать, я услышал. Можешь быть свободен. Не думаю, что тебе будут интересны государственные дела. Кли-кли, проводи мастера Гаррета и покажи ему его вещи, комнату и все остальное.

Я понял, что разговор окончен, встал, поклонился и вышел вслед за шутом. Мне действительно не интересно слушать, сколько кавалерии перебросить на левый фланг и какое количество провианта понадобится арбалетчикам.

— Следуй за мной, Танцующий в тенях. — В голосе шута слышалось невероятное количество официальности.

— Не называй меня так.

— Почему? — невинно скосил на меня глаза гоблин.

— Потому что я так хочу!

— О, — понимающе сказал шут. — Тогда не буду.

Мы вновь пересекли громаду тронного зала, теперь уже в обратном направлении, и вышли в коридоры дворца.

— Ты что предпочитаешь увидеть сначала? Свое временное место обиталища или нового друга?

— Какого еще друга?

— Пойдем покажу.

Идти пришлось довольно долго. Мы вышли из здания, прошли мимо уже опустевшего садика, из всех Диких там был лишь Горлопан, видевший уже свой четвертый, если не пятый, сон.

— Кли-кли, — спросил я у шута по дороге, — а эти Дикие, откуда они?

— Естественно, из Одинокого Великана, — фыркнул гоблин.

— Да нет же, — раздраженно фыркнул я в ответ. — Из какого подразделения Диких?

— О! Все, кроме Арнха, из Шипов^[33]. Арнх из Стальных лбов^[34].

Шипы... Вот теперь я действительно спокоен за свою шкуру. С такими ребятами очень сложно попасть в неприятную ситуацию. Даже если очень-очень стараться. Да и о мастерстве Толстолобиков, как называли Стальных лбов другие воины, ходит куча различных историй.

Наконец шут привел меня в хозяйственные постройки, находящиеся довольно далеко от дворца. Если быть абсолютно точным, шут привел меня прямо к конюшне.

Здесь пахло свежим сеном и навозом (тоже, кстати, свежим). Лошади в стойлах с интересом косились влажными карими глазами на незваных пришельцев. То и дело кто-нибудь из лошадиного племени тянулся к нам мордой в надежде получить угощение или просто для того, чтобы обнюхать неизвестных. Лошадок тут было с полсотни. И изящные доралиссские кони, и невозмутимые тяжеловозы, и мощные, кажущиеся непосвященному такими страшными боевые лошади Низины.

— Вот, познакомься. — Шут положил руку на морду крупной кобылы пепельного цвета низинской породы. — Это Пчелка. Она теперь твоя.

— Мда? — неуверенно спросил я.

— В чем дело, Гаррет? — Кли-кли с интересом воззрился на меня. — Тебе лошадь не нравится? Это подарок короля.

— Ну почему не нравится? — Я погладил потянувшуюся ко мне лошадь за ухом. — Очень даже нравится. Просто я не очень хорошо умею на них ездить.

— То есть как?

— То есть так, — раздраженно ответил я гоблину. — По-твоему, у меня дел больше не было? Только и оставалось кататься на лошадях туда-сюда по Авендуму? Куда мне раньше было ездить, скажи на милость?

— М-м-м, дела... — протянул гоблин и почесал в затылке. — Ладно, я тебя сегодня научу.

Я посмотрел на шута с таким видом, как будто он предложил мне поцеловать ядовитую змею.

— Гаррет, успокойся. Я действительно могу тебе помочь. Ездить на лошадях довольно просто, к тому же ты сам сказал, что раньше уже ездил.

— Ну, ездил в далекие времена.

— Значит, вспомнишь, — решительно отмел все мои колебания гоблин. — Пчелка умная, ее обучали. Она к тому же является боевым конем, то есть кобылицей, то есть кобылкой... Ну, ты понял... Вот! На, угости ее.

Кли-кли достал откуда-то здоровенное красное яблоко и протянул его мне.

— Не гнилое? — Я еще помнил, чем шут накормил зверушку Сурка.

Кли-кли ничего не сказал, лишь посмотрел на меня так, как будто я ему в душу плюнул.

Пчелка весело захрумкала угощением, и в ее миролюбивом взгляде стало еще больше доброжелательности. Не очень верится, что она боевая кобылка... Тьфу! Привязалось!

— Пошли, покажу тебе комнату, — потянул меня за рукав Кли-кли. —

Там, кстати, вещи. Карлик вместе с кольцом принес.

Должно быть, Хонхель все же притащил то, что я не забрал в тот вечер из его лавки. Я безропотно пошел за королевским шутом, понимая, что сегодня он с меня не слезет и придется терпеть до завтрашнего утра, когда я с радостью помашу зеленому гоблину рукой.

— Кстати, нужно зайти к оружейнику и подобрать тебе приличный меч и кольчугу. — Кли-кли прямо распирало от жажды деятельности.

— Вот уж не надо мне такого подарочка. — Я отрицательно покачал головой.

— Ы-ы-ы... — Гоблин показал мне зубы. — Что не так в этот раз?

— Меч мне нужен так же, как удавка утопленнику. Я все равно не умею с ним обращаться. Мне, любезный шут, достаточно вот этого. — Я похлопал рукой по короткому клинку на бедре и сунул под зеленый нос королевского дурака арбалет.

— Ну как знаешь. — Шуту лень было со мной спорить. — Тогда подберем тебе броню.

— Я ведь не Алистан Маркауз, Кли-кли! Не собираюсь я таскать на себе выработку целой шахты гномов!

— Не нервничай. Найдем тебе легкую и безопасную броню. — Гоблин не унывал.

— Да не нужна она мне! В кольчуге двигаться неудобно! Тем более что я не собираюсь лезть в авантюры!

— Гаррет! — Шут направил на меня палец и вынес вердикт: — Ты скучный и неинтересный тип.

Хоть в чем-то мы с гоблином пришли к единому мнению.

Глава 19

Ночь во дворце

Удача в последнее время самым невоспитанным образом отвернулась от меня. Поэтому я нисколько не удивился, что в последнюю ночь, когда я хотел отоспаться в нормальной постели (когда еще представится такой великолепный шанс?), поспать-то мне и не дали. Я тихо застонал, проклиная все и вся, и, перевернувшись на спину, уставился в потолок. Трусливый сон бежал от меня, как здоровый бежит от прокаженного. Что же меня разбудило?

Поначалу я решил, что на меня снизошла очередная проделка гоблина. Но маленького шута поблизости не было, он спал младенческим сном где-то в своей комнате, намаываясь со мной за день. Шутка ли, преподать Гаррету урок управления лошадью, да еще так достать нытьем по поводу невыбранной кольчуги, что мне пришлось уступить его требованиям и подобрать себе железную рубаху из королевской оружейной. Шут остался доволен и с победной улыбкой отправился на боковую.

Вот опять! В спальню, находившуюся на втором этаже королевского дворца, проникли разбудившие меня звуки, точнее крики. На этот раз они были гораздо громче. Крики перемежались звоном оружия, а это было уже совсем плохо. Еще полностью не проснувшись, я считал возмутителей спокойствия обычными напившимися ребятами, возвращающимися, например, с гулянки, устроенной младшим сыном Сталкона. Однако выходило, что в коридорах дворца идет схватка. Вот только кто с кем и по какой причине сражается?

Раздумывал я на ходу, стараясь в темноте попасть в штанину и одновременно нащупать оставленный на стуле арбалет и сумку с болтами. За окнами загудели горны, поднимая на ноги гвардию. Вначале один, затем другой, и через короткий промежуток времени сигнал тревоги звучал по всему королевскому дворцу.

Наконец я справился с непокорными штанами и, схватив арбалет с болтами, бросился к окну. Речи о том, чтобы зажечь свечу, попросту не было. Слишком много времени нужно потратить. Придется заряжать арбалет при свете звезд. Нет, я могу зарядить его и в полной темноте, но перепутать обычный болт с каким-нибудь из волшебных, а затем пальнуть и самому оказаться поджаренным...

— Тревога! Тревога! — перекликались горны.

По улице бегали люди с зажженными факелами, по какой-то причине ни один из волшебных фонарей, сооруженных на территории дворца Орденом, не горел.

Прямо под моим окном пробежали несколько гвардейцев, двое несли на руках раненого. Чуть дальше, направляясь в противоположную сторону, двигался еще один отряд воинов, наконечники копий в их руках грозно блестели в дрожащем свете факелов.

Две человеческие тени выскочили откуда-то из дворца и бросились бежать в глубь сада. Один из гвардейцев первого отряда заметил беглецов. Оставив раненого на попечение двух гвардейцев, остальные воины бросились преследовать убегающих.

Один из беглецов остановился и вскинул руки. Затем человек отчего-то стал крутиться и одновременно раскачиваться из стороны в сторону. Гвардейцы перешли с бега на шаг, осторожно приближаясь к беглецам и не очень-то понимая, что вытворяет этот сумасшедший и не хочет ли он притвориться деревом. Разгадка раскрылась слишком поздно для солдат короля. Человек прекратил свое безумство и резко вскинул руку в сторону воинов. Приближающихся к нему гвардейцев раскидало в разные стороны, как детские соломенные игрушки.

Тьма! Это же самый настоящий шаман!

И тут же в ответ на магию шамана откуда-то с верхних этажей дворца ударил серебристый росчерк молнии. От неожиданности я пригнулся, пытаюсь прогнать разноцветную карусель, кружившуюся в моих глазах. Когда я вновь смог нормально видеть, беглецов уже не существовало. На том месте, где они только что находились, красовался огромный черный круг выжженной земли. По его краям еще горела трава. Маг Ордена жажнул по врагам от всей души. От злоумышленников ничего не осталось. Во всяком случае, отсюда их тел видно не было. Второй отряд гвардейцев уже спешил на помощь к пострадавшим товарищам.

Вновь запели горны, возвещая о тревоге и призывая к оружию.

Гвалт за дверью стоял невообразимый, бой уже шел в начале того коридора, где располагалась моя спальня. Значит, злоумышленников было намного больше, иначе отчего не слышно победных криков многочисленных гвардейцев?

— Король! Сталкон! Валиостр! — раздался боевой клич королевской гвардии.

— Неназываемый! Месть! — ответили им.

Так вот кто решился на такой шаг! Сторонники Неназываемого! Эти

гады были повсюду. Иногда в сочувствии к Неназываемому стоило подозревать родного и любимого дядюшку-одуванчика, который и мухи-то в обычной жизни не обидит. И чем сильнее становился мятежный маг, тем больше сторонников он обретал среди рода человеческого. Не понимал я таких людей. Что ими движет? На что они надеются, вступая на дорогу предательства?

Кто-то усиленно стал долбить в мою дверь.

— Кто? — рывкнул я, не спеша подходить к двери и на всякий случай направляя на нее арбалет.

— Гаррет, это Кли-кли! Отпирай скорее!

Голос был похож на голос королевского шута, но сомневаться, что его подделали, времени не было, схватка довольно живо продвигалась в мою сторону, и если за дверью маленький гоблин, то он может попасть в очень щекотливую ситуацию, оказавшись между молотом и наковальней.

Я подбежал к двери и поспешно отпер замок.

— Я не один, не стреляй. — Маленькой мышкой ко мне в спальню прошмыгнул Кли-кли.

Сразу за ним последовали еще две тени, чуть побольше, чем гоблин, но гораздо меньше меня.

— Закрой дверь, — подкинул хорошую идею Кли-кли. — Делер, зажги огонь.

Я захлопнул дверь и повернул ключ.

Вспыхнул маленький огонек, а затем и факел, который осветил лица моих гостей.

Шут оказался без своего колпака с бубенцами, его физиономия была необычайно серьезной и сосредоточенной. На правой щеке тонким красным волоском сияла неглубокая царапина. Двумя руками Кли-кли крепко сжимал топор, навверное снятый со стены. Во дворце такого оружейного барахла, как я уже успел убедиться, предостаточно. Топор, на мой взгляд, был для гоблина слишком тяжел.

Рядом с шутом стоял Делер, держа в одной руке факел, а в другой обоюдоострую секиру, щерившуюся на меня хищными полумесяцами лезвий. В отличие от гоблина, карлик не выглядел растрепанным. Даже шляпа с узкими полями, почему-то так напомнившая мне походный котелок, на голове у карлика сидела как влитая.

Третьим моим гостем был Халлас. Он, не обращая на меня никакого внимания, как будто пришел в гости к себе в Стальные шахты, подбежал к окну и стал смотреть на улицу. Боевую мотыгу гном небрежно прислонил к стене.

— Это мастер Гаррет, — представил меня воинам Кли-кли.

Делер вежливо снял шляпу, гном просто кивнул.

— Что случилось, Кли-кли? — спросил я у гоблина.

— Что, что — нападение! Они к королю пробирались, но гвардейцы что-то заподозрили, и пошла потеха!

— И как, стервецы, обнаглели! — загудел Делер. — Переоделись в мундиры гвардии!

— Да кто они такие?

— Раки, — сплюнул гном, не отрываясь от окна. — Выкормыши Рачьего герцогства! Да и другие сторонники Неназываемого, небось из ваших городских!

Гном скорчил рожу, говорящую о том, что к городским жителям Халлас относится ничуть не лучше, чем к гномам.

— В общем, так, Гаррет, — деловито зачастил шут. — Один из этих отрядов сейчас движется по коридору сюда. Парни Алистана его сдерживают, но все равно отступают, силы слишком неравны. Мы должны им помочь.

За окнами раздался гвалт ничуть не слабее, чем за дверью.

— Эти отвоевались, — хохотнул Халлас и от избытка чувств ударил кулаком по подоконнику. — Гвардейцы их всех на копья посадили!

— Отойди ты от окна, чудо бородатое! — не выдержал карлик. — Нам сейчас других выручать надо!

— Да не ной ты, — отмахнулся от напарника гном, но все же подошел к нам, захватив по дороге мотыгу.

— Как мы им поможем, Кли-кли? — спросил я, надевая рубаху.

Четверо против скольких? С учетом того, что двое и оружие-то толком держать не умеют. Или карлик с гномом настолько хороши, что мы им с гоблином без надобности?

— Гвардейцы отступают, эти гады за ними, как только убийцы пройдут мимо нашей двери — у них будут открыты спины. Вот тут-то мы и ударим.

— Уже близко. — Гном, приложив ухо к двери, слушал.

Видно, на лице у меня отразилось слишком скептическое отношение к безумному плану гоблина, поэтому Кли-кли добавил:

— Гаррет, пораскинь мозгами! У тебя ведь огненные болты есть. Шандарахнем им в спину, мало не покажется!

— А ты откуда знаешь, что у меня есть? — Я уже разряжал арбалет, вытаскивая обычные болты и вставляя два огненных.

Сумку с остальными зарядами я, поколебавшись, перекинул через плечо.

— А я полазил в тех вещах, что твой карлик-торговец вместе с кольцом Сталкона притащил, — нисколько не смущаясь, ответил Кли-кли.

— Еще чуть-чуть! — Делер присоединился к Халласу и застыл перед дверью, держа секиру и факел на изготовку.

— Господа, вы сейчас не лезьте, — предупредил я Диких. — А то и вам от моих болтов достанется.

— Магия, — скорчил презрительную гримасу гном.

— Ты мне тут поумничай, — бухнул Делер. — Как скажете, мастер Гаррет. А этому умнику я, если что, бороду оторву!

— Руки короткие, — парировал гном. — Сейчас как дам мотыгой!

— Ох, договоришься ты у меня, мотыжник. — Делер нехорошо сощурил глаза. — Кэ-э-эк стукну стулом! Сунешься вперед, поджаришься! Помяни мое слово!

— Делер сейчас стулом одному из этих голову проломил, — гордо сказал шут, как будто в этом была его заслуга, а не карлика. — Мы как раз отмечали, когда они появились и весь праздник испортили. Гады!

Что они отмечали, я спросить не успел, потому как гном рявкнул:

— Пора!

Он распахнул дверь и вместе с карликом выкатился в коридор. Мы с Кли-кли последовали сразу за ними. Я успел старательно помолиться, чтобы не попасть на лезвие чьего-нибудь меча.

Гвардейцы дрались отчаянно, но отступали. А на них напирало человек двадцать пять в точно таких же, как у них, серо-синих мундирах, но с белыми повязками на рукавах. К счастью, коридор был довольно узок, поэтому гвардейцы с грехом пополам сдерживали нападающих, которые не могли воспользоваться тем, что их большинство. К тому же копья в руках малочисленных сторонников короля давали небольшое преимущество перед врагом. Продвигались нападающие в два ряда. Задние не вступали в битву. Воины просто шли следом. Их спины оказывались беззащитными...

И этим следовало воспользоваться как можно быстрее, чтобы помочь гвардейцам. Преданные королю, как многие называли серо-синих, из последних сил сдерживали натиск противника.

— Чего ты ждешь?! — завопил на меня Кли-кли, возбужденно взмахнув топором и чуть не попав в голову переминающегося от нетерпения гнома. — Стреляй!

Щелк! И огненный росчерк рассек коридор.

Болт попал в толпу нападающих на гвардейцев заговорщиков и взорвался. Громыхнуло, вспыхнуло, кто-то заорал от ужаса и боли. По крайней мере пятерка убийц отправилась во тьму. От человека, в которого я

попал, остались одни головешки.

Но надо отдать должное нападающим — они быстренько разобрались, в чем тут дело, и семеро воинов отделились от общей кучи, продолжившей битву с воспрянувшими гвардейцами. Ребята стояли насмерть, больше не собираясь отступать.

Между тем на нас двинулись семь человек.

Гном, рыча, бросился наперерез бежавшим к нам воинам, но Делер швырнул в бегущих факел и освободившейся рукой успел схватить Халласа за бороду и резко дернуть вниз. Халлас взвыл и упал на пол. Делер и Кликли последовали за ним, зная, что сейчас произойдет.

Я выстрелил второй раз, целясь в здорового детину, несущегося на меня бодрой прытью одуревшего от счастья кабана.

Еще раз грохот освободившегося из магической ловушки огня ударил по ушам, а лицо лизнули языки жара. В этот раз все произошло довольно близко, и я только каким-то чудом избежал встречи с огнем.

Детина, как и следовало ожидать, развалился надвое, еще двоим, бежавшим по бокам от него, попросту оторвало все выступающие части тела. Остальные оглушенно трясли головами, протирали глаза и дружно вопили. Особенно тот парень, у которого сгорели волосы, а теперь огонь весело поедал его одежду.

Халлас сказал что-то насчет того, что дайте срок — и он доберется до скотины, посмевающей схватить его за бороду, а затем принялся мотыжить пока еще не отошедших от последствий выстрела врагов. Делер решил не оставлять всю забаву на одного гнома, подобрал с пола факел, и его секира запела песнь в унисон боевой мотыге гнома. Один из врагов попытался ударить карлика мечом сверху вниз, но рыжий Делер поднырнул под падающий клинок и перерубил ретивому воину обе ноги. Тот, захлебываясь криком, упал на пол, но его безжалостно добил гном, опустив мотыгу ему на голову.

Буквально за полминуты из бравой семерки, точнее четверки, оставшихся в живых после моего выстрела, никого не осталось. Карлик с гномом работали слаженно и вдохновенно.

— Сталкон и Одинокый Великан! — заорал Халлас и, потрясая мотыгой, побежал к оставшимся врагам, которые в это время сражались с приободвившимися от нежданно свалившейся помощи гвардейцами.

Делер, так и не выпустивший из руки факел, ткнул его кому-то в голову, наискосок с криканьем саданул секирой другого. Теперь перевес был уже на нашей стороне, и гвардейцы с дружным ревом сминали последнее сопротивление.

— Как мы их! — воодушевленно сказал Кли-кли.

Гоблин стоял, широко расставив коротенькие ножки, и топор, казавшийся огромным в его руках, касался лезвием мраморного пола. Шут заметил мой скептический взгляд.

— Ладно, ладно, Гаррет! Ты их, — миролюбиво согласился он. — Но если бы я тебя не охранял...

— Это ты меня охранял? — возмутился я, между делом перезаряжая арбалет, на этот раз уже самыми обычными болтами.

— Я! — Смутить шута было довольно сложно. — Ну а если ты не согласен, что я спас тебя, то моя заслуга все равно стоит всех сокровищ Сиалы. Ведь это я придумал гениальный план нападения на ничего не подозревавшего противника.

— Смотри не умри от бахвальства, — ответил я Кли-кли, наблюдая, как последнего злоумышленника протыкает гвардейский меч.

— Сзади, Гаррет! — взвизгнул гоблин, и я резко обернулся.

С другой стороны коридора к нам приближался целый отряд воинов, но понять, кто это такие — гвардейцы или переодетые в гвардейскую форму враги, было сложно.

Увидев, что я направил арбалет в их сторону, неизвестные закричали:

— Сталкон и Весенний Жасмин!

— Гаррет, это свои! — крикнул шут, опасаясь, что я ненароком подстрелю младшего сына короля, получившего прозвище Весеннего Жасмина за случай, когда...

Но это уже другая история, надеюсь, на нее еще найдется и время, и место, и благодарные слушатели.

Многочисленный отряд гвардейцев под командованием Сталкона-Жасмина поравнялся с нами.

— Вижу, Кли-кли, что ты тоже воюешь, — усмехнулся принц.

Ему было всего восемнадцать, но паренек вполне уверенно держал меч, а господа гвардейцы готовы были прыгнуть на горячие угли вслед за будущим королем.

В юном Сталконе чувствовалась порода. Он не очень походил на своего отца и старшего брата — Сталкона Лишенного Короны. Стройный и гибкий принц больше взял от матери, второй жены Сталкона Девятого.

— Наш славный шут всех победит, — весело хохотнул уже знакомый мне по встрече возле ворот гвардеец-барон.

— Эх, хорошо! — К нам подошел Халлас, его мотыга по самую рукоять была в крови.

Стали подтягиваться и другие гвардейцы из отряда, которому мы

помогли выстоять.

— Мой принц! — Рубаха лейтенанта Изми намочла от крови, но стоял он крепко, не обращая внимания на досадную царапину. — Я счастлив, что вы пришли нам на подмогу!

— Это не он пришел. — Шут не собирался оставаться в стороне и намеревался получить свою долю славы и благодарности. — Если бы я не придумал гениальный план, мастер Гаррет не выстрелил волшебными болтами, а славные господа Делер и Халлас не поработали железом, лежать бы вам, лейтенант, вместе с ребятами на полу.

— Я обязательно награжу тебя орденом, дорогой Кли-кли. — Принц постарался сохранить серьезное выражение лица.

— И маршальским жезлом, — немного оттаяв, буркнул гоблин.

— Я подумаю. — Все же принц улыбнулся.

Некоторые гвардейцы попросту хохотали. Как будто и не было никакого боя. Умеют ребята расслабляться в любое время!

Вновь запели горны, но теперь в их голоса уже ворвались победные нотки, и тут же к принцу подбежал невесть откуда взявшийся гвардеец.

— Мой принц. — Он едва-едва поклонился и зачастил скороговоркой: — Северное и Западное крыло дворца полностью освобождены, в Восточном еще идут отдельные схватки, но милорд Алистан с ребятами разберутся с ублюдками сами. На третьем этаже Южного крыла идет бой, гады хорошо укрепились в зале, и мы их не можем выкурить.

— Что с отцом? — коротко бросил принц.

— Король в безопасности и вместе с тремя отрядами парней идет на соединение с милордом Маркаузом. Он попросил вас зайти в Южное крыло с Жемчужной лестницы, а Алистан пройдет из зала Цветов.

— Идемте, прижмем мокриц! — гаркнул принц.

Гвардейцы ринулись вслед за будущим королем. Гном и карлик увязались следом, причем шли они в первом ряду и чуть ли не обгоняли молодого Сталкона. Воистину карликам и гномам только бы повоевать!

— Пошли, Гаррет. — Кли-кли дернул меня за край расстегнутой рубахи. — Твой арбалет еще понадобится!

— Я вор, а не солдат, — запротестовал я. — К тому же людей с арбалетами тут хватает.

Действительно, среди гвардейцев я насчитал по крайней мере восьмерых, несших тяжелые армейские арбалеты, болты которых способны насквозь прошить воина в тяжелых доспехах.

Но я все же пошел вместе со всеми, так, в общем-то, и не поняв, что

меня подвигло на столь безумный поступок. Разбираться в собственных мотивах буду после. Если это после когда-нибудь настанет.

Следы боя были повсюду. Валяющееся оружие, разбитые вазы, сорванные гобелены, кровь и тела. На полу лежали и гвардейцы, и самозванцы. К утру кто-то должен лишиться головы. Во дворец проникли не пятьдесят и даже не сто бойцов. Счет шел на несколько сотен, а эти сотни никак не могли попасть сюда без посторонней помощи. Значит, предатели есть среди дворцовых слуг и, боюсь, даже в рядах гвардии. Королевским песочникам предстоит большая работа по выявлению злодеев.

Во время продвижения отряда по коридорам, лестницам и залам дворца к нам присоединялись гвардейцы. Иногда это был один человек, иногда сразу двадцать. Бой закончился, критическая точка битвы, когда решается, на чьей стороне сегодня будет Сагра, перевалила за середину. Мы выстояли. Враг думал, что серо-синие дадут застать себя врасплох, и поплатился за это. Какую бы цель ни ставили перед собой сторонники Неназываемого, в этот раз у них ничего не вышло, а следующего раза, думаю, уже не будет. Во всяком случае, такого дерзкого нападения. Милорд Крыса приложит все усилия, чтобы даже мышка не прошмыгнула, не то что три с лишним сотни убийц.

— Изми, бери четыре десятка и заходи в Южное крыло через сад, — отдал приказ принц. — Захлопнем мышеловку!

— Маркиз Вартек, ваши люди готовы? — спросил Сталкон у беловолосого гвардейца.

— Да! — Еще один мой знакомый по встрече на воротах сейчас был необычайно сосредоточен.

— По северному коридору, прижмите их к стене, остальные за мной!

— Гаррет, мы с маркизом! — Кли-кли полностью взял на себя командование моими дальнейшими действиями.

Остальные гвардейцы между тем уже уходили за принцем в очередной коридор.

— Лишний арбалет не помешает, — кивнул Вартек, принимая в свой маленький отряд нашу компанию.

— Как и секира! — Делер все же умудрился в пылу боя потерять свою шляпу.

— Как и мотыга! — возразил гном, сунув под нос карлику окровавленное оружие.

Я тихо застонал, предвидя очередной спор, но Вартек с восемью арбалетчиками уже поднимались по лестнице, поэтому Делер только

сплюнул под ноги и поспешил вслед за солдатами. Халлас решил не отставать от напарника, закинул мотыгу на плечо и, пыхтя, тоже принялся подниматься по лестнице. Я и шут замыкали шествие, причем Кли-кли выглядел таким воинственным, что, выскочи на нас Х'сан'кор, неизвестно, что бы с ним случилось от страха.

— Тебе не тяжело? — заботливо спросил я у гоблина. — Бросил бы топорик-то.

— Ты за собой следи, — процедил шут, но все же, как только мы натолкнулись на очередные последствия дворцовой схватки, отбросил тяжеленный топор в сторону и поднял длинный кинжал с листообразным лезвием.

Шут пару раз взмахнул оружием, чуть не отрезал себе ухо и остался вполне доволен новым приобретением.

Мы свернули в широкий темный коридор, тут не было ни факелов, ни фонарей. То ли их погасили, то ли попросту не успели зажечь. Лишь шагах в ста впереди горел свет. Так что нам пришлось идти почти на ощупь. Никто, к счастью, не упал, лишь Делер разразился стонами и шипением, когда кто-то в темноте наступил ему на ногу. Но карлик поберег ругань на другой раз и поэтому только буркнул себе под нос что-то на гномьем языке, стараясь больше не попадаться людям под ноги.

Четыре коридора сходились в одном месте и приводили путников в огромный зал с зеркальными стенами. Конечно, он был не таким гигантским, как тронный, но достаточно большим, чтобы в нем собрались последние сторонники Неназываемого. Они сгруппировались в центре зала, обнажили оружие и просто ждали. Человек сорок в центре круга. За их спинами было что-то большое и темное, сверху накрытое тряпкой. Я толком не смог рассмотреть, что это такое. Спины обороняющихся надежно скрывали неизвестную вещь.

Все коридоры были перекрыты, и злоумышленникам попросту некуда было деться. С одной стороны принц с гвардейцами, с другой — отряд Изми, с третьей — Алистан Маркауз, уже успевший облачиться в свою любимую броню. Он и копейщики медленно подбирались к врагам, сжимая кольцо. А с четвертой были мы, да пяток гвардейцев, да Дикие.

— Явились, — бухнул Дядька, неодобрительно оглядывая гнома и карлика. — Где вас носило?

— Развлекались мы. — Делер небрежно протирал тряпицей лезвия секиры.

— Давай, Вартек! — крикнул Изми с другого конца зала.

Восемь арбалетчиков выдвинулись вперед, и армейские склоты [\[35\]](#)

замерли в хищном напряжении, готовые по первому приказу выплюнуть болты в цели.

— Эй, вы! — гаркнул Маркауз. Голос из-под его шлема, так похожего на крысину голову, звучал приглушенно. — Сдавайтесь, и король обещает вам справедливый суд!

Из рядов сторонников Неназываемого вылетело ответное предложение, советующее, что король должен сделать со своим наисправедливейшим судом и куда он его может засунуть. Ребята как минимум трижды совершили преступление против короны, поэтому надеяться на милость короля у них не было никаких оснований. Все равно они, можно считать, покойники.

Маркауз едва кивнул, и раздалось дружное щелканье склотов. Восемь болтов попросту пробили не защищенных кольчугой людей насквозь. Три болта, после того как поразили свои цели, умудрились пройти сквозь тела людей и убить стоящих позади. Капитан гвардии не собирался гнать своих воинов на убой. Проще расстрелять врагов издали.

— Перезаряжай! — раздалась команда Вартека.

Гвардейцы уперли арбалеты в землю, поставили на специальную подставку ногу и с остервенением принялись крутить механизм, отвечающий за натягивание тетивы. Да... Это не моя игрушка, тут штуки посерьезней.

Пока гвардейцы приводили арбалеты в боевую готовность, из рядов врагов вышел человек. Он молча поднял руки вверх, медленно стал крутиться и одновременно раскачиваться из стороны в сторону, как будто был деревом, борющимся с порывами осеннего ветра. То же самое делал шаман в королевском саду, пока его не испепелила молния кого-то из магов Ордена.

Я понял, что у всех нас начались большие проблемы и, если в эти секунды что-то не предпринять, на нас дубиной упадет огрское шаманство.

— Алистан! — заорал я. — Алистан, он шаман!

Арбалетчики только-только закончили натягивать тетиву и теперь накладывали болты, но опаздывали. Безнадежно опаздывали.

Я выстрелил. Сначала один болт, затем другой. И не попал. Руки слишком дрожали или смерть решила в этот раз обойти шамана стороной, но болты прошли мимо, лишь второй едва-едва задел его серо-синий гвардейский мундир.

Нас всех спас кто-то из гвардейцев отряда Изми, кинув в шамана копье. То ли шаман был простофилей, то ли неумехой, но он даже не успел выставить перед собой преграду. Тяжелое оружие ласточкой промелькнуло

через весь зал и со смачным всхлипом ударило колдуна в живот, отбросив его назад, в толпу сторонников Неназываемого.

И вот тут-то это случилось. Уж не знаю, почему он начал действовать — то ли его разозлила смерть шамана, то ли он был под контролем колдуна, то ли ему попросту надоело ждать. Но зал огласился яростным ревом, и, расталкивая последних из оставшихся злоумышленников, перед нашими глазами предстал тот, кто чуть ранее прятался под кучей тряпок, а точнее под сорванной откуда-то со стен дворца черной драпировкой.

— Огр! — закричали гвардейцы.

В их голосах звучал нескрываемый ужас.

Я смотрел на существо, ранее виденное мной только на картинках, во все глаза. Эти ублюдки умудрились протащить во дворец настоящего живого огра! Одного из племени тех, кто не ступал на землю Валиостра вот уже несколько тысяч лет! Хотя у Рачьего герцогства было несколько кораблей, и они были вполне способны рискнуть и провезти эту тварь на нашу землю морем Бурь, минуя стороной Одинокого Великана.

Несведущему трудно поверить, что огр является родственником орков и эльфов. Высотой два с половиной ярда, с иссиня-черной, агатовой кожей, мордой, где сходство с эльфами и орками заключалось только в черных губах, огромных клыках, растущих из-под нижней губы, и пепельно-серой гриве волос. Маленькие черные зрачки, почти сливающиеся с радужкой на фоне голубых белков, кабанье рыло и огромные заостренные уши, причем каждое ухо размером с приличный лопух. Мощное, кажущееся квадратным тело, облаченное лишь в шкуру белого медведя, под которой жгутами переливались стальные бугры мышц. Шеи у огра вообще не было, казалось, что его голова растет прямо из плеч. В довершение всех неприятностей у монстра в руке был здоровущий топор. Его зазубренным лезвием, если постараться, вполне можно перерубить колонну, удерживающую фасад Королевской библиотеки. Я не шучу.

— Все назад! — коротко рыкнул Медок. — К стенам! Арбалетчики, не спать!

Гвардейцы дружно шарахнулись к стенам или стали отходить в коридоры. Арбалетчики дали очередной залп. Попал по закону всемирного свинства лишь один. Болт врезался в правую верхнюю часть груди огра, заставив того сделать невольный шаг назад и... И все, собственно. Вот и весь эффект. По слухам, у этих созданий два сердца, и, чтобы все сделать наверняка, нужно поразить их оба. Чего уж тут говорить, если сейчас болт практически не задел никаких жизненно важных органов.

— Сурок, справа! Горлопан, заходи со спины! Сейчас мы разделаем

этот орешек! — Медок уже шел на огра, раскручивая над головой страшный огр-шач^[36].

Цепь, соединяющая рукоять и било оружия, рассерженно звенела.

Сурок с Горлопаном уже окружали огра, держа полоторные мечи обеими руками. Огр рыкнул, резко развернулся и ударил топором сверху вниз, в голову Горлопана. Тот отпрыгнул в сторону, и топор ухнул, разбив изящную плитку пола. Во все стороны брызнула каменная крошка.

Сурок воспользовался заминкой огра и, подскочив к нему сзади, ударил врага мечом по ноге. Даже не ударил, а небрежно царапнул ногу, подрезая сухожилие под коленом. Огр ударил древком топора назад, ткнул им Сурка в грудь, и тот отлетел на несколько ярдов, проехав по скользкому полу на спине.

— Штихс! — выругался Халлас, крепко сжимая в руках мотыгу, но лезть в бой не торопился. Сунуться сейчас в схватку — это помешать своим же парням.

— Кот, подсоби, — коротко отдал приказ Дядька, и толстый человечек шариком выкатился вперед и оказался впереди пытающегося встать на ноги Сурка, защищая его от возможной опасности.

В это время опомнились оставшиеся в живых враги. Поняв, что, пока все заняты огром, у них, возможно, появился единственный шанс, мерзавцы стали прорываться к коридору, возле которого находились бойцы Изми. Если бы воины Алистана не бросились наперерез противнику, презрев опасность нарваться на топор огра, ублюдкам удалось бы уйти.

В зале завязалась драка. Арбалетчики выстрелили в очередной раз, разумно полагая, что с огром справятся и Дикие, а помощь арбалетных болтов не помешает ринувшимся в драку товарищам-гвардейцам. Восемь врагов упали, пронзенные болтами. Оставшиеся без дела Дикие тоже побежали на помощь гвардейцам. В коридоре остались лишь я и шут.

— Гаррет, ты не суйся, без тебя справятся, — подал прекрасную идею Кли-кли.

Я так и сделал, предпочитая наблюдать за схваткой издали.

Огр между тем распалился не на шутку. Перед ним была лишь одна цель — проклятый желтоволосый человек, раскручивающий над головой тяжелый огролом. Огр припадал на правую ногу, но, как мельница, размахивал перед собой топором в надежде зацепить Медка. Медок, который на две головы был ниже огра, выжидал, постепенно отступая, благо зал был большим и загнать Дикого к стене у огра не получалось.

И Медок дождался. Подскочивший к врагу сзади всеми забытый Горлопан с кривой усмешкой ударил мечом по другой ноге огра, и тот упал

на колени, недоуменно оборачиваясь. Горлопан уже отбежал на недостижимое для топора огра расстояние и с интересом наблюдал, как огролом, начав свой последний разбег, с хрустом пробивает голову отвернувшегося от Медка огра. Тварь кулем муки упала на пол и замерла.

— Здорово! — Горлопан подошел к телу огра и пнул его.

— Ф-фу, — протянул Медок, вытирая рукавом пот со лба. — Пока одного гада завалишь, полжизни растеряешь!

— Пошли нашим поможем. — Горлопан почесал переносицу.

— Чего там помогать? — К ним подошел державшийся за грудь Сурок. — Все кончено.

Действительно, все было кончено. Последний враг покинул наш мир, и гвардейцы устало садились прямо на пол. Ни одного сторонника Неназываемого не удалось взять живым, они все предпочли погибнуть в бою.

— Гаррет, пошли! — Шут вьюном проскользнул мимо воинов и залез на тело огра. — Ух ты!

— Вот тебе и ух ты! — сплюнул Фонарщик, в этот раз при нем не было огромного биргризена, и сражаться Мумру пришлось обычным мечом. — Мне еще не хватало с ограми воевать вдали от Безлюдных земель!

— Хей! Хей! — запротестовал Арнх. — Нытье— любимое занятие Горлопана, а не твое!

Постепенно вокруг тела огра стали собираться гвардейцы. Они потрясенно молчали, рассматривая труп чудовища.

— А он здоровый! — с ноткой восхищения в голосе произнес гоблин, меряя тело огра своими маленькими шажками.

— Слезь с него, Кли-кли. — Алистан Маркауз снял шлем и теперь хмуро взирал на гоблина. — Вообще, что ты тут делаешь?

— Воюю. — В подтверждение своих слов шут помахал кинжалом. — Вместе с Гарретом. Вон принц подтвердит.

— Надо проверить каждую комнату и каждый коридор. Мог еще кто-то уцелеть, — вместо подтверждения сказал принц.

— Сейчас распоряжусь. — Алистан кивнул.

Я старался не лезть в первые ряды и как можно незаметнее слинять, но возвращаться в спальню одному было боязно. А вдруг на кого нарвусь? И в общем-то не важно на кого, на уцелевших врагов или на ретивых гвардейцев, готовых сейчас нанизать на копья кого угодно. Просто так, для количества. А разбираться уже потом будут — друг я им или враг.

— Пошли, Гаррет, нас тут не ценят, — подошел ко мне Кли-кли.

— И куда идем?

— Да хоть бы и выпить!

— Ну нет! Сегодня с утра мне в дорогу, и я намереваюсь хоть немного выспаться.

— У, вечно ты такой скучный! — расстроился гоблин, но все же увязался проводить меня до двери.

К нам присоединились Делер и Халлас. Делер намеревался поискать любимую шляпу, потерянную в горячке боя, а гном — выпить за компанию с Кли-кли.

— Как там с Сурком? — немного погодя спросил у карлика шут.

— Нормально, даже ребра целы. — Делер почесал в затылке. — Наш Сурок успел надеть броньку.

— Вот если бы огр звезданул древком Кота... — протянул гном.

Мда, Кот вообще воевал в одних подштанниках.

— Делер, ты к нам присоединишься? — Кли-кли перепрыгнул через распростертое тело гвардейца в серо-синем мундире, но с белой повязкой на рукаве.

— А то! — Дважды приглашать карлика промочить горло не пришлось.

— Вот видишь, Гаррет, — подколот меня шут. — Не все такие буки, как ты.

Я бросил на гоблина кислый взгляд, и тот заткнулся, понимая, что сегодня вор шутить не намерен.

Гном бормотал что-то себе под нос и, зажав мотыгу под мышкой, загибал пальцы на обеих руках. Как оказалось, он считал, сколько врагов за сегодня ему удалось уложить. По подсчетам гнома, выходило, что сорок пять. Услышав такую цифру, Делер споткнулся на ровном месте и сказал, что сомнение у некоторых гномов длиннее, чем их борода.

— Ну чего ты цепляешься? — недовольно спросил Халлас. — Сколько тогда, по-твоему, я пристукнул?

— Девятерых, — сказал карлик и поднял с пола свою помятую шляпу.

— Сколько? — возмутился гном. — Да мы, гномы, воюем...

— Паршиво вы воюете, — перебил Халласа Делер. — Навоевали на поле Сорна. Знаем, знаем.

— Это кто еще навоевал?! — Гном готов был устроить форменную драку. — Дали мы вам под зад!

— Нам?! — Карлик остановился и сжал кулаки. — Нам под зад?! То-то у вас ни одного мага после этой битвы не осталось!

— Ничего, у нас еще будут маги!

— Ага! Во! — Карлик сунул кукиш под нос гному. — Все ваши магические книги остались у нас! Приходите и забирайте, мотыжники проклятые!

— И заберем! И возьмем! — брызгал слюной Халлас. — Дайте срок, сровняем Горы карликов с землей! Вот прикатим пушки...

Дальше я не слушал, вошел в спальню и плотно закрыл за собой дверь. Никакая свара карлика с гномом не отвлечет меня от важного занятия — сна.

Кажется, я только-только успел коснуться головой подушки, а меня уже тряс за плечо приставучий и вездесущий Кли-кли:

— Гаррет, вставай! Просыпайся!

Я тихо зарычал и с закрытыми глазами попытался нащупать поблизости что-нибудь тяжелое, чтобы наверняка пришибить надоедливую гоблина.

— Кли-кли, — простонал я. — Побойся богов! Дай мне до утра поспать! Иди пьянствуй со своими новыми друзьями!

— Уже утро, вор, — возразил мне гoblin. — Через полчаса вы выступаете.

Эти отнюдь не радостные слова заставили меня вскочить с кровати. Я осоловело потряс головой и уставился в окно. Ночное небо на востоке постепенно бледнело, ожидая нового рождения солнца. Часа четыре утра, не больше.

— Алистан совсем с ума сошел, если решил, что мы выступим в такую рань? — спросил я у севшего на стул гоблина.

— А ты хотел, чтобы тебя с фанфарами провожали? — хихикнул шут. — Днем в городе слишком много глаз. Слухи пойдут.

— Все, кому надо, уже знают о нашем маленьком путешествии, — резонно возразил я шуту.

Тот только согласно хмыкнул и промолчал.

— Кстати! — осенило меня. — Каким образом ты пробрался в запертую комнату?

— Не ты один, Гаррет, можешь вскрывать замки. — Голубые глазищи гоблина весело сверкнули. — Тут есть один тайный ход... Ты готов?

— Сейчас, дай только вещи собрать, — буркнул я.

— Уже все давным-давно собрано и нагружено в седельные сумки Пчелки. Я позволил себе позаботиться о лучшем друге.

— Это кто твой лучший друг?

Шут, как и раньше, оставил мой иронический вопрос без ответа.

По дороге мы встретили Халласа с Делером. Эта неразлучная парочка

тоже вышагивала в сторону конюшни, оживленно споря по дороге. Как говорят, горбатого могила исправит. На удивление, оба были живы и здоровы, видать, драки между ними так и не произошло. Дикие присоединились к нам, и весь остальной путь мы прошли вместе.

— Ты мне лучше скажи, куда ты ночью ходил? — обиженно ворчал Делер.

— К родственникам, в город, — невозмутимо ответил Халлас.

— Угу, как же, — хмыкнул карлик. — Нужен ты им в два часа ночи. Так они тебя и ждут. Небось опять по бабам?

— А если и по бабам! — взбеленился Халлас. — Тебе-то какое дело?

— И мешок притащил какой-то, — продолжал ворчать Делер.

Действительно, за спиной гнома болтался холщовый мешок. Такие мешки носят рудокопы и добытчики драгоценных камней в Стальных шахтах.

— Ну и что? — Халлас принялся раскуривать трубку, и Делер презрительно сморщил нос.

— Чего в мешке-то тащишь? — с любопытством спросил карлик.

— Я же не спрашиваю, что у тебя в бочонке. — Гном всеми силами стремился сменить тему разговора.

— А чего тут спрашивать? — немного удивленно спросил Делер и потряс объемистым бочонком, который он, кряхтя, нес обеими руками.

Бочонок, надо сказать, был размером в половину карлика, и в нем что-то жизнерадостно булькнуло.

— Вино в нем, вино.

— Это где же ты надыбать такую ценность успел? — хмыкнул Халлас, выпуская табачные колечки дыма.

— Кли-кли подсобил, — радостно улыбнулся карлик. — Из сталконовских погребов.

— И чего ты с ним делать будешь?

— Пить! Мотыжная твоя голова! — рявкнул карлик. — Чего еще с вином делают? Повешу на лошадку и потихоньку буду опустошать.

Последнюю фразу Делер произнес с мечтательным выражением на лице.

— Смотри, допрыгаешься! Узнает Дядька... — буркнул гном.

Мы подошли к конюшне. Первое, что бросалось в глаза, — это оседланные лошади и вооруженные люди. Тут уже были знакомые мне Дикие, вот только теперь неопытному взгляду будет трудно определить, что это Дикие Сердца, а не обычные солдаты из пограничного гарнизона. Знаменитые нашивки в виде зубастых сердечек были безжалостно содраны

с потертых кожаных курток. Да и рукоять огромного меча Фонарщика, как я заметил, была обернута полосой черной ткани, скрывающей под собой золотой дубовый листок мастера. Еще одна предосторожность или способ как можно меньше привлекать к себе посторонние взгляды. Любимую игрушку — биргризен — Мумр каким-то чудом прикрепил рядом с седельными сумками и, видно, до смерти перепугал несчастную пегую лошадку оружием. Бедняжка испуганно прыдала ушами и косилась глазами-яблоками на Фонарщика, восседающего на ней. Тут только я понял, чего опасается эта лошадь. Мумр с самым задумчивым видом вертел в руках дудку, видно решая: погудеть или не стоит? Музыка Фонарщика пугает не только людей, но и животных. Надеюсь больше никогда не услышать этой мерзкой дудки.

— Гаррет, пора, — сказал шут.

Значит, прощальных речей и напутствий со стороны короля и Арцивуса ожидать не придется. Они даже не пришли. Действительно, больно им надо провожать смертников, да и дел после ночного нападения, должно быть, выше крыши. Когда уж тут вспомнить о маленьком отряде!

Я подошел к лошади, приветственно похлопал ее по шее, в ответ услышал довольное фырканье и взобрался в седло.

— Моя школа! — довольно улыбнулся гоблин, обращаясь ко всем присутствующим в надежде получить одобрение.

Все были слишком заняты, чтобы обращать внимание на надоедливую шуту. Лишь Угорь бросил на нас насмешливый взгляд и проверил, легко ли выходят из ножен «брат» и «сестра». Кли-кли несколько не огорчился таким явным игнорированием своей персоны и, задрав голову кверху, сказал:

— А вон и последние твои спутники. — Шут указал на эльфов рядом с Миралиссой. — Элл из дома Черной розы и Эграсса из дома Черной луны.

Я окинул эльфов заинтересованным взглядом. Элл, с густой пепельно-серой шевелюрой и челкой, почти ниспадающей на янтарные глаза, как раз надевал на голову шлем, полностью скрывающий его лицо.

Эграсса, эльф с серебристым ободком на голове, как видно являющимся каким-то отличительным знаком, о чем-то негромко разговаривал с Миралиссой. Точно такой же шлем, как у Эллы, он держал в руках.

— Они с ней родственники? — спросил я у Кли-кли, наклонившись как можно ниже.

— Мда, двоюродный братец, кажется. Но что родственник и что из королевского рода — это факт! Да ты и сам по этому дурацкому «сса» в

имени видишь. Ну я пойду с карликом и гномом попрощаюсь, — пробормотал гоблин и исчез.

Миралисса почувствовала мой взгляд и обернулась. Мимолетная улыбка узнавания и легкий кивок. Ее собеседник тоже приветственно кивнул мне. Уж в чем, в чем, а в вежливости эльфам не откажешь. Вначале пожелают доброго дня, а уж потом перережут горло. Культурные, стервецы!

Миралиссу, если честно, я поначалу не узнал. Шикарное мирануэхское платье ушло в небытие. Его сменила обычная мужская, пусть и эльфийская, одежда. Сложная высокая прическа тоже исчезла, превратившись в толстенную пепельную косу, спускающуюся до самого пояса. За спиной у эльфийки, как и у ее спутников, висел эльфийский клинок — с'каш^[37], рядом примостился грозный лук и колчан, полный тяжелых стрел с черным оперением.

Эльфы подходят к оружию консервативно, не то что воины людей, и пользуются обычно только кривыми клинками или луками. Остальным оружием постольку поскольку.

А вот у десятка Дядьки какого только смертоубийственного железа при себе не было! Начиная с обычных мечей, арбалетов, прикрепленных рядом с седельными сумками, и заканчивая огр-шачами, боевыми мотыгами, секирами и биргрizenами. И это если не считать круглых щитов у каждого второго. Внушительный арсенальчик и внушительная компания.

Правда, милорд Алистан, отдающий последние распоряжения лейтенанту Изми, остающемуся вместо него командовать гвардией, меня довольно сильно удивил. На нем не было его доспехов. Их заменила точно такая же, как и у других Диких, куртка с нашитыми на нее металлическими бляхами. Нет, я не удивлюсь, если на вьючной лошади обнаружится кольчуга или там чего потяжелее, впрочем, как и у Диких, но сам факт, что Крыса отправляется в путь без доспехов, ставших для него родными...

Между тем Алистан закончил инструктаж Изми и прыжком оказался в седле огромного черного коня. Оружия на бедном животном хватило бы, чтобы разогнать сотню орков: мощный треугольный щит без герба, копье, старшим братом которого являлся сам лэнс^[38], панцирькол^[39], склот с болтами. Это если не считать батарного меча из Рубиновой крови.

Нет, положительно! И чего я, собственно, волнуюсь? В такой-то компании? Под защитой мечей меня ожидает всего лишь приятная прогулка и, может быть, маленькое чудесное приключение.

Тут вновь появился Кли-кли и устроил всем на прощание небольшой

спектакль.

— Гаррет! — Шут рыдал в три ручья. — Гаррет! Не бросай меня, Гаррет!

Проклятый гаденыш заслуживал немедленной и наимучительнейшей из смертей! На нас уже стали обращать внимание. Гвардейцы, проверяющие поклажу на запасных лошадях, откровенно ржали, следя за выкрутасами королевского шута.

— Гаррет! — ныл шут, прыгая вокруг Пчелки. — Кто будет утирать тебе сопли?

Кли-кли выудил из кармана яркий цветастый платок размером с небольшое боевое знамя и шумно высморкался.

— Вперед! — Граф Маркауз ударил пятками своего коня.

— Удачи, Танцующий в тенях! — уже абсолютно нормальным голосом шепнул мне шут на прощание.

Х'сан'кор меня раздери! Мы все-таки выехали, да помогут нам все боги Сиалы!

Глава 20

В пути

Авендум остался у меня за спиной. Величественные неприступные стены, сложенные из камня, добытого в старых Штольнях Ола, растаяли в утренней дымке, которую лучи просыпающегося лохматого солнца вспугнули с земли и заставили испуганным белым мотыльком на несколько минут повиснуть в воздухе. Но утро всего лишь промелькнуло призрачной неуловимой пичугой и сгинуло за горизонтом, сменившись жарким полднем.

Все Дикие поснимали курки и остались в одних рубахах. Исключением был лишь Арнх в неизменной и не снимаемой ни на секунду кольчуге. У жителей Пограничного королевства свои заскоки, и не мне их судить. Быть может, родился я под боком лесов Заграбы и ожидая каждую минуту нападения орков, не то что кольчугу, доспехи Маркауза напялил бы, несмотря на жару.

Бритая голова худого жителя Пограничья сияла на разошедшемся солнце, как начищенное медное корыто, и, клянусь своей лошадьё, Кликли бы обязательно высказал парочку тупых шуточек насчет головы Арнха.

Я тоже расстегнул ворот рубахи и закатал рукава, о чем к вечеру сильно пожалел — моя кожа приобрела великолепный малиновый оттенок и следующие несколько дней мешала наслаждаться жизнью.

Все же я ненавижу жару. Уж лучше холод, чем такое душегубство. От постоянного попадания прямых солнечных лучей, уподобившихся раскаленным кнутам, мозги в моей голове вот-вот грозили вскипеть.

Впрочем, мою ненависть к упавшей на королевство жаре разделял ехавший рядом Сурок. Он и его зверек только и мечтали о том дне, когда зароятся в снег возле Одинокого Великана.

Первыми по дороге ехали Маркауз и эльфы, а дальше, разбившись на пары и тройки, двигались Дикие. Компанию мне поначалу составил Сурок, оказавшийся довольно разговорчивым и интересным собеседником, а затем присоединились Халлас с Делером.

Умелый карлик из подручных средств смастерил длиннющую трубочку и умудрился засунуть ее в винный бочонок. Теперь и карлик и гном втихаря, пока на них не смотрел Дядька, потягивали божественный нектар, иногда восклицая от удовольствия и снизошедшей на них

божественной благодати. И гном и карлик постепенно становились все веселее и веселее, и я начал опасаться, что кто-нибудь из них все же переборщит, выскользнет из седла и стукнется головой о землю. Но нет, они только немного покраснелись и затянули бравую песню о каком-то походе. Дядька, разговаривающий с Угрем, бросал на новоявленных певцов довольно подозрительные взгляды, но молчал, постепенно мрачней все больше и больше.

Карлик с видом знатока рассуждал о достоинствах Миралиссы как женщины. Он и Халлас сошлись на том, что достоинств довольно много, но вот клыки портили все впечатление. Гном, немного подумав, ляпнул, что, в принципе, нетрудно накрыть ее голову тряпкой, а дальше действовать, как велит мать-природа, на что молчавший все это время Сурок предложил обоим экспериментаторам заткнуться или хотя бы говорить на полтона ниже, иначе Миралисса достанет из ножен с'каш и живехонько отрубит одному бороду, а другому — кое-что пониже. На миг воцарилась тишина, а затем неугомонный карлик произнес:

— Да я же не со зла. Просто для души решил об эльфийке поговорить.

— Ты про душу будешь рассказывать в лесах Заграбы, когда тебя эльфы за оскорбление принцессы дома подвешат на каком-нибудь дереве вниз головой, — возразил Сурок и погладил линга.

После этого обсуждение эльфийки окончательно скисло, и гном с карликом углубились в двухчасовой философский спор о достоинствах и недостатках оружия на длинном древке. Как всегда, Халлас и Делер принялись спорить, поминутно сжимая кулаки и щедро обмениваясь друг с другом оскорблениями.

Сурок с интересом ученого-языковеда внимал ругательствам на гномьем языке. Некоторые из услышанных слов Сурок старательно шептал себе под нос, пытаясь запомнить и блеснуть новообретенными знаниями в дружеской компании, когда представится такая возможность.

Спор между гномом и карликом, как и следовало ожидать, окончился ничем. Каждый остался при своем мнении.

Еще спустя часик Делер принял воистину трудное решение и сказал, что на сегодня вино дегустировать хватит, иначе вскоре надо будет искать новый бочонок, а вероятность обнаружить его на проезжей части крайне призрачна, если не сказать равна нулю. Это фраза отчего-то очень насмешила Фонарщика, который ехал последним в нашем отряде. Он наигрывал на дудочке какую-то незатейливую мелодию. Надо признать, что по сравнению с тем разом, когда я впервые услышал игру Мумра, от этой музыки мне хотелось скорбно выть на луну.

Надвинув на глаза нелепую шляпу, Фонарщик находился в гордом одиночестве, лишь иногда перебрасываясь парой-тройкой фраз с Котом, едущим впереди него и следящим за четырьмя лошадьми, на которых был навьючен весь наш груз.

— Слушай, Сурок, — спросил я у воина, в данный момент кормящего линга с гордым именем Непобедимый.

Зверек, усевшись на шее несколько не смутившейся от этого лошади, с благодарным видом хрустел сухарем.

— А почему Мумра называли Фонарщиком?

— А, — неопределенно ответил Сурок, пихая в любимую зверушку очередную порцию снеди. — Он раз фонарь хотел потушить...

— Волшебный, тот, который находился на улице Искр, — вступил в разговор раскрасневшийся от вина Халлас. — Он, видите ли, поспорил с одним идиотом, что погасит фонарь во что бы то ни стало.

— Ну и погасил? — с интересом спросил я у гнома.

— Угу, — фыркнул Халлас и от переизбытка чувств дернул себя за бороду. — Притащил ведро воды и вылил с крыши какого-то дома.

— И?

Гном отчего-то не был расположен к душевной беседе, и все из него приходилось вытаскивать клещами.

— И промахнулся!

— Ну не совсем промахнулся. — Мумр, услышав, что говорят о нем, присоединился к нашей компании. — Я просто не попал туда, куда надо.

— Точнее, попал... куда не надо, — зло ответил Делер.

— Не надо было меня поить вашим карликовским пойлом! — возразил Фонарщик.

— «Ярость глубин» не пойло! — возмутился карлик.

— Пойло, пойло, — поддержал человека гном. — Настоящее пойло. Если бы не твоя бутылка, Делер, может, Мумр и не облил бы того мага.

— Ах ты! — Карлик не мог поверить в то, что Халлас его не поддержал. — Да ты сам нахваливал «Ярость», а как какой-то маг намочил себе одежду, так ты сразу в кусты?!

— Это я в кусты?! — Борода Халласа гневно встопорщилась. — Гномы никогда не ходят в кусты! — И он добавил, немного подумав: — От опасности, я имел в виду.

Карлик презрительно фыркнул и надвинул шляпу на глаза, показывая, что разговор с изменщиком-гномом закончен.

— Ну нет, не надо нахлобучивать на уши свой кошкой дранный горшок! — Халлас разошелся не на шутку. — Я, что ли, спорил с Мумром о

том, что он никогда не потушит волшебный фонарь?

— Так это ты меня идиотом тогда назвал?! — наконец осенило Делера.

Я живенько ткнул Пчелку пятками в бока и поспешил вперед, оставив позади очередной спор карлика и гнома. Ребята не могут без ссоры прожить и дня. Того и гляди вцепятся друг другу в горло.

Я потихоньку пристроился позади лошадей Миралиссы и Маркауза.

— По моим подсчетам, если будем и дальше идти такими темпами, то через две недели мы достигнем Иселины, а от нее еще почти столько же до Пограничного королевства. А потом еще неделя до лесов Заграбы, — сказала эльфийка внимательно слушавшему ее Маркаузу.

— Значит, полтора месяца? — задумчиво пожевал ус милорд Алистан и тут только заметил, что я присоединился к их компании.

— Это с учетом незапланированных происшествий. — Эграсса был склонен рассчитывать на худшее.

Надо же! Среди эльфов, оказывается, тоже есть пессимисты! А я уже думал, что только люди способны сомневаться и предполагать худшее.

— К тому же мы не можем круглые сутки скакать в седле. И нам и лошадям требуется отдых. На нашем пути будет Ранненг, если мы в него будем заезжать, то потеряем там еще несколько дней.

— Не думаю, что у нас будут дела в Ранненге, — встрял я в разговор.

— Спасибо, Гаррет, за совет, — довольно невежливо ответил Алистан.

Было видно, что ни в чьих советах он не нуждается, а уж в советах вора нужда придет в самую последнюю очередь.

— Простите, милорд Алистан, но вы не понимаете, — настойчиво продолжил я. — Мало того что мы едем по одному из самых оживленных трактов королевства, привлекая к себе ненужное внимание, а мы его привлекаем, потому как эльфы, гном, карлик и десяток вооруженных до зубов людей — очень странная компания. Поверьте, милорд: крестьянам и обычным путникам будет о чем посудачить. Станный отряд. Слухами земля полнится. Те, кому эти слухи интересны, вполне могут прийти к определенным выводам и устроить нам встречу. А вы, как я понимаю, еще хотите заехать во второй по величине город королевства! Думаю, нас уже ищут различные малоприятные господа. Те, кто пропустил врагов в королевский дворец, без всякого сомнения, успели сообщить, что наш отряд выехал. Нам нечего делать в Ранненге.

— Вор дело говорит, — поддержал меня Элл, на мгновение сверкнув клыками. — Нам нужно сторониться оживленных мест.

— Так что ты предлагаешь? — Миралисса посмотрела на эльфа. — Уйти с центрального тракта и брать юго-восточнее?

Элл едва заметно пожал плечами, показывая, что решение за Алистаном.

— Юго-восточнее? — Алистану это предложение не очень понравилось. — Свернуть с хорошей, пускай и оживленной дороги и сунуться в поля, леса и буреломы? Мы потеряем уйму времени и не доберемся до Заграбы даже к сентябрю!

— Сейчас тракт идет прямо на юг, — ответил Эграсса. — После Ранненга он уходит на запад. Южнее нет крупных городов, лишь замки баронов и небольшие городки, точнее деревушки с гарнизонами. Поблизости от Заграбы люди жить не желают. Поэтому, чтобы не терять время, нам придется рискнуть и двигаться прежней дорогой. До Ранненга чуть больше недели пути. Это если путешествовать по тракту. От города повернем на юго-восток к Иселине. Там есть в одном местечке паром, нас переправят. А дальше уже и до границы с Пограничным королевством и лесами Заграбы недалеко.

— Так и сделаем. А в Ранненг заходить не будем, пройдем стороной, — кивнул Алистан, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

С самого начала путешествия граф Маркауз задал лошадам темп, и те шли бодрой рысцей. Скажем так, мы не очень-то торопились, но и не плелись слепыми улитками. Каждые несколько лиг лошадям давали отдых, разрешая им идти быстрым шагом, или как там это у лошадиников называется.

Места, по которым мы проезжали, были людными. Туда-сюда по тракту сновали верховые, двигались телеги с товаром в Авендум и с товаром из Авендума. Шли крестьяне, мастеровые, члены гильдий, направляясь по своим делам. Один раз мы повстречались с ехавшим навстречу отрядом воинов. Бобровые шапки направлялись к Одинокому Великану.

Пчелка оказалась на удивление крепкой лошадкой. Я не заметил, чтобы она уж очень сильно устала. Ее бег был таким же, как и утром, — ровным и легким. Скорее, больше лошади устал я. К вечеру у меня болело все тело, и теперь я узнал, как чувствуют себя преступники в Султанате, когда их сажают на кол. Ощущение, надо сказать, не из приятных.

Уже в сумерках Алистан решил остановиться в опрятной и чистой деревушке под названием Подсолнухи, находящейся недалеко от тракта.

Аккуратные беленькие домики, чистые дорожки и приветливые жители. Все говорило о том, что тут не бедствуют. От обилия растущих повсюду подсолнухов, уже наклонивших венчики под тяжестью созревших

семечек (и это в начале июля!), пестрило в глазах.

Постоялый двор был огромным, и для всего нашего отряда нашлись комнаты. Таверна называлась «Золотая курица», и она вполне оправдывала это название. Как тем, что приносила твоему хозяину неплохие барыши, так и тем, что во дворе бродило десятков пять куриц, которых, казалось, нисколько не смущало наступление сумерек. Во всяком случае, ни одна из клуш не собиралась отправляться на насест в курятник. Куры продолжали с важным квохтаньем рыться в песке в поисках припозднившегося ужина.

Я с усилием слез с лошади и позволил гостиничному слуге отвести Пчелку в конюшню. Чтоб мне никогда больше не держать в руках золотых! Ездить на лошади с непривычки довольно непростое и сомнительное удовольствие. Все тело как бы превратилось в одну сплошную мозоль. Но это еще не все. Солнышко тоже успело поработать, немного поджарив меня со всех сторон, и чувствовал я себя старым, разбитым и больным.

— Эй, Гаррет! — От компании Диких отделился хитро улыбающийся Медок и показал мне кулак.

Остальные воины с интересом наблюдали за мной. Я внимательно разглядывал сунутый мне чуть ли не под нос э-э-э... объект. Из сжатого кулака торчало несколько соломинок.

— Что это? — с осторожным любопытством спросил я у Медка, не спеша дотрагиваться до протянутых мне соломинок.

— Жребий! — весело хохотнул высокий Дикий. — Мы с ребятами посоветовались и решили, что ты тоже должен участвовать.

— В чем участвовать? И кстати, почему эльфы и наш славный граф уже в таверне, а мы играем в жребий?

— Эльфы и Алистан не играют, — ответил мне вместо Медка Дядька. — А жребий очень прост. Кто вытянет короткую, тот разделит комнату с Фонарщиком.

— До конца путешествия, — быстро сказал Арнх.

Мумр следил за всеми этими приготовлениями с плохо скрываемой злостью. Решив выразить протест, он грянул на дудке что-то из боевых маршей гномов, переполошив мирно пасущихся у его ног кур.

Мне, собственно говоря, было все равно, кто окажется в моей комнате, и поэтому я с как можно более небрежным видом вытянул из кулака Медка первую попавшуюся соломинку. Она оказалась короткой.

Вокруг послышались облегченные вздохи. Кто-то ободряюще хлопнул меня по плечу, кто-то стал весело перемигиваться. Все же непонятно, отчего с Фонарщиком никто не хотел ночевать в одной комнате.

В таверне уже были накрыты столы, а радушный хозяин

собственноручно разливал по бокалам свое лучшее вино. Постояльцев было мало, в зале находились в основном жители деревни.

А вот из еды подавали только курицу во всех ее проявлениях. Куры жареные, куры, запеченные с яблоками, куры пареные, куриные крылышки с перцем. Того и глади, что сам закукарекаешь от такого изобилия курятины. А если прибавить к этому, что я попросту не выношу курицу в любом гастрономическом проявлении, то всем станет понятно мое не самое приподнятое расположение духа.

Сославшись на усталость, я отправился в комнату и лег на одну из двух кроватей. В отличие от меня, Дикие были бодрыми и веселыми, будто они и не провели целый день в седле.

В который раз за последнее время я пожалел, что дал втянуть себя в подобную авантюру.

Только к середине ночи мне стало понятно, какую свинью подложила судьба-насмешка с короткой соломинкой. Фонарщик явился поздней ночью, когда я уже спал. За день в седле я намаялся настолько, что даже не услышал его прихода.

Зато я очень хорошо услышал Мумра, когда он принялся воодушевленно храпеть. Куда уж тут старине Гозмо с его ночными трелями и руладами! Храп Гозмо по сравнению с храпом Мумра — это все равно что писк маленького комарика супротив рева голодного обура.

Естественно, я проснулся. Естественно, я попытался всеми силами заглушить эти ужасные звуки. Я пробовал свистеть. Я пробовал затянуть песенку. Я швырнул в Мумра сапогом. Все оказалось бесполезным. Он даже не подумал проснуться или хотя бы перевернуться на другой бок.

После целого часа мучений, когда я уже приноравливался и вот-вот готов был погрузиться в сон, Фонарщик менял тональность, и я вновь просыпался. Измучившись, я залез с головой под подушку и наконец-то заснул, дав себе зарок в следующий раз найти более спокойное место для отдыха.

Мумр разбудил меня утром. Я бросил на него хмурый взгляд. Небось ему-то никто видеть сны не мешал.

Удивительно, но за ночь боль прошла абсолютно, как будто я и не сидел на лошади. Спасибо Эллу, заметившему вчера не самое лучшее состояние и плеснувшему мне в вино что-то из собственной фляжки. Что бы это ни было, но оно помогло.

— Поздновато мы сегодня встали, — сказал я Мумру. Уже было светло, и по сравнению с предыдущим днем мы встали поздно. — Мы уже никуда не спешим?

— Леди Миралисса ждет гонца, он ей что-то должен передать, — ответил мне Фонарщик, шаря у себя под кроватью. Выудив из-под нее биргрizen, Мумр положил его себе на плечо и направился к выходу из комнаты.

— Пошли завтракать, Гаррет.

— Иду, — сказал я и протянул руку за арбалетом и ножом.

Хм... Странно... Очень странно... Нож был на месте, а вот мой стреляющий малыш бесследно исчез. Ну не Фонарщик же его захватил с собой, право слово!

Вдруг с улицы в приоткрытое окно комнаты проник звук арбалетного выстрела, а затем раздалось испуганное куриное кудахтанье. Я на миг выглянул в окно, выругался, выскочил из комнаты и стал спускаться по лестнице на первый этаж.

Несколько Диких уже завтракали в зале таверны. Меня поприветствовали и вежливо спросили, как спалось сегодня ночью. Я вежливо сказал, что хорошо. Ни себя, ни их мне обмануть не удалось.

— Гаррет, ты куда? — удивился Халлас, держащий в одной руке шматок сала, а в другой — кусок копченой колбасы. Гном был в затруднении и не знал, с чего ему начать свой завтрак. — Все же остынет!

— Я на минутку, — отмахнулся я от гнома и вышел на улицу.

Арнх, Кот и Горлопан с интересом наблюдали за оригинальным состязанием между Угрем и одним маленьким и очень хорошо мне знакомым субъектом. К вящему неудовольствию хозяина таверны, состязание состояло в том, чтобы за как можно более короткий промежуток времени подбить как можно больше бегающих по двору кур. Штук пятнадцать куриных трупиков уже застыли комками перьев тут и там на песке.

Угорь стрелял из склота, взятого у Маркауза. Кли-кли — а это был именно он, я его физиономию теперь и с закрытыми глазами узнаю — лупил по курицам из моего арбалета.

— Развлекаешься? — спросил я у гоблина.

— Доброе утро, Гаррет, — сказал мне в ответ Кли-кли и метким выстрелом подстрелил очередную несчастную птичку. — Десять — шесть. Я выиграл!

Это он сказал уже Угрю, и тот согласно кивнул, даже не помышляя спорить.

— Спасибо, что разрешил воспользоваться арбалетом. — Шут протянул мне оружие.

— Не помню, чтобы я тебе разрешал.

— Да не придирайся ты к словам, — поморщился гоблин. — Я целую ночь был в седле, всю задницу себе стер, пока вас догнал! Должен же я был хоть немножечко расслабиться!

— И зачем, позволь спросить, ты приехал?

— Мне показалось или я расслышал в твоём голосе недовольство? — Шут внимательно посмотрел мне в глаза. — А приехал я для того, чтобы передать Миралиссе одну штучку, которой у короля не было в тот момент, когда вы уезжали.

— Так это мы по твоей милости никуда не спешим? — хмыкнул немногословный гарракец.

— И вообще, — сказал шут, отменяя все возможные возражения, — остальной путь я проделаю в вашей компании.

— В качестве шута? Вот еще! — фыркнул Горлопан.

Он вместе с Котом подошел к нам, пока Арнх занимался тем, что выдергивал из трупиков кур болты и разбирался с огорченным хозяином «Золотой курицы».

— Разве на мне колпак? — Шут демонстративно ткнул пальцем в свою голову.

Ни шутовского колпака с бубенцами, ни трико на гоблине не было. Обычная дорожная одежда и плащ на плечах.

— Я с вами отправляюсь не как шут, а как проводник. То место, куда мы направляемся, моя родина. В Заграбе я чувствую себя не хуже эльфов. И к тому же я являюсь доверенным лицом короля.

— Если бы я был на месте короля, то не доверил бы тебе, дорогой шут, охранять даже свой ночной горшок, — сказал Горлопан.

— Да у тебя отродясь ночного горшка не было! — пихнул кулаком в бок Горлопана Кот.

— Был или не был, это не важно! — отмахнулся от усатого воина Горлопан и почесал длинный нос. — Прости, гоблин, но оберегать еще одного гражданского от всех неприятностей — это уже слишком. Особенно зная твою привычку устраивать всем гадости...

— Меня зовут Кли-кли, а не гоблин, сударь Ворчун и Нытик, — отрезал шут. — И ни в чьей охране я не нуждаюсь. Я сам способен за себя постоять.

С этими словами шут откинул в сторону полы плаща, предлагая нам полюбоваться поясом, на котором висело четыре тяжелых метательных ножа. Два слева и два справа.

Подошедший Арнх уважительно присвистнул, оценив оружие гоблина:

— Кли-кли, ты сегодня явно в ударе. Может, ты нам еще и песенку

споешь?

— Не сомневайся, спою, — согласился шут. — Наступает время потехи! Или ты думаешь, что от меня так просто избавиться?

К сожалению, я так не думал. Пока мы шли завтракать, я успел попросить Сагота наделить меня божественным терпением.

За следующие дни ничего важного не произошло. Мы продолжали пробираться на юг, останавливаясь на ночевки в окрестных полях. Ночи были теплыми, и никто не ощущал неудобства от капризов погоды. Будь она обычной, то есть такой, какой всегда была в июле последние десять тысяч лет, мы бы немного померзли ночами. А так, спи на травке да смотри на звездное небо. Если бы не комары, тоже, кстати, одуревшие от невесты откуда взявшейся жары, жизнь вообще была бы прекрасной.

Ночевки в полях объяснялись просто, вот уже второй день, как тракт обходил деревни стороной, делая изящную петлю на юго-запад. В ближайшую деревушку мы должны были попасть только к завтрашнему вечеру.

Удивительно, но под открытым небом Мумр не храпел. Как сказал мне Сурок, Фонарщик начинает ночные концерты только тогда, когда у него появляется крыша над головой. Так что за прошедшие дни я вполне сносно выспался.

Постепенно мы с Пчелкой настолько привыкли друг к другу, что я, к своей несказанной радости, обнаружил отсутствие у себя усталости после целого дня скачки. Хотя вру. Усталость все же была, но отнюдь не смертельная. Не та, после которой хочется упасть на землю годика эдак на четыре и больше не вставать ни за какие сокровища короны.

Маркауз вначале не хотел брать с собой шута, но гоблин с совершенно невиннейшим выражением на плутоватой физиономии протянул графу бумагу с королевской печатью, и суровому воину скрепя сердце пришлось разрешить ехать Кли-кли с нами.

Конь Кли-кли размером был не меньше коня Алистана, и если низкорослые Халлас с Делером смотрелись на лошадях, скажем так, немножечко забавно, то гоблин на огромном черном коне, получившем кличку Перышко, выглядел попросту комично. Его ножки даже не доставали до стремян. Но следует заметить, что в седле Кли-кли чувствовал себя вполне уверенно, а Перышко подчинялся всем командам по первому требованию хозяина.

Гоблин вел себя удивительно тихо. В понятие «тихо» я вкладываю следующий смысл: проснувшись поутру, можно было не опасаться змеи в сапоге или колючки в лошадином хвосте.

Гоблин целый день черным вихрем носился из головы растянувшегося по дороге отряда в хвост, а из хвоста — в голову. Кли-кли успевал везде. Он был вездесущ, как чума-медянка в зараженной деревушке. В течение дня его можно было заметить распеваящим песни с Делером и Халласом, рассказывающим очередную историю Коту и Угрю, ведущим заумную беседу с эльфами или до хрипоты спорящим с неуступчивым Алистаном Маркаузом.

На второй день нашего совместного с гоблином пути на Кли-кли снизошло вдохновение в виде проснувшегося поэтического дара. Гоблин горланил на весь тракт только что придуманную им так называемую дразнилку про весь наш отряд. Или, точнее, почти про весь наш отряд. Кли-кли благоразумно умолчал, а скорее всего, попросту не пропел ту часть, которая предназначалась темным эльфам. Гоблин пришел к вполне здравому выводу, что эльфы могут не оценить его гениального чувства юмора, зато вполне в состоянии пустить кровь тому, кто, по их мнению, оскорбил их род, а тем паче дом.

Песенка начиналась с того, что мы куда-то едем, а затем плавно и незаметно переходила на личности. Оказалось, что Медок жрет, как лошадь, Дядька все время чешет бороду, у Горлопана плохо пахнет изо рта, Алистан упрям и мечтает кого-то проткнуть. И так про всех. Как только гоблин принимался орать новый куплет, так сразу все начинали смеяться над тем, о ком в данной момент шла речь. Естественно, не смеялась только цель шутовских насмешек. Но стоило начаться новому куплету, и кто-то смеяться переставал, а тот, кому совсем недавно перемывал косточки гоблин, начинал хохотать как сумасшедший. Конечно же основную роль добрый парень Кли-кли отвел вору по имени Гаррет. То есть мне.

Хмурый, мрачный, злобный Гаррет
На лошадке ехал в путь,
Но пришла беда лихая,
Гаррет в луже стал тонуть...

Ну и так далее в течение десяти минут. Не могу сказать, что я злился на него. Ну развлекается и развлекается, надо отдать Кли-кли должное — он поднял всем настроение, и дорога перестала быть скучной.

Катастрофа произошла на следующий день после того, как Кли-кли пропел дразнилку. Мы как раз проехали большой тележный обоз, груженный репой, которую везли на продажу торговцы, и до деревни, а

значит и до доброго ужина, оставалось всего ничего... В это самое время Кли-кли спелся с Фонарщиком, и они стали изводить меня в два голоса, хотя Халласу их незатейливая песенка очень даже понравилась.

А дело было так.

Фонарщик довольно долго ехал молча, лишь иногда лениво отвечая на вопросы Медка. Дядька поставил Медка ехать рядом с заснувшим в седле Горлопаном (Горлопан ехал впереди Фонарщика) и следить за тем, чтобы его лошадь не отстала по дороге.

— А не спеть ли мне Тихую Бом-тирлимку? — довольно задумчиво спросил Мумр у вечернего неба.

И спел. Причем пел не прерываясь чуть ли не целый час — на это ведь ума много не надо. Вставляй между бом-тирлимами любую пришедшую в голову чепуху и радуйся жизни. Я запомнил только краткий отрывок:

Тихо-тихо песнь мурлычу,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Вот сейчас беду накличу,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо огр подкрадется,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Свежей кровушки напьется,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо свены прилетают,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
В ключья трупы разрывают,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо орки в нас стреляли,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Но, по счастью, не попали,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо орков мы крошили,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
И, по счастью, всех убили,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо огр за мною гнался,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Тихо бегством я спасался,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо огру в морду двинул,

Бом-тирлим, бом-тирлим,
Он меня с обрыва скинул,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо в пропасть я катился,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Только чудом не разбился,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо я сюда вернулся,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Чуть от стужи не загнулся,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо эта песня спета,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Есть во мне душа поэта,
Бом-тирлим, бом-тирлим.
Тихо-тихо снег кружится,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Как мне хочется напиться,
Бом-тирлим, бом-тирлим!!!^[40]

Затем к пению Фонарщика присоединился Кли-кли. Он вместо Мумра стал выкрикивать все бом-тирлиммы, причем делал это шут противнейшим голосом донельзя маленькой и плаксивой девчонки. Фонарщик в это время с остервенением наярывал на дудке-недоразумении нечто отдаленно напоминающее вопль запутавшегося в сетях водяного.

Прекратить маленький концерт смогли только объединенные усилия Дядьки, Делера и Сурка.

Когда появилась деревня, Мумра и гоблина уже хотело удавить больше половины нашего отряда. Лишь эльфы, Алистан и Угорь сохраняли ледяное спокойствие.

Таверна в деревушке была намного хуже, чем в Подсолнухах, но выбирать не приходилось, к тому же после стольких дней ночевки под открытым небом я был рад любой кровати.

Жители заинтересованно поглядывали на нас — не каждый день тут можно было увидеть такое количество новых людей и нелюдей. Особенно больше всего охов и ахов заслужили эльфы и гоблин. И те, и другие довольно редко появляются в землях людей, а поэтому нужно обязательно бросить все дела и смотреть во все глаза на приезжую диловинку. Когда

представится еще такой случай?

Хозяин безымянной таверны попросту обалдел от стольких гостей и, раскрыв рот, статуей застыл на крыльце. На наше счастье, дородная жена хозяина ткнула мужа локтем под ребра и заставила поторапливаться не только его, но и двух сонных дочурок, удостоившихся крайне заинтересованного взгляда Арнха. Но, несмотря на тычки матери, молодки двигались все так же медленно и сонно, пока дело не подправил линг. Он попросту прыгнул с плеча Сурка на голову одной из девок, а находившийся рядышком Кли-кли, который и являлся инициатором этой сценки, крикнул:

— Крыса! Бешеная!

В поднятом переполохе Непобедимого едва не затоптали, за что Кли-кли удостоился чести получить подзатыльник от Сурка. Теперь обиженный на весь белый свет гоблин дулся и не хотел ни с кем разговаривать.

К концу ужина шут заявил о желании спать в комнате вместе с Гарретом и Фонарщиком и очень удивился, не встретив возражений ни с чьей стороны.

— Гаррет. — Эграсса подошел незаметно и, склонившись надо мной, произнес: — Треш Миралисса хочет поговорить с тобой, идем. Я провожу.

Я встал из-за стола и пошел вслед за высоким эльфом.

Поговорить? О чем? И почему сейчас, а не раньше?

В комнате кроме Миралиссы находился Маркауз, задумчиво смотревший в окно, и Элл, снимающий ножом кожуру с яблока.

— Добрый вечер, Гаррет. — Раскосые золотистые глаза эльфийки приветственно блеснули в пламени свечей. — Ты знаешь, что это? — Миралисса протянула мне какой-то предмет. Я взял его в руки и едва сдержал возглас восхищения. — Красиво, правда?

Я нашел в себе силы только кивнуть, замороженно рассматривая драгоценность, по воле случая оказавшуюся в моих руках. Это был ключ. Но не просто ключ, а настоящее произведение искусства.

Мелькнула кощунственная мысль, что знающие люди, те, что коллекционируют древние вещи, щедро отдадут мне за право обладать ключом не одну гору золота.

Ключ казался хрустально-ледяным и настолько хрупким, что на него даже страшно было дышать. Того и гляди растает. Но я знал, что, даже если взять секиру Делера и бить по ключу не переставая целый день, с кажущейся на первый взгляд такой хрупкой вещью ничего не случится, а вот секиру придется брать новую. Ключ свободно помещался у меня на ладони, но был ощутимо тяжелым.

— Слеза дракона? Карлики делали?

— Ты прав, — кивнул Эграсса. — К нему приложили руки карлики, только они могут так обработать этот минерал. Видишь, какая тонкая работа?

Тонкая — это не то слово! Идеальная, изящная, совершенная и древняя. В наше время такое не смогут создать даже мастера-карлики. Для обработки наиредчайшего минерала слеза дракона, обладающего прочностью самих гор, которые его и создали, нужны не только обычные инструменты, но и магия. А сейчас магия карликов находится в упадке, и на такие творения они, увы, не способны. Слишком многое оказалось забыто за Пурпурные годы.

— От чего этот ключ? — спросил я, неохотно возвращая драгоценность Миралиссе.

— Ты что-нибудь слышал о Створчатом ярусе?

— Третий ярус Костяных дворцов? — уточнил я, припоминая давнишний разговор с Фором и планы на древних картах Храд Спайна. — А дальше иди же, распахнуты створки...

— Совершенно верно, Створчатый, или Третий, ярус Храд Спайна с волшебными дверями. Двери запечатаны очень сильным заклинанием, но вот этот ключ, созданный две с половиной тысячи лет назад карликами по просьбе владык Темных домов, на время нейтрализует магию и откроет дорогу вниз.

— Этот ключ нам привез Кли-кли, — вступил в разговор Алистан, обернувшись от окна. — Когда шут уезжал, он был... Впрочем, это уже не важно. Главное, что сейчас ключ у нас, и, если створки, о которых говорила леди Миралисса, окажутся закрытыми, мы не будем топтаться и искать обходной путь.

— Если он вообще есть, этот обходной путь.

— Есть, Гаррет. Или был. Прошли же как-то к могиле Грока маги Ордена, относившие Рог. Тогда ключа у магов не было, он находился в Заграбе.

— Ключ уже побывал в Храд Спайне этой весной. — Али-стан сложил руки на груди. — Перед тем как направиться в Безлюдные земли, леди Миралисса отдала ключ королю, а король — магам из второй экспедиции. Благодарение богам, единственный пришедший из могильников несчастный, сошедший там с ума, смог вынести ключ.

— Благодаря ему маг и остался жив. — Эграсса зажег еще одну свечу и поставил подсвечник на стол, к двум уже стоявшим. — Что бы там ни обитало, но человека не тронули.

— Мало радости быть живым, но ненормальным, — хмыкнул я. — Ключ у нас, это чудесно. Но зачем рассказывать про него мне сейчас?

— Потом у нас просто не будет времени, или сил, или возможности, — Эл наконец бросил чистить яблоко и подошел ко мне. — Ключ не игрушка. Чтобы он открыл створки, нужно настроить его на тебя. Подчинить.

— Чудесно, — без всякого энтузиазма проговорил я.

«Держаться подальше от тех, кто колдует» — вот один из моих многочисленных девизов.

— Все уже готово. Держи. — Миралисса вновь протянула мне ключ, не обращая никакого внимания на мою кислую гримасу.

С моего согласия или без одного эльфы намеревались немного пошаманить, и брыкаться не стоило, а то они перепутают еще какое-нибудь слово, и ходить мне до конца жизни с рогами на голове или еще с чем похуже.

Пришлось снова взять в руки ключ.

— Садись на кровать. — Эграсса зажег свечу, но поставил ее не на столе, а у изголовья кровати. — Милорд Алистан, вы не будете так любезны оставить нас на то время, пока совершается шаманство?

Граф без всяких возражений вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

— Чего ты ждешь, Гаррет? На кровать! — Эльфийка доставала из своей дорожной сумки пучки сухих трав.

По комнате пополз сладковатый запах болотных цветов и поздней осени.

Я сел на кровать, и подошедший ко мне Эл с чашкой в руке окунул в нее палец, а затем начертил на моем лбу и щеках какие-то знаки.

Миралисса уже стояла над одной из свеч и, шепча, подбрасывала в воздух пыль. Как я понял, это была какая-то истолченная трава. Пыль почему-то очень медленно падала, а касаясь пламени свечи, на миг вспыхивала и, родив тоненькую струйку белого дыма, исчезала.

Вот оно, шаманство темных эльфов. Долгие шепотки, танцы, фигуры и различный мусор вроде сушеного дерьма летучей мыши. Да, подчас шаманство может сделать то, чего никогда не сделает волшебство, да, древняя магия, если все сделать правильно, намного мощнее, но цена... Одна ошибка, один неправильно произнесенный слог, отсутствие, казалось, самого бесполезного реактива, а главное — время приготовления к сотворению магии, которое так важно в бою, ставит шаманство отнюдь не на лучшую позицию по сравнению с тем же волшебством. Одни эльфы это

поняли и стали светлыми, другие до сих пор, как орки, гоблины и огры, не хотят отказываться от древних знаний и упорно продолжают использовать малоэффективный анахронизм, как говорят маги Ордена. Впрочем, я уверен, что и у волшебства есть обратная, слабая сторона, о которой Орден магов просто вежливо умалчивает.

Между тем Миралисса уже не шептала, а пела. Ее низкий грудной голос тугой спиралью слов закручивался в воздухе. И это пение завораживало. Несмотря на всю свою врожденную грубость, орочий язык, а точнее его эльфийский диалект (эльфы считали себя слишком гордыми, чтобы пользоваться языком орков), был подобен горному ручью. Его журчание было очень приятно слушать.

Эльфийка пела и приближалась ко мне. В комнате остались только я, она и ее голос. Эграсса с Эллом отделились куда-то в стороны, став одними из многих теней, навалившихся на меня со всех сторон.

Голос, тени и глаза. Золотистые глаза Миралиссы, в которых вспыхнули язычки янтарного пламени. Они затягивали меня, уводили в далекие дали и времена. Вот уже два миндалевидных глаза заполнили всю комнату, лицо в тех местах, где Элл нарисовал знаки, начинало гореть, да и ключ в зажатом кулаке становился все теплее и теплее. Стены комнаты вспыхнули, зашатались и рухнули в разные стороны, а затем горящими флагами стали падать в бесконечную тьму. Я вскрикнул, безнадежно ища ногами несуществующую опору, и раскинул в стороны руки в бесплодной попытке взлететь. Тьма взорвалась огнем. Яростное пламя, родившееся из тьмы, ринулось на меня со всех сторон, опалило шею, спину, плечи. От нестерпимого жара, лизнувшего тело, вспыхнули волосы на голове, боль тупым ножом пронзила мозг. Не помню, кажется, я закричал, но чернильная тень, неведь откуда взявшаяся в этом янтарно-огненном аду, упругим ударом коснулась моей спины и толкнула вперед, в желтые глаза, в ревуший жар.

Миг.

Полет. Ослепление. Тишина. Ночь.

Глава 21

Ключ

— Клянусь верхушкой Зам-да-Морта, да не растают ее снега! Вы, уважаемый, пока сюда шли, случайно в старые штольни не заходили? Там сейчас опасно, гномы совсем оскудоумели, выработанную породу скидывают прямо на головы. Чай не зашибло?

Темный эльф, к которому обращался старый карлик, с усилием сдержался. Наверное, только хорошо знающие эльфов могли понять, чего эта выдержка стоила жителю Заграбы. Ни темные, ни светлые эльфы, побери их пламя дракона, не отличались сдержанностью характера и на любое оскорбление, настоящее или мнимое, отвечали железом.

Но этот эльф оставался спокоен и не спешил вытаскивать из-за спины кривой с'каш с нефритовой рукоятью.

Кто сможет лучше уговорить карлика-мастера выполнить особый заказ, как не старший сын владыки дома Черного пламени?

Элодсса был не только хорошим воином (а его считали хорошим воином даже враги-орки), но и прекрасным дипломатом. А познания в шаманстве, пусть и не такие, как у темных шаманов, давали шанс добиться от карликов того, чего хотели эльфы, пускай карлики и не будут подозревать о том, что их немножечко подтолкнули.

Но Элодсса не торопился испробовать на карликах тайные знания. Это последняя надежда, а пока можно обойтись обычными переговорами.

— Нет, почтенный Фрахель, мне на голову ничего не падало.

— Мда? — Карлика чуточку расстроило это обстоятельство. — Что ж, ваша раса сдвинута на голову и без всяких камней.

— У каждой расы свои недостатки. — Эльф сделал попытку улыбнуться и оскалил клыки, хотя хотел он совсем другого — взять упрямого недомерка за шкуру и несколько раз стукнуть головой об стенку!

Но нельзя! Никак нельзя срываться! Так уж получилось, но мастер Фрахель, вырви лесное пламя его печень, был одним из немногих, кто являлся Мастером, Мастером с большой буквы. Именно этот карлик способен создать то, что нужно народу эльфов.

— Это точно! Недостатков хоть лопатой черпай, — хохотнул Фрахель и отложил в сторону золотую игрушку-птичку, которую собирал по чьему-

то заказу.

Элодсса готов был заложить обруч дома Черного пламени, символ власти своего отца, если после завершения работы умелого карлика эта золотая птичка не будет распевать песенки. Еще как будет! Почище живого соловья.

— У каждой расы свои недостатки! — между тем продолжил карлик. — Вот взять, к примеру, наших родственничков, чтоб им пусто было, господ гномов. Ничего делать не умеют, только руду добывать да коридоры сверлить. Хотя бы одну вещицу сотворили, прихлебатели!

— Давайте не будем говорить о ваших родственниках, — поспешно сказал Элодсса.

Эльфа абсолютно не интересовали постоянно обостряющиеся отношения между карликами и гномами. Каждый обвинял друг друга в лени и ничегонеделании. Некоторые подгорные жители уже начинали поговаривать, что обеим расам в одних чертогах становится тесно и пора кому-нибудь найти себе новый дом. Естественно, карлики считали, что горы должны покинуть гномы, а гномы — что карлики. А зная вспыльчивость, упрямство и готовность обеих рас спорить по любому пустяку, вполне можно предположить, что вскоре назреет драка. Лет эдак через триста-четырееста, когда количество обвинений переполнит бездонную бочку терпения.

— И то правда, о родственниках не будем, — крякнул карлик и встал из-за рабочего верстака. — Вы-то с орками испокон веков друг дружке глотки рвете и все никак не успокоитесь.

А вот теперь Элодссе пришлось стиснуть зубы. Фрахель откровенно издевался, понимая, что раз уж эльф стерпел предыдущие оскорбления, то стерпит это, да и многие другие.

— Ладно, ладно, достопочтимый эльф, — примирительно поднял руки карлик. — Знаю, что задел вас за живое, и прошу прощения. А насчет вашего маленького предложения... Заманчиво, но, увы, невозможно!

— Почему?

— Понимаете, — хитро прищурился карлик, — я не настолько талантлив.

— Ну полноте. — Эльф раздраженно поморщился. — Скромность, любезный мастер Фрахель, идет вам так же, как гномам отсутствие бороды.

Карлик оценил шутку, представив безбородого гнома.

— Слава о мастере Фрахеле гремит по всем Северным землям Сиалы. Не вы ли создали колокол, волшебный колокол, или комплект оружия для императора? К кому еще обратиться эльфийским домам? К Врахмелю? Он

слишком жаден. Смерхелю? Его слава мастера намного громче, чем он того заслуживает. Или, может быть, побеспокоить Ирхеля? Он полная бездарность. Так что, любезный мастер, для нашего заказа нужен самый лучший. Вы!

Насчет того, что лучшие мастера карликов ничего не умеют, эльф врал, желая польстить упрямому недомерку. Карлику лесть пришлось по душе, и он еще больше оттаял.

— Что же, — Фрахель задумчиво почесал подбородок, — я, может, и возьмусь за ваш мелкий заказик, когда у меня будет немного свободного времени. Вы ведь сами видите...

Карлик небрежным жестом указал на верстак, и у него на лице появилось выражение фальшивого сожаления.

Эльфа это маленькое представление нисколько не смутило — Фрахель просто набивал себе цену.

— У эльфов нет времени ждать. Створки уже сотворены, и теперь нам нужен ключ. Хотя бы один.

— Ключ им нужен, — буркнул карлик, бросив быстрый взгляд на эльфа. — Как создать створки для своих Подземных дворцов — вы мастера. А как сделать маленький ключик — так сразу к карликам. Я вообще не уверен, что ключ будет работать. Созданное эльфами и созданное карликами слишком разное.

— Это, конечно, так, — вежливо улыбнулся Элодсса. — Но для этого эльфы и обратились к вам, а не к кому-нибудь другому. Только вы способны создать ключ, подходящий для дверей Створчатого яруса.

— Хорошо, — немного раздраженно ответил карлик. — Способен. Но ключ должен быть особым, думаю, вы понимаете, о чем я говорю. Тут нужен материал, достойный створок. А у меня нет ничего подходящего, и сколько времени понадобится, чтобы его добыть, я не знаю.

— Думаю, я могу вам помочь. — Эльф достал из сумки длинный изящный футляр, сделанный из красной вишни, и отдал его карлику.

— Хм? — Гном задумчиво повертел футляр в огромных ручищах и открыл его.

Внутри лежал бархатный мешочек черного цвета, перевязанный золотой ниткой.

Карлик недовольно фыркнул себе под нос. Эльфы слишком любят всяческие выкрутасы. Нет бы попросту отдать, так они еще и завернут вещь в сто одежек, а ты разворачивай!

Но все недовольство Фрахеля испарилось, когда он увидел, что ему дал эльф. Большой продолговатый камень неправильной формы, грязного

белого цвета. На первый взгляд ничего существенного — таких булыжников полно на берегу любой речки. Но это только на первый взгляд. Стоит только суметь обработать этот камушек, и из невзрачного он превратится в подлинный бриллиант, заиграв на свету всеми красками мира и брызгами мироздания. Волшебное дитя гор, самая большая редкость, которую земля уж очень неохотно отдает в руки чужаков.

— Слеза дракона! Да еще такой огромный! — В глазах карлика появился искренний детский восторг. — Но откуда он у вас? Последний минерал мы нашли больше двухсот лет назад!

— Этот камень у нас уже больше тысячи лет, — ответил эльф. — В те времена слеза дракона встречалась намного чаще, чем сейчас. Дом Пламени, когда еще мои родственники не стали трогать людское волшебство и не ушли в И'альялу, купил его у вас.

— Карлики никогда бы не продали такую ценность, — негодуя сказал карлик.

— Да, нам его продали гномы, — согласился эльф.

— Эти бородатые недомерки! — Из уст карлика, который был ненамного выше гнома, слышать такие слова было по меньшей мере забавно. — И мы еще с ними делим одни стены! Вы можете в это поверить, треш Элодсса?

Эльф безразлично пожал плечами, ему уже надоедало слушать о гномах.

— Потребуется очень много времени. — Карлик постучал пальцами по верстаку. — Обработка, сами понимаете. Магия. Через два месяца смогу сделать первые наброски.

— Через неделю ключ должен быть готов, — резко ответил Элодсса.

— Вы хотите, чтобы я работал целые сутки? — возмутился Фрахель.

— А почему бы и нет, если мы вам хорошо заплатим?

— Насколько хорошо? — сощурился карлик.

— Назовите вашу цену.

Фрахель немного подумал и назвал. Хорошую цену назвал, надо сказать.

— Согласен на четверть вашей суммы.

— Этот разговор несерьезен, — отрезал карлик.

— Плюс все, что останется после обработки слезы, — ваше.

— Обьедки предлагаете? — возмутился Фрахель.

Но опять же больше для порядка. Хитрый карлик знал, что даже маленькие кусочки минерала, которые обязательно останутся после обработки, бесценны.

— Ладно, пусть будет по-вашему, треш эльф. Примусь за работу прямо сейчас.

— Не смею вас больше отвлекать, — поклонился эльф.

Карлик небрежно махнул рукой, прощаясь с Элодссой. Мыслями он уже был в работе.

Элодсса всей душой ненавидел проклятые подземные чертоги. Упорные бородачи-гномы, пробивавшие все эти коридоры, как-то не подумали о том, что рост у эльфов намного выше, чем у гномов и карликов. Поэтому большую часть дороги до покоев, которые карлики выделили принцу дома Черного пламени, приходилось идти, согнувшись и согнувшись чуть ли не вдвое, чтобы не задевать головой низкий потолок. А от мысли, что над ним лиги скалы, готовые вот-вот рухнуть и завалить коридоры, Элодссе мутило.

Коридоры, коридоры и еще раз коридоры. Ответвления, штольни, воздушные шахты нижних ярусов, где по какому-то непонятному капризу жили мастера карликов, — весь этот лабиринт мог привести в уныние любого, кто родился не в подземельях, а под зелеными кронами дубов.

Свернул не в тот коридор, зазевался на одно мгновение и можешь петь Песню Прощания. Окажешься в какой-нибудь старой выработке, давным-давно забытой даже создателями-гномами, — и прости прощай голубое небо и деревья родных лесов.

Можно надеяться, что обнаружат твои останки года через два, когда какой-нибудь гном или карлик по пьяни сунется не в тот коридор. А самое обидное, что обжитые места вот они — руку протяни, шаг сделай, заверни в нужный коридор и будешь спасен. Эльфа передернуло. Жуткая смерть!

Поэтому он старался не потерять из виду спину карлика, выделенного ему в провожатые. Воздух в низких полутемных коридорах был спертым, и Элодсса мечтал как можно быстрее оказаться наверху, в более обжитых ярусах страны карликов и гномов. Там и потолки высокие, и дышать легче, и света больше. Главное, конечно, свет. От всей этой полутьмы у эльфа очень болели глаза. Если тут на стенах висели слабенькие фонарики, так похожие на хрупких светляков из лесов Заграбы, которые почти не дают света, то в главных залах подземного королевства сияли маленькие солнца — большие ослепительные творения магии карликов.

Элодсса и карлик шли долго. Эльф уже давно запутался в капризных изгибах коридоров, видно прорубленных гномами после того, как они изрядно обкурились красавки. Лишь однажды им попался отряд бородатых рудодобытчиков. С фонариками-светляками, крепившимися к гномьим шлемам, и с рабочими мотыгами, а также другим инструментом гномы,

весело горланя незатейливую песенку, спускались куда-то к сердцу земли.

— Почему здесь так мало народу? — спросил Элодсса у своего провожатого.

— А кто тут согласится жить? — удивился карлик вопросу. — Это же пятьдесят вторая штольня! Отсюда до поверхности восемь часов топать! Все живут выше. Это нашим мастерам, таким как уважаемый Фрахель, нужно уединение для работы. Чтобы никто не мешал, да и под их магию не попал ненароком. Ну и гномы тут иногда шастают к выработкам. А так места здесь пустынные. Пришли, любезный эльф.

Карлик остановился перед подъемником. Внизу была ночь. Наверху тоже. Им предстояло подняться по круглому туннелю более девяти сот ярдов. Можно, конечно, этот путь проделать и по крутой каменной лестнице, хищной спиралью пронизывающей тело гор, но на это нужно слишком много сил и времени. Так что придется доверить жизнь ненадежному подъемнику.

Эльф с недоверием ступил на старые разошедшиеся доски и покосился на толстый канат. Канат, несмотря на внушительную толщину, как и дощатый пол подъемника, к доверию не располагал. Того и гляди оборвется, а лететь эльфу до земли очень и очень долго. Он вполне успеет два раза пересказать Анналы Кроны, прежде чем разобьется о самое дно.

На подъемнике находился барабан, и карлик три раза стукнул в него. Звук ласточкой упорхнул куда-то вверх, и через некоторое время до ушей Элодссы долетел тихий, приглушенный расстоянием ответ.

— Па-аехали! — улыбнулся карлик и вцепился в поручень.

Принц дома Черного пламени поступил точно так же, он помнил, как его опускали вниз. О безалаберности гномов, а именно они опускали и поднимали подъемник, ходили легенды. Пока эльф спускался до этого яруса, седых волос на голове прибавилось.

На миг вместе с сердцем эльфа подъемник ухнул вниз. Хотя почти сразу же медленно, но верно стал ползти вверх. Мимо Элодссы со скоростью пьяной улитки проплывала стена грубого необработанного базальта. Гномы тут не постарались, оставив после пробивания туннеля все как есть.

К чему здесь шлифовать стены, украшать их скульптурами и росписями, создавать шедевры архитектурной мысли, если для этого существуют верхние ярусы, где искусство гномов и карликов могут оценить приходящие в их королевство гости? Желających сунуться куда-нибудь поглубже почти не было, так что горбатиться несколько веков для того, чтобы вырубить из твердого камня очередную колонну, смысла не

было никакого.

Иногда в стенах появлялся вход в очередной ярус, но подъемник проплывал мимо него, и вновь вокруг тянулись каменные стены кишки туннеля. Один раз из очередного коридора на подъемник прыгнул карлик. Он с интересом взглянул на эльфа и принялся разговаривать с провожатым Элодссы.

Гномьего языка эльф не знал, поэтому оставалось надеяться, что разговор идет не о его персоне.

Карлик спрыгнул через шесть ярусов, напоследок махнул рукой и скрылся в коридоре. Тут уже пошли обжитые места. Коридоры стали шире и просторнее. Количество гномов и карликов, спешащих по делам, увеличилось в несколько раз. Элодсса понял, что они уже почти приехали.

— Эй, вы! — гаркнул карлик, задрав голову вверх. — Крутите быстрее, сколько можно поднимать?!

— Я тебе щас покручу быстрее! Я тебе щас так покручу! — донесся сверху злой голос. — Щас вообще все брошу или попросту держатель ослаблю! Будешь лететь два года! Как можем, так и крутим!

Карлик в сердцах махнул рукой и посмотрел на Элодссу, видно ожидая поддержки:

— Гномы...

Эльф усмехнулся уголками рта, очень надеясь, что поднимающие их гномы не осуществят угрозы. Про себя же Элодсса решил, что больше ничто не заманит его не только в пещеры подземного королевства, но и в горы.

Карлик снова ударил в барабан, и подъемник остановился.

— Вот и приехали, — благодушно сказал карлик, сходя с подъемника. — Двадцать восьмой чертог, если считать с самого верха. Сами дорогу найдете, господин эльф?

— Не думаю.

— Все очень просто: прямо по центральному коридору, через зал с изумрудными сталактитами, а затем считайте ответвления. Шестое справа ваше. Оттуда после каждого второго перекрестка три раза налево, и вы как раз попадете в сектор, где мы размещаем наших гостей. Не бойтесь, заблудиться здесь практически невозможно, если что, спросите дорогу у кого-нибудь из наших. Только у гномов лучше не спрашивайте, эти бородатые за последнее время совсем соображать разучились. Только и знают, что новые штреки прорубать!

С этими словами карлик вновь залез на подъемник и, стукнув по барабану, поехал вниз.

Элодсса пошел искать свою комнату. Он ни на миг не собирался оставаться в проклятом подземелье. Нужно забрать вещи и подняться на первый ярус, поближе к небу и солнцу. Если торчать под землей целую неделю, пока Фрахель делает ключ, можно сойти с ума. Уж лучше он вернется к сроку обратно, заберет ключ и никогда, больше ни-ког-да даже близко не подойдет к горам.

Эльф шел и смотрел по сторонам. В отличие от нижних ярусов тут было на что обратить внимание. С творениями рук гномов и карликов могли посоперничать только творения орков и эльфов в Храд Спайне. Правда, в Костяных дворцах Элодсса не чувствовал себя крысой, заживо погребенной глубоко-глубоко под землей. Но надо отдать должное подземным строителям все, буквально все, начиная с самых маленьких деталей и заканчивая устремляющимися куда-то ввысь восьмигранными колоннами, было прекрасно.

Он вошел в зал с изумрудными сталактитами, поражающими своими размерами, и застыл в восхищении. Откуда-то с потолка, из маленького окошка, добравшись до такой глубины неизвестно какими путями, на зеленые сталактиты падал, рассекая специально созданный полумрак, солнечный луч. От ласкового касания луча зеленые сталактиты начинали искриться, как будто их все обсыпали мелкой алмазной крошкой. А в центре столкновения сына солнца и сталактита проявлялось изображение — карлик и гном.

— Это Великие Грахель и Чигзан — первый карлик и первый гном, братья, — раздался слева от Элодссы голос.

Он обернулся и увидел заговорившего с ним. Точнее, заговорившую. Она стояла возле одного из зеленых столбов и поглаживала его рукой.

— Говорят, это изображение нашли гномы, когда кто-то догадался поднести к сталактиту свет. Так что можешь потом рассказывать, что видел одну из реликвий подземного королевства.

— Мидла. — Элодсса церемонно поклонился, стараясь согнать с лица удивление.

— Треш Элодсса. — Она поклонилась не менее изящно, застыв в поклоне на несколько секунд, как того требовал этикет, когда эльф встречается с представителем королевской фамилии дома.

— Очень удивлен тебя здесь увидеть, — сказал Элодсса.

— Надеюсь, приятно? — улыбнулась ему гибкая эльфийка.

Волосы у нее были острижены не по моде темных эльфиек. Не высокая прическа и даже не толстая коса, а пепельно-стальная шапка коротко подстриженных волос. Темно-зеленая одежда разведчицы, за

спиной вместо привычного с'каша два коротких изогнутых клинка с точно такими же, как и у с'каша Элодссы, нефритовыми рукоятями. Он сам подарил ей оба меча в те времена, когда жизнь казалась слишком простой. Какими же молодыми они были!

— Это зависит от того, что ты тут делаешь, — как можно более отстраненно сказал Элодсса.

— Что может тут делать разведчица дома Черного пламени, как не охранять наследного принца? — Она криво улыбнулась.

Это проклятое слово встало между ними пять лет назад, навсегда разрушив возможное счастье.

— Глава дома приказал мне быть твоей тенью.

— Этого не может быть! Отец никогда бы не послал тебя!

— Разве я когда-нибудь тебе лгала? У меня нет на это родовой способности. — Она насмешливо изогнула бровь, намекая на то, что произошло между ними.

— Я не обманывал тебя! — вырвалось у Элодссы. — То, что произошло между нами, не было ложью!

— Ну конечно. — Еще одна горькая улыбка. — Во всем виноват твой отец и глупые предрассудки.

— Я не могу преступить закон, и ты это знаешь! Не моя вина, что вместе нам не быть! Сын главы дома не может связать себя узами с...

— Ну, продолжай, Элодсса. С кем? С той, кто размахивает клинками? С той, кто шляется по Заграбе в поисках прорвавшихся на территорию нашего дома отрядов орков? С той, кто обучает маленьких эльфов держать в руках с'каш или стрелять из лука? Или с той, у которой в жилах не течет кровь главы дома?

— Этот разговор, как и все предыдущие, ни к чему не приведет.

— Ты прав, — грустно кивнула Мидла.

— Можешь отправляться назад к отцу и сказать, что со мной все в порядке.

— Я похожа на посыльного? — В желтых миндалевидных глазах мелькнула плохо скрываемая ярость.

Он слишком хорошо знал этот взгляд. В то время, когда они встречались, он пару раз видел эту ярость в ее глазах. Теперь впервые она была направлена на него.

— У меня достаточно охраны, — отрезал Элодсса.

— Твоя охрана вон там. — Мидла ткнула пальцем в потолок. — В лиге над нами. Пока они спустятся сюда, наследник дома Черного пламени превратится в нечто мертвое и неподвижное.

— Кто на меня здесь нападет? Карлики и гномы не настолько психи!

— Я выполняю приказ главы дома. — Она безразлично пожалала плечами.

— А я приказываю тебе отправляться домой, — вспыхнул Элодсса.

— Ты пока еще не имеешь власти отца. — Она торжествующе улыбнулась.

Эльф скрипнул зубами, сжал кулаки и, развернувшись, пошел своей дорогой, проклиная упрямство Мидлы. Еще посмотрим, кто кого будет охранять!

Мидла наблюдала за уходящим Элодссой. В глазах у нее застыла боль.

Неделя, казалось, тянулась бесконечно. Элодсса раздумал подняться наверх, смысла не было — Мидла последовала бы за ним, а эльф не хотел разговоров у себя за спиной. Все еще помнили об их отношениях и о запрете на их свадьбу отца Элодссы.

Поэтому Элодсса большей частью сидел в покоях, выделенных ему карликами, и лишь иногда прогуливался по ближайшим залам, наслаждаясь красотой и величием этих мест. В такие минуты его сопровождала молчаливая Мидла. Каким-то образом она узнавала о том, что Элодсса покинул покои, и тут же появлялась рядом с ним.

Оба держались подчеркнуто вежливо и холодно. И оба чувствовали себя не в своей тарелке. Все прогулки заканчивались тем, что Элодсса злился и возвращался в надоевшие покои.

Когда подошел срок, который он назначил карлику, эльф наконец-то вздохнул с облегчением. Он ушел, каким-то образом не потревожив Мидлу, хотя ее комнаты были напротив. Скорее всего, это случилось потому, что эльф специально не предупредил карлика-сопровождающего о том, что собирается посетить Фрахеля. Элодсса подозревал, что именно благодаря этому маленькому стукачу о его прогулках становится известно Мидле.

Путь до подъемника он нашел без всякого труда. Тут стояли несколько гномов, закованных в броню и с боевыми мотыгами вместо обычных. Бородатые о чем-то горячо спорили.

— Добрый день, почтенные, — поприветствовал их Элодсса.

— Какой уж он добрый, — буркнул один из гномов. — Слыхали небось, что происходит?

— Нет, а что?

— На сто пятнадцатых воротах, это далеко отсюда, возле Загорья, весь пост вырезали. Пятнадцать карликов и столько же гномов полегли.

— Кто сделал, знаете?

— Нет. — Гномы были мрачнее тучи. — Но есть вероятность, что они

проникли в королевство.

— Может, оно, конечно, и так, вот только какого распердую мы тут торчим? — зло спросил другой гном. — До сто пятнадцатых восемьдесят лиг отсюда! Ни один смертный, если он, конечно, не гном или не карлик, так далеко сам не пройдет! Заблудится в штольнях!

— А как не заблудится? — возразил первый.

— А как только летучие мыши гадят! — ответил гном. — Уже сколько времени прошло? Во! И никто на них не натолкнулся из наших! Кто бы там ни был, не стал он сுவаться так глубоко под землю! Перебил охрану и ушел!

— Ладно, нас тут поставили, мы и стоим, — примирительно сказал другой гном. — Куда надо-то?

Последние слова предназначались Элодссе.

— К мастеру Фрахелю.

— Это в пятьдесят вторую штольню? Заходите на подъемник, дорогу знаете?

— Не очень.

— На каждом втором перекрестке сворачивайте налево и так пять раз. Затем шесть перекрестков прямо и в третий левый коридор. Найдете?

— Да, спасибо.

— Эй, мужики! — крикнул гном вверх. — Почтенного до пятьдесят второй!

— Сделаем! — донеслось сверху.

Подъемник вздрогнул и поехал вниз.

Фрахель с облегченным вздохом откинулся на спинку стула. Глаза и руки болели. Тысячи маленьких раскаленных иголок впивались в зрачки. Необходимо было хоть немного отдохнуть. Карлик был удовлетворен работой, сделанной за неделю, ключ — это, пожалуй, лучшее, что он смог сделать за свою долгую жизнь.

Работа захватила Фрахеля, вызов, брошенный его умению, требовал полной отдачи, но вот подошел срок, и он сотворил невозможное — на черном бархате лежал ключ, созданный из слезы дракона. Тонкий и изящный предмет заключал в себе огромную силу даже до того, как клыкастые темные наделат ключ нужными возможностями, чтобы он подходил к их створкам.

Фрахель ухмыльнулся. Орков ждет большой сюрприз, когда створки перестанут раскрываться перед ними. Эльфы хитры, решив лишить орков памяти предков, закрыв дверь перед самым их носом!

Фрахель посмотрел на гудящее в горне лиловое пламя, все еще

помнившее вкус слезы дракона. Волшебное пламя целую ночь лизало минерал, отдавая ему силу вечной ярости и жизни. Ключ родился в огне и из огня.

Карлик с сожалением посмотрел на двенадцать сточенных алмазных резцов. Ну ничего, тех денег, что заплатит ему эльф, хватит на несколько сотен точно таких же, если не лучше.

Оставалось последнее, самое быстрое и самое сложное, — наделить творение жизнью и памятью. Фрахель встал, раскрыл старую книгу и поднял руку над дремлющим ключом.

В дверь его мастерской вежливо постучали. Карлик зло выругался. Должно быть, эльф приперся! Рановато! Что же, принц он там или еще кто, но ему придется ждать, пока Фрахель не доделает все, что нужно.

— Ждите, уважаемый! — крикнул Фрахель. — Я еще не закончил!

Вновь раздался вежливый стук в дверь.

— Войдите! — Фрахель уже приготовился сказать эльфу пару ласковых.

Дверь открылась, и в мастерскую вошел человек. Все слова застряли у Фрахеля во рту. Гостей он не ждал.

— Мастер Фрахель? — спросил человек, внимательно осмотрев мастерскую.

— А кто спрашивает? — не очень любезно ответил карлик.

— О! Позвольте представиться, меня зовут Суовик.

— Суовик? — Карлик несколько не сомневался, что у этого Суовика есть титул.

Хотя бы потому, что на камзоле был вышит золотой соловей. Кажется, такой герб имел кто-то в Валиостре на границе между Заграбой и Пограничным королевством.

— О! Не утруждайте себя, мастер! Просто Суовик, и все, — замахал руками человек.

Просто Суовику было под пятьдесят, высокий, худой как жердь, с седыми висками и такой же проседью в аккуратной бородке. Усов Суовик не носил. Карие глаза смотрели на карлика с дружелюбной насмешкой.

— И что вам угодно? — стараясь скрыть раздражение, спросил Фрахель.

Грубить он не хотел, человек мог быть неплохим клиентом.

— О! — Фрахелю уже начинало надоедать это оканье незваного гостя. — Я бы хотел купить одну вещь. Точнее, не я, а тот, кто меня послал. Мой Хозяин...

— Но позвольте, — перебил Фрахель гостя и развел руками. — Я не

лавочник. У меня ничего нет для продажи! Я выполняю частные и очень хорошо оплачиваемые заказы. Если вам нужно что-то купить, обратитесь к мастеру Смерхелю, два яруса выше, триста двадцать второй штрек.

Фрахель повернулся к Суовику спиной, давая понять, что разговор окончен.

— О! Вы меня не так поняли, почтенный мастер! — Человек и не собирался уходить из мастерской.

Он довольно бесцеремонно подошел к стулу и сел, закинув ногу на ногу.

— Мой Хозяин хочет купить вещь, сотворенную именно вашими руками.

— И что же он хочет у меня купить? — с явной издевкой спросил карлик, уперев руки в бока.

Вежливость вежливостью, но этого человека он с удовольствием вышвырнет из своей мастерской.

— Вон ту забавную вещицу! — Суовик приподнялся с кресла и ткнул пальцем в искрящийся ключ.

На миг карлик потерял дар речи.

— Вы с ума сошли, уважаемый?! Эльфийский ключ? Но у меня на него другой заказчик, он предназначается не вашему хозяину! Да и зачем он вам?

— М-м-м... Мой Хозяин — человек... — На слове «человек» Суовик почему-то запнулся. — Человек с определенным вкусом. Скажем так. Он коллекционер, а этот замечательный ключ великолепно подойдет к его замечательной коллекции.

— Нет! — отрезал карлик. — К тому же у вас не хватит денег, чтобы купить ключ, да и слово свое я не нарушу.

— О! Насчет денег вы можете не волноваться, мастер Фрахель!

Суовик встал со стула и, подойдя к столу, на котором ключ дожидался последнего штриха мастера, стал выкладывать из сумки камни.

Зубы у Фрахеля клацнули, а глаза приобрели вид больших блюдец. Человек положил на стол слезу дракона — камень, ни в чем не уступающий тому, что принес ему эльф. Затем еще один. И еще. И еще.

— Мой Хозяин очень щедр, вам не придется жалеть, — улыбнулся Суовик.

Карлик молчал и во все глаза смотрел на камни, ожидая, что в любой момент они исчезнут. Такого просто не могло быть! Тут лежало равноценное количество того, что карлики с гномами нашли за последнюю тысячу лет!

Не дождавшись ответа, Суовик положил на стол еще два камня, последний был просто огромным.

— Согласитесь, любезный мастер, такая цена заставляет задуматься. Пусть ваш заказчик подождет еще неделю, вы сделаете еще один ключ, материала у вас теперь предостаточно.

— Но ключ еще не готов, он еще не наделен жизнью! — Карлик убеждал уже сам себя.

— Тут вам не стоит беспокоиться, я сам позабочусь и вдохну в него жизнь.

— Людское волшебство тут не поможет, — покачал головой гном.

— Кроме людского волшебства есть еще разная магия. — Человек улыбнулся.

— Разная магия? — Фрахель подозрительно сощурился. — Есть еще магия камня моего народа и шаманство. Магия гномов и карликов не подходит для людей, а шаманство ваше племя может изучать только огрское...

— А даже если и так? — Суовик пожал плечами.

— Кто вы? — выпалил карлик, шаря взглядом по мастерской в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Это так важно? Так мы договорились? — Суовик протянул руку к ключу.

— Нет, — через силу выдавил карлик. — Забирайте свое барахло и выметайтесь!

— Это ваше последнее слово?

— Да!

— Очень жаль. — Человек вздохнул. — Я хотел по-хорошему.

В открывшуюся дверь проскользнули пять теней, и Фрахель побледнел.

По дороге Элодсса все же умудрился заблудиться и свернуть не в тот коридор. На миг смуглая кожа эльфа покрылась потом, когда в голове возникла мыслишка о том, что он заблудился. Однако он не поддался панике, не стал сломя голову носиться в лабиринте коридоров, а остановился и постарался вспомнить всю дорогу. Пройдя назад и дважды повернув направо, эльф оказался в знакомом коридоре с низким потолком. Оказалось, что он неправильно сосчитал перекрестки, поэтому и свернул не в ту сторону.

Остальной путь Элодсса проделал без приключений, хотя ему и казалось, что стены нарочно пытаются его раздавить и заставляют тяжело дышать. Элодсса шел по коридору, ища знакомую дверь в мастерскую

Фрахеля. Дорога оказалась даже длиннее, чем в прошлый раз. Очень часто приходилось останавливаться, чтобы сориентироваться и узнать свое местонахождение, но такова цена прогулки в одиночку. Сам не желал звать карлика, сам не хотел присутствия Мидлы. Когда эльфийка была рядом с ним, Элодсса ощущал злость и вину одновременно. Злость на себя, что поддался на уговоры отца, будто Мидла не пара королевскому сыну. Нельзя, видите ли, преступать древний закон. Он до сих пор любил ее, и она, как подозревал Элодсса, тоже не смогла забыть его.

Наконец он оказался возле мастерской Фрахеля и без стука толкнул дверь.

Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить ситуацию. Карлик лежал на полу мертвее мертвого. Над ключом, над его ключом, застыл человек, распевая песню на огрском языке, а ключ отвечал ядовитым багрянцем, пульсируя, как живое сердце, в такт словам.

Человек бросил на застывшего эльфа всего один взгляд и коротко бросил:

— Убить!

Пять орков, стоявших рядом с человеком, ринулись на эльфа, обнажив ятаганы. С'каш с тихим шелестом покинул ножны, второй рукой Элодсса сорвал с пояса кинжал и метнул его в человека рукоятью вперед. Оружие несколько раз кувыркнулось во время полета и вошло тому глубоко в грудь. Человек схватился за рукоять эльфийского кинжала и упал. Багрянец, разливающийся над ключом, моргнул в последний раз и исчез. Но забрать ключ уже не было возможности — первый орк заносил ятаган для удара. С'каш и ятаган столкнулись, разошлись и вновь столкнулись. Орк отпрыгнул назад, дожидаясь, пока подойдут его соплеменники:

— Тебе конец, выродок!

Элодсса ничего не сказал. Конечно, пятеро против одного — это очень много, но эльфа спасало то, что он стоял в дверях и напасть на него одновременно могли только двое.

— Пригнись! — раздался за спиной резкий голос.

Элодсса быстро пригнулся, и появившийся над его плечом лук выстрелил. Стрела глубоко вошла орку в глаз, заставив того схватиться за нее, исполнить ногами предсмертный танец и рухнуть на пол.

Сердитым шмелем прожужжала следующая стрела и, возбужденно дрожа, впиалась в шею второго орка, с жадностью извергая из него кровь.

Третью стрелу Мидла пустила прямо в лицо подбежавшего врага.

Стрелы на таком расстоянии были уже неэффективны, и Элодсса вступил в бой, давая время эльфийке убраться с лука и обнажить клинки.

Избежав удара справа, Элодсса поднял с'каш над головой, поставив оружие плашмя, чтобы встретить падающий на него ятаган противника. Орк попался на банальнейший слив: его ятаган скользнул по направленному вниз с'кашу Элодссы, и, благодаря силе собственного удара, орк сделал лишний шаг вперед, обнажив бок. Взвизгнув, изогнутый клинок эльфа распорол воздух и, перерубив левую руку противника, глубоко ушел в не защищенный доспехами бок. Едва уловимое движение назад, разворот вокруг собственной оси с одновременным поднятием оружия вверх, шаг в сторону — и с'каш перерубает шею раненого врага, заставляя голову прокатиться на полу и остановиться где-то под столом.

Элодсса уже поворачивался на помощь Мидле, но она и сама справилась с последним орком. Два изогнутых клинка так и остались в теле мертвого врага. Мидла привалилась к стене и, шипя от боли, перевязывала распоротую ятаганом ногу.

— Ты в порядке?

— Нет, тысяча демонов! С какой дури тебя потянуло сюда одного? А если бы я не успела?

— Пришлось бы справляться своими силами.

— Своими силами, — буркнула Мидла, затягивая последний узел. — Этот волчий выкормыш все же достал меня!

— Идти сможешь?

— Не думаю, что я смогу ходить в ближайший месяц.

— Надо убираться отсюда, неизвестно, сколько орков проникло в шахты.

— Это те, кто вырезал охрану дальних ворот?

— Скорее всего. Я понесу тебя.

Мидла только кивнула:

— Вытащи из трупа клинки — они мне слишком дороги.

— Хорошо. — Элодсса выдернул из мертвого орка оружие Мидлы, передал клинки ей и направился к телу человека, намереваясь вытащить из его груди свой кинжал.

Человек оказался счастливчиком. Шаман до сих пор был еще жив, хотя на губах у него проступила кровавая пена, хлопьями стекающая на подбородок и бороду.

— Ты... — Человек попытался задержать взгляд на Элодссе, склонившемся над ним. — Хозяин все равно завладеет ключом.

— Вот уж не знаю, кто твой хозяин, но эльфы просто так не расстаются со своей собственностью.

Элодсса уперся правым коленом в грудь умирающего, вытащил

кинжал и перерезал шаману горло, наблюдая, как стекленеют карие глаза. Затем он взял со стола ключ, немного подумал и сгреб в лежащую на полу сумку все слезы дракона, вполне трезво рассуждая, что мертвецам они уже без надобности, а гномы с карликами как-нибудь обойдутся.

— Мертв? — спросила Мидла, когда он подошел к ней и взял эльфийку на руки.

— Да, он колдовал, когда я пришел. Что-то с ключом делал.

— Это не наше дело, пусть шаманы разбираются. Он служил оркам?

— Скорее, наоборот, — пропыхтел Элодсса, вынося Мидлу в коридор. — Это они служили ему.

— Как такое вообще возможно? Орки никогда не служили низшей расе.

— А эти служат. Кстати, ты заметила, что у них не было нашивок клана?

— Да. Все это очень странно.

— Вот и я о том же.

— Что ты намерен теперь делать?

— Сообщить обо всем гномам или карликам и убраться из-под земли.

— А потом?

— Потом? — Элодсса на миг задумался. — Потом собираюсь отдать ключ отцу и изменить парочку старых законов, не считаясь с мнением главы дома.

— Это каких? — удивилась Мидла.

— Тех, что запрещают быть вместе сыну королевской династии и разведчице. Ты не возражаешь?

Мидла только улыбнулась, давая понять Элодссе, что с ее стороны никаких возражений не будет.

Ни он, ни она не видели, что в глубине ключа, лежавшего в сумке у эльфа, мерцает едва заметная багровая искорка.

Глава 22

Разговоры в огне

Многие думают, что во мраке нет жизни. Это большое заблуждение. Может, в крошечной пустоте Ничто жизнь не так и заметна, как в нашем красочном мире, но то, что она есть, несомненно.

То тут, то там на короткую долю секунды с отчаянным скрипом распахивались двери — столбы света в безграничном мраке, ведущие неизвестно куда. Эти двери появлялись лишь для того, чтобы через краткий миг с оглушительным грохотом захлопнуться, поглотив свет.

Но мир склонен меняться, и спустя века двери пропали, надолго оставив меня в абсолютной тьме и тишине. Ни звука, ни дуновения, ни искорки света, способной отпугнуть вековечный мрак этого места.

Я висел в пустоте и видел сны. Много снов. Красивых и страшных одновременно. Снов, где я просто был наблюдателем, снов, где я проживал тысячи жизней, снов, которые были правдой, и снов, которые были просто снами. Сны шли и шли, сменяясь, как разноцветные картинки игрушечного калейдоскопа моего далекого детства. Сны, ни к чему не обязывающие, сны, над которыми стоило задуматься, сны, которые стирались из моей памяти, как только они заканчивались, и уступали место другим, ни на что не похожим снам.

Сколько это длилось? Не думаю, что больше, чем вечность, да и та когда-нибудь должна была закончиться. Вечность, как и сны, имеет такую неприятную особенность — кончаться в самое неподходящее для этого время.

Спустя несколько веков, показавшихся мне минутами, во мраке родились первые багровые искры. Это были дети гигантского и пока еще не видимого мною костра. Они вырывались откуда-то снизу, взлетали мерцающими угольками вверх, туда, куда до этого уползали мои сны. Искры вздымались высоко-высоко и, мигнув на прощание, таяли, пожираемые голодным мраком.

Одна из искорок пролетела прямо возле меня, на миг зависла перед лицом и, обернувшись огненной снежинкой, медленно кружась во мраке, стала падать. Я инстинктивно подставил ладонь, горящая снежинка огня упала на нее и растаяла. Ладонь обожгло легким морозцем. Огненная снежинка была холоднее льдинки.

Искорок-снежинок стало гораздо больше, они ускорили свой полет, теперь летая не только снизу вверх, но и горизонтально, как будто их гонял хулиган-ветер. Иногда, когда огненного снега становилось ужасно много, снежинки закручивались в огненный смерч. В такие минуты у меня перед глазами возникали картины прошлого.

Прошла еще вечность, и в одном месте мрак набух, пожелтел — так желтеет бумага, когда ее подносишь к пламени свечи, — и лопнул. Появились языки багрового огня. Затем еще и еще. Спустя мгновение пламя сожрало мрак, заполнив все пространство моего бесконечного сна.

Багровый огонь был беззвучным, и от него не было никакого жара. Я почувствовал небольшой холодок, когда особенно рьяный и неугомонный язычок пламени лизнул мне лицо. Я провел по лицу ладонью, и на ней остался тонкий слой инея. Огненного инея.

Он нагрелся и багровым дымком заструился с ладони, нежно клубясь перед лицом и маня меня прыгнуть за ним в пламя.

Куда дальше? Я и так находился в самом центре этого беззвучного холодного ада, но дымок превратился в безжалостный янтарный огонек и толкнул меня в бездну. Появился звук, и мой крик жалкой мошкой потонул в реве огненного прилива. В ответ огонек только весело подмигнул мне янтарным глазом. Но я уже и сам видел, что это не обычный огонек, а глаза, просящие вернуться в какой-то забытый мною мир.

Забытый? Но я же помню, что глаза, смотрящие в меня, — это раскосые золотисто-янтарные глаза эльфийки. Ее, кажется, звали Миралиссой.

— Потанцуй с нами, Танцующий! — Веселый смех заставил меня отвлечься от глаз и обернуться.

Закручиваясь в вихре танца, на языках пламени двигались три тени. Их нисколько не пугало присутствие света, они оставались такими же черными и непрозрачными для него, как будто и не было вокруг них никакого огня.

— Ну же, Танцующий, не бойся! — засмеялась одна из теней и сделала вокруг меня оборот.

— Я не танцую, леди. — В горле пересохло. То ли от холодного огня, то ли от снов.

— Смотрите, он не хочет танцевать, — весело хихикнула другая тень, подлетая ко мне вплотную.

На мгновение мне показалось, что в тени промелькнуло очертание женского лица. Промелькнуло и исчезло. А жаль, личико вполне даже ничего.

— Отчего же, Танцующий, ты отказываешься танцевать? Почему ты не хочешь подарить нам всего лишь один танец?

— Мне нужно идти. — Пламя за спиной выло не переставая и, кажется, начинало теплеть.

— Идти? — Третья тень оказалась рядом с первой и второй. — Но чтобы уйти, ты должен подарить нам танец. Давай, Танцующий! Выбирай! Какая из нас троих больше тебе по душе?

— Я не умею танцевать. — Я покачал головой и обернулся.

Янтарные глаза все еще никуда не исчезли, но потихоньку отдалялись, скрываясь за стеной пламени. Я бросился к ним, и тут же пламя ударило в меня волной жара. Я в страхе закрыл лицо руками.

— Вот видишь, Танцующий. — Вторая тень. — Ты пройдешь сквозь огонь только в танце. Танцуй или навеки останешься здесь!

Я уже мог отличить каждую из трех теней по голосу. Они одновременно были такими похожими и... такими разными.

— Какую из нас ты выбираешь? — вновь спросила третья тень, а жар за спиной становился нестерпимым.

— Всех троих, — хмуро сказал я.

Одной глупостью больше, одной меньше. Какая, собственно, разница? Минутное замешательство среди теней.

— Ты и вправду Танцующий, — удивленно произнесла первая тень. — Берешь от жизни все.

— Что же, мы проведем тебя через барьер. Держись!

Тени обняли меня, закрывая черными телами от подступающего со всех сторон огня. И повели. Вихрь кружения, стрела скольжения и легкости, черная молния, пронзившая стену пламени и толкнувшая меня к янтарным глазам.

Падаю...

— Мы еще станцуем с тобой джангу! — слышу я слова, брошенные в спину.

Последняя, злая вспышка багрового и сходящего с ума от собственного бессилия пламени. Ночь...

— Что с ним?

Голос пробивается через густую паутину беспамьятства, разрывает ее нити, подобно кинжалу. Голос выхватывает меня со дна сна, ставшего явью, поднимает к поверхности, чтобы я глотнул свежего воздуха жизни.

— Приходит в себя! Эграсса, дай цветы лазуритки! Быстро! — Голос Миралиссы напряжен и... Растерян? Испуган?

— Что, подери меня тьма, здесь происходит?! — Опять первый голос.

Его я тоже, кажется, знал... Алистан Маркауз.

— Успокойтесь, граф, все объяснения после! Эграсса, что ты медлишь?!

— Вот. — Эльф кажется спокойным.

Я почувствовал кислый запах травы и невольно поморщился.

— Ну же, Гаррет, хватит ломать комедию! Открой глаза! — Голос у невозмутимого Элла был резок.

Я попробовал. Я честно попробовал! Но веки были ужасно тяжелые, попросту налитые свинцом и отказывались подчиняться.

— Гаррет! Ты меня слышишь?

Что они все ко мне привязались? Ведь так хорошо спалось! Вонь от проклятой травы стала невыносимой. Пришлось чихнуть.

Холодная рука легла на мой лоб.

— Давай, Танцующий, открой глаза! Я знаю, ты меня слышишь!

Миралисса тоже называет меня этим именем — Танцующий! А все Кли-кли! Это гoblin первым ляпнул, будто я какое-то там пророчество. Удавил бы, да жалко зеленого.

Сожри меня Х'сан'кор! Долго они будут пихать мне под нос вонючую траву? Видно, все же придется открыть глаза, иначе эльфы не отстанут.

Еще одно усилие. В этот раз все оказалось намного проще. То ли трава так подействовала, то ли настойчивость Миралиссы.

Первое, что я увидел, — это лицо Миралиссы, склонившейся надо мной. Даже несмотря на смуглую кожу, эльфийка была необычайно бледна, а левое веко у нее предательски дергалось. Чуть дальше стояли два невозмутимых, но напряженных, как хорошо натянутая тетива лука или струна музыкального инструмента, эльфа. Рядом с ними — Маркауз. Он был хмур. Впрочем, это его постоянное состояние духа, и все уже давно к этому привыкли.

— Как ты себя чувствуешь? — Миралисса вновь положила руку мне на лоб.

Как я себя чувствую? Я вслушался в себя... Руки, ноги целы. Хвоста, по-моему, нет. Все в порядке. Чего они, собственно, все переполошились?

— Нормально я себя чувствую. А что?

Я сделал попытку встать с кровати, но Миралисса мягко толкнула меня назад.

— Полежи пока.

— Кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит?! — Милорд Алистан все же не выдержал.

— Кто бы мне объяснил, — с раздражением бросила Миралисса и

поежилась, как от зябкого сквозняка. — Все шло как всегда. Стандартная процедура настройки на ключ — ее может выполнить любой ученик третьего года, почти ничего не понимающий в шаманстве. Все было нормально, а затем ключ полыхнул багровым, и я потеряла связь с Гарретом. Сознание унесло его в такие далекие дали, что мы с большим трудом вернули его назад. Точнее, он сам как-то вернулся, все наши попытки оказались безуспешными. Ничего не понимаю!

Ключ полыхнул багровым? Такое было в одном из снов. Какой-то человек... Сулик? Суоник? Не помню уже. Что-то он сделал вот с таким же, как этот, ключом. Что-то не слишком хорошее. Еще один хозяйский прихвостень, не иначе.

— Гаррет, ты хоть что-нибудь помнишь? — спросил Эграсса.

— Ну, помню, — протянул я.

— Не нукай! Чего помнишь, вор? — Алистан все еще злился.

— Сны, тысячи снов.

— Каких снов?

— Их столько было за это время!

— Какое время, Гаррет? — нехорошо нахмурился Эграсса. — С того момента, как ты сел на кровать и как проснулся, прошло не больше двух минут!

Я остался лежать с открытым ртом. По моим меркам, пока я видел сны, прошла целая вечность.

— Это все ваш ключ, самим надо было его делать, а не отправлять принцев к карликам! — обвиняюще сказал я.

— Откуда ты знаешь, что ключ заказывал принц? — Глаза Миралиссы удивленно распахнулись.

— Из сна, наверное... — немного подумав, сказал я. — Я даже имя эльфа того помню — Элодсса.

— Элодсса Разрушитель Законов, — кивнул Элл, подтверждая, что я не вру. — Был такой правитель дома Черного пламени. Очень давно, больше тысячи лет назад. Вот только я не знал, что он заказывал ключ.

— А он и не заказывал. — Я нарушил запрет Миралиссы и сел на кровати. — Это его отец заказал. Даже не отец, а все эльфы. И темные, и светлые, а этот Элодсса поехал к карликам. Там все это и случилось.

— Что это?

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулся я. — Это всего лишь один из множества снов.

— Сны имеют такое свойство — показывать прошлое. Или будущее. Вполне возможно, что ты мог, сам того не зная, увидеть страницу

прошлого.

Пришлось вкратце рассказать им тот сон.

— Выходит, — закончил я, — что, если основываться на моем сне, с ключом что-то сделали и он работает не так, как надо.

— Но раньше-то с ним было все в порядке! — возразил Алистан.

— Раньше мы и о Хозяине ничего не слышали, — возразил графу Элл. — Вот и в ключе что-то проснулось, и он чуть не затянул Гаррета.

— Ладно! — Миралисса в раздражении щелкнула пальцами. — Всеми этими разговорами мы ничего не добьемся! Будем продолжать делать то, что делали все это время. К тому же ключ Гаррета запомнил.

— Я, пожалуй, пойду. Если с вашей стороны нет никаких возражений. — Я встал с кровати и пошел к двери.

— Ключ не забудь.

— Какой тьмы он мне сейчас нужен? — запротестовал я.

Таскать у себя за пазухой ключ, в любой момент способный превратиться в ядовитую гадюку, я не собирался.

— Гаррет, ты ведь не Вастарскую сделку заключаешь, правда? — произнес Маркауз. — Чего торгуешься? Бери этот проклятый ключ.

— Нет, пусть он побудет у меня, — неожиданно поддержала меня Миралисса. — Я еще раз проверю ключ. Нужно убедиться, что он абсолютно безопасен.

Вот и чудненько! Я покинул задумчивых эльфов и недовольного графа Крысу.

По дороге в свою комнату я натолкнулся на хмурого Кота.

— Алистана не видал? — бросил он на ходу.

— У Миралиссы был.

Кот кивнул и двинулся по коридору к комнате эльфийки.

— Ты где это шлялся? — Таковыми словами встретил меня шут, когда я вошел в комнату.

Фонарщика еще не было, и Кли-кли стелил себе постель на полу, между двух разошедшихся кроватей.

— Ты любитель спать на жестком? — спросил я, игнорируя вопрос гоблина.

— И тебе советую, для здоровья полезно, — сказал шут, взбивая подушку.

— Спасибо, перебуюсь. — И я стал вставлять в уши хлопковые пробки, которые озаботился попросить у заботливой жены хозяина таверны.

— Это еще зачем? — подозрительно сощурившись, спросил Кли-кли.

— А без них уснуть не могу. — Я невольно криво ухмыльнулся, и гоблин, приняв пробки за какое-то мое чудачество, перестал спрашивать.

Кровать после нескольких ночевок под открытым небом показалась подарком богов. В эту ночь я спал как младенец.

Как и следовало ожидать, на следующее утро Кли-кли был хмурым и молчаливым. Он дулся на весь свет, а в особенности на Фонарщика и почему-то на меня. И до того момента, когда взошло солнце и немного растопило его настроение, Кли-кли отказывался со мной разговаривать и лишь сердито фыркал в ответ на мои жалкие попытки наладить отношения. Видно, его очень расстроило то, что он не был предупрежден о ночном храпе Мумра.

Ни Миралисса, ни Алистан ни словом не обмолвились этим утром о ключе и лишь поторапливали нас, намереваясь как можно быстрее отправиться в путь.

Выехали мы рано, еще не наступил рассвет, а Алистан уже торопил весь отряд, и додремывал я прямо на Пчелке, благо лошадка не неслась галопом. Сурок, едущий рядом, лишь хмыкнул, понимая мое состояние, и так ненавязчиво принялся следить за Пчелкой.

Лошади пошли рысью, и я, уже проснувшись, довольно лихо сидел в седле. Вот что значит постоянная практика!

Только через час я заметил, что в нашем небольшом отряде произошли некоторые изменения, отчего отряд стал еще меньше.

— А где Кот и Эграсса? — удивленно спросил я у проезжающего на Перышке Кли-кли.

— У них появилось важное задание. — Гоблин впервые открыл рот за это утро. — Все, Гаррет! Хиханьки и хаханьки остались за спиной! Теперь у нас впереди суровые, а может, и опасные будни. Что-то должно произойти, я носом чую!

В подтверждение своих слов Кли-кли громко шмыгнул носом.

— Что случилось, Сурок? — не унимался я.

Дикий лишь пожал плечами, но выглядел он обеспокоенным.

— Неназываемый их знает! Кот вчера весь день ходил сам не свой. Бормотал что-то, к вечеру все оглядываться начал. А сегодня утром прихватил эльфа для компании и вовсе пропал. Вон, слышал, что Кли-кли сказал? Что-то происходит. Ненавижу я, когда вокруг непонятки!

— А кто навидит? — спросил Горлопан. — Вон Алистан как гонит! Чай, к вечеру с такой прытью в Султанате окажемся!

— Горлопан, иди к Мумру песни петь! И без тебя тошно! — хмуро бросил едущий впереди Дядька.

— Что-то я не слышу, чтобы наш музыкант дудку мучал! — возразил Горлопан, но заткнулся и всю остальную дорогу молчал, лишь иногда привставая на стремянах и оглядываясь.

Мы свернули с тракта на более старую и пустынную дорогу, ведущую на юго-восток, хотя Медок сказал, что она затем вновь поворачивает на юг и сливается с трактом перед самым Ранненгом, но по этой дороге путь выходит короче на десяток лиг. Правда, есть и отрицательные стороны такого пути — места тут не очень обжитые, деревень нет, вновь придется коротать ночь под открытым небом. Прошло утро, наступил жаркий полдень, а он сгинул в подступающем вечере, но Алистан все гнал и гнал, не щадя ни лошадей, ни всадников. В моей душе заворочался червячок беспокойства. Что-то случилось — иначе к чему такая спешка?

Ни эльфийка, ни граф, ни Дядька не отвечали на расспросы шута и только еще сильнее подгоняли коней. Три коротких перерыва — лишь для того, чтобы дать отдых измученным лошадям, — и снова пыльная дорога мелькает под ногами, да диск медно-красного солнца скатывается за горизонт по правую руку.

Лишь когда небо приобрело огненно-малиновую окраску, постепенно переходящую в темно-фиолетовую, а от солнца остался махонький краешек над горизонтом, наш отряд остановился на ночлег.

От дороги далеко уходить не стали. От чего бы мы ни убегали (или чего бы мы ни догоняли — в последнем варианте я склонен сомневаться), видно нас все равно как у Сагота на ладони. По правую и левую сторону от тракта тянулись не вспаханные поля, и огонек от ночного костра увидят на лиги вокруг.

Бледный рогатый месяц, сменивший за время нашей поездки луну, появился на небе и завел беседу с первыми звездами. Очарование летней ночи подступало к нам. Но наслаждаться природой времени не было, нужно еще успеть насобирать дров для того, чтобы костер не нуждался в пище всю ночь.

Найти в чистом поле дрова, да еще и в потемках, довольно проблематично. Если кто сомневается, пускай как-нибудь сам попробует выйти на просторы, где вместо деревьев растет зеленая травка, несколько очаровательных, но абсолютно бесполезных цветочков да стадо полусонных кузнечиков, ливнем выпархивающих из-под ног. Так что попробуйте разжечь из вышеперечисленного приличный костерок. Очень сомневаюсь, что у вас получится, особенно если учесть, что весь день до этого нужно было еще проскакать в седле.

К счастью, мы с Сурком наткнулись на заросли низкого густого

кустарника, а подоспевший Делер срубил его секирой.

Обязанности в нашем отряде были четко распределены. Кто-то собирает дрова и поддерживает огонь, кто-то кашеварит, кто-то смотрит за лошадьми, кто-то обустроивает место для ночлега. Все занимались делами, и никто не отлынивал. Даже Маркауз, будь он хоть трижды граф, каждый вечер проверял лошадей, следя за тем, чтобы, не дай Сагот, ни одна не захромала или того хуже — заболела.

Лично меня никто ни о чем не просил, но чувствовать себя бездельником не хотелось (мне с этими людьми еще придется делить последний кусок хлеба), так что я тоже оказывал посильную помощь. Я в основном помогал Сурку собирать дрова или занимался кормежкой Непобедимого. Линг оказался забавным зверьком и к тому же чертовски сообразительным. Мы с ним вполне мирно ладили, я позволял ему забираться к себе на плечо, он в ответ разрешал его погладить. Такая любовь и идиллия сильно удивили Сурка, рассказавшего мне, что Непобедимый не шибко приветствует, когда его кто-нибудь гладит. Если, конечно, это не его любимый хозяин — Сурок.

Когда я, Сурок и Делер дотащили до разожженного костерка остатки дров, не захваченных в первую ходку, на огне уже весело булькал котелок, а Халлас, чуть не окуная в него бороду, помешивал варево деревянной ложкой. Неизменный мешок, ставший уже привычным за время нашего путешествия, висел за спиной гнома. Кажется, Халлас даже спал вместе с ним, положив рядышком еще и боевую мотыгу для успокоения души. Делер первые два дня все пытался разузнать о содержимом мешка, а потом плюнул. И теперь лишь иногда презрительно фыркал, когда ему на глаза попадалась гномья сумка.

Кли-кли, как примерный помощник поваров (кашеварили через день Халлас и Дядька), подавал гному снесь. Халлас жестом профессионального королевского повара сыпал в котелок всего до кучи. В итоге такого подхода к приготовлению пищи получалось нечто ужасное на вид, но вполне питательное и вкусное.

— Опять этот страх готовишь? — Делер наморщил нос и бросил ветки кустарника на землю.

— Не хочешь — не ешь! — отрезал гном, кинув в бурлящий котелок луковицу.

Халлас не очень любил, когда его талант повара подвергался сомнениям.

— Да ладно тебе, Делер, — примиряюще сказал Медок. — Чего ты взъелся?

— Я от его снеди полночи в кусты бегаю! Уж лучше пусть Дядьку готовит!

Делер отчего-то менял окончание в имени Дядьки на манер жителей Загорья, но я не видел, чтобы десятник возражал.

— Дядька кашеварит завтра, — издевательски сказал Халлас, помешивая в котелке. — А насчет кустов, это вам, карликам, очень полезно. Избавитесь от одной вредной штуки, а то ее у вашей расы слишком много.

— Это о какой такой штуке ты разговор ведешь, мотыжник недобитый? — уперев руки в бока, спросил Делер.

— Той, что начинается на «г», а заканчивается на «о». Посредине буквы «о», «в», «н». — Халлас неотрывно смотрел в кипящий котелок, как будто ничего оскорбительного он и не произносил.

Делер стал загибать пальцы на правой руке и шевелить губами, чтобы понять, что имел в виду гном.

Кли-кли уже понял, о чем говорил Делер, и радостно осклабился, приготовившись наблюдать вселенскую драку. Сурку тоже не понадобилось много времени, чтобы догадаться, но он, в отличие от шута, схватил Непобедимого и направился помогать Горлопану, Арнху и Фонарщику кормить лошадей. Медок же незаметно встал так, чтобы в случае чего оказаться между карликом и гномом.

— Говно, — недоуменно пробормотал Делер, уставившись на собственные пальцы, будто они сами собой сложились в фигу. — Говно. Говно?! Ты говоришь о том, что в карликах слишком много говна?!

Делер бросился к Халласу, но на его пути выросла массивная фигура Медка.

— Говно?! Ах ты, маленькая бородатая вошь! — Карлик попытался обойти воина справа, но Медок как бы невзначай вновь перегородил Делеру дорогу.

— Иди сюда, и мы посмотрим, сколько говна у твоей расы! — Попытка обогнуть гиганта Дикого слева тоже не привела к успеху.

Халлас невозмутимо мешал походную кашу и ухмылялся в бороду.

— Мало мы вас на поле Сорна отщучили! Да пусти же ты меня, Медок!

— Успокойся, Делер. — На крики подошел Дядька. — И так Кот с эльфом до сих пор не вернулись, да еще ты тут свару начинаешь!

— Я начинаю?! — возмутился карлик и в сердцах сорвал с головы шляпу точную копию того котелка, что сейчас шкварчал на огне, но только с узенькими полями. — Этот... Этот выкормыш подземных глубин сказал, что в карликах слишком много говна!

— А ты наплюй, — подал идею Медок.

— Как наплевать? — опешил от такого предложения Делер.

— Смачно, — абсолютно серьезно ответил Дядька.

Карлик немного подумал и плюнул. К счастью, ни в котелок, ни тем более в Халласа плевков Делера не попал, иначе драка точно бы состоялась.

— Ты давай готовь нормально! — сказал Халласу поостывший карлик. — И бороду в котелок не суй! Больно мне там нужна твоя борода!

Оставив последнее слово за собой, карлик протопал в ту же сторону, где до этого скрылся Сурок.

В эту ночь Алистан впервые расставил караульных. Первыми заступили Арнх и Угорь, через три часа их должны были сменить Дядька и Медок. На следующую ночь на посту будут коротать время другие. Только четверо избежали этой сомнительной радости — стоять на посту: Маркауз, Миралисса, Кли-кли и я. Не скажу, что я очень огорчился. Все понимали, что нельзя поручать вору солдатские обязанности.

А вот Кли-кли огорчился и сказал, что, несмотря ни на какие настроенные против гоблина личности, он собирается исполнить свой долг караульного. Только не сегодня, а как-нибудь попозже, ну вот хотя бы во время дежурства Делера и Халласа. Гном и карлик, уже успевшие помириться и мирно откусывать из одного котелка, с радостью согласились на компанию гоблина.

И еще в эту ночь я впервые видел, что Элл кладет рядом с собой лук и втыкает в землю две стрелы.

Не спалось. Сон бежал от меня. Поэтому я просто лежал, закинув руки за голову, и смотрел в озеро звездного неба. Теплый ночной ветерок мягкой ладошкой касался высокой полевой травы и уснувших цветов, нежно пригибая растения к старушке-земле. Трава притворно сердилась, шелестела, но стоило ветру отвлечься — и она озорно поднимала голову, приглашая вернуться и продолжить забавную игру.

Худосочный старикан-месяц степенно плыл над миром, и его свет серебристой мукой падал в траву, придавая ей вид драгоценной ювелирной поделки, вышедшей из-под руки талантливого мастера. Запах ночи, травы, аромат полевых цветов, летней свежести и простора дразнил мои ноздри. После постоянных каменных ароматов города запах природы опьянял.

Где-то в полях раздался тоскливый крик одинокой птицы. Не только мне не хотелось спать нынешней ночью.

По лицу промелькнула тень, спустя мгновение черный силуэт закрыл собой звезды и бесшумно растворился в ночи, чтобы спустя краткий миг вновь вернуться назад. Тень сделала круг над нашим лагерем и, поняв, что

ничем интересным возле огня поживиться не удастся, лениво шевельнула крыльями и, почти касаясь телом травы, исчезла где-то в посеребренных месяцах полей. Филин на охоте. Берегитесь, мышки! Как бы он нашего Непобедимого не утащил! Хотя линга не утащишь. Попробуй такого зубастого схватить — вмиг останешься без клюва и перьев! Вон до сих пор слышно, как линг шуршит в опустевшем котелке, доедая все, что не доели люди.

Костер догорал, и рожденные за это время угли тихо перемигивались с далекими сестрами — звездами. Кто кого пересветит.

Надо бы подкинуть дровишек, но вставать было лень — еще разбужу кого-нибудь. Рядом со мной, перевернувшись на спину и открыв рот, спал Горлопан. Кли-кли, если бы сейчас не спал, обязательно бы воспользовался такой неосторожностью Горлопана и ради веселой шутки засунул бы тому в открытый рот одуванчик или какую-нибудь мелкую букашку — от зеленого гоблина можно ожидать любой пакости в самый неожиданный момент.

Я до сих пор не мог понять характер гоблина: то ли он попросту играет роль королевского шута, паясничая направо и налево, то ли действительно это обычное состояние его зеленой гоблинской души. До Кли-кли я с этой малочисленной расой серьезно не общался, так что общее впечатление о гоблинах у меня начало складываться совсем недавно.

На этот раз Горлопану совсем ничего не грозило — шут слишком устал и сопел, подложив руку под щеку, ничуть не хуже, чем Горлопан.

Все остальные тоже спали. Фонарщик с любимым биргризенем в обнимку, Делер чуть ли не головой в костер — так близко он от него лежал. Как бы во сне он не угодил на угли! Халлас с ценным мешком улегся на границе света и тени.

Это те, кто находился по эту сторону костра. Остальные спящие, лежащие по другую сторону от затухающего огня, сливались с мраком, превращаясь в темные силуэты, и четко рассмотреть, кто где спит, было невозможно.

Несколько раз мимо тихо проходил несший службу Угорь. Но потом, убедившись, что все тихо, он присел неподалеку и просто стал ждать, когда подойдет время его смены.

Угорь, наверное, единственный из моих спутников, о ком я так и не сложил определенного мнения. Всегда молчаливый и прямой, как боевой посох, смуглый гарракец редко вступал в разговоры, лишь иногда бросая с десяток скупых слов. Это происходило только в тех случаях, когда Угорь считал, что стоит поделиться своим мнением по данному вопросу с

остальными.

В отряде его уважали, это было видно сразу, но вот друзей или приятелей среди Диких я у Угря не заметил. Для него мы все были товарищами по походу, теми, кто будет с ним, если потребуются, рядом драться против общего врага, но никак не друзьями, с которыми можно с удовольствием выпить пивка в один прекрасный весенний денек. Угорь держался на расстоянии, не влезая в дела других и не позволяя лезть в душу к нему. Никто из воинов не обижался и принимал характер гарракца как что-то само собой разумеющееся. Однажды я спросил у Фонарщика о том, как к ним попал Угорь.

— Не знаю, он не склонен рассказывать о своей прошлой жизни, — развел руками Мумр. — Да мы и не лезем. Прошрое — это личное дело каждого. Вон Пепел — это командир Шипов у Великана — раньше был мелким воришкой. Еще мальчишкой к Диким попал. А теперь мы с ним хоть за Иглы Стужи пойдем. И плевать мне, кем он был раньше — вором, убийцей или похитителем старушек. То же самое и про Угря. Не хочет рассказывать о своем прошлом — это его личное право. Я Угря десять лет знаю, и никаких сомнений в его храбрости никто из наших ребят никогда не испытывал. Правда, ходил слушок, что он из какого-то знатного рода. Не простой парень. Ты посмотри, как он с клинками обращается — будто бы с ними и родился! Истинный дворянин.

Тут я склонен согласиться с Фонарщиком. Сам видел, что Угорь двумя мечами в королевском дворце вытворял.

Вновь крикнула ночная птица. Тягучий короткий звук разнесся по полям, и Угорь резко повернул голову в ту сторону. Но нет, крики замолкли, видно, сама виновница этих воплей испугалась собственного голоса.

Сон все не шел. Мою подозрительную натуру слишком беспокоило долгое отсутствие Кота и Эграссы. Гоблин не зря говорил, что что-то назревает. Что могло задержать двоих воинов на казалось бы безопасной и мирной дороге?

Такой уж безопасной? Такой уж мирной? Если до Авендума чуть больше недели верхом, это не значит, что на тракте все тихо и спокойно. Случиться могло все что угодно. Разбойники, непогода, лошадь сломала ногу, булыжник на голову упал, в конце концов! И не важно, что над головой голубое небо, камни могут упасть откуда угодно в самый неожиданный момент и здорово задеть темечко ничего не подозревающего обывателя. Наколдовал что-то маг-недоучка, и привет! Гм... Что-то я отвлекся.

Насколько помню, в последний раз я видел толстенького Дикого в тот

вечер, когда Миралисса решила познакомить меня с эльфийским ключом. Да, да, именно так!

Кот был хмур и очень взволнован, если не обеспокоен. Хотя если копнуть еще дальше, то весь тот день Кот не скрывал волнения, особенно под вечер. Воин слишком часто оборачивался назад, на пустую дорогу, нервно поглаживал кошачьи усы и бормотал что-то себе под нос. Что он мог увидеть такого? Ведь все остальные, включая Миралиссу и Эграссу, владеющих какой-то толикой шаманства, оставались безмятежными.

Кто поймет следопыта? Ребята этой профессии обязаны видеть то, чего не замечают другие.

Потихоньку звезды перестали быть четкими, и мир погрузился в сон.

Я проснулся внезапно. Просто в какой-то момент сон улетучился, и я открыл глаза.

Месяц довольно хорошо прогулялся по небу за то время, пока я спал, и теперь был уже в объятиях Солнечного Стрелка, огромного созвездия, располагавшегося на самой границе с горизонтом.

Угорь спал возле Горлопана, рот последнего все так же оставался открытым. Прошло более трех часов, как я уснул, и теперь уже стражу несут Дядька с Медком, сменившие отправившихся спать Угря и Арнха.

Кто-то позаботился о дальнейшей жизни костра, и теперь он маленьким цветком огонька весело поедал дрова. Рядом с огнем сидела Миралисса, иногда окуная палку в пламя. Костер задорно шипел и стрелял искрами, несущимися в ночное небо, прочь от языков пламени.

Я встал и, стараясь никого не разбудить, тихо пошел к огню. По дороге чуть не наступил на Делера. Карлик все же умудрился перекатиться во сне, к счастью, в противоположную от костра сторону.

Я осторожно присел рядом с эльфийкой и стал смотреть, как огонь слизывает кору на палке.

— Тоже не спится? — после долгого молчания наконец спросила Миралисса.

— Да.

— Хорошая ночь, — вздохнула она.

— Если учесть, что мне не так часто удавалось за свою жизнь ночевать в полях, то да. Ночь хорошая.

— Ты даже не знаешь, какой ты счастливый человек, — задумчиво проговорила эльфийка и на миг блеснула клыками.

Я до сих пор не мог привыкнуть к эльфийским клыкам. Человек, наверное, подсознательно опасается кого-то не слишком похожего на него, в особенности если у неизвестного во рту имеются такие зубки.

— Если попасть в безвыходную ситуацию и в итоге отправиться в Храд Спайн — это счастье... — довольно мрачно ответил я, но продолжать не стал.

— Я не о том. Как часто ты выходил за стены Авендума?

— Раза три, — немного подумав, сказал я. — И не дальше чем на лигу.

— Вот-вот. Счастливый. Ты всегда рядом с родным домом.

— Не очень уж он мне и родной.

Никаких ностальгических чувств по стенам Авендума я не ощущал.

— Но ведь все равно это дом. Знаешь, какое у меня заветное желание? — внезапно спросила она.

Я встретился взглядом с желтыми глазами.

— Хочу наконец вернуться домой. Увидеть родной лес, близких, дворец, свои покои, дочь. Скажешь, глупо?

— Да нет. Все хотят когда-нибудь вернуться домой. Тем более если там осталась дочка.

— Я не была в Заграбе больше двух лет. Моталась с отрядом по всей Сиале, последний раз дошли до самого С'у-дара, вернулись только я, Элл и Эграсса. Остальные так и остались в снегах.

— Сочувствую.

— Оставь, у нас свое отношение к смерти, у людей — другое. Мы легче к ней относимся и легче принимаем. Все когда-нибудь уходят, рано или поздно. Весь вопрос только в том, как уйти и за что стоит расстаться с жизнью.

Вновь повисла тишина, только иногда что-то шипело между углей, да ветер трепал выбивающиеся из косы волосы эльфийки.

— Я все хотел спросить, — начал я. — Зачем вы ввязались во все это? Ведь это наша беда. Это проблема людей.

— Темные заключили союз с Валиостром.

Я промолчал. Союзы как заключаются, так и расторгаются. Это дело большой политики, и из-за какого-то союза, пускай и продержавшегося несколько сотен лет, не стоит совать голову в пасть голодного огра.

Миралисса вполне поняла мою невысказанную мысль:

— Гаррет, ты всегда настроен так мрачно?

— Все зависит от обстоятельств.

— Пойми, если мы не поможем вам сейчас, то расплатимся за это намного позже. Орки номинально признали над собой власть Неназываемого, пускай он даже и человек. Но признали-то они его, потому что это им выгодно. Ведь после Войны Весны им ни разу не удалось далеко продвинуться по континенту. Неназываемый сомнет Валиостр, и

Пограничное королевство останется без поддержки. Пограничники против всех сил орков не выстоят. Если Неназываемый удовольствуется местью и его армии останутся в Валиостре, ничего не кончится. Орки возьмут Исилию, со временем подточат Мирануэх, а потом что-нибудь придумают против Неназываемого. Они горды и склонны думать, что с помощью ятаганов победят человека, пускай он хоть тысячу раз маг. А может, оставят Валиостр в покое — на юге полно других земель. Озабоченные величиим своей расы, они будут вырезать всех под корень. Ведь именно орки Первые дети богов. Именно им была подарена Сиала, куда по какому-то недоразумению попали остальные червяки — расы. Только орки достойны жить, а остальных надо отправить во тьму. Рано или поздно настанет и наш черед. А один на один, без поддержки людей, война будет кровопролитной. Мы захлебнемся в крови, Гаррет. Вот почему эльфы помогают Валиостру. Мы хотим, чтобы вы выстояли, иначе падет все. Неназываемый — это только начало, комок снега, который обрушит лавину нового передела мира.

Я кивнул, показывая ей, что понимаю. Действительно, орки уже давно копят силы и не лезут попробовать остроту ятаганов только потому, что совместные силы Валиостра, Пограничного королевства и темных эльфов еще кое-как их сдерживают. Но погибни хоть кто-то из этих троих, и дышать Первым будет намного легче и проще. В плотине появится небольшая лазейка для махонького ручейка. А, как известно, вода камень точит. Пройдет некоторое время, и плотина рухнет.

— Завтра я поведу отряд, — вдруг сказала Миралисса. — Милорд Алистан и Угорь поедут назад. Нужно узнать, что произошло с Котом и Эграссой.

— Не пропадут ли и они?

И Маркауз и Угорь были отличными воинами, и их помощь в случае чего окажется крайне важной.

— Кто знает, кто знает. Будем надеяться, что моего кузена и Кота задержали непредвиденные обстоятельства.

— Что вообще случилось? Почему они так быстро покинули наш отряд?

— Кот что-то увидел.

— Кот что-то увидел? — удивился я. — Но из-за того, что кто-то что-то увидел, не посылают людей неизвестно куда! Мало ли кому что привиделось!

— Кот видит то, чего не видят другие, — тихо сказала Миралисса и положила обугленную палку на землю. — Ты знаешь, что раньше, перед

тем как уйти к Диким, он был в учениках у Ордена?

— Кот? — Я как-то не мог представить себе этого толстячка с усами, как у заправского деревенского кота, учеником мага.

— Да, Кот, — кивнула Миралисса. — Он был учеником второй ступени, но не выдержал испытания, или ему таланта не хватило, хотя в последнем я очень сомневаюсь... В итоге он ушел из Ордена. Но какие-то знания остались. Не знаю, на какой диплом он шел, но Кот замечает то, что не замечают другие, хотя в основном это его инстинктивные ощущения, которые он часто и сам не может объяснить. Разбуди любого из Диких и спроси, чему они доверятся? Что выберут в опасную минуту? Будут ли мыслить разумно, опираясь на факты, или поверят призрачным ощущениям Кота? Могу поклясться, Гаррет, что все выберут последнее. Слишком часто этот невзрачный человек оказывался прав и проводил отряд стороной от опасности. В тот вечер, когда ты увидел ключ, Кот пришел сразу после того, как ты нас покинул, и сказал, что чувствует опасность. Даже не опасность, а ее призрак. Что-то готовилось у нас за спиной, а еще что-то шло прямо за нами, ярдах в ста, он чувствовал чей-то взгляд, но, сколько ни смотрел, не смог ничего обнаружить.

— Вы поверили?

— Почему нет? Какой смысл ему врать? Правда, он все никак не мог объяснить, что за опасность готовится по нашу душу, но вот что ее можно остановить, это несомненно. Рассудив, что мы не можем разворачивать отряд назад и нестись сломя голову незнамо куда, чтобы предотвратить неизвестное, мы с Алистаном решили ехать дальше, но свернуть с людного тракта на эту дорогу. Тут нас и заметить сложнее, и, если что случится, другие не пострадают. А Кот, который «видел», где творится зло, и Эграсса, как младший принц дома, знающий шаманство, должны отправиться назад и посмотреть, что происходит.

— И помешать...

— По возможности, но это не было основной целью. Кот сказал, что это недалеко, три лиги, не больше. По всем подсчетам, они должны были уже нагнать нас, несмотря на то что Маркауз хотел оказаться как можно дальше от того места, где находилась эта самая опасность.

— Шаманство? — догадался я.

— Ты прав, шаманство. Но даже я ничего не почувствовала. Если бы не настороженность Кота, получили бы магией в спину.

— И долго мы будем так бежать?

— До Ранненга точно. Согласись, вступить в схватку неизвестно с кем слишком опасно, мы можем потерять даже то преимущество, что имеем

сейчас. А в городе есть маги Ордена, туда шаманы не сунутся.

— Простите, миледи, но тут я не согласен, — покачал я головой. — Если уж шаманы проникли во дворец короля, то за стены Ранненга они уж точно попадут.

— Ты предлагаешь нам совсем не заезжать в Ранненг?

— Не исключено, что нас именно туда и заманивают.

— Откуда такое предположение? — Она с интересом посмотрела на меня.

— Скажем так, предчувствие.

— Как у Кота?

— Нет, в отличие от Кота я иногда ошибаюсь.

Черные губы Миралиссы дрогнули от грустной улыбки.

— Через три дня мы будем в Ранненге. До рассвета еще два часа, иди спать.

— Да я уже не усну.

— Мне нужно составить несколько заклятий. На всякий случай. Чувствую, что и впереди нас могут ждать неприятности.

— Что-то мне спать захотелось, — соврал я, отходя от костра. — Спокойной ночи.

Едва заметный наклон головы, она уже была занята тем, что чертила вновь подобранной с земли палкой какие-то фигуры на золе. Действительно, лучше не мешать тому, кто строит заклинание шаманства.

Я вернулся на свое место и расправил смятое одеяло. Под утро стало прохладно, на стебельках травы появились первые сапфиры росы.

— Чего не дрыхнешь? — ворчливо спросил меня совершающий обход лагеря Дядька. — Вон, даже кони спят без задних копыт, а ты тут, понимаешь, шорох наводишь. Эх, зелень необученная! Я бы на твоём месте каждую минутку ловил!

Тихонько ворча, Дядька удалился. Что же, Дикий дело говорит. Надо ловить моменты и использовать их по назначению, иначе весь день буду как вареный. Что бы ни произошло с Котом и Эграссой, это уже случилось, и мы не в силах ничего сделать.

Я лег на импровизированную постель и тут же вскочил, стараясь сдержать крик. Какая-то сволочь подложила мне в одеяло колючку. Хотя не какая-то, а истинно зеленая. Только Кли-кли мог это сделать, пока я сидел у костра. Я бросил злой взгляд на шута, но тот безмятежно спал. Или мастерски притворялся.

Горбатого могила исправит, я махнул на все рукой, выбросил колючку как можно дальше и лег. В этот момент я чуть не подавился смехом. Кому-

то было даже хуже, чем мне, хоть он об этом не догадывался. Пока. Горлопан все так же спал с открытым ртом, а вот изо рта у него одиноко торчал стебель одуванчика.

Последнее, что я увидел, прежде чем заснул, была фигурка Миралиссы возле костра, что-то рисующей на земле палкой.

Глава 23

Вишки

Как вы думаете, кто с утра оказался виновником всеобщего переполоха? Ну конечно же Кли-кли.

Миралисса застала гоблина в тот момент, когда он рисовал «палку, палку, огуречик» на золе возле магических фигур эльфийки. Естественно, она едва не оторвала ему руки за художества. Поэтому все утро гoblin старался держаться от Миралиссы подальше.

— Гаррет! — виновато канючил он, не найдя более благодарного слушателя в нашем маленьком отряде. — Я ведь честно не хотел ничего такого! Я думал, это просто эльфийские каляки-маляки, и ничего больше!

— Кли-кли, зачем ты мне все это рассказываешь? — удивился я. — Ты иди перед Миралиссой оправдывайся.

— Но ты мой друг и должен узнать о несправедливом отношении к гоблинам в этом мире!

— Друг? — хмыкнул я. — Другьям не кладут колючки в постель.

— Но это лучше, чем одуванчик в рот. — Кли-кли и не собирался ничего отрицать. — Вон Горлопан до сих пор плюется.

— Хватит валять дурака, гoblin! — К нам подошел Алистан.

— А я и есть дурак. Хотя торжественно клянусь прекратить всякую ерундику. — Кли-кли с самым серьезным видом поднял ладонь, прямо как гвардеец, принимающий клятву.

Алистан кивнул, будто он действительно поверил обещанию гоблина.

Угорь уже давно был в седле и ждал только графа.

— Все, мы отправляемся. Скачите этой дорогой, никуда не сворачивайте. Мы постараемся вас догнать к вечеру.

— Если не удастся встретиться на дороге, ищите нас в Ранненге. Трактир «Ученая сова», — на прощание сказала им Миралисса.

Алистан кивнул, и они с Угрем, вжимая пятки в бока коней, помчались назад, туда, где предположительно должны были находиться Эграсса и Кот.

— Давайте, мужики, — хлопнул в ладоши Дядька. — По коням.

Этот день был самым жарким за все время нашей поездки. Безжалостное солнце рассвирепело до такой степени, что даже стойкий и упрямый Арнх снял с себя кольчугу и остался в тоненькой рубашке. Медок так вообще разделся по пояс, являя всему миру бугры мышц, обилие

шрамов и татуировку Дикого Сердца. Кли-кли выпросил у Сурка какую-то тряпку и повязал ее себе на голову, предварительно намочив водой из фляги.

Дорога подставляла спину жаркому солнцу, петляла меж полей и зарослей низкого кустарника. Облаков не было, лазурь неба была по глазам так, что становилось больно и постоянно приходилось щуриться. Весь отряд, кроме невозмутимых эльфов, походил на стадо окосевших от счастья доралиссцев.

Густой раскаленный воздух липкой тягучей волной с едва заметной ленцой обжигал легкие. Я отдал бы жизнь за то, чтобы пошел дождь, который разбил бы летнюю жару, как молоток разбивает хрупкий фарфор низинских мастеров.

Часа через два непрерывной скачки под неусыпным оком не на шутку разбушевавшегося солнца обширные поля скользнули за спину и слились с горизонтом, уступив место холмистой местности, щедро обсыпанной низенькими соснами. Вместо запаха полевых трав и цветов, а также непрерывного жужжания насекомых и стрекота кузнечиков на нас обрушился аромат сосновой смолы вкупе с безмятежной тишиной умиротворенного леса.

Дорога петляла меж низких холмов, иногда поднималась на один из них и тут же, не задерживаясь, ныряла вниз. Плавные подъемы чередовались с точно такими же плавными спусками, и такой путь продолжался довольно долгое время, лошади стали уставать, в результате чего по настоянию Дядьки, который смог уговорить Миралиссу сделать привал, животным дали небольшой отдых. Именно небольшой. Я только-только слез с Пчелки, как вновь пришлось садиться в седло и скакать, скакать, скакать... Как мне это надоело!

Лес по обочинам дороги сгустился, сдвинул стволы деревьев, скрыв от нас под листьями почти все небо. Низенькие кривоватые сосенки сдались, отдавая место под солнцем осинам и березам. Всю территорию придорожного леса и окружающих холмов захватил густой подлесок. Из-за плотной стены деревьев на дороге царила благословенная прохлада, обессиленные солнечные лучи уже не лупили по нашим плечам горячими плетками, отряд вздохнул с облегчением, а Арнх вновь напялил кольчугу, благо ему представилась такая возможность.

Следующий час мы путешествовали в относительной прохладе приветливого леса.

Но хорошее настроение долго не продержалось. Да и с чего ему быть? Ну да, больше никто не заботился о том, что мозги вскипят в черепашке, но

для поднятия боевого духа этого слишком мало. До сих пор нам было ничего не известно о пропавших Коте и Эграссе, да и Алистан с Угрем покинули отряд и, если все будет хорошо, догонят нас поздним вечером. Где уж тут повод для веселья?

Так что все были напряжены и немногословны. Фонарщик совсем забыл про любимую дудку, от Кли-кли не было слышно его извечных тупоумных шуточек, даже Делер с Халласом перестали спорить, а это за все время нашего путешествия попросту небывалый случай. Делер хмурился и поглаживал лезвие огромной секиры, Халлас не переставая дымил трубкой. Дядька рычал, дергал себя за бороду и советовал всем сосункам или перестать ныть, или поворачивать назад и сидеть дома с мамочкой.

Как только дорога поднималась на очередной холм и стена леса более-менее переставала загораживать обзор, кто-нибудь из моих спутников обязательно оборачивался назад, но дорога была пустой, знакомых фигур на лошадях видно не было, и мы вновь продолжали путь, постепенно мрачней все больше и больше.

Миралисса о чем-то тихо разговаривала с Эллом, иногда кусая губы то ли от бессилия, то ли от бешенства. Ожидание — это самая плохая штука, по себе знаю. Иногда терпение просто кончается, не выдерживая пытки временем. В такие моменты хочется выть, чтобы хоть чем-то себя занять.

Возле пересекающего дорогу лесного ручья из высоких зарослей крапивы прямо под копыта лошади Сурка вылетел ошалевший заяц. Лошадь испуганно всхрапнула, прыгнула в сторону и чуть не сбросила седока. К счастью, Сурок смог удержаться в седле и не отправился на свидание с крапивой, уже застывшей в радостном предвкушении вот-вот готовой свалиться в нее поживы. Будь я на месте Сурка, точно бы рухнул в жгучую зелень.

Виновник этого маленького переполоха попытался скрыться в лесу на другой стороне дороги, но был настигнут стрелой Эллы. Несчастный заяц вскрикнул, как ребенок, перевернулся через голову и испустил дух.

— О! — Горлопан свесился с седла и поднял серое тельце за длинные задние ноги. — Хоть какое-то разнообразие в ужине! Свежая зайчатина должна оживить кухню Дядьки и Халласа.

— Остановимся на том холме, — сказала Миралисса, после того как, наверное, в сотый раз за день обернулась через плечо на пустую дорогу. Сделаем привал.

— Вот и ладушки, — поддержал Дядька предложение эльфийки. — Ребятам нужен отдых. Уже вечер скоро, а мы все скачем.

Дядька был прав: спина от долгой скачки ныла безбожно. Очень хотелось слезть с Пчелки, лечь на травку и просто потянуться. Потянуться до сладкого хруста в позвоночнике, чтобы спина отозвалась приятной болью и затихла до завтрашнего утра.

— Гаррет. — Подъехавший Фонарщик отвлек меня от мечтаний. — Как думаешь, милорд Алистан сможет нас догнать?

— Не знаю, Мумр, — вяло ответил я. — Еще не вечер.

— Надеюсь, у Миралиссы хватит ума больше никого не посылать в эти сомнительные разведки?

Я тоже очень надеялся на разум темной эльфийки. Если еще кто-нибудь покинет отряд, нас останется смехотворно мало. Нашей компании стоит держаться вместе как можно более долгий срок.

Дорога пошла в горку, лес неохотно сполз вниз — холм для него был слишком высок, и время для деревьев взобраться на его вершину еще не пришло.

— Привал. — Горлопан резво соскочил с лошади на землю.

— Не думаю, — покачала головой Миралисса. — Вернись в седло.

Я проследил за ее взглядом. Там, впереди, чуть больше чем в лиге от нас, над лесом поднималось несколько толстых столбов густого жирного дыма. Что-то очень хорошо горело.

— Что там? — спросил Дядька, сощурившись.

— Насколько я помню, Вишки, маленькая деревушка, дворов сорок — сорок пять, — ответил Медок.

Парень великолепно знал местность, он и сам был родом из этих мест. Тоже небось какая-нибудь маленькая и всеми богами забытая деревушка в глуши, подальше от трактов и королевских сборщиков податей, вспоминающих о существовании вот таких поселений раз в пять лет, да и то им лень туда ехать.

— И что же там может так гореть? — Делер, сам того не замечая, вновь потянулся к секире.

— Ну уж точно не дома, дым слишком черный, будто уголь жгут. — Халлас ожесточенно пыхтел трубкой.

— Проверим? — Дядька вопросительно посмотрел на встревоженную Миралиссу.

— Да. — Она нерешительно кивнула. — Все равно эта дорога проходит через деревню, так что обойти мы ее можем только лесом.

— Гей! Робяты! Надевайте броньки, и проверим, чего там огонек покушивает! — отдал приказ десятник.

— Еще надо проверить, какая сволочь его разожгла! — сказал

Фонарщик.

Появилось хоть какое-то дело, кроме утомительной и надоевшей за эти дни скачки, и воины сразу же оживились. Лучше уж хоть какая-то цель, чем нахождение в полной неизвестности в течение нескольких дней, когда ты не знаешь, где враг и в какую тварь засунуть ярд железа, чтобы улучшить свое не самое хорошее настроение. Я вполне понимал этих людей: бездействие для воинов — самое страшное испытание.

— Гаррет, тебе особое приглашение нужно? — Ко мне на Перышке подъехал гоблин. — Где твоя кольчуга?

— Какая кольчуга?

— Та, что мы тебе тогда подобрали! — раздраженно ответил Кли-кли.

— Я не собираюсь натягивать на себя никакое железо! — невежливо произнес я.

— Очень зря! — Сурок уже снял с вьючной лошади кольчугу и надевал ее поверх рубахи. — Броня, знаешь ли, иногда прекрасно спасает жизнь.

— От арбалета все равно простая кольчуга не спасет. Склот ее насквозь прошьет!

— Склоты не у всех есть, да и не только одними арбалетами враги пользуются! Надень, это тебе не помешает!

Раздери меня на сто частей! Ну вот есть у меня предубеждение против железа на теле! Привык я обходиться без брони всю свою жизнь и теперь в кольчуге чувствовал себя не лучше, чем некоторые ощущают себя в гробу. Тесно и неудобно. Правда, если подумать, те, кому довелось полежать в гробу, уже ничего не чувствуют.

— Да ты глянь на остальных! — не унимался Кли-кли.

Остальные уже облачались в доспехи, ранее находившиеся на лошадях из-за достаточно жаркой погоды.

На мой взгляд, обычный, пускай и большой пожар не стоил таких мер предосторожности.

Эльфы уже щеголяли в темно-синих кольчугах со стальными нагрудниками, на которых были выгравированы эмблемы их домов. У Миралиссы — Черная луна, у Эллы — соответственно Черная роза. Эльф надел шлем, скрывший его лицо, а Миралисса накинула на голову кольчужный капюшон, спрятав под ним толстую косу и густую челку. Халлас, облаченный в нечто более напоминающее рыбу чешую, помогал Делеру застегнуть стальные поножи. Карлик отложил шляпу в сторону, нахлобучив на голову плоский шлем с выступающими вперед частями, закрывающими щеки и нос.

Чтобы не выглядеть белым доралиссцем, пришлось доставать и свою «одежку». Кольчуга тяжело давила на плечи, и я недовольно поморщился.

— Да не переживай ты так! Скоро привыкнешь, — утешил меня Фонарщик.

На нем были доспехи, состоящие из плотно пригнанных друг к другу стальных полосок.

Он перехватил мой взгляд и улыбнулся:

— Великолепная штука для тех, кто любит помахать биргризенем из стороны в сторону. В отличие от панциря этот доспех не стесняет движений и позволяет совершать перехваты длинного меча с минимальным усилием.

Вместо шлема Мумр повязал на лоб тонкую полоску ткани, чтобы волосы не лезли в глаза.

— Тронулись? — Дядька вопросительно посмотрел на Миралиссу.

— Да, — односложно скомандовала она, но затем подумала и добавила: — Бери командование на себя.

Такое предложение Дядька воспринял как должное, эльфийка попросту не так хорошо, как десятник, знает, на что способны его воины в минуту опасности.

— Халлас, Делер — вперед! У вас броньки покрепче, коли что...

Дальше десятник не продолжал. И так всем было понятно это «коли что». Коли что, воины в более крепкой броне, может быть, выдержат попадание тяжелого арбалетного болта, отвлекут стрелков от менее защищенных товарищей на себя.

— Про меня не забыл, десятник? — Глухо раздалось за моей спиной. — Я с ними.

Я обернулся, не узнав голоса. Вместо старой кольчуги Арнх надел тяжелый доспех. Плюс шлем, больше похожий на желудь, с узкими прорезями для глаз, полностью закрывающий лицо. Это если не считать поножей, наплечников, кольчужных рукавиц и круглого щита. Одним словом, Стальной Лоб.

Щиты были почти у всех, исключая Фонарщика, Медка и эльфов. У Делера так вообще прямо из середины щита торчал острый шип. Таким по доброте душевной по личику заедешь, и одним покойником в мире станет больше.

Как я понял, мои спутники настроились на хорошую драчку и будут очень разочарованы, если окажется, что в деревушке всего лишь заурядный пожар, возникший по недосмотру какого-нибудь пьяного крестьянина.

В этот раз мы уже никуда не спешили, ехали медленно, внимательно

вглядываясь в заросли, ожидая возможной засады. Арбалет я держал наготове и до сих пор недоумевал, что это все так всполошились из-за какого-то невольно встретившегося на нашей дороге пожара. Хотя в свете последних событий и загадок от судьбы можно было ожидать любой гадости.

Потянуло дымом и гарью, а ведь до Вишков было еще ехать и ехать. Кли-кли сморщился, как от зубной боли, — дым щекотал горло и жег глаза. Кстати, гоблин-то как раз был без кольчуги. С каких это пор защитой стали считать дорожный плащ?

— Кли-кли, что же ты меня дергал, а сам без всего остался? — прошипел я, ткнув пальцем себе в грудь, показывая на кольчугу.

— Да на меня все равно размера нет, — небрежно отмахнулся гоблин. — К тому же и попасть по мне очень сложно.

— Тихо вы! — прошипел Горлопан.

По деревянному мостику, крепенькому и основательному — сразу видно, что строили его рассудительные крестьяне, — мы переехали широкий ручей, или же небольшую речушку, это кому как нравится. Вода под мостом текла со скоростью ожиревшей улитки и вся заросла какой-то болотной травой.

Поворот и резкая остановка...

— Ядрена мать! — тихонько присвистнул Дядька.

Халлас сказал еще более емко и понятно, вплетая в разговор довольно цветастые эпитеты гномьего языка, но заткнулся, получив шлепок по шлему от Делера.

Дорогу преграждали стволы деревьев. И это были не просто поваленные деревья. Ладненькие прямые сосенки с обрубленными ветками были заботливо притащены откуда-то из другого места (в этом месте сосны не росли) и положены одна на другую в виде хорошенького и крепенького заслона. А вот за заслоном... За заслоном развевались знамена. Первое — серо-синее, знамя королевства, а вот от вида второго волосы у меня на голове зашевелились. Желтое полотнище с черным силуэтом песочных часов. Стяг смерти. Знамя самой страшной болезни из всех существующих в мире — чумы-медянки.

Рядом со знаменами стояли воины, человек тридцать, все облаченные в белые кафтаны и малиновые штаны. Бездушные егеря. Суровые ребята. На лице у каждого повязка, закрывающая нос и рот. Нелепый вид, если бы не оружие и не их расторопность.

Едва заметив нас, люди за преградой вскинули луки. А за нашими спинами, выскочив из засады, которую мы даже не заметили, быстро и

деловито, как муравьи, выстраивались пикинеры. Миг, и дорога превратилась в рассерженного ежа. Теперь уже не отступишь. Да и отступать под таким количеством нацеленных луков никто не собирался. Броня под градом стрел имеет неприятное свойство становиться дырявой, несмотря на все ухищрения мастеров-оружейников.

— Стоять! — Резкий окрик из-за завала. — Кто такие?!

— Именем короля! — выкрикнула Миралисса и в подтверждение своих слов взмахнула бумагой с огромной серо-синей печатью королевского дома Сталконов.

Даже с расстояния в тридцать ярдов, что отделяли нас от завала, печать прекрасно было видно Бездушным. Луки в руках воинов немного ослабли.

Первый испуг от неожиданной встречи у меня прошел. Это не разбойники, и нас, прежде чем нашинковать стрелами по самые уши, выслушают. А насчет знамени... Мало ли что тут происходит? Может, крестьяне бунтуют. Может, знамени другого не нашлось, вот это и добыли, а никакого мора в деревне нет.

— А почему я знаю, что эта королевская печать не фальшивка? — раздался тот же голос.

— Да я десяток таких намалюю! — крикнул кто-то из находящихся за спиной пикинеров.

Выходить к нам из-за заслона не спешили.

— А ты это вот видел? — рявкнул Дядька. — Или мне к тебе поближе подъехать?

Десятник, несмотря на кольчугу, уже успел обнажить правую руку до локтя. На руке была явственно видна татуировка.

— Или кто из вас, бело-малиновых, посмеет сказать, что Дикие не служат Сталконам?

Никто не сказал. Язык не повернулся. Если уж Дикие окажутся предателями, то кому еще остается верить? В подлинности татуировки никто не сомневался. Как я уже говорил ранее, с самозванца татуировку Дикие обычно срезают вместе с рукой. А то и с головой.

Луки и пики перестали нам угрожать и опустились. Но убирать оружие егеря не спешили, держали при себе, чтобы в случае чего использовать его по назначению.

— Довольно далеко от Одинокого Великана забрались. — К нам вышел воин с нашивкой капрала на рукаве. — Кто вы такие и что тут делаете? В деревне чума.

Лицо капрала, как и у его подчиненных, было скрыто под повязкой. Обычная предосторожность во время мора, но я в нее не очень-то верил.

Как может спасти какая-то обыкновенная тряпка там, где не спасает даже хваленая магия Ордена? Заразившемуся чумой-медянкой оставалось только одно — очень постараться и успеть выкопать себе могилу. В древние времена от этой ужасной болезни вымирали целые города, да что там города! Целые страны! Достаточно вспомнить одну из самых ужасных эпидемий, когда еще цельную Империю поразила эта зараза. Из десяти человек умирало девять. Из выживших потом погибала еще половина. Давно, ох давно об этом проклятии не было слышно на сиальской земле. Лет сто пятьдесят никаких намеков на чуму. А тут так неожиданно в самом сердце Валиостра, ни с того ни с сего. Дело нечистое. Обычно чума сперва появляется на границе королевства, занесенная беженцами из другого государства, а затем уже эта болезнь со скоростью лесного пожара устремляется вглубь страны. Но, с другой стороны, должна же она сперва где-нибудь появиться...

— Здесь все написано. — Миралисса протянула капралу королевскую грамоту.

Тот даже руки не протянул, чтобы взять бумагу.

— Вы не поняли, леди? В деревне мор. Нам запрещено прикасаться к чужим вещам, дабы не разнести или не занести заразу. Нам также запрещено впускать или выпускать кого бы то ни было. Все ослушавшиеся немедленно должны быть убиты как королевские изменники и распространители мора. Я еще раз спрашиваю: кто вы такие и что тут делаете?

— Не твое дело, проклятый егерь, — тихонько буркнул себе под нос Халлас, но, по счастью, капрал ничего не услышал.

— Мы выполняем задание короля. — В голосе Миралиссы проскользнула тень гнева. — И направляемся в Ранненг — это все, что вам надо знать, капрал. И те, кто будут чинить нам препятствия, сами приравниваются к королевским изменникам.

— Ничего не могу сделать. — Капрал попал между двух огней.

Понятное дело — с одной стороны, приказание никого не пускать, с другой — королевский приказ. И поди пойми бедный капрал, что делать. Пропустишь — голову снесут. Не пропустишь — тоже неприятностей не оберешься.

— У меня приказ от моего командира, — схватился егерь за последнюю соломинку.

— Что может быть выше королевского приказа? — надавила Миралисса, чувствуя, как в буквальном смысле трещит оборона противника.

— Угроза жизни и благополучию Валиостра, — раздался из-за заслона чей-то голос.

Ряды егерей раздвинулись, и к капралу подошли двое. Повязки скрывали лица людей, но в этих двоих вполне можно узнать выходцев из Ордена. Волшебник и волшебница.

— Мор ставит всех на одну ступеньку. Если болезнь выйдет из локализованного очага, в стране разразится катастрофа, треш Миралисса.

— Не имею чести, — холодно сказала эльфийка.

— Маги Ордена Валиостра — Балшин и Клена, отвечающие за контроль над сдерживанием болезни, возникшей в деревне под названием Вишки, — произнес мужчина. — Конечно же вы меня не узнали под этой защитной маской, но мы встречались с вами, треш Миралисса, на одном из приемов во дворце его величества.

— Все может быть. — Миралисса равнодушно кивнула. — Что здесь произошло? Вы можете рассказать, господа маги?

— Позвольте полюбопытствовать? — попросила волшебница.

Миралисса, стараясь, чтобы на ее лице не дрогнул ни один мускул и чтобы через напускную маску холодного спокойствия не пробился гнев, протянула бумагу Клене. Не привыкла эльфийская принцесса, чтобы ей чинили препятствия.

На магичку, видно, страх разнести заразу не распространялся, она смело взяла грамоту из рук Миралиссы и стала ее изучать.

— Свободен, капрал, — негромко сказал Балшин, и егерь, облегченно вздохнув, ретировался к солдатам, оставив разбираться с нами магов Ордена.

— Подлинная, — кивнула женщина и сделала над грамотой несколько пазов.

Королевский документ на долю секунды полыхнул розовым светом.

— Это должно уничтожить возможную инфекцию. — Она протянула документ Миралиссе.

— А происходит тут следующее. — Мага несколько не смущало, что ему приходится задирать голову вверх, чтобы смотреть в лицо всадникам. — Мы с госпожой Кленой как раз находились в этой несчастной деревеньке, когда появился первый заболевший. Это было три дня назад...

— Но откуда? — перебил Балшина Элл. — Откуда он тут взялся?

Выходит, не я один недоумевал по поводу странного появления болезни, да еще в такой опасной близости от Ранненга. Всего лишь несколько дней пути до второго по величине города Валиостра. Города

знаний, как еще называли Ранненг.

— Мы не знаем, откуда взялась болезнь, с этим вопросом еще предстоит разобраться, — сказала Клена. — Но симптомы достоверны. Мы смогли вызвать из города расквартированный там полк Бездушных егерей. Они перекрыли все дороги и тропинки, чтобы ни один житель не смог покинуть деревню и разнести заразу по стране.

— А что, были попытки? — прогудел из-под шлема Арнх.

— Были, — небрежно кивнул маг.

Очень уж небрежно. Никто дальше расспрашивать не стал, хотя всем было ясно, что стало с отчаявшимися людьми, оказавшимися в одном капкане вместе с больными. Их утыкали стрелами издали, и все дела. И плевать, кто пытался прорваться сквозь блокаду егерей — здоровые мужики с вилами или женщины с детишками. Никто не осуждал Бездушных — или убить сейчас несколько десятков, или подставить под угрозу тысячи.

— А как же сами егеря? — спросила Миралисса.

— Надежно защищены магией.

— С каких это пор магия спасает от Медного губителя?^[41]

— Магия не стоит на месте, — напыщенно произнесла Клена. — Орден научился не подпускать болезнь к людям, но тем, кто заразился до того, как на них подействовала наша магия, уже ничем нельзя помочь.

Чем дальше шел этот разговор, тем меньше он мне нравился. Что-то слишком много нестыковок в рассказе волшебников. Это даже если учесть, что больше половины они нам не рассказали. Если существует такая магия защиты, понятно, почему Бездушные еще здесь, а не несутся подальше от чумного места. Но почему маги использовали свое волшебство на то, чтобы обезопасить целый полк егерей, но не сделали то же самое в начале эпидемии, когда, по их же словам, болезнь была только у одного человека? Либо они врут, либо тут происходит совсем не то, о чем нам говорят, и они снова врут.

Как будто прочитав мои мысли, Балшин бросил быстрый взгляд на меня.

«Тру-ля-ля», — промурлыкал я про себя.

Может, все это сказки, что некоторые выходцы из Ордена умеют читать мысли, но рисковать мне не хотелось. Если этот Балшин вдруг надумал прощупать мои мыслишки — его дело. Ничего умного он в моей голове не найдет, пусть даже не пытается.

— Сколько осталось в деревне незараженных? — любопытствовала Миралисса.

— Ни одного, — бесстрастно сказал маг, отвлекшись от меня.

Ни одного?! Это как?! Ведь известно, что умирают на седьмой день, а прошло всего три-четыре.

— Какая-то новая форма болезни? — Элл так и не снял шлема.

— Вот именно, — все тем же бесстрастным тоном ответил ему Балшин.

Миралисса ничего не сказала, она думала и крутила между пальцами левой руки обгорелый кусочек палочки. Той, которой она чертила на золе заклинания.

О нет! Что она задумала? Вступать в схватку с магами — безумие! Уверен, стоит эту палку переломить, поплевать, лизнуть или сделать еще какую-нибудь наипростейшую вещь, и дремлющее шаманство проснется. Я как бы невзначай обернулся назад, на дорогу. Пикинеры еще были там, но уже беззаботно стояли на обочине, переговариваясь друг с другом. Наш отряд опасности для них уже не представлял, тем более что нами были заняты оба мага, так почему же не поболтать в сторонке, прислонив громоздкую трехъярдовую пику к стволу дерева?

— Вы направляетесь в Ранненг? — спросила Клена.

— Да, — односложно ответила Миралисса.

— Зачем?

— По заданию короля. Это все, что вам нужно знать.

— И поэтому вы поехали по безлюдной дороге, а не по хорошему тракту? — ехидно спросил маг.

Чего они хотят, раздери меня снежные упыри?! Ведь ясно же, что бумага у нас настоящая, и, чиня нам препятствия этот волшебник нарывается на большие неприятности не только из-за гнева короля, но и из-за Ордена, который ни в коем случае не одобряет такого самоуправства своих питомцев.

— Нас не предупредили, что по этой дороге нельзя ездить, — буркнул не вытерпевший Халлас.

— Тем хуже для вас, — пожал плечами Балшин.

— То есть нам нельзя здесь проехать? — уточнила Миралисса.

— Не только проехать, но и выехать. Увы, — с деланным сожалением развел руками маг. — Вам придется задержаться, пока мы не победим болезнь. Мы не можем рисковать благополучием королевства. Естественно, вам будет предоставлен максимально возможный комфорт.

— Но мы здоровы! — возмутился доселе молчавший Фонарщик.

— Возможно, — согласилась волшебница. — Но, как уже говорилось, мы не можем рисковать. Вас придется задержать.

— И долго вы будете побеждать болезнь? — ядовито плюнул Элл.

— О нет! Всего три-четыре месяца! Потом мы снимем карантин с этого места.

— Три месяца?! — задохнулся несдержанный Халлас.

Все планы летят коту под хвост. Если мы подчинимся, то в Храд Спайне окажемся лишь глубокой осенью, а следовательно, не успеем вернуться к сроку. Что делать? Прорываться назад? Но скольких мы потеряем во время этого прорыва? Сколько падет под стрелами, пиками и магией волшебников. Почти все.

Остается лишь одна надежда — на припасенное шаманство Миралиссы. Теперь я уже неотрывно следил за порхающей между ее пальцами обгорелой палочкой.

— Помолчи, Халлас, — резко оборвала гнома Миралисса. — Вы намерены задержать нас, несмотря на приказ короля?

— Да.

— У вас могут возникнуть неприятности с советом Ордена. Я обязательно сообщу об этом магистру Арцивусу, — сделала последнюю попытку избежать драки эльфийка.

— Как вам будет угодно, — вежливо улыбнулся Балшин. — Вы сообщите, но только после снятия карантина, не раньше.

Мне показалось, что на совет магу чихать с купола Собора. А вот его напарница нервно дернула щекой, когда Миралисса упомянула совет магов.

— Что будет, если мы откажемся подчиниться? — спокойно спросил Элл.

— Мы будем вынуждены применить силу, — огорчился Балшин.

— Успокойся, к'лиссанг, — обратилась Миралисса к Эллу. — Мы не станем проливать кровь и подчинимся.

Элл неохотно кивнул, лицо Делера пошло бордовыми пятнами. Дай знак, и он пойдет крушить головы секирой направо и налево, несмотря на численный перевес противника и двух магов в придачу.

— Я так и знал, что вы прислушаетесь к голосу разума, — вежливо поклонился маг, стараясь скрыть победную улыбку.

— Где вы нас разместите? — Миралисса небрежным жестом разломала палочку на две половинки и отбросила ее в сторону.

Маги не обратили на поступок эльфийки никакого внимания. Ну мало ли чего она сломала и выбросила? Балшин и Клена слишком радовались, что надменная эльфийка не схватилась за с'каш, чтобы обращать внимание на какую-то палку.

А вот я заметил. И не только я. Глаза Кли-кли хитро сверкнули, он

тоже знал, для чего ранее применялась эта палочка и какие каляки-маляки она вырисовывала на золе костра.

— О, вам не стоит беспокоиться, треш Миралисса! Вы останетесь в лагере егерей, там очень...

Что «там очень», Балшин сказать не успел, потому что возле знамен раздались вопли ужаса. Я, чего греха таить, сперва тоже очень сильно испугался. До сегодняшнего дня мне не приходилось видеть свободно разгуливающую по дорогам человеческую руку. Да, да, на первый взгляд это была всамделишная человеческая рука, только немного крупнее. Раз в сто. На ее ладони могли поместиться три всадника вместе с лошадьми.

Рука бодро перебирала пальцами и ползла со стороны деревни прямо на заграждение и испуганно кричащих лучников. При этом она печально пыхтела, а ее многочисленные красные глазки, расположенные на фалангах каждого пальца, осуждающе косились на разорвавшихся людей.

Все кричали, орали, вопили, к голосам лучников прибавился нестройный хор поддержки пикинеров. Крики становились громче, в них звучала все большая паника, но никто не двигался, как будто с людьми случился столбняк.

Чудовище остановилось, оперлось на большой палец и мизинец, три остальных задрало к небу, представив нашим глазам ладонь, которую занимала огромнейшая пасть с редкими иглами-зубами. Рука уже в досталь напыхтелась и, чтобы немного разнообразить ситуацию, заревела.

Вот тут-то все и начали бегать. Парочка самых больших смельчаков выстрелила по чудовищу из луков, но стрелы застряли в ногах-пальцах, не причинив руке никакого вреда.

— Спасайся! Бежим! Караул! В лес! — Пронзительный вопль Кли-кли подхватили метавшиеся по дороге егеря.

— В лес! В лес! Бежим! Бежим!

Бело-малиновых егерей как будто ветром сдуло, остались только самые глупые и те, кто попросту не успел спрятаться.

В бой вступили маги, обрушив на руку огненные снопы света.

— Гаррет! Ты долго собираешься глазеть на это представление?! — пытаюсь перекричать грохот рвущихся заклятий, заорал у меня над ухом Кли-кли.

Панические нотки, совсем недавно звучавшие в голосе гоблина, когда он всем советовал скрыться в лесу, исчезли. Шут великолепно воспользовался ситуацией и дал егерям хороший совет смыться, очистив тем самым нам дорогу назад.

— Давай! Наши уже свалили! Или ты надеешься прокуковать тут три

месяца? — Кли-кли всадил пятки в бока Перышка и помчался за улепетывающими по дороге Дикими.

Я последовал за ним, оставив у себя за спиной эльфов, отходящих последними, а также битву магов и самых храбрых егерей с чудовищной рукой.

Взвыл порыв ветра, и я невольно обернулся. Миралисса и Элл скакали прямо за мной, пригибаясь к шеем лошадей. Рука-монстр отлетела в сторону, подмяв под себя несколько берез. Маги без устали размахивали руками, и было видно, что перевес на их стороне.

Копыта Пчелки застучали по деревянному мосту, на миг мелькнул знакомый ручей и с бешеной скоростью унесся назад. Мы выпутались, и нас даже никто не остановил. Все были слишком заняты спасением собственных жизней.

— Нам нельзя задерживаться, — выдохнул Горлопан. — Если эти за нами устроят погоню...

Отряд остановился на вершине холма, с которого мы впервые увидели, как горят Вишки. Ничего так и не изменилось — черный дым до сих пор коптит небо и не думал исчезать. Знатный костерок там запалили!

Я еще не отошел от той сумасшедшей скачки, мне все еще казалось, что я нахожусь в седле Пчелки и несусь прочь от боя с чудовищем.

— Успокойся. — Арнх снял шлем и провел рукой по вспотевшей лысине. — Ты ведь слышал, у этих в деревне как его.

— Карантин, — подсказал Кли-кли.

— Во! Карантин! Они три месяца носа не высунут! Погони можешь не опасаться.

— Значит, сообщат в тот же Ранненг, чтобы нас перехватили, — не успокаивался Горлопан.

— Тьфу ты, дурак-человек! Я ж говорю, карантин! Они ни гонца, ни самого паршивого голубя не пошлют! Правильно я говорю, леди Миралисса? — Арнх обернулся к эльфийке, чтобы она подтвердила его правоту.

— Если там действительно была чума-медянка, — задумчиво сказала она, не отрывая взора от чадящего дыма, поднимающегося над лесом.

— А что там было, если не зараза? — искренне удивился Сурок.

— Да что угодно! — произнес Халлас. — От этого Ордена всего можно ожидать! Это вы, люди, уши развесили, а маги там за вашими спинами какую-нибудь пакость скрывают! Что, не прав, скажете?

Гном сурово оглядел отряд, ища несогласного с его мнением. Дураков ввязаться в спор среди нас не нашлось.

Да и прав был во многом Халлас. Орден постоянно играет с огнем, я сразу вспомнил сон о вьюге, разразившейся в Авендуме после неудачной попытки уничтожить Неназываемого с помощью Рога. В итоге получили Запретную территорию. И ведь почти никто не знает о том, какую роль сыграл в этом всеми любимый Орден. Даже слухов в народе не ходит о событиях прошлого. Отсюда можно запросто предположить, что если мы не знаем одну часть неприятных промашек Ордена, то можем не знать и другую. Причем эта другая может быть намного больше. Намного.

— Что они там делали? — между тем продолжил гном. — Этот ваш карантин? Так я и поверил! А если даже там и была чума, то сами небось напустили. Наколдовали грамотеи, и нате вам!

Гном согнул руку в жесте, известном всему миру с давних времен. Халлас просто клокотал от ненависти к Ордену. С чего бы это? Маги наступили гному на любимую мозоль?

— Да хватит тебе, Халлас, — примирительным тоном сказал Фонарщик.

— Хватит?! Ты защищаешь этих двух крыс, которые чуть нас на три месяца не заточили?! И скажу я вам, что через три месяца нас бы уже в живых не было! Так сказать, нежданно-негаданно за три дня померли от чумы-медянки! Это вот только всякие карлики верят в такую чушь!

Делер молчал и терпел. Заведенного гнома сейчас лучше было не трогать.

— Где это видано, чтобы деревню выкосило за три дня?! Во-во! В этом самом месте! Простите, леди Миралисса, но наболело! Сами маги все и устроили, уж не знаю, что там у них случилось и какая промашка вышла... А потом грохнули с неба десяточком молний да сотней огненных шаров, чтобы улики скрыть. Сровняли деревню с землей!

— А ты-то откуда знаешь, что сровняли? Ты ее видел? — грохнул Медок.

— А гному не надо видеть! Мы с огнем с детства работаем, а такой дымина бывает, только когда в топках сталелитейных печей гору костей земли ^[42] сожжешь! Да и то не всегда! Магический это огонь! Носом чую! Потому и егерей сюда согнали, чтоб они всех задерживали, пока маги работать не закончат!

— Ладно! — наконец пресек Горлопан обвинения Халласа. — Была там чума или что-то другое, мы уже никогда не узнаем, но в любом случае нужно уехать как можно дальше от этого места, и осторожность не помешает. Если не голуби, так мысли. Слыхал я, что маги на такое способны.

— Они еще и не на такое способны. — Гном хотел было перечислить, что умеют делать воспитанники Ордена, но покосился на Миралиссу и решил, что ее ушам это лучше не слышать. — Вон какую тварюгу прикормили! Может, этих рук в деревне — как карликов в пещерах!

— Только архимаги способны переговариваться на больших расстояниях, — сказал Кли-кли Горлопану. — И эта тварь была не их, это Миралисса ее создала! Кстати, а откуда вы узнали, леди Миралисса, что понадобится именно такая ручонка?

— А я и не знала, бесценный Кли-кли. — Черные губы эльфийки растянулись в ядовитой улыбке. — Я вообще-то подготовила заклинание усыпления. Все должны были заснуть. Все, кроме магов. Прошлой ночью я не рассчитывала, что мы повстречаем людей из Ордена. Пришлось рискнуть, надеясь, что с двумя магами мы как-нибудь справимся.

— Но откуда тогда появилась эта тварь, треш Миралисса? — неподдельно изумился Элл.

— Откуда, мой верный к'лиссанг? Спроси у нашего зеленого попутчика, это ведь он рисовал рядом с моим заклятием! Так что появление этой твари целиком заслуга Кли-кли.

— Откуда же я знал? — виновато шмыгнул носом гоблин. — Я думал, что это просто так написано.

— Нам еще повезло, что появилось это чудовище, а не обыкновенная корова, — иронично заметила Миралисса. — Вот бы маги посмеялись над шаманством!

— Да мы же вообще могли запросто сгореть или улететь на луну! — с ужасом прошептал Горлопан, осознавая всю степень риска, которая тяготела над нами благодаря художествам королевского шута, пускай он это и делал не со зла.

— Тебя, Кли-кли, надо от общества изолировать, — добродушно хохотнул Делер.

— Да вы мне спасибо должны сказать! — возмутился шут. — Если бы не эта ручка, еще неизвестно, как бы все дело обернулось! Говорил же я, что мой дедушка был шаманом. Это у нас наследственное!

— Устраивать пакости? — спросил Сурок. — Из тебя такой же шаман, как из меня вождь доралиссцев!

— Да я тебе докажу, что во мне течет кровь лучших шаманов гоблинов, включая великого Тре-тре!

— Хватит! Горлопан прав! Нужно уехать как можно дальше, — оборвала Кли-кли Миралисса.

— Попробуем леском? — предложил Медок.

— Обойти деревню? Не думаю, что это хорошая мысль, — не согласился Дядька. — Секреты егерей могут быть под каждой елкой, если нарвемся, так просто нас уже не отпустят.

— Ты предлагаешь возвращаться назад? — Такая идея Миралиссе не очень нравилась. — До тракта ехать столько же сколько до Ранненга, мы потеряем уйму времени.

— Есть еще одна дорога. — Медок, как и я, уже успел снять кольчугу и теперь пальцем чертил на песке схему. — Вот тракт. — По песку прошла прямая линия, в середине изгибаясь как подкова, а затем вновь выпрямляясь. — Вот Ранненг.

Линия упиралась в нарисованную точку города. От того места, где тракт изгибался, резко отходила линия вниз и вправо. Она все дальше отползала от тракта, потом в какой-то точке шла с ним параллельно и затем сближалась, встречаясь с трактом возле самого Ранненга.

— Это наша дорога. А вот тут, — ткнул Медок пальцем в то место дороги, где она отходила от тракта на самое далекое расстояние, — тут есть заброшенная тропа. Во всяком случае, была, она идет абсолютно прямо и упирается в тракт.

— Ты предлагаешь нам вернуться назад и пройти по этой тропе?

— Да, леди Миралисса. Это хоть какой-то выход в нашем случае. Через Вишки дорога перекрыта, назад на тракт возвращаться слишком долго, можно проехать около трех лиг назад, и мы как раз окажемся на этой тропке.

— Решено, — согласилась эльфийка. — Доберемся до тропы, как раз к полуночи будем там, но подождем возвращения милорда Алистана, иначе он поедет дальше и угодит в руки к магам.

— А как там местность, не потеряем ли мы больше времени, пробираясь до тракта по этой тропе? Холмы все-таки, — засомневался Фонарщик.

— Нет, холмы останутся по левую руку. Местность называется Харьганова пустошь. Редкий лесок, овраги, заросли вереска, и ни одного человека на двадцать лиг в округе. Пустые места. Если нас будут искать, то им придется очень постараться.

— Тогда чего мы стоим? — буркнул Горлопан, ставя ногу в стремя.

— Погоди, торопыга! Дай железо снять! — Делер стащил с головы шлем и вновь надел любимую шляпу.

Пока воины снимали броню, я подошел к Миралиссе. Был уже поздний вечер, июльское небо постепенно бледнело, солнце почти скрылось до наступления завтрашнего дня, но эльфийка безотрывно

смотрела на столбы дыма, которые не могли скрыть даже сумерки. Она почувствовала, что я стою рядом, и, не оборачиваясь, сказала:

— Тревожно что-то, Гаррет. Эта чума, эти маги. Не кажется ли тебе, что нас просто отпустили?

— Или скорее подтолкнули назад, — поддержал я ее.

Мне тоже не нравились странности последних нескольких дней.

— Да, верное слово! Подтолкнули. Им ничего не стоило нас задержать, рука — лишь повод отпустить. Будь у них желание, будь в деревне действительно чума, это чудовище оставили бы на потом, пожертвовав лучниками, но нас бы поджарили в первую очередь. Путь впереди перекрыт, возвращаться назад слишком далеко, и мы не очень терпеливы, а значит, нам придется ехать через эту пустошь.

— Может, и обойдется, — попытался я успокоить в первую очередь себя. Это всего лишь пустошь, не стоит ждать от нее ничего ужасного.

— Может быть, и обойдется. Очень даже может быть. Но где-то за нами шаманство, почуянное Котом.

В наступающей нам на пятки ночи мы двинулись в обратный путь. Настроение у всех было подавленное. Люди молчали, лишь Халлас пыхтел трубкой и тихо ругался, да Кли-кли вязал на веревке узелки, грозясь показать всем знаменитое шаманство гоблинов.

Глава 24

Харьганова пустошь

Тропку пришлось искать в густых зарослях кустов остролиста по бокам дороги. Нам предстояло довольно сильно помучиться, потому что ночью найти маленькую тропку довольно непросто. Медок несколько раз останавливал отряд, спешился и ходил вдоль стены кустов, задумчиво почесывая у себя в затылке, но, не найдя никаких признаков тропы, вновь взбирался в седло, и мы скакали дальше, все больше и больше отдаляясь от холмов и несчастной деревушки Вишки. В какой-то момент пришлось зажечь факелы — света месяца не хватало. Горлопан тут же стал ворчать, что нас теперь даже слепой увидит.

Когда Медок в десятый раз спешился, застонал даже невозмутимый Сурок:

— Ну и где твоя тропа? Сколько можно искать в потемках? Давай отложим до завтра! Все устали, и линга не мешает покормить.

— Да погоди ты, Сурок, со своей мышью, — отмахнулся Медок, отвлеченный от раздумий. — Я знаю, что дорога начинается где-то тут. По моему, мы должны повернуть и немного проехать назад.

— Ты это говорил полчаса назад, — буркнул Халлас.

— Давайте поищем утром, — подал прекрасную идею Кли-кли.

Гоблин почти не отрывался от вязания узелков по всей длине веревки, теперь у него их было несколько сотен, они просто гроздьями облепили веревку, и шуту пришлось выудить еще одну, привязать к первой и создавать узлы уже на ней. По словам Кли-кли, очень скоро у него должна получиться страшная гоблинская магия.

Никто на его треп не обращал внимания, лишь Делер попросил предупредить его, когда все будет готово, чтобы он успел спрятаться подальше от места демонстрации способностей несостоявшегося шамана.

— Медок, а ты уверен, что эта тропка где-то здесь? Ты сам по ней ходил? — спросил Угорь.

— Да нет. — Медок неловко пожал плечами. — Я тогда еще мальцом был, мне дед ее разок показывал. Старая тропка, по ней пастухи на все лето уводили стада пастись на пустошь. Трава там о-го-го какая была!

— Неудивительно! — хмыкнул Кли-кли.

— Ты что-то знаешь про это место? — спросила Миралисса.

— На привале расскажу одну занимательную историю, если не заснете.

— Вспомнил! — внезапно завопил Медок и хлопнул себя по лбу. — Вспомнил! Она начиналась возле двух деревьев, которые друг к другу наклонены! Такие, будто два старых друга встретились!

— Было нечто подобное. — Эл убрал волосы, упавшие ему на глаза. — Ярдах в пятистах за нами.

Все вздохнули с облегчением, понимая, что скоро наступит долгожданный привал. Лично я уже еле-еле держался в седле, поэтому слезть с Пчелки было моим самым заветным желанием.

— Точно! Они, родимые! — воскликнул Медок, когда из темноты вынырнули силуэты двух деревьев.

Они в полном одиночестве возвышались среди кустарника.

— Так какие же это деревья? — разочарованно протянул Арнх. — Они уже сто лет как мертвы.

Высокий житель Пограничного королевства был прав — от деревьев осталось одно название. Ни веток, ни листьев, одни стволы, черные от старости и времени.

— Да какая разница? Главное, что нашли! — воодушевленно сказал Медок. — Тропка аккурат между ними и начинается!

— Ну тады привал! — Халлас облегченно сполз с седла, и я последовал его примеру. — Дядька! Мы жрать чего-нить сегодня будем или на пустой желудок завалимся? Там заяц еще не протух?

— Тебе только брюхо набить, бородатый! — хохотнул Делер.

Надо ли говорить, что на это ответил гном? Все вновь вернулось на круги своя.

— Так! Нам кто-то обещал рассказать историю, — сказал Арнх, когда спустя некоторое время мы все сидели у костра, а жареная зайчатина приятной тяжестью осела в животе.

— Извольте. — Кли-кли отложил в сторону вязанку веревочек и узелочков. — Что бы вы хотели услышать?

— А ты что, знаешь много историй?

— Я же все-таки королевский шут, — обиделся гоблин. — Мне по должности положено.

— Ты обещал рассказать про Харьганову пустошь, если не ошибаюсь, — запихивая последний кусок зайчаткины в рот, промышчал Фонарщик.

— А... — протянул Кли-кли. — Только неужели никто из вас не слышал про отряд Харьгана?

Все отрицательно покачали головами.

— Короткая же у вас, людей, память, — вздохнул гоблин. — А ведь прошло всего лишь чуть меньше пятисот лет!

— Ну ты даешь, зеленый! — засмеялся Горлопан. — Да за это время можно забыть все что угодно!

— Только не отряд Песьих Ласточек, благодаря которому может, и существует сейчас Авендум.

— Песьи Ласточки? — нахмурился Дядька. — Что-то не припомню я такого отряда. Во всяком случае, в Валиостре его нет.

— Теперь нет и никогда уже не будет, — грустно сказал Кли-кли. — Это произошло во время Войны Весны. Орки хлынули из лесов Заграбы нескончаемым потоком, неожиданно для всех. Несколько тысяч обрушились на Пограничное королевство, но основная сила удара пришлась на Валиостр.

— Не надо твердить нам прописные истины, — перебил гоблина Арнх.

— Кто тут рассказывает, ты или я? — рассвирепел Кли-кли. — Если такой умный, сам разглагольствуй, а я спать лягу! А не можешь, так молчи и слушай!

Арнх примиряюще поднял вверх обе руки, мол, ладно, погорячился.

— Первыми армию орков встретили пограничные гарнизоны. Они пытались задержать врага, пока гонцы доберутся до столицы. Кто не знает, тогда столицей был Ранненг, это только после войны ее перенесли в Авендум, подальше от Ллее. Так вот. — Шут на миг задумался, потеряв нить рассказа. — Орки опрокинули пограничные гарнизоны. Те отступали и огрызались, дожидаясь, когда подойдут основные силы людей. Гонцы успели, Грок двинул армию и на берегах Иселины дал бой. Шесть дней Первые пытались форсировать реку, но люди стояли крепко. На седьмой день, неся огромные потери, орки в четырех местах прорвали оборону Грока и опрокинули армию людей, вынудив ее отступить на север. Весь южный Валиостр был потерян. Из Шамара^[43] не приходило никаких вестей, и Грок счел, что Пограничье уже уничтожено.

— Ха! Пограничье просто так не сдается! — бахвальски сказал Арнх, но, наткнувшись на взгляд Кли-кли, замолк.

— Исилия, как всегда, не вмешивалась ни в какие войны, понадеявшись, что чаша войны ее минует, у Мирануэха просить помощи не имело смысла — ваше государство никогда не жило с этой страной в мире. С темными эльфами после того, как наступила Зима из-за нелепой гибели их принца, разговаривать было попросту не о чем, их уже много лет не было видно в Валиостре... Королевство осталось один на один с врагом.

Только судьба, боги да армия могли остановить волну орков. Никогда еще Первые не нападали таким количеством. Люди слишком презирали все другие расы, чтобы вести с ними крупные войны. Как можно воевать с полуживотными? А тут такое. Никто не ожидал их прихода, и за беспечность поплатились. Уставшая армия после долгого отступления встретила орков под стенами Ранненга и проиграла битву. Столица была взята, а затем уничтожена. Армия и король отступали к северу. Измученные люди, основательно потрепанные передовыми отрядами орков, отходили к Авендуму, чтобы дать там последний бой — дальше отступать было некуда. Разве что в Холодное море или за Одинокого Великана в Безлюдные земли. И первое, и второе было самоубийством. Оставалось только умереть достойно. Гроку нужно было время, чтобы подготовиться к решающей битве. Время, которого у него, увы, не было. Армии требовался отдых, хотя бы день. Раньше все эти места густо покрывал лес. Деревень еще не существовало... То есть, конечно, они были, но в таком мизерном количестве... Про постройку этой дороги, или главного тракта, в те времена еще никто не думал. Существовал всего лишь один достаточно крупный путь из Ранненга в Авендум. Он как раз проходил через ту местность, которая сейчас носит название Харьганова пустошь. Это в наше время старая дорога забыта и заброшена, а тогда она была связующей нитью между центральными городами Валиостра. По ней и отступала армия. На совете, где присутствовали не только военные, но и представители тогда еще совсем недавно основанного Ордена, решили, что нужно пожертвовать какой-то частью солдат, чтобы они задержали наступающих хотя бы на несколько дней. Местность благоприятствовала: вокруг леса, дорога всего лишь одна, по ней должны пройти наступающие. В одном месте дорога пересекала глубокий овраг. По правую и левую сторону от оврага было непролазное болото, тут и решили сдерживать врага столько, сколько нужно, пока основные силы людей не отойдут как можно дальше. Кликнули клич. Искали добровольцев, тех, кто решит остаться и дать бой. Удивительные вы существа, люди. Иногда готовы перегрызть друг другу глотку за медяк или другую чушь, а иногда решаете прикрыть собой спины товарищей, понимая, что живыми выбраться не удастся. Откликнулись чуть больше трех тысяч. Три тысячи человек, согласившихся стать смертниками, ногтями впиться в склоны оврага, но не пропустить орков. Из них выбрали триста человек, остальными жертвовать было просто глупо. Три тысячи продержатся немного дольше, чем триста, но все равно полягут, а армию обескровят сильно. Воинов и без того оставалось мало. Решивших остаться называли Песьими Ласточками. Уж не

знаю почему, история это до нас не донесла. Они остались, а армия ушла. Командовал ими старый вояка, раньше он был сотником у Грока. Сотника звали Харьганом. По его имени «благодарные потомки» и назвали это место. Основной целью Харьгана было задержать врагов хотя бы на полдня, не больше. А они остановили продвижение армии на целых четыре дня. Ни один орк не прошел, пока были живы бойцы отряда. Солдаты Харьгана дали армии Грока драгоценную передышку и время подготовиться к встрече врага под Авендумом. Не будь Ласточек, неизвестно, как бы сложилась история королевства. Дальше события вам известны. Грок принял бой, орки все же ворвались в Авендум, последние четыреста воинов готовились принять смерть, когда подоспели темные. Их никто не ждал. Ни люди, ни тем более орки. Эльфы забыли обиду на людей и пришли к ним на помощь в самый последний момент. Темные не могли упустить такого случая — поквитаться с родичами. Война Весны была выиграна. Вот, пожалуй, и все.

— А эта пустошь?

— Пустошь? — переспросил шут. — Пустошь осталось пустошью. Как-то сама собой появилась новая дорога. Никому не хотелось тревожить кости павших воинов. Их, если честно, большей частью даже не похоронили. Не до этого было людям — надо было страну после войны восстанавливать. Шли годы, и про отряд Харьгана потихоньку стали забывать. Слишком много других проблем было. Неназываемый, например, появился, или еще что-нибудь. А кости они кости и есть. Земля сама заберет. Дорога потихоньку приходила в запустение, по ней никто не ездил. Только пастухи перегоняли стада. Землица-то тут ого-го какая жирная, и трава соответственно высокая. Осталось только название — Харьганова пустошь, да и то со временем забыли, откуда оно пошло. Теперь только старики помнят о подвиге людей. Маленькая война на просторах большого мира. Маленькая драма и маленькая смерть. Сколько их было? Сколько их еще будет? Скольких героев незаслуженно забудут поколения и скольких негероев будут помнить, хотя они этого не заслужили?

Над костром повисла гнетущая тишина. Каждый думал о тех людях, что грудью встали перед кривыми ятаганами орков, но не отступили.

— Гномы никогда бы не забыли героев!

— И карлики!

Я почувствовал стыд за свою расу. Наверное, впервые в жизни мне было стыдно за людей, забывших такую жертву...

— Пошли, Горлопан, — крикнул Фонащик, поднимаясь с земли. — Нам с тобой сегодня первыми заступать на дежурство.

Все постепенно укладывались спать, лишь одинокая фигурка шута так и осталась сидеть возле огня, наблюдая за пляской маленького костерка...

* * *

Дождь лил как из ведра. Боги распороли животы низких мглистых туч, и водопады воды низвергались со свинцовых небес на землю. Тучи закрыли собой солнце, и мрачный день стал еще мрачнее и тоскливее. Дождь лютовал вовсю, пытаясь доказать утопавшим в размокшей жиже солдатам, что не стоит им оставаться здесь, дожидаясь наступающего врага.

Ливень срывался с неба водопадом, стегал по одежде косыми плетями, моросил мягкими лапками, холодный, теплый, злой, колючий, жалящий, ласкающий, кусающий. Десятки разных обличий одного проклятущего сына погоды, поставившего своей задачей довести людей до изнеможения.

Солдаты устали, замерзли и насквозь промокли. Лучники зло косились на небо — влага портила луки, и никакие эльфийские хитрости по сохранению тетивы при таком дожде не помогали.

— Шлюха! — негромко позвал Харьган, вытирая ладонью мокрое лицо.

— Да, — на зов подбежал командир мечников.

— Бери своих ребят, хватайте все топоры, что найдете в отряде, и рубите деревья на той стороне оврага.

— Хорошо, — не моргнув глазом, сказал Шлюха.

Сотник вообще не привык удивляться приказам командиров, а тем более друга Харьгана.

— Разрешешь выполнять?

Островерхий шлем был слишком велик и налезал Шлюхе на глаза, но сотник, сколько его помнил Харьган, от этого никаких неудобств не испытывал.

— Давай. Стаскивайте стволы к нам, затем разберем мост и устроим Первым приятную встречу.

Шлюха улыбнулся щербатым ртом, сжал руку в воинском салюте и убежал поднимать отдыхающих ребят.

Харьган вздохнул. Тяжело. Боги! Как тяжело смотреть на них всех! Он старик, уже почти шестьдесят стукнуло, пускай и выглядит он всего лишь на неполные пятьдесят, — ему умирать не страшно. Но вот те, кем судьба уготовила ему командовать... Мальчишки. Двадцатилетние, тридцатилетние мальчишки. Он всех их считал слишком молодыми, чтобы

они вот так умирали здесь, возле дороги, перед мостом, перекинутым через пропасть глубокого безымянного оврага. Будь его воля, только ветераны остались бы встречать врага, те, кому уже нечего терять в этой жизни, те, кому некуда возвращаться, те, чья семья — это друзья-солдаты, а родная мамочка — орущий на всех десятник.

Капли дождя юркими ящерками стекали по волосам и лицу Харьгана, чтобы затем упасть на захлебывающуюся, перенасыщенную водой землю. В этот поздний август было очень много дождей, казалось, сам мир плакал, наблюдая за происходящей на земле войной.

Орки пришли внезапно. Никто не ждал этой войны, поэтому в первые дни катастрофы, обрушившейся на землю Валиостра, армия потеряла слишком много солдат. Случилось то, что никак не должно было случиться, — они проигрывали сражение за сражением. Битва при Иселине, черная вода которой на века нахлебалась крови и трупов воинов как с той, так и с другой стороны. Пылающие стены Ранненга. Еще с десятков неизвестных и менее значительных битв, это уже не говоря о сотнях никому не известных стычек, проходящих по всему фронту боевых действий.

И вот теперь у них последняя надежда, последняя зацепка за ускользающую свободу королевства — битва, которая спустя некоторое время разразится под Авендумом. Но ни Харьган, ни его люди уже не смогут принять в ней участие. За них перед армией орков встанут другие...

Старый воин нисколько не сомневался, что он и его люди найдут последнее пристанище в этой мокрой земле на склонах глубокого оврага. У них только одно задание — задержать врага на столько, на сколько можно, пока основные силы людей не укрепятся под новой столицей Валиостра. Теперь отступающая армия находилась где-то далеко позади них, а впереди, за завесой тумана, ждала армия орков.

Первые не очень спешили. Какая разница, когда пустить кровь людишкам? Часом раньше или часом позже. Они Первые, и они будут владеть всеми этими землями, а люди... Люди отправятся кормить червей. Вначале валиострцы, затем Мирануэх, потом настанет черед гномов и карликов, а уж напоследок придет очередь мерзких родственничков — эльфов.

— Харьган! — Молодой воин, совсем еще мальчишка, подошел к стоявшему возле моста командиру. — Приехали еще два обоза со стрелами.

— Чудесно! — Харьган кивнул, наблюдая, как вереница людей с топорами бежит через мост к одинокому лесочку с унылыми от серой погоды деревьями. — Распредели среди лучников. И давай мне сюда пять

десятков, начнем строить укрепления.

— Не мало ли?

— Остальные пусть отдыхают. Да и тебе надо сил набраться, Кляю.

Застучали топоры, не прошло и получаса, как все деревья маленькой рощицы были срублены, а солдаты, кто на руках, кто волоком, кто, привязав к стволам веревки, стали перетаскивать деревья, с которых уже успели обрубить ветки, на ту сторону оврага, где расположились люди.

— Шлюха! — вновь крикнул Харьган. — Распрягите лошадей из обоза, и пусть они вам помогают! Чего горбатитесь?

— Будь сдел! — скороговоркой крикнул лысый сотник с моста.

Дождь немного успокоился, теперь он лишь тихонько моросил, и в воздухе повисла водяная пыль. Было раннее утро, с земли поднимались густые молочно-белые клубы тумана. Уже в трехсот ярдах, на противоположной стороне оврага, дорога скрывалась в стене тумана, и оставалось только гадать, как далеко от людей находится враг. Вчера разведка сообщила, что передовые сотни орков находятся в одном дневном переходе от них.

Дна оврага видно не было, его, как и дорогу, скрывал вездесущий туман, но, что овраг глубокий, у Харьгана не было никаких сомнений. Где-то внизу, иногда заглушая дождь, звенел ручей.

Стены преграды, созданной природой, не были отвесными, что, конечно, очень жаль, но и назвать их пологими язык не повернется. При неосторожном спуске вполне можно сломать шею. Так что, когда разберут мост, оркам придется вначале спуститься по одной скользкой глиняной стене, а затем подняться по другой. Только таким способом они смогут добраться до людей. А штурмовать укрепления под непрерывным градом стрел — это крайне неприятное занятие.

— Харь, — обратился к командиру отряда старый ветеран в черной кольчуге, надетой поверх кожаной рубахи. — Хорошее укрепление из этих деревяшек мы не построим, может, послать еще сотню, пусть тут лес валят? Вон березовый лесок так и просится под топор.

— Давай, Лис, — одобительно кивнул Харьган.

Лис, такой же старый вояка, как и Харьган, невесело усмехнулся в усы и пошел отдавать новое распоряжение командира Песьих Ласточек.

Отряд получил это название лишь сегодня утром, когда последние воины армии Грока отступали, оставляя добровольцев в одиночестве встречать врага.

Лис тоже не питал иллюзий остаться в живых после сражения. Орки живых не оставляют. Да и никто не надеялся пережить грядущую битву, все

воины отряда знали, на что шли, когда в рядах армии искали добровольцев, точнее смертников.

«Мы ведь уже все мертвы, — с какой-то необъяснимой тоской подумал старый воин. — Мы ходячие мертвецы. И я, и Лис, и Шлюха, и волшебница, которой взбрело в голову стать героиней, и еще триста мужчин и женщин, решивших добровольно расстаться с жизнью только для того, чтобы другие хоть ненадолго прожили дольше, чем они».

Дождь зарядил с новой силой, мягко шелестя по земле, успокаивая и убаюкивая уставших людей, вселяя в их души обманчивую уверенность и покой безграничной тишины.

— Сделано, — сказал Шлюха, когда последний древесный ствол волоком протащили через мост и положили на этой стороне оврага.

Деревьев срубили много, но все же недостаточно, чтобы построить надежное укрепление. Харьган надеялся, что ребята Лиса внесут щедрый вклад в доставку строительного материала на оборонительные сооружения.

— Пойдем, надо разбирать мост.

— Это довольно трудно, командир. — Шлюха потер переносицу. — Мост строили основательно, его просто так не разберешь, нужно дня два.

— У нас нет этих двух дней.

— Дык и я о том же! Может, подпалим?

— Без толку, дождь третий день льет не переставая. Дерево все водой пропиталось, а ты глянь, какие там бревна! Вовек не загорятся. Зови-ка ты нашу колдовницу, посмотрим, на что способна девчонка.

Шлюха громко фыркнул. Он уже не раз говорил, на что могут быть способны молодые девчонки в этом возрасте, но Харьган посоветовал ему держать все эти разговоры при себе, если Шлюха не хочет доживать жизнь воробушком после пары пассивных, сделанных леди Съеной.

Волшебнице не было и восемнадцати. Круглое конопатое личико с вздернутым носиком и большим детским ртом, короткие русые волосы и голубые глазенки. Харьган до сих пор не понимал, как дал себя уговорить, чтобы молодая волшебница осталась с его отрядом. Все равно она слишком молода, чтобы хорошо колдовать и противостоять многоопытным шаманам орков в магическом поединке. Лишь зря сложит здесь голову.

Если уж маг, так старый и с бородой! Но вот только ни одного опытного мага в отряде не осталось, все ушли с армией, маги будут нужны в последней битве, а если уж Харьгану нужен волшебник, то пусть берет лучшую ученицу одного из архимагов Ордена.

— Вы звали меня? — За его спиной раздался звонкий девичий голос.

Он обернулся.

Капюшон упал с ее головы, и мокрые волосы одинокими прядями облепили лоб. На шее на серебряной цепочке висел медальон в виде капельки воды.

Волшебница смотрела на Харьгана с вызовом, знала, что он не очень-то верит в ее способности.

— Да, гм... гм... леди Съена. Вы можете сделать что-нибудь с этим мостом?

Она проследила за его взглядом:

— То есть разрушить?

— Если вы на это способны.

Она вспыхнула и метнула на него гневный взгляд.

— Пусть люди отойдут подальше от моста.

Харьган кивнул Шлюхе, и тот со скептической гримасой на физиономии отдал распоряжение солдатам уйти от края оврага на безопасное расстояние.

Молодая волшебница сосредоточенно покусывала обветренную нижнюю губу и сверлила взглядом огромный мост.

С ним долгое время не происходило никаких изменений. Шлюха нетерпеливо переминался с ноги на ногу, а Харьган уже подумывал, что придется все же попытаться поджечь этот треклятый мост, когда волшебство Съены наконец подействовало.

Не было ни громов, ни молний, ни прочих эффектов, которых так ожидают обыватели от волшебства. Мост просто жалобно застонал, заскрипел, а затем с грохотом ухнул на дно оврага. В воздухе повисло облако из мельчайшей древесной пыли и стружки.

— Ог-го! — восхищенно выдохнул Шлюха. — Это, ядрить вашу мать, сломала так сломала!

Шлюха осекся, поняв, что позволил себе грубость, недостойную ушей волшебницы Ордена.

Съена радостно улыбнулась, не обращая на слова Шлюхи никакого внимания, и посмотрела на Харьгана. Прямо счастливая деревенская девчонка, которой отец купил обновку на местной ярмарке.

— Благодарю вас, леди Съена, хорошая работа.

Она еще раз улыбнулась:

— Я могу идти?

— Конечно, — сказал Харьган.

Она сделала несколько шагов, покачнулась и, не удержавшись на ногах, шлепнулась на мокрую землю.

Харьган и Шлюха подбежали к ней одновременно:

— Что с вами?

— Ничего страшного. — Ее лицо побледнело, и конопушки выделялись на его фоне яркими пятнышками. — Это всегда... после магии... слабость. Сейчас пройдет.

— Шлю... Клирд! — поправился Харьган, нечего девчонку смущать глупыми прозвищами. — Помоги леди Съене дойти до ее палатки. И чтоб...

— Да ладно, командир, — обиженно пробасил Шлюха. — Что я, маленький, что ли? Провожу со всей почтительностью, на какую способен.

Харьган не сомневался, что сотник сделает все как надо, а потом где-нибудь добудет Съене молока, которое, как говорят, хорошо восстанавливает силы волшебников. Бой не за горами, и способности молодой волшебницы им всем еще понадобятся.

Старый воин окинул взглядом эту сторону оврага, воины уже вооружились лопатами и строили укрепления, присыпая древесные стволы землей или обтесывая их топорами. Вопреки его приказу работало не пятьдесят человек, а все.

Харьган поманил к себе молодого десятника, одного из воинов Пограничного королевства, прорвавшегося через окружение орков. Парень доказал свою смелость под Иселиной и получил под командование десяток мечников.

— Нашу волшебницу видел, десятник?

— Да, командир.

— Бери своих людей и чтобы ни на шаг от нее. Если что, сами под стрелы орочьи подставляйтесь, но девчонку мне сохраните! Сам понимаешь, что она нам во как нужна!

Сжатый кулак стукнул в грудь, десятник развернулся и пошел в сторону, где только что скрылись Шлюха и Съена, на ходу собирая десяток.

Харьган поплевал на руки и поднял с земли лопатку. Отлынивать от работы он не привык.

А дождь, не останавливаясь, падал с плачущих небес...

Самая страшная пытка — это ожидание. Оно сломило, а то и убило множество людей. Что может быть хуже, чем стоять за невысокими стенами из наваленных бревен, присыпанных землей, и вглядываться в осеннюю мглу в течение целого дня, наблюдая лишь одну и ту же картину — дорогу, съедаемую белесой стеной тумана.

Проклятый дождь никак не кончался, казалось, нескончаемые облака никогда не иссякнут. Они грозно клубились над землей и ждали, когда под ними прольется кровь.

День близился к концу, а о враге не было ни слуху ни духу. Правда, около часа назад из-за покрывала тумана донеслись звуки, очень похожие на грохот боевых барабанов орков, но все стихло, так и не успев начаться, и над землей вновь повисла гнетущая тишина ожидания. В этой тишине было слышно, как звонкие капли воды падают с набухших стеблей травы и как журчит разлившийся от дождя ручеек где-то в глубине оврага, скрываясь под фатой так и не соизволившего расползтись за целый день тумана.

Удивительно, на что способны три сотни людей, если они связаны единой целью. Там, где недавно был мост, возвышалось вполне приличное укрепление, состоявшее из десятков стволов деревьев и горы земли, перекопанной за день. Даже известные мастера укреплений — гномы — умерли бы от зависти, увидев, что можно сделать из земли и дерева за столь короткое время. Стена начиналась у самого края оврага и была не выше человеческого роста. На большее не хватило ни времени, ни материалов, да и лучники из-за такой стены могли стрелять не только навесом, но и прицельно.

На самом склоне оврага, перед стеной укрепления, строители вбили в землю длинные и острые колья. Теперь нападающим нужно будет очень постараться, чтобы быстро преодолеть заграждение. Они наверняка застрянут, протискиваясь между кольев, скорость у них замедлится, и лучники Харьгана в это время соберут кровавую жатву.

У людей все было готово к встрече гостей, лишь сами гости отчего-то задерживались. Харьган начинал волноваться: скоро настанет непроглядная темень, а ночью лучники — главный шанс его ребят пережить атаку — будут не так метки, как днем.

— Может, орки дожидаются ночи? — высказал свои опасения командир Песых Ласточек. — Но с каких это пор раса Первых осторожничает с людьми? Они ведь нас считают животными, говорящими обезьянами!

— Я вот чего боюсь, — крикнул Лис, сидевший рядом с ним. — Не нашли ли они другой путь к Авендуму? Лесами пробраться можно или через болота...

— Через болота? Нет, дорога тут одна, — покачал головой Харьган. Если орки решат пойти лесами или обойти нас по болотам, то к Авендуму они придут в начале следующей весны. Тут вокруг такие дебри, что на трезвую голову не выберешься.

— Значит, будем ждать их тут, — философски заключил Лис.

И они ждали.

День кончился. Так и не соизволившее показаться из-за туч солнце

закатилось, пришла ночь. И звезды и луна были скрыты тучами. Только костры, поддерживаемые воинами, разгоняли темноту.

Сьена предложила Харьгану заклинание, которое разгонит тьму и осветит все окрестности на несколько часов, но он, поколебавшись, отказался. После фокуса с мостом старый командир стал более уважительно относиться к способностям волшебницы. Нечего девчонке напрягаться по пустякам, магия понадобится во время боя, а пока можно обойтись стандартными средствами.

Харьган приказал каждые две минуты стрелять огненными стрелами на ту сторону оврага, чтобы осветить скрывающуюся во тьме дорогу. Стрелы горящими каплями пробивали броню ночи, разрывали так никуда и не исчезнувший туман, воткнувшись в землю на противоположной стороне оврага, сгорали, освещая окрестности, давали хоть какой-то, пускай и тусклый, обзор.

На душе у Харьгана было тревожно, проклятушие Первые что-то задумали.

Харьган решил обойти посты, хотя и валился с ног от усталости. Многие воины спали, ловя момент в нежданно свалившейся на них длительной передышке. Если ты собираешься умереть, это не значит, что стоит отказывать себе во сне.

— Как настроение?

Воин, которому был задан вопрос, держал в руке мощный боевой лук почти в человеческий рост. Из такого выстрелишь, так стрела насквозь прошьет за четыреста шагов. В отряде было сто пятьдесят профессиональных лучников, они составляли ровно половину Песьих Ласточек. Да и другие воины тоже знали, какой стороной накладывать стрелу на тетиву.

— Прорвемся, — усмехнулся лучник и натянул лук.

Солдат, стоявший рядом с лучником, поднес к стреле, обмотанной паклей, факел, и она вспыхнула. Тетива щелкнула о перчатку лучника, и горящая стрела по крутой дуге устремилась вверх, осветила укрепления и черную пасть оврага, задернутую поволокой тумана, яркой звездой на миг зависла в самой высокой точке полета и сорвалась вниз, одиноким светлячком оставшись гореть на ночной дороге.

— Пш-ш-ш!

Еще с десятков огненных стрел воспарили с разных мест укреплений и дружным каскадом усталых светляков упали там же, что и выпущенные ранее.

— О! — одобрительно сказал воин, до этого подносивший к стреле

факел. — Теперь не будем глаза мозолить. Все прекрасно видно.

— Давайте, ребята, отдохните, — сказал Харьган.

— На том свете отдохнем! — пошутил лучник, а затем добавил уже только себе: — Уже недолго осталось ждать... отдыха.

— Идут! Идут! — раздались крики, а затем одиноко запел горн.

Харьган поднял голову и протер глаза.

Сон не принес никакого облегчения, проклятая ночная прохлада за ночь вгрызлась в кости, и старому воину казалось, что он провел всю ночь в узком деревянном ящике.

Командир отряда со стоном встал и потянулся.

— Харь, — подскочил Шлюха. — Разведка заметила движение на дороге!

— Далеко? — резко спросил Харьган.

— Ярдах в восьмистах отсюда. Одного нашего подстрелили, двое ушли!

— Все по своим местам! — рывкнул Харьган, надевая на голову легкий шлем.

С кольчугой Харьган, как и все воины, не расставался ни на минуту. Если враг нападет, то вряд ли будет дожидаться, когда солдаты облачатся в доспехи. Так что броню носили все время, даже спали в ней, хоть это и причиняло некоторое неудобство, особенно бойцам, не имеющим большого опыта.

Туман поредел, теперь он был похож на порванное полотнище знамени, побывавшего в жестокой сече. Лишь овраг был под завязку заполнен туманом.

Наступило раннее утро, солнце едва-едва показалось над лесом, и солдаты зябко ежились, железо на теле за ночь успело крепко промерзнуть.

— Лучники на первую линию! В ряд! — отдал команду Харьган.

Сейчас не до стандартных королевских трех линий и уж точно не до четырех эльфийских. Эти построения хороши в чистом поле, а тут, спрятавшись за стеной из дерева и земли, лучше стрелять навесом, а потом напрямую. Наверняка. Прицельно. Чтобы каждая стрела достигла цели. К тому же из трех линий невозможно стрелять вниз, в овраг, когда враг будет на самом его дне.

На мощные боевые луки уже натянуты тетивы, на руки надеты верные и истрепанные тысячами ударов тетивы перчатки, колчаны ломаются от стрел.

Одна стрела в руке, еще две воткнуты в землю. Стрелы толстые, с большой палец диаметром, с хорошими бронебойными наконечниками. Это

не обычный срезень, которым только легкую пехоту бить, это таран, пробивающий хорошую сталь.

В семи шагах за лучниками выстроилась угрюмая линия воинов с мечами и огромными прямоугольными щитами. В отличие от лучников мечники стоят редко, между каждым из воинов промежутки в два шага. Если враг пройдет сквозь дождь стрел, мечники дадут время лучникам отойти сквозь специально оставленные для них промежутки и поменять оружие на более эффективное в ближнем бою, а сами сомкнутся, сдвинув щиты.

— Слушай, командир! — К нему подскочил Лис. — Там я ребят собрал, они из Головорезов Эркайна...

— А что, разве они не все под Майдингом погибли? — удивился Харьган.

Отряд набирался в спешке, сюда попали люди почти из всех подразделений армии, и Харьган просто еще не успел узнать всех своих подчиненных.

— Сорок семь человек выжило. Ты ведь знаешь, они великолепно лупасят из склотов. Сорок семь арбалетов! Может, пригодятся?

Капля в море, но, как говорят, вода камень точит. К тому же арбалеты-склоты в ближнем бою гораздо опаснее луков. Хороший залп, при отсутствии должной брони у врага, способен смести ажно целых два ряда нападающих.

— Давай их перед лучниками. Вот еще что! Прикажи им залечь прямо за стеной и не высовываться, пока орки не подойдут вплотную. Как только выстрелят по врагу, пусть сразу отходят за мечников. Кто ими командует?

— Я, — хитро прищурился усатый воин. — Тока извиняй, отходить мои ребятки не будут.

Лис усмехнулся и скосил взгляд на свои руки. Каждая рука обхватывала рукоять тяжелого кистеня. Рукояти лежали на плечах, а за спину Лиса были перекинута две цепи, заканчивающиеся на уровне пояса мощными стальными шарами с шипами. Конечно, кистень — это не огролом, но и им тоже можно вдарить так, что мало не покажется даже тяжелому пехотинцу. Лис был истинным виртуозом во владении парными кистенями, таких во всей армии было не более тридцати человек. Раскручиваемые шары металась в разные стороны наподобие гигантской мельницы смерти. Тем, кто будет прорываться через Лиса, Харьган не завидовал.

Сам он предпочитал обычный и ничем не выделяющийся боевой топор на длинном древке. Многие сотники смотрели на это оружие

крестьянина с плохо скрываемым презрением, все больше полагаясь на мечи, но Харьган за многие годы службы так и не изменил своему первому оружию, и оно отвечало ему взаимностью, ни разу не подведя в пограничных стычках с Мирануэхом.

— Удачи, Лис, может, и свидимся!

— А то!

— Шлюха!

— Да?

— Кто над Играющими с ветром^[44]?

— Блидхард! Ну, такой маленький, щупленький! Он с нами после Иселины. Ветеран.

Ветеран! Все они теперь ветераны. И глубокие старики, и зеленые мальчишки. Те, кто пережил битву на берегах Черной реки, под Ранненгом, под Майдингом, становились ветеранами или покойниками. Последних, как это ни печально, было большинство.

— Хорошо, передай через ребят, чтобы он действовал по обстоятельствам.

— Моя помощь потребуется? — К советующимся сотникам подошла Сьена.

На волшебнице уже был надет стальной панцирь, голову прикрывал кольчужный капюшон. Оружейники за ночь постарались и сварганили из подручных средств приемлемую защиту для невысокой волшебницы. У Сьены, как и вчера, не было никакого оружия, лишь медальон в виде капельки сверкал на шее.

— Ваша помощь, леди Сьена, понадобится в самом скором времени. — Харьган перевел взгляд на десятника ее охраны.

Тот кивнул, показывая, что все в порядке. Двое из его десятка держали тяжелые щиты панцирной пехоты. Если начнется дуэль на луках между армиями, волшебница будет надежно защищена от шальной стрелы стальными листами щитов.

— А что мне теперь делать? — как-то тоскливо и разочарованно спросила она.

— Ждать.

Но ждать пришлось недолго. Из стены тумана выскользнули фигуры.

— Орки!

— Гото-о-овсь! — раздался по рядам лучников крик десятников.

— Поднять знамя, — скупно бросил Харьган.

Его приказ тут же выполнили. Над укреплениями взметнулось желтое полотнище. Ткань на него пожертвовала Сьена, позволив отодрать часть

собственной палатки. Отряд был сформирован только вчера, но, несмотря ни на что, у него должно быть знамя, пускай это обычная тряпка, прибитая к молодой осине вместо древка. На тряпке чьей-то неумелой рукой было намалевано нечто напоминающее собаку с крыльями и хвостом ласточки. А также что-то на орочьем языке. Харьган нисколько не сомневался, что художник-полиглот впихнул в эти непонятные закорючки самые страшные оскорбления для расы Первых.

Люди молча смотрели на приближающуюся волну врагов. Сейчас начнется...

Враг остановился, не подходя на расстояние полета стрелы, слишком далеко, чтобы рассмотреть лица. Сейчас Ласточкам были видны лишь фигуры, неясные темные силуэты в занавесе растворяющегося тумана.

Из рядов врагов вышли трое воинов. Средний нес знамя с белым полотнищем, левый затрубил в горн, призывая к переговорам.

— С каких это пор орки идут на переговоры и пользуются горнами, а не барабанами? — пробурчал Харьган, надевая латные перчатки.

— Это... — произнес воин, стоявший рядом. — Это... не орки... это... люди! Точно! Это люди!

По рядам оборонявшихся пробежал шепоток:

— Люди? Откуда? Вся армия давно отступила! Кто-то из наших? Подмога? Но почему со стороны врага?

Между тем троица переговорщиков подошла к краю оврага и остановилась.

Действительно, люди.

— Эй вы! Слышите меня? — крикнул тот, что стоял справа, высокий, крепко сбитый воин с густой окладистой бородой.

— Чай не глухие! — ответил Шлюха откуда-то с правого края укреплений, куда его отослал командовать Харьган.

Резкие голоса разгоняли очарование летнего утра.

— Тут вроде мостик через эту пропасть был? Куда дели-то?

— Съели! Вы кто такие будете и какого хрена на той стороне делаете? — вновь заорал Шлюха.

Харьган в разговор не вступал, у Шлюхи язык подвешен гораздо лучше, пусть себе болтает.

— Мы — это доблестная Шестая южная армия Валиостра, теперь Первая ударная людская! Образованная по приказу славных орков из доблестных воинов, желающих благоденствия и счастья всему человечеству.

— Постой-ка, постой-ка! Что за Первая ударная людская? И про

Шестую южную ты врешь, никто из них не выжил, они в котел под Болтником попали!

— Да что вы, ребята, не понимаете, что ли?! — раздался злой голос из рядов лучников. — Перебежчики это! Предатели! Крысиные хвосты! Они на орков теперь пашут!

— Со своими драться?!

— Ублюдки!

— Неужели не понимают, что орки их потом посекут?!

— Перебить этот позор!

— Нет пощады предателям!

— Ну полно! — рявкнул Бородач, вволю наслушавшись оскорблений, сыпавшихся на него с другой стороны оврага. — Я пришел сделать вам выгодное предложение!

— Иди сюда, и мы засунем его тебе в задницу, мерзкий трус! — заорал Шлюха, вскакивая на укрепление и размахивая мечом.

— Ты командир?!

— Я командир! — Харьган во весь рост встал на другом краю стены. — Что ты хочешь нам предложить?

— Что ты его слушаешь, командир? — прошипел Лис, сидевший со своими ребятами прямо под стеной, но Харьган даже не обернулся.

— Славная армия Первых, достойных властвовать на Сиале, предлагает вам сложить оружие и войти в состав Первой ударной людской армии. Сопротивление бесполезно, нас намного больше вас, через несколько часов подойдут силы орков, и мы вас сомнем! Зачем попросту терять свою жизнь?! Война проиграна, это даже доралиссцу понятно! Вступайте в наши ряды — и останетесь живы, и, быть может, даже хорошо заработаете! Орки справедливы. Им нет нужды убивать всех подряд!

— Ты ответстен делать такие заявления и предложения? — спросил Харьган, ощущая, как за его спиной начинает klokотать гнев воинов.

— Да! Я правая рука славного командующего Ольми!

Харьган знал одного Ольми из бывшей Шестой... Точнее, слышал об этом человеке. В основном только хорошее. Тем удивительнее и ужаснее было то, что он перешел на сторону врага.

— А не боишься ли ты, сучий выкормыш, получить стрелой в глаз? — крикнул Шлюха.

По рядам прокатился одобрительный гул.

— Я пришел с белым флагом на переговоры! Вы не будете стрелять! — нагло ухмыльнулся Бородач.

— Наш ответ — нет! Мы не подчинимся! — сказал Харьган.

— Ну и дураки! — зло рявкнул Бородач. — Сколько вас за этими хлипкими деревяшками? От силы двести, а нас почти тысяча! Мы умоемся вашей кровью!

— Приди и возьми! Вам еще надо спуститься, а затем подняться по овражку! — распалялся Шлюха. — Стрел у нас на всех хватит!

— Солдаты! Не слушайте этого идиота! — заорал парламентар. — Вы получите жизнь! Это не предательство, это разумный выход! Вам все равно не выстоять! Я даю вам еще один шанс! Рубите командиров и переходите на нашу сторону!

Харьган не сомневался в верности солдат и не опасался удара в спину, но с этим горластым разговор надо было заканчивать.

— А теперь послушай меня, парламентар! Я тоже дам тебе один шанс! Ты трус, предавший собственную расу! Надеюсь, ты быстро бегаешь? Тогда обгоняй наши стрелы! Вот тебе мой ответ.

Уже разворачиваясь, он видел, как знаменосец отбрасывает в сторону бесполезный белый флаг и бежит назад, как заметался горнист по краю оврага, как округляются глаза у Бородача.

Шлюха и Харьган прыгнули со стены, и десяток лучников, только этого и ожидавших, выстрелили.

Все воины целились только в Бородача, и он, получив в грудь десять стрел, упал, так и не успев сделать ни шагу в сторону.

— Кто так стреляет, кур-рвы?! — В маленьком жилистом человечке Харьган узнал Блидхарда, которого назначили командиром над всеми лучниками. — Вот как надо с предателями!

Боевой лук рядом с Блидхардом казался гигантом, но человечек плавно натянул тетиву и так же плавно ее отпустил. Стрела чиркнула в воздухе и воткнулась прямехонько между лопаток уже довольно далеко успевшего убежать знаменосца. Человек раскинул руки и упал, так и не успев добежать.

— Кончайте эту сволочь — и в строй! — Блидхард уже спешил на дальний фланг.

Убегающего горниста сбила меткая стрела одного из лучников, и тот свалился в овраг, скрывшись в тумане. Так и осталось неизвестным, то ли он ранен, то ли действительно сразу же отправился во тьму.

— Солдаты! — рявкнул Харьган. — Сейчас мы будем сражаться не с орками, а с такими же, как мы! С людьми! С предателями, забывшими вкус молока собственной матери и перешедшими на сторону врага! Пусть ваши руки не дрогнут! Убивать отступников без пощады!

И по рядам стоявших насмерть, решивших умереть, но не пропустить

врага, разнеслось:

— БЕЗ ПОЩАДЫ!!!

Черная стена врагов заколебалась, дернулась, и людские волны пошли на штурм. Предатели атаковали линиями, в каждой по сто — сто пятьдесят человек. Они были еще далеко, но вот-вот, через минуту, может быть, две уже будут видны их лица.

С обеих сторон затрубили горны. Нападающие подбадривали себя криками, на бегу потрясали оружием. Тысяча. Тысяча тех, кто пойдет на все, раз уж они перешли на сторону орков. Им уже нет возврата, поэтому они будут сражаться до последнего. Но Харьган не сомневался, что его ребята выдержат, ведь их атакуют не орки... Песьи Ласточки имели небольшое преимущество овраг с более высокой стеной.

Первая волна врагов катилась и катилась, становилась все ближе и ближе. Воины бежали, надеясь как можно быстрее преодолеть опасную зону полета стрелы, оставить целыми своих товарищей, тех, кто бежит в двадцати шагах за ними, в другой волне.

— Какой идиот ими командует? — пробормотал Харьган.

Бежать толпой, попросту напрашиваясь на стрелы, даже не выставив перед собой щиты, было глупо. Очень глупо. Но другого выбора у нападающих сейчас не было.

— Дуга пять пальцев вверх! Залп! — Команда Блидхарда заглушила даже вопли нападающих.

Лучники задрали луки вверх, резкий щелчок, свист стрел, уходящих в свинцовое небо.

— Дуга семь пальцев вверх, поправка на ветер полпальца влево! Залп!

Новые пчелы смерти сорвались с луков в тот самый момент, когда первая волна стрел рухнула на головы нападающих. Кто-то успел выставить перед падающей смертью щит, кто-то попросту по счастливой случайности избежал встречи со стрелой. Но в основном первая волна вкусила всю горечь смерти-мандрагоры. Ее коса прошла по рядам предателей, падая на головы, на плечи, разгоняясь, прошибала кирасы и кольчуги, впивалась в грудь.

На земле осталось более восьмидесяти тел, выжившие с упорством бежали вперед, стараясь как можно быстрее нырнуть в туман оврага, скрыться с глаз стрелков.

Вторая стая стрел была направлена по более крутой дуге, они упали на людей чуть ли не вертикально. Крики... От первой волны осталось всего тридцать человек, остальные нашли свою смерть под стрелами Песьих Ласточек. До спасения им оставалось пробежать около пятидесяти ярдов.

— Вторые номера! Три шага назад! Дуга шесть пальцев вверх! Первые номера! По оставшимся! Прицельно! Залп!

Линия лучников дрогнула, рассыпалась на две половинки. Вторая линия стрелков выстрелила по дуге, посылая стрелы навстречу уже накатывающейся новой волне. Первая линия стреляла по прямой, добивая уцелевших воинов первой волны.

Конечно, людские лучники — это не эльфы, у которых седьмая стрела срывается с лука, пять стрел находятся в полете, а первая уже пьет кровь врага, но и люди способны нанести сокрушительный урон врагу из мощных луков, конструкция которых была скопирована именно с эльфийских боевых асимметричных луков.

Первая линия лучников расстреляла оставшихся, ни один солдат первой волны так и не успел добежать до спасительного тумана оврага. Черные тела, утыканные стрелами с белым оперением, остались на коричневой земле.

В это время стрелы второй линии уже сыпались на головы новой волны атакующих.

— Вторые номера! Три шага вперед! Сомкнуться! Все вместе! Дуга восемь пальцев вверх! Залп!

Вновь слившаяся линия лучников дружно выстрелила.

— По врагу! Прицельно! С поправкой на ветер полпальца влево! Стрелять по своему усмотрению!

Правая рука плавно идет за правое плечо, к спине, тянется к колчану, стрелы, воткнутые в землю, уже давно израсходованы, стрела шурша покидает колчан, ложится на тетиву. Плавное движение рукой, тетива скрепит, сопротивляется изо всех сил, задержка дыхания, далеко-далеко, на той стороне оврага, белеет расплывчатое пятно — лицо врага. Не дыша, плавно, не дергая, лучник отпускает тетиву, и та зло щелкает о перчатку, выплевывая стрелу, отправляя ее в полет... Жужжание рассерженного шмеля. Такой быстрый и краткий миг полета... Удар! И вот стрела уже гневно дрожит, глубоко войдя в глаз человека...

Из второй волны два десятка воинов все же умудрились избежать стрел и нырнуть в туман. Некоторые лучники, перегибаясь через стену, стреляли в овраг, надеясь поразить скрывшихся там врагов.

— Отставить, кур-рвы! Вы лучники или сапожники?! Нечего лупить в молоко! По третьей волне! Дуга шесть пальцев вверх и полпальца влево! Залп!

Харьган одобрительно хмыкнул. Не зря Блиндхард командир лучников. Так скорректировать и направить огонь может только истинный Играющий

с ветром.

— Лис! Готовься! Сейчас прорвавшиеся придут! — крикнул Харьган.

— Не придут! — усмехнулся Лис. — Они ведь не дураки двадцатью душами идти на прорыв! Своих будут ждать!

— Если еще будут свои! — рявкнул в ответ знакомый Харьгану по ночному обходу лучник, отправляя в цель очередную стрелу. — Стрелы!

Между линиями лучников и мечников бегали разносчики стрел. Один из них подлетел сзади к лучнику и сунул пучок стрел ему в колчан.

Блидхард безостановочно отдавал команды, ежесекундно меняя направление стрельбы и заставляя взлетать стрелы то по крутой, казалось неподъемной, дуге, то по прямой, сея смерть в рядах наступающих. В третьей волне счастливицов было даже меньше, чем во второй, в овраге скрылось не больше пятнадцати человек.

— Стрелы! — крикнул кто-то из воинов.

Командир нападающих поставил лучников лишь в четвертую волну. Пока ребята Блидхарда разбирались с третьей линией атакующих, четвертая, вооруженная короткими и не такими дальнобойными, как у Песых Ласточек, луками, подошла на дистанцию стрельбы.

Харьган, прежде чем нырнуть под специально для такого случая сколоченный из досок обоза огромный деревянный щит, успел заметить в воздухе стаю стрел, летящих к ним...

Мечники падали на колени, поднимая над головой щиты, те, у кого щитов не было, старались спрятаться под щитами товарищей. Тяжелее пришлось солдатам Блидхарда — не все успели положить луки и поднять лежащие под ногами дощатые преграды для стрел.

Харьган почувствовал, как в щит ударила одна стрела, затем другая. Еще одна вонзилась в землю рядом с его ступней. Соседний солдат, попытавшийся скрыться за маленьким круглым щитом, вскрикнул, когда одна из стрел угодила ему в бедро, на мгновение открылся и, получив запоздавшую стрелу в шею, захрипев, повалился на землю.

Наконец обстрел закончился, и Харьган отбросил утыканную стрелами доску в сторону.

— Подавить стервецов! — надрывался Блидхард. — Ну же! Кур-рвины дети!

Лучники вновь взяли за луки.

— Свободный залп!

Вражеские стрелы были повсюду — и в земле, и в щитах, и в стене укрепления, и в людях.

— Шлюха! — заорал Харьган. — Потери?!

— Восемнадцать убито! — донеслось через некоторое время. — Ребята Блидхарда в основном! Раненых не считал!

— Залп!

Щелк! Щелк! Щелк! Тетива щелкает о рукавицу, стрелы свистят в воздухе, заглушая даже вопли умирающих.

Пятая волна, воспользовавшись заминкой лучников Блидхарда, слилась с четвертой и подбегала к оврагу, а за ней уже накатывала шестая. Лучники врага не стреляли, им не хотелось становиться мишенями для мощных луков Песьих Ласточек. Лучники отряда начали прицельный огонь, ежесекундно кто-нибудь из врагов падал, но время было упущено, масса людей подбадривая себя криками, скрывалась в овраге.

— Не спать, кур-рвы! Смотреть в оба! Как только появятся супостаты, отойти за мечи! По шестой линии! Залп!

— Пусть не стреляют! — К Харьгану подскочила Съена. Ее кольчужный капюшон сполз с головы, русые волосы растрепались, личико бледное и решительное. — Как только шестая волна скроется в тумане, пускай отбегают от стены!

— Не стрелять! — рявкнул Харьган. — Отойти за мечников!

— Не стрелять! Отход! Отход! — пронеслось по рядам, и линия стрелков, выпуская последнюю партию стрел, отошла от стены.

— Вы уверены в том, что делаете, леди Съена? — Сейчас Харьгану приходилось рисковать, доверившись таланту юной волшебницы.

— Да! А теперь не мешайте мне!

Харьган встал у нее за спиной. Возле стены остались стоять только волшебница и два щитоносца из ее телохранителей.

Шестая волна с победными криками стала спускаться в овраг, седьмая и восьмая были на подходе.

— Не удержим! — просипел сквозь зубы командир десятка телохранителей Съены. — Клянусь Сагрой, не удержим!

Харьган молчал, слыша только шепот Съены, который, казалось, заглушал даже крики врагов.

Туман вспыхнул, превратившись в стену жидкого огня, и внутренности оврага стали больше напоминать горнило гномов. Плотная рука жара ударила Харьгану в лицо, ему почудилось что брови и волосы вспыхнули. Люди отшатнулись от разверзнувшейся огненной бездны, закрывая лица руками от нестерпимого жара неведь как вспыхнувшего тумана, и лишь одна волшебница, не сгибаясь, смотрела в горящее пламя.

Харьган несколько не сомневался, что все, кто оказался в овраге,

сгорели.

В один присест Съена спалила добрые четыре сотни человек!

Туман горел не более двух секунд. Огонь исчез точно так же, как и появился, съев туман и обнажив обугленные, дымящиеся стены оврага.

Съена стала медленно оседать на землю, но подскочившие щитonosцы подхватили волшебницу, не дав ей упасть.

— Жива?! — Десятник-пограничник подлетел к ней.

— Д-да... — Она неуверенно улыбнулась и сплюнула кровью.

Рука волшебницы не отпускала медальон. По серебристой капельке пробегали всполохи искорок.

— Быстро! К лекарю ее! — рявкнул Харьган. — Лис! Ты жив?!

— Еще как! — Воин с двумя кистенями откинул тяжелую доску, которой закрывался от жаркого волшебства. Ни он, ни его подчиненные так и не соизволили отбежать от стены вместе со всеми. — Ну и задала же девчонка им жару!

— Не спать, кур-рвины дети! — Блидхард с луком уже стоял возле стены. — По отступающим! Два пальца вверх! Залп!

Седьмая и восьмая волны, видя, какой ужас произошел с их товарищами в овраге, поспешно отступали назад. Подчиненные Блидхарда успели выстрелить еще несколько раз, прежде чем противник отступил на недостижимое для стрел расстояние.

По рядам оборонявшихся разлилась тишина.

Противоположная сторона огромного оврага и дорога, усеянная мертвецами, черные обугленные стены, источавшие запах гари и горелого мяса, густой дым, исходящий из этого адского пекла, поднимался над воинами. Ручей молчал, но тут-то как раз все было понятно — пекло, сотворенное волшебницей, просто испарило его.

Миг — и тишина взорвалась радостным ревом:

— По-бе-да-а!!!

— Ур-ра!

— Эх! Хорошо мы их потрепали! — К Харьгану подскочил довольный Шлюха. — Жаль только, мечами не дали нам поработать!

— Еще успеешь! Не всех же мы перебили.

— Да, сотни три, может, четыре, осталось. Но они вряд ли полезут, орков дождутся.

— Все может быть, — с сомнением сказал Харьган. — Всех лекарей или тех, кто хоть как-то умеет лечить, — к раненым и волшебнице.

— Сделаю!

А над укреплениями раздавались радостные крики людей,

праздновавших маленькую победу и еще несколько часов подаренной богами жизни...

Шлюха, как и думал Харьган, оказался неправ. В течение дня враг еще два раза бросал силы на штурм и два раза в бессильной ярости откатывался назад, неся потери. По итогам дня в завязавшихся дуэлях лучников отряд потерял двадцать девять человек убитыми и восемнадцать ранеными, трое из которых уже не могли продолжать бой. По сравнению с потерями противника мизер, но каждый воин был у Харьгана на счету, и каждая потеря ставила под удар способность отряда эффективно сражаться в следующих боях.

Волшебница, так и не восстановив силы после использования волшебства, лежала в палатке. Харьган возносил молитвы всем двенадцати богам, чтобы к Съене вернулись ее способности до подхода передовых отрядов орков. Шансов выстоять против сокрушительного натиска нескольких десятков тысяч Первых у людей не было.

Ночь сгустила краски мира, и лишь шипящие огненные стрелы разгоняли ее черноту. Ночной атаки, которой опасался Лис, так и не последовало. Лишь однажды под покровом темноты кто-то из врагов, подкравшись к краю оврага, заорал, что все сидящие за стеной — покойники, но Блидхард, пославший стрелу на звук голоса, заткнул дураку пасть на веки вечные.

Наступило утро. Оно плавно перешло в день. Дорога оставалась пустынной, враг отошел, скрываясь за темным леском, и лишь карканье ворон, пировавших на трупах, доносилось с той стороны укреплений. К полудню небо еще сильнее заволокло тучами, и дождик превратился в ливень, и дорога почти скрылась под пеленой падающей воды.

— Коз-злияная жизнь, — пробормотал Шлюха, зябко ежась и стуча зубами. — Вот уж не думал, что я когда-нибудь стану мечтать о приходе орков!

— Чтоб тебе оторвало! — сплюнул сидевший под огромным щитом, который являлся защитой от дождя для четырех командиров, Лис. — Ты что, последние мозги за эти дни порастерял? Таковую чушь несешь!

— Мне эта погода уже вот где сидит! — Шлюха зло чиркнул ребром ладони себя по горлу. — Еще два дня, и я тут от тоски завою, а из ушей вода потечет!

— Ты смотри на это с другой стороны. — Блидхард облизал ложку. — Еще два дня дадут Гроку уйму времени, хотя ты прав, дождь — это проблема. Стрелы летят тьма знает как, да и тетива становится хлипкой.

Откуда-то из-за дождя раздался грохот барабанов.

— Начирикал, кур-рва! — Блидхард зло бросил ложку, и она звякнула о дно металлической миски.

— Все по местам! — Харьган выскользнул из-под щита-навеса, на ходу нахлобучивая на голову шлем.

— Я на правый фланг! — Шлюха бросил Харьгану его топор и, подхватив меч, побежал на другую сторону обороны, на ходу поднимая людей.

— Даст Сагра, свидимся. — Блидхард спрятал ложку за голенище сапога.

— Труби тревогу! — отдал приказ горнисту Харьган.

Над укреплениями раздался сигнал горна, призывающий к битве. Но в этом не было нужды, рокот боевых барабанов орков слышали все воины.

— Харь, я с арбалетчиками на место. — Лис грозно потряс кистенями.

— Давай, давай! Если что, отходи за мечников!

— Посмотрим!

— Это приказ, Лис! — резко одернул друга Харьган. — Я не собираюсь терять людей из-за твоей глупости!

— Хорошо. — Лис стал серьезным. — Не пропадай!

— Угу.

Лис свистнул, созывая подчиненных, и направился к стене, где уже выстраивалась линия лучников.

Из палатки вышла Съена, за локти с обеих сторон ее поддерживали воины. Харьган мельком заметил, что она так же бледна, как и вчера, но хоть на ногах держится, пускай и еле-еле. Вдруг сможет помочь отряду в трудную минуту?

Рокот барабанов приближался, орки шли в атаку.

— Ничего не видать! — сказал лучник с соломенными волосами и без шлема, как будто он бросал вызов судьбе, вглядываясь в пелену дождя.

— А ты слушай! — рявкнул ходящий вдоль линии стрелков Блидхард. — Слушайте, что вам командир скажет!

Харьган терпеть не мог произносить пламенные речи. Он не Грок и не какой-нибудь тысячник, чтобы орать про долг, честь и верность, но в данный момент все же стоило как-то поддержать ребят.

— Воины! Вот и дождались! Покажем Первым! Пускай обломают о наши мечи свои зубы! Чем больше тварей убьем, тем меньше нашим придется пускать им кровь под Авендумом! Облегчим работу Гроку! Рубить, колоть, резать! Убивать их так же, как они нас! Без пощады!

И, как и в прошлый раз, по людским рядам разнеслось:

— Без пощады!

Первыми из-за стены дождя появились остатки Первой людской армии. Орки трезво рассудили, что пускай людишки ловят на себя стрелы своих соплеменников, а они уж как-нибудь проскочат.

Блидхард вновь стал отдавать команды стрелкам, и вновь в воздухе запели стрелы. Люди падали, но на их место вставали все новые и новые, слишком много еще оставалось тех, кто встал на сторону орков. Враги двигались плотной толпой, как стадо овец или баранов, которых подгоняет пастух, и лучникам не надо было выбирать мишени — почти каждая их стрела попадала в цель. Две сотни перевалили край оврага и, скользя по мокрой стене, скатились на дно.

Лучники перегибались через стену, стреляли вниз, в людскую массу, катящуюся по дну оврага. Барабаны орков продолжали бить, но Первые обманули своих союзников. Орки, подтолкнув людей на штурм, остались в отдалении наблюдать за битвой.

Вот уже нападающие оказались на другой стороне оврага, закрываясь от стрел щитами, они поднимались все выше и выше, приближаясь к заветной цели.

Стрелки, чтобы усилить эффективность огня, забирались на стену. Встав на нее, они со всей возможной скоростью и сноровкой посылали стрелу за стрелой в штурмующих.

И враг дрогнул. До вкопанных в землю кольев оставалось совсем немного, всего два-три ярда, но волна нападающих рухнула назад, на дно оврага, в ужасе отступая под непрерывным дождем стрел. Люди карабкались по противоположной стороне под прицелом ребят Блидхарда. И лучники, не колеблясь, стреляли в спины предателей. Отдельные счастливчики смогли выбраться из капкана и броситься назад, только для того чтобы погибнуть под ятаганами подошедшего вала орков. Жителям Заграбы не нужны были плохие воины. От Первой людской армии не осталось ни одного человека.

— Со стены! — скомандовал Харьган.

Лучники горохом посыпались назад, поспешно выстраиваясь в линию с намерением начать обстрел орков, подошедших к оврагу. Спрыгнуть со стены успели не все. Орки тоже неплохо стреляли из луков. Замешкавшиеся лучники падали на руки товарищей или на дно оврага, усыпанное людскими телами. Стрелы шли хорошо, кучно, и, если бы не расторопность мечников, успевших прикрыть и себя и стрелков тяжелыми дощатыми щитами, орочьи иглы нанесли бы по отряду катастрофический удар.

— Не спать! — Блидхард уже натягивал лук.

Очередная порция стрел ударила по оркам, но в отличие от людей Первой людской орки разумно пользовались щитами. Огромные прямоугольные листы, закрывшие головы Первых, помогли им перенести атаку лучников Блидхарда практически без потерь. Щиты раздвинулись, и сквозь щели в людей полетели ответные стрелы-иглы. Теперь уже солдатам Харьгана нужно было пережить обстрел, спрятавшись за щитами. Воспользовавшись этим, орки, не теряя времени, продвинулись вперед, оказавшись возле самого края оврага.

Снова залп лучников — и неприступная преграда для стрел из орочьих щитов, и тут же ответный залп лучников орков.

Стрела с дребезгом отскочила от нагрудника не успевшего спрятаться за щитом Харьгана, и он зло выругался, видя, как орки хлынули сплошным потоком в овраг.

— Давайте, кур-рвы! Стреляйте! Или орки вам пятки поджарят!

За то время, как орки спускались, а затем поднимались по оврагу, лучники успели сделать шесть залпов. Во время штурма оврага щиты орков были не так эффективны, строй распался, и стрелы наконец-то стали приносить должный эффект. По приказу командира стрелков Играющие с ветром вновь разделились на две части. Первые стреляли по накатывающемуся валу противника, вторые выискивали в кипящей массе орков лучников, непрерывно обстреливающих людей.

Еще одна стрела свистнула рядом с головой Харьгана, другая попала в живот белобрысому лучнику, легкая кольчуга его не спасла, и он, выронив лук, упал в овраг.

— Мечники! — отдал приказ Харьган. — Еще на двадцать шагов назад! Сохранять промежутки!

Приказ оставить стену многим мог показаться глупым, ведь тут так прекрасно можно закрепиться и отражать атаку за атакой! А отойти — это дать противнику маневрировать, собраться после подъема и пойти в атаку. Так, да не так. С орками фокус обороны укрепления не пройдет. Тут спасет только плотный строй, а для этого нужно отойти назад.

Людская линия, ощерившись копьями, мечами, топорами и прикрывшись щитами, стала медленно пятиться. Орки уже добежали до частокола кольев, последние стрелы лучников ударили по оркам, насквозь пробивая их доспехи.

Орки замешкались, протискиваясь между острыми кольями, и командир лучников, перекрикивая гвалт битвы, отдал самый разумный приказ:

— Отходим за вторую линию!

Стрелки уже бежали к ждущим их мечникам, проскальзывая между ними и образуя вторую линию обороны.

Харьган отходил вместе со стрелками, оставляя за спиной только солдат Лиса и почти подбежавших к стене орков.

— Давай, Лис!

Но старому вояке не надо было отдавать приказы. Он и сам знал, что делать.

Сорок арбалетов неожиданно появились перед изумленными орками, уже начавшими перелезть через стену.

Щелк!

Огромный невидимый цеп ударил по рядам Первых, заставляя их отлетать назад, сбивая собственных товарищей и увлекая их на дно оврага.

Солдаты закинули арбалеты за спины и задали стрелача к надежной стене из щитов и мечей. Лис походя снес одним из кистеней голову самому прыткому орку, по глупости высунувшемуся из-за стены первым, и бросился догонять арбалетчиков.

Через стену перелез один орк, затем другой, за ними сразу четверо, и вот уже десятки солдат расы Первых спрыгивали со стены на землю к ожидающему их строю людей.

— Мечники! На колено! — рявкнул Харьган.

Десятники повторили приказ командира, и первая шеренга опустилась на правое колено.

— Залп, кур-рвы!

Стоявших во второй шеренге лучников не надо было учить прописным воинским истинам — если первая линия упала на колено, то лупи по врагу, пока рука не устанет или он до тебя не добежит! Стрелы вжикнули над головами мечников, останавливая разогнавшихся орков.

— Ты смотри! — присвистнул кто-то рядом с Харьганом. — Упорные, собаки!

Орков несколько не смутила гибель товарищей, перед людской стеной их было уже не меньше сотни. А новые враги все лезли и лезли через стену. На укреплениях, так заботливо выстроенных воинами Харьгана, появились лучники орков.

Один из солдат Шлюхи упал, в смотровой щели его шлема застряла стрела. На место упавшего тут же встал лучник из второй шеренги, сменив лук на малую секиру.

Прежде чем отряды сшиблись, блидхардовские подчиненные выстрелили по второму разу. И если лучники в основном пытались перебить стрелков орков, то парни Лиса, уже перезарядившие склоты,

метили в напирающих Первых.

— Встать! Сдвинуть щиты! Копья!

Сшибка! Щиты ударили о щиты, издав оглушительный и ни с чем не сравнимый грохот. Гвалт, крики, звон оружия. Копья не смогли остановить лавину орков, и Первые сблизилась на расстояние удара ятаганом. Всего несколько секунд люди сдерживали натиск врага, а затем их линия, не выдержавшая свирепости атаки, лопнула, как ненадежная тетива лука.

Теперь с орками дрались отдельные разрозненные отряды солдат, в лучшем случае натиск Первых сдерживали десятки или пятерки воинов, в худшем — люди в одиночку противостояли врагам.

Как-то неожиданно Харьган оказался на самом острие атаки орков. Справа и слева от него орки глубоко вгрызлись в ряды воинов, оставив Харьгана и еще человек двадцать в самом авангарде людских сил.

Прямо на Харьгана вылетел орк с занесенным для удара ятаганом. Все, на что был способен командир отряда, это тычковым ударом заехать длинной рукоятью топора орку в лицо. Орк выронил ятаган и щит и, забыв про все на свете, закрыл лицо руками. Из тычка рукоять топора резко нырнула вниз, и разогнавшееся лезвие впилося орку в шею. Едва уловимое движение на себя, чтобы освободить оружие из раны, упругая струя алой горячей крови бьет в лицо, застилает глаза, но Харьган уже разворачивался, направляя топор на помощь сдерживающему двух орков молодому воину. Не успевает. Один из орков принимает удар чекана на щит, а второй ныряет вниз, падает на землю и перерубает пареньку ноги.

Из груди Харьгана вырвался хрип бешенства и ярости. Топор рухнул на так и не успевшего встать орка, со скрежетом разорвал звенья кольчуги и врезался в бок корчащемуся от боли Первому. Второй орк, не размышляя, ударил Харьгана щитом в грудь. От удара воин попятился, выпустил топор и, понимая, что сейчас получит укол ятаганом в живот, перекатился через спину, разрывая дистанцию с врагом. Перекатился, надо сказать, очень удачно, в особенности для лучника в легких доспехах, с трудом сдерживающего атаку не на шутку разошедшегося орка с двумя ятаганами. Харьган попал прямо под ноги орку, сам того не желая, ударил врага плечом под колени, подсекая. Орк, не ожидавший такого развития событий, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и спиной рухнул на поднимающегося Харьгана. Недолго думая Харьган воткнул кинжал врагу в печень и, подхватив с земли один из его ятаганов, помог лучнику одолеть орка, который до этого ударил Харьгана щитом.

С ятаганом старый воин чувствовал себя непривычно. Нет, он вполне сносно владел мечом, но топор для него был удобнее и роднее. Это все

равно что сесть на чужую лошадь. Ездить умеешь, но непривычно и немного неудобно. А неудобство в бою — это прямой путь в могилу.

Харьган поднял с земли чей-то щит и снова вступил в рубку. Положение его отряда немного окрепло, люди уже не пятились, пытались сдержать, а в некоторых местах даже откинуть врага за стену. Линия фронта постепенно выравнивалась.

Ятаган орка скользнул по щиту, Харьган прямым ударом попытался достать Первого в грудь, но тот, небрежно отмахнувшись щитом от кривого клинка и сбив ятаган Харьгана вниз, нанес удар в открывшуюся у командира отряда брешь. Доспех выдержал, ятаган соскользнул с правого наплечника, оставив под доспехом внушительный синяк. Забыв про боль, Харьган тут же атаковал орка в голову ударом справа. Проклятый Первый вновь закрылся щитом и внезапно выбросил руку вперед, метя острием ятагана под шлем Харьгану. Неимоверным усилием ему удалось подставить под этот бросок змеи щит. Но орка и его оружия там уже не было.

«Опытная тварь!» — мелькнуло у Харьгана в голове, прежде чем вражеский клинок впился ему в правое плечо, на этот раз немного ниже бронированного наплечника.

— При-и-гнись!

Харьган втянул голову в плечи, и шар кистеня с чавкающим всхлипом врезался в голову орка. Второй кистень ударил врага в грудь.

— Живой?

— Да, — поморщился Харьган, плечо болело, и пришлось взять ятаган в левую руку.

— При-и-гнись!

Шипастые шары получили разгон и одновременно рухнули на головы двум оркам, пытающимся зайти с фланга.

Один из орков успел закрыться щитом, но кистень разбил легкий щит в щепы и сломал орку руку. Харьган довершил дело, добив врага ятаганом.

Бой шел на равных. Люди успешно выдержали первый, самый опасный натиск орков и теперь медленно, но верно оттесняли Первых к стене.

Сам того не ожидая, Харьган вновь оказался возле оброненного топора и, швырнув ятаган в спину орка, поднял свое оружие.

Чтобы метать мечи, нужно прирожденное мастерство, а им Харьган, увы, не обладал. Ятаган ударил рукоятью орку промеж лопаток и в общем-то не причинил врагу никакого вреда. Только отвлек на время от противника, чем и воспользовался один из копейщиков, всадив оружие в

живот отвернувшемуся орку.

В воздухе мелькнула стрела, еще одна... Харьган выругался, полагая, что орки вновь умудрились прислать лучников, но, приглядевшись, заметил в самом тылу своего отряда три десятка лучников во главе с Блидхардом. Стрелки смогли разорвать дистанцию, отошли на безопасное расстояние и теперь прицельно вгоняли стрелы в орков. Несколько Первых попытались прорваться к лучникам, но на их пути встали мечники, прикрывающие отряд Играющих с ветром.

Сагра поколебалась, не зная, на чью сторону встать, но начавшие сыпаться из дождевых облаков молнии убедили богиню войны поддержать в этот день людей.

Голубые нитки молний с сухим треском сыпались с неба, разя орков одного за другим. От магии Съены доспехи не спасали. Прямо на глазах у Харьгана сорвавшаяся с облаков молния разделилась на несколько частей и поразила сразу семерых орков, оставив от них лишь черную землю и обугленные доспехи, по которым все еще бегали цепочки разрядов, оставшихся после молний.

И Первые дрогнули, не выдержав дождя из молний и стрел. Где-то за оврагом загремели боевые барабаны, командующие отступление.

Орки отступали организованно и четко, оставив небольшой отряд прикрывать отход основных сил. Но люди, воспрянувшие духом, молотом ударили в стену щитов, круша Первых направо и налево, а подоспевшие лучники из тех, кто так и не сменил во время битвы лук на меч, не обращая внимания на кипящую вокруг них битву, стали осыпать стрелами преодолевающих овраг орков.

Из отряда Первых, прикрывающего отступающих, не осталось никого. Последнего орка настигли парные кистени Лиса.

К стрелкам присоединились выжившие во время сечи лучники, вновь поднявшие грозные луки. Жалкое сопротивление вражеских лучников, попытавшихся отстреливаться с другой стороны оврага, было безжалостно подавлено. Следующие минуты шел планомерный отстрел отступающих. В который раз за два дня колчаны опустели.

— Отлично, кур-рвы! — Блидхард довольно заметно подволакивал левую ногу, из которой торчал обломок стрелы. — Хорошо поработали!

— Шлюха! — крикнул Харьган, тяжело опираясь на топор и наблюдая, как последних орков, не успевших отбежать на безопасное расстояние, поражают стрелы лучников.

— Нету больше Шлюхи, — хмуро сказал один из воинов.

— Да пребудет он в свете, — пробормотал Лис.

Харьган стоял под так и не закончившимся за время битвы дождем, зажмурив глаза и стиснув зубы. Потеря друга была такой неожиданной. Любой другой, но не Шлюха. Слишком уж хорошо обращался с мечом старый друг, чтобы вот так просто дать себя зарубить орочьим ятаганам. Выйти без единой царапины под Ранненгом и Иселиной и погибнуть тут...

— Как? — наконец выдавил Харьган.

— Стрелой, точнее стрелами, — ответил Кляю, правая рука Шлюхи. — Он ребят повел на орков, прорвавших линию, и наравался...

Говорить больше было не о чем.

— Кляю.

— Да?

— Принимай командование.

— Слушаюсь!

— Оцени потери отряда, всех раненых — к лекарям. Мертвых... Мертвых сложите в стороне, похоронить всех не сможем.

— А орков?

— Этих в овраг.

— Их там и так полно, — нахмурился Лис. — Через день вонять начнут так, что не продохнем.

— А что ты предлагаешь? — К ним подошел Блидхард. — Поменьше этих кур-рв убивать? Так ты скажи, мы тогда с моими ребятками во время следующей атаки отдохнем, а то надоедает тетиву дергать.

— Ты бы лучше к лекарю ходил, — миролюбиво ответил Лис.

— А-а, — махнул рукой Блидхард. — Стрела зазубрена, хрен такую вытащишь. Уж лучше пусть там сидит. Я и с ней в глаз любой кур-рве попаду.

— Смотри, ногу оттяпают, — пригрозил Харьган.

— А нам и так недолго осталось, — сплюнул Блидхард и, посмотрев в глаза Харьгану, произнес: — Ты думаешь, что мы отбились? Это ведь только авангард орочьей армии. Основные силы еще не подошли, а эти попробовали взять нас нахрапом — не получилось. И ни одного шамана, иначе бы волшебница тут много не наколдовала. А вот когда подойдут Кровавые топоры или Груунские ухорезы, нас сметут, как пылинку. Против этих кланов мы не продержимся и часа. Так что уж лучше я сразу лишусь башки. Чем вначале ноги, а потом еще и башки.

— Дело твое. — Харьган и сам знал, что против элитных войск орков при теперешнем состоянии отряда им тут не продержаться.

И так-то они выстояли лишь благодаря внезапной помощи Съены.

— Кстати, как там наша волшебница? — спросил Харьган.

— Жива, — ответила Съена.

Она, как всегда, подошла незаметно. Действительно жива. И даже стоит без помощи телохранителей. Харьган мельком отметил, что от десятка воинов-телохранителей осталось только шестеро. У молодого жителя Пограничья на голове повязка, уже успевшая пропитаться кровью.

— Рад, что ваше здоровье в порядке, и спасибо за помощь.

— Да это и не я, — смутилась девушка.

— Да? — приподнял бровь Харьган. — А кто тогда?

— Ну, точнее не совсем я. — Волшебница смутилась еще сильнее. — Это все амулет.

Харьган перевел взгляд на магическую капельку серебристого металла.

— Его мне дал мой учитель, сказал, что он защитит меня от шаманства орков. Амулет его нейтрализует, если шаманство направлено непосредственно на меня. А оказалось, что он еще и силы восстанавливает. Я тут попробовала пользоваться им немножечко по-другому, так от избытка силы меня чуть не раздавило!

— Командир! — Это вернулся Кляо. — Командир, потери... — Сотник на миг запнулся.

— Продолжай.

— Семьдесят шесть мертвы, двадцать легко раненых, еще семеро при смерти.

— Скажи ребятам отдыхать, Кляо. Блиндхард, пусть лучники тоже передохнут, следующая атака состоится не скоро.

— Будем надеяться. — Лис вздохнул и стянул с рук перчатки. — Ну, кто поставит, что мы продержимся до завтрашней ночи?

Ставок никто делать не хотел, зачем ставить на то, что попросту абсолютно невозможно?

— Шестая? — Лис присел рядом с Харьганом и облокотился спиной о полуразрушенную стену укрепления.

— Какая шестая? Восьмая только что была, вон сейчас девятая пойдет, слышишь? — усмехнулся Харьган и сплюнул кровью.

Боль в груди и постоянная кровь изо рта — последствия удара орочьего молота в доспех.

Над просыпающимся и отходящим от ночи миром раздавался рокот боевых барабанов орков. За ночь Первые атаковали укрепления людей восемь раз, три раза им удалось прорваться за стену, несмотря на огонь лучников и вставших насмерть воинов. Каждый раз орков отбрасывали

назад со все большими и большими потерями. Первые как заведенные пробовали на зуб Песых Ласточек. Овраг заполнился трупами наполовину, стрел у лучников осталось по двенадцать штук на каждого, приходилось собирать стрелы орков, чтобы хоть как-то отстреливаться от вала наступающей армии.

Отряд Харьгана совершил невозможное — выстоял против врага почти четыре дня, дав армии Грока огромную фору во времени.

Харьган окинул взглядом немногих выживших. Тридцать девять человек. Тридцать девять уставших, перебинтованных, измазанных кровью людей. Все, кто выстоял атаки орков, все, кто выжил.

Не стало Кляю, погибшего от глупой одинокой стрелы, не стало Блидхарда, не стало молодого пограничника, охранявшего волшебницу. Да и сама волшебница погибла из-за того, что смогла прибить шамана противников. После этого орки целенаправленно устроили за Съеной охоту и в предпоследней из вылазок добились удачи, окружив ее и телохранителей.

Солдаты похоронили волшебницу в неглубокой могиле возле опрокинутой палатки, положив на могильный камень амулет-капельку.

И между тем неся огромные, катастрофические потери, люди заставили Первых уважать себя, заставили расу, относящуюся с презрением ко всем другим живущим на Сиале, осторожничать и не лезть через проклятый овраг сломя голову.

Девятую атаку солдаты не переживут. Это знал каждый из выживших людей.

— Покажем Первым, как должны умирать воины! — Лис взялся за любимые кистени, вслушиваясь в рокот приближающихся барабанов.

— Покажем. — Харьган встал с земли. — Смотри, Лис, дождь-то кончился!

— Это к счастью.

— Поднять знамя! Горнист, труби! Луки к бою! Бить врагов без пощады!

И орки, наступавшие на проклятые, не сдающиеся укрепления, услышали то, что слышали во время каждого отступления от стен оврага:

— Без пощады!!!

Глава 25

Танцующий в Тенях

— Гаррет! — Кто-то осторожно дотронулся до моего плеча. — Гаррет, вставай!

Я открыл глаза и посмотрел на наклонившегося надо мной шута.

— Кли-кли! — с отчаянием простонал я. — Ну чего тебе не спится-то?

Он укоризненно посмотрел на меня и по-хозяйски уселся на седельной сумке.

— Ну и стонал же ты нынешней ночью! — сообщил Кли-кли. — Кошмары снились?

— А все из-за тебя, — промычал я.

— ?

— Порасскажешь сказок, а потом они всю ночь покоя не дают!

— Каких сказок? Это ты про отряд Харьгана? — догадался шут.

— Угу, всю ночь снилось, как они с орками воевали.

— Ух ты! — с завистливым восхищением протянул Кли-кли, жалея, что это не ему приснился такой замечательный сон.

Замечательный ли? Не думаю. В ушах до сих пор еще слышен крик «Без пощады!», а тело бьет легкий озноб, как будто я очень долго, несколько дней, находился под проливным дождем.

— Кстати, Алистан с ребятами ночью приехали! — как бы невзначай бросил гоблин.

— Чего же ты сразу не сказал?! — вскочил я.

— Ш-ш-ш! — зашипел шут, делая страшные глаза. — Ты чего орешь? Не видишь, все спят?

Действительно, хоть уже и было светло, все еще спали. Только Делер с Халласом находились на границах лагеря, сторожа наш покой.

Шут не соврал насчет прибытия воинов. Я заметил огромного коня Маркауза и лошадей Эграссы, Кота и Угря.

— Так чего же ты меня тогда разбудил?

— Я же говорю, что ты стонал! И мне хотелось быстрее всех рассказать тебе о том, чего унюхал наш Кот.

— Рассказывай.

— Да, собственно, рассказывать и нечего, — сказал шут. — Кот действительно оказался прав: кое-что затевалось у нас за спиной. Они с

Эграссой вовремя успели. Чутье Кота привело их на небольшую полянку, довольно далеко от дороги, а там трое типов, все как один похожие на тех колдунов, что ночью пробрались во дворец Сталкона. Кот говорит, что у них были такие же перстни, как у ночных налетчиков.

— Какие еще перстни?

— У-у-у... — разочарованно протянул гоблин. — Ты, как я вижу, все проспал. У всех нападающих на дворец на мизинцах были колечки в форме плюща. Это один из гербов Неназываемого. Чтоб они друг друга отличать могли. Так вот, ребятки на полянке костерок развели и котелок поставили. Уж не знаю, чего они там готовить собирались, но точно не праздничный торт. Как только из котла стал подниматься багровый дым...

— Багровый? — переспросил я.

Ненавижу этот цвет после того, как Миралисса отправила меня неизвестно в какие дали во время знакомства с ключом.

— Я тоже удивился, но Кот ночью рассказывал именно так. Да ты не перебивай! Так вот... Сбил ты меня, Гаррет! — свирепо зашептал Кли-кли.

— Багровый дым, — подсказал я ему.

— А! Ну да! Так вот, как только из котла стал подниматься багровый дым, Эграсса взял лук и перебил всех шаманов, они даже понять ничего не успели. Кот перевернул котелок, затоптал костерок. А тут и та тварь, что шла за нами всю дорогу, из воздуха появилась. Кот ее давно почуял, но только она невидимой была. Это какая-то ищейка. В общем, убили ее и отправились нас догонять...

— И ехали так долго, что смогли догнать нас только сейчас, — ехидно продолжил я историю гоблина.

— Да погоди ты, — раздраженно отмахнулся от меня Кли-кли. — Ну вот! Опять сбил! Не буду я тебе ничего рассказывать!

— В обратный путь они отправились, нас догонять, — поспешно произнес я.

— Только далеко не уехали. — Уже собравшийся уходить гоблин снова сел рядом. — То ли Кот с Эграссой упустили кого-то из этих гадов, то ли эльф стрелял недостаточно быстро, но один из шаманов успел передать тревогу. В общем, ребятам дорогу перекрыли. И спереди и сзади. Сразу несколько отрядов, неизвестно откуда взявшихся. Кот снова почувствовал, что стали шаманить совсем недалеко от того места, где они только что были. Еще одна группа шаманов в лесу была, вот только они до этого совсем не рыпались, потому-то Кот их и не почуял. Взяли наших ребятков в клещи сторонники Неназываемого. Коту с Эграссой пришлось уходить в леса, чтобы оторваться от преследования, поэтому их так долго и не было.

Преследователи отстали, смысла гоняться по буреломам за нашими не было — слишком хорошо эльф умеет запутывать следы. Через день, когда Кот с Эграссой выбрались на дорогу, они наткнулись на Алистана с Угрем. Вот, собственно, и вся история.

— Бр-р-р! Ничего не понял!

— Не ты один, — вздохнул шут. — Алистан с эльфами всю ночь проговорили. Выходит, что шаманов в Валиостре больше, чем доралиссцев в степях Унгавы. А также всяких сторонников Неназываемого. И колдуют они чего-то и против кого-то. А тут еще твой Хозяин с приспешниками, и маги странные в чумной деревеньке. На нас охотятся и на нас колдуют. Вполне вероятно, что если бы Кот с Эграссой не успели помешать тем шаманам, то отряда бы уже не было.

— Но шаманство же состоялось! Ты сам говорил, что кто-то другой смог заменить убитых шаманов!

— Ну и что? — Шут пожал плечами. — Ты пойми, шаманство — это не магия, тут совсем другие законы. Стоит его немного сбить, волшебство идет совсем не так, как было задумано творящим. Помнишь ту руку-монстра? Вот и тут то же самое. Фиг его знает, во что оно в итоге преобразовалось. Мы-то пока еще живы.

— И в кого же ты такой умный, Кли-кли?

— В дедушку, он у меня шаманом был.

— Да, ты уже говорил. Значит, считаешь, что, кто бы ни строил нам козни, они теперь успокоятся?

— Отчего же?

— Ну ты ведь только что сказал, что шаманство не получилось!

— Не получилось в первый раз, получится во второй, — пожал плечами гоблин. — Велика ли наука — колдовать? Эти ребята денек отдохнут и еще раз поколдуют, пошлют за нами страсть зубатую да отвалят, будто их на земле и не существовало. Дело сделано, задание господина исполнено, теперь можно и скрыться до тех времен, когда Неназываемый явится из-за Игл Стужи.

— Так им недолго осталось ждать.

— Вот и я о том же. Нужно как можно быстрее добраться до Храд Спайна и испортить Неназываемому настроение лет на пятьсот.

К нам подошел Халлас:

— Слушайте, мужики. — Гном вытащил изо рта трубку и выпустил колечки дыма. — Пора всех будить, а то они так до пришествия Неназываемого проспят.

— Ну так давай разбудим, — вскочил на ноги шут, разом подзабыв о

тревогах. — У тебя не найдется лишнего ведерка холодной воды?

Из-за полного отсутствия ветра день обещал быть очень жарким. Почти таким же, как вчерашний, а также позавчерашний, а также позапозавчерашний, а также... Я так могу продолжать до бесконечности.

Никто особо не изумлялся, когда к полудню нас всех подстерегла очаровательная маленькая жаровня.

Лично я всегда переживал это время дня с содроганием. Не спасала ни намокшая тряпка, ни шутки-прибаутки шута. Впрочем, к шуткам прислушивались и даже хохотали. Кли-кли из кожи лез, показывая все мастерство придворного королевского дурака.

Отряд снова в сборе, настроение, несмотря на жару, было замечательным. Вот только нет-нет, а по лицу Миралиссы пробежала тень тревоги. Один раз, поравнявшись с лошадьё эльфийки, я услышал обрывок ее разговора с Эграссой. Миралиссу до сих пор беспокоили шаманы, готовившие где-то далеко за нами в котлах какую-то гадость. С ее слов выходило, что, пока шаманы не завершат колдовство, они не успокоятся.

Я вполне доверял чутью эльфийки. В любой момент нам на головы может ухнуть что-нибудь из забав недобитков Неназываемого. Как говорят, законы всемирного свинства срабатывают в самый неожиданный момент, когда их совсем не ждешь.

Поэтому, чтобы быть совсем уж спокойным, через каждые пять минут я косился на Кота — вдруг он заранее что-то учует. Но толстенький неудавшийся маг Ордена оставался спокойным, безмятежным и веселым. Поэтому тревога, охватывавшая меня, потихоньку отступала.

Харьганова пустошь утопала в высокой траве и зарослях вереска. Иногда узкую тоненькую тропинку даже не было видно, ее полностью скрывал травяной покров. От стрекота сотен кузнечиков, на все лады пытающихся доказать нам, кто из них самый лучший музыкант, закладывало уши. Когда мы въезжали в особенно густую траву, кузнечики водопадами срывались из-под копыт наших лошадей, сетуя на то, что мы вторглись в их растительное королевство.

К вечеру первого дня мы пересекли старый овраг с оплывшими стенами, и мое сердце предательски екнуло. Но это было совершенно не то место, что я видел во сне ночью. Здесь овраг был маленьким и неглубоким и никак не походил на громадину, что в давние времена являлась преградой для наступающих на людей орков.

Лошади без всяких проблем перебрались на другую сторону оврага, и мы продолжили путь в мире травы и кузнечиков.

Через некоторое время, пробравшись между огромных и непонятно

как здесь оказавшихся валунов черного гранита, каждый величиной с небольшой дом, мы наткнулись на ветхую избушку. Медок сказал, что тут ночуют косари, заготавливающие сено на зиму для окрестных деревень. Длиннющие ряды стогов сена, лежащие на полянах пустоши, подтверждали его слова.

— До ближайшей деревни далеко, это же сколько им их возить надобно будет? — удивился Дядька.

— Зато здесь самая лучшая трава в округе. Сюда за двадцать лиг приезжают, — сказал Медок. — Да и косари приходят на целое лето. Сена здесь на всех хватит да еще останется!

— Да тут ведь ни один обоз не пройдет! Ты посмотри, сколько от дороги надо ехать! Полдня, не меньше! — не согласился Дядька.

— Эх ты! Сразу видно, нет в тебе деревенской крови!

— Это ты, бородач, из деревни! А я всю молодость в Майдинге прожил! — сказал Дядька.

Еще через час, когда тропинка вовсе исчезла и отряду пришлось ехать, не разбирая дороги, прямо по травяным полянам и лабиринту кустов вереска, Горлопан заметил большое стадо коров, голов, наверное, в двести. Животные с достоинством щипали сочную траву, лениво отгоняли хвостами тучи мошкары, кружащиеся вокруг них звенящим облаком. Нас заметили, и с десятков лохматых пастушьих собак бело-черного окраса с лаем бросились к незванным путникам. Арнх зашипел сквозь зубы и потянулся к арбалету, но над поляной раздался резкий свист, и собаки, недовольно ворча, вернулись назад. Лишь самый здоровый пес, ничуть не меньше имперской собаки, наверное вожак, остановился недалеко от нас и с настороженным интересом стал наблюдать за проезжающим мимо него отрядом.

— Ишь как смотрит, зверюга, — пробормотал Делер.

— А они карликами питаются, — хохотнул Халлас, за что получил недобрый взгляд от напарника.

— Ты у меня когда-нибудь договоришься, борода. Возьму любимый стул и как двину!

Гном даже не посчитал нужным отреагировать на выпад Делера.

Пастух, отозвавший собак, тоже наблюдал за нашим отрядом, прикрывая глаза от солнца ладонью. Смотрел с интересом, как на какое-то чудо, будто мимо него проезжали не обычные всадники, а все двенадцать богов Сиалы вкупе с Неназываемым. А вот мальчишка-пастушок, стоявший рядом со старшим товарищем, удивления не скрывал. Рот у него был попросту раззявлен до такой степени, что я испугался, как бы туда не

залетела сотня-другая мух.

Вообще-то было чему удивляться: не каждый век встретишь в сердце пустоши, куда не все пастухи-то рискуют забираться, так далеко она находится от обжитых мест, целый отряд незнакомцев, вооруженных до зубов, да еще и неизвестно куда направляющихся.

Кли-кли не удержался и показал пастушонку язык, перепугав того до полусмерти. Видать, деревенский паренек впервые в жизни видел живого гоблина.

— Ну вот, Кли-кли, — впервые за день открыл рот Угорь. — Теперь у него на целую зиму будет разговоров. Паренек скажет, что видел живого огра.

— Это кто огр? — возмутился гоблин. — Это я огр? Огры ведь воют! Вот так!

Гоблин завыл, чем перепугал не только пастушонка и вновь начавших брехать собак, но и половину лошадей отряда.

— Успокойся, Кли-кли! — раздраженно сказал Сурок. — Ты мне Непобедимому аппетит на целый день испортишь!

— Да я просто показал, как огры воют! — оправдался гоблин.

— Тьфу ты! Неумеха! — пробурчал Делер. — Так твоя покойная бабушка воет, а не матерый огр! Мумр, изобрази!

Фонарщик, ехавший позади меня, с радостью исполнил просьбу карлика, издав звук, от которого я чуть не свалился с лошади. Пастушьи собаки за нашими спинами испуганно завывали.

— Ну, вы, там! — крикнул нашей компании Дядька. — Комедианты долбаные! Хар-рош кузнециков пугать!

— Да ладно тебе, Дядьку! — крикнул Делер. — Все равно неча делать! Дядька обреченно махнул на нас рукой.

Весь оставшийся день ничего важного с нашим отрядом не произошло.

Пролетели еще два дня путешествия по пустошам. Мы пересекали огромные территории в сердце Валиостра, до обустройства которых у людей так и не дошли руки. По правую руку от нас потянулись знаменитые непроходимые леса пустоши.

— Послезавтра мы должны выйти на тракт, — сказал Медок на третий день нашего путешествия.

— Эх, поскорей бы! Пива хочу, — вздохнул Делер. — Это сейчас я пока добрый. Терплю, терплю, а могу и бритвой по глазам!

Халлас хмыкнул.

— Чего хмычишь, бородатый?!

— Да я вот тоже пивка захотел.

— А-а-а, — разочарованно протянул Делер, поняв, что спора с гномом, изнывающим от жары, не выйдет.

В небе звенела песнь жаворонка.

— Дождь будет, — сказал Кот после долгого молчания.

— Эх, хорошо бы! — Горлопан с тоской посмотрел на безоблачное небо. Не так жарко станет!

— Зато мокро! — не согласился с Горлопаном Фонарщик.

— Жарко, мокро, — буркнул Арнх. — Всем все равно не угодишь.

— А ты вообще не встревай, — оборвал воина Горлопан. — Полируешь себе тыкву, вот и полируй! А то заговоришься и отрежешь что-нибудь важное!

В общем-то замечание Горлопана было вполне своевременным. Арнх, достав из сапога изогнутый кинжал, на ходу брил себе голову, уничтожая на ней мелкую поросль волос. Воины Пограничного королевства следовали только им понятной моде и сверкали лысыми тыквами на радость себе и солнышку.

Лично я, как и Горлопан, тоже немного боялся за судьбу головы Арнха. Казалось, что вот сейчас у него дрогнет рука и остро отточенный кинжал оттяпает воину ухо или голову.

— Слушай, Арнх, — с хитрецей спросил Халлас. — А не боишься, что дождик тебе лысину намочит?

— А ты не боишься? — лениво спросил Арнх, пробуя большим пальцем остроту лезвия.

— Чего? — опешил гном.

— Что твоя борода от воды намокнет! — отпарировал воин.

— Уел он тебя! — радостно кудактнув, сказал Халласу Делер.

— Ты бы помолчал, герой! — обозлился на карлика Халлас. — У самого небось любимая шляпа промокнет!

— Да с чего вы решили, что дождь-то будет? — не оборачиваясь, спросил ехавший впереди нас Сурок. — Кот! Точно будет дождь?

— Угу.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнул Горлопан.

— Ты ее можешь обрести, если, как и Кот, обернешься назад, — весело хихикнул шут.

Предсказание Кота насчет погоды стало абсолютно ясным, как только мы последовали совету шута.

По всей линии горизонта медленно и величественно разрасталась темно-лиловая, кое-где иссиня-черная полоса грозowych облаков.

— А мы-то думали, что ты теперь кроме опасности еще и погоду навострился предсказывать! — разочарованно протянул Фонарщик.

Вид у него был как у ребенка, у которого зараз отняли и леденец, и душистый крендель.

— Я тебе лягушка, чтобы погоду предсказывать? — хмыкнул Кот, а затем еще раз внимательно глянул на далекий грозовой фронт.

— Ур-ря! — сказал Сурок. — Долгожданная прохлада близится!

Линг на его плече оживился и возбужденно подергивал розовым носом. Видно, тоже ощущал подступающую грозу.

— Как бы не вляпаться, — пробормотал Кот и бросил обеспокоенный взгляд на черную линию.

Она уже набухла, как переполненный бурдюк с водой, и, кажется, немного приблизилась к нам. Да на нас движется не дождь, а целая буря!

Слов Кота никто не услышал. Ну или почти никто.

Делер залихватски сдвинул котелок на затылок и запел:

Если веревка на шее
быть под горами измене.
Ногами месишь ты глину
получишь стилет острый в спину.
Если в дозоре заснет
сон твой стрелою прервется.
И не скуешь ты крепких оков,
чтоб удержать в них друзей иль врагов!
Если не хочешь уйти в мир теней
первым ударь и, коль сможешь, — убей!
Первым ударь и, коль сможешь, — убей!^[45]

— Чего так мрачно? — внимательно выслушав незатейливую песенку карлика, сказал Кли-кли.

— Так и должно быть! — с достоинством сказал Делер. — Это военный марш карликов.

— Под такой марш лучше маршировать к ночному горшку, а не на врага! — презрительно сказал Халлас.

— Тоже мне, знаток боевых маршей! — не остался в долгу Делер. — У вас, бородатые, и таких-то нет!

— А «Ударь молотом по топору»?

— Ха! — презрительно сказал карлик.

— А «Песня безумных рудокопов»?

— Ха! — Еще более презрительный ответ.

— А как дам мотыгой по башке?

— Это еще что за марш? — удивленно спросил Делер. — Опять твои родичи по пьяни в Стальных шахтах новую песенку сочинили?

— Это не песенка! Это я тебе сейчас как дам мотыгой по башке, чтобы ты больше не вякал!

— Ты-то?

— Угу!

— Руки коротки!

— Я тебе покажу коротки! — взревел гном, потерявший последнее терпение.

Халлас пытался нашарить любимую мотыгу.

— Заткнуться! Живо! — рявкнул Кот. — Беда!

Гном и карлик прекратили спор и изумленно уставились на Кота.

— Да ладно тебе, Кот! — прокашлялся Делер. — Ничего страшного и не будет. Мы уже и помирились. Правда, Халлас?

Халлас поспешно кивнул.

— Да при чем тут вы? — Кот остановил лошадь и неотрывно смотрел на небо.

Тучи еще больше приблизились, слизав четверть небесной лазури. Легкий ветерок донес до нас далекий раскат грома.

— Какая беда? — спросил Горлопан, тоже не отрывая взгляда от горизонта. Тревога следопыта передалась и нам.

— Да заткнись же ты! — раздраженно буркнул Кот, втягивая носом воздух.

Лично я ничего не ощущал. Ну будет дождик, ну намочит нас немножко... Чего так беспокоиться и волноваться?

— А день так хорошо начинался! — расстроенно сказал Кли-кли.

— Этим ублюдочным детям долбанных козлов все же удалось! — прошептал Кот и, всадив пятки в бока лошади, помчался догонять эльфов и Алистана, оставив нас недоумевать в хвосте отряда.

— Это он о ком так выразился? — удивленно смотря на отчаянно жестикулирующего Кота, разговаривающего с Миралиссой, спросил Халлас.

— О тебе! — Делер никогда не упускал возможности подковырнуть напарника.

— Хватит, Делер! — одернул карлика рассудительный Сурок. — Оставь подколы на потом! Ты, Халлас, кстати, тоже! Видите, что с Котом

творится?

— Да уж, — с тревогой покачал головой Фонарщик. — В последний раз я видел Кота таким встревоженным, когда мы вляпались в засаду в Д'сан-доре.

— Может, он ошибается? — с надеждой спросил у воинов Горлопан.

— Ага! Как же! Ни разу не ошибся, а тут, значица, ошибается! — сплюнул Делер.

Чего бы там ни почуял Кот, но лица у Миралиссы и Маркауза были встревоженными. Элл то и дело бросал взгляд на надвигающиеся тучи.

— Что я тебе говорил, Гаррет, — прошептал Кли-кли.

— Что? — машинально спросил я, как и все, стараясь углядеть в тучах то, что заметил Кот.

— Ты чем слушаешь? Я же говорил, что, пока шаманы не наколдуют, они не успокоятся!

— Ты думаешь? — Меня пронзила запоздалая догадка.

— Уразумел наконец!

— Они вызвали грозу? Но зачем?

— А тьма их знает! — устало сказал Кли-кли. — Я ничего не ощущаю. Никакого следа шаманства. Но Кота взбаламутила эта гроза, вот я и подумал: а не наши ли это знакомцы-недрузи позаботились?

— Очень хочу услышать, что ты не прав!

— Ты знаешь, я тоже хочу этого, — сказал шут.

Между тем Кот закончил что-то объяснять Миралиссе. Она посмотрела на Алистана, и тот решительно кивнул.

— Что случилось-то? — Дядька не находил себе места.

— Давай подъедем и спросим, — высказал мудрое решение Арнх.

За время путешествия в нашем отряде сложился некий порядок передвижения. Первыми всегда ехали Алистан и эльфы. Они разговаривали на свои, только им интересные темы и принимали за нас решения в важных для отряда вопросах. Дикие общались в своем кругу, стараясь не вступать в разговоры эльфов и Маркауза. О том, чтобы заговорить с ними в дороге просто так, безо всякой причины, не могло быть и речи. Разве что Угорь вел пространные беседы с Эллом. Нет, воины не чурались и не избегали верхушки нашего отряда, просто они считали, видно исходя из опыта многолетней службы, что каждый должен заниматься своим делом и нечего лезть к командирам по пустякам. Надо будет — позовут. Да и сами Дикие были разбиты во время дороги на маленькие группки. То ли по интересам, то ли по только им известным симпатиям друг к другу. Но это вполне естественно — во время путешествия очень сложно ехать одной плотной

кучей. Медок и Дядька, Угорь, Кот и Арнх, Халлас, Делер, Сурок, я и Кли-кли, Горлопан и Фонарщик. Хотя Кли-кли, единственный из всех, носился на Перышке из головы отряда в хвост и обратно, успевая переговорить со всеми по сто раз на дню.

Мне, собственно, было плевать на эти правила, но так уж сложилось, что, попав в компанию, где кроме Сурка были гном и карлик, с которыми меня накрепко связала ночь во дворце Сталкона, я стал держаться их общества.

Предложению Медка о том, чтобы подъехать и все узнать, не суждено было осуществиться. Миралисса сама подъехала к нам:

— Кот говорит, что надвигающаяся буря имеет искусственное происхождение.

— А попроще? — жалобно попросил Горлопан.

— Чего тут не понять?! — удивился Кот. — Наколдовали эти тучи, дурья твоя башка!

— Шаманы? — спросил Фонарщик и с укоризной посмотрел на Эграссу.

Конечно же Мумр считал, что Эграсса недостаточно поработал луком в том лесу, где слуги Неназываемого пытались колдовать. Будь Мумр на месте эльфа, он бы не упустил возможности пару раз взмахнуть тяжелым биргризенном.

— Может, шаманы, а может, и нет, — пожал плечами Кот. — Но что это магия, могу гарантировать.

— Точно шаманы, некому больше! — вздохнул Кли-кли.

— Ну и как нам спастись от этого? — Маркауз дернул себя за усы.

— Я ничем помочь не смогу. — Миралисса бессильно развела руками. — Тут моего мастерства не хватит. Я даже ничего не ощущаю.

— Это погодное колдовство. Стихия дождя довольно нестабильна, — пробормотал Кот.

— Что ты там шепчешь? Говори нормально! — не выдержал Халлас.

— Нас учили... — Кот на миг запнулся. — Нас учили, что дождевая магия, созданная шаманством, нестабильна. Она существует от силы четыре, ну, может быть, пять часов и сильно зависит не только от мастерства шаманов, но и от природных явлений. Например, ветра.

— Хочешь попробовать уйти из-под туч? — Элл одним из первых понял задумку Кота.

— Угу. Ветер сейчас дует точно на юго-запад, а мы поскачем на юго-восток. Авось и разойдемся с грозой.

— Как же, — хмыкнул Медок. — Ее будто кто-то погоняет! Смотри,

как несется!

Я невольно еще раз взглянул на настигающую нас стихию.

— А на что способна эта тучка? — невольно вырвалось у меня.

— Ни на что. — Вместо Кота мне ответил Эграсса.

— Тогда от чего мы собираемся бежать? — опередил меня с вопросом милорд Маркауз.

— От того, что пытается скрыть эта туча, — крайне нехорошим голосом ответила ему Миралисса.

— Можно я, — встрял в разговор Кот, видя, что, кроме Миралиссы и Эграссы, единственных кроме него в отряде разбирающихся в волшебстве, никто ничего не понимает. — Сотвори такую тучу весь совет Ордена, тогда бы это была реальная опасность. Они бы ее нашпиговали молниями, правда, для такой магии понадобилась бы уйма сил и пара недель подготовки. Как боевому заклятию и сотворению тучи с молниями — медяк цена. Если говорить простыми словами, можно наколдовать что-нибудь другое, более эффективное, но гораздо менее дорогое. К тому же тучей невозможно управлять. Ее можно послать в определенном направлении, хоть за Иглы Стужи, но тот же ветер снесет ее за время пути на сотню лиг в сторону. Так вот, это людское волшебство. Что касается шаманства, хоть эльфийского, хоть орочьего, тут оно способно только на то, чтобы создать тучу с дождем. И все.

— Короче давай! — Горлопан обеспокоенно глянул на чернеющее небо.

— Это будет обычная туча с дождем, с обычными молниями и громом. Максимум, на что она будет способна, это промочить нас насквозь. Ну, при очень хорошем шаманстве случится буря. Не направленная. То есть она не будет пытаться уничтожить именно нас. Это будет обычная буря, как сотни других до нее. Если кто и пострадает, так только случайно.

— Тебе бы только лекции в Ранненгском университете читать! — буркнул Делер. — Как насчет того, что тучи пытаются что-то скрыть?

— Дождевой фронт с его молниям и громами всегда накрывает любую другую магию, — пояснила Миралисса. — Ни один волшебник на Сиале, будь он хоть трижды Неназываемым, не способен увидеть внутри грозы враждебную магию до той поры, пока волшебство не окажется у волшебника буквально под самым носом. Кот чувствует, что гроза создана шаманством, но не знает, что она может скрывать. В ней шаманы могли спрятать что-то такое, что не должны увидеть волшебники Ордена. Тучи — великолепная ширма.

— До волшебников отсюда десятки лиг, могли бы и не опасаться, —

буркнул Арнх.

— Значит, они прячут что-то такое, что видно за десятки лиг, — не согласился Кли-кли.

Вновь вспышки далеких зарниц и грохотание грома. Теперь намного ближе.

— Хватит болтать! Кот, раз у тебя чутье на эту грозу, значит, тебе нас из этого и вытаскивать! Веди! — Маркауз не собирался дожидаться дождя.

И начались наши безумные пятнашки с грозой. Пустошь так и мелькала под копытами лошадей.

Кот взялся за дело уверенной рукой и задал лошадам темп ничуть не хуже, чем когда мы уносили ноги из Вишек. Гром гремел все ближе и ближе. Ветер усиливался, заставляя высокую траву пригибаться к самой земле. Смолкли музыканты-кузнечики, замерли птицы. Весь мир застыл в ожидании приближающейся грозы, надеясь, что она принесет облегчение и прохладу.

То и дело один из нас оборачивался назад, проверяя, далеко ли мы сможем еще проскакать, прежде чем нас накроет дождем. Я смотрел только вперед, боясь обернуться. Для этого было две причины: при такой бешеной скачке я боялся свалиться с Пчелки, и один раз, оглянувшись назад, я так перепугался, что чуть не заорал. Черноты неба, наступающей нам на пятки, хватило бы на сотню миров. Тучи просто не могут быть такими черными, если только боги по недосмотру не пролили в них добрую бочку чернил.

Даже Угорь побледнел, а это просто небывалая вещь для хладнокровного гарракца.

— Ветер изменился! — крикнул Кли-кли. Капюшон черного плаща он предусмотрительно натянул на голову. — Восточный! Фронт сносит в сторону!

Я заставил себя обернуться. Теперь, как ни старайся гроза, в ее сердце мы уже не попадем, оно сместилось далеко восточнее нас. Но край волшебной бури заденет отряд, это точно. И пускай он будет не так силен, как мы того ожидали, но, что дождь будет знатный, ни у кого не возникало сомнений.

Темные тучи надвинулись, заслонив собой жаркое светило. Поднявшийся яростный ветер бросал гроздь песка, метя мне в лицо, и пришлось набросить капюшон плаща, сшитого из эльфийского дрокра, на голову.

Другим было еще хуже, чем мне. Делер щурил слезящиеся глаза и беспрерывно ругался до тех пор, пока ему в рот не попал песок. Ветер трепал бороду Халласа и гривы лошадей. У Мумра сорвало с головы

шляпу, но он даже не остановился, чтобы отобрать у ветра новую игрушку. Ветер тысячью демонов завывал в ушах, и тучи, словно стадо взбесившихся коров, надвигались на нас угрюмой стеной. Непрекращающиеся алмазные гирлянды молний, сливающиеся в зарницы, то и дело сверкали по всему горизонту, освещая потемневшую, а оттого еще более мрачную пустошь. Ветер, словно сошедший с ума пастух, гнал беременные дождем тучи на нас. Дождь еще не начался, но скоро, очень скоро за грохотаньем грома и сверканием молний тугие струи дождя устремятся к замершей в нетерпеливом ожидании земле.

Сверкнуло, и ветер донес до нас сердитое рокотание грома как будто это шумел суровый морской прибой, с нескончаемым упорством пытаясь уничтожить прибрежные скалы в вечной и бессмысленной борьбе тысячелетий, которая продолжится даже тогда, когда исчезнет с Сиалы последний человек.

Сверкнуло.

— Ща-ас кэ-эк грохнет! — крикнул шут.

Грохнуло знатно. Небеса раскололись от рева богов, лошади испуганно заржали.

— Вперед! — где-то впереди, пытаясь преодолеть шум ветра, крикнул Кот.

Но ветер стихал, он уже не завывал яростно, не пытался засорить нам глаза, мы вновь могли нормально видеть и не бояться ослепнуть в самый неподходящий момент. Приближающиеся валы туч подкрались, яростный свирепый ветер магии исчез, на смену ему пришел обычный ветер. Он гнал и гнал толстые и неуклюжие тучи глубоко в пустошь.

Вот одна низкая туча, клубясь и неохотно направляясь на наш отряд, огрызнулась пастуху-ветру молнией, а затем громыхнула на него злым ударом грома.

Туча злилась на ветер, но тот, усмехаясь, подтолкнул ее еще сильнее, и вновь сверкнула молния. Я зажмурился — такой ослепительной и неожиданной была эта вспышка. А затем небеса раскололись. Так звучали залпы пушек гномов на поле Сорна. Так древние и забытые всеми герои огров в гнев раскалывали небо топорами.

Сочный звучный удар грома диким жеребцом пронесся по небу, и у меня на миг заложило уши. Гром раздался прямо над нами и перепугал лошадей.

Я еле удержался на Пчелке, конь Горлопана встал на дыбы, едва не сбросив с себя седока. Делеру не повезло: он шлепнулся на землю, и если бы не Сурок, проворно схвативший лошадь карлика за ухо, перепуганная

животина сбежала бы. Делер одарил «тупую скотину, недостойную возить карлика на своем трижды проклятом горбу», жуткой бранью и вскарабкался обратно в седло. Нам всем пришлось приложить невероятные усилия, чтобы успокоить испуганных животных.

Первая тяжелая капля дождя, не удержавшись в животе тучи, сорвалась с черного неба и упала вниз. Она ударилась о нос Кли-кли и разбилась, как разбиваются дорогие хрустальные фужеры, на тысячу мелких и сияющих стеклышек. За первой дождевой каплей упала вторая. За второй — третья. Капли небесной воды барабанили по плащу и жадно раскрывшейся, потянувшейся к дождю земле.

— Вперед! — Кот не собирался останавливаться и пустил лошадь в галоп.

Отряд, растянувшись цепью, последовал за Котом.

Дождь накрыл нас влажными крыльями, и редкие капли сменились ревущим водопадом, низвергнувшимся с небес. В мгновение ока все, кто не надел эльфийские плащи, вымокли до нитки. Дождь тарабанил по капюшону, отдаваясь в ушах тихим шелестом.

— Чтоб я спал на иглах, если мы не запомним этот ливень надолго! — сказал Халлас.

Борода у гнома походила на намокшую старую мочалку. Да и сам Халлас был мокрее мокрого.

С его утверждением я был согласен на все сто. Давно я не попадал под такой дождь.

Гроза с громом, молниями, водопадами и другими атрибутами, положенными приличной и уважающей себя грозе, сместилась восточнее. Теперь гром рокотал в отдалении, уже не угрожая нам.

Но дождь никуда не делся. Но по сравнению с тем ливнем, что обрушился на нас в первые минуты грозы, этот дождь был маленьким мальчонкой. И все же согласитесь — не очень приятно ехать под дождем, пускай и не сильным, целых четыре часа.

Все небо затянуло сплошной пеленой угрюмых облаков, льющих воду на землю из нескончаемых небесных кладовых. Ни одного голубого просвета, ни одного солнечного лучика. Над Харьгановой пустошью разлилась мрачная осенняя атмосфера. Земля пропиталась дождем, и невесть откуда, поглотив траву, под копытами лошадей появилась жирная грязь.

Погода была серой, мерзкой, унылой и холодной, особенно для тех, кто уже успел привыкнуть к постоянной жаре.

Отчего-то хуже всех пришлось Халласу. Вымокший до нитки, он

стучал зубами и дрожал от холода. Кладанье его зубов было слышно за десять ярдов. На предложение Миралиссы надеть плащ упрямый гном ответил отказом.

— Мы еще пос-смотрим, кто из нас проч-ч-нее! — Вот и все, что сказал Халлас, косясь на падающие с неба капли.

— Ты смотри, заболеешь, я с тобой носиться не буду! — пробурчал Делер из-под плаща. — Никаких лекарств на ложечке не жди!

— От-т тебя-то? — хмыкнул Халлас. — От т-тебя я никаких лекарств пр-ринимать не буду. З-знаю я вашу с-сволочную пород-ду! Нас-сыпешь какого-нибудь яд-да, а я потом хрипи, синей и заг-гибайс-ся! Такого удовольствия я т-тебе не доставлю!

— Больно ты мне такой мокрый нужен! — пробурчал Делер.

Халлас фыркнул и больше ничего не сказал, продолжая упрямо играть с дождем, кто кого пересидит. Отряд уже не неся сломя голову по полям пустоши, лошади перешли на быстрый шаг.

Часа через три начнет темнеть, так что скоро придется нам останавливаться на ночлег.

— Ну ког-гда же он кончитс-ся?! — взмолился наконец не вытерпевший гном.

Губы у Халласа посинели, а зубы уже отбивали отчетливую дробь, соревнуясь по издаваемому звуку с боевыми барабанами орков. Скажу честно: услышь этот звук барабаны, они бы попросту лопнули от зависти.

— Дождь кончится не раньше чем к завтрашнему утру, — сказал Медок, бросив взгляд на серое небо.

— К утру?! — простонал Халлас.

— Угу. И никак не раньше.

— Слушай, Халлас. — К нам подъехал Угорь. — А ты пока объяви дождю перемирие.

— Перемирие? — крайне подозрительно сказал Халлас, чувствуя какой-то свинский подвох в этом предложении.

— А что? Продолжишь войну с ним попозже.

— А разве т-так можно? — с сомнением спросил гном.

— Почему нет? — Фонарщик, ехавший рядом со мной, пожал плечами. — Войны иногда прерываются перемирием.

— Только не в-войны гномов! — запальчиво ответил Халлас.

— Считай, что у тебя кончился порох и перемирие необходимо, — нашелся Угорь.

Гном обстоятельно подумал, выжал намокшую бороду и, соорудив рожу, будто он делал наиглубочайшее одолжение всему миру, сказал:

— Ну ладно. Давайте ваш плащ, что ли?

Делер уже открыл рот, чтобы высказаться о нестойкости гномов, идущих на уступки в боях, но поймал предупреждающий взгляд Угря и промолчал. Халлас укутался в плащ.

К вечеру дождь усилился, он уже полностью пропитал землю, и теперь луга превратились в огромные лужи. Копыта лошадей чавкали в этом маленьком болоте, и животные стали уставать, хотя продвигались мы довольно медленно. Только через две лиги травяные луга пустоши остались позади, и лошади вынесли нас на некое подобие дороги.

— Это остатки старой дороги. Той самой, что вела из Ранненга в Авендум, — будто услышав мои мысли, произнес из-под капюшона Кли-кли.

— Удивительно, как она сохранилась, — пробормотал Сурок. — Почти пятьсот лет минуло, а она лишь травой поросла.

— Нич-чего удивительного, — пробурчал Халлас. — Ее г-гно-мы строили.

— Да ладно тебе, Счастливчик, заливать! — отмахнулся Фонарщик.

— И нич-чего я не заливаю. Наша это работ-та. Я нюхом чую. Делер, подт-тверди.

— Ваша, ваша, — миролюбиво согласился карлик. — Ты бы лучше помолчал да погрелся. У тебя зуб на зуб не попадает.

— Ч-чей-то ты о моем здоровье так з-заботишься?

— Так помрешь, мне тебе могилу рыть.

Халлас поплотней закутался в плащ и ничего не сказал.

Несмотря на дождь, с земли стал подниматься туман. Точнее, не туман, а легкая, пока еще прозрачная белесая дымка. Она стелилась над землей, просачиваясь между травинок, окутывала копыта лошадей. Но как только появлялся ветер, дымка рассеивалась и на время отступала.

К нам, придержав коня, подъехал Маркауз:

— Эй, Кот! Ты уверен насчет неприятностей? Ничего не напутал?

— И то верно, — поддержал Алистана Горлопан. — Гроза давно прошла, мы вот уже четвертый час мокнем под дождем, а никаких громов с небес так и не случилось.

— Ну и слава Сагре, чтоб ничего еще сто лет не случилось, — прокрихтел Дядька.

— Да не мог я напутать. — Кот наконец-то смог вставить слово. — Сам не могу понять, что происходит. Раньше чувствовал, а теперь ничего. Пусто. Я уже начинаю думать, что почудилось.

Кот имел самый что ни на есть смущенный вид.

— А Миралисса и Эграсса ничего не чувствуют? — осторожно поинтересовался Мумр у Алистана.

— Нет. У них тоже пусто.

— Значит, пронесло, — с облегчением вздохнул Горлопан.

— Не надо радужных надежд, — соорудил кислую физиономию Кли-кли. — Пронесет, пронесет, а потом кэ-эк вдарит!

— Чего ты каркаешь, чудо зеленое? — зло одернул гоблина Медок. — Надо говорить, что пронесет, и не думать о плохом.

— Я, конечно, оптимист, но путешествие с Гарретом вносит в мой характер пессимистические зернышки.

Кли-кли бросил в мою сторону многозначительный взгляд. Я ответил ему тем же, пообещав устроить гоблину чудесную жизнь, если он не заткнется. Шут только хихикнул.

Гоблинское зрение раз в десять острее человеческого. То, что мне казалось серой тенью, проступающей сквозь дождь и дымку, для Кли-кли было чем-то уж очень неожиданным. Он удивленно вскрикнул, гикнул, ударил Перышко пятками и стал нагонять эльфов.

Под копытами лошадей в траве, проросшей на заброшенной дороге, иногда что-то шуршало и скрипело, как будто лошади наступали на снежный наст. Я свесился с седла, но кроме травы ничего увидеть не смог. Под копыто Пчелки попал обломок какой-то палки. Лошадь наступила на обломок, и я услышал тот самый заинтересовавший меня звук. Еще десяток ярдов — и очередная палка. Теперь я смог хорошо рассмотреть ее. Черная, чернее и'альяльской ивы, неровная и бугристая. Это была отнюдь не палка, а осколок человеческой берцовой кости.

Я похолодел. Лошади шли по костям. Мы топтали останки неизвестных мертвецов.

Конечно, костей было не так уж и много, но то тут, то там слышался хруст и скрип.

— Чтобы мне целовать сковородку! — выругался Фонарщик. — Да тут битва была.

Вернулся Кли-кли, и видок у него был мрачнее, чем та туча, что гналась за нами поутру.

— Еще какая битва, друг Фонарщик. Битва отряда Харьгана.

— Быть того не может, — не согласился Сурок. — За пятьсот лет кости глубоко уйдут в землю, да они совсем исчезнут, а не будут лежать на поверхности, словно со времени битвы прошло не больше двух лет.

— Не нравится мне здесь, — протянул Горлопан.

— Кости хрупкие, как низинский фарфор, — пробормотал Кли-кли. —

А насчет того, что это не останки со времен той битвы, ты не прав, Сурок. Впереди овраг, о котором я вам рассказывал.

Но мы уже и без рассказов гоблина могли увидеть возникшую перед нами преграду. Овраг. Почти такой же, каким я видел его во сне. Только в реальной жизни он казался еще больше, угрюмее и страшнее. Весь заросший высокой, достигающей груди травой, с громко журчащим, располневшим от дождя ручьем, он воистину был непреодолимой преградой для осаждающих во время штурма.

Противоположный берег возвышался перед нами на целых пятнадцать ярдов. Легкая дымка в жерле оврага обрела очертания, загустела и почти скрыла дно. Вот только стены оврага были уже не такими отвесными и обрывистыми. За пять столетий вода, снег и растения расширили овраг на несколько десятков ярдов, сгладив его стены. Теперь, чтобы не сломать шею во время спуска, нужно было очень постараться.

Я и не заметил, что все молчат. Никто не произносил ни слова. Мы просто смотрели сквозь усиливающийся дождь на ту сторону, туда, где триста человек несколько столетий назад сдерживали атаки орков.

Первым тишину нарушил Фонарщик:

— Ну и как мы переберемся на ту сторону?

— Очень просто. Вначале спустимся, а затем поднимемся.

Вот уж не замечал раньше в Маркаузе иронии.

— Боюсь, лошадки не поднимутся, милорд Алистан, — крикнул Дядька.

— Да не бойсь, десятник! — Делера никакие склоны не смущали. — Подтолкнем если что!

— Идти нужно, пока не стемнело. Или завтра, — Миралисса сбросила с головы капюшон, подставив волосы под дождь.

— Лучше сейчас. Вперед! — Алистан первым направил лошадь к спуску в овраг.

Я последовал примеру Арнха и Фонарщика и слез с лошади. Еще не хватало грохнуться во время спуска. Травы здесь было на всю Харьганову пустошь. От терпкого запаха калькиных усиков и дикого пустоцвета горчило в горле.

Трава оплетала ноги, замедляла спуск, и один раз я чуть было не попал под копыта собственной лошади. Как и на лугах, под травой обнаружилась грязь, и копыта животных стали скользить. Мы спускались вниз медленно и осторожно. Звон ручья приближался, но его до сих пор не было видно из-за зарослей травы.

Сходящие со склонов оврага дожди и снег смывали останки людей и

орков вниз, на дно, и теперь ручей звонко журчал, преодолевая гигантскую запруду из черных веток-костей различной величины и формы. Ожиревший от дождя, мутный и грязный, ручей журчал, пробираясь между ребер, берцовых, плечевых костей, позвонков и наполовину развалившихся черепов.

— Мать вашу! — выругался Медок, обзрев огромные залежи костей.

— Понятное дело, почему такую дорогу забросили. Кому охота пробираться через этот могильник, — тихо сказал Сурок.

— Где старые кости, там и гхолы. — Фонарщик положил руку на рукоять биргризена.

— Кости слишком старые, к тому же хрупкие. Слышишь, как хрустят под копытами? Никаких гголов здесь уже давно нету.

— Неприятно, — пробормотал Кот.

— Чего? — Фонарщик тянул за уздечку лошадь, никак не желавшую переходить через ручей.

— Я говорю, неприятно вот так вот лежать. Не погребенным. Чтобы твои кости остались не в земле, а под ветрами столетий.

— Что-то ты о смерти стал думать, смотри, как бы Сагра не услышала, — попытался пошутить Фонарщик.

Шутки не вышло. Кот лишь хмыкнул и скрылся вместе с лошадью в высокой траве на той стороне ручья.

Я перепрыгнул через ручей, раздавив пару костей, и потянул за собой Пчелку.

— Одни покойники! Ходить по костям воинов... Кот прав, от этого места веет смертью и чем-то неправильным. — Арнх отбросил в сторону травинку, которую мусолил в зубах битый час.

— Да кто тебе сказал, что кости человеческие? — Элл, как и другие эльфы, так и не спешил. — Вот, смотри.

Эльф спрыгнул с лошади, покопался рукой в грязи и бросил что-то черное в руки Арнха. Тот на лету поймал предмет и принялся вертеть в руках, а затем безразлично выбросил в ручей. Я успел заметить, что это была нижняя челюсть с неестественно большими и длинными зубами. Точнее, с длинными клыками. Прямо как у Эллы или любого другого эльфа. Или орка.

— Орки? — Арнх заинтересованно посмотрел на к'лиссанга Миралиссы.

— А кто же еще? — Золотистые глаза эльфа сверкнули. — Кости людей тоже встречаются, но по сравнению с орочьими их мизер. Орков хорошо посекали.

— Да, им несладко пришлось, — крикнул Фонарщик.

— Тут не только стрелы были. — Кот вернулся назад уже без лошади и стал помогать Фонарщику подгонять его упрямую клячу. — Здесь еще и магия поработала. Стены оврага оплавлены. Кто-то устроил в овраге жаровню.

Мне сразу вспомнилась волшебница из сна и горящий по ее воле туман в овраге.

Подъем оказался трудным. Горлопан поскользнулся и упал в грязь, обдав овраг отборными матюгами. Лошадей пришлось втаскивать чуть ли не на себе, и это при постоянном дожде. Когда наконец отряд выбрался наверх, все чуть ли не попадали от усталости на траву. Лично я был жутко мокрым не столько от дождя, сколько от пота.

— Фу! — Арнх тяжело дышал. — Ну и подъемчик! Будь моя воля, я бы прикончил ослов, недостойных называться лошадьми, на половине подъема.

— Побывал бы ты у нас в горах, еще не так бы запел! — хмыкнул Делер.

Пока все отдыхали, я осматривал окрестности. Дорога на противоположной стороне оврага лежала передо мной как на ладони, и, если бы не дождь с туманом, думаю, отсюда открывался бы потрясающий вид.

Я попытался поискать остатки стены старых укреплений и земляного вала, но, естественно, за пятьсот лет от них не осталось ничего, кроме памяти. Кости павших просуществовали намного дольше. Я поискал глазами останки тех, кто встречал стрелами орков, и ничего не увидел. Совсем ничего. То ли кости смыло в овраг, то ли земля была к ним более благосклонна, чем к штурмующим овраг врагам.

— Эй, Танцующий в тенях! — Ко мне подошел Кли-кли. — Маркауз решил, что мы заночуем прямо здесь.

— Я, кажется, просил меня так не называть, — зарычал я на гоблина, но маленький засранец даже глазом не моргнул.

Да и смотрел он не на меня, а на дорогу, по которой мы совсем недавно ехали.

— Гаррет, — очень проникновенным и веским голосом сказал Кли-кли. — Как говаривает Горлопан, мы в полной заднице. Или еще дальше.

Сказав эту фразу, Кли-кли бросился назад. Наши уже разбивали лагерь на ночлег. Гоблин орал, как будто великаны отдавили его любимые колокольчики на колпаке.

Я бросился вдогонку за шутом, опасаясь, что он ненароком сошел с

ума. Этих гоблинов очень сложно понять, особенно когда они находятся в таком панически-приподнятом настроении.

Заслышав крики Кли-кли, в лагере все перестали работать и уставились на подбегающего гоблина. По крайней мере, на лицах Алистана и Эграссы отразилась та же самая мысль, что возникла у меня, — гoblin наконец-то соизволил сойти с ума.

Кли-кли подбежал к воинам и стал исполнять нечто похожее на безумный танец обкурившейся красавки блохи. При этом королевский шут не переставая орал о том, что Кот был прав, и про тучу.

Когда я добрался до гоблина, Кли-кли все еще танцевал и орал, а остальные изумленно на него смотрели.

— Гаррет! — Кли-кли обратился ко мне. — Ты-то меня хоть послушай! Туча!

— Какая туча, дружище? — как можно более вкрадчивым голосом, а именно так разговаривают с психами, спросил я.

— Раскрой зенки! Да не на меня смотри, идиот! На небо!

С больными на голову спорить себе дороже, и поэтому под пристальным взглядом гоблина я стал смотреть на дождевые тучи. Некоторые из отряда последовали моему примеру. Ни они, ни я ничего не видели.

Те же самые, что и час назад, серые, сплошные тучи изрыгали на землю дождь.

— М-м-м... По мне, они все одинаковы.

— Вот она! — Вместо Кли-кли мне ответил Кот и ткнул пальцем куда-то вдаль.

В ответ на горизонте полыхнула молния, и сразу же одна из туч на миг осветилась багровым огнем.

Кто-то тихонько ойкнул.

— Я же говорил, что никогда не ошибаюсь, — с какой-то горечью произнес Кот.

То, что скрывала гроза, сотворенная сторонниками Неназываемого, наконец-то добралось до нас, пусть ему и потребовалось на это слишком много времени.

— Спаси нас Сагра!

— Что это за дрянь, Кот?

— Всем заткнуться! — рявкнул Маркауз, перекрыв вопли и вопросы остальных. — Кот, ты что-нибудь можешь с этим сделать?

— Нет.

— Леди Миралисса, Эграсса?

— Мы попробуем.

Миралисса и Эграсса принялись рисовать на размокшей земле помесь осьминога и звезды с сотней лучей-щупалец. Миралисса скороговоркой шептала слова. Контуры фигуры на земле стали пульсировать желтым огнем.

Я очень, просто очень надеялся, что шаманство эльфов нам поможет. Элл стоял впереди колдующих, почти возле самого обрыва оврага, держа наизготовку лук, хотя не думаю, что стрелы будут эффективны против магии. Остальные, включая и меня, столпились позади эльфов и наблюдали за приближающейся опасностью.

А туча спешила к нам на всех парах. Где-то внутри нее, в самой середине, разгоралось багровое пламя, причудливо освещающее соседние тучи. Туча клубилась и клочкотала. Она двигалась против встречного ветра с одной-единственной целью — догнать нас.

Миралисса перестала шептать и начала петь на орочем языке. Каждое слово, казалось, звенящим колокольцем повисало в воздухе, вибрировало и гудело, отдаваясь мерцающим светом в желтой фигуре, нарисованной на земле.

— Это что еще за твари? — выдохнул Горлопан.

Он был блее мела, но уверен, что моя физиономия в эту минуту была не намного лучше.

Из облака вынырнуло крылатое существо. Одно, другое, третье.

И вот их уже десяток, длинных, ширококрылых созданий, замелькавших в кольце хоровода. Они парили под брюхом приближающейся тучи, то скрываясь в ней, то снова возникая. Их полет был плавным и завораживающим, но сейчас я не спешил восторгаться грацией этих созданий.

— Что это, заморозь мои потроха ледяной червь? — прошептал Медок, с отчаянием сжимая в руках бесполезный огролом.

— Не знаю! — Кот не отрывал от существ глаз.

Они были небольшие, едва ли в половину человеческого роста, с длинными шеями, изящными крыльями, чем-то похожими на крылья бабочек, и багровыми. Это мне не понравилось больше всего.

— С'алай'яга х'тар агр т'хханнг! — выкрикнула последние слова заклятия Миралисса.

Из рисунка на земле выплеснулось нечто желтое и со скоростью гномьего ядра устремилось в сторону багрового облака. Что бы это ни было, но за время пути оно успело вырасти и стать размером с небольшой дом.

Желтое встретилось с багровым и ворвалось в тело тучи. Она вздрогнула, будто была живым существом, отпрянула, внутри нее взорвалась ослепительная вспышка багрового огня. И все. Больше никаких изменений не произошло.

Туча съела то, что послали в ее сторону Миралисса и Эграсса.

Магический багрянец с кружащимися в хороводе тварями завис над нашими головами, а затем хоровод распался. Существа атаковали.

Из десяти багровых летунов шесть прошли высоко над нашими головами, а четверо упали на нас. Упали стремительно и настолько быстро, что мы едва-едва смогли среагировать.

Щелкнула тетива, Элл отправил стрелу в первую тварь и попал. Но стрела, пройдя сквозь летуна, исчезла, не причинив врагу никакого вреда.

Элл едва успел отпрыгнуть с пути атакующего летуна, его спасла только природная ловкость всех эльфов. Существо, едва не задев брюхом траву, издало разочарованный крик, пронеслось мимо нас и вновь стало набирать высоту, присоединяясь к кружащей над облаком шестерке.

— Не зевай!

Делер упал на землю и дернул за ноги размахивающего мотыгой Халласа. Тот издал протестующий вопль, грохнулся в лужу, и вторая тварь вжикнула у него над головой, а затем повторила путь своей предшественницы, устремившись в небо.

Два других существа нападали синхронно. Они одновременно снизились и пошли на нас, на ходу выбирая себе жертву. Все бросились врассыпную, но существа уже успели наметить себе цели. Первым был Кот, замерший возле самого обрыва, а вторым оказался я.

Щелк! Время в песочных часах богов замерло, почти остановилось. Я видел, как ме-е-едленно летело на меня багровое создание. Теперь можно было рассмотреть его лицо. Да-да, именно лицо, а не морду. Обычное человеческое лицо, которое могло бы принадлежать мужчине лет тридцати. Только вот это лицо было похоже на маску.

Твари приближались. Нам что-то кричала Миралисса, но я не слушал, мой взор приковал полет надвигающейся смерти. Отчего-то я понимал, что после встречи с этим меня ждет даже не Сагра, не свет или тьма, а полное, всепоглощающее ничто, из которого уже не будет возврата.

Кот медленно взмахивает рукой, из его пальцев вылетает одинокая голубая искорка. Отчаянная попытка задействовать что-то из арсенала, который волшебник-недоучка берег именно вот на такой день. Искра ударяется летящему на Кота существу в лицо, разрывая кожу и мясо, обнажая череп, но тварь даже не замечает боли, если она вообще умеет

чувствовать боль, и с торжествующим воплем врзается в Кота. Миг, и она облачком багрового тумана, пройдя сквозь его тело, устремляется вверх, к облаку, а Кот с абсолютно бескровным лицом начинает очень медленно заваливаться на бок.

— Га-а-ар-рет! — Крик шута доносится до меня сквозь кисель времени, и я перевожу взгляд на вторую тварь.

«Вот и все!» — Дурацкая мыслишка проскальзывает в голове.

Я понимаю, что слишком засмотрелся на Кота. Существо приближается ко мне быстро, очень быстро, я не успею сойти с пути его полета. До него уже не больше четырех ярдов.

— Я помогу, — прошептал в голове до боли знакомый голос.

И боль пришла. Нутро обожгло огнем, боль адская, нереальная, во мне что-то зарождается, кипит, булькает. И это что-то вырывается из меня и бесшумно врзается в тварь, одновременно отбрасывая меня с траектории ее полета.

Вопль муки и ужаса. Крылатый распадается под заклятием, как туман под действием урагана.

Земля несется мне навстречу.

Щелк! Время вновь набирает обороты.

Удар при падении выбил из легких почти весь воздух. Мне оставалось только таращить глаза от боли и натужно хрипеть, стараясь восстановить дыхание. Чьи-то руки подхватили меня с двух сторон под локти, приподняли и попытались поставить, но ноги отчего-то были слишком мягкими, будто я перепил молодого вина. Медок выругался и вместе с Горлопаном принялся оттаскивать меня подальше от обрыва.

— Вальдер! Сукин ты сын! — вслух прохрипел я. — Ты же обещал оставить меня в покое!

Естественно, мне никто не ответил. Волшебник затаился, и я его совсем не ощущал. Когда стало жарко, он вынырнул из глубин моего «я» и спас мне шкуру.

— С кем это он? — опасливо спросил Горлопан. — Ты уверен, что та тварь его не коснулась?

— Уверен!

Между тем девять оставшихся существ кружили над нами с явным намерением продолжить атаку. Скорость хоровода все увеличивалась, твари слились в один нечеткий, размытый круг. Круг лопнул, как лопается мыльный пузырь, и создания стали падать на нас.

— Й-ее! — Горлопан отпустил меня и выхватил меч.

Я потерял опору и свалился на землю. Сагот, почему у меня такая

слабость?

По всей длине берега оврага воздух заколебался, и перед нашими глазами стали появляться тени. Они были едва заметны, но можно было различить в них силуэты людей. Каждая тень держала в руке огромный лук. Тени становились все темнее и темнее.

— Ты это видишь? — прошептал потрясенный Медок.

Я не ответил и только кивнул.

А багровые твари в это время все падали и падали на нас с облака. В настоящем времени прошло не более двух секунд, нам же они показались часом.

По захлебывающемуся от дождя оврагу прогремел голос:

— По врагу! Прицельно! Поправка полпальца правее цели! Залп, кур-рвы!

Серые тени стрел устремились в небо и встретились с падающей на нас смертью. Вопль боли — и багровые летуны растворились в воздухе. Багровая туча издала стон.

— Залп!

Когда-то давным-давно, наверное, в прошлой жизни, а может, во сне, я уже слышал этот голос.

Не было слышно щелчков тетивы и полета стрел. Лишь дождь шуршал по земле, да беспрерывно стонала туча. Веер призрачных стрел, как личинки наездника, вгрызлись в брюхо тучи, оставив после себя огромные рваные дыры.

Вопль, раздавшийся спустя несколько секунд, не поддается описанию. Я зажал уши руками, молясь Саготу не потерять слух навечно. Думаю, крик багровой тучи был слышен даже в Джашле.

Призраки выстрелили в третий раз, и туча ярко вспыхнула, на миг осветив окрестности.

Так за две минуты я ослаб, оглох, а теперь и ослеп. Не оставалось ничего другого, как свернуться клубочком и попытаться вынырнуть из этого страшного кошмара...

Когда я пришел в себя, все уже кончилось. Не было больше багровых туч на небе, исчезли призраки, будто они мне приснились, да и дождь кончился. Облака пропали, вновь уступив место безоблачному голубому небу.

Солнце светило мне прямо в глаза, но прежней удушающей жары я не ощущал. Была самая обычная, теплая летняя погода, какой она и должна быть в середине июля.

Скосив глаза вниз, я увидел, что лежу на одеяле, а сверху чья-то

заботливая рука укрыла меня еще одним.

Я попробовал пошевелить вначале одной рукой, затем другой, потом пришел черед дернуть ногами. Вроде живой.

— С пробуждением, — раздался надо мной голос, а затем в поле зрения появилась бородатая и улыбающаяся физиономия Дядьки. — Очнулся? Мы уж думали петь по тебе Прощение.

Я попытался сесть. Мне это удалось без всякого труда, значит, после сотворенного Вальдером волшебства я вновь пришел в норму. Я еще раз попробовал мысленно позвать архимага, променявшего Закрытую территорию на проживание в моей голове. Как всегда, безрезультатно. Архимаг то ли затаился и не хотел отвечать, то ли попросту пропал.

— Сколько я провалялся? — В тот день, когда на нас напали багровые летуны, был вечер, а сейчас, если за время моей отключки боги не успели поменять правила, было раннее утро.

— Немного, — подошел Алистан.

— Сколько немного? — не сдавался я.

— Чуть больше суток.

Не слабо.

— Как ты себя чувствуешь? — Миралисса пришла вместе с Кли-кли и положила мне руку на лоб.

— Да вроде я в порядке. Что произошло?

— Это мы у тебя должны спросить, — сказал Алистан. — Что произошло на обрыве, вор?

— Не знаю. — Я нахмурился. — Не помню.

— А ты постарайся, Гаррет. — Голос Маркауза приобрел вкрадчивость, он даже забыл назвать меня вором. — Это очень важно.

Сказать, что у меня в голове поселился умерший несколько сотен лет назад архимаг, — значит прослыть умалишенным или стать объектом интереса для всего Ордена. Но и ничего не сказать нельзя.

Весь отряд смотрел на меня с ожиданием.

— Вначале на нас летели эти твари, потом Кот что-то сделал, но это не помогло. Потом я увидел, как ко мне приближается одна из них, и что-то случилось.

— Что-то? — Миралисса удивленно приподняла бровь. — Ты и вправду не знаешь, что случилось?

— И вправду, — нисколько не покривив душой, сказал я.

Я действительно не знал, что сделал архимаг, чтобы убить летуна и отбросить меня с его дороги.

— Кто-то за сотую долю секунды сотворил атакующее заклятие такой

мощи, что я думала, у меня волосы вспыхнут! На такое способен, по крайней мере, очень опытный архимаг.

— Ну уж точно это сделал не я.

— Естественно, — холодно сказал Алистан. — Но нам интересно, кто? Я пожал плечами.

— А призраки? Кто, то есть что они были такое? — спросил Горлопан.

— Я же тебе уже говорил, — всплеснул руками Кли-кли. — Это призраки тех, чьи кости лежат на этой стороне оврага. Воины отряда Песых Ласточек вернулись в наш мир, когда почуяли творящееся шаманство.

— Может, ты и прав, Кли-кли. — Миралисса не спускала с меня задумчивого взгляда.

Думаю, она прекрасно знала, что я ей не все рассказываю, но давить на меня сейчас эльфийка не стала.

— То, что создали шаманы Неназываемого (если только это их работа, в чем я очень сомневаюсь — слишком уж сложна для них такая магия), могло разбудить души павших.

— А что с той тучей? — спросил я.

— Исчезла.

— А с Котом?

Все стали отводить взгляды.

— Он умер, Гаррет, — наконец ответил мне Дядька.

— Что случилось? — Я отчего-то все еще не мог поверить в смерть следопыта отряда.

— То существо, чем бы оно ни являлось, прошло сквозь него и убило. Не спрашивай меня, кто были эти твари и как одна из них смогла убить Кота. Я просто не знаю. — Миралисса покачала головой.

— Ты в состоянии сесть в седло, вор? — спросил Алистан, поднимаясь на ноги.

— Да.

— Вот и чудесно, мы и так потеряли один день, а нам нужно еще выбраться на тракт. Дядька, все готово?

— Все готово, — кивнул десятник Диких.

— Вставай, Гаррет, надо отправить Кота в последний путь.

Кота похоронили, когда я еще не пришел в себя. Он нашел свой последний приют под молодой рябинкой с серебристой корой, раскинувшей ветви над большим могильным камнем. На камне кто-то вывел: «Кот. Брат Диких Сердец.? — 1123 Э. С.».

— Прощай, брат, — сказал Дядька за всех.

— Спи спокойно. — Миралисса, шепча, провела над могилой рукой.

Кли-кли часто моргал, стараясь сдержать слезы. Арнх бессильно сжимал и разжимал кулаки. Делер и Халлас сейчас казались братьями — оба угрюмые и хмурые.

А затем Фонарщик затянул песнь-Прощение. Песнь, которую поют Дикие над могилами и телами своих братьев, не важно, пали они в бою или умерли от старости. Песнь странную и даже неподходящую для воинов. Ведь как воины могут прощать своих врагов?

Но этой песне было столько же лет, сколько Диким Сердцам и Одинокому Великану, и она звучала в такие далекие и седые столетия, что сейчас уже и неизвестно, кто и с чего стал ее петь, отправляя воинов в последний путь. И я, и Кли-кли, и Алистан, и Миралисса с эльфами слушали эту странную, нелепую для воинов, но в то же время горько-щемящую и завораживающую песнь, которую спустя один куплет подхватили все Дикие:

Мне лучше лежать,
Ведь все-таки я — мертвец,
И греет гнилью холодный склеп,
Ржавчиной пахнет доспех.
Снаружи веют другие ветра,
Не помнят они моих,
И мертвое знамя лежит на мне,
Словно без смеха — смех.
Улыбкой скалюсь — приди, мой враг!
Ты видишь, теперь я мертв,
Бояться нечего, былъ такова,
Что ты пережил нас всех.
Я был последним, кто шел за тобой,
Забыв про сладость сна,
Жизнь прошла мимо, любовь прошла...
Отметим же твой успех!
Умей прощать, говорили мне,
Иначе не жить — а ждать,
И месть — это, в общем-то, тоже грех.
Как пить? Как любить? Как лгать?!
Мой склеп надежен, словно тюрьма,
Кладке износа нет,
Дубовых столбов поминальный ряд

Держит гранитный верх.
Лет вереница, червей приплод.
Что лучше считать? Как знать...
Скрипнула дверь. Да чтоб я истлел!
Меня пришли поминать.
Камень рычит, в знамя — молотом свет,
Мой враг? Почему мне не встать?!
Не дрогнули плечи, и рук — как нет...
...На грудь мне легли цветы.
Прости, сказал он мне,
Прости и — спокойно спать!
Я — тот, кто сумел пережить вас всех,
Теперь я умею прощать.
Хорошо, мой враг, ответил я,
Хорошо, да — я буду спать.
Как одуряюще пахнут цветы...
Спасибо. Пора умирать.
Осколки чести и павшим знак,
И склепа могильный вздох,
Прогнили столбы, мой любимый враг!
Выдержишь тяжесть плиты?!
Нам лучше лежать,
Ведь все-таки мы — мертвецы,
И греет гнилью холодный склеп,
Ржавчиной пахнут цветы. [\[46\]](#)

Песня давно смолкла, и лишь стрекот кузнечиков нарушал тишину этого утра. Никто не произнес ни слова, боясь первым нарушить скорбное молчание.

Отряд потерял товарища. Но последнего ли? Неизвестно, кто или что ожидает нас впереди. Еще слишком многое мы должны преодолеть, чтобы добраться до лесов Заграбы, скрывающих могильники Храд Спайна.

— Все. — Голос у Дядьки был как наждачная бумага. — Пора.

— Удачной зимы, Кот.

Кли-кли отвернулся, стараясь скрыть слезы. На душе было горько. Наряду с болью утраты у людей закипал яростный гнев. Если бы те, кто сотворил ту тучу, сейчас находились рядом с нами, то, клянусь всеми богами Сиалы, их попросту разорвали бы на куски.

Почти весь день отряд проехал без разговоров. Прекратились ссоры Халласа и Делера, не было слышно вечных песенок и дудки Фонарщика, Кли-кли забыл про шутки и иногда шмыгал носом, глаза у него заметно покраснели. Сурок хмурился и небрежными движениями поглаживал Непобедимого, изваянием застывшего на плече воина.

Я ехал отдельно от всех, сразу позади Дядьки и Медка. Настроение было паршивое, и разговаривать ни с кем не хотелось. Лишь однажды мое уединение было нарушено подъехавшим Алистаном.

Он как-то незаметно возник справа от меня, и мы вместе проехали несколько лиг. Я не возражал против его молчаливой компании и даже немного удивился, когда он первым нарушил тишину:

— Ты знаешь, Гаррет, Кот лежит в хорошем месте.

— Да? — Это все, что я мог выдать, удивившись его словам.

— Рядом с могилой героев. Хорошее соседство.

— Для него — да, — помолчав, ответил я. — Но кто о нем вспомнит через десять лет? Могила в пустоши. Сюда доберется, дай бог, один пастух в десятилетие.

— Ты не прав, вор. Его будут помнить в отряде. — Дядька услышал наш разговор. — Возле склонов гор Отчаяния, недалеко от Одинокого Великана есть кладбище. Там покоятся все воины отряда, не важно, есть ли их тела в могилах или они навеки остались в снежной тундре. Кота будут помнить.

За весь оставшийся день мы больше не обмолвились ни словом.

Казалось, с пролившимся на землю дождем отступила эта невыносимая жара. Следующие дни мы путешествовали по пустоши при относительно теплой и очень приятной погоде. Луга с сочной зеленой травой и непроходимыми зарослями кустарника остались позади, и пустошь сменилась сосновым редколесьем.

Настроение в отряде постепенно восстанавливалось. Смерть Кота не забылась, просто насущные проблемы отодвинули ее на задний план.

То тут, то там стали возникать разговоры. Делер вновь поцапался с Халласом из-за того, что они никак не могли прийти к единому мнению, росли ли на полянке, где мы остановились прошлой ночью, ядовитые поганки или это были всего лишь грибы-бурышки. Фонарщик извлек из кармана дудку, наигрывая незамысловатую мелодию. Кли-кли, по доброте душевной, устроил Эллу утренний подъем при помощи шляпы Делера, в которую была налита вода. За этакое самоуправство гоблин чуть было не схлопотал на орехи от Эллы и Делера.

Несколько раз за время путешествия я ловил на себе задумчивый

взгляд Миралиссы, но она ничего у меня спрашивала, видно дожидаясь, когда мы останемся наедине, поэтому в последние дни я старательно избегал ее общества. Сам не знаю почему, но о Вальдере и его помощи я никому не хотел рассказывать.

День сменялся днем, и я уже думал, что никогда не увижу тракта, к которому все так стремились. На восьмой день нашего пути, когда июль уже давно перевалил за середину, Кли-кли издал вопль радости и ткнул пальцем на показавшуюся между деревьев дорогу. Мы наконец-то выбрались с Харьгановой пустоши на тракт.

В тот же день, ближе к вечеру, на совете отряда, стихийно вспыхнувшем возле горящего в ночи костра, было решено в Ранненг не заезжать.

Никто, кроме Горлопана, у которого в городе, как оказалось, жили дальние родственники, заезжать в Ранненг не стремился. Горлопан недовольно сопел, но возражать против решения большинства не стал.

— Где справедливость? Ответ — ее нет.

Вот и все, что он сказал по поводу нашего решения.

Но боги так распорядились, что нам суждено было оказаться в Ранненге. На следующее утро после нашего голосования у Халласа разболелся зуб. Уж не знаю, какая хворь напала на гнома — то ли он простудился под дождем, то ли просто сработал закон всемирного свинства, — но Халлас шипел от боли и ругался с Делером.

На предложение выбить гному больной зуб Фонарщик получил крайне злобный взгляд, обещающий ему все муки гномьих пыток. Оставался единственный выход — везти больного к цирюльнику. А ближайший цирюльник находился как раз в Ранненге.

Маркауз, скрежеща зубами от досады и проклиная весь упрямый гномий род, предпочитающий не носить плаща под дождем, но ходить с больными зубами, повел отряд к Ранненгу.

Чем сильнее болел зуб у Халласа, тем невыносимее становился его характер. За день до нашего приезда в город даже Делер плюнул на напарника и перестал с ним разговаривать. Халлас больным взглядом общаривал отряд в надежде с кем-нибудь поругаться, но все делали вид, что не замечают этих взглядов, и поэтому гном становился еще злее.

— Эк его раздуло, — тихонько сказал мне Кли-кли, косясь на шипящего от боли и держащегося за щеку Халласа.

— Цирюльник избавит его от мучений.

— Если Делер раньше не избавит его от головы, — хихикнул гoblin и тут же заработал злующий взгляд Халласа.

— У, как смотрит!

— А ты не обращай на него внимания, — хмыкнул я.

Халлас готов был убить всех, включая и себя, лишь бы прекратить зубную боль.

Тут только я заметил, что вертит в руках гоблин.

— Откуда это у тебя, Кли-кли? — спросил я, когда ко мне вернулась способность разговаривать.

— Ты о чем? — не понял шут, а затем проследил за моим взглядом и понимающе сказал: — А! Ты об этой безделушке? Ты просто не поверишь! Когда ты лежал в отключке, мы стали искать место для могилы Кота, да прибудет он в вечном свете. Так я отошел немного дальше всех и нашел его.

— Прямо так и нашел? Как гриб?

— Почему как гриб? — удивился Кли-кли. — Грибы они, Гаррет, как? Грибы под деревцами, березками там или осинками прячутся, а эта штучка лежала на камешке, покрытом мхом. На нем даже было что-то написано, но я ничего разобрать не смог.

— И ты взял? — спросил я.

— А почему нет? — Гоблин пожал плечами. — Сам же видишь, штучка хорошая, красивая. Чего же добру пропадать? Я ее продать смогу.

— Не продавай ее, Кли-кли, — вкрадчиво сказал я.

— Ты думаешь? — Кли-кли еще раз окинул находку любовным взглядом, а затем, застегнув цепочку на шее, спрятал амулет в виде серебристой капельки под плащ. — Вот и Миралисса мне сказала то же самое. Вы сговорились, что ли?

— Да нет, просто поверь мне. Может, он спасет когда-нибудь нам жизни.

Кли-кли серьезно посмотрел на меня.

— Ты полон загадок, Танцующий в тенях.

— Все мы полны загадок и тайн, Кли-кли. И я, и Миралисса, и ты. Ведь так?

— Ага! Значит, ты уже не возражаешь, что я тебя называю Танцующим в тенях?

— А мои возражения что-то значат? Тебя не переучишь, Кли-кли. Называй меня как хочешь, я теперь в любом случае всеми силами попытаюсь добыть Рог.

— Ну вот и еще одно из пророчеств шамана Тре-тре сбылось, — торжественно сказал гоблин. — Танцующий в тенях принял новое имя и решил идти до конца.

— Ты опять со своей дурацкой книжонкой! — вспыхнул я. — А если не я, а кто-нибудь другой примет имя Танцующий в тенях? То пророчество тоже можно считать, что сбылось?

— Не-а.

— Это почему?

— Ты мне найди идиота, что согласится, чтобы его называли таким дурацким именем, — ехидно сказал Кли-кли.

Эх, жаль, маленький стервец увернулся от моих рук!

Ранним утром двадцать восьмого июля, когда Дикие уже сговорились скрутить Халласа и общими усилиями вырвать зуб у неугомонного гнома, из утренней дымки перед нами выросли стены города.

Отряд прибыл в Ранненг.

Июль 2001 — апрель 2002 г.

<i>Некоторые другие издания:</i>

Издательство «Альфа-книга», 2004 год

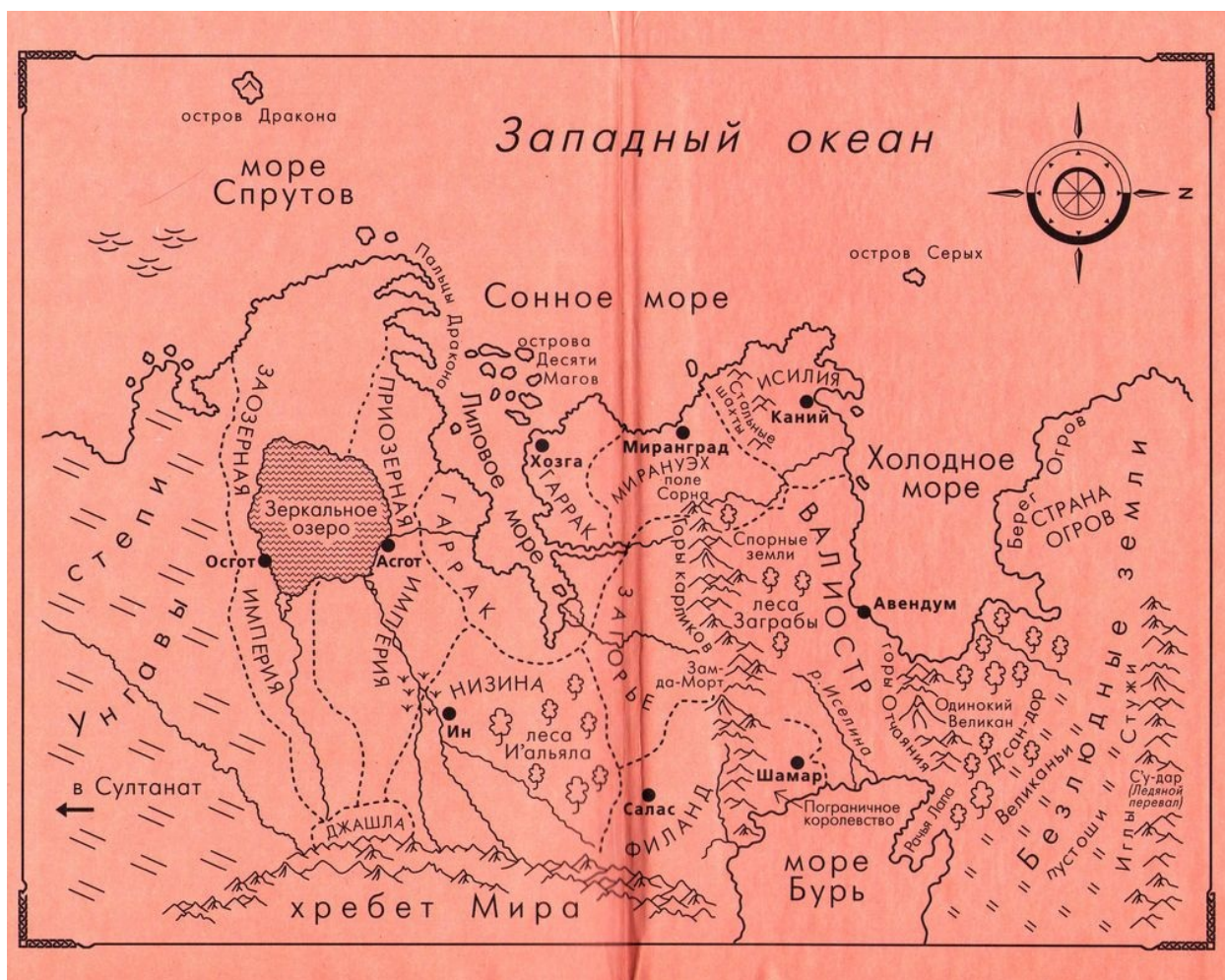
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

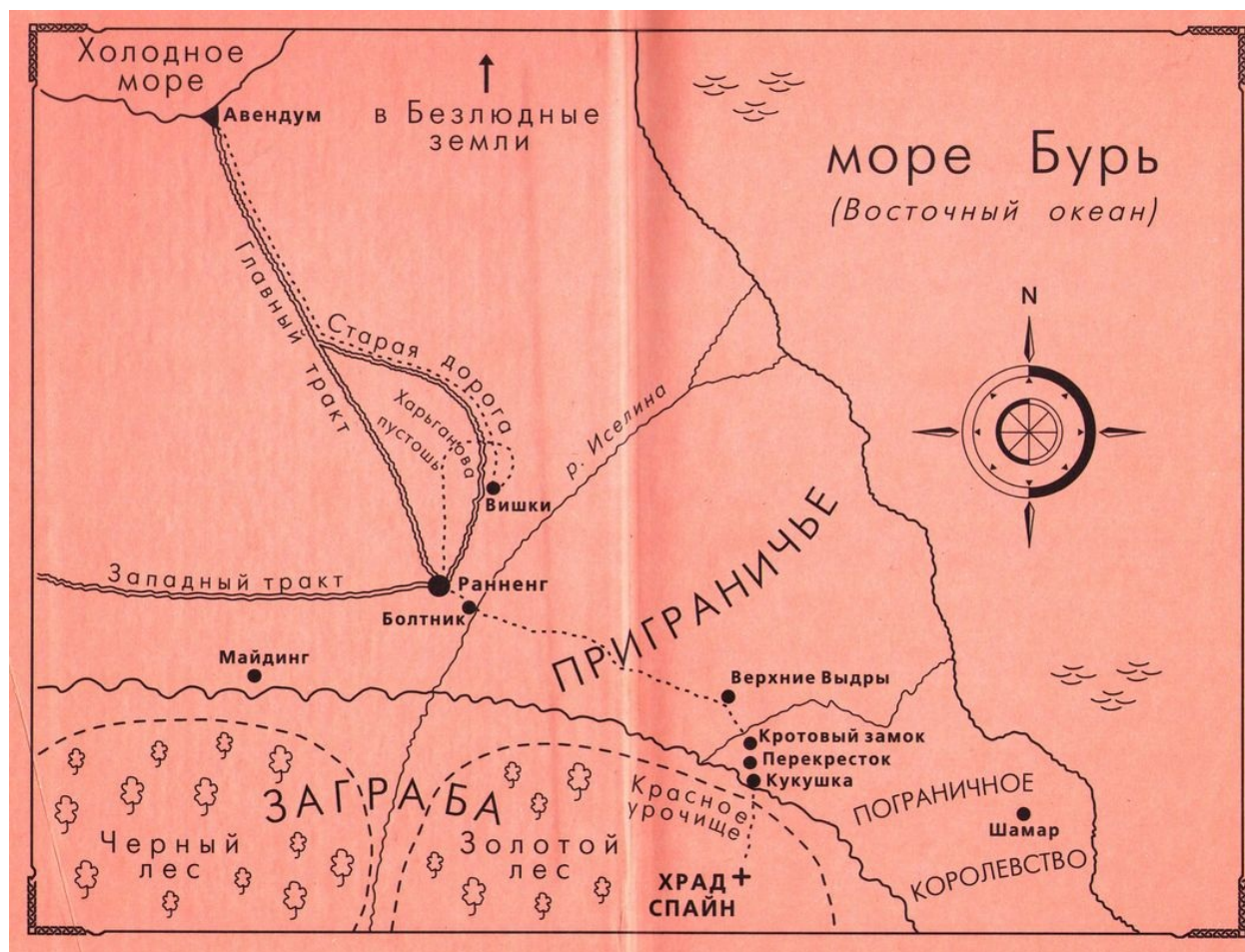
Алексей ПЕХОВ

КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Издательство «Альфа-книга», 2005 год (март)

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Хроники Сиалы

Трилогия
в одном
томе

- Крадущийся в тени •
- Джанга с тенями •
- Вьюга теней •

Издательство «Альфа-книга», 2011 год (февраль)

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ

Хроники Сиалы

Глоссарий

Авендум — столица королевства Валиостр, самого северного королевства Сиалы. Крупнейший и самый богатый город Северных земель.

Анналы Кроны — наиболее подробная и самая древняя историческая хроника, которую эльфы ведут с того момента, как они появились в мире Сиалы.

Бездушные егеря — части армии Валиостра, в мирное время выполняющие функции милиции. Используются в боевых действиях, участвуют в подавлении бунтов, заговоров. Вылавливают и уничтожают опасные банды и преступников.

Безлюдные земли — леса, тундры и ледяные поля, заселенные различными существами. Некоторые из них пытаются проникнуть в северные земли Сиалы, и лишь неприступные горы Отчаяния, Одинокый Великан и Дикие Сердца сдерживают их вторжение в мир людей. Огры, великаны, свены, х'варры, зимние орки и десятки других рас и существ населяют эти огромные северные территории. Тут тоже живут люди, дикари и варвары, подчинившиеся Неназываемому. В Безлюдных землях на полуострове Рачья Лапа существует единственное людское государство — Рачье герцогство.

Далеко на севере Безлюдных земель, за Иглами Стужи, находится жилище Неназываемого, о котором благоговейным шепотом рассказывают плененные разведчиками Диких Сердец дикари.

«Бобровые шапки», или **«бобры»** — воины Валиостра, вооруженные тяжелыми двуручными мечами. Каждый воин носит звание «мастер длинного меча» и свой отличительный знак от других подразделений — бобровую шапку. «Бобровых шапок» используют в качестве ударного резерва для спасения боя в той или иной ситуации. Также во время сражений «бобры» удостоиваются чести нести охрану знамени и короля, заменяя Королевскую гвардию.

Вампир — существо-легенда. До сих пор неизвестно, есть ли оно или это всего лишь сказки пьяных крестьян. По легенде, вампирами могут становиться только люди и темные эльфы. Вампирам приписывают волшебные свойства, такие, например, как превращение в летучую мышь или в туман. Орден магов ставит существование вампиров под сомнение.

Вастарская сделка, Вастар — король Гаррака, который в 223 г. Э. С. заключил союз с драконом, чтобы тот помог ему напасть на соседние

королевства. Ничего из этого у короля не получилось, дракон не стал вступать в бой с людьми, и армия Вастара была разгромлена.

Великаны — одна из рас, обитающих в Безлюдных землях. Огромные, в три человеческих роста, свирепые существа с синей кожей.

Война Весны — война, начавшаяся в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.). С одной стороны в ней участвовали люди и темные эльфы, с другой орки Заграбы.

Волшебство — волшебники людей и светлых эльфов владеют высшей магией, основанной на ранней магии или шаманстве орков и темных эльфов.

Выработка Ола — старые каменоломни недалеко от Авендума. В них добывали камни для строительства знаменитых стен Авендума.

Гаррак — королевство на юге Северных земель Сиалы.

Гарринч (гном.; букв. *Хранитель сундуков*) — существо, обитающее в степях Унгавы. Выдрессированный гарринч — великолепный сторож для сокровищниц.

Гвардия короля Валиостра — личная гвардия короля. В нее набирают только дворян. Гвардейцы носят цвета короля — серый и синий. Командует гвардией Капитан.

Гномы — как и их более крупные братья, карлики, появились в мире Сиалы сразу же за орками и эльфами. Поселившись в Горах карликов, гномы и карлики углубились в недра гор.

Гномы — малорослые бородатые существа со сварливым характером. В Горах карликов они существовали на правах младших братьев. Гномы — неважные ремесленники, и у них никогда не получалось сделать такую же красивую и искусную вещь, как у карликов. Гномы великолепно работают со сталью, добывают руду и другие богатства земли. Они хорошие строители и землекопы.

Спустя несколько тысячелетий жизни в Горах карликов гномы ушли из старого дома, навсегда рассорившись с родственниками-карликами.

Гномье племя нашло себе новое пристанище в Стальных шахтах Исилии. За проживание в шахтах они платят королевству ежегодную дань — Литу, а также поставляют сталь. Гномы изобрели печатный станок, затем им стал известен секрет изготовления пороха.

Карлики говорят, что гномы украли его у их соотечественника, возвращавшегося из-за Хребта мира. Разгоревшаяся между бывшими родственниками битва на поле Сорна (1100 г. Э. С.) закончилась вничью. Стороны понесли огромные потери и разошлись по домам.

Гномы тщательно скрывают секрет изготовления пороха и продают

пушки.

Гномы не имеют своей магии, их последний маг погиб на поле Сорна, а книги гномов спрятаны глубоко в Горах карликов в надежном тайнике, до которого невозможно добраться из-за вражды с карликами.

Гоблины — маленькие существа в самой глубине лесов Заграбы. Шаманство гоблинов считается самым мощным после шаманства огров, но оно практически не имеет атакующих заклинаний.

Горы карликов — огромная горная цепь, высотой с которой может сравниться только Хребет мира, протянувшаяся через Северные земли с востока на запад, разделяя их на две части. Зам-да-Морт, или Замок смерти, — самая высокая и величественная гора.

Горы Отчаяния — низкие, но неприступные скалы, разделяющие Валиостр и Безлюдные земли. В них только один перевал, на котором расположен Одинокый Великан.

Грок — 1) легендарный полководец Валиостра, сдержавший армию орков у Авендума в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.) до прихода на подмогу темных эльфов. На одной из центральных площадей города ему стоит памятник; 2) младший брат-близнец полководца Грока, носивший то же имя. Маг, получивший имя Неназываемый.

Гхолы — трупоеды-падальщики. Пропитание добывают на полях битв или на старых кладбищах.

Джанга — быстрый ритмичный танец, очень популярен в Загорье.

Джашла — королевство горцев возле Хребта мира.

Дикие Сердца — отряд воинов, несущих службу у Одинокого Великана.

Долгая зима — так эльфы называли отрезок времени в сто сорок лет с 501 по 640 г. Э. С. Долгая зима произошла после нелепой гибели эльфийского принца дома Черной розы в Авендуме во время городских празднеств. Закончилась в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.), во время Войны Весны, когда эльфы пришли на помощь Гроку и его людям в битве с армией орков. В подтверждение окончания Долгой зимы Гроку был подарен Рог Радуги.

Доралисцы — раса козлолюдей, обитающая в степях Унгавы.

Дракон Гаррака — гвардия короля Гаррака.

Д'сан-дор (орк.) или **Дремлющий лес** — лес, находящийся в Безлюдных землях близ отрогов гор Отчаяния.

Загорье, или **Вольные земли** — земли у южных отрогов Гор карликов. Туда бегут все, кто недоволен властью или законами королевства. Крестьяне, младшие сыновья, опальные дворяне, авантюристы и

преступники. Для таких людей в Загорье всегда найдется земля и работа.

Заказ — договор, который заключают между собой мастер-вор и клиент. Вор обязуется доставить нужную вещь, а в случае неудачи вернуть задаток и процент от общей суммы сделки. Клиент обязуется заплатить после получения интересующего его предмета. Аннулировать Заказ можно только с обоюдного согласия обеих сторон.

Закрытая территория (Запретная территория) — район Авендума, возникший в результате попытки с помощью Рога Радуги нейтрализовать Кронк-а-Мор — магию, оживившую Неназываемого (872 г. Э. С.). Закрытая территория обнесена волшебной стеной, и почти никто не решается туда проникнуть. Говорят, что там обитает зло.

Зам-да-Морт (гном.), или Замок Смерти — самая высокая и величественная вершина Гор карликов.

Звено Борга — названо по имени полководца древности, создавшего построение Цепь, где каждый воин (звено) являлся незаменимым во время отражения нападения.

Зеленый лист — одна из самых страшных пыток темных эльфов, которую они применяют лишь к оркам. О ней практически ничего не известно, лишь слухи, в которых говорится о нечеловеческих муках пытаемого. Пытка может продолжаться годами и без перерыва.

И'альяла — леса Северных земель Сиалы возле Хребта мира. В них переселились светлые эльфы из лесов Заграбы после раскола эльфийских домов.

Иглы Стужи — ледяные горы далеко в Безлюдных землях.

Империя — страна, располагающаяся между Загорьем и степями Унгавы. После рождения в императорской семье двух сыновей-близнецов Империя распалась на два государства — Приозерную и Заозерную империи. Эти два королевства постоянно воюют друг с другом за право объединения под властью одной из династий, ведущих свою родословную от двух братьев-близнецов.

Имперские собаки — порода сторожевых собак, выведенная в Империи.

Ирилла (орк.), или Туманный паук — порождение шаманства огров. До сих пор точно неизвестно, что это такое — нематериальная субстанция или живое существо.

Иселина (орк.), или Черная река — начинается в Горах карликов, протекает насквозь через восточную часть лесов Заграбы, пересекает Валиостр, разделяется на правый и левый рукава и впадает в Восточный океан.

Исилия — королевство, граничащее с Валиостром и Мирануэхом.

Канийская ковка — оружие, изготовленное из стали, добытой в Стальных шахтах Исилии. Сталь обрабатывают в знаменитых кузнях столицы королевства Кании. После специальной обработки иковки она приобретает рубиновый цвет и специфическое свойство — встречаясь со сталью другого вида, издавать мелодичный звон колокольчиков либо яростный визг, поэтому сталь канийскойковки еще называют Поющей, Визжащей сталью или Рубиновой кровью.

Карлики — низкорослая раса, живущая в Горах карликов. Они ничем не похожи на своих братьев — гномов. Сильные руки с толстыми пальцами творят изумительные вещи, которые ценятся во всех уголках Сиалы. Не важно, что это — оружие, инструменты или произведения искусства.

К'лиссанг (орк.) — буквально Хранящий Верность. Эльф, давший родовую клятву и поступивший телохранителем к эльфу более знатного рода сроком на девять лет. Если Хранящий Верность погибает за время своей службы, вся его семья переходит в род эльфа, которого охранял к'лиссанг.

Королевские песочники — тайная полиция короля, защищающая интересы государства и самодержца. Названы так за свою эмблему — песочные часы.

Кронк-а-Мор — шаманство огров.

Лабиринт — древнее сооружение орков, располагается в лесах Заграбы. В лабиринт орки запускают пленников и делают ставки, кто из несчастных дольше проживет.

Леса Заграбы — занимают огромную территорию. Местами прекрасные, местами страшные и опасные вечнозеленые леса скрывают множество загадок и таинственных существ. В лесах Заграбы живут темные эльфы, орки, гоблины.

Леса И'альяла — леса возле отрогов Хребта мира. В них живут светлые эльфы.

Мастер длинного меча — звание, которое получал воин, в совершенстве владеющий тремя техниками работы с двуручным мечом (классический хват, хват за один из клыков, посоховый хват). На рукояти меча такого воина имелось золотое тиснение в виде дубового листа.

Мирануэх — королевство, граничащее с Гарраком, Исилией и Валиостром. Постоянно воюет с Валиостром из-за Спорных земель.

Молельня Рук — собрание верховных жрецов Сагота.

Неназываемый — имя мага Валиостра, которое ему дали после предательства в последний год Тихих времен (640 г. Э. С).

Низина — королевство возле лесов И'альяла.

Обур — гигантский медведь из лесов Заграбы.

Огры — раса из Безлюдных земель. Единственная старая раса Сиалы, оставшаяся в этом мире. С самого начала огры получили очень сильную и разрушительную магию — Кронк-а-Мор. Считается, что они дальние родственники орков и эльфов. Эльфы говорят, что разум огров забрали боги; если бы они остались такими же умными, как раньше, то захватили бы и уничтожили весь мир Сиалы.

Орден магов — имеется в каждом королевстве. Только Загорье и Джашла не имеют такого Ордена. Во главе каждого Ордена стоит архимаг. Над архимагами — магистр.

Орден Серых — орден воинов — хранителей равновесия мира. Орден находится на острове Серых, далеко в Холодном море. Серые — великолепные и непобедимые воины, которые уходят со своего острова, когда мир кренится в темную или светлую сторону.

Орки — первая новая раса Сиалы. Эльфов считают своими кровными врагами, хотя те являются их прямыми родственниками. Орки говорят, что они Первые и должны править всем миром, а все остальные расы — это досадная ошибка богов. Кроме лесов Заграбы, орки обитают в Безлюдных землях.

Пограничное королевство, или Пограничье — королевство рядом с северными отрогами Гор карликов и лесами Заграбы.

Поле Сорна — поле, на котором произошла уже ставшая легендарной битва (1100 г. Э. С.) между гномами и карликами. Пушки и боевые мотыги встретились с секирами и мечами. Победителей на поле Сорна не было. В этой битве погибли все маги гномов.

Пурпурные годы — промежуток времени, во время которого карлики с гномами вели ряд жестоких войн друг с другом, итогом которых был исход гномов из Гор карликов.

Рачье герцогство — единственное государство на территории Безлюдных земель.

Рог Радуги — легендарный артефакт, созданный ограми в противовес собственной магии — Кронк-а-Мору, если она выйдет из подчинения. Рог был захвачен темными эльфами, а впоследствии они передали его людям (Гроку) как подтверждение добрых намерений и заключение вечного союза между темными эльфами и Валиостром. Каждые двести-триста лет Рог нужно насыщать магией, чтобы он не потерял своих свойств. После появления Закрытой территории Рог был похоронен вместе с Гроком в Храд Спайне. Его магия сдерживает Неназываемого в Безлюдных землях.

Рука — военный вождь орков.

Рыночная площадь — площадь Внешнего города, где постоянно проходят театрализованные представления.

Сагот — один из двенадцати богов мира Сиалы. Покровитель воров, мошенников и плутов.

Сагра — одна из двенадцати богов мира Сиалы. Богиня войны, справедливости и смерти. Покровительница воинов.

Свены, или **Поющие существа** — существа из Безлюдных земель, похожие на лохматые летающие шары, которые появляются на просторах Безлюдных земель в самые лютые морозы. Поют Песнь, убивая все живое.

Серые камни — самая надежная и страшная тюрьма-крепость Валиостра, из которой за все время существования ни разу не было совершено побега.

Сиала — мир, в котором происходят события книги.

Сильна — богиня любви, красоты и природы.

Спорные земли — земли между Мирануэхом и Валиостром, возле лесов Заграбы.

Стальные шахты — горы и рудники в Исилии, где добывают лучшую сталь Северных земель. Здесь живет раса гномов.

Степи Унгавы — степи на самом юге Северных земель.

С'у-дар (*огр.*), или **Ледяной перевал** — единственный путь из Безлюдных земель в цитадель Неназываемого, проходящий через Иглы Стужи.

Султанат — государство, расположенное далеко за степями Унгавы.

Тихие времена — отрезок с 423 по 640 г. Э. С., во время которого Валиостр не вел ни одной войны. Это времена благоденствия и расцвета королевства. Они закончились, когда огромная армия орков из лесов Заграбы вторглась в Валиостр.

Треш (*орк.*) — вежливое обращение у эльфов к эльфу знатного рода. Иногда его используют другие расы во время разговора с высокородными эльфами.

Филанд — королевство возле южных отрогов Гор карликов.

Хребет мира — цепь самых высоких гор Сиалы. Проходит с севера на юг почти через весь континент. Хребет труднопроходим, за ним располагаются почти неизведанные земли.

Х'варры, или **Снежные падальщики** — обитают в Безлюдных землях.

Холодное море — северное море Западного океана, омывающее берега Валиостра и Безлюдных земель.

Храд Спайн (*огр.*), или **Костяные дворцы** — огромные подземные катакомбы и дворцы, где огры, орки, а затем люди и эльфы хоронили павших воинов.

Х’сан’кор (*орк.*), или **Ужасная флейта** — чудовище-людоед, обитающее в лесах Заграбы.

Шаманство — изначальная магия Сиалы. Первыми ее стали использовать огры, затем орки, темные эльфы, гоблины. Именно от шаманства произошла магия людей и светлых эльфов.

Эльфы — вторая молодая раса Сиалы, появившаяся почти сразу за своими родственниками — орками. Через несколько тысячелетий жизни в лесах Заграбы у эльфов произошло разделение на светлых и темных.

Светлые эльфы не удовлетворились тем, что давало им шаманство. Они принялись изучать волшебство, используя как основу магию людей.

Темные эльфы в отличие от Светлых, предавших память предков, продолжают использовать изначальную магию этой расы — шаманство.

Имена всех женщин у темных начинаются на «м», мужчин — на «э». Если эльф является выходцем из правящей семьи Темного дома, то к имени прибавляется окончание «-сса».

Э. С. — эпоха Снов. Последняя эпоха Сиалы (1123 г. События книги происходят в последний год Э. С. До этого времени были: эпоха Свершений (эпоха, во время которой на Сиале появились люди, — около 7000 лет назад); Седая эпоха (эпоха, отсчет которой пошел, когда на Сиале появились орки и эльфы); Темная эпоха (неизвестно, кто кроме огров существовал в те далекие времена на Сиале и что тогда происходило).

Языки Сиалы — существуют три группы языков на Сиале. Первая группа — орочий. На нем общаются орки и эльфы. Вторая группа — гномий, на нем разговаривают гномы и карлики. Третья группа — человеческий, или всеобщий. Также существуют другие языки и диалекты. Например, язык огров или гоблинов.

Примечания

1

Безлюдные земли — огромные территории к северу от Валиостра.

Орден магов — в нем состоят все маги королевства. В каждом Ордене совет девяти архимагов. Главой ордена является магистр.

Одинокий Великан — мощная неприступная крепость, находящаяся на единственном перевале гор Отчаяния, перекрывающая дорогу из Безлюдных земель в Валиостр и обороняющая северную границу Валиостра от существ из Безлюдных земель.

«Крон» присоединялось к титулу, если человек состоял в родстве с королевской династией.

Лошади доралисской породы. Выведены в степях Унгавы и ценятся по всем Северным землям за красоту, стремительность и неугомонность.

Исилийский мрамор добывают на южных отрогах Стальных шахт. Во время хождения по такому камню рождается оглушительное эхо. В основном используется либо против воров, либо чтобы к владельцу не подкрались убийцы, либо ради красоты, хотя и приходится терпеть неприятные звуки.

В Ордене существует четкое разделение по рангам. Маг Ордена — одна полоска, Стихийный маг (овладевший несколькими спецификациями-школами) две полоски, маг, допускающийся в совет, — три полоски, архимаг — четыре полоски, магистр — четыре полоски, а на вершине посоха маленькая черная птичка ворон.

Миранград — столица Мирануэха, королевства, расположенного по соседству с Валиостром.

Батарный меч — разновидность полуторного меча. Этот меч можно удерживать как одной, так и двумя руками.

Мотыжники — так иногда называют гномов. Излюбленное оружие гномов, так называемая боевая мотыга. Оружие включает в себя чекан, боевой молот и топор одновременно.

«Невинен, как Джок-принесший-зиму» — поговорка. Джок Имарго — человек, которого обвинили в убийстве принца дома Черной розы. Был отдан эльфам и казнен ими. После этого темные эльфийские дома Заграбы с 501 по 640 г. Э. С. не поддерживали отношений с Валиостром. Впоследствии выяснилось, что Джок был невиновен.

Конюшня Старка — один из районов Портового города.

Штольни Ола — каменоломни в шести днях пути от Авендума. Название получили по имени их первого владельца. Здесь добывали камни для легендарных стен города. Ныне Штольни Ола заброшены.

Низинские мастера — мастера из Низины. Славятся на всю Сиалу изготовлением посуды из особого сиреневого фарфора.

Больница Десяти мучеников — городская больница Авендума, созданная по приказу Грока на том самом месте, где прорвавшийся через оборону людской армии отряд орков остановили десять воинов из гарнизона Авендума (640 г Э С.).

Река Хрустальной Мечты — узенькая речушка в Авендуме, проходящая через Портовый город и впадающая в Холодное море.

Пирсы — район Портового города, вплотную примыкающий к Холодному морю.

Рачьи сани. Казненных людей в Рачьем герцогстве перевозили к могилам на санях. Отсюда это название. Пришли рачьи сани, то есть пришла смерть.

Стихи Павла Костина. — *Примеч. автора*

Низинский хват. В Северных землях Сиалы существует две крупные школы фехтования на ножах — Низинская и Гарракская. Низинский хват ножа обратный, рукоять смотрит вверх, клинок вниз.

Рачья хватка (*разг.*) — то есть невозможно освободиться. Пошло от фразы, что у людей с рачьей лапой рачья хватка и, попав к ним в плен, живым уже не выбраться.

Все равно что искать курящего карлика. — Карлики не курят и относятся к курящим с должной толикой презрения, так как первыми курить стали гномы. Кроме гномов, к курению пристрастились люди.

Травка-красавка — наркотик, получаемый из Пурпурного флага, растения, цветущего на отрогах Хребта мира.

По поверью, грешники, которые много плюются, после смерти обречены лизать раскаленную сковородку.

Кошачьи усы — усы в виде трех тоненьких полосок над верхней губой, очень похожи на кошачьи усы, отсюда такое название. Мода на них пришла из Финляндии.

Делер (*гном.*) — буквально «ОГОНЬ».

Халлас (*гном.*) — счастливчик судьбы (игра слов: хала — счастливчик, лас — судьба).

«Брат» и «сестра» — название двух клинков особой школы фехтования, распространенной в Гарраке, обычно только среди знати. Во время боя оружие находится на разных вертикальных уровнях друг от друга. «Братом», узким обоюдоострым клинком, находящимся в правой руке на уровне живота, как рубят, так и колют. «Сестрой», более коротким клинком, не имеющим режущей кромки, наносят только колющие удары. «Сестра» располагается в левой руке. Рука поднята вверх и согнута в локте. Это оружие носят либо за спиной, либо в одних сдвоенных ножнах.

Линг — маленький зверек, живущий в тундре Безлюдных земель. Очень похож на лохматую крысу, но с куда большими зубами и когтями.

Арнх (орк.) — буквально «шрам».

Биргризен (*гном.*) — игра слов Вир — руки, гризен — меч. Буквально двуручный меч. Огромный меч, лезвие которого может быть до полутора ярдов, с массивной рукоятью, тяжелым, обычно круглым противовесом и широкой крестовиной. Иногда возле крестовины оружейники добавляли массивные клыки-отроги для остановки продвижения клинка противника вскользь.

«Веселые висельники» — солдаты, набираемые в армию из бывших каторжников, преступников и пиратов. При вступлении в ряды армии Валиостра им прощаются все бывшие прегрешения. Выполняют функции морской пехоты.

Шипы — воины, входящие в этот отряд, занимаются разведкой и рейдами в глубь территории Диких земель. О Шипах ходит слава отчаянных рубак и сорвиголов.

«Стальные лбы» — тяжелая пехота Диких.

Склот (*гном.*), или штопор — тяжелый военный арбалет, предназначен для пробивания тяжелых доспехов воинов, идущих в передних рядах.

Огр-шач (*орк.*), или огролом — оружие, внешне напоминающее тяжелый цеп. Та часть, которой наносится удар, имеет грушевидную форму, и на ней находятся шипы.

С'каш (*орк.*), или крюк — ятаганообразный клинок, но, в отличие от ятаганов орков, имеет заточку на внутренней, вогнутой стороне.

Лэнс — стандартное длинное копье рыцарей, обычно используемое как во время турниров, так и во время сражений.

Панцирькол — оружие в виде длинной четырехгранной иглы для пробивания доспехов всадника. Обычно использовался один раз за бой. Панцирькол старались направить между сочленениями доспеха.

Стихи Анатолия Меллера-младшего. — *Примеч. автора.*

Медный губитель — эльфийское название чумы-медянки.

Кости земли — каменный уголь.

Шамар — столица Пограничного королевства.

Играющие с ветром — так в армии называли опытных лучников, не важно, к какому отряду они принадлежали. Играющие, несмотря на сильный ветер, мешающий полету стрелы, почти всегда попадали в цель.

Стихи Михаила Федорова. — *Примеч. автора.*

Стихи Вячеслава Доронина. — *Примеч. автора.*